

ФАНТАСТИКА

2003

выпуск 1

ВЕЛ
МУНУЭЛЬ

ЕГ
ИВОВ

ОНИД
ГАНОВ

ЕКСЕЙ
ЛУГИН

ДИМИТРИЙ
ИХАЙЛОВ

АТЕРИНА
КРАСОВА

ЕКСАНДР
ОРИН

РУГИЕ...

ФАНТАСТИКА 2003

выпуск 1

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

ФАНТАСТИКА

2003

ВЫПУСК 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ас*** • ЕРМАК

МОСКВА 2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 21.04.2003. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 40,32. Доп. тираж 20000 экз. Заказ № 986.

**Фантастика 2003. Вып. 1: Повести, рассказы. — М.: ООО
Ф22 «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 765, [3] с. —
(Звездный лабиринт).**

ISBN 5-17-018649-5

Перед вами очередной выпуск альманаха «Фантастика».

Два десятка повестей и рассказов, в которых представлены все направления жанра.

Патриарх отечественной фантастики Владимир Михайлов и лидеры новой волны Олег Дивов и Леонид Каганов.

Новички — Ярослав Смирнов, Галина Полынская, Игорь Борисенко и признанные мастера Павел Амнуэль, Александр Тюрин, Юлий Буркин.

Фантастика приключенческая и юмористическая, научная и ненаучная абсолютно...

А также критические статьи и библиография всей отечественной фантастики, вышедшей в 2002 году.

Читайте!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ПОВЕСТИ

Виталий Каплан и ВЗОШЛИ СОРНЯКИ

1. С корабля на бал

Если уж с утра не заладится — значит, и дальше добра не жди. Начать с того, что меня решили изнасиловать в лифте. Раньше со мной такого не случалось.

Выскочила я в булочную, у нас напротив подъезда, взяла «рижского» — и нате вам. Он зашел со мной в лифт, этакая дылда, метра под два, и морда шифером. Одет, однако же, был прилично, без всяческих молодежных фенечек. Да и на вид весьма за тридцать. Не из нашего дома товарищ, не имела несчастья раньше его наблюдать.

Нажала свой девятый, этот молча в двенадцатый тыкнул, поехали. Молчим. А потом он вдруг разом несколько кнопок давит, кабина дергается — и замирает между небом и землей. Вернее, между крышей и подвалом.

Незнакомый товарищ ко мне оборачивается, и глаза его мне активно не нравятся. Напоминают сверла по металлу.

— Ну, раздевайся, — говорит. Просто так, незатейливо. Будто червонец до послезавтра просит.

— Это вы кому, молодой человек? — интересуюсь. Спокойно интересуюсь, без нервов. Хотя внутри что-то все же свирисит и произрастает. Ну ладно я, а кабы простая пенсионерка?

— Вас тут что, много? — Он, похоже, удивился. Никак воплей ждал? Но вытаскивает нож, длинная такая вещица, узкая, явно ручной работы. Резьбой, видно, увлекается.

— Юноша, — говорю, — зря вы это. Ведь нехорошо кончится, зуб даю. Во-первых, безнравственно. Любовь, понимаете ли, не три рубля, из кошелька не вынешь. И потом, я уже не в том возрасте, удовольствие, уверяю, получите ниже среднего.

Он лишь ухмыляется, в серых глазах бесенята пляшут, а щеки свекольными пятнами пошли. Дышит жарко, ручки ко мне тянет, правой за шею ухватил. Пальцы длинные, потные, под ногтями грязи — хоть укроп сажай.

— А ведь предупреждала, — сказала я и вошла в Сеть.

Мир, как всегда, подернулся какой-то серой пленкой, поплыли перед глазами радужные пятна, словно бензиновые разводы в луже. Сразу остановились секунды, замерли тени, и влилась в меня холодная пустота с легким мятным привкусом. Там, в бесцветном мареве, змейками струились каналы, прихотливо соединялись, разбегались, образуя затейливый рисунок.

Не было тут ничего сложного, я сперва выплеснула свой код — облизала зеленоватым лучиком пустоту. Потом, уловив языком сладкий вкус допуска, вызвала карту. Конечно, карта — это субъективно. Кто-нибудь помоложе вообразил бы компьютерное окошко, список, мышиный остренький курсор. Но я человек старой формации, я просто пролистала несколько страничек и поняла, куда направить запрос и на кого. Тут вариантов было много, ресурс популярный. Сгодился бы и Алик, и младший Исаев, но я потянулась сразу к тому, кто со словом «сразу» рифмуется. К Спецназу нашему я потянулась, к Николаю Юрьевичу, отставному подполковнику. Крайне положительный мужчина. Ценю.

Соприкоснулись мы без труда, с едва заметным журчанием потекла в мою сторону синеватая субстанция, и все, что мне оставалось, — это ввести слово активации. Дальше участие разума не требовалось, тело, впитав чужие рефлексy и подстроив их под свою соматику, работало само.

Для начала я, резко выбросив вперед ногу, впечатала ему носком туфли под коленную чашечку. Вроде и просто, а буйвола уложишь — если, конечно, правильно попасть.

Буйвол и взвыл, теряя наглость и вожделение. Однако оттаптываться на полдороги — не мой метод. И вообще суровое телесное наказание в некоторых случаях бывает весьма полезным.

Слегка подпрыгнув, ребрами обеих ладоней симметрично рубанула по его шее и тут же, довершая процедуру

ру, локтем врезала согнувшемуся насильнику по затылку. Не абы куда врезала, а куда положено.

Немудрено, что заточка выпала из разжавшихся пальцев и глухо звякнула об пол, и секунду спустя на тот же давно немый линолеум приземлилась обработанная мною туша. Вернее, не мною — нами с Николаем Юрьевичем. Это приятно, когда твои знания, умения и навыки востребованы обществом. Пускай и таким маленьким, узким. Зато дружеским.

Разобравшись с любителем извращенного секса, я принялась за лифт. Вызывать лифтера решительно не стоило, потом ведь милиция, «скорая», и объясняйся, как это ты, шестидесятилетняя библиотечка, сумела оприходовать такого буйвола. Совершенно не нужный мне поворот сюжета.

К счастью, все оказалось довольно просто. Комбинация кнопок «стоп» и «первый этаж» привела к тому, что медленно поехавшая куда-то кабина раскрыла свои челюсти на пятом.

Лифт явно исправился, но на всякий пожарный я побрела к себе на девятый по лестнице. И лишь открыв дверь квартиры, спохватилась — пакет-то с хлебом там остался, рядом с извращенцем. Очуается — покушает.

Ладно, не хлебом единым. Отварю-ка я макарон.

Так я думала.

И заблуждалась.

Надрывно, словно раненый ежик, запищал телефон.

— Такие, выходит, дела, Ольга Николаевна, — в десятый раз вздохнул Доктор, намазывая мне маслом бутерброд. Удивительно, как эти руки, выполняющие сложнейшие операции на человеческих внутренностях, едва справляются с простейшими кулинарными вещами? Я отобрала у него нож и батон, сделала пяток изящных бутербродов. Намечался приход Спецназа, а тот ненормально много ест. Причем сам худой, точно катет прямоугольного треугольника... или как недавний насильник в лифте...

Доктор, к слову сказать, почти не обратил внимания на мой рассказ. Его угнетали вещи пострашнее. Потому-то он и вызвонил меня, и вытянул сюда, в квартиру на Якиманке. Люблю старые дома и такие вот квартиры, еще не полностью утратившие ауру интеллигентности. Доктора тоже люблю, платонически, разумеется. Люблю и сочувствую его супруге Полине. Такой неприспособленный к реальности мужчина...

Он, однако, не спешил мне все поведать — ждал, когда подтянутся Спецназ и Сисадмин. Этакое наше доморощенное «политбюро». При особе драгоценнейшего Босса. Хотя особа-то как раз и подкачала.

— Четвертый день уже, Ольга Николаевна. Мобильный отключен, к городскому телефону не подходит. Мы уже и на квартиру к нему ездили, без толку. Даже счетчик не крутится. И соседи говорят — не знаем, не видели. А между прочим, подошел срок очередной инициализации. И что будет? Да и, знаете ли, чисто по-человечески...

Тут он прав. Босса было жалко чисто по-всякому. В пятьдесят два без семьи, без постоянной работы, да и без денежной профессии. Ну да, он гениален, он перевернул все представления (хотя, кроме жалкой горстки, нас никто о перевороте, слава Богу, не подозревал). Но дома у него засилье тараканов, брюки его неглажены, холодильник испорчен, в желудке — язва. А теперь еще и бесследное исчезновение.

— В милицию надо было заявить, — объяснила я Доктору. — По крайней мере это их обязанность.

— Ох, Ольга Николаевна, — тот страдальчески взглянул на меня, — ну вы точно с другой планеты. Да кто же нас с вами там слушать будет? Мы же не родственники, не представители трудового коллектива. Да и прошло-то всего три дня, отфутболит милиция. Сами знаете, какое время, какие нравы. Нет уж, это надо нам своими силами...

В прихожей послышался шум, точно небольшой вертолет совершил там посадку. Все понятно — сие не вертолет, а Спецназ. Умея ходить совершенно неслышно, в быту он предпочитает совершать множество лишних тело- и звукодвижений.

— О, вы уже здесь, Ольга Николаевна! — всплеснул он излишне волосатыми руками. — Вы, как всегда, оперативны. С каким бы удовольствием пошел я с вами в разведку... Сергей Павлович, вы уже ввели в курс дела?

— Да я... — замылся тот, — так, в общих чертах.

А то я не понимаю: Доктор тянул время за хвост, словно Чеширского кота. Видно, чего-то особенного им от меня надо, вот и дожидаются кворума.

— Конкретные черты будут не раньше, чем придет Сисадмин? — с невинным видом поинтересовалась я.

Так и есть! Докторские глазки забежали, словно встревоженные тараканы. Ох уж мне эти тайны мадридского

двора... вернее, московской кухни. Как будто нельзя все сказать четко и ясно.

— Значит, так, Ольга Николаевна, — вцепившись в бутерброд, начал Спецназ. — Не будем мы ждать Алешу, с ним уже переговорено. Короче, факты. Босс наш, Юрий Михайлович, потерялся. Три дня мы не можем установить его местоположение. Вы догадываетесь, чем это чревато для нашего общества?

— Да уж не дура, — согласилась я. — Екнется скоро наша славная Сеть, и все дела. Так вроде сейчас выражаются?

— Если бы только это, — поморщившись, как от большого зуба, вставил Доктор. — Есть у нас подозрения... все может кончиться и хуже. Понимаете ли, Михалыч наш человек гениальный, а гениальность порой оттеняется некоторыми странностями. Это я вам как врач говорю.

— Короче, у него, похоже, крыша поехала, — добавил Спецназ. — Перед тем как исчезнуть, со всеми нами переругался... пургу какую-то нес. Вроде как мы должны резко его забыть, жизненные пути пересеклись напрасно, и Сеть — самая большая его ошибка. И дальше совсем невнятица. Обиделся он, что ли? Но произнес он и такую фразочку, мол, нельзя таиться от общества... и все такое.

— Я бы предположил обострение, — высказался Доктор. — Возможно, сумеречное состояние... он может прийти в себя за тысячу километров от дома. А может сделать что-то неадекватное... журналистам, к примеру, о Сети рассказать.

— Ну и что? — возвела я очи горе. — Дорогие мои, да кто же безумному поверит? Желтая пресса на то и желтая, чтобы к ней относились, как к пареной репе.

— Не так все просто, — вознамерился переспорить меня Спецназ. — Нам без разницы, поверит ли обыватель. Но есть очень серьезные люди, которые отслеживают подобные публикации... и тщательно проверяют факты. Как старатели, перемывают тонны пустого песка, но изредка им попадается и золотой самородок. И вот оказаться объектами изучения, в каком-нибудь закрытом институте... ручаюсь, Ольга Николаевна, вам не понравится.

Да, мысленно согласилась я, тут он прав. Это они умеют. Никому не позволю втыкать мне в череп электроды! Даже ради государственного блага.

— И вот поэтому, — вздохнул Доктор, — мы должны найти Юрия Михайловича. Найти и убедить, так сказать, вернуться в семью. Уговорить не делать глупостей.

Нехорошие подозрения зароились у меня в голове. Неспроста, ох, неспроста вызвали меня на это «политбюро». Раньше-то я хоть и была знакома с Доктором и Спецназом, но во всякие внутренние тонкости и тонкие внутренности меня не посвящали. И немудрено — в Сеть я пришла всего два года назад, когда все уже было закручено и обустроено, когда, в полном соответствии с макаренковской теорией коллектива, сложились ядро, актив и периферия. Именно периферийным устройством я до сего дня и считалась. А тут вдруг приглашают, бутербродами кормят, посвящают в тайны. Мне оно надо? Вопрос наравне с «быть или не быть».

— И вот чтобы не тянуть кота за хвост, — отведя взгляд, вздохнул Спецназ, — мы хотели бы попросить вас, Ольга Николаевна, о помощи.

— О какой же?

В животе у меня заныло, как бывает от неумеренного потребления газированной воды.

— Мы хотели бы поручить поиски вам, — решившись, выпалил Доктор. — Поверьте, вы невероятно талантливый человек. У вас потрясающий дар убеждения, вы легко сходитесь с людьми, вы умеете сказать так, чтобы до печенок дошло. Кроме того, у вас мощный аналитический ум, так что вы сообразите, как построить систему поиска.

Ну вот, приплыли! Картина маслом и углем. Активированным... Как они тут здорово все за меня решили.

— Правильно ли я понимаю, — справившись с собой, заинтересовалась я, — что вы, двое мужчин, решили спихнуть тяжелую и грязную работу на слабую, пожилую женщину? Поистине рыцарское поведение!

— Но, Ольга Николаевна, — сейчас же заюлил Доктор, — вы же понимаете, о чем идет речь. Фактически от вас зависит будущее Сети... да что там Сеть — полтора десятка человеческих жизней, которые в одночасье могут оказаться искалечены...

Эка он наловчился говорить красиво. Так вот небось и перед Полиной оправдывается, начиная от грязной посуды и кончая, должно быть, смазливymi медсестричками.

— Ольга Николаевна, — подключился Спецназ, — ну что тут поделаешь? Мы долго совещались, перебирали варианты. Поймите, кроме вас — некому. Будь нас побольше, может, и нашлось бы какое-то иное решение. Но сами гляньте — кого еще посылать? Трезво оцените людей, и увидите.

— Что же лично не поедете на подвиги? — прищурилась я, размышляя о том, как выглядел Спецназ в розовом пионерском детстве. Есть у меня такое хобби — прикинуть, каким ребенком мог быть шестьдесят лет назад этот вот старичок или какой дедушка в середине века вырастет из того лопухого карапуза с пластмассовым совочком. Интересное развлечение, достойное, скажем, Экклезиаста.

— Бесплезно, — признался Спецназ. — И мне бесполезно, и вон Доктору, про Алешу я уж не говорю. Максимум, на что мы способны, — это найти Михалыча. Но найти — это даже не полдела, это хорошо, если четверть. Вот уговорить — задача не по нам. Не станет он нас слушать. Проверено. Но с вами все иначе. Вы женщина, вы умная, вы, откровенно скажу, очень обаятельная. Поверьте, мне самому неловко... действительно, получается вроде как мы прячемся за вашу широкую спину.

— Спина у меня узкая, — недовольно повела я плечами.

— Да, разумеется, разумеется, — извинился Спецназ. — Но все, что от нас зависит, мы сделаем. Вы получаете неограниченный доступ к сетевым ресурсам. Ну и, конечно, все расходы — это вообще не разговор. Сколько надо, столько и возьмите.

В его руке непонятно откуда образовалась толстая пачка денег.

Да уж... Ходил дядя на базар, дядя лошадь торговал...

— И как же, по-вашему, я буду искать дорогого Босса? — осведомилась я, уже понимая, что не отвертеться. — Я в отличие от некоторых не Шерлок Холмс, и даже с доктором Ватсоном меня ничего не роднит. У вас есть хоть какие-то предположения?

— Мы думали об этом, — снова проявился Доктор. Пока Спецназ вил из меня веревки, этот, оказывается, успел сожрать все бутерброды. Я давно заметила, что у некоторых волнение проявляется усиленной работой челюстей.

— Думали — это хорошо, — кивнула я. — Ну и как успехи?

— Ну, кое-что придумали. — Доктор по-прежнему отводил глаза. — Во-первых, мы решили дать вам помощника. Все-таки одной вам будет трудно... ну даже в бытовом плане... А главное, в такой ситуации, где приходится гадать на кофейной гуще, нужна острая, чуткая интуиция.

— Угу, угу, — отхлебнула я неумело заваренного чая. — И кто же это у нас такой острый и чуткий, хотела бы я знать?

— Мы с Полиной посовещались... В общем, лучше бы вам дать в сопровождающие Олега. Он, конечно, мальчик не без минусов... но вы же знаете, насколько догадлив... вы ведь и сами однажды пользовались его ресурсом.

Что правда, то правда. Было. Моя непутевая племянница Танька в марте вздумала продавать квартиру. И хотя все вроде гляделось замечательно, красиво и респектабельно, меня не покидало смутное сомнение — уж не заваривает ли Танька роковую кашу? Но ощущения к делу не пришьешь, а за дуреху страшно. Ведь случись что, бомжихой станет. Пришлось поискать помощь в Сети. Доктор с Полиной как раз тогда инициировали своего старшего, Олежку. Любопытства ради (да, есть и у меня грехи) я подключилась к мальчику и посмотрела на Танькину ситуацию его глазами. Вернее, глаза-то были мои, а вот интуиция, «нутряное чутье» — его. И разом кусочки пазла сложились в такое неприятное панно, что я вызвонила племяншку и все разложила ей на пальцах. Спасла.

— То есть я, помимо всего прочего, должна состоять гувернанткой при юной особе? — Меня и впрямь не прельщала подобная перспектива. — Приглядывать, воспитывать, задачки на дробь с ним решать? А знаете, я могу вам и полы вымыть...

— Ольга Николаевна, ну зачем так-то, — улыбнулся Доктор. Хорошо улыбнулся. — Во-первых, вы любите детей, долгие годы работали учителем в школе... Во-вторых, все будет совсем иначе. Олег — достаточно взрослый мальчик, тринадцать лет, вполне самостоятельный в бытовом отношении. Наоборот, он во всем будет помогать. Вам не придется вытирать ему нос.

— И еще, — вставил Спецназ, — вдвоем вы вызовете куда меньше вопросов у окружающих. Пожилая женщина путешествует с племянником.

— Никогда не поверю, что этот мой новоявленный племянник отличается благонравием и послушанием, — вздохнула я. — Мне уже заранее страшно.

— Вот уж о чем не беспокойтесь! — всплеснул руками Доктор. — Мы Олегу очень серьезно разъяснили ситуацию. Он отнесся чрезвычайно ответственно. Ну а если все-таки вдруг что — вы с ним поостроже. Впрочем, кому я это говорю — опытной, заслуженной учительнице.

— Заслуженного мне не дали, — отрезала я. — Рылом не вышла.

— Да, вы очень принципиальный человек, — согласился Спецназ. — Прогибаться под начальство органи-

чески не способны. Уважаю. Теперь вон чего. Из всех родственников у Михалыча осталась только двоюродная тетка, и живет она в городе Мышкине, есть такой на Волге... Собственно, больше нашему Боссу и некуда податься. Адрес я по своим каналам нарыл, но телефона там нет, увы. Так что придется ехать.

— Чувствую, интересный и содержательный у меня получится отпуск, — заметила я обреченно. — Как бы после всего этого не угодить в неврологический санаторий...

— Если что, — серьезно кивнул Доктор, — с путевкой проблем не будет, гарантирую.

2. Кошки-мышки

В этот безоблачный июньский день мне вдруг захотелось повеситься. Ненадолго — минут на пять. Да, я отношусь к людям, которые желают странного.

И еще я не люблю жару, а здесь, в автобусе, натуральное пекло. Душегубка. Если вдуматься, то и веревка с мылом излишни, все само собой устроится.

Окна, конечно, были раскрыты, но что с них толку, когда тяжелые волны мертвого тепла поднимаются от пола, обволакивают лицо и душат, душат... Печка тут не отключалась. Хочу в январь!

Этому, так сказать, племяннику жара хоть бы хны. Одет соответствующе — футболка с изображением клыкастой морды (в Брэме такой зверь не упомянут), мятые джинсовые шорты (уж Полина могла бы погладить как следует). Волосам не помешала бы расческа.

Все нормальные мальчики, едучи в автобусе, должны смотреть в окно, наслаждаясь видами. Во всяком случае, так было в моем детстве. Этот же уткнулся в ядовито-зеленую книжку и приступил к порче глаз. Я, естественно, отобрала поинтересоваться, чем же сейчас травится молодежь. Оказалось — некий Логинов, «Картежник». Фантастика, да к тому же еще самая низкопробная. Вернув книгу, я объяснила «племянничку», что, читая этакую дрянь, он сейчас портит себе литературный вкус, и это может привести к страшному — невосприимчивости к русской классике. Ну как он впоследствии сможет читать Льва Толстого? Или хотя бы нелюбимого лично мною Достоевского?

Оказалось, Олегу оба гиганта мысли «по барабану», потому что не писали фантастику. Очень мне хотелось разочаровать наивного, но в такую жару я, увы, не способна к длительной дискуссии. Пришлось самой наслаждаться видами.

Что ни говори, а лучше нашей русской природы ничего не придумано. Плоские, стелющиеся до горизонта поля, змейками разбежавшиеся речушки, редкие перелески, и вдруг — темные, вековые леса, навевающие мысли о Соловье-Разбойнике, мухоморах и партизанах. Я до глубины печенок ощущала свою сродненность с этой вневременной красотой.

Размечталась! Действительность рывком выдернула меня из грез. Вопли, хруст, россыпь осколков, автобус резко тормозит, да так, что меня едва не приложило лицом о спинку переднего кресла. И все же я успела разглядеть, как справа по ходу метнулись под защиту огромных елей двое мелких пацанов, лет по десяти, не больше. Я даже определенно заметила, что они смеялись.

Вот тебе и партизаны, Ольга Николаевна! Юные искатели приключений, рыцари с большой автотрассы.

Автобус, издав омерзительную бензиновую вонь, остановился, водитель распахнул дверь, и кое-кто из мужчин бросился в лес, ловить поганцев. Да где там! У негодаев небось все рассчитано, пути отступления-выверены. Хоть ищи, хоть свищи, все одно пустые щи.

Визжала сидевшая сзади молодая дама. Еще бы не визжать — кровищи-то сколько, на белом костюмчике. Прижимает к себе дочку, на вид ровесницу юных партизан. Похоже, девочку изрядно задело осколками. А эти все галдят, суетятся, вот и матерки на поверхность всплывают... Нет, придется командовать парадом.

— Так! — произнесла я своим фирменным голосом, и все разом замолкли. Даром, что ли, я тридцать лет на школьниках тренировалась? — Всем расступиться, девочку положите вот на это сиденье. Расступиться, я сказала! У водителя взять аптечку, обязан иметь. Трагедии никакой не случилось, во всяком случае, пока. Кто-нибудь с мобилами, позвоните, обрадуйте милицию. А я займусь девочкой. Мамаша, отойдите, не сопите под руку. И по возможности переоденьтесь, вы похожи на призрак в классической драме!

И вновь была серая пелена, мятный холод объял меня до самых глубин. Только уже не требовалось вводить зеленый лучик-пароль, мне настроили неограниченный допуск. Карту размещения ресурсов можно и не смотреть, и так ясно, к какому доброму Доктору подключаться.

Все-таки лечить — это не калечить, это гораздо проще. Спокойно и размеренно втекал в меня поток докторских знаний, а главное, рефлексов, которые жили в каждом его нерве. И после слова активации я действовала уже на автопилоте. Аккуратно извлекала осколки (за неимением лучшего подошли маникюрные ножницы), обрабатывала перекисью водорода порезы, останавливала кровь, зашивала раны (нашлись тут и шелковые нитки), накладывала повязки и лепила куда надо пластырь. Сейчас, подключенная к докторскому ресурсу, я и впрямь видела, что ничего страшного нет. Да, порезов много, местами есть глубокие, но, слава всем богам нынешних и древних религий, никакую артерию не задело. А ведь на сантиметр левее бы вошел осколок — и пожалуйста, сонная.

— Все, занавес! — объявила я. — Она будет жить. Самое скверное, что здесь негде помыть руки.

Сейчас же для помывки рук мне была вручена двухлитровая бутылка минералки. Народ снова загалдел, благодарная мамаша, и впрямь успевшая переодеться, щебетала мне в ухо какие-то глупости.

— Вы, наверное, хирург с большим стажем? — почтительно спросил кто-то из мужчин.

— Да я вообще универсал, — отмахнулась я. — Короче, девочка вне опасности. Но лучше бы ее все-таки поскорее доставить в ближайшую больницу. Вколоть от столбняка. Эй, погонщик каравана, — окликнула я водителя. — Какая у нас по курсу ближайшая?

Ближайшая оказалась против курса, пришлось разворачиваться и дуть обратно километров десять, где в довольно крупном на вид поселке имелась амбулатория. Разумеется, оставлять шокированную женщину наедине с местной медициной было никак нельзя. К счастью, среди автобусных мужчин нашелся седеющий рыцарь, вызвался сопровождать.

Пухлощекая медсестрица, выглянувшая на наш зов, заверещала что-то об отсутствии полиса, но я выступила вперед и рассказала ей много интересного и о ней самой, и о законодательстве, и о смысле жизни. Короче, бастион пал.

Оставшаяся дорога в Мышкин вся прошла под аккомпанемент пассажирских разговоров. О способах воспитания детей, о разложении нравов, о разгуле преступности, о бездействии властей и тупости законов. Много было сказано глубокого и верного, не меньше прозвучало и пурги. Но вносить комментарии мне совсем не хотелось, жара, одурь, да еще и

последствия того, что в Сеть лазила. Это ведь никогда не проходит даром. Такое чувство, будто отдала на донорской станции как минимум двести кубиков.

И еще допекало меня, что несколько капель девчоночьей крови испачкали-таки мою светло-серую юбку. Уж как я ни пыталась замыть минералкой — все равно заметно. А ведь и переодеться не во что, не взяла. Не собирались мы с Олегом в Мышкине долго торчать. Выяснить, не заявлялся ли Босс к своей тетке, и если нет (о чем наши с Олегом интуиции нам то и дело трубили) — немедленно в Москву. К позднему вечеру будем дома.

На последней перед Мышкиным стоянке (как всегда, мальчики направо, девочки налево) Олег шепнул мне:

— А быстро вы! Я только собирался в Сеть полезть и к папе подключиться, а вы уже там. Жалко, не успел.

Неспешно оглядела его сверху донизу — от растрепанных черных вихров до небрежно завязанных кроссовок.

— Дурь и царапины, — вынесла я наконец вердикт. — У тебя что это такое на шее, а?

— Где? — не понял Олег и принялся себя ощупывать. Прыщ, наверно, искал.

— Вот это, — легонько шелкнула я его по лбу. — Эта штука называется голова. И дана она затем, чтобы думать. Вот и думай, кому из нас являть народу искусство медицины. Мне, почтенной даме профессорского вида, или тебе, с грязными ушами и болячками на коленках? Меня, как видишь, приняли за старого опытного хирурга — и успокоились. А за кого приняли бы тебя? За гениального вундеркинда? За члена кружка «Юный эскулап»? Не бывает в обычной жизни тринадцатилетних мальчишек, способных оказать такую вот медицинскую помощь. Странно это и подозрительно. Внимание привлекает. А в нашем деле что главное? Правильно, конспирация. Мало, что ли, тебе папа на сей предмет внушал?

Олег лишь носом шмыгнул. Хотя шея и длинная, и немытая, а ведь дошло...

В Мышкин приехали часам к двум. Ничего себе городок, зеленый, на газонах одуванчики. Домишки старые, много деревянных, хотя и торчат в центре кирпичные коробки, привет от сталинской эпохи.

Олег, понятное дело, рвался на подвиги — если только можно назвать подвигом визит к престарелой Тамаре

Петровне, двадцать третьего года рождения, проживающей в частном доме на городской окраине.

Пришлось его, как теперь говорят, «обломать». Для начала мы взяли на автостанции обратные билеты, а после отправились куда-нибудь перекусить. Можно быть чудо-доктором, пользуясь ресурсами Сети, но никакая Сеть не защитит от язвы желудка.

Именно это я и объяснила поскуцневшему Олегу, крепко взяв несознательного отрока за руку.

Рестораны (во всяком случае, здешние забегаловки назывались именно так) пришлось отсеять — и по финансовым соображениям, и, главное, по эстетическим. Вообще не вижу смысла в подобных заведениях. Кто хочет нализаться до состояния тухлой сосиски, вполне может делать это на своих родных квадратных метрах. Незачем таскаться шут знает куда, смущая своим видом незрелые детские умы.

Нашлась наконец и столовая, где, несмотря на выходной день, было малоллюдно. И надо же, какая культура — на столике лежало меню, в картонной папочке. Я аж умилилась, после чего, не мудрствуя лукаво, выбрала рассольник, котлеты с рисом и компот.

— Я не буду есть эту гадость! — пискнул Олег, имея в виду рассольник. — Меня с детского сада от него воротит!

— Пища должна, во-первых, быть, — повернулась я к нему. — Во-вторых, здоровой. Капризничать будешь дома, а здесь и сейчас — вспомни торжественное обещание, которое ты, запинаясь и сопя, давал папе. Слушаться во всем. Никто за язык не тянул, теперь терпи. Хочешь и дальше лазить в Сеть, съешь не только этот аппетитный суп, но и дохлую крысу.

Судя по его кислой физиономии, Олег скорее предпочел бы крысу. Но подчинился, взял ложку. Вот так! С самого начала нужно внести ясность в отношения.

Отобедав, мы направились на поиски улицы Вишневой. Не сказать, чтобы сие занятие было таким уж легким. После того как опрошенные местные жители показали нам три самых разных направления, пришлось надеяться лишь на свои силы. Увы, даже подключение к Сети не помогло. Никто из наших никогда не был в Мышкине. Хитрый Олежек попробовал напрямую подключиться к Боссу, дабы его глазами увидеть город.

Наивный... А то Спецназ с Доктором с самого начала не пытались! Вотще — ресурс глухо заблокирован. Я тоже проверяла — нет доступа. Мигают синие огоньки по жел-

тому кругу. Этакие васильки в пшеничном поле. И сквозь них не пробиться, крепки как бетонная стена.

— Убедился? — Дав мальчишке время осознать, я примири-тельно добавила: — Теперь напряги всю свою интуицию и почувствуй, куда нам идти точно не надо. Из оставшегося будем выбирать.

И надо же — не подвело его хваленое «нутряное чутье». Спустя полчаса, пройдя какими-то шизофреническими переулками, вывернули мы на искомую улицу. Действительно, Вишневая. Во всех садах вишни, некоторые еще в цветочках, хотя уже и не время любоваться сакурой. Вот и он, дом пятнадцать. Покосившийся штaketник, одноэтажное строение, в стеклах веранды пляшут солнечные зайчики. Вдали виднеется огород — похожие на осоку стебли чеснока, свежие перышки лука, поблескивает подальше пленка парника.

Первым нас встретил рыжий пес дворянских кровей. Обла-ял, я бы сказала, матерно. Нет, я люблю собак, я истеричных не люблю. Не будь он на цепи — неминуемо погрыз бы.

Наконец, издав положенные стуки, скрипы и лязги, выползла на крыльцо хозяйка. Ой, что творит с людьми время! На вид я дала бы ей за сто, а ведь и восьмидесяти не исполнилось. Сама я, уже пятый год получающая пенсию, по сравнению с ней казалась, вероятно, просто молодой красавицей. Во всяком случае, мои щеки не ввалились, морщины не испещряют лоб линиями тяжелой судьбы, да и седых волос у меня всего ничего. Здесь же имела место классическая Баба-Яга из народных сказок.

— Добрый день, Тамара Петровна, — мило улыбнулась я старухе. Когда надо, я умею улыбаться столь мило, что американский «чи-и-из» отдыхает.

— Здравствуйте, — настороженно ответила хозяйка. И замолчала, ожидая продолжения. Я даже догадалась, что ее смутило. Бабка мучительно размышляет, впрямь ли она никогда меня не видела или же пала жертвой беспощадного склероза.

Что ж, сейчас все и выясним.

— А мы к вам с поручением, Тамара Петровна. Из Москвы. У нас тут турпоездка, по старинным городам... вот, племянника с собой взяла, очень поучительно... так вот, меня мой коллега, Юрий Михайлович Терлецкий, попросил... мы с ним работаем вместе... Попросил посылочку передать. Раз уж, говорит, вы в Мышкине будете, не откажите в любезности, зайдите на Вишневую, тете Тамаре передайте. Вот, возьмите!

Посылочку я сложила заранее, еще в Москве. Раз уж «политбюро» не ограничило меня в финансах... Пухо-

вой платок, микроаптечка, заклеенный конвертик с деньгами. Пятьсот рублей погоды не делают, но старушке будет приятно. Лишний раз добрым словом племянника вспомнит.

Конечно, я рисковала. Окажись так, что Босс действительно скрывается в домике на Вишневой, возник бы тягостный «момент недоразумения». Что ж, тогда пришлось бы действовать по обстоятельствам. В конце концов посылочка могла быть вручена мне и неделю назад, и две. Поездки — дело не спонтанное.

Но тягостного момента не возникло.

— Ах, Юрочка! — всплеснула руками Тамара Петровна. — Он такой милый, не забывает! Открытки каждый год шлет, на седьмое ноября, на Восьмое марта... и на Новый год тоже. Да вы проходите, чайку попьем, с вареньем! Ты, мальчик, какое варенье любишь?

Все было ясно. Никакой Босс тут давным-давно не объявлялся — иначе реакция бабульки оказалась бы хоть немного, да иной. Даже если бы он потребовал от нее строжайшей конспирации. Промелькнуло бы нечто этакое в глазах. В общем, первый блин, как водится, комом. Пора было уходить. Вежливо поблагодарить за приглашение, откланяться...

— Я больше всего малиновое люблю, — нахально заявил Олег. — А еще вишневое и из красной смородины. Из черной меньше, а из сливы совсем не люблю, одна размазня.

— Так пойдемте же, — возрадовалась гостям старушка. — У меня и варенье всякое, и бараночки, и конфеты...

— Вы простите, Тамара Петровна. — Я решительно отодвинула устремившегося к сладостям Олега. — Никак не получается. Нам к автобусу пора, а то еще уедут без нас. Слишком долго улицу-то искали, ни табличек, ни указателей... Может, как-нибудь еще будет экскурсия, вот тогда...

Олег разочарованно отвернулся и принялся демонстративно ковырять болячку под коленкой.

— А кроме того, — мстительно добавила я, — Олегу совершенно противопоказано какое бы то ни было варенье. Зубы, уву. Хронический кариес, что ни месяц, то к дантисту... к нему в поликлинике уже привыкли, как родного встречают. Всего доброго, Тамара Петровна, приятно было познакомиться. Обязательно Юре привет от вас передам. Даст Бог, еще свидимся.

— Хорошая вещь губозакаточная машинка, — негромко внушала я Олегу на обратном пути. — Варенье ему захотелось, понимаешь. А где варенье, там что?

— Кариес? — уныло предположил он, плетясь сзади.

— Сам ты кариес! Где чай с вареньем, там разговоры. Догадываешься, о чем? Правильно, о Юрии свет Михалыче. А многое ли мы с тобой о нем знаем, чтобы с теткой его болтать? Сразу и выплывут странности. Ляпнем чего не то, и готово. Смутится старушка, подозревать станет. Давление подскочит или сердечный приступ. Нам оно надо, племянничек? Нам оно не надо. Тетушек надлежит беречь!

3. Место для загара

Не доверяю лысым. Рационально объяснить не могу, но не доверяю. Увидев этого водителя, интуитивно поняла: жди неприятностей. Возможно, столкнемся с бензовозом. Или опять в салоне будет пекло.

Пекла, впрочем, не было, печка здесь не работала. И это сразу ввергло меня в пессимизм. Ведь если не по малому, то по большому.

— Как там твоя интуиция? — шепнула я Олегу. — Что подсказывает?

— Она пирожок просит, — буркнул племянничек. — С яблоками.

— Мучное детям вредно, — ответствовала я, но пирожком оделила. Не зря же покупали перед выездом. Раз уж не получится нормально поужинать... Из Мышкина мы выехали в пять, в Москву доползем как минимум к девяти.

Автобус был заполнен не более чем наполовину. Поздний рейс, воскресенье. И водитель лысый. А главное, никому же не признаешься в своих страхах.

Олег уткнулся в желто-зеленое чтиво, я совсем уж было собралась высказаться о вреде для глаз, но у меня у самой лежал на коленях томик японской поэзии, и замечание оказалось бы дешевым фарисейством. Пришлось углубиться в хайку.

Очень, кстати, под настроение. Лето начинается, цветение трав, голубизна небес — но почему-то приходит на ум печальное. Увядание растворено в кипении жизни. Смерть стоит за плечом — как правило, за левым. И предлагает лимон без сахара.

Вот так же было и в позапрошлом году, в гостях у Юриста. Вернее, тогда я называла его Дмитрием Евгеньевичем и ни про какую Сеть еще не знала ни сном ни духом. Познакомила нас Галка, моя институтская подруга и по совмес-

тительству сестра этого самого Дмитрия Евгеньевича, кандидата юридических наук.

Мы пили чай, вели беседы, и дух витал на должной высоте. Но временами, увлекшись ломтиками лимона, я ловила на себе заинтересованный взгляд хозяина дома.

Дело в том, что я обожаю лимон. Могу есть его без сахара, и если уж кладу в чай, то, выдавив сок, непременно жую измочаленный ломтик.

...Потом оказалось, это свойственно всем нам, способным подключаться к Сети. Разумеется, подходит отнюдь не каждый лимоноежка, но обратного пока не случалось. И потому это первый тест. Любишь лимон — возможен дальнейший разговор. Нет — расстанемся друзьями.

Почему так — науке неизвестно. Босс, кстати, и не претендовал на научность. Пока все, что у нас есть, — это отрывочное, эмпирическое знание. Михалыч, бесспорно, сделал великое открытие, но не только мир до него не дорос — не дорос, по его же словам, и сам Михалыч. Талантливый самородок, самоучка без диплома.

Паранормальные способности, как он говорил, были у него с детства. Снять зубную боль, взглядом обратить в бегство великовозрастного хулигана, отыскать потерявшееся кольцо. Не так уж это и много, до настоящей магии не дотягивает. Хотя я и не верю в настоящую.

Открытие свое сделал он пять лет назад, в лучших традициях — решение пришло к нему во сне. К его чести, Михалыч не стал подводить метафизическую базу, не обернул конфетку в фантик оккультизма. Но поскольку совсем без терминологии никак, то воспользовался компьютерным жаргоном. Поскольку подрабатывал в какой-то конторе инженером по обслуживанию оргтехники.

Поэтому наше объединение называется Сетью, тот навык, что каждый из нас выкладывает в общее пользование, — ресурсом, та необъяснимая связь, благодаря которой мы способны переливать в себя чужие способности, — каналом...

Автобус дернуло, точно зуб щипцами дантиста, мотор оглушительно взревел — и заглох. Ну вот, приехали. Подозревала же лысого!

Пассажиры зажужжали, кто-то сунулся к водителю за объяснениями. Тот, однако, не снизошел до разговоров, выскочил из кабины и, откинув какую-то крышку спереди, принялся копаться во внутренностях железного зверя.

Оставалось надеяться, что свое дело он все-таки знает. Я вернулась к стихам безвестного японца, жившего еще до исторического материализма. Наблюдательный был мужик, это точно. Вот, к примеру:

Бабочка летит
Ввысь, к полдневному солнцу.
Путь ее долог.

Ну прямо про наш автобус! Доберемся ли сегодня до Москвы?

Оторвавшись от синего томика, я обнаружила, что салон опустел. Пассажиры толпятся снаружи, пользуются случаем вдохнуть свежего воздуха, заодно и дать водителю советы.

Пришлось и мне вылезти из распахнутой двери, ступить на горячий потрескавшийся асфальт. Пахло лесом и раздражением.

Олег, разумеется, вертелся возле потного и злого водителя. Наверняка все случившееся казалось ему веселым приключением. Наивный! Вот зайдет солнышко, налетят комары, вопьются в его голые руки-ноги — тогда и познает цену романтике.

— Слушай, брат, это надолго? — тронул меж тем водителя за плечо какой-то квадратного телосложения парень. Собственно, парню было за тридцать, но чтобы именоваться мужчиной, не хватало ему некой внутренней солидности.

— Может, и навсегда! — не глядя, огрызнулся лысый. — Ни фиги не понимаю. Не заводится, и все дела.

— Так это, — квадратный не позволил ему вновь нырнуть в мотор, — надо, короче, помощь вызывать. Не загорать же тут, согласен?

Да, место для загара и впрямь не лучшее. По обеим сторонам шоссе — мрачный лес, березы вперемежку с елками. Просвета не видать. Судя по обрывкам разговоров, до ближайшей деревни — как до Луны.

— Чем вызывать? — буркнул водитель. — У тебя телефонная будка в кармане?

— Зачем будка? — Парень протянул ему мобильник. — Отстаешь от жизни. Давай звони, я сегодня щедрый.

— Блин, умный! Гараж-то закрыт уже. Да и был бы открыт — один хрен. Кого я сюда вызову? Слесаря кто в отпуске, кто в запое.

— Ну и чего предлагаешь? — не сдавался квадратный. — Припухать здесь?

— Ну, может, проедет кто... — философски протянул водитель. — Может, скумекаем вдвоем-то...

— Ты смотри, брат. — Квадратный говорил тихо, вернее, шипел по-змеиному. Я, правда, расслышала с десяти шагов, у меня слух абсолютный. — Ты смотри, если до полуночи я в Москве не окажусь, проблемы, брат, будут. У тебя.

Остальные пассажиры тоже потихоньку начинали заводиться. То и дело слышались скучные мужские непристойности, визгливые женские интонации. Словом, зоопарк. Обезьянник.

Посреди обезьянника раздался вдруг голос Олега:

— А можно мне посмотреть, что с мотором? Я разбираюсь, честно!

Ого! Дорвался малец до подвигов! Как будто ему не было строжайше запрещено лезть поперек бабки в пекло. Вернее, поперек тетки.

Шофер, ясное дело, энтузиазма не проявил. Взглянув на мальчишку, как на мелкое кровососущее насекомое из четырех букв, он процедил:

— Отвали, мальчик. Блин, наглые какие дети пошли! Тоже туда же лезет, будто понимает.

И тут голова моя чуть закружилась, легкий холодок облизнул меня всю изнутри, заплясали перед глазами радужные пятнышки. Пришлось прислониться к стенке автобуса.

— Сами посудите, — громко заговорил Олег, обращаясь даже не к водителю, а к пассажирам. — Он все равно ничего не может сделать, вон сколько возился, и безрезультатно. Если мы станем ждать у моря погоды, то действительно придется или сидеть тут всю ночь, или пешком идти до ближайшего рейсового автобуса. А среди нас слабые пожилые женщины, — кивнул он в мою сторону, — и маленькие дети.

Имелись в виду две очаровательные малышки-трехлетки. Близнецы. Их нервная мама, накручивая себя на ужасы, бегала возле детей и причитала. Слабая женщина. Тьфу!

Народ, привлеченный столь связной и логичной речью, заинтересованно повернулся к Олегу.

— А между тем я неплохо разбираюсь в автомобилях, — продолжал Олег. — У меня папа автослесарь, я с семи лет хожу к нему в сервис, он меня всему учит. И легковые знаю, и «Икарусы», и «пазики». В самом деле, ну вы прикиньте. Хуже ведь не станет, если я посмотрю. А вдруг получится? Ну допустите на миг такую вероятность. Только имейте в виду, если мы будем тянуть до бесконечности, станет темно, и тогда уж точно придется комаров кормить. Ну скажите ему, чтобы позволил мне посмотреть!

Зашебуршились. Сперва шепотом, друг другу, потом и громче. Квадратный парень внимательно, сверху вниз оглядел Олега и, взяв водителя за локоть, сказал:

— Слышь, а пацан дело говорит. От тебя не убудет, если он посмотрит. Сейчас дети ушлые, фишку рубят.

— Хрена я его пушу, к казенной-то машине? — отирая потный лоб, взревел шофер. — Он испортит чего, а мне потом из своего кармана плати?

— А кто тебя спрашивать-то будет? — как-то скучно возразил квадратный. — Не отсвечивай, посиди вон на травке. А то больно сделаю. Давай, пацан, — это уже Олегу, — покажи класс.

Того не нужно было упрашивать дважды. Он подбежал к мотору, уперся обеими руками о бампер, сунул голову в механическое чрево. Потом выпрямился, застыл на секунду, будто суслик в степи, и уже иными, куда более осмысленными движениями принялся чего-то творить.

Умный мальчик, ничего не скажешь. Что он к Ивану Михайловичу подключится, автомеханику с сорокалетним стажем, было и так понятно. А вот что он, с целью получить допуск к мотору, воспользуется моим ресурсом — этого я доселе не предполагала. Умно, четко и ясно обрисовать окружающую ситуацию, надавить на нужные мозоли, не сказать ничего лишнего — тут без Ноновой никуда. Это мой вклад в общественную копилку.

Тогда, в позапрошлом году, мне все рассказали далеко не сразу. Поначалу присматривались. Тест с лимоном я прошла, но теперь им требовалось понять, насколько я надежна. И насколько полезна. Нахлебники нам в Сети ни к чему. От каждого по способностям, каждому по дозированным потребностям. Это я понимаю.

Потом уже, спустя полтора месяца, пригласили к Боссу — якобы на юбилей к лучшему другу Юриста. Я и явилась, как дура, с полутораметровым зеркалом в охапку, весившим, наверное, с половину меня. Что еще дарить на пятидесятилетие одинокому мужчине? Пускай следит за собой.

Оказалось, зеркал у него в квартире навалом. То ли подарки таких же, как я, то ли коллекцию собирает. Кстати говоря, между двух зеркал он меня и усадил в черное кресло.

Теплые, какие-то необыкновенные руки у меня на голове. Льющийся отовсюду покой. Цветные всполохи перед закрытыми (так было велено) глазами.

У каждого из наших есть прозвище, по ресурсу. Спецназ, Доктор, Юрист... Автослесарь, опять же, Химик,

Риэлтер, Декан... И только я — для всех Нонова. Этим все сказано.

— Ну, диагноз ясен, — весело протянул Олег, обтирая ладони ветошью. — Прокладку пробило. Запасная у тебя есть? — повернулся он к водителю.

Проглотив наглое обращение на «ты», лысый молча полез автобусу в бок и вскоре вынул оттуда нечто вроде прямоугольной рамки.

— Ща поставлю, — хмуро сказал он, но Олег возразил:

— Нет уж, лучше я. Я по уму сделаю.

Водитель попытался было взречься, но сию попытку в корне пресек квадратный. Взяв незадачливого мужичка за подбородок, он проникновенно сказал:

— Не суетись, брат. Ты свой навык уже всем нам показал.

Олег меж тем аккуратно что-то откручивал, завинчивал, промазывал. Тяжелая работа, хорошо что Сеть активизирует скрытые резервы. В обычном состоянии он давно бы спекся. А тут не прошло и получаса (специально засекала), как мальчишка объявил:

— Готово! Можете заводить.

Процедив что-то относительно вундеркиндов и ремня, водитель тем не менее послушно полез в кабину, и — предсказуемое чудо! — мотор заурчал, белая махина автобуса плавно тронулась с места.

— Ну вот, а вы не верили! — совсем по-детски ухмыльнулся Олег. Пассажиры цепочкой муравьев потянулись в салон, не переставая галдеть. Близнецы отчего-то ударились в рев. Должно быть, покой им дороже движения.

— Молоток, парень! — Квадратный радостно хлопнул Олега по плечу. — Я же чуял, фишку рубишь. Вот, в награду за труды!

Он протянул мальчишке что-то блестящее. Я немедленно рванулась поинтересоваться. Бойтесь данайцев, дары приносящих! Судя по квадратному, можно было ожидать чего угодно — от пакетика героина до противотанковой гранаты.

Оказалось, перочинный ножик. С кучей лезвий, пилочек и прочих придамбасов.

— Это слишком дорогой подарок, мы не можем его принять! — твердо заявила я. — Олег, немедленно ступай на место.

— Да какой же, блин, дорогой? — искренне огорчился квадратный. — Десять баксов цена, семечки. Я же, мамаша, от чистого сердца...

Угу, угу. Сердце у нас чистое, руки у нас холодные, голова горячая. Но устраивать сцену не стоило. Да и с Олегом потом хлопот не оберешься — не ушел ведь, рядом стоит, смотрит жадными глазами. Еще бы — первый гонорар...

— Ладно, — вздохнула я. — Поехали.

Торчали мы на шоссе часа два, и теперь лысый, развив бешеную скорость, делал из пространства время. Неслись едва ли не под сотню, и хотя солнце еще не утонуло за лесистый горизонт, водитель включил фары.

Олег, утомленный подвигами, задремал, привалившись к моему плечу. Книжка писака Логинова скатилась с его колесной, шлепнулась на пол. Подумав, я все же решила подобрать. Как-никак типография старалась, печатала... Я вообще априори уважаю печатное слово. Но, разумеется, далеко не всякое.

Подключение к Сети никогда не дается даром. Есть, как объяснял мне когда-то Босс, естественное сопротивление мозга. Оттого и слабость, и сонливость. Не так чтобы уж очень, но тем не менее.

Как это происходит, все равно понять невозможно. Это не телепатия — мы не способны читать мысли друг друга. И никаких штучек вроде телекинеза и ясновидения. Вождедеющим к мистическому — крутой облом.

Просто сделал что-то такое Босс с нашими мозгами, отчего мы стали способны мгновенно связываться друг с другом. Расстояние роли не играет. Связываться — и путем мысленных операций получать доступ к чужим способностям. Видимо, мозги входят в резонанс, и из одного перетекает в другой. Не умеешь задачки решать, а у тебя экзамен — ну так на что у нас декан, доктор физматнаук? Хулиганы к тебе пристали в темном переулке — пожалуйста, есть и Боксер, то бишь Алик, и бывшая шпана Исаев, и, наконец, Коля-Спецназ. А если какие юридические проблемы... короче, понятно.

Самое сложное, как объяснял потом Босс, — это подстроить чужие рефлексы к твоему телу. Без подстройки нельзя — сплошное безобразие выйдет. Вот и приходится выделять в мозгу зону, программировать, и она становится таким переводчиком.

К тому же нельзя подключаться надолго, никто не выдерживает. Максимум десять—пятнадцать минут, в редких случаях доходило до получаса, но потом такой отходняк... А отключившись, все чужие навыки теряешь. Отторгает мозг инородное.

Я слегка переменила позу. Некстати вспомнилась мне испорченная юбка, вернусь — замочу с «Ариэлем». Чем кольчугу стираешь, Илюша? «Ариэлем», Добрынюшка...

Что там на сей счет в синем сборнике? Ага, вот оно:

Плачу тоскливо,
Кимоно зашивая —
Смеется луна.

Луна висела справа, как раз за моим плечом. Растущая. И тоже смеялась. А еще, обернувшись, я наткнулась на чей-то взгляд. Так и есть — он самый, Квадратный Парень. Смотрит внимательно, без малейшей усмешки. Заметил мое движение, лениво отвернулся к окну.

И очень мне все это не понравилось.

4. Секретные материалы

Стирать — ненавижу. Но случается время от времени. Стиральным машинам не доверяю, стоят дорого, а результат сомнительный. Вот и приходится руками.

Все утро понедельника ушло на постирушку. Невыспавшаяся, злая, как обойденная приглашением фея из Шарля Перро, я мылила, полоскала, отжимала.

С юбкой, похоже, придется проститься. Кровавые пятна не оттираются. Побледнели, расплылись, но и только. Зато сразу вспоминается жена Синей Бороды, у которой не отмывался золотой ключик. И еще — Фрида с платком. Ассоциации, конечно, варварские, но верные.

Позвонила Танька, звала в гости. Знаю я эти гости — опять представит мне объект очередной любви до гроба, а после станет рыдать и советоваться. Тридцать лет девке, а самостоятельности, как в детском саду.

Отказалась. Чужло сердце, предстоят великие дела.

И точно — не успела я положить трубку, как нате, новый звонок. Спецназ беспокоит. Сейчас они, значит, с Доктором подъедут. Тортик принесут. И трубку положил, змей.

Это в мой-то беспорядок! И как теперь спастись? Я заметалась по квартире, то лихорадочно причесываясь, то сооружая потемкинскую деревню. Не сказать, чтобы у меня грязно, но одно дело — мой своеобразный уют, и совсем другое — принимать гостей. Куда-то надо пристроить угнездившиеся

повсюду стопки книг, переменить скатерть на столе... Мыть пол уже некогда. Вообще не люблю к себе приглашать. Сама предпочитаю наносить визиты.

Тортик, надо отдать должное, был правильный, какой я люблю — то есть шоколадный бисквит. Сидели на кухне, пили чай из сервизных чашек.

Их было трое — к Доктору со Спецназом присоединился еще Сисадмин. В миру — Алеша Ястребов, несмотря на свою молодость (или же благодаря ей) — компьютерщик высшего класса.

— Вы замечательно съездили в Мышкин, Ольга Николаевна, — проникновенно вещал Доктор. — Отрицательный результат все равно результат. А у нас появились новые сведения.

— И куда же вы хотите меня зафутболить с племянничком? — усмехнулась я уголками губ. Очень по-светски получается, если умеешь. Я умела.

— Вот, поглядите, — вмешался Сисадмин и протянул мне открытку. Белые розы, увитые золотой ленточкой, фигурная надпись «Поздравляем». На обороте — несколько наезжающих друг на друга строчек: «Дорогой Коля! Поздравляю тебя с днем рождения, желаю здоровья, счастья и успехов в учебе. Будь умницей и во всем слушайся старших. У меня все в порядке, не беспокойся. Твой дядя Юра».

— Это мне пришло, — пояснил Спецназ. — Это мне желают успехов в учебе.

— А почерк нашего Босса, никаких сомнений, — добавил Доктор.

— И как же это понимать? — Я уставилась на него, забыв даже про уголки губ. — Он что, с ума сошел?

— Не исключаю, — признал Доктор. — Есть тому свидетельства. Ознакомьтесь, Ольга Николаевна.

В моей руке оказалась компьютерная распечатка.

— По электронной почте, — вставил Алеша-Сисадмин. — Пришло сегодня утром. Вы почитайте, почитайте.

Дорогие коллеги, искренне раскаиваюсь в нашем с вами многолетнем эксперименте. Не знаю, есть ли у вас совесть, а у меня она имеется и мучит презрительно. Вам никогда не приходило в голову, что человеческий мозг — наивысшая драгоценность, и то, что мы делаем друг с другом последние годы, способно разрушить нас всех? Последствия могут быть ужасными. Поверьте, я привык доверять своим предчувствиям. А они, предчувствия, мрачны. Кроме того, есть здесь и моральный момент.

Привыкнув всегда и во всем полагаться на чужие ресурсы, не утратим ли мы самое себя, не станем ли бесплодными паразитами? А вдобавок, общество наше вынуждено быть тайным, а всякое тайное сообщество рано или поздно скатывается к мафии. Неужели никто из вас не задумывался об этом? Каюсь, я сам был слеп, я главный виновник всего происходящего, и вы вправе возненавидеть меня. Я и сам себе противен. И все же надо разорвать порочный круг, мы должны либо исчезнуть в нынешнем качестве, либо выйти наконец из тени и предать себя на суд человечества... Готовы ли вы сделать тот же выбор, что и я?

Ваш Юрий.

— Как видите, он явно не в себе, — мягко произнес Доктор. — Чувство вины, возвышенная стилистика — все это характерные признаки болезни. Пускай я специализируюсь не на психиатрии, но и базовые знания, и практический опыт...

— Адрес емейла левый, — добавил Сисадмин. — Сколько ни возился, отследить не смог. Скорее всего «ай-пи» энтэушный, значит, по карточке мог выйти в инет откуда угодно.

— А это точно он? — засомневалась я. — Может, провокация? Письмо мог написать кто угодно...

— Не узнаю вашей хваленной логики, — прищурился Спецназ. — Во-первых, писавший в курсе насчет Сети. Во-вторых, письмо пришло на тот Алешин емейл, который мало кто знает.

— Угу, — подтвердил Сисадмин, — я этот ящик специально для наших сетевых дел зарегистрировал.

— Тады-таки дело плохо, — пришлось мне признать очевидное. — И что дальше?

— Вы невнимательно изучили открытку, — попенял мне Спецназ. — самого главного и не заметили. Почтовый штемпель. Отправлено позавчера из Суздаля, почтовое отделение номер четыре.

— В общем, Ольга Николаевна, — подытожил Доктор, — надо бы вам с Олегом туда прокатиться. В любом случае съездите не зря, хоть город посмотрите. И мальчику полезно.

— Несомненно, — скептически поджала я губы. — У ребенка будут чудесные каникулы. Главное, я уже втянулась в роль гувернантки...

Повисла пауза, чем-то похожая на прозрачную медузу. Вот сейчас шлепнется с потолка — и обожжет.

Они все трое переглянулись.

— И вот еще что, Ольга Николаевна... — неуверенно начал Доктор. — Поскольку, сами видите, все так серь-

езно, то в крайнем случае... если болезнь Босса зашла слишком уж далеко, если он во что бы то ни стало решил поведать миру о Сети... с журналистами связался... Тогда — вот.

Он щелкнул замками дипломата и, покопавшись в его чреве, протянул мне маленькую, с полпальца, стеклянную ампулу. Внутри переливалось нечто бесцветное.

— Это можно в чай подлить... а можно в кофе, — все так же запинаясь, продолжал Доктор.

— Так! — Я с грохотом отодвинулась от стола. Вместе со стулом. — Вы что же это, родные, на криминал меня толкаете?

Будь я суеверной — обязательно связала бы не поддающиеся стирке кровавые пятна с этим вот эксклюзивным предложением. Но я выше предрассудков.

— В общем, так! — поднявшись, обвела я огненным взглядом своих соучастников. — Или вы забираете это и удаляйтесь из моей квартиры и жизни, или я набираю телефон «02».

Откровенно говоря, обе перспективы меня саму не прельщали, но что делать-то?

— Господи, Ольга Николаевна! — промычал Доктор. — Ну это надо же все понять с точностью до наоборот! Я же совсем не то имел в виду! Это не яд, успокойтесь. Алеша, налейте ей водички. Это лекарство. Металакситоамин. Вызывает сильное торможение коры головного мозга, глубокий сон, временное снижение мотивации... Просто чтобы его успокоить, погасить возбуждение...

— Вот, выпейте! — сунулся ко мне Сисадмин с водичкой.

— Не употребляю, — хмуро отклонила я стакан.

— Вы что же, в самом деле вообразили, будто мы толкаем вас на убийство? — грустно поинтересовался Спецназ. — Думаете, только у вас есть моральные принципы? В конце концов если уж убивать, то это же не так делается...

Опять образовалась тишина, и они молча смотрели на меня — три оскорбленные невинности.

— Ну ладно, давайте этот ваш витамин, — смягчилась я. — И впредь выражайтесь яснее.

5. Таинственный незнакомец

Руководство этой гостиницы я бы расстреляла. Пускай и гнилыми помидорами. Ну ладно, я все могу понять — не пятизвездочный отель, для своих делали. Но уж если один туалет на этаж — наверное, прочистить засоренный унитаз можно?

А простыни? Почему они влажные, если не сказать мок-

рые? Почему не открывается форточка? Где, в конце концов, мыло? Ну хорошо, я на всякий пожарный привезла свое, а если бы?

Олег, в силу своего несознательного возраста, не разделял моего возмущения. Ему все нравилось. Плюхнувшись на застеленную кровать, он задрывал в воздухе ногами, точно крутил педали велосипеда.

Конечно, высказалась по этому поводу. И по множеству других поводов, столь же мелких, но в сумме составляющих немалую величину.

...Будь я душой, мы, конечно, не сняли бы номер в третьесортной гостинице, а сразу ринулись в почтовое отделение номер четыре, узнавать об отправителе открытки. Но, к счастью, судьба не обидела меня разумом.

Во-первых, приехать в Суздаль и не побродить по храмам, по монастырю и здешнему кремлю — это верх некультурности. Во-вторых, не было у меня уверенности, что на почте мне сразу на блюдечке поднесут координаты отправителя. Дай Бог, чтобы хоть в лицо его запомнили. А дальше придется искать. И наконец, кто сказал, что уговоры найденного Босса продлятся полчаса? По всему выходило, что не меньше недели нам придется тут просидеть.

— В общем, так! — повернулась я к Олегу. — Первым делом мы отправляемся на экскурсию в Суздальский кремль. Потом пообедаем, после чего ты останешься в гостинице, а я наведаюсь на почту.

— А почему не вдвоем? — недовольно протянул Олег.

— Потому. У меня в запасе романтическая легенда, дескать, мчусь по следам сбежавшего любовника. Девочки на почте умрут от восхищения. А ты решительно не вписываешься. С племянником любовника не ищут.

Олег кивнул. Сообразительный, однако.

— Кстати, переоденься. Что это за вид — шорты, майка? В кремль так не ходят. Даже в суздальский.

— На фига, — сейчас же заныл он. — Жарко же, двадцать восемь градусов.

— Вот когда будет восемьдесят два, тогда можешь заголяться, — отрезала я. — А пока соответствуй культурным традициям. Не в футбол идешь играть, в самом деле. Хочешь, чтобы все цивилизованные люди на нас с тобой косились?

Ворча и бурча, Олег залез в джинсы и светлую рубашку. Полина, по моему настоянию, экипировала его основательно.

— Галстук не надо, тетя Оля? — съехидничал он напоследок.

— Желательно, — подтвердила я. — Но у тебя все равно его нет.

Люблю музеи — начиная от районных краеведческих и кончая Историческим. Люблю очищенную от паутины пыль веков. Сразу чувствуются корни. И ты уже не песчинка на бархане века, ты сливаешься в некое единство с князьями, монахами, смердами... Ах, все эти кольчуги, прялки и колокола! Вот так же и от нас останутся носовые платки, дискеты и банки из-под пива, и почтительные потомки будут разглядывать все эти защищенные незримой стеной силового поля сокровища.

В Суздале я, конечно, была не впервые, но пятнадцатилетний перерыв сказывался — многое подзабыла, и сейчас, таская Олега из зала в зал, лихорадочно наверстывала упущенное.

— Тетя Оля, ну дайте же мне эти топоры посмотреть по-настоящему, — кривился он, когда я устремлялась к вышивкам и глиняным поделкам.

— По-настоящему надо не смотреть, а махать. Раскраивая черепа врагов, — отвечала я и устремлялась к подлинникам боярских духовных завещаний пятнадцатого века.

От коллекции золотых и серебряных монет мальчишку пришлось буквально отдираТЬ клешнями. Во всяком случае, недовольству его не было предела. Но не торчат же три часа на одном месте? Почта, как я выяснила, закрывается в шесть, надо еще успеть туда, пообщаться на известный предмет.

— Ну что вы меня все время таскаете, как собака кость? — взвыл он под конец.

— Выбирай выражения, — нахмурилась я. — Мог бы и сказать: «как нитка за иголкой». Интеллигентно и к месту.

— Какая, блин, разница? — сейчас же ошетинился Олег. — Я что, нанялся за вами шляться? Мне тут оружие интересно и монеты, а все остальное — фигня. Вам надо, вы и бегайте, восхищайтесь. А меня не трогайте.

— За «блин» ответишь. — Я понемногу начинала закипать. — К твоему сведению, это столь прозрачная замена известной цензурищины, что и разницы, по сути, нет. Я, во всяком случае, не вижу. Кроме того, ты взгляни на себя объективно и подумай о своем поведении. Мне уже надоело напоминать о послушании, о твоих обещаниях. И потом, что за идиотская брутальность?

34 Оружие ему подавай! Вместо того чтобы гармонично обо-

гащать душу всей совокупностью сокровищ древнерусской культуры...

— Мне, между прочим, не пять лет. — Скулы у Олега заострились. — Что вы все время втираете... Туда нельзя, то не смей... в такую жару как чучело одеться заставляете...

Голос его задрожал, и на нас уже стали оборачиваться. Мне и самой была неприятна эта сцена, но отступать не следовало. Надо показать, кто в нашей стае альфа, она же доминанта.

— Вот сейчас ты ведешь себя ровно на пять лет, — холодно произнесла я, сверля взглядом его переносицу. — Не сотрудник в серьезном деле, а мелкое сопливое существо. И обращения заслуживаешь соответствующего. Ты обещал слушаться меня во всем и не возникать — а в результате не можешь вести себя хотя бы интеллигентно. Тьфу!

Не говоря более ни слова, я резко повернулась и направилась к выходу. Ни в коем случае не глядя назад — пускай поддается. Пускай в нем случится короткая борьба, после чего побежит за мной как щенок.

Оборачиваться и не требовалось. Витрины тут могут послужить зеркалом, и видно было, как Олег, потоптавшись, нерешительно последовал за мной.

Не сбавляя скорости, я вышла на улицу. Гордо прошествовала к воротам. Сейчас обедать, потом эту кость закинуть в гостиничный номер, а самой, как упомянутой собаке, устремиться по боссовому следу.

Глянув на часы, я раздраженно обернулась. Ну и где этот пристыженный мальчишка?

Олега не было.

Главное — не нервничать. Спокойствие, только спокойствие. Он мог банально заблудиться в залах музея — те соединены столь странно, что не удивлюсь, если к ним применима неевклидова геометрия.

Выждав некоторое время, я ринулась обратно в музей. Стрелой пронеслась по всей экспозиции, пугая посетителей своим целеустремленным видом.

Тщетно.

Выйдя наружу, я методично обегала территорию кремля. Пацанов всяких на пути попадалось изрядно, но не было нужного.

А если вдруг все же — что я Доктору скажу? А главное, Полине?

Самое поганое — тут несколько ворот, и пока я тратила драгоценное время возле главных, он вполне мог смыться другим путем. Или его смыли...

Кто? Зачем? В кидднелинг не верю, это или на Западе, или у крутых бандисменов. Не наш случай.

В милицию заявлять? Все равно искать начнут как минимум через три дня. И кроме того, выяснится, что никакой он мне и не племянник. А менять легенду, представляясь приятельницей Доктора, — лишнее. Если найденный Олег что-то выкнет о тетушке...

Интересно, помнит ли он адрес гостиницы? И, кстати, номер нашего номера?

Бежать на почту при таком раскладе не имело смысла. Пришлось возвращаться в гостиницу и сидеть как на иголках.

Я по привычке потянулась было в Сеть, но тут же и оставила эту затею. Мне ведь сейчас не надо стрелять и драться, составлять уравнение химической реакции или выискивать подводные камни в договоре купли-продажи. Тут уж я сама себе ресурс.

Спустилась вниз, предупредила дежурную, что мальчик может не помнить номер. На всякий случай выяснила, где тут милиция.

Позвонить, что ли, Доктору, обрадовать? В сумке лежал выданный мне мобильник, но зачем расстраивать хороших людей раньше времени? Пускай на валерьянке сэкономят.

Верующий человек, должно быть, в таких случаях молится разнообразным святым угодникам. Но я выше этого, я давно, еще лет сорок назад поняла, что полагаться можно лишь на себя. К самообману не склонна.

Непутевая Танька порой язвит, что именно потому у меня и не сложилась личная жизнь. Дескать, мои запросы выше этого мира. Дескать, я выставляю мужчинам столь высокую планку, что лишь Бруммель или Бубка способны сигануть. Но вот как раз эти двое мне глубоко ортогональны. Вообще не одобряю профессиональный спорт. Пустое занятие. Сколько времени, денег и здоровья туда вбухивают, а что на выходе? Болезни, искалеченные судьбы и кузница бандитских кадров.

Я не удержалась, посмотрела на часы. Ну, еще пять минут прошло. В следующий просмотр будет десять. И что дальше? Неужели я — сама Нонова! — нервничаю? Не бывает тому.

Сосчитала до ста, в обратном порядке. На каждый счет глубоко дышала. Потом заставила себя взять синий томик.

Все нормально, читаю книжку.

Бегу за ветром,
Крыльями вскинув руки.
Смеются дети.

Так, строго логически. Какие варианты? Похищение отмечаем. Пока. Ушел в самостоятельное плавание? В заднице шило, в голове ветер. Заблудился. Не тайга — людей полно. Обратится? Или упрямо нарежет круги, ища гостиницу? Как там у Жванецкого: «Двадцать верст кругая, лишь бы не спрашивать дорогу». А может, в милиции? Знаю я эти фокусы. «Несовершеннолетний шел с вызывающим видом». Ну, я им устрою пешное действо на Бородинском поле! Тут уж ни к Юристу, ни к Спецназу подключаться не обязательно, сама умею.

Я резко захлопнула книгу, встала, поправила прическу. Надо бы дежурную предупредить, вдруг чего.

«Вдруг» нерешительно поскреблось в дверь. Потом открыло — и просочилось внутрь.

Господи! Ну и видок у него! Некогда светло-кремовая рубашка обрела грязно-бурый цвет, причем, похоже, не сохранилось ни единой пуговицы. Джинсы вымазаны не то в глине, не то в худшей пакости. А главное, лицо! Под левым глазом наливаются живописный синяк, волосы встрепаны, губы разбиты, темная корочка крови запеклась.

Вот оно, счастье! Живое, здоровое, и ни в какую милицию ходить не надо...

— Гм... — скрутив эмоции, изрекла я. — Во-первых, ступай в туалет, умойся. Вот, возьми мыло и полотенце. Расческу тоже. По коридору направо, до конца. Потом поговорим.

Умывался он долго, основательно. Я по часам следила — одиннадцать минут. Потом вернулся и с видимым удовольствием переоделся в непарадное.

Рубашка ладно, я сразу же замочила ее в холодной воде (горячей, кстати, здесь и не водилось). А вот джинсы мало что стирать — их кропотливо зашивать надо. В куче мест. Работа долгая...

Аптечка у меня всегда под рукой. Сперва перекисью водорода, потом йод (решила не портить ему красоту зеленкой), свинцовая примочка под глаз. Ничего страшного, незачем подключаться к его папе.

— Ну а теперь рассказывай, — сухо велела я, завершив предварительные действия.

— А чего... — насутился пацан. — Ну я погулять решил. Ну надоели мне ваши «совокупности сокровищ».

Что я, маленький? Я в восьмой класс перешел. Что мне, погулять нельзя? Я же не собирался долго.

— Угу, угу. — Я понимаю кивнула. — Решил отомстить нудной тетушке, сыграть на ее нервах «Лунную сонату». Бывает.

— Ну, короче я пошел, там другой выход есть. По улице пошел, бульвар такой широкий, по одну сторону парк, по другую обрыв. Мороженого съел, а потом эти... — Он заметно помрачнел. — Их четверо было, большие, класс десятый. Бритые налысо, наглые. Подходят, говорят: «Чего, блин, не здороваешься?»

— Опять блин? — Я сморщилась, точно паука проглотила. — Не выражайся.

— Я не выражаюсь, я цитирую, — шмыгнул носом «племянничек». — Короче, я говорю, типа, не знаю вас, а они мне: «А чего такой наглый?» Ну и дальше покатилося. Затащили в какой-то переулок, а на бульваре народу много было, и всем до фени... — Не удержавшись, он всхлипнул.

— Понятное дело, — согласилась я. «Не бойтесь убийц, не бойтесь предателей — бойтесь равнодушных, ибо с их молчаливого согласия совершаются все предательства и убийства». Умный человек сказал. Давно. А чего ты хотел, собственно? Чтобы всадники на гнедых конях, хором: «Не трогать!» Не в сказке живешь.

— Короче, затащили они меня, деньги выгребли, у меня пятьдесят рублей оставалось. Я защищался... Только от них фиг защитишься, такие бугаи...

Я поглядела на него непонимающе.

— А как же Сеть? Забыл о любимой палочке-выручалочке?

— Да в том-то и дело, — с досадой хлопнул он ладонью по коленке. — Не получилось! Я же сразу попробовал, когда они только словами наезжали. Обломись!

— Что за выражения! — для порядка проворчала я.

— Ни фига не вышло. Серый туман появляется, и все, и ничего больше. Никаких каналов, никаких меню. Просто пустота, ничего не светится, и нырять туда... а если не вынырнешь? Вот и пришлось... своими силами.

Меня удивить трудно. Многие пытались, бедные, мне их жалко. Но тут... Олег говорил такое, что никак не укладывалось в голове. Два года я в Сети, и ни разу не случилось подобного. Да, бывает, что закрыт доступ к отдельным ресурсам.

Бывает, что доступ ограничен, особенно если у новичка. Или у ребенка. Скажем, тому же Олегу незачем под-

лючаться к нашему Саперу или Сексопатологу. Но все равно не увидел бы светящийся канал ресурса, только лучик его допуска растаял бы в пустоте бесплодно. Соединения не возникло бы. А тут...

— Интересные дела... — прокомментировала я. — И что же было дальше?

— Дальше... — Олег понурился, опустил взгляд. — Ну, в общем, они сказали, что я больно борзый, сейчас они меня асать будут. Повалили на землю, и ногами... почти начали. Только тут этот дядька откуда-то выскочил...

— Какой еще дядька? — инквизиторским тоном произнесла я.

— Тот самый, тетя Оля, мы с ним еще тогда из Мышкина хали, в автобусе. Ну помните, который водителю сказал, что-то меня к мотору пустили. Такой качок...

Ну как же... Квадратный Парень отпечатался в моем мозгу надолго. Колоритный овощ. Вернее, фрукт.

— Он знаете как их швырял! — восхищенно рассказывал пацан. — Как Брюс Ли. Двоих сразу обеими кулаками...

— Обоими, — механически поправила я.

— А одному ногой прямо по яйцам... ой, извините... А как же иначе сказать?

— Интеллигентные люди говорят «между ног». Но избавь меня от деталей. — И так это звучало, словно пересказ американского боевика. — Я и без того понял, что враг позорно бежал. Тот, который не лежал. Дальше-то что было?

— А дальше он меня поднял, говорит: «Бывает, пацан. В другой раз не базарь с такими, а сразу первого по яйцам, и беру...»

Да... Никуда не денешься от этих яиц. Надо научить его лову «гениталии».

— Ну и все, — закончил меж тем Олег. — Он сказал: «Ладно, бывай». И пошел себе. И я тоже пошел.

— Больше ничего не сказал? — придирчиво уточнила я.

— Ну, — вспомнил Олег, — он еще спросил, помню ли я, где гостиница. Типа, может, проводить? А чего провожать, у меня зрительная память стопроцентная. Ну, и я пришел. Вот.

Я лишь вздохнула. Все это, конечно, странно. Но самое главное — Сеть.

Я вздохнула — и серая пленка привычно обтекла меня, и холод, как всегда, отдавал мятным леденцом. И синие мейки каналов струились в пустоте. Карта явилась по

ключаться к нашему Саперу или Сексопатологу. Но все равно он увидел бы светящийся канал ресурса, только лучик его допуска растаял бы в пустоте бесплодно. Соединения не возникло бы. А тут...

— Интересные дела... — прокомментировала я. — И что же было дальше?

— Дальше... — Олег понурился, опустил взгляд. — Ну, в общем, они сказали, что я больно борзый, сейчас они меня гасить будут. Повалили на землю, и ногами... почти начали. Только тут этот дядька откуда-то выскочил...

— Какой еще дядька? — инквизиторским тоном произнесла я.

— Тот самый, тетя Оля, мы с ним еще тогда из Мышкина ехали, в автобусе. Ну помните, который водителю сказал, что-бы меня к мотору пустили. Такой качок...

Ну как же... Квадратный Парень отпечатался в моем мозгу надолго. Колоритный овощ. Вернее, фрукт.

— Он знаете как их швырял! — восхищенно рассказывал пацан. — Как Брюс Ли. Двоих сразу обеими кулаками...

— Обоими, — механически поправила я.

— А одному ногой прямо по яйцам... ой, извините... А как еще иначе сказать?

— Интеллигентные люди говорят «между ног». Но избавь меня от деталей. — И так это звучало, словно пересказ американского боевика. — Я и без того понял, что враг позорно бежал. Тот, который не лежал. Дальше-то что было?

— А дальше он меня поднял, говорит: «Бывает, пацан. В другой раз не базарь с такими, а сразу первого по яйцам, и деру...»

Да... Никуда не денешься от этих яиц. Надо научить его слову «гениталии».

— Ну и все, — закончил меж тем Олег. — Он сказал: «Ладно, бывай». И пошел себе. И я тоже пошел.

— Больше ничего не сказал? — придирчиво уточнила я.

— Ну, — вспомнил Олег, — он еще спросил, помню ли я, где гостиница. Типа, может, проводить? А чего провожать, у меня зрительная память стопроцентная. Ну, и я пришел. Вот.

Я лишь вздохнула. Все это, конечно, странно. Но самое главное — Сеть.

Я вздохнула — и серая пленка привычно обтекла меня, и холод, как всегда, отдавал мятным леденцом. И синие змейки каналов струились в пустоте. Карта явилась по

первому зову. К кому бы подключиться для проверки? Да хотя бы к Химику.

Подключилась. Узнала формулу тринитротолуола. Да, во многом знании много печали. Подумала об испорченной юбке, но чем еще отстирывать, науке химии неведомо.

— Вот, — заявила я, войдя в привычный мир. — Работает машинка-то. Не понимаю, что с тобой было?

Я вообще, признаться, многого не понимала. Раньше Сеть никогда не сбоила. Что-то стряслось с Боссом? Может, стоит ему умереть — и истончатся связывающие нас каналы, загнет-ся Сеть? Но сейчас-то все работает.

И еще этот Квадратный Парень. Очень странно. Ну ладно, ну, ехал тогда в автобусе. Хотя крутые рассекают в крутых тачках, а не на давно снятых с производства «Икарусах». Что парень из бандюков, ясно и пьяному ежику. Но мало ли... А вот сегодня каким ветром его принесло? В нужное время, в нужное место...

И вдобавок царапал меня вопрос: а откуда, собственно, этот Квадратный знал, в какой мы с Олегом остановились гостинице? А ведь знал, раз уж вызвался в провожатые. В ангелов-хранителей не верю. Тем более в квадратных.

Однако не стоит забывать и про науку педагогику.

— Вернемся все же к нашим проблемам, — сухо сказала я. — Поведение твое иначе как свинским назвать не могу. Свои подростковые комплексы будешь тешить дома, с мамой и папой, а сейчас мы партнеры и должны работать. А не маяться дурью. Видимо, не срослось у нас. Боюсь, что придется мне сегодня же отвезти тебя в Москву и сдать с рук на руки Сергею Павловичу. А завтра с утра вернусь сюда и продолжу работу самостоятельно. По крайней мере не придется разрываться и дергаться.

На ругаемого было жалко смотреть. Не в том он еще был возрасте, чтобы сдерживать слезы. Он и не сдержал. Разумеется, среди его соплей звучало сакраментальное «я больше не буду» и «пожалуйста» в самых разных сочетаниях.

— Ладно, — вздохнула я. Настало время смягчиться. — Во всяком случае, тебя придется очень сурово наказать. Так, что-бы запомнил на всю жизнь. Ты меня понял?

Мальчишка обреченно кивнул.

— Твой папа, — продолжала я, — посоветовал обращаться с тобой максимально строго. Так что уж не взыщи.

Я вынула из своей сумки папку с распечатками, ручку и тетрадь.

— Как мне доложили, у тебя годовая «тройка» по алгебре. И причина понятна — тебе не закрыли вовремя доступ к Декану. О этот сладкий вкус халявы! А когда пришла пора жить своим умом — растерялся и нахвтал «двоек». Так что будешь решать задачи.

— На дробь? — пискнул он испуганно.

— Да, на дробь, — безжалостно сказала я. — Каждый вечер будешь решать, пока мы вместе. Или пока твой уровень не достигнет устойчивой «четверки». Устойчивой в моем понимании... Вот, кружочками отмечены номера, которые ты сделаешь сегодня.

На почту я, разумеется, уже не успевала. И потому можно было спокойно опуститься в кресло, взять книгу, погрузиться мыслью в начало позапрошлого века.

Кончается дождь,
Солнце светит украдкой.
Не знает, кому.

6. Подвижные игры

Думала, придется скандалить. Так и представляла себе очередь, змеиными кольцами обвившуюся вокруг почты. Все нервные, потные, пахнут жареным луком и смертными грехами.

Оказалось, ничего подобного. Прохладно в почтовом отделении номер четыре и почти пусто. Время, конечно, утреннее, день рабочий, но все равно в столице такое невозможно.

Я не сразу ринулась, сперва присмотрелась. Посидела на стульчике, проглядывая наспех купленный журнал. Пишут всякую ерунду.

Явилась бабушка получать по переводу. Бойкая безвкусно размалеванная девица отправила телеграмму. Пришел небритый дядя, по виду такому лишь бутылки собирать. Однако купил международный конверт.

В воздухе витал едва ощутимый цветочный аромат. Возможно, тут мух травили какой-то пахучей аэрозолью. Спасибо, что не дихлофосом.

Наконец, созрев, я сунулась в то окошечко, где торговали конвертами и открытками. Девчушка, сидевшая там, мне даже понравилась. Ни следа косметики, ногти без всякого маникюра, прическа — отнюдь не панковский гребень. С такой можно общаться...

— Добрый день, девушка, — мило и искренне улыбнулась я. Не столь уж сложная улыбка, в свое время натренировала ее, общаясь с родителями учеников. С теми, которых я вызывала для неприятных разговоров.

Девушке было ощутимо скучно, и грех было это не использовать. К счастью, никто за моей спиной не маячил, времени полно.

Доверительным тоном я изложила ей романтическую легенду №1. Все просто, как ветер и дождь, все сложно, как ночь и душа. Есть друг у меня, очень близкий, и хоть мы немолоды оба, но что это значит, когда... Я, в общем, сама виновата, однажды при нем пошутив. Самой мне казалось, смешно, а вышло, как бритвой по вене. Мужские сердца, между прочим, таинственны так же, как наши. Бог весть, что помнилось ему, но только он взял и уехал, без адреса, в снежную замять. И вот уж полгода за ним пытаюсь угнаться я. Тщетно. Мелькнет вдруг какой-нибудь след — и лопнет, как мыльный пузырь, как фантик без сладкой конфеты. И вот, снова лучик блеснул — знакома с его я сестрою. Недавно сказала она, что младшему сыну открытка пришла. От него, дядя Юры. И даже дала мне взглянуть.

Ну и далее подобная же лирическая дребедень. Хорошо я умею собой владеть, ни разу не прыснула. При желании могла бы играть в драматическом театре. Только вот желания нет.

Долго ли растрогать девочку? Тем более я и хотела-то от нее не сегодняшнюю выручку, а всего лишь узнать — не запомнила ли она человека, три дня назад, в воскресенье, покупавшего в этом окошечке (видите, штемпель) вот эту открытку?

Конечно, я рисковала. Девочка вполне могла быть выходной в тот день. Пришлось бы тогда выяснять, кто сидел на ее месте... И как знать, удалось бы мне очаровать ее сменщицу? Бывают ведь такие бабцы, с которыми даже я не в силах сладить.

Да и, в конце концов, могла она попросту не запомнить. Это сейчас тут безлюдно, а где гарантия, что так всегда? Может, одуревшая от жары, она и не замечала потных лиц, отсчитывая сдачу?

Мне повезло. Вернее, не повезло. Девочка оказалась приметливой и покупателя открытки запомнила. Открытка дорогая, такие идут плохо. А парень ей понравился. Высокий, усатый, смуглый, но на кавказца не похож, свой. В

желтой майке, спортивных брюках. Лет двадцати пяти на вид. Ну максимум тридцати.

Я вздохнула, не считая нужным скрывать разочарование.

— Увы, дорогая. Ошибка. Мой Юра раза в два постарше будет. И волосы его уже совсем не такие черные, как тридцать лет назад. Да и не столь много их осталось, по правде говоря. И рост... Нет, не сходится.

Было видно, что девушка и сама расстроена. Такая красивая сказка... и так заманчиво внести в нее счастливый конец... но проза жизни...

— Вот так всегда, — сокрушенно вздохнула она.

— Именно, — кивнула я. — А не может быть, что в тот день кто-то еще покупал у вас такую же открытку?

— Нет, — возразила девушка, — я же отмечаю, сколько продано. Хотя... — задумалась она... — А вдруг этот ваш Юра купил свою открытку в другом месте, а бросил в наш ящик? Таких открыток всюду навалом... не берут...

Да, определенная логика здесь есть. И что теперь? Обходить все почтовые отделения Суздаля? А кто сказал, что Босс купил эту открытку именно в Суздале?

Воистину, как мыльный пузырь. Как фантик без сладкой конфеты. Похоже, зря катались.

Поблагодарив девушку, я вышла на воздух. Ощутимо припекало. Ну ладно я, организм железный, а как же остальные? Жалко их.

Ох, и парит, однако! Вечером небось гроза будет. Вот грозу люблю. Чувствую некое внутреннее сродство.

Но вечером скорее всего мы с Олегом покатаем в автобусе домой. Что толку торчать в Суздале? Если даже Босс и впрямь окопался тут, надеяться можно лишь на случайную встречу. А Суздаль не столь уж мелкий городишко, вероятность... Не обязательно подключаться к Декану, чтобы оценить эту вероятность в ноль целых ноль десятых. Разве что интуиция Олега решительно воспротивится. Тогда еще посмотрим.

И все же это странно. Открытка определенно написана рукой Босса, в этом я доверяю Доктору со Спецназом. Отправлена она действительно с этого почтового отделения, штемпелю тоже верю. Вопросы: кто и когда? Кто отправил и когда написал? Босс ведь мог купить такую открыточку и месяц назад, и тогда же написать. А отправил лишь в минувшее воскресенье. Отсюда. Или отправлял не сам? Кто же? Усатый парнишка в спортивных штанах? А зачем же тогда покупал

такую же открытку? Логичнее всего предположить, что сей тигрис тут вообще ни при чем. Ложный след, камешек в кусты. Вот только кто швыряется камнями?

В гостинице меня ждал большой сюрприз. Заключался он в том, что никто меня не ждал. Олега в номере не было.

Да, вновь картина Репина «Приплыли». Только вчера я низводила и курошала мальчишку, должно еще действовать. Мой педагогический опыт подсказывал, что после такой воспитательной акции следующий бунт возможен не ранее чем спустя две недели. И вот...

И главное, выбрал же время! В самый что ни на есть рабочий момент, когда должен сидеть и ждать известий. И вроде с утра вел себя тихо...

И где же мне теперь его искать? Стоп, а вдруг он просто-напросто в туалете и сейчас явится? Подожду.

...Нет, определенно что-то не то. Полчаса в туалете не сидят, даже при самой ужасной диарее. Определенно удрал, паршивец!

Спустилась вниз, пообщалась с дежурной. Та ничего не видела, *при ней* (эти слова она выделила голосом) никакой мальчик отсюда не выходил. Что ж, все понятно ежикам. И трезвым, и пьяным. Убегала тетенька с боевого поста по личным делам. Грех. Но не судите, да не судимы...

Оставалось вернуться в номер, ждать и размышлять. Например, о том, что сотворить с Олегом, когда тот вернется? Если уж задачи на дробь не помогают...

Вторая, не менее интересная тема — это что я скажу Доктору, если Олег не объявится хотя бы к вечеру?

И наконец, самое животрепещущее — а что, если беда? Раз уж Сеть засбоила единожды, это может случиться сколько угодно раз. И если, угодив в какую-нибудь историю, подобную вчерашней, мальчик понадеется на Сеть... Думать об этом было крайне противно.

И я даже обрадовалась, когда из моей косметички раздался назойливый писк. Верещала мобила.

— Добрый день, Ольга Николаевна, это Николай!

Мог бы и не представляться, Спецназ по голосу трудно не узнать. Характерный голос.

— Добрый, — с некоторым сомнением ответила я.

— Как ваши успехи? — поинтересовались из трубки.

На миг я задумалась, рассказывать ли о проделках Олега. Решила, что незачем. Испортить людям настроение никогда не поздно.

— Успехи нулевые, — сообщила я сухо. — Была на почте. Законтачила. Без толку. Открытку действительно купили в этом отделении, но совсем другой человек. Какой-то молодой высокий. Если наш любимый до сих пор здесь, то никаких ниточек не нашли. Думаю, бесполезно искать.

— Правильно думаете, Ольга Николаевна. — По контрасту с моей официальной сухостью голос Спецназа так и лучился хвастливым оптимизмом. — Наконец-то взяли четкий след. Сегодня с утра пораньше Михалыч звонил Доктору. Разговор был какой-то скользкий, то ли он прощения просил, то ли прощался навеки... Есть подозрение на суицидальные мотивы. Но главное не это. Сисадмин тут же смотался на АТС, там у него есть свои завязки. Короче, звонок был междугородний, из такого мелкого городишки Варнавина, в Нижегородской области.

— И чего его туда занесло? — хмыкнула я. — А это точно он?

— Ваша подозрительность понятна, — промурлыкал Спецназ, — но у Доктора с недавних пор все разговоры записываются. Так что мы проверили запись. Никаких сомнений, он. И значит...

— Несложно догадаться, — опередила его я. — Нам с Олегом развернуть стопы и направиться в этот самый Варнавин?

— Именно, — подтвердил деликатный Николай Юрьевич. — Причем для экономии времени вам лучше не возвращаться в Москву, а доехать до Владимира, это от вас рядом. И там есть прямая электричка до Нижнего. Дальше оттуда два с лишним часа электричкой до Ветлужской, потом автобус... вы как в Нижнем будете, мне отзовитесь, объясню подробнее. Денег-то пока хватает?

— Денег-то хватает, — мрачно заметила я, — зла не хватает...

И решительно нажала на сброс. Пускай подергается. В самом деле, что за дела — пожилую женщину гонять с электрички на электричку, автобусы... и ведь предстоят не «Икарусы», где, откинувшись в кресле, можно читать старинные хайку. Предстоит нечто ужасное, пронзительно-провинциальное.

Хотя, вполне может статься, ничего не предстоит. Если Олег так и не вернется... Нет, уж лучше пешком до Варнавина...

В дверь поскреблись. Совсем по-вчерашнему. Ну, наконец-то! Сейчас я ему устрою прикладную педагогику!

Женщина я пожилая, волноваться мне вредно. А приходится. Судьба такая.

Увидев в дверном проеме Квадратного Парня, я не удержалась от того, чтобы растерянно мигнуть. Но лишь на мгновение. Тут же, подавив плотный комок в горле, я взяла себя в руки.

— Что это значит? — В голосе моем, надеюсь, звучало достаточно льда.

— День добрый, Ольга Николаевна, — жизнерадостно улыбнулся парень и без приглашения уселся на стул. Внимательно, цепко оглядел меня.

— Может, и добрый, — задумчиво сообщила я ему. — А может, и нет. Как мне кажется, нелегкая вас принесла сюда не случайно.

— Вам правильно кажется, — согласился парень. — Меня, кстати, Толиком зовут.

— Сказала бы я «очень приятно», да только с детства не имею привычки лгать, — пожевала я губами. Чувяло мое сердце, что квадратный Толик ничего доброго мне не скажет, а значит, чем грубее с ним держаться, тем быстрее из него все информативное и выльется.

— Что ж так сурово, Ольга Николаевна? — Он сделал вид, что удивился. — А я ведь просто зашел пригласить вас. Люди хотят поговорить. Серьезные люди.

— Серьезные люди ходят ко мне сами, а не присылают не пойми кого, — подбавила я желчи. — И о чем же им, серьезным, говорить со мною, пенсионеркой?

— Ну, — показал Толик белоснежные, как мечта дантиста, зубы, — например, о племянничке вашем, Олежке.

— Где мальчик? — рубанула я его взглядом.

— Успокойтесь, все в порядке, — ухмыльнулся Толик. — Мальчик у нас в гостях. И все с ним будет хорошо, если... — Он не договорил. И так все понятно.

Что ж, по крайней мере кусочки паззла начинают складываться во что-то конкретное... чисто конкретное. Ясно по крайней мере, что милиция отдыхает. Во всех смыслах.

Ладно. Сейчас я поговорю с этой шкафообразной гориллой по-другому. Не люблю брутальности, но сказано же у моих любимых японцев:

Тех, кого слово
Не смогло образумить,
Излечит тростник.

Я коротко вздохнула — и вошла в Сеть.

А там оказалось пусто. Холод влился в душу, исчезли звуки, раскрылась передо мной необъятная серость — но больше не было ничего. Ни синевато-голубых ручейков-каналов, ни потрепанной, с загнутыми уголками, карты. Лишь едва уловимый ветер коснулся моего разгоряченного лба.

Вот и со мной случилось. Теперь я куда лучше понимала вчерашнюю трагедию Олега. Но что же все-таки стряслось? Чего ты напортачил, Босс?

Пришлось вернуться в мир. Квадратный Толик спокойно и даже, как мне показалось, участливо смотрел на меня.

— Проблемы, Ольга Николаевна? Может, того? Таблеточку какую успокоительную?

Во всяком случае, нос вешать рано. Вчера же Сеть в конце концов восстановилась. Да и если уж применять рукомашество с дрыгоножеством, то не к шестерке Толику, а к тем самым «серьезным людям».

— Ладно, — поднялась я. — Ведите меня к вашим генералам. Поглядим, что за такие гуси лапчатые. Идти-то далеко?

Квадратный опять продемонстрировал незнакомые с бор-машиной зубы.

— Зачем же идти? Поедем с комфортом. С ветерком.

Внизу, возле гостиничного подъезда обнаружился черный джип. И я еще подумала, с первого ли выстрела его подожжет базака? Хотя в ближайшие мои планы это и не входило.

7. Красавица и чудовище

В этом подвале, надо полагать, годами расчленили, резали, жгли утюгами и кислотой... Видок по крайней мере соответствующий. Мрачные сырые стены, штукатурка местами обвалилась, змеятся под потолком трубы, где-то капает вода. Тусклая лампочка не столько освещает, сколько подчеркивает плотные тени по углам.

Психология! Пациент сразу должен ощутить серьезность своего положения. Будь я атаманшей разбойников, именно так бы и оборудовала помещение для переговоров. Я, кстати, атаманшей уже была — полвека назад, в школьном драмкружке. Ставили «Снежную королеву». Ничего, мне понравилось.

Кресло, однако, тут нашлось. Некогда роскошное, директорское, но теперь обшивка разорвалась и гостеприимно выглядывали из ваты пружины.

— У нас тут, извините, обстановочка, — глубокомысленно изрек Толик. — В кресле поосторожнее, а то ваша новая юбка станет старой.

Он думал, это остроумно.

Я решила проявить голубиную кротость. Обратная сторона коей — мудрость змия. Вот выберу момент и ужалю, мало не покажется. А пока изобразим испуганную старушку.

Тем более это почти правда.

Долго ждать мне, впрочем, не пришлось. Откуда-то из тьмы вышел человечек. До человека не дорос. В дорогом костюме, при галстукe. В такую жару — как не позлорадствовать?

Был человечек худ, лицом печален, а главное — лыс. Я не удивилась. Разве я жду от него чего хорошего?

Вслед за ним явились квадратный Толик и еще один кадр, похожий на кабана. Тащили кресло для шефа. Прямо как мое, только пружинки не торчали.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна, — грустно сказал человечек и сделал нетерпеливый жест: испаритесь. Толик с коллегой моментально утянулись во тьму.

Я не стала отвечать. Рано.

— Прежде всего хочу извиниться за обстановку. — Он неопределенно повел рукой. — Дело в том, что в офисе нашу встречу проводить нежелательно... есть на то причины. А это помещение... скоро здесь будет нормальный склад.

— Героин в бочках? — не утерпела я.

— Зачем героин? — удивился мой собеседник. — Электро-товары. У вас какие-то банальные представления... устаревшие. Поверьте, эпоха малиновых пиджаков давно прошла.

— И вы теперь стали интеллигентными? Оджентльменились? — Я слегка усмехнулась. — А докажите делом!

— Это как? — не понял лысый.

— Поменяйтесь со мною местами. Джентльмен не сажает даму на пружинки.

Я поднялась с кресла и приглашающе ткнула рукой.

— А у вас есть зубки, — засмеялся лысый и, к моему удивлению, действительно пересел в кресло для посетителей.

— Еще бы, — согласилась я. — К дантистам хожу регулярно, о профилактике не забываю.

— Это правильно, — кивнул пахан (или кто он там в бандитской иерархии?). — Нужно ходить к докторам. И к юристам, и к деканам, и к химикам.

Ого! Намек столь же толстый, как и ломоть деревенского сала! Значит, случилось банальное. Утекла тайна, и скорее всего через кого-то из наших. И теперь, разведав о наших возможностях, мафиози возжелали... Чего именно? Подключиться к нам? Крышевать? Построить свою внутреннюю Сеть? И сколько же им известно?

— Резонно. — Я ободряюще улыбнулась ему. — И как же вас звать, господин резонер?

— Называйте Савелием Фомичом, — отозвался лысый. — Сразу внесу ясность — я тут далеко не самый главный, но представляю интересы очень серьезных людей. И давайте поговорим без ерунды. Нам нужна ваша помощь, Ольга Николаевна. Вы сейчас по поручению московских друзей ищете одного человека. Терлецкого Юрия Михайловича. Того самого, которого в своем кругу вы называете Боссом. Того самого, кто объединил вас в психическую сеть. Как видите, мы знаем довольно много.

Я задумчиво изучала его переносицу. Можно, конечно, попробовать сейчас подключиться. Допустим, пройдет. Ну, сломаю я Фомичу кости, а дальше? Метастазы, по всему видно, далеко пошли. Кто же выдал-то?

— Хотите, угадаю, о чем сейчас думаете? — улыбнулся тонкими губами Фомич. — Могу вас обрадовать, в ваших рядах не завелось ренегата. Просто заинтересовал нас один ваш человек, совсем по другой теме. Поставили мы его на прослушку, вот тут-то интересное и всплыло.

— Короче, Савелий, это гнилые базары, — прервала его я. — Чего вы хотите вообще от жизни и конкретно от меня?

Лысый ответил не сразу. Посмотрел задумчиво, все с тем же плохо объяснимым сочувствием. Встал с кресла (допекли все же пружинки!), прошелся по неприятному бетонному полу.

— Собственно, мы хотим того же, чего и ваши друзья. Найдите Юрия Михайловича и уговорите его не глупить. Общаться с нами все равно ему придется, и для всех будет лучше, если договоримся полюбовно.

— То есть чтобы я уговорила Михалыча возлюбить вас. А дальше? Чего вы от него хотите? Процент получать?

— Ну Ольга Николаевна, ну вы же умная женщина, — прищурился Фомич. — Зачем нам от него какие-то про-

центы? Наоборот, мы и сами будем выплачивать, в разумных пределах.

— Ага, в Сеть проситесь. — Я поглядела на лысого с интересом. — А вы знаете, что туда не каждого берут? Вы вот, к примеру, лимон любите?

— Я? — слегка растерялся он. — Ну, с чаем... или коньяк закусывать, сахарной пудрой посыпать и чуточку соли. А что?

— Пролетаете. Как фанера над Парижем, — ласково проворковала я. — Только семнадцать процентов людей, по нашим данным, физически способны быть подключенными к Сети. Из этих семнадцати процентов откидываем тех, кто ничего собой не представляет. Вот, к примеру, этот ваш Толик — ну какой от него прок? Мощные мышцы — ресурс частый и потому дешевый.

— Насчет Толика вы, кстати, зря, — возразил Фомич. — Он, между прочим, учился в аспирантуре, в МГУ. Филфак. Но...

— Но жизненно потребовались деньги, — поняла я. — Жаль юношу. Впрочем, это лишь пример. Следующий фильтр — человеческая надежность. А то бы вы куда раньше о нас узнали. И даже не вы... многие облизнулись бы. И, наконец, моральный аспект. Убийцы и воры нам в Сети не нужны. Мы, извините, люди безглые.

Фомич поморщился.

— Как же вы все-таки наивны, Ольга Николаевна, — вздохнул он. — Там, где для вас только черное и белое, для остальных — миллионы оттенков. Впрочем, не будем разводить философские дебаты. Поймите простую вещь — мы теперь о вашей Сети знаем и не отступимся. Нравится Юрию Михайловичу это или нет, а наших людей ему подключить придется. Если вы столь безглы, то Бог с вами, на соседство не претендуем. Решайте себе свои квадратные уравнения, а мы делом займемся. В другой Сети, которую нам соорудит Юрий Михайлович. За очень приличное, кстати, вознаграждение. Плюс к тому же решение разных житейских коллизий.

— А если откажется Юрий Михайлович? — поинтересовалась я тихо. Пока Фомич разглагольствовал, я потихоньку проверила Сеть. Удивительное дело, работает. Пляшут в серой мгле голубые ручейки. Подключаться ни к кому не стала, сейчас все равно без толку. Жаль, что телепатия нам недоступна. А то бы Спецназ порадовала... хотя все равно ведь ничем не поможет.

Зато должен быть в курсе.

Фомич отвернулся.

— Ну вы же не девочка... Ну знаете же, как такие вопросы решаются. Нам, интеллигентным людям, — необоснованно причислил он себя к духовной элите, — легко жертвовать собой... вернее, легко петушиться до некоторого предела. Но когда речь идет о близких... наши же моральные комплексы нас крутят и плющат.

— Вы поэтому Олега сцапали? — не стала я тянуть кота за хвост. — Шантажировать будете?

— Будем, — печально согласился лысый. — Если с вами не договоримся. Но вы ведь не столь бессердечны, Ольга Николаевна?

— Что с ним? — резко подалась я вперед.

— Да все нормально с ним. В уютной комнате сидит, видак смотрит. Правда, был момент, махаться начал. Хорошо махался, профессионально. Но у нас ведь тоже не детсадовцы. Аккуратно взяли, наручники надели. Поставили интересный фильм, с Брюсом Ли. Чем плохо?

— Пошло, — скривилась я. — Могли бы и «Серенаду солнечной долины»... раз уж у вас все быки с кандидатскими степенями.

— Ну, простите, не догадались, — пожал плечами Фомич. — Мы не о том говорим, Ольга. Поймите, мы не звери и не садисты.

— Понимаю. — На какую-то секунду мне неудержимо захотелось впитать спецназовский ресурс и чуть-чуть над лысым позверствовать. Но врожденная интеллигентность удержала. — Понимаю... звери и садисты у вас на окладе.

— Да прекратите вы ерничать. — В голосе Фомича ощутило прибавилось металла. — Мне самому неприятен этот разговор. А что поделаешь — надо. Ольга Николаевна, здесь участвуют такие имена и такие деньги, что лично мы с вами ничего не решаем. Так что думайте. Если вы согласны продолжить поиски Терлецкого и применить свой дар убеждения, получите мальчика живым и здоровым. В противном случае — сами объясняйтесь с его родителями... Я приду сюда через десять минут.

Лысый мягкими шагами проследовал в темноту. Где-то чуть слышно скрипнула дверь. А я осталась наедине с тусклой лампочкой и тенями.

Да, не сумела ты ужалить, мудрая змея Нонова. Трудно змее ужалить дракона.

— Фильм-то хоть понравился? — осторожно поинтересовалась я.

Олег передернул плечами. Похоже, сейчас, в самый зной, его слегка знобило. И немудрено — в тринадцать лет носить наручники рановато.

— Да я вообще не смотрел! К стене отвернулся.

Возмутился. Как же, посмели заподозрить в податливости вражеским обольщениям. Думаю, на самом деле он украдкой таки посматривал. Что с него взять — дитя.

Дитя, которого могло бы уже и не быть — прояви я излишнюю принципиальность. Вряд ли лысый Фомич блефовал — таким что цыпленку голову свернуть, что ребенку...

На прощание совал пачку денег — командировочные, как он выразился. Отказалась с презрением. Кажется, все-таки этим уколола.

Но что толку, если сидим сейчас на вокзале во Владимире, ждем электричку до Нижнего. А там еще придется ночь проторчать на вокзале — первая подходящая нам электричка отправляется без четверти семь.

Разумеется, я не стала звонить по мобильнику Спецназу и рассказывать о наших неприятностях. Наверняка ведь прослушивают, гады. Повторится история с ножичком.

Сия догадка явилась мне сразу, как только нас с Олегом на том же самом черном джипе довезли до гостиницы. Вез, кстати говоря, квадратный филолог Толик. Я не удержалась, попросила дать определение аориста. Промолчал.

Сперва, конечно, мальчишка решительно не поверил, ножика было жалко. Но потом все же, уступив моим настойчивым понуканиям, полез в Сеть, подключился к Сисадмину. Тот у нас не только по компьютерам спец, но и по всякой прочей электронике.

Надо было видеть его разочарованную мордочку! Но искромсав перламутровую рукоятку моей отверткой (на всякий пожарный ношу в косметичке), он своими глазами узрел малюсенькую микросхемку. Маячок. Хорошо хоть, не передатчик.

Выпотрошенный нож торжественно утопили еще в Суздале, в деревянном туалете при автостанции. Пускай Фомич поныряет.

— А не зря ли мы туда катимся? — глубокомысленно вздохнула я. — Может, Босс все-таки крутится где-то в Суздале? Как там насчет интуиции?

— Да ни фиги его там нету, — подумав, отозвался

Олег. — Мы правильно едем, тетя Оля. Как вы про этот

Варнавин рассказали, я сразу почувствовал, туда! А в этом Варнавине река есть?

— Судя по атласу, должна прилагаться. А тебе зачем?

— Ну как зачем? Купаться!

Гм... Кто о чем, а вшивый о бане. Уж не этим ли объясняется направленность его интуиции?

— Ну, здесь целая куча «но», — усмехнулась я. — Во-первых, может быть, мы завтра же оттуда уедем, если Юрий Михайлович согласится. Во-вторых, в незнакомом месте купаться нельзя, я этого не допущу. В-третьих, у тебя нет плавок!

— Есть! — торжествующе возгласил Олег. — Я специально в рюкзачок сунул, на всякий пожарный.

Надо же — подхватил у меня выражение.

Ругаться по поводу купания мне сейчас не хотелось. Вообще внутри было так, будто проглотила дохлого ежа. Причина смерти коего — острая алкогольная интоксикация.

Меня победили, растоптали, сунули мордой в экскременты, приложили фэйсом об тэйбл. Давно такого не случалось. Даже тридцать пять лет назад, когда мой жених Иннокентий за неделю до свадьбы круто изменил свои намерения и слинял на Дальний Восток, — и то не клокотало во мне такое бешенство.

Самое поганое — все только начинается. Мне еще предстоит уговаривать Босса сваять бандитскую сетку — хмыкая, охая, давясь тухлыми словами... И не в одном ведь Олеге дело — у многих из нас дети, престарелые родители, горячо любящие жены и мужья... Лысый совершенно правильно сказал — когда в дело вложены бешеные деньги, конечными исполнителями оказываются бешеные люди. С извращенной садистской фантазией.

Не хватит нам возможностей Сети, чтобы защитить своих близких. Во-первых, большинство этих близких ни сном ни духом про Сеть не ведают и подключить их невозможно. Во-вторых, против нас не кучка обкурившихся гопников, а профессионалы в своем деле. В-третьих, и Сеть наша что-то уж больно стала нестабильной.

Наверное, что-то такое происходит с Боссом. Все ведь завязано на него. С некоторой периодичностью он делает нечто, называемое гордым словом «инициализация». Какие-то регламентные работы, чего-то подкрутить, подстроить. А сейчас он, похоже, пропустил очередной срок — отсюда и странности.

Было еще и «в-четвертых», но столь грустное и циничное, что думать на сей предмет мне решительно не хотелось.

Раскрыла наугад любимую книгу. Выпало такое:

Взошли сорняки,
А сеял отборный рис.
Нанесло ветром?

Мы вот тоже сеяли, как нам казалось, разумное, доброе и даже вечное. Хотели, разумеется, как лучше...

8. Встреча на Эльбе

Когда зверею, себя не помню. Потом, бывает, каюсь. Вот и сейчас, в битком набитой электричке (нам с Олегом все же удалось сесть), недоумевала — как это я, скромная интеллигентная женщина, учитель с тридцатипятилетним стажем, только что рычала, работала локтями, клыками и хоботом? То, что все остальные вели себя так же, — не оправдание. Как выражаются сверстники Олега — голимая отмазка. И бессонная ночь на нижегородском вокзале — тоже не оправдание. Все-таки стоит нас чуть-чуть поскрести — и под тонким слоем культуры проступает свалывшаяся звериная шерсть, когти, щупальца, жвалы...

Олег, привалившись к моему плечу, мгновенно заснул. Я же гнала от себя сон чтением Геродота. Очень хорошо идет в связке с японской поэзией.

За пыльным окном проплывали облитые восходящим солнцем сосны, зеркальными осколками посверкивали озера, тянулись деревеньки — чаще всего серые, пожеванные природой и временем. Опять чувствовала сродненность. Опасный признак — как бы снова камнем не залепили. При нестабильной-то Сети...

На всякий случай попробовала — нет, вроде работает. Потянулась к Юристу, навела кое-какие справки. Легенда должна быть чистой, ни сучка, ни жучка.

Кстати, я так и не была до конца уверена, что люди Фоми-ча не подбросили нам никакой электронной живности. Хотя еще во Владимире тщательно перетряхнула вещи, и свои, и Олега.

В любом случае дилетантам смешно соревноваться с профессионалами. Будь наша Сеть раз в десять побольше, будь у нас спецы по любому профилю — тогда еще поглядели бы, кто кого. Но Босс не слишком хотел расширяться. Каждый лишний человек — это риск. Да и отношения в большой толпе неизбежно становятся официальными.

Знаю по дачным делам. Пятнадцать лет назад достался мне по наследству от дяди Левы дачный участок, шесть соток, близ Дмитрова. В нашем маленьком, двадцать домов, поселке все дружны, всегда находим, как выразался один полузабытый политический деятель, консенсус. А рядом — огромный муравейник под названием «Дружба». Полторы тысячи участков. И — грызутся, серпентарий чистой пробы. Хотя по отдельности — приличные люди.

Не читалось, да и не спалось. Грызла меня изнутри то ли желчь, то ли хищная рыба-мутант, что вывелась в городской канализации под воздействием инфракрасного излучения из жабьей икры. Иногда проглядываю желтую прессу. Не верю, но восхищаюсь полетом фантазии.

Однако не проехать бы станцию назначения... Электричка-то сквозная, до некоей колоритной Шахуньи, которая у меня, конечно, сразу ассоциировалась с глазуньей.

— Извините, — обратилась я к бабке, сидящей напротив, — Ветлужская скоро ли будет?

Бабка — сморщенная, седая, несмотря на жару, в теплой вязаной кофте, улыбнулась мне по-доброму:

— Не, милая, еще час с лишним... Мы еще Семенов не проехали... Ты не беспокойся, я там тоже сойду. Что, впервые едешь?

Отчего бы не опробовать новопридуманную легенду на этой соседке по душному несчастью? Заранее сгладить возможные шероховатости...

— Да, знаете ли, — кивнула я доверительно. — Мы сами-то, — легкий кивок в сторону спящего Олега, — из Москвы. Раньше тут бывать не приходилось.

— А куда едете, ежели, конечно, не секрет? — поинтересовалась бабка.

— Да вот, — грустно улыбнулась я, — решила круто изменить жизнь. Пятый год на пенсии, трудно все-таки. Московские цены кусачие, да и эта жилищная реформа, будь она неладна. В общем, пораскинула я мозгами и решила — надо перебираться в провинцию. Купить в небольшом городке домик... и обязательно чтобы с участком, я огородничать люблю. Мне шестьдесят, силы-то еще какие-никакие имеются. На свежем воздухе, натуральные продукты... Подкопила денег... и Коля, племянник, тоже помог, на фирме работает... Посовещалась со знакомыми, поддержали. Если пенсии не будет хватать, могу пока что и подработать... я всю жизнь в школе, математику вела.

Бабушка взглянула на меня с живым интересом.

— А где покупать-то думаешь?

— Мне посоветовали Нижегородскую область, — охотно пояснила я. — И от Москвы не так далеко, можно родных навещать. И цены на жилье не слишком высокие... Коля мне посмотрел по компьютеру нижегородские газеты с объявлениями. Так что решила поездить, посмотреть. В Ветлужском вроде бы несколько домов подходящих. И в этом... — изобразила я усилие мысли, — в Варнавине. Не подойдет если, так у меня еще выписано в Гороховце несколько адресов.

Бабка всплеснула руками.

— Вот уж воистину Бог-то послал! Я-то сама из Варнавина, и как раз дом-то продаю. Старая уже, сил-то не хватает, вот к сыну в город перебираюсь, давно зовет. Внуки малые.

В бабкиной речи отчетливо слышалось оканье. Характерное такое, волжское. Люблю национальный колорит.

— Как я вас понимаю, — искренне вздохнула я. — Вот и у меня тоже, — указала я на Олега. — Внучатый племянник, Колин сынок. Навязали, можно сказать, в провожатые. Мол, мало ли чего, тетя Оля, вдруг помочь чего надо. А на самом-то деле у них с Маринкой путевка двухнедельная в Турцию. На двоих. Вот и надо чадо на кого-то спихнуть. А тут рядом безотказная тетя Оля... Так что пришлось взять с собой.

— Да, не оставлять же одного, — понимающе кивнула бабка. — Возраст-то самый что ни на есть шебутной...

— Олежка мальчик хороший, — согласилась я, — но, конечно, к самостоятельной жизни не приспособленный. Не готовит себе, не стирает... Родители балуют, требовательности им не хватает.

— Да все они такие, — махнула рукой бабка. — У меня-то малые еще, семь и девять лет. А все равно сложности. Слушай, — она изо всех сил старалась показать, будто идея пришла ей в голову только что, — слушай, а чего бы тебе мой дом не купить?

— Гм... — как и полагается, задумалась я, — а что у вас за дом?

— В Варнавине у меня, — зачастила бабка, — дом-то хороший. Деревянный, бревенчатый. Сруб шесть на шесть, еще веранда пристроена, три на пять. Сарайка дровяная есть, я там раньше поросенка держала, теперь-то уж тяжело...

— А участок? — завела я старую песню о главном.

— Участок само собой, десять соток. Три яблони, семь вишен, смородина, малина. Все растет-то хорошо.

А хочешь, так тебе еще и под картошку землю дадут, надо в администрации-то попросить. Только это ездить придется, километров за пять. Окучивать, жуков собирать.

Все складывалось как нельзя лучше. Вот эту бабульку-то мы и зацепим, она-то и станет нашим прикрытием в Варнавинне. Главное, грамотно повести разговор. На какую-то секунду мне даже и впрямь захотелось купить у нее дом. Бывает... Жара, бессонная ночь, размягчение мозгов...

— А дом-то в каком состоянии? — озабоченно спросила я. — Может, там одного ремонту тысяч на тридцать?

— Да что ты, — всполошилась старушка, — какой еще ремонт? Не нужно никакого ремонта, мой Василий Степаныч покойный был мастер на все руки, в идеальном порядке содержал. Два года как помер, царствие ему небесное. — Она широко перекрестилась. — Ты и не думай, все пока что в исправности.

— А как там обстоит с водой?

— Водопровод, — гордо сообщила бабка. — Напор, правда, бывает что и слабый, но ничего, жить-то можно. И в огороде тоже проведено, поливать. Уборная, правда, во дворе, — сообщила она скорбно. — Но ты, ежели надо, найми мужиков, они к дому сделают пристрой, это по нашим-то деньгам недорого выйдет.

— Что ж, — закатила я глаза, изобразив усиленную работу мысли, — и сколько вы за него хотите?

Бабка тоже помолчала, что-то прикидывая.

— Ну, — начала она, — Васька Курдюмов ко мне на той неделе подходил, шестьдесят тысяч предлагал.

Вот! Раскручивалась она, пружина прогресса. Торговля!

— Что ж, — облизнула я губу, — если дом и впрямь в хорошем состоянии, то я бы, наверное, семьдесят дала.

Сумма бабке явно понравилась. Видимо, если упомянутый Васька и впрямь подходил к ней, то называл явно меньше шестидесяти.

— А знаешь что, — спустя минуту напряженных размышлений предложила мне бабка, — поезжай-ка вот сейчас со мною, дом и посмотришь. Чего там на Ветлужской глядеть? Там сперва наобещают, а потом кому из местных продадут, с носом останешься.

Ну вот, как славно все устроилось! Я-то думала, придется на месте соображать насчет квартиры или гостиницы. Хотя какая может быть гостиница в таких медвежьих углах?

— Да, звучит разумно, — задумчиво кивнула я. — Только знаете, если уж такое решение принимать... хо-

телось бы вообще на месте осмотреться, что за люди, какие магазины, школа опять же... поговорить на предмет подработки... Словом, ничего, если два-три денька у вас погостить? Я в любом случае за постой заплачу, даже если и насчет дома не сговоримся.

— О чем разговор! — засуетилась бабка. — Это правильно, осмотреться-то надо. Живите, конечно. В доме-то три комнаты. Меня саму-то Валентина Геннадьевна зовут, — спохватившись, сообщила она.

— Вот и хорошо, Валентина Геннадьевна, — улыбнулась я. — Заодно и Олежка чуть отдохнет, а то мотаться взад-вперед, поезд, электрички, автобусы — сложновато все-таки.

— Мне вас сам Господь послал. — Старушка вновь перекрестилась. — Я ведь и свечку ставила, чтоб покупатель-то хороший на дом нашелся. Вот и привел.

Жалко мне стало бабку. Пошутил над ней Боженька, меня послал. Чуюла я, пахнет от этой игры нехорошо. Но что делать? Жалко бабку, а Олега жалче. И вообще всех жалко.

Может, — осенила меня вдруг идея, — напрямь лысого Савелия Фомича? Пускай покупает бабкин дом, ему это семечки. Запишем как мой гонорар...

Мысль мне понравилась. Недаром сказано — продаваясь врагу, надо нанести ему максимальный экономический ущерб. Заодно Божий промысел подправлю.

Городок оказался не таким уж и маленьким. Хотя населения, если верить бабке, всего три с половиной тысячи. Но, мелкий в смысле людского поголовья, Варнавин брал пространством. Длинные улицы разбегались по всем направлениям, скрещивались под острыми и тупыми углами. Но зелени в избытке, прямо на улицах растут яблони и вишни.

Пока от автобусной остановки шли к бабкиному дому, я внимательно осматривалась. На Олега в этом отношении полагаться не приходилось, был он квелый и хмурый. Наверное, до сих пор переживает вчерашнее.

И где же здесь искать Босса? По дороге во мне вызревал план. Для начала — на почту, звонил он именно оттуда, а не с частного телефона, это Сисадмин выяснил. Потом... узнать, есть ли тут гостиница и придумать легенду для вопросов — такую легенду, чтобы гармонировала с основной, про покупку дома. Также выяснить, а не уезжал ли отсюда Юрий свет Михайлович. Значит, подружиться с кассиршей на ав-

тостанции... если только он не уехал отсюда с кем-нибудь на машине. Не забыть о скорости циркуляции сплетен — о моих расспросах мгновенно станет известно всем, в том числе и милейшей Валентине Геннадьевне. Кстати, и она может принести информашку на хвосте. Наверняка ведь с подругами на лавочке лясы точат. Жизнь скучная, сенсорный голод... Не вредно покрутиться и в магазинах, поговорить с продавщицами.

И все равно это иголка в стогу сена. Я сейчас охотно обменяла бы все сетевые возможности на дружбу с начальником местной милиции. В два счета бы узнала.

Как поступила бы любимая моя литературная героиня — Миледи? Вскружила бы голову доброй половине городка? Увы, на это у меня нет ни желания, ни времени. Фомич вполне прозрачно намекнул, что денька через три-четыре меня навесят и потребуют отчета.

...Обреченный на продажу дом мне полюбился с первого взгляда. Все бабка сказала верно, симпатичный домишко. Следовало бы, конечно, подкрасить, подправить покосившуюся телевизионную антенну, помыть окна... Я спохватилась. О чем думаешь, Нонова? Ты что, серьезно собралась бежать от суеты столичной?

Бабка хлопотала возле нас, показывала, где умывальник, где наша комната, побежала ставить чайник (выяснилось, что газа у нее нет, готовит на электричестве). Потом она потащила меня в сад, хвастаться огородными успехами. Я покорно терпела. Мысленно повторяла по-японски «ос», что и означает — терпение. Накликала — меня ужалила оса. Больно и неприятно. Хотя и не смертельно.

Когда наконец Валентина Геннадьевна оставила нас в покое, я серьезно поговорила с Олегом.

— Значит, так. — Поймав его сонный взгляд, я вообразила себя гипнотизирующей королевской коброй. — Давай сразу договоримся. Из дома ты без меня не выходишь. Вообще. Во-первых, для нашего дела в этом нет никакого смысла. Найти и уговорить Юрия Михайловича — моя работа. Во-вторых, людям лысого надо максимально осложнить задачу. На улице им очень просто взять тебя тихо и потом всех шантажировать. В доме — без шума не получится. И баба Валя раскричится, и соседи прибегут. В-третьих, ты отличаешься удивительной способностью влипать во всякие неприятности. Успела убедиться. И мне еще не хватало отвлекаться от главного, вытягивая тебя из передряг. Уяснил?

Олег сделал неопределенное движение головой, из которого можно было заключить все что угодно.

— Итак, ты дал мне слово, — подытожила я. — Прекрасно. Отсыпайся, читай свою фантастику, ешь варенье — эта варнавинская бабуся столь же щедра, как и мышкинская. А я пойду на первую разведку. Помни, я должна ощущать за своей спиной поддержку тыла.

У меня абсолютная зрительная память. Сразу нашла почту, хотя и видела это белокирпичное зданище лишь по дороге к бабкиному дому. А будь у меня с ориентацией нелады — подключилась бы к Туристу, есть среди нас такой Игорь, детский турклуб ведет.

По пути и легенда сочинилась. Не очень-то безупречная, но для сельской местности сойдет.

— Девушка, добрый день, — поздоровалась я с толстой опухшей бабищей, сидевшей по ту сторону стойки.

— Ну, добрый... — с большим сомнением протянула она. — Вам чего?

— Понимаете, — проникновенно сказала я, — вы не могли бы мне помочь? Дело в том, что я дом тут покупаю.

— А я тут при чем? — подозрительно осведомилось это слегка похожее на женщину существо.

— Просто, может, вы обратили внимание... вчера утром отсюда заказывал разговор с Москвой один человек... — Легенда лилась из меня легко, вдохновенно, еще лучше выходило, чем на суздальской почте.

Увы... С какой теплотой вспоминала я сейчас ту, вчерашнюю девочку, продававшую конверты. Ибо эта жаба выслушала меня с выражением каменной скифской бабы, после чего мрачно сообщила:

— А меня это не касается!

И величественно отвернулась, давая понять, что аудиенция окончена.

Так и ушла я, несолоно хлебавши. Ругаться с теткой не стоило ни в коем случае, к тому же подтянулся народ — кто покупать газеты, кто оформлять подписку, кто за посылками. Лицедействовать на публике — благодарю покорно.

Не больше повезло мне и на автостанции. Там, правда, в кассе монстра не было — вполне приличная женщина, ее-то я легко уболтала и очаровала. Но, увы, узнала немногое.

По крайней мере ни вчера, ни сегодня дорогой наш Босс

обратного билета не брал. Точнее, она такого не запомнила. Показанная фотография ничего ей не сказала. Расстались подругами.

То же случилось и в нескольких случайно выбранных магазинах. Вообще для столь мелкого населенного пункта магазинов здесь было ненормально много. И как это они не прогорают, своими обугленными головешками иллюстрируя великий Закон Стоимости?

Увы, никакого Босса продавцы не запомнили. Много тут, сказали, всяких приезжих крутится. Посоветовали сходить в гостиницу.

Гостиница и так была в моих планах, но, выйдя на воздух из очередного заведения с обворожительным названием «Виолетта», я крепко задумалась.

И тут меня окликнули:

— Теть, дай люлюку!

Староват он был для люлюки. На вид не менее шестнадцати. С прыщавой физиономии смотрят прозрачные глаза, такие бывают у коров и младенцев. Черные волосы торчат во все стороны, будто намагниченные.

Одет экзотически. Военная гимнастерка образца середины прошлого века, резиновые шлепанцы. Потертые, местами до дыр, тренировочные штаны. С пухлой губы тянется не то сопли, не то слюна.

Бедный ребенок! Видимо, последствия имманентного родительского алкоголизма. Разумеется, неизлечим.

Добрых пятнадцать минут мне пришлось ему доказывать, что люлюки у меня нету, а то бы немедленно дала, сорок тысяч люлюк. Мой дар убеждения, однако, не сработал. Подросток не верил, канючил и ныл, и лицо его при этом неприятно подергивалась. На миг мне стало жутковато — имбецил-то он имбецил, но габаритами его матушка-природа не обидела... Потом сообразила — буйного вряд ли выпустят на улицу. Хотя тоже не факт.

В итоге мне пришлось попросту от него сбежать — вернее, осторожно отступить дворами. Пришла в себя возле какого-то сарая, откуда доносилось козье меканье. В голове вибрировала гулкая тупость.

Самое печальное, ничего не получалось выдумать для гостиницы — ведь там требовалась своя легенда. К тому же ее пришлось бы увязать с уже использованными. А ничего толкового в измученную голову не лезло. Бессонная ночь,

нервы, душный, чреватый грозой воздух. Вдобавок сосущая пустота в районе желудка.

Проще говоря, гостиницу я отложила на вечер. Сперва обедать, в мой псевдокупленный домик.

Пусто оказалось в домике. Ни гостеприимной Валентины Геннадьевны, ни, ясное дело, Олега. Ведь чуяла селезенкой. Еще когда торжественную клятву с него брала — чуяла.

Без паники. Будем считать, что все нормально. Поправим прическу (зеркало тут мощное, старинное небось). Вымоем руки (как же все-таки тускло жить без горячей воды). Досчитаем до ста...

Пробежалась по дому с инспекцией. Пусто. Подпол и чердак, правда, не обследовала — не поняла, как дотуда добираться. Зато мелькнула у меня здравая мысль об огороде. Бабка давеча что говорила — малина, смородина... Хотя для этих не сезон... а вот клубника самое то. Пасется, небось... «Слушай, дурень, перестань есть хозяйскую герань...»

Увы, и там ни следа. Осторожно, чтобы не задеть грядки, обошла все вдоль и поперек. Сама от огорчения съела несколько ягод — не помогло. Все так же невидимые скользкие пальцы игрались с моим сердцем. Потискают — и отпускают, и снова...

Логикой я понимала, что вряд ли это проделки Фомича. Тот проявится не раньше чем послезавтра. Но что же тогда? Ведь давал же недоросль клятву! И что мне с ним теперь делать? Пожалуй, задачами по алгебре не обойтись. Что ж, в моем педагогическом арсенале есть и более изощренные методы.

Мечты, мечты! Как свойственно всем нам надеяться на счастливый конец... Методы... А вот если он лежит сейчас на дне под корягой, и хищные раки примеряются к раздувшемуся телу — какие тут, интересно, применить методы?

Ринулась обратно, в отведенную нам комнату. Лихорадочно прошерстила вещи Олега. Правильно подозревала — плавок нет!

Тихонько скрипнула внизу дверь. Неужели возвращение блудного попугая?

Я выскочила в темные, захламленные сени — и разочарованно придавила накопленный гнев. С пухлой кошелкой вошла Валентина Геннадьевна.

— В магазин ходила, — жизнерадостно сообщила она мне. — Сейчас обед сготовлю-то...

— А... — хрипло выдохнула я... — а вы не знаете, где Олег?

— Так ведь на реку пошел! — удивленно ответила она.

— Как на реку?

Со стороны я гляделась сейчас тупо. Небось на щеках красные пятна, совсем недавно причесанные волосы вновь растрепались, кисло пахнет потом... Тьфу!

— Так вы ж ему разрешили, — сообщила мне интересную новость бабка. — Я ведь тоже подумала, спросила-то — отпускают ли? Он сказал, тетя Оля разрешила. Сказал, что до вечера отпустила гулять.

Очень кстати оказался в сених колченогий табурет.

— А почему вы решили, что именно на реку? — на всякий случай уточнила я.

— Так он же спросил, как на пляж-то идти, — удивилась моей непонятливости хозяйка. — Я и растолковала.

Ну что ж... Хотя бы с направлением определились. Так... три спокойных, глубоких вдоха-выдоха. О высоком думаем.

Пока на звезду
Молча глядел во дворе,
Дом загорелся.

Главное, очень к месту.

— Что ж, — решительно поднялась я, — теперь и мне растолкуйте, где искать этот самый пляж.

— Он что, обманул? — соболезнующе поглядела на меня Валентина Геннадьевна. — Говорила ведь — шепутный возраст.

Выслушав ее объяснения, я молча вышла на улицу.

День уже ощутимо клонился к вечеру. Солнце, правда, висело довольно высоко и жарило на всю катушку, но то ли темнее стало небо, то ли прозрачнее воздух... Легкий ветер шелестел листвой повсюду растущих здесь вишен.

Мне, однако, было не до лирики. Направо по улице до перекрестка, потом налево до аптеки, от нее направо и вниз, к больнице, а там уж скверик и тропинка, вихляющая по крутому склону. Пляж, предупредила Геннадьевна, протянулся широкой полосой, так что придется изрядно побегать взад-вперед.

...Бегать, однако, не пришлось нисколько.

В десяти шагах от меня обнаружились они. Совершенно счастливый Олег с мокрыми взъерошенными волосами и вожделенная цель наших поисков, Юрий свет Михайлович, в просторечии — Босс. Высокий, тощий, плохо побритый. В какой-то совершенно легкомысленной майке. И с ды-

мящейся сигаретой в пальцах. А ведь еще год назад окончательно бросил...

— Так, — сказала я деревянным голосом. — Встреча на Эльбе.

— Приветствую, Ольга Николаевна! — пробасил Босс. — Вот уж действительно мир тесен. Какими судьбами?

— Об этом мы еще поговорим, — многозначительно пообещала я. — Пока же меня интересует кое-что другое.

Олег понял правильно и сделал неуверенную попытку отступить Боссу за спину.

— Друг мой юный, — вкрадчиво начала я. — Мне смутно помнится, что кое-кто, не будем показывать пальцами, давал мне обещание никуда — подчеркиваю, никуда — не выходить в одиночку из дома. Кое-кто казался мне надежным человеком, и я доверяла его слову. Увы. Век живи, век учись. Поэтому разговор будет коротким. Сейчас я звоню папе и объясняю ему, как доехать. Он немедленно отправляется в путь.

Я бросила взгляд на часы.

— Отлично. Успеает к ночному поезду. Завтра в полдень он будет здесь, и мы с тобой распрощаемся. Мне, знаешь ли, надоело наступать дважды на одни и те же грабли. А кроме того... — Я сделала длинную паузу и безжалостно закончила: — А кроме того, теперь надобность в тебе вообще отпала. Уж как-нибудь мы с Юрием Михайловичем и без тебя справимся.

Пацан героически старался не всхлипывать, но где уж там... от слов Ноновой и бородастые мужики рыдали...

— Не надо... — захлебываясь соплями, взмолился он. — Не надо папе... Я лучше задачи... И на дроби, и... — он сжался, как перед прыжком в холодную воду, — и по геометрии.

— Без толку, — изрекла я. — Это гальванизация трупа. Мавр сделал свое черное дело, мавр может уйти смело.

— Я же честно... — тихонько выл Олег. — Я же спал тогда... почти. Я не помню, что обещал. А потом... Ну потянула она меня на речку. Интуиция.

Если мне не показалось, в хнычущем голосе мелькнули лужавые нотки.

— А по-моему, тебя повлекло туда совсем другое, — облизнула я губы. Камень с души откатился, но всеобъемлющего счастья все равно внутри не наблюдалось.

— Ну как же не интуиция? — мотнул головой Олег. — Я же нырял-нырял, а потом как раз под него поднырнул, — кивнул он в сторону с интересом слушающего наш диалог Босса.

— Да, — неожиданно подтвердил тот. — Мне сперва показалось, что меня атаковала какая-то хищная рыба. При том, что акул в Ветлуге не водится.

— Короче, — скомандовала я, — шагом марш в дом. Там уж всем сестрам раздам на орехи.

9. Невеселые беседы при свечах

Гроза, видимо, долго выбирала себе добычу. И не нашла ничего лучшего, чем огромную старую липу, имевшую несчастье жить возле бабкиного забора.

Это было нечто! Шандарахнуло так, что у меня почти целую минуту заложило уши. И в полной тишине я наблюдала, как сухое дерево расколосось надвое едва ли не до земли, как тяжеленные ветви, точно руки ожившего мертвеца, рвут провода — рядом, увы, располагался столб, от которого тянулось к дому электричество. Беззвучно скакали огромные — так мне показалось — желтые искры, пронзительно воняло горелой изоляцией. А потом пришел звук — хищный, не сулящий ничего доброго треск.

— Ни фига себе, — выразился стоявший на крыльце Олег.

— В дом! — негромко велел Босс, и Олег, не огрызаясь и не скандаля, убежал наверх. А мы с Юрием Михайловичем остались на крыльце, наблюдать масштабы разрушений. Масштабы впечатляли.

Выскочила наружу Валентина Геннадьевна, охнула, запричитала, потом, метнувшись внутрь, вскоре явилась с иконой, которую держала через полотенце. С иконы смотрел какой-то незнакомый мне старец. Надо заметить, смотрел совершенно хладнокровно — в отличие от старухи. Та шептала губами молитвы, то и дело крестилась, плачущим голосом предрекала пожар.

— Надо вызывать, — философски изрек Босс. — Пожарных надо, и из вашего коммунального хозяйства...

— Так телефона же нет, — рыдающим тоном возразила она.

— Что, вообще ни у кого на улице? — не поверил Босс. — Надо от соседей.

— Не надо от соседей! — заявила я, вынув мобильник.

Лишний раз подумать никогда не вредно. Только опозорилась. Мобильник сухо сообщил, что не видит никакой сети. И как я забыла, что зона покрытия до Варнавина не дотягивается? Ведь предупреждал меня Спецназ.

Очень не хотелось никуда бежать, ни к каким соседям. На улице разверзлись хляби небесные. Лило, как из пожарного гидранта, и значит, пожара можно было не опасаться. Но провода под током, в пузырящейся луже — это мощно.

Гроза ударила примерно через полчаса после того, как мы все втроем вернулись к Валентине Геннадьевне. Разумеется, в ее присутствии ни о чем настоящем говорить было нельзя. Я на ходу симпровизировала: дескать, вот ведь какие чудеса, десять лет не видела человека — и надо же, встретила здесь, в Варнавине. Мой бывший коллега, вел физику. Потом уволился, на школьные-то оклады мужчине семью не прокормить. Оказалось, приехал сюда покупать строевой лес, для дачного дома. Уже три дня как торчит в гостинице, решает вопросы. Тут ведь куда дешевле, чем в Москве, а главное — лично контролировать качество.

Я, надо сказать, рисковала. Если разговор углубится в лесотехнические дебри, как бы не опростоволосился Михалыч. Вряд ли разбирается.

Самое смешное, у него тут и легенды-то никакой не было. Приехал, оплатил койку в гостинице — и никто его ни о чем не спросил. Никому он оказался не интересен. То ли паранормальные способности применил, то ли всем и так до фонаря.

Но Валентине Геннадьевне было не до подробностей. Это потом она, вероятно, пойдет с подружками лясы точить и перемывать каждую отдельно взятую косточку наших скелетов. Сейчас она и радовалась встрече, и высказывалась по поводу детского озорства и лживости, предлагая различные рецепты из народной педагогики. Надо было видеть, с какими красными ушами внимал ее речам Олег. Я, честно говоря, молча наслаждалась.

А потом громыхнуло — сперва слегка, неуверенно, а после уж по-настоящему. Засверкало небо, обрушился на землю потоп.

...Бежать никуда не пришлось — минут через десять заурчал мотор. Приехали хмурые и не очень трезвые мужики из коммунальной службы. Пожарные побрезговали. Понадеялись, видно, на ливень.

Практические последствия оказались малоприятны. Свет вырубился по всей улице, и, судя по нечленораздельным высказываниям ремонтников, хорошо, если завтра починят. А пока — увы.

Тут-то в полной мере и сказалось отсутствие газа.

Расстроенная Геннадьевна, видимо, решила, что вновь

открывшиеся детали могут понизить цену дома. И потому побежала с чайником к соседям — счастливым обладателям газового баллона. Чтобы, значит, горячим чайком нас побаловать.

Мы остались одни, но все никак не начинали разговор. Я понимала, что Босс догадывается: мы тут с Олегом по его душу. Но никому не хотелось приступать первым. К тому же с минуты на минуту могла заявиться бабка. Да и при Олеге не обо всем стоило говорить. С последним, впрочем, я справилась легко.

— Вот что, — сурово повернулась я к Олегу, — не воображай, что гроза стерла память о твоих пакостях. Немедленно в комнату — и усиленно думай на тему, что было бы, ударь гроза на час раньше, когда ты бултыхался в воде. А после этих раздумий — решать задачи. Те, что обведены кружочками. Пока не стемнело. Пока не решишь с номера восемь по номер семнадцать — из комнаты чтоб ни ногой!

Судя по тому, как пацан поднимался по лестнице, — мои слова он принял за частичную амнистию. И не слишком ошибался.

— Как вы встретились-то? — мотнув ему вслед головой, спросила я.

— Да совершенно случайно, — усмехнулся Босс. — В водах реки Ветлуги. Плыву я, никого не трогаю — и вдруг что-то снизу бьет меня в живот. Оказалось, он нырял и не нашел иного места всплыть на поверхность. Я, признаться, от удивления даже воды наглотался. Но ничего, добрались до берега, чуток поговорили. Шустрый мальчик. Уже успел сдружиться с местными детьми. Поразил их как чудесный ныряльщик. Чуть ли не до того берега под водой.

— Видать, к Аквалангисту подключился, — хмуро заметила я. — Не вижу в этом ничего хорошего.

Нас прервала спешащая с чайником Валентина Геннадьевна. Пришлось спешно влезать в отведенные нам роли и грызть на кухне пряники. Впрочем, нет худа без добра — Босс легко сторговался с бабкой на предмет снять у нее на недельку веранду, по столынику в день. Мол, и ему удобнее в бытовом смысле, и ей денежка не лишняя. Бабка согласилась без звука.

Разговаривать пришлось уже ночью, когда в своей комнате мощно захрапела утомленная дневными переживаниями Геннадьевна. Олег, еще более утомленный дробями

и многочисленными, спал спокойным сном праведника. Или, вернее, мученика.

Сидели на веранде, у круглого, застеленного древней клеенкой стола. Между нами мерцала стеариновая свеча из бабких запасов. Огненный язычок вел себя нервно — то вытягивался ввысь, то метался по сторонам, словно опасаясь невидимого врага.

Можно сказать, индикатор настроения. Уж по крайней мере моего.

— Это совершенно исключено, — в который раз повторял Босс. — Ольга, вы-то хоть представляете себе последствия?

— Тут большого ума не нужно, — буркнула я. — Чисто конкретная Сеть для «правильных» в натуре пацанов. Сидишь на допросе — раз, и к юристу подключился, или к какому-нибудь гибриду следователя с «братком». Молодой вор перенимает опыт старого карманника без долгой тренировки — сразу, из мозга в мозг. А от скуки и на экзотику потянет. Девчонок там потрясти, наизусть прочитав чего-нибудь из Бодлера. Втереться в доверие интеллигентным людям, подключившись к какому-нибудь сетевому доценту...

Босс огорченно взглянул на меня.

— Ох, Ольга, если бы дело ограничивалось только этим... Все, что вы тут наперечисляли, — семечки. Просто несколько улучшенный интерфейс того, что они уже имеют. Зачем подключаться к юристу, когда есть купленный адвокат? Зачем лезть каждый раз в мозги старших товарищей, когда и без того на зоне юношу всему обучат? А если душа просит песен... Ольга, им совершенно не нужен Бодлер, их девчонкам хватает Розенбаума.

Пламя свечи вытянулось подобно короткому клинку.

— Я из-за этого не стал бы от них бегать, — продолжил он устало. — Заметать следы, искать места поглубже и потише... Все равно оказалось бесполезно. Поймите, та публика, что заинтересовалась нашей Сетью, давно уже выросла из малиновых пиджаков, и золотые цепи больше не носит. Они даже сморкаться в носовой платок научились. А главное — за ними сила.

Запищал у меня над ухом жадный до человеческой крови комар. Отогнала вампира. Жаль, Савелия Фомича так вот не отгонишь.

— Они вышли на меня недели две назад, — признался Юрий Михайлович. — Разговаривали вежливо,

очень, знаете ли, обтекаемо. Наменяли на Сеть, но тонко, не в лоб. Сулили покровительство, всякие возможности. Заметьте, до пошлостей вроде пачки баксов не опускались. Тогда-то я и понял, что нужно линять. Чем мягче стелют, тем жестче потом спать. Всем нам, не только мне одному.

Я усмехнулась. Как же он все-таки наивен.

— Потому и письма с открыточками кидали?

— А что оставалось делать? — кивнул Босс. — Я же понимал, что будут искать. И вы, и они. И что на кого-то из вас выйдут, тоже понимал. Вот и принял меры. Пускай ищут в Суздале, Новомосковске, еще в каком тараканьем углу...

— Какой еще Новомосковск? — Название мне ничего не говорило.

— Есть такой городок, славится кирпичным заводом, — сообщил Юрий Михайлович. — Оттуда тоже должна была прийти открыточка. Не пришла? Значит, забыл Яша. Или глюки почты...

Я непонимающе уставилась на него. Свеча тоже встрепелулась.

— Я написал несколько открыток, — объяснил он, — и раздал знакомым, которые по своим делам куда-нибудь едут. Попросил кинуть по прибытии. Люди совершенно левые, о Сети ни сном ни духом, но мне слегка обязаны. Да и просьба-то пустячная. Через неделю еще из Кировской области должно прийти, потом из Челябинска...

Как все просто! А я-то из кожи лезла, романтическую балладу на суздальскую барышню изливала.

— Ольга, — продолжал меж тем Босс, — я совершенно не представляю, что делать. Самое страшное ведь не в том, что они бандиты. Госбезопасность была бы на порядок страшнее. Вы главное поймите — больше не удастся хранить тайну. Если будет Сеть у одной группировки, то вскоре будет и у других. В конце концов я не такой уж уникум. Найдутся люди и более способные. Как только станет известно, как строить ментальные сети, — их начнут строить все кому не лень. Это мир перевернет, Ольга.

— Да ладно вам. — Я нарочито зевнула, но огонек свечи не среагировал на мое дыхание. — Мир вообще штука устойчивая. То же самое и об Интернете говорили, ну и? Виртуальность виртуальностью, а жизнь жизнью. Перемелется.

— Не думаю, — заявил Босс. — Поскольку здесь прямое воздействие на психику... Ну представьте, во что

превратится мир, если для решения любой проблемы достаточно будет подключиться к нужному ресурсу. Своя голова уже вроде как лишняя.

— Почему же? — возразила я. — Ведь беря из Сети, ты должен что-то свое давать.

Босс залиvisto рассмеялся, я даже испугалась, не проснется ли бабка. Еще подумает чего не надо — Ольга Николаевна ночью, с мужчиной. Почти в темноте...

— Ольга, — резко подавив смех, сказал он, — не меряйте все под нашу первую, доморощенную сетку. То, что идет ей на смену, будет вовсе не сетью друзей. Хочешь подключиться, а представляешь собой полный ноль — ну так плати. Абонентская плата, тариф за минуту контакта... за трафик... На разные ресурсы разные расценки. Бессмысленно уже к чему-то стремиться, учиться, совершенствоваться — можно все понять и за так... Я уж не говорю о том, какие мерзавцы смогут подключаться к ресурсам самых добропорядочных граждан. И те ничего не смогут поделать.

— Это еще с какой радости?

— А вот с такой, — охотно пояснил он. — Вы знаете, что простой пользователь не может самостоятельно блокировать свой ресурс? Здоровья не хватит, вернее, конфигурация Сети этого не позволит.

Что-то начинало вырисовываться.

— Так вот почему в последние дни Сеть сбоила?

— Ну да, — подтвердил Юрий Михайлович. — Экспериментировал я, пытался разработать схему отключения. Не вышло. Сам я могу чужие ресурсы временно закрыть, что вы и наблюдали. И то больше десяти минут не выходит. А обычный член Сети — ну это как рабочая станция, доступ к серверным конфигам ей запрещен...

— Все равно ничего не понимаю в этих ваших компьютерах, — предупредила его я. Преувеличивала, конечно.

— То есть хочешь не хочешь, а все желающие тебя поймут, — перешел он на понятный и ежику жаргон. — Ну вот представьте, Ольга, мошенник подключается к вашему дару убеждения и продает фальшивые доллары или строит пирамиду «ННН». А администрировать сеть будут люди с очень гибкими принципами. Хорошо оплачиваемые люди.

Я задумалась.

— Но ведь не все же лимоны любят? В любом случае пользователями станут не более семнадцати процентов...

Босс вздохнул, поправил сползшие с переносицы очки.

— Это пока. Со временем найдут способ инициировать и остальных. Принципиального же барьера нет, это просто я пока не дотумкал, как зону торможения снять. Разберутся. Надеюсь, уже без меня, — добавил он мрачно.

Я тут же вспомнила суицидальные мотивы в его письме. И еще вспомнила о докторской ампуле.

— Проще говоря, Ольга, мне не нужен такой мир, каким сделают его сети. Я понимаю теперь, насколько это преждевременное открытие. А может, и вообще лучше бы его закрыть на три замка.

— Юрий Михайлович, — начала я миролюбиво, — ну не существует же никаких замков. Ни трех, ни сто трех. Все, что открыл один, — рано или поздно откроет и другой. Скорее рано, чем поздно. Так что согласитесь ли вы лысому сеточку протянуть, откажетесь ли — итог, в сущности, один. Они уже знают, что это возможно. Действительно, в конце концов обойдутся и без вас. Только будет чуть больше крови. Например, детской крови. — Я непроизвольно бросила взгляд направо, к двери. Там, отделенный от веранды несколькими стенками, спал Олег.

— Кто мы с вами такие, чтобы измерить гипотетическую кровь? — глухо отозвался Босс. — Ну ладно глобальная общепланетная Сеть, это не через пять лет и не через десять... Но вот конкретная сеточка, о которой хлопочет Савелий Фомич... Он ведь правду вам сказал, большие деньги вложены. Это сразу чувствовалось. Здесь не банальная уголовщина. Подозреваю, что на стыке бизнеса и политики. А теперь представьте подключенных к Сети думских депутатов... вы уверены, что в итоге это не обернется кровью тысяч таких ребятишек? Если сетка подскажет, что сие выгодно.

— Знаете, что сказал Исса? — перебила его я.

— Какой Исса? — не понял Юрий Михайлович. — Иисус Христос в мусульманской транскрипции? Тогда знаю. «Не мир Я принес вам, но меч».

Я передернула плечами.

— Гораздо позже и восточнее. Кабояси Исса. У него так:

Считал монеты,
Что получил бы за рис,
Кабы не сгнил он.

Так вот и вы. Одно дело кровь реальная, другое — воображаемая. Нельзя сравнивать.

— То есть предлагаете прогнуться под лысого Фомича? — В слабом свете я видела, как заострились его скулы. — Строить бандитскую сетку? Взять на свою совесть последствия?

— А вы что предлагаете? — огрызнулась я. — Отдать на заклятие ребенка? Вернее, этот ребенок — лишь первый. После него Фомич начнет охотиться за прочими. У вас вон тоже в Мышкине престарелая тетя есть. У меня непутевая племянница, и, между прочим, в положении. Нас всех есть за что брать.

— Ну не знаю я, не знаю! — простонал он, и огонек свечи испуганно дернулся.

— Интересно, кто же из наших-то оказался треплом? — задала я риторический вопрос. — Кому спасибо-то сказать?

Босс взглянул, как мне показалось, укоризненно.

— О пустяках говорите, Ольга. Ну какая теперь разница? Я, в общем, подозреваю одного нашего общего знакомого. Умудрился в апреле въехать своим «жигуленком» в навороченную иномарку... а когда бандюки заикнулись о продаже квартиры, погеройствовал... пошвырял их, подключившись к нашим силовикам. А потом и на юридической почве их размазал... прямо-таки асфальтовым катком проехался. А человек-то по жизни обычный, зарплата три тысячи... и не зеленых, заметьте. Словом, сильно озадачил «братков». Те и обложили его капитально. Телефон на прослушку, все контакты прозвонить... с интернетовским провайдером его даже как-то устаканили... короче, вся его переписка была у них. Ну вот так о нас и узнали... поразились, наверное, сперва, а потом кто-то умный у них просек — золотая ведь жила! И посоветовался с большими дядями.

Он перевел дыхание.

— Кстати, они так заинтересовались, что даже о «паджеро» в смятку искореженном забыли. Оставили человека в покое.

Я молча прикидывала. Юрист? Нет, о нем бы я слышала. Декан, Стоматолог? Вряд ли. Аквалангист с Туристом вообще отпадают — безлошадные. Разве что Химик?

— Да, Оля, — разрушил молчание Босс. Я механически отметила, что раньше Олей он меня не называл. Хотя моложе меня всего-то на восемь лет. — Нам всем казалось, что наша Сеть делает нас ужасно сильными, прямо-таки неуязвимыми. А по сути как были мы пылью, так и остались. Ладно, чего рассусоливать. Все равно сейчас ничего не решим. Давайте-ка лучше разождемся спать.

Уже в дверях я обернулась. И увидела, с каким остервенением он дует на свечу — та никак не хотела гаснуть. Сразу почему-то вспомнилось «Утро стрелецкой казни». Как догорит свеча — так и голову долой. А в нашем случае гасят огонь досрочно.

10. Воскресные визиты

Ждать не умею. Энергии во мне слишком много, бурлит и мешает. Японцы бы не одобрили. Во всяком случае, те, кого я читаю и цитирую.

А ждать непонятно чего — самое отвратительное. Босс так ничего и не решил. Два тягучих дня вызывали мысли о медленно ползущих языках лавы. Тихо ползут, по склону до самых низин. Но после них все черное и скучное.

Бабка Геннадьевна еще вчера покинула нас до понедельника — поехала к сыну в Нижний, за документами на дом. Хозяйственный отпрыск ее все бумажки хранил у себя. Мне пришлось еще раз подтвердить, что согласна. Стыда внутри скопилось столько, что можно было в нем плавать в спасжилете. Или попросту тонуть.

Но что делать? Иначе пришлось бы выметаться из Варнавина, а Юрий Михайлович все не может помножить два на два — уж очень получается неприглядно. Если он еще неделю будет мычать и телиться — придется ведь и впрямь дом купить. Интересно только, на что? Оставалось надеяться лишь на обычную волокиту со справками.

Впрочем, неделя — слишком много. По моим расчетам, уже сегодня лысый Фомич каким-то образом должен проявиться. Сказал же тогда, в подвале: «Даем три дня сроку, после чего хотелось бы иметь результаты».

На Босса было жалко смотреть. Раньше я думала, что «почернел лицом» — это литературный штамп, оказалось — правда. И речь не о загаре. Висело над ним что-то неуловимое, какое-то мрачное облако. Мне, во всяком случае, так почудилось.

Я даже потихоньку велела Олегу приглядывать за Юрием Михайловичем — как бы тот не вообразил, что самоубийство сразу поставит точку над «я». И осторожно намекнула Боссу, чтобы он не делал необратимых глупостей.

— Успокойтесь, Ольга Николаевна, — через силу улыбнулся тот, — суицида не будет.

Надо же — снова Ольга Николаевна. Раньше снисходил до Оли.

— Я ведь прекрасно понимаю, — убедительно доказывал он, — стоит мне нырнуть туда — и Савелий Фомич возьмется за всех вас. Посадит в оборудованную по последнему слову науки клетку и наймет шарлатанов, изучать ваши мозги. Откуда ему знать, что после моей смерти Сеть растает примерно за месяц? Без регулярной инициализации...

Но я все же беспокоилась. В отличие от Олега, стремительно растерявшего остатки серьезности. Мальчишка лукаво улыбался и уверял, что его интуиция подсказывает ему одно лишь хорошее. Что надо просто ждать и пользоваться моментом — то есть купаться и загорать.

Скрепя сердце пришлось ослабить узду. В конце концов, не могу же я всюду ходить с ним за руку — люди смеяться будут. А держать на привязи в доме — себе дороже. И так атмосфера накаленная, чреватая шаровыми молниями. Еще и с ним скандалить.

И потому эти два дня Олег всецело проводил на улице. Сдружился с местными пацанами, завоевал даже авторитет. И либо отрывался на пляже, либо носился с ними неизвестно где.

Был в этом свой плюс — если что, похитить на улице сложнее. Не такой человек лысый бандит Фомич, чтобы устраивать шумные скандалы. Вмешается же местная милиция. Кстати, не удивлюсь, если местные в отличие от московских коллег еще не коррумпировались до мозга костей. Все тут друг друга знают, перед людьми неудобно... Могут ведь и открыть стрельбу на поражение, а в итоге шум дойдет до областного начальства...

Но после ужина «племянник», обреченно вздыхая, плелся решать задачи. Тут уж я была неумолима. Главное правило педагогики: грозишь — сделай.

Я как раз варила макароны, когда началось *это*.

Олега, слава Богу, не было, Юрий Михайлович давил раскладушку на веранде. Сонливость его меня поражала. Я даже с ней пыталась бороться, но получалось плохо.

Они появились внезапно — точно вылупились из жаркого, наполненного жужжанием мух воздуха. Ба, знакомые все лица. Савелий Фомич, филолог Толик. Стоя в дверном проеме, приветливо улыбались.

— День добрый, Ольга Николаевна, — поздоровался Фомич. — Кулинарите? А мужчины ваши где?

Я ощутила себя прямо-таки хлебосольной хозяйкой большой семьи, вроде той, из рекламы бульонных кубиков. Ну зачем больно-то делать?

— Может, и добрый, — хмуро откликнулась я, вспомнив неприветливую бабу с почты.

— На обед-то пригласите? — все так же по-дружески спросил Фомич.

— На вас не рассчитано, — указала я взглядом на шипящие макароны.

— А зря, — посерьезнел Фомич, — надо было рассчитывать. Знали же, что сегодня истекает третий день. Как успехи?

Я решительно выключила плитку. Не судьба дожарить.

— Понятия не имею, — что-то вязкое сковало мой язык, слова выползали с трудом. — Я изложила Юрию Михайловичу ваши требования, а также аргументы в их пользу. Дальнейшее зависит от него. Пока решения не принято.

— А вот и сам Юрий Михайлович, — фальшиво улыбнулся Фомич. Повернувшись, я увидела, как Толик ведет с веранды заспанного Босса. Вроде бы вежливо придерживает за локоть, но что это — болевой захват, понятно всем. Включая пьяных ежиков.

Босс не удостоил гостей приветствия. Хмуро взирал поверх их голов.

— Чего ж тут толпиться? — задал Фомич риторический вопрос. — Пойдемте-ка в комнату, там и поговорим спокойно.

В комнате нас с Боссом посадили на диван, лысый оседлал табуретку, а Толик молча подпирал стенку возле двери.

— Кстати, а где мальчишка? — как бы мимоходом осведомился Фомич.

Вот тут уж я порадовалась своему позавчерашнему либерализму.

— Понятия не имею, — сообщила с усмешкой. — Он пташка вольная, гуляет где хочет. В большой компании сверстников. Так что охотиться не рекомендую. Крику будет...

— Тоже мне проблемы, — махнул рукой Фомич. — Понадобится, достанем и из компании, тихо и по-хорошему. Но пока этого и не нужно. Итак, дамы и господа, надо наконец поговорить. Нам никто не помешает, а, Толя?

— Никто, — отозвался недоделанный филолог. — Хозяйка в Нижний вчера поперлась, я проверил. Раз уж с дневным автобусом не вернулась, то, ясен перец, раньше пяти не будет. А пацан обедать прискачет, так мы макаронами накормим.

— Ну а если какая соседка забежит за щепоткой соли, то Ольга Николаевна удовлетворит ее скромную просьбу, — добавил Фомич. — Вы же понимаете, Ольга, как правильно себя вести?

Я понимала. Вдохнула поглубже — и нырнула в Сеть. В серую пустоту без верха и низа, без радужных бликов и сияющих каналов. Ну что за на фиг? Как всегда, не работает в самый нужный момент. Закон подлости бутерброда.

Глазами спросила Босса, в чем дело. Тот едва заметно пожал плечами. Небось опять экспериментировал. Нашел время, дубина!

Впрочем, драться все равно ни к чему. Тем более что эти — не сексуальные маньяки в лифте. Гораздо хуже. Наверняка тоже прошли горячие точки и холодные пятна. Да и мало для серьезного боя чужих рефлексов — мышцы мои не чета спецназовским, не выдержу и полминуты.

— Так что обойдемся без предисловий, — начал Фомич. — Ситуация наша такая. Надо начинать работать, Юрий Михайлович. Там, — он вздел палец к потолку, — от нас ждут результата. Люди вложили нехилые бабки и хотят убедиться, что не подписались зря. Короче, сегодня мы с вами едем в Москву. Завтра вы, Юрий Михайлович, подключите к своей Сети одного человека. Хотя бы временно. Естественно, с односторонним доступом — чтобы он подключаться мог, а к нему — шиш.

— Это чтобы высокая особа воспользовалась знанием высшей математики или научилась ремонтировать автомобили? — невинно поинтересовалась я.

— Чтобы высокая особа убедилась в реальности сетевых возможностей, — холодно ответил Фомич. — После этого Юрий Михайлович начнет прокладывать отдельную сеть. Так сказать, выделенную линию. Размеры, сроки и гонорар обсудим в городе.

Босс прокашлялся. Уж не простыл ли? В такую жару, между прочим, это за просто. Проверила лично.

— А вам не кажется, господа, что вы торопите события? — спросил он, глядя в крашенные половицы. — Я еще ничего не решил.

Савелий Фомич поглядел на него укоризненно.

— Ну и сколько ты будешь тянуть кота за яйца? Времени было завались. Тоже, блин, Гамлет. «Быть или не быть», «пить или не пить». Теперь все, некогда вертеться. До сих пор не усек, что с нами обострять нельзя?

— Извольте говорить мне «вы», — высокомерно процедил Босс. Было в нем сейчас что-то от польского шляхтича. Жаль, «пся крев» не добавил.

— Толик, — миролюбиво сказал Фомич, — чуток объясни ему.

Квадратный как-то сразу оказался перед нами. Легкое движение — и Юрий Михайлович, судорожно вздохнув, схватился руками за живот.

— Так лучше, уважаемый Юрий Михайлович? Вам это нравится больше?

Босс долго не отвечал, восстанавливая дыхание.

— Вот теперь мне окончательно ясно, — медленно заговорил он наконец, — что с вами нельзя иметь никаких дел. Ясно, зачем вам понадобилась ментальная сеть. Нет уж, этой игрушки вы не получите. Зря я в свое время взялся за эту тему, ну да прошлого не вернешь. Короче, хрен чего вы от меня добьетесь. Можете топтать и резать, уверяю, толку не будет. Это вам не банковский номер счета из клиента выдоить. Работа творческая, требующая здоровья и внутреннего спокойствия. Все равно что роман написать.

— Как звучит! — восхитился Фомич. — Прямо хоть в театр ставь. Только это ты непуганый пока, вот и борзеешь. Значит, придется воспитывать, и по ускоренной программе. Слышал же, завтра заказчик хочет видеть результат. И увидит. А ты сейчас увидишь, что бывает с такими вот крутыми героями. Давай, Толя, действуй.

Квадратный Толя не стал снова бить Босса. Он вообще к нему пальцем не прикоснулся.

Зато прикоснулся ко мне.

Не успела и опомниться, как меня привязали к древнему, с высокой спинкой, бабкиному стулу. Толик действовал сноровисто, с какой-то профессиональной нежностью, напоминая модного парикмахера. Давно, кстати, собиралась сходить, да все дела...

У этих гадов и веревка оказалась припасена — моток тонкого, но ужасно прочного капронового шнура. Все предусмотрели. Даже скотч — квадратный филолог заботливо, но аккуратно залепил мне рот. Сейчас и Сеть бы не помогла.

Не люблю быть беспомощной, и в этом не оригинальна. Зато одно грело душу — на моем месте не Олег, а я... Что ж, покажу этим инквизиторам стойкость. Ну чем я не Орлеанская Дева?

— Теперь, — буднично сказал Фомич, — позаботься о Юрии Михайловиче.

После короткой возни — Босс вздумал сопротивляться, но куда там! — Толя аккуратно привязал его к креслу. Скотч применять не стал, и опрометчиво — сейчас же раздались надрывные крики: «Помогите! Грабят! Пожар!»

— Про пожар правильно, — одобрил Фомич. — На «помогите» мало кто побежит. А уж на «грабят»... Только беспонтово это, Юрий Михайлович. Рамы тут хорошие, двойные. Хрен кто услышит. Так что смотрите, слушайте, нюхайте.

— Вы уж зла не держите, Ольга Николаевна, — всей табуреткой развернулся он ко мне, — придется вам больно сделать. Раз уж коллега ваш такой душный... Толя, давай инструмент!

На свет явился небольшой чемоданчик, и Фомич принялся выкладывать оттуда свой арсенал — хирургический скальпель, шило, зубоврачебные щипцы, пассатижи.

— Утюг надо? — озадачил шефа Толик. — Я на кухне видел.

— Не помешает, — согласился Фомич. — Тащи.

Вскоре Толик вернулся с бабкиным утюгом, воткнулся в розетку и выжидательно замер. И я сразу же ощутила, насколько мне далеко до Орлеанской Девы. Внутри все сжалось, дух отступил, одна биология осталась. Не будь залеплен рот — ох, как бы я сейчас визжала!

— Ну вот, Юрий Михайлович, — сухо сказал Фомич, — из-за вашего упрямства придется слегка наказать даму. Начнем, пожалуй, с малого. Потом испортим красоту, а после уж к электропроцедурам перейдем. Наслаждайтесь.

Еще не окончив фразы, он подскочил ко мне, крепко ухватил за запястье. И тут же в правой руке его оказалось тонкое шильце. Уж не собирается ли эта скотина вгонять мне его под ноготь?

О-о-о... Это было непередаваемо! Я глухо мычала и извивалась, насколько позволяла тутая веревка. Всю меня затопила желтая ослепительная боль, нереальная, невозможная. Так не бывает! Так не должно быть! Жар сменялся холодом, но все забивал какой-то резкий, хищный запах.

И совершенно машинально, не сознавая, что делаю, я скользнула в Сеть. Как ни странно, сейчас она работала. Извивались вдали синие, словно чьи-то вены, каналы. И карта послушно явилась моему зову — потрепанные, желтоватые, скрепленные степлером странички.

Не сказать, чтобы здесь, в холодной внутренней серости, боль исчезла. Нет, плескалась, поганая. Но все-таки ощутимо ослабла, по крайней мере сознание ко мне вернулось.

Можно было подключаться.

Только вот к кому? Ни ремонт автомобилей, ни рукопашный бой, ни ковариантные тензоры ничем мне помочь не могли. Не в Доктора же втыкаться — лишь узнаю массу неаппетитных подробностей о том, что случится в ближайшие минуты.

А потом меня, закружив как осенний лист, мягко выкинуло в реальность. Серая пелена растаяла, сменившись болью, страхом и вонью.

— Ну что, Юрий Михайлович? — доносился будто сквозь слой ваты голос Фомича. — Как там поживает ваш гуманизм? Не жмет?

Босс скорчился в кресле — точно жук, прищипленный на булавку в гербарии. Потом вздохнул и с ненавистью произнес:

— Ладно, хрен с вами! Я согласен.

Фомич понимающе кивнул.

— Вот она, реальная жизнь, да? Сразу все на места ставит. Короче, сейчас отсюда уезжаем. Только сперва маленькая формальность. Подпиши. Толь, правую руку ему развяжи. Вот тут, внизу. Вот ручка. Не бойсь, не кровью заправлена.

— Что это? — глухо спросил Босс.

— Заявление в прокуратуру, — приветливо объяснил Савелий Фомич. — Чистосердечное признание. Типа вы, Юрий Михайлович, уже двадцать лет как занимались растлением малолетних девочек. А также мальчиков. Вы почитайте, почитайте, занимательно написано. С конкретными фактами, и люди, между прочим, следовательно все подтвердят. А теперь как бы совесть заела. Бывает же у людей такая химера, — блеснул он эрудицией. — Короче, если снова начнешь борзеть, — лысый вновь перешел на «ты», — бумажка в прокуратуру поедет. И что после этого с тобой будет, рассказать? Каких тебе менты всяковы прилепят, что с тобой люди в камере сотворят? Давай, чиркнись. А то у Ольги Николаевны еще много пальчиков.

Босс послушно расписался на мерзкой бумажке.

Несколько секунд висела ядовитая, жгучая тишина.

Потом тишина кончилась — громко, с паром, словно в эту кислоту щелочью плеснули.

— Это, блин, что за хренотень? — раздался мужской бас.

В дверях стоял мужик, в серой футболке и не первой свежести спортивных штанах. Размерами с небольшой трактор — во всяком случае, чтобы войти в комнату, ему пришлось чутко нагнуться. И в ширину немногим меньше.

Когда в кислоту льют щелочь, в осадок выпадает соль. Сейчас этой солью была я. Да и, наверное, остальные.

— Ты что, дверь не закрыл? — опомнившись, бросил Толику Фомич.

— Да закрывал же! — огрызнулся тот. — На засов.

— Слышь, мужик, — миролюбиво процедил Фомич. — Ты вот что, ты гуляй отсюда, и что видел, забудь. Целее будешь.

Мужик (приглядевшись, я поняла, что он еще довольно молод) присвистнул:

— Это с какого ж хрена я отсюда пойду? Это ж моей тети дом! Ты вообще кто, козел? Чего тут творишь?

Фомич надулся. Лысина его ощутимо потемнела. Не будь у меня залеплен рот — обязательно бы плюнула. Прицельно.

— Зря про козла-то сказал, — скучающе произнес он. — За базар отвечать надо. Толик, давай.

У квадратного в ладони, оказывается, уже посверкивало шило. Не то, маленькое, что мне вгоняли под ноготь, — настоящее, боевое. Где-то я читала, что это оружие страшнее финки.

И тут мужик меня удивил. Никогда не думала, что такие большие люди способны так быстро двигаться. Что-то кошачье появилось в его повадках, вернее — тигриное. Сперва мне почудилось, будто он присел на корточки — но его нога, совершив странное круговое движение, подсекла лодыжку Толика, и тут же, захватив локоть его правой руки, пришелец что-то сделал.

Судя по отчетливому треску и звериному, нутряному воплю квадратного я поняла, что как минимум вывихнут сустав. Можно было надеяться, что и кость сломана.

Шило бессильно выпало из разжавшейся ладони и угодило острием между половиц. А полы-то в доме рассыхаются, мелькнула вдруг совершенно посторонняя мысль. Перестилать бы надо.

Казалось, время застыло. Умом я сознавала, что все случилось от силы за две-три секунды, ну максимум за пять. Но то ли из-за стреляющей боли в пальце, то ли из-за недавнего визита в Сеть я обрела какое-то иное, обостренное восприятие. Мгновения растягивались у меня внутри, точно резиновая пленка.

Мужик меж тем не остановился на достигнутом — небрежно и вместе с тем уверенно ткнул Толику пальцем куда-то под ухо — после чего принял на кулак сверзившуюся тушу и для гарантии добавил ногой в солнечное сплетение. Ботинки, кстати говоря, у него были основательные. Нет чтобы в жару ходить в сандалиях...

— Ну это ты напрасно, пацан, — тухлым голосом изрек лысый, вскакивая с табуретки. Надо же, выдержка! Так и сидел все это время, наблюдал.

Быстрее молнии он метнулся к противоположной стене. Куда сунул руку, я так и не поняла — но вот уже в его ладони мутно блеснуло что-то металлическое.

— Стоять! — негромко скомандовал он. — Мозги вышибу!

На неожиданного визитера смотрел пистолетный ствол. Не разбираюсь в этих мужских игрушках. Кроме воспетых в старые советские времена нагана да маузера, ничего не знаю. Эта штука явно была поновее.

— Дядя, брось каку, — сухо и даже как-то скучно сказал новоявленный бабкин племянничек. — Плохо кончишь.

Савелий Фомич лишь дернул тонкими губами. Потом дернул пальцем.

Думала, это бывает тише. Но грохнуло в лучших традициях ковбойских фильмов. Зазвенели осколки. Хрустальная бабкина ваза, поняла я с грустью. Расстроится старушка. Впрочем, будь на месте вазы племянник, она расстроилась бы куда сильнее.

Племянник, однако, вовсе не собирался меняться с вазой местами. Все случилось слишком быстро даже для моего обостренного восприятия. То он стоял над поверженным филологом, а вот уже обретается у противоположной стены, держит лысого двумя пальцами за челюсть. Причем пистолет валяется на ковре, а туфли Фомича болтаются сантиметров на десять выше пола.

— Я, блин, говорил, нет? Предупреждал? — доверительным тоном объяснил мужик и резко согнул ногу в колене. Фомич, отданный на волю гравитации, согнулся под прямым углом и рухнул на пол. А племянничек, примерившись, от души врезал носком ботинка туда же, в то самое деликатное место.

— Я вот чего думаю, на фига такому дети? — обернувшись к нам, посоветовался он. — Ничему хорошему не научит. Меня, кстати, Аркашей звать.

Он перевел дыхание. Облизнул губы.

— Ну ни фига же пироги с котятами... Зашел, называется, чаю попить. Вы, ребята, погодите, я сейчас... только приборочку сделаю.

Он выдернул из розетки шнур утюга, поднял пистолет, и тот как-то вдруг растаял в его ладони. Потом легко, точно пластовые мешки с мусором, ухватил бандитов за ноги и потащил во двор.

Не было его ужасно долго — минут десять.

Я замычала, чтобы привлечь внимание Босса. Если он сможет подобраться ко мне с креслом... Правая рука-то его свободна, только что ведь подписался на педофилию...

Увы, толку сейчас от него было немного. Лишь хрипло, со свистом, втягивал воздух. Исхитрившись, я чуть развернулась, чтобы изменить угол зрения. Заглянула ему в глаза.

Никакого выражения. Ну чистые стекляшки. Однако все же дышит. Главное, жив.

Вернулся в дом Аркаша.

— Вы простите, задержался... Надо было этих в чувство привести. Уж как-нибудь до джиба своего дочапают. Они его возле гостиницы оставили. Наверное, чтобы здесь не мелькать.

Потом он быстро и аккуратно разлепил мне рот, перерезал шнур скальпелем, койй должен был испортить мне красоту. Так же легко освободил от пут Босса.

— Встать можете? — заботливо поинтересовался он.

Я попыталась. Вышло лишь со второй попытки — тело затекло, мышцы сводило судорогами. Но все же перемоглась.

Аркаша меж тем положил Юрия Михайловича на диван. Растегнул ему рубашку, приложил ухо к сердцу. Пощупал пульс.

— Обморок! — изрек он облегченно. — Обычный обморок. Нервный шок, такие дела. Бывает. Где-то тут у тети Вали аптечка имелась...

Он нырнул в старухину комнату и вынес оттуда коробку с баночками, скляночками и таблеточками.

— Пускай пока полежит. Все равно нашатыря нет, что толку так-то трясти? Ему вообще снотворного бы надо. Я знаю, в армии медбратом был, в санчасти. Пока давайте вами займемся. Пальчик протяните.

Он осматривал палец внимательно, хмурился и сопел.

— Да, дела... — изрек наконец. — Глубоко засадили. Ну да ничего, пройдет со временем. Хотя ноготь, наверное, слезет. Сейчас вот перекисью водорода, потом йодом. И пластырем залепим. Будете в городе, к врачу-то сходите. Мало ли...

Он вздохнул. По моим расчетам, самое время ему интересоваться, а что мы-то с Боссом делаем в теткинском доме? И точно!

— Про вас-то мне уж сказали, еще на остановке. Мол, тетка-то дом продает, двоим москвичам, живут у нее пока что...

Может, и правильно... ей уж под восемьдесят. Надо в город, к дяде Шуре.

Из этого я сделала вывод, что племянник-то он племянник, но внучатый. Оно и понятно — для родного уж слишком молод.

— Послушайте, Аркадий, — начала я, — а вы уверены, что эти ужасные люди не вернутся сюда с гранатометом? Потом ведь на ремонт тратиться...

Аркаша беззаботно усмехнулся.

— На все сто! Эти тараканы небось уже к Ветлужской чешут, под полтора ста кэмэ. Очень я им не понравился. Вот, нашел! — Облегченно вздохнув, он вынул из коробки упаковку димедрола. — Две таблеточки в самый раз будут... Сейчас в водичке растворим, дадим попить. К вечеру проснется как огурчик.

Не скажу, что легко, но все-таки нам удалось напоить пребывающего в отключке Босса.

— Пойдемте-ка на воздух, Ольга Николаевна, — предложил Аркаша. — Кислородом подышим, поговорим...

Что интересно, я так и не успела ему представиться. Занятый у бабы Вали племянник.

11. По обрыву да над пропастью...

Шандарахни опять с неба розовой ветвистой молнией, я бы ничуть не удивилась. Закономерная точка во всей этой истории. Особенно если сия точка геометрически совпадет с удивляющим из Варнавина джилом. Ну вот такая я мстительная.

Сияло солнышко, голубело высокое небо. Молнии не случилось. Как, впрочем, и точки. Вместо нее нарисовалась интересная запятая.

— Ольга Николаевна, — наклонясь ко мне, тихонько сказал Аркаша, — давайте сразу уж, чтобы без непоняток. Вот, взгляните.

Характерная книжечка. Раньше такие были красными, теперь слегка забурели. Из книжечки строго взирал на меня Аркаша и значился там Аркадием Андреевичем Котовым, капитаном ФСБ.

Ну чем не молния? Правда, невидимая и бьющая исключительно по моим пострадавшим мозгам.

— Занятно, — только и сказала я. — А Валентина Геннадьевна в каком звании? До майора-то хоть доросла?

Капитан Котов взглянул на меня с уважением.

— Для женщины, которую только что пытали, вы держитесь изумительно. Нет, тетя Валя ни сном ни духом. И впрямь, возникло редчайшее совпадение. Она действительно тетя моего отца. Я раньше сюда на каникулы ездил. Да и сейчас иногда выбираюсь.

— Что, чисто случайно решили провести старушку? — Общаясь с ним, мне приходилось задирать голову, и это раздражало.

— Ну, Ольга Николаевна, — он мило улыбнулся, — двух таких случайностей подряд не бывает... Знаете что, давайте немножко пройдемся, поговорим. Юрий Михайлович все равно будет спать до вечера, мы ему сейчас не нужны. В дом никто не сунется, бояться нечего. А вот нам с вами нужно как-то отдышаться, успокоиться. События такие, что по нервам бьют почище кувалды. Ну вы же все равно сейчас макароны варить не способны, правда?

— А если вернется Олег? — засомневалась я.

— Вряд ли, — махнул рукой Аркаша, которого язык не поворачивался называть товарищем капитаном. — Носится с пацанами, это надолго. А если и придет — ну что он увидит? Дядя Юра спит, так он последнее время этим профессионально занимается. Тетя Оля мало ли куда может уйти — ну хотя бы на почту, звонить. Мобильник-то не действует. В доме я прибрал следы... осколки там, веревки... Разве что отсутствие вазы углядит. Но вряд ли.

— Ну ладно, товарищ капитан, — улыбнулась я светски, — куда отконвоируете старушку?

Аркаша на мгновение задумался.

— Вы еще не были на берегу? На пляж ходить незачем, прогуляемся по верху. Удивительный вид. Художники нередко приезжают, этюды пишут. Короче, вам это надо увидеть. Ветлуга в солнечный день... рощицы... вдали блестит вода. И совсем далеко — сосны на том берегу.

Можно было подумать, путевку в санаторий навязывает.

Пока шли по улице, болтали о пустяках. Никому не хотелось начинать первым. Да и народу всякого крутилось немало. Многие с Аркашей здоровались. К моему громадному изумлению, встретила по пути вредная баба с почты — и дружелюбно мне кивнула. Ну, дела... Неужели я все же посеяла в ней некое гуманистическое зерно, и то за три дня возшло?

Улица плавно перетекла в площадь, там развернулся стихийный рыночек. Дальше начинался парк, туда мы и

свернули. За деревьями проглядывало необъятное пространство.

Так мы вышли к самому обрыву.

Вид и в самом деле открывался изумительный. Как бы и впрямь не устроили здесь российскую Швейцарию с кемпингами, фуникулерами и кафешками. Загадят последнее.

Поначалу и здесь встречался народ — кто спускался к пляжу, кто, накупавшийся, поднимался в гору. Но Аркаша свернул вправо, на узенькую, змеившуюся вдоль тропиночку, по обеим сторонам заросшую дикой малиной и шиповником.

— Вот здесь можно и поговорить, — нарушил он молчание.

— Можно, — кивнула я. — И что же вы собираетесь мне сообщить?

Аркаша поправил волосы. Хотя что там поправлять — прическа современная, короткая.

— Во-первых, — начал он, — мы, то есть наша служба, в курсе практически всего, что связано с вашей Сетью. Действительно, гениальное изобретение. Юрий Михайлович, не побоюсь этого штампа, исполин духа...

— Отец русской демократии, — в тон ему отозвалась я. — У вас что же, стукач все это время был среди наших? Имя, конечно, не назовете?

Аркаша скривился, словно не наш, не сетевой человек от лимона.

— Зря вы так, Ольга Николаевна. Во-первых, это называется не стукач, а добровольный информатор. Любые спецслужбы, любые силовые структуры испокон веку пользовались этим методом. И, поверьте, ничего особо аморального здесь нет, если придерживаться определенных этических рамок. Но успокою вас — все девятнадцать членов вашей Сети морально устойчивы. Никто не кропал по ночам доносов.

Девятнадцать? Почему же я всегда считала, что пятнадцать? Ах, ну да, еще плюс я и сам Босс. А остальные двое? Или... Или есть у нас и закрытые ресурсы, о которых мне знать не положено? Интересно, а в курсе ли Доктор и Спецназ? И почему мой «неограниченный допуск» оказался все же ограниченным?

— Все было проще. — Аркаша говорил терпеливо, точно добрый учитель с неуспевающей девочкой. — Вы ведь уже в курсе, каким путем криминальная группировка Савельева узнала о Сети.

— Савельева? — Фамилия что-то смутно напомнила.

— Ну да, лысого садиста. Он вам представился как Савелий Фомич. На самом деле Савельев Фома Игоревич. Поигрался с именами в перевертыши. Сам по себе Савельев — бандит средней руки, таких — что грязи. Но он вхож к одному весьма влиятельному деятелю... вы извините, но совершенно необязательно называть фамилию. Выполняет его различные деликатные поручения... которыми сей деятель не хочет озадачивать службу своей охраны. Именно ему, неназываемому, Савельев и рассказал потрясающую новость. А тот — человек азартный, увлекся. К тому же уверен в Фоме, знает, что тот неглуп и не станет предлагать пустышку. Остальное вы поняли?

— Тоже мне, бином Ньютона!

Возгласив это, я споткнулась, и если бы не заботливая Аркашина рука, неминуемо полетела бы вниз, в гущу крапивы, шиповника и одичавших яблонь.

— Осторожнее. Под ноги все же глядите... А то, устремившись духом к небу...

— Короче, вы, госбезопасность, следили за этим Неназываемым, так и узнали про нашу Сеть. Верно?

— Стопроцентно, — кивнул Аркаша. — Он действительно в разработке... но это совсем уже другая тема. В общем, все разговоры его записываются, все контакты отслеживаются. Откровенно скажу, очень вредная для государственных интересов тварь.

Ну-ну... чекистам, значит, решать, что есть государственный интерес, а что антигосударственный. Угу... Плавали, знаем. Деда моего, Григория Ивановича, тоже из государственных интересов в Воркуте сгноили... а что такое полвека для Аркашиной конторы? Семечки. Они и сейчас такие же... если поскрести...

— Фильм помните? — обернулась я к капитану Котову. — Рязановский, «О бедном гусаре замолвите слово». Так там золотые слова сказаны. Не решайте за Россию, кто ей враг, кто друг... Она сама разберется... со временем.

— Помню фильм, и очень люблю, — отозвался Аркаша. — На кассете у меня есть. Кстати, хотите, в Москве вам перепишу? А что по сути... ну это же бесконечный философский спор, нам с вами оно надо? Я лишь одно скажу. Человек, в коем вы, Ольга Николаевна, увидели бы друга России, не станет иметь дело с Фомой. Аргумент?

— Убойный, — согласилась я. — Ну, и что дальше-то? С бандитами называемыми и неназываемыми все ясно. А с нами, с Сетью? Здесь-то как будет развиваться сюжет?

Аркаша помолчал. Сорвал травинку, задумчиво сжевал. Травоядное.

— Ольга Николаевна, не буду темнить. Темой очень заинтересовались наверху. На уровне руководства Службы. Еще бы, у нас под носом такой самородок... технология, которая способна изменить судьбы мира... я слегка утрирую, но вы же понимаете.

Ну вот... все тот же сон... Поздравляю тебя, Шарик!

— Короче, — вздохнула я, — вы хотите ровно того же, что и Фомич. Вернее, Фома. Не с маслом, так со сметаной.

Аркаша усмехнулся.

— Упрощаете и углубляете. Разница все же есть. Да, мы очень хотим сотрудничать с Юрием Михайловичем. И со всеми вами. Но смотрите. Неназываемый хотел построить ментальную сетку для личного пользования. Деньги, власть, месть. Интересы общества ему по барабану. Разумеется, долго бы тайна не удержалась... даже в его когтистых лапках. Утечка через Фому... через других шестерок... в конце концов, через того же Юрия Михайловича, который в конце концов побежал бы спасаться к нам... Да и просто бесконтрольное расширение Сети неизбежно означает утечку.

Он перевел дыхание, к чему-то прислушался. Ветерок шумел в древесных кронах и вверх, и вниз. Легкое облачко напозло на раскаленный солнечный блин.

— Разумеется, в нашей системе сидят отнюдь не дураки. Нет, конечно, и дураков хватает, как везде. Но стратегические решения принимают дальновидные люди. Поэтому не бойтесь того кошмара, о котором говорили с Боссом в ночь с четверга на пятницу. Помните, свеча горела на столе, свеча горела?

Я передернула плечами.

— Интересно, а как я в туалет хожу, вы тоже записываете?

— Ну вот еще не хватало, — как-то слишком уж решительно возразил Аркаша. — Только то, что относится к делу. Короче, не будет никакого глобального «ментанета». Наша служба умеет контролировать такие вещи. Мы бы и Интернет вот так же попридержали... если бы Запад не опередил, если бы, как в вашем случае, гениальный Учитель да кружок апостолов... Ничего, не задеваю ваши религиозные чувства? — Нагнувшись, он пытливо заглянул мне в глаза.

— Со своими чувствами уж как-нибудь сама разберусь, — проворчала я. — Излагайте дальше. У вас красиво получается.

— Да вроде все уже сказано, — вздохнул Аркаша. — Просто поймите, что передать ментальную сеть под защиту нашего ведомства — это самый правильный шаг. Я вам больше скажу — случай-то не уникальный. У нас имеются такие технологии, которые вообще все в мире вверх дном перевернули бы. Сказать «сенсационные» — это ничего не сказать. И, как видите, ничего страшного. Мир, — он усмехнулся, — по-прежнему стоит на трех китах, не падает.

— Пока, — встала я. — А дальше как повернется? Вдруг завертится вокруг Солнца?

— Ольга Николаевна, но ведь нельзя рассчитывать на триста лет вперед, — укоризненно возразил капитан. — Лет сорок—пятьдесят я гарантирую, а как дальше сложится... Нас с вами, во всяком случае, это уже затрагивать не будет.

— Собираюсь жить как минимум до ста, — укоротила его я. — Но это и впрямь лирика. Давайте физику. Что вы непосредственно хотите от меня?

Аркаша замялся.

— Ольга Николаевна, да ничего фантастического я не хочу. Просто сотрудничества. Для начала — ну пускай он хотя бы меня к вашей Сети подключит. Мне ведь тоже перед начальством отчитываться... так хоть чтобы конкретный результат.

Я засмеялась.

— С чего вы взяли, что годитесь? Вероятность ниже семнадцати процентов. Кайтесь — лимоны любите?

Аркаша совершенно серьезно кивнул.

— Не то слово! Полковник мой недавно сказал: это судьба. И лимоны жрешь как яблоки, и бабчатая тетка живет где надо. Потому именно тебя и пошлем.

Ну да... насчет лимонного теста они уже давно пронюхали... Мы тоже хороши — болтали языками, точно в Англии живем. Как дети, честное слово.

— От меня-то лично чего хочет родина? — уточнила я расклад.

Аркаша вновь пожевал беззащитную травинку.

— Просто попробуйте уговорить Юрия Михайловича. Да, он человек трудный... но вы имеете на него влияние. Да и вообще... исходит от вас некая аура. Как еще говорят, харизма. Пятьсот лет назад из вас, возможно, получилась бы какая-нибудь Орлеанская Дева.

Я поморщилась. Ощутимо заболел искалеченный палец. Нет уж, увольте. Я лучше хулиганов учить дро-

бям или, как последние пять лет, в библиотеке... Старость боится смерти, и все такое. Знала бы, где партизаны, — обязательно бы тогда сказала Фомичу.

— Нет, правда, — словно не замечая моего раздражения, продолжал Аркаша. — Попробуйте его убедить. Я понимаю, это сложно, сейчас он обозлен на бандитов... он вообще очень гордый и ранимый человек. Но постарайтесь показать ему разницу. Мы-то не бандиты, мы никого не пытаем...

— Ну да, — согласилась я, — вы не демоны на договоре, вы ангелы на окладе. Не используете никаких методов давления... Если Юрий Михайлович категорически откажется иметь с вами дело, вы оставите его в покое. И его, и всех нас. Закроете тему и пойдете бабочек ловить. Я угадала?

Аркаша заметно расстроился. Чисто по-человечески мне его даже жалко стало. Парень-то, судя по всему, неплохой. И уго-раздило же его в эту гэбуху вляпаться. Вот и крутись теперь на моральной сковородке.

— Ну, Ольга Николаевна, — сухо протянул он, — вы же взрослый человек. Вы же сами все прекрасно понимаете. Так просто тему не закроют, тем более такую тему. Когда это необходимо, нам приходится быть настойчивыми...

— Понимаю. История не Невский проспект, не разбив яиц, не сделать яичницу... и далее в том же духе. Чем же вы думаете шантажировать Босса... то есть Юрия Михайловича? — Я начинала заводиться. Очень мне этот разговор напоминал тот, другой, в суздальском подвале. Кресло с пружинками... Тональность на квинту выше, а мелодия та же.

— Успокойтесь, — хмуро сказал Аркаша, — никто не будет мучить ни вас, ни мальчика... и тетушку Тамару тоже никакой сержант-сверхсрочник не замочит. Есть более тонкие методы... по-своему тоже неприятные... Что же до грубых... Тут, простите, моя вина, сглупил. Буду рапорт писать — честно упомяну. Проколотся как последний салага. Помните «чистосердечное», которое Фома заставил подписать Юрия Михайловича?

— Помню, — подтвердила я. — И при чем здесь это?

— Так вот, не сообразил я у Фомы бумагу-то отнять. Честно скажу, увлекся боем, в горячке вылетело. Короче, при нем она осталась, бумага. Увез с собой, подписанную. Теперь представьте, захотят они нагадить. Пошлют бумажку в прокуратуру, закрутится обычная следственная тягомотина. Чудовищная, неповоротливая, равнодушная к человеческой судьбе. Разумеется, наша Служба могла бы Юрия Михайловича

отмазать... есть у нас такие рычаги. Но одно дело Юрий Михайлович, сотрудничающий с нами, и совсем другое — он же, который нас знать не знает. Таких и мы знать не знаем... Типа ты сам по себе...

Я резко остановилась.

— Ну не гадость, а? Кто-то мне тут про гуманизм напевал, про свои отличия от бандитов. Аркадий, отличий не вижу. Как выразился бы филолог Толик, те же яйца, вид сбоку.

— Так я ж и говорю, — сокрушенно вздохнул капитан, — облажался. Виноват. И попытаюсь вину свою исправить. Даже если события именно так и пойдут развиваться... я постараюсь сам какие-то меры принять. Есть некоторые знакомства... Но сложно, прямо скажу. Я кто? Капитан всего лишь. А тут чтобы дело в двадцать четыре часа закрыть, нужен генеральский уровень... по крайней мере полковничий. Понимаете?

Я понимала. И лишний раз думала о том, как же чертовски прав был старина Экклезиаст. Во многом знании много печали.

— Ну что, домой пойдем? — уныло поинтересовался Аркаша.

Жарко было и душно. Не иначе опять к вечеру натянет грозу.

Скользнула в Сеть — освежиться. Все-таки приятный такой холодачок, пускай даже и серый. И что с того? В темноте все кошки серы, а я — заядлая кошатница. Не будь этой поганой аллергии — держала бы дома целый прайд.

Сеть, кстати, работала. Действительно кстати.

— Давайте-ка еще погуляем, — вынырнув, скомандовала я. — Покажете мне очередные местные красоты. Господи, и чего вам тут не сиделось? Работали бы где-нибудь на лесопилке... Свежий воздух, овощи со своего огорода, чистая совесть...

Домой мы явились аж к шести. Ощутимо пахло вечером и грозой. Натянуло сизых облаков, скользил пока еще осторожный, но слегка нагловатый ветерок. Витал над варнавинскими улицами аромат вишен, хотя до урожая больше месяца.

Похоже, капитану Аркаше и впрямь нравилось гулять со мной под ручку. Промелькивали в нем какие-то неслужебные интонации. А ведь по возрасту я ему не то что в матери — в бабушки гожусь... Утрирую, конечно. До бабушки не дотягиваю. Может, и впрямь харизма? Что ж тогда от меня дорогуша Иннокентий дал деру? И после была еще парочка близких сюжетов...

Вскружить, что ли, мальчишке голову? А смысл? Тем более как еще на это посмотрит Юрий Михайлович?

Собственно, мне-то какая разница? Его проблемы. И все же, все же...

— А мы уж думали, вас бандиты увезли, — с крыльца выпалил Олег. Особой тревоги за наши судьбы в нем, впрочем, не наблюдалось.

Вслед за ним вылез из дома Босс. В позаимствованных из бабкиного гардероба резиновых шлепанцах, с дымящейся сигаретой в пальцах. А ведь предполагалось, что будет спать.

— Я Олежке рассказал, — видя наши недоуменные лица, сообщил Юрий Михайлович. — В общих чертах, что помню.

— А много ли помните? — с интересом осведомился Аркаша.

— Вплоть до выноса тел. Ну, то есть когда вы этих «братков» на двор потащили. Потом отключился, да. Все-таки здоровье неидеальное, внутричерепное давление... бессонница.

— Курить бросайте! — велела я. — Причем немедленно. Нет, не сюда бросайте, а на кухне в мусорное ведро.

Босс нагнулся, подобрал окурок.

— Кстати, вы еще незнакомы, — продолжала я. — И как истинные джентльмены, жметесь, пока вас друг другу не представили. Итак, Аркаша, это и есть наш, так сказать, Босс. Юрий Михайлович Терлецкий. А это, — хищно взглянула я на Аркашу, — внучатый племянник Валентины Геннадьевны, Аркаша. Вернее, Аркадий Андреевич Котов. У него очень интересная профессия.

— Киллер? — поспешил ляпнуть Олег.

— Хуже, — парировала я. — Капитан ФСБ.

Уж если рубить собачке хвост, то милосердно. Сразу и под корень. Чувала я, незачем турысы на колесах разводить. Пускай сразу все все знают.

— Опаньки! — только и нашелся что сказать Босс. Аркаша посмотрел на меня укоризненно. Видимо, надеялся на вдумчивую терапию в отношении Юрия Михайловича. Но во мне сейчас проснулся хирург. Может быть, Олежкин папа...

— В дом, что ли, пойдемте, — деловито вмешался Олег. — Я, между прочим, ваши макароны дожарил.

И как-то сама собой родилась у меня хайку:

Падая в пропасть,
Где бьется на дне поток,
Дождь котлету.

12. Белый карлик

Меня мои предчувствия никогда не обманывают. Ждала грозу, хотела грозу — и вот, распишитесь в получении. Не успели поужинать — и грянуло. Ужинали пельменями — разогретые Олегом макароны оказались головешками, есть их было решительно невозможно. К тому же приходилось учитывать и Аркашу, которому сколько ни клади — все мало.

Едва лишь я поинтересовалась, хватает ли эфсбэшной зарплаты хотя бы на питание, как в стекла ударил ветер. Не тот шкодливый мелкий ветерок, что еще недавно трепал нам волосы, — настоящий, матерый ветрище. Пришлось закрывать форточки, и вовремя — засверкало лиловыми вспышками разодранное от зенита до горизонта небо, зазмеились в чугунно-серых облаках бледно-голубые молнии — ну точно каналы в Сети.

— Как бы опять провода не порвало, — заметил в пространство Юрий Михайлович.

— А чего, классно! — сейчас же высказался Олег. — Опять при свечке посидите...

Нет, видала всяких наглецов, но таких...

— Кому не спится в ночь глухую, — сдержано начала я, — тот у меня будет решать задачи. Повышенной сложности, для математических кружков. Всю ночь будет решать, до посинения.

Я бы и еще сказала, но тут низвергнулся на землю ливень, и сразу стало невозможно общаться. Пришлось бы орать. А этого не люблю. Даже на детей, и то никогда не орала. Тихо всегда разговаривала, но от моего змеиного голоса кровь стыла у них в жилах. Да, было времечко... В библиотеке заметно скучнее.

Пронесло, уцелели провода. Хватило кровожадной природе и той, четверговой липы.

Когда ливень превратился в нудный дождь, стало возможным говорить о делах.

Я изложила диспозицию. Сухо и четко, словно доказывая теорему о сумме углов треугольника, расписала Боссу все гэбэшные плюсы и минусы, провела сравнительный анализ с бандитским вариантом. Насчет «интеллигентных методов давления» благоразумно умолчала, ни к чему. И без того на душе погано, словно мухоморов объелась. Чем убедительнее звучали мои речи, тем меньше я сама верила в эту лабуду.

Аркаша или очень наивный юноша, или тонко врал. Если чекисты столь сильны, чтобы держать Сеть под строгим колпаком и пользоваться ею самолично, — значит, их

дела вообще резко пошли в гору. И значит, ждет нас «государственное благо», в их, гэбэшном, понимании. Закрутят гаечки, заткнут ротик. Построят в одну шеренгу — и с песней к северо-востоку. В просвещенных гуманистов они играть горазды, но геном-то у них совсем иной. Сторожевые инстинкты, как у кавказской овчарки. Между прочим, и наши ментальные сети они для того же и применяют. Ведь в конечном счете не добрые мальчишки Аркашки будут решать, а прожженные дяденьки, для коих и Фомич мягковат.

Второй вариант — все у нас в стране разваливается, в том числе и контора глубинного бурения. Зря надеются на контроль Сети — здоровья у них не хватит. Вылетит наша тайна на свежий воздух, как бабочка-шоколадница, и пойдут множиться сетки да сеточки. А чекисты разве что крышевать их попробуют. В итоге — то же самое неистребимое растение хрен. Единая глобальная ментальная... и прочая, прочая, прочая... Кстати, вариант даже реальнее первого.

Ни о чем таком я, понятное дело, говорить не стала. Босс не дурак, и сам может сообразить. А уж ребенка и вовсе незачем расстраивать — пускай верит, что наши Джеймсы Пронины и майоры Бонды в очередной раз спасут человечество от коварных пришельцев из Зазеркалья.

Юрий Михайлович не прерывал мой монолог. Слушал внимательно, подперев голову рукой. В какой-то момент я заметила, что глаза его ненадолго затуманились. То ли задремал, то ли в Сеть скользнул. Но если и подключался, то не ко мне — ощутила бы.

Потом задумался. Пауза повисла тяжелая, словно мокрый ватник. Закопанный потоп навевал мысли о бренности.

— Что ж, — произнес он хмуро, — если и не убедили, то по крайней мере уболтали. Не скажу, будто к вашему ведомству испытываю теплые чувства, но Савелий Фомич все-таки хуже. Тормозов совсем нет. В общем, господин Котов, будем работать. В Сеть, значит, проситесь?

Аркаша подтвердил — мол, прямо весь изнывает от нетерпения. А уж лимон-то как любит... Вытащил из холодильника сей фрукт — и когда успел заначить? Собрался в доказательство жрать.

Отобрала лакомство, нарезала ломтиками и предложила народу. Кисленького-то всем хочется.

— Теперь предстоит проверка посложнее, — заметил Босс. — Тут как с компьютером аналогия. Хватит ли

ресурсов для установки нужного софта? Не начнет ли глючить железо? В общем, пройдемте, соискатель, — потащил он его на веранду.

Мы с Олегом остались одни.

— Вот и кончилась наша с тобой операция. — Я старалась говорить бодро. — Завтра, видимо, вернемся в Москву. Папа говорил, в июле вы на море собираетесь?

— Угу, — вяло подтвердил Олег. — Только не тянет. Здесь прикольное.

Кому как. Мне случившихся приколов хватило на всю оставшуюся жизнь и двести лет после.

— Теть Оль, — сказал вдруг Олег, — у меня один пример ну никак не выходит. Не сокращается, блин.

— За «блин» получишь дополнительное задание, — буркнула я. — Давай сюда свой опус.

Так... разность квадратов в знаменателе он, конечно, не заметил. Зато строчкой ниже написал: «В доме ни о чем важном не говорите! Все записывается. Нашел два микрофона, а сколько не нашел?»

Растет мальчик. Юный чекист. Или, учитывая контекст, юный античекист. Очень хотелось спросить: а с какого, собственно, бодуна он вдруг начал выискивать шпионскую аппаратуру? Ведь о капитане Котове слышал только что. Но вслух нельзя.

Отобрала у него тетрадку, ткнула в знаменатель, показала, какие красивые вместо него получаются скобки. И написала: «Скрываешь от меня что-то? На интуицию не кивай, не поверю».

— Да не сердитесь вы, тетя Оля, я теперь знаю, как такое решать. Все теперь хорошо получится, вот увидите!

И, вырвав из тетрадки исчерканный листок, пошел на двор, в сторону скособоченной зеленой будочки.

Вернулись Босс с Аркашей. Запросили чаю.

— В общем, так, молодой человек, — не спеша заговорил Юрий Михайлович, — подключение, видимо, получится. Биоэнергетические параметры у вас в пределах допуска. Поздравляю.

Аркаша смущенно улыбнулся.

— Но подключение — процесс сложный и, не скрою, болезненный, причем не столько для вас, сколько для меня.

94 Процедура займет около часа. Хорошо, что тут есть Ольга

Николаевна с Олегом, помогут. Чем больше наших будет находиться в это время в Сети, тем лучше.

— И когда? — нетерпеливо спросил Аркаша.

— После дождичка, — усмехнулся в усы Юрий Михайлович. — То есть завтра с утра. Я пока что не совсем в норму пришел, после недавних событий. И зря вы меня димедролом поили, у меня от него полчаса сна, а после головная боль.

— Я понимаю, — согласился Аркаша. — Спасибо вам. Может, какие лекарства нужны?

— У вас что, аптека в кармане? — желчно осведомился Босс. — Ладно, давайте расползаться. У меня сейчас сонное настроение.

...Расползлись и впрямь рано, не было и половины одиннадцатого. Если бы не дождь — на улице хоть газеты читай.

Аркаша заявил, что с детства любит в жару спать на сеновале. Под сеновалом подразумевался тот самый чердак, куда я однажды так и не смогла залезть. Разумеется, Олег заныл и запросился вместе с ним. Возражать не стала. Даже если допустить ненаучную фантастику — что обозленный Фомич явится с целью кровной мести, — то уж лучше мальчику находиться при таком телохранителе.

И уже укладываясь, я по чистой случайности полезла в косметичку. Потребовались мне маникюрные щипчики, ногти подровнять. Обнаружила что-то странное. Произвела ревизию — и ахнула.

Не было ампулы с загадочным металакситоамином, что вручил мне Доктор на крайний случай. Значит... Я так и не поняла, что же именно это значит. Подозревать можно было с равным успехом всех.

Поэтому я поступила мудро. Подозревать никого не стала, а попыталась уснуть. После сто девятнадцатого слона это у меня получилось.

Дождя как не было — солнышко сияет, музыка из бабкиного радио играет, и отчего-то сердце замирает. Пока яичница поджаривалась, нырнула в Сеть — работает, поганка. Подключилась к ресурсу Олега, но ничего не поняла — слишком смутно все. И эту неопределенность не разрешить правилом Лопи-таля.

Ждала сюрпризов — и дождалась. После завтрака слинял куда-то Олег. Тихо, по-английски. Ну, то есть понятно куда. К сверстникам, среди которых он пользуется бе-

шеной популярностью. И ныряет, и бороться умеет (жалкий халявщик!), и в этой дурацкой современной музыке разбирается. Последнее, к его чести, самостоятельно, не от Сети.

А ведь было же ясно сказано — сегодня со двора никуда. Будем Аркашу подключать, помощь потребуется.

— Что будем делать? — вылила я на Босса тысячную долю своей желчи. — Откладываем посвящение в сетевые рыцари?

Юрий Михайлович насупился. Под морщинистым лбом кипела мысль. Только что не булькала.

— И без мальчишки обойдемся, — решил он наконец. — Доктора со Спецназом я вообще один подключал. Готовы, капитан?

— Всегда готов, — отдал Аркаша пионерский салют.

— Тогда пошли, — буднично сказал Босс. — Наверное, лучше в комнате. В зале заседаний, так сказать.

На местном наречии большую комнату называют залом. Можно подумать, здесь барышни в кринолинах танцуют с кавалерами бальные танцы. У кавалеров шпоры и бакенбарды. Прелесть!

— На внешнем уровне все довольно просто, — пояснил Юрий Михайлович. Вы, Аркадий, садитесь вон в это кресло. Где я вчера гамлетовские вопросы решал. Выпрямитесь. Голову запрокиньте. Вот так, хорошо. Теперь закройте глаза, расслабьтесь. Вам больно не будет.

Он бросил взгляд на часы.

— Ровно десять. Надеюсь, в одиннадцать вы станете одним из нас. Имейте в виду, Аркадий, это серьезный шаг. Не то что необратимый — я сумею вас отключить. Но только я. Случись со мною что — и вы окажетесь в Сети навсегда. Я пока не нашел способа, чтобы конечный пользователь мог заблокировать свой ресурс. Кстати, вчера Фомич мечтал о невозможном. Нельзя подключить человека так, чтобы он мог чужими ресурсами пользоваться, а сам был недоступен. Так что морально приготовьтесь — все наши, кому открыт доступ, смогут подключаться к вам. Рукопашный бой, диверсионная работа, иностранные языки — всем этим придется поделиться. Не пугает?

— А как насчет конкретики? — быстро спросил Аркаша. — В смысле, конкретная информация — фамилии, оперативные планы...

— Явки, пароли... — в тон ему продолжил Босс. — Расслабьтесь. Это к ресурсу не относится. У нас не теле-

патическая сеть. Только навыки, то, что доведено до автоматизма.

— А... — успокоился Аркаша. — Ну тогда можно приступить.

— Ну, раз вы готовы, — проворчал Юрий Михайлович, — тогда отступать некуда. Ольга, — повернулся он ко мне. — Я сейчас начну считать вслух, от десяти до единицы. Когда будет единица, входите в Сеть, берете карту, но ни к какому каналу не подключаетесь. Просто висите. Потом, минут через десять, появится новый канал. Сперва будет очень тоненький. Попробуйте подключиться, с ходу скорее всего не получится, поэтому пробуйте снова и снова. Если станет тяжело — срочно выходите.

Он перевел дыхание, чему-то улыбнулся.

— А вы, товарищ капитан, думайте о чем-нибудь приятном... например, о майорских звездочках. Все, поехали!

Он встал сзади Аркаши, положил ему ладони на затылок и медленно начал отсчет. Десять, девять... один!

Я нырнула в Сеть. Растаяла комната, исчезли звуки, изнутри, из самой моей скрытой глубины выползал серый туман, обволакивал пространство, и в нем, точно муха в меду, застывало время. Из тумана рождался холод — не то чтобы ледяной... не Северный полюс. Скорее как промозглым октябрьским вечером, когда, запахнувшись в плащ, торопишься домой, а под ногами лужи, лужи...

Здесь, в серости, луж не было — зато во все стороны разбежалась сложно сплетенная паутина каналов. Цвет их менялся от лилового до голубого, но большинство казались густо-синими — как небо перед восходом.

Помня наставление, я вызвала карту, перелистнула шершавые странички. Теперь оставалось только ждать.

Как же это противно — ждать! Сколько живу, а все не могу привыкнуть. По словам одной моей православной подруги, смирения мне не хватает. Возможно, возможно... хотя и у Таси с этим самым смирением большие проблемы.

Обидно, что здесь и книжку не считаешь — нету. То есть если подключиться к Толмачу... иначе говоря, Сергею Андреевичу, переводчику с дюжины мертвых языков... тот наизусть помнит массу всякой античной классики, и в его ресурсе это лежит. Подключайся, читай... Гораций, Овидий, Гесиод... Только нельзя мне никуда подключаться — лишь к отважно-му капитану.

Как он, интересно? Босс правду сказал — это не больно. Но все равно противно — наизнанку выворачивает, и такое чувство, будто кто-то изнутри скребет твой череп желтым прокуренным ногтем. Омерзительно. Два года прошло — а как сейчас помню.

Я взгляделась в серость. Десять минут? Это по нормальному, внешнему времени десять. А в серости времени нет... вернее, оно тут вывернуто наизнанку, да столь хитро, что и топология пасует. Может, тамошние десять минут здесь обернутся часом... или парой секунд... а то и субъективной вечностью.

Никогда раньше я не висела в Сети бесцельно. Вошла, подключилась, скачала нужное — и на волю, в пампасы. Теперь же ощущала себя маленькой девочкой, заблудившейся в страшном лесу — в таком, какие бывают лишь во сне.

Впереди что-то мелькнуло. Что-то бледно-голубое, скорее даже белое. Смахивает на точку... вернее, на запятую. Очень вытянутую запятую.

Сомнений не оставалось — это Аркашин канал. То есть его зародыш. Эмбрион. Пока это еще не канал, а нечто вроде червяка. Извивается, пульсирует, меняет яркость.

Наверное, пока рано подключаться. Пускай подрастет.

...Рос он довольно быстро. Вот уже это не червячок, а струйка света... а вот уже не струйка, а мелкий ручеек... пока еще мелкий, в таком и ноги не замочишь... а вот теперь уже пришлось бы сушить обувь... Вот это уже не ручеек, а ручей. Тоньше остальных, но это дело наживное.

Я попробовала подключиться. Оказалась рядом (лететь незачем, здесь ведь и расстояний нет — надо просто захотеть). Потянулась к светящейся субстанции.

Отбросило! Не то что отбросило — отшвырнуло, точно ураганным ветром. Вот что имел в виду Босс, говоря, что с ходу не получится. Ну что ж, переждем, пускай остынет...

Так... А это еще что? О таком не предупреждали!

Рядом с Аркашиным каналом появилась светящаяся точка — столь же мелкая и яркая, каким и он был совсем недавно. Белый, так сказать, карлик.

Но пришелец развивался куда быстрее Аркаши. Только что был точкой с тенденцией к запятой — и вот уже это быстрая, хотя и тонюсенькая, струйка. Ослепительно белая, скорее даже розовая... как вчерашние молнии... Струйка, ручеек, ручей...

Наверное, надо было вынырнуть в реальность и предупредить Босса. Вдруг он в отключке, вдруг не видит

того, что здесь творится? Но я застыла. Что-то плотное, тяжелое сковало мою волю, и мне не оставалось ничего другого, как наблюдать.

Новый канал струился параллельно с Аркашиным, но заметно превосходил его яркостью. Скоро превзошел и размерами. Точно повторяя все его изгибы, он понемногу сокращал разделявшее их расстояние. Вернее, просто сжирал серый туман между ними.

Я замерла, поняв, что последует дальше.

И не ошиблась — спустя мучительно долгое мгновение каналы слились. Ослепительная вспышка — и вот уже на их месте река. Самая настоящая река, вроде горных — столь же злобная, буйная.

Река не стояла на месте — стремительно неслась вдаль, туда, где раскинулись во все стороны синие каналы. Среди которых и мой личный ресурсик. Ой, что будет!

Собрав в комок оставшуюся волю, я попыталась выскользнуть во внешний мир. Без толку. Точно над головой — прозрачный, но крепкий лед. Да, Нонова, сказала я себе, ты попала.

Все ближе подбиралась река к нашим каналам. Остановить? Чем, как говорил Жванецкий, стоп? Происходило нечто невозможное — хотя, сказать по совести, откуда мне знать, что здесь невозможное, а что неизбежное?

И вот оно случилось. Река достигла каналов, с оглушительным треском — оказывается, и в серости возможны звуки! — вобрала их в себя, закружилась бешеным водоворотом. Секунда — и там, где еще недавно так уютно располагались синие ручейки, сияло огненное нечто. Даже не поймешь, сияло или зияло. То ли озеро, то ли гейзер, то ли извержение вулкана.

А потом озеро, расплываясь сразу по всем направлениям, двинулось ко мне. Жаркое, ослепительное, страшное. И куда мне от него деться? Снова и снова я колотилась в реальность, но та или навсегда отвергла меня, или вообще перестала быть.

Захотелось плакать, точно в пять лет, разбив банку с малиновым вареньем и порезавшись осколками. Но бесполезно — никто не умоет мордочку. Надеяться можно лишь на себя... Чуть ли не сорок лет я твердила себе это. Почти поверила... а где-то в самых внутренних закоулках таилась детская мечта: вот сейчас придут, спасут, выручат... Уж не потому ли я и Сетью соблазнилась? Тяжко это и тоскливо — надеяться лишь на свои силы.

Ну что же, надейся, Нонова, надейся. Висишь, бестелесная, внутри себя, и подбирается беспощадный огонь... Что с того, что нереальный? Накатит — мало не покажется. У кого защиты просить? Всадники на гнедых? Не смешите мою селезенку. Бог?

У меня с Богом отношения довольно сложные. Пыталась как-то в Нем разобраться, но не вышло. Сложная штука. Как у этих теологов все закручено хитро! Вот я и положила себе за истину, что Бог — коллективная иллюзия, но временами весьма полезная. Однако сейчас все эти мои построения разлетелись, точно избушка на курьих ножках под прицельным минометным огнем. И я не нашла ничего лучшего, кроме как шептать в безразличную серость:

— Господи! Ну Ты же видишь, какая фигня творится. Ну помоги!

Я твердила это продолговатое слово «помоги» до тех пор, пока волна бледно-синего огня не подползла ко мне вплотную. Карта каналов, которую я, оказывается, до сих пор мусолила в руке, вспыхнула и рассыпалась серым пеплом. Серое мгновенно растворилось в сером. А потом ослепительный вал — миллиард слитых воедино молний — нахлынул на меня. Я вспыхнула точно факел — и кончилась. Последняя мысль почему-то была об Орлеанской Деве. Наверное, Жанна вот так же, стоя у столба, тоскливо смотрела на разгоравшийся костер.

Оказалось, лежу на полу. На затылке, видимо, шишка. Все лучше, чем синее пламя.

Со скрипом поднявшись, я огляделась. Комната. Солнышко. Мухи летают и жужжат. Где все это? Ага. Бабкин дом. Зал. Варнавин.

Я вспомнила все — и тревожно огляделась.

Оба они были тут — и Босс, и Аркаша. Первый валялся на полу лицом вниз, очки отлетели в сторону, отломилась дужка. Второй пребывал в кресле — неподвижный, бесстрастный.

Мертвы? Оба?

Сперва я, конечно, кинулась к Юре. Перевернула на спину, приложила ухо к груди. Слава Богу, сердце билось. Ужасно медленно, но все-таки. И едва заметное дыхание вылетало из разбитых в кровь губ.

Потом обследовала Аркашу. Тоже крепкий мужик оказался, коньки не откинул. Ладно, а дальше-то чего? Какую им первую помощь оказывать?

По привычке потянулась в Сеть, к Доктору.

Не вышло. Вообще ничего не вышло. Ни серости, ни холода. Солнышко, мухи. Все равно как шевелить отрезанной рукой. Удовольствие ниже среднего.

Хорошо хоть хватило ума не метаться в панике. Что там с Сетью стряслось — пока не важно. Вот как этих гавриков оживлять? В принципе в Варнавине есть больница, надо бежать туда. Хуже, наверное, не будет.

А вообще положеньице. На мне — двое мужиков без сознания, я сама в чужом городе, в чужом доме. На ходиках — начало двенадцатого. Через два часа приедет бабка Геннадьевна. И что она обнаружит? И как ее потом спасать? Особенно когда узнает, что я дом покупать раздумала.

И сорванец вдобавок где-то шляется...

13. Варнавинский гамбит

Пакости шли косяком. Хотела водички набрать, на бесчувственных побрызгать — а нате вам, водопровод забунтовал. В трубах шипит и хрюкает, но ни капли, сколько ни верти кран. Интересно, а купи я бабкин дом взаправду — какими словами кляла бы себя? Если здесь такое в порядке вещей...

Что ж, отступать я не привыкла. Нашла в чулане ведро, потащила на улицу, к ближайшей колонке. Уж колонка-то работать должна, иначе остается лишь повеситься.

Далеко, впрочем, не ушла — лишь до калитки.

Они шли навстречу — Олег и... и тот самый, что возле магазина люлюку просил. С той лишь разницей, что сейчас он был относительно причесан. Но все та же гимнастерка, те же чудовищные штаны... Прыщи тоже никуда не делись.

— Ну как, тетя Оль? — зачем-то шепотом спросил Олег.

Я оглядела его сверху вниз — совсем дикого, обгоревшего на солнце. Майку снял, обвязал вокруг пояса. Ноги пыльные, коленки ободраны. Зато в руке — и это ценно! — двухлитровая бутылка минералки.

— Что именно «как»? — сухо осведомилась я.

— Ну, в смысле... Короче, сильно вас это стукнуло? Ну, когда...

— Что «когда»? — Я даже испугалась, что скоро потеряю над собой контроль.

Олег поковырял носком кроссовки пыль на обочине. Получилась ямка, куда немедленно забежал здоровенный черный муравей.

— Ну, короче... когда мы Сеть рванули, — смущенно пояснил он наконец.

Ясности, впрочем, не было.

— Вот что, друг дорогой, — нахмурилась я, — пойдём-ка в дом и там уж поговорим обстоятельно. Заодно водичкой побрызгаем на пострадавших.

— Они что, до сих пор в отключке? — озабоченно спросил Олег.

— Пошли, поглядишь.

— А можно Вова с нами тоже пойдет? — Он улыбнулся столь невинно, что мне сразу захотелось плюнуть на все свои педагогические принципы и схватить что-нибудь потяжелее.

— Умеешь ты друзей находить, — процедила я сквозь зубы. — Но не вижу смысла. Не до гостей, понимаешь ли. Своих проблем выше крыши.

— Так Вова же в наших делах не посторонний! — зачастил Олег. — Без него бы и не получилось ничего. Ну пошли, я все вам расскажу!

В зале за время моего отсутствия произошли некоторые изменения. Юрий Михайлович, скорчившись, сидел на полу и глухо стонал, вода головой слева направо. Аркаша ворочался в кресле, беззвучно открывая и закрывая рот.

— Ни фиги себе! — вытаращив глаза, ляпнул Олег. — Здорово их приложило! Нас-то с Вовкой просто тряхануло слегонца, типа как взрывной волной. Я сперва слышал плохо, а теперь нормально. Тетя Оля, а что теперь делать-то?

Отобрала у него бутылку. Какое там побрызгать — пришлось попросту вылить холодную воду на головы болящих. Всю, до последнего глотка. Пить, между прочим, хотелось зверски.

Но помогло. Спустя пару минут оба они кое-как вернулись в реальность. А еще через полчаса, когда Босс, едва ворочая языком, все же заставил себя говорить, я узнала самое интересное.

Они с Олегом рассказывали на два голоса. А странный Вова сидел на корточках в углу и молча глядел на нас. Люлюку, что характерно, не просил, да и взгляд его сделался вполне осмысленным. Тупость растаяла.

— Короче, купались мы вчера в пацанами, — Олегу явно хотелось говорить солидно, по-взрослому, — и тут что-то такое меня кольнуло.

— Шило в одно место? — не удержалась я.

— Интуиция, — возразил Олег. — А вот в какое именно место, я не понял. Только мне резко расхотелось плавать, я ребятам сказал, типа домой надо, к обеду ждут. Ну, оделся, пошел. Только я не обычной тропинкой пошел, как все, а левее, по зарослям.

— Там крапива, — подал вдруг голос дебильный Вова. Хотя вещь сказал вполне здравую.

— Ну да, — поморщился Олег. — Только мне очень что-то не хотелось по главной дороге идти. А когда почти поднялся, слышу голоса. Ваши, тетя Оля, с дядей Аркашей.

— Вот! — наставительно заметил Босс. Сейчас, полусидя-полулежа на диване, он казался уже не таким трупом, как полчасом ранее. — Вот! Нельзя забывать про того, кто сидит в кустах. Даже стихи такие есть.

— Быкова читала, но полагаю приземленным, — отрезала я. — Вы мне эту лирику бросьте, я хочу въехать в суть.

— Ну, короче, я сперва напугать вас хотел, — продолжил Олег, — типа зарывать, как зомби из «Вольфенштейна», и наброситься. А потом подумал, что так только мелкие оттягиваются. Ну и сидел, слушал.

Аркаша в кресле заворочался. Кажется, и этот возвращается в нашу мрачную реальность.

— А когда он дослушал главное, — перехватил инициативу Босс, — то сейчас же, едва вы отошли подальше, помчался домой. Я как раз в сознание возвращался. Голова болела зверски... Ольга, как бы там ни сложилась жизнь, но никогда — подчеркиваю, никогда! — не давайте мне димедрол. Абсолютная непереносимость.

— Дядя Юра мне про бандитов рассказал, как они кошмарили, — вновь повел свою линию Олег. — А потом дядя Аркаша пришел и их уронил. Как лесник из анекдота.

Я непонимающе уставилась на него.

— А потом пришел лесник и вышиб из лесу и нас, и немцев к такой-то матери, — вдруг сухо и четко, словно на экзамене, подал голос Аркаша.

Ого! Крепкие люди все же защищают безопасность нашей родины. В какую яму их ни кинь — в итоге выползут на свет Божий. Благоухающие.

— Так вот, — вмешался Босс, — когда мы с Олегом друг другу рассказали, что знаем, то стали думать, как дальше-то быть. Вы же понимаете, Ольга, что госбез немногим лучше Фомича со товарищи. Стелют они мягко, не спору. Умеют. Только потом ведь все равно, раньше ли, позже, а придется просыпаться на жестком. Однако выбирать между мафиями локальной и глобальной мне вовсе не хотелось. Обе хуже. Нужен был какой-то совсем иной, принципиально иной ход. Какой-то хитрый гамбит. Не скрою, я с некоторых пор задумывался о полной ликвидации Сети. Экспериментировал...

— И каждый раз не вовремя! — вознегодовала я.

— Уж как вышло, — пожал плечами Юрий Михайлович. — Но особого толку от этих экспериментов не было. Максимум что удавалось — это на несколько минут блокировать доступ к ресурсам. А даже если бы и получилось? Все равно не выход. Наши мягкостелющие друзья заставили бы соорудить новую Сеть. Я-то все равно есть, и я знаю, как. То есть знал...

— Не поняла! — Надеюсь, что рот мой все же не распахнулся подобно пасти бегемота. Неэстетично.

— А тут все просто. Надо было решить одновременно две задачи — и Сеть уничтожить, и из себя самого это опасное знание стереть. Намертво. Не скрою, рассматривал вариант суицида. Не годится, они же подумают, будто кто-то из вас тайну знает. Начнут трясти и под рентгеном просвечивать.

— А как же это физически возможно — стереть из мозга информацию? — удивилась я.

— Ну, — улыбнулся Босс, — если выжечь нейроны в той зоне коры, которая связана с этим знанием... Сама информация — штука нематериальная, никуда не денется. Но вот вытащить ее вовне уже никак нельзя. Пока кто-то другой не додумается.

— И как же, интересно, вы этого достигли?

Он слегка замялся. Поглядел на Олега, на Вову...

— Как всегда в таких случаях, безумная идея...

— Я еще в субботу дяде Юре рассказал, — перебил его Олег. — Ну, мы тогда с пацанами над этим приколотись, над Вовой. Он же дурачок, смешной...

— Это раньше! — настороженно вставил Вова.

— Конечно! — торопливо согласился Олег. — Теперь все по-другому. Короче, видим, стоит у магазина, люлюку свою просит. Ну, зашли, купили лимон, даем ему — вот тебе люлюка, она сладкая, жуй...

— Немытый?! — возмутилась я. — Изверги! Решешь вне очереди пять систем линейных уравнений. Нет, десять!

— А он съел! — будто не замечая нависшей над ним кары, продолжал Олег. — Даже не поморщился. И я еще тогда подумал...

— Вот и я тоже подумал, — перехватил инициативу Босс. — Очень интересные варианты забрезжили. В общем, вчера, когда Олег прибежал, я понял — вот, быть может, единственный шанс. Велел ему привести этого самого Вову. К счастью, искать долго не пришлось, тот крутился у своего любимого магазина «Виолетта». В общем, я проверил мальчика, оказалось, он годится. Можно подключать.

— А в чем фишка-то? — проявился Аркаша. — Что в рапорте-то писать?

— Фишка интересная, — облизнув разбитую губу, сказал Юрий Михайлович. — Мальчик-то оказался феноменом. Огромный энергетический потенциал... такое мощное поле... я, признаться, раньше с подобным не встречался. Итак, я решил одновременно с вами, капитан, подключить к Сети и мальчика. Делать этого вообще говоря нельзя, подключать надо строго индивидуально. Иначе стабильность связей между каналами нарушается... Я объяснил бы подробнее... если бы помнил. К счастью, уже нет. Самое сложное и интересное было создать между нами двумя отдельный канал. Чтобы когда ментальные потоки сольются, на меня пошел импульс. В ту самую зону коры.

— Так, — протянула я. — Кино, конечно, интересное, на уровне. Может, и «Оскара» дадут. Но я одного не понимаю — каким образом вы, Юрий, умудрились подключить этого самого Вову, в то время как были заняты нашим бравым капитаном?

— А он его и не подключал! — сейчас же похвастался Олег. — Его я подключил. Мне дядя Юра объяснил, как. Главное, чтобы одновременно. Ровно в десять. Я Вову увел подальше, там есть такое спокойное место между сарайками, никто не сунется...

— И как же, интересно, ты его подключал? — начала я, но тут же и осеклась, бросив взгляд на мощную фигуру Аркаши. Уж как тому-то интересно...

— А он не помнит, — усмехнулся Босс. — Мне ведь пришлось мальчика загипнотизировать. И он получал инструкции в состоянии гипнотического сна. Инструкции, как начать инициализацию, и, главное, чтобы после все за-

быть. Напрочь. Так что ваши, Аркадий, специалисты ничего из Олега не вытянут — невозможно сие в принципе.

— Что же с Сетью-то случилась? — перешла я к самому животрепещущему.

— Все просто, — отозвался Юрий Михайлович. — Банально до ужаса. При одновременной инициализации двух человек вся система каналов пришла в нестабильное состояние. Словно камушек на вершине горы — либо вниз покатится, либо останется на месте. Смотря как ветерок подует. Ну а наш ветерок подул куда надо. Вовина психическая энергия, выплеснувшись в ментальное пространство, попросту выжгла преграды между каналами ресурсов, точнее, вобрала их в себя... Связи между людьми и их ресурсами исчезли, а значит, ментальное пространство свернулось... вы, Ольга, знаете, что такое свертка пространства?

— С математиком говорите... Во всяком случае, по образованию, — ядовито сообщила я.

— Короче, больше никакой Сети на фиг нету! — Олег перевел все на доступный язык. — Все порвалось, и больше не будет. Жалко вообще-то, — вздохнул он. — Раньше-то и драться можно было запросто, и нырять, как дельфин. Теперь придется в секцию записываться. Самому чтобы... Сначала в дзюдо, и в бассейн еще.

— И задачки, задачки решай! — напомнила я. — Глядишь, лет через сорок до Декана дорастешь.

— И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь! — заметил вдруг феноменальный подросток Вова.

— Видите, какой интересный побочный эффект? — оживился Босс. — На каждого из нас разрушение Сети как-то подействовало. У меня вон всю лишнюю память выжгло... а этот вон юноша, похоже, излечился от олигофрении. Не думал, что сие вообще возможно. Ведь генетически же обусловлено. Однако что-то сдвинулось в его мозгу. Совокупность наших ресурсов, вылившихся в него разом... Вроде мощной волны, которая разбивает плотину...

— Это что же, — выползая из кресла, поинтересовался Аркаша, — он теперь, выходит, умеет брать тройные интегралы, говорить по-сирийски и делать двойной удар в прыжке с разворотом?

— Кто его знает... — вздохнул Босс. — Вряд ли. Ведь и раньше, когда мы подключались к Сети, то чужой навык не оставался с нами. Взял, применил — и до свидания. Мозгом отторгалось. Но тут случай очень уж нестандартный.

— Я теперь больше не глупый, — подтвердил Вова. — Только я не знаю ничего... пока...

— Социально неблагополучная семья, — заметил Босс.

— У него мама по жизни пьет, — сообщил Олег, — а папу трактором переехало. Пацаны рассказывали.

Вова засмутился.

— Мне учиться надо, — раздумчиво поведал он, — только уже поздно, наверное. Я и читать почти не умею, а мне скоро семнадцать. Меня в школу не возьмут. Разве только в школу для придурков, а я туда не хочу. Я теперь нормальный.

Аркаша потянулся, разминая затекшие мышцы.

— Ну хоть какой-то практический результат. Хотя что-то начальству предъявить... Я этого юношу с собой возьму, в Москву. Нашим специалистам будет интересно с ним поработать. Так что не волнуйся, Вова, не к придуркам поедешь — к нам. В нашей системе тебе найдется достойное применение.

Я обнаружила, что по-прежнему стою посередине комнаты, и вьется надо мной наглая черная муха... спасибо, что не черный ворон. И плавают перед глазами радужные пятна — отнюдь не сетевые. Жара, тошнит, жажда и шишка болит. Все одновременно.

— Олег, — простонала я, плюхаясь на диван (Боссу пришлось потесниться). — Возьми в моей косметичке пятьдесят рублей и дуй в магазин, за минералкой. На все.

Того не нужно было просить. Миг — и он уже, схватив пластиковый пакет, готов бежать на двор.

— Кстати, господа, — притормозила я его полет, — кто мне может сообщить, куда из моей сумочки делась одна маленькая прозрачная стеклянная штучка? Признавайтесь честно. Бить не буду.

Надо было видеть, как стремительно пламенеют уши Олега. Расцветка меняется от помидора к вишне. Еще немного — и задымятся.

— Это все интуиция, тетя Оля, — скорбно сообщил он, избегая глядеть мне в глаза.

— С этого места подробнее, — добавила я в голос яду. — Просто так, ни с того ни с чего взял и залез в чужую сумку? Боюсь, папа сие не одобрит... если узнает...

— Ну, — смутился Олег, — я же не воровать... я одолжить... Нам с пацанами червонца на мороженое не хватало... и я сразу в Москве бы отдал... просто мои-то деньги еще в Суздале екнулись... когда эти придурки на меня...

Ох, что бы такое с ним сотворить зверское?

— Ты продолжай, продолжай, лапочка. — Имитировать ангельский голосок было хоть и противно, зато полезно. — Кажется, мы переходим к самому интересному.

— Ну вот, — убитым голосом признался Олег, — я открыл. И сразу почуял — что-то там такое лежит... вам ненужное. И опасное... Ну и взял. Но я честно дяде Юре рассказал и отдал.

— И я честно взял, — подтвердил Босс. — После чего произвел некоторый анализ. К Химику подключился, потом к его вон папе... Запах-то характерный. Не понимаю, откуда у вас эта дрянь, Ольга. Тоже подумываете о самоубийстве? В таком случае зря. Помереть не помрете, но идиотизм гарантирован. Люлюку просить будете...

Я обессиленно сглотнула. Ай да добрый Доктор Айболит. Ай да диверсант Николай Юрьевич, в просторечии Спецназ. Глубокий сон, значит? Снижение мотивации? Да вы у меня попрыгаете, голубчики. Вы у меня карасями на сковородке попляшете. Дайте только до Москвы добраться...

— Интуиция — штука хорошая, — печально согласилась я. Действительно хорошая. Вот не подключись я вчера к ней, к Олеговой интуиции, не утащи капитана гулять до посинения — как знать, удалось бы моим мужикам сговориться о подрывной деятельности?

Кинула взгляд на ходики.

Ого! Через полчаса заявится с автобуса бабка. Документы на дом привезет, наивная... Честное слово, будь у меня эти семьдесят тысяч — отдала бы. Лишь бы совесть не кусалась, поганая внутренняя крыса. В конце концов, потом ведь и продать можно... хотя бы и в убыток.

— Стыдно! — сказала я душному воздуху.

— Чего так? — насторожился примостившийся рядом Юрий Михайлович.

— Перед Аркашиной бабчатой тетей стыдно, перед Валентиной Геннадьевной. — Слова выползали из моих губ точно отравленные тараканы. — Сейчас вот заявится, и придется ее разочаровать. Мол, увы, обстоятельства изменились, дом ваш мне не подходит. Представляете, что случится со старой женщиной? Аркаша, солнышко! Подготовьте, прошу вас, валокордин. Валидол тоже.

Не люблю каяться в грехах, особенно публично. А куда деться-то? Все проклятая конспирация... вон каким репейником вылезла... Можно ведь было и честно попроситься на постой... заплатить втрое... уж нашлась бы в Варнавине

какая-нибудь добрая душа... Зато теперь не пришлось бы давиться склизким стыдом.

— Да успокойтесь вы, Оля, — беспечно рассмеялся Юрий Михайлович. — Не накручивайте себя. Валидол лучше сами глотните, лишним не будет. Ну не купите вы дом, не беда. Я его куплю.

Вытарашилась — это не то слово. Вылупилась. И даже отодвинулась чуть-чуть. Что с ним? Последствия сетевой контузии?

Аркаша тоже смотрел на него со все возрастающим интересом. Ну, веселый у него рапорт получится! Настоящий роман!

— Я и так собирался, — продолжил Босс. — А уж теперь-то, после того, как Сеть... Одним словом, думаю перебраться сюда, в тишину. Надоела мне столица, а здесь спокойно... Работу найду. Могу и в школе физику вести, и компьютеры с факсами чинить... Да мало ли. Деньги кое-какие у меня отложены, так что хватит и купить, и ремонт сделать. Огородничать, кстати, люблю. У бывшей жены на даче как трактор пахал...

Интересные, однако, выплывают подробности!

Как же омерзительно жужжит эта наглая муха! Мне захотелось собрать в одну точку всю свою злость, все разочарование — и этим гиперболоидом испепелить поганое насекомое.

Мечты, мечты... Нет, надо ближе к реальности. Не по тебе, Нонова, сонная провинциальная жизнь. Зацахнешь.

— Вот минералка, тетя Оля, — возник на пороге Олег. — А вот сдача!

Я механически ссыпала в ладонь потные рубли. Внутри свербило. Что-то там такое произрастало, но что? Кажется, понимание близко, протяни руку — и ухватишь мысль за хвост. Только верткая она, зараза... А может?

Прав мой ненаглядный Босс — гибель Сети изменила каждого из нас. Похоже, открылось во мне новое, неведомое ранее свойство — я теперь умею сомневаться в себе. Да, ощущения незабываемые.

— Водички попейте, тетя Оль, — протянул мне чашку Олег. — Что-то вы совсем квелая. Может, вас солнцем ударило?

Да, прав был некий старый японец. Хорошо ведь сказал:

Уходишь в метель,
Забыв, зачем и куда —
Оглянись назад*.

14.07.2002 — 24.07.2002.

* Все встречающиеся в тексте хайку — авторская стилизация.

Владимир Гусев

ЗАПИСКИ СЕРВЕРА

Маленькая повесть с прологом и эпилогом

Посвящается Александру Ивановичу Нащекину

Пролог

Недавно я получил от своего знакомого, Кости Чижова, небольшую бандероль. Вскрыв ее, я обнаружил только общую тетрадь с фотографией группы «Энигма» на обложке. Ни письма, ни записки...

Удивился я этому несказанно. Мы ведь с Костей едва знакомы. Ну, трудились когда-то в одном НИИ, но в разных отделах и по работе практически не соприкасались. Потом я начал писать фантастику, из института уволился и настолько отдалился от прежней жизни, что, получив бандероль, Чижова и вспомнил-то с трудом.

Руководствуясь принципом «все налитое должно быть выпито, а все написанное — прочитанным», я открыл тетрадь, надеясь, что на одной из ее страниц найдется объяснение, почему именно мне Чижик прислал свои «Записки сервера». И вот что я прочитал...

Мой приятель, Толик Гордеев, — человек по-своему интересный и по-своему уникальный. Конечно, я понимаю, уникальным по-чужому быть нельзя, иначе какая же это уникальность? Но все равно, одно дело собирать марки или, допустим,

коллекционировать фотографии баб, с которыми переспал — это каждый дурак может, — и совсем другое — оклеивать туалет квартиры патентами на собственные изобретения. Впрочем, ни одно из них Гордееву внедрить не удалось, и когда в нашем НИИ зарплата конструктора первой категории достигла абсолютного минимума, 12 баксов в месяц, он оформил отпуск за свой счет и начал — чтобы вы думали? — продавать платяцца для кукол Барби. Жена шила, дочь ей помогала, а он торговал. И, надо сказать, довольно успешно. Во всяком случае, денег ему хватало, чтобы апгрейдить свой домашний комп не реже раза в год. А уж владел он им виртуозно, даром что по образованию конструктор. Это я понял, еще когда в том же НИИ работал и Гордеев ведущим конструктором по моей теме был. Он тогда на самом что ни на есть примитивном Бэйсике написал коротенькую, но очень эффективную программку, которая могла бы сэкономить нам кучу времени на следующем этапе работ. Но финансирование, естественно, обрезали, тему прикрыли и никакого следующего этапа не было. Впрочем, компьютер у Гордеева не простаивал. Он его приспособил, например, для того, чтобы неповторяющиеся узоры для бисерных ожерелий, входящих в комплект платьев этих самых Барби, разрабатывать.

Я из НИИ тоже ушел, сменил пару работ и прибилсь к одному компьютерному журналу — им надо было статьи с английского регулярно переводить. Переводами я подрабатывал, еще когда работал в НИИ, так что чувствовал себя на новом месте довольно уверенно. Платили не бог весть сколько, но зато мне не приходилось никого обманывать, кидать или разбираться по понятиям с братками — я к этому так и не смог привыкнуть, ни за время перестройки, ни в эпоху прихватизации, ни в период олигархов.

Гордей, судя по всему, тоже остался мельчайшим предпринимателем. Во всяком случае, когда я его встретил на Андреевском спуске, он все так же продавал платяцца. Правда, теперь к ним добавились еще и водяные ракеты.

— Смотри, какая замечательная конструкция получилась! — объяснял мне Гордей. — Пластиковая бутылка выдерживает до восьми атмосфер. Ракета у меня двухступенчатая. Первая бутылка соединена трубочкой со второй, причем так, что...

Я в конструировании никогда не был силен и нить рассуждений утерять очень быстро. Понял только, что конструкцию он запатентовал, поднимает она до килограмма полезной нагрузки на высоту десятиэтажного дома и вполне

может быть использована в качестве средства доставки небольшой боеголовки в квартиру какого-нибудь нежелательного элемента.

— Я их продаю как детские игрушки, но о возможности подобного применения, конечно, умалчиваю, — ухмылялся Гордей. — Да и не сможет никто, кроме меня, превратить ее в тактическую ракету ультрамалого радиуса действия.

За те три года, что мы не виделись, Гордей почти не изменился. И даже выпавший еще во время работы в НИИ передний зуб не вставил. Как он ухитряется не шепелявить? У меня однажды пломба на переднем зубе выпала и щель образовалась, так язык, словно арестант из тюрьмы, все время норовил в эту крохотную щель вырваться, и я немедленно начал шепелявить. А Гордей... Он даже в этом уникален.

— Иностранцы шпионы вокруг тебя еще не вертятся?

— Меня скорее наша налоговая в кутузку посадит, за уклонение. А шпионы... Теми вещами, которыми я занимаюсь, шпионы обычно не интересуются.

Гордею явно хотелось с кем-то поделиться своими идеями. Еще когда мы вместе одну ОКР делали, он очень любил свои творческие способности демонстрировать — словно красивая женщина, не упускающая возможности показаться перед мужчинами в новом платье. Секунду подумав, я задал вопрос, которого так ждал от меня Гордей.

— А чем ты сейчас занимаешься?

Время у меня было, все равно просто так гуляю, воздухом дышу. Почему бы не сделать человеку приятное? Очень уж Гордею хочется душу излить, а жене, наверное, он своими идеями уже надоел до смерти.

— Разрабатываю проект: стопроцентно надежная, саморазвивающаяся глобальная сеть мобильных компьютеров с нулевыми затратами на эксплуатацию и ремонт.

— Стопроцентной надежности не бывает, так же как и нулевых затрат, — мгновенно ответил я. — Лучше бы ты вечный двигатель изобретал.

— При чем тут вечный двигатель?

— Больше шансов добиться успеха.

— Вот видишь, даже ты, бывший руководитель темы, с ходу отвергаешь непривычные идеи. Что же говорить о других? — огорчился Гордей. — Мне и обсудить-то свои проекты не с кем.

Мне показалось, еще немного — и он заплачет.

— Ну... Есть же законы физики, законы сохранения, закон возрастания энтропии... Ты, надеюсь, не собираешься ниспровергать всю физику?

— Нет, конечно, — возмутился Гордей. — Но жизнь тем и отличается от мертвой природы, что уменьшает собственную энтропию — правда, за счет увеличения энтропии окружающей среды, так что в целом энтропия, как и положено, возрастает.

— При чем здесь жизнь?

— Ты читал «Возвращение Рамы» Артура Кларка?

— Не помню. Вряд ли. Разве мы о литературе говорим? То компьютеры, то жизнь, то Кларк... При чем здесь сапоги?

— Какие сапоги? А... Так вот, в этой книге описан космический корабль, совершающий длительный межзвездный перелет. И все его системы управления построены на живых организмах. Они рождаются из эмбрионов, замёрзших во льду питательного бульона. Когда температура внутри корабля повышается из-за приближения к звезде и бульон становится жидким, служебные организмы быстренько оживают, вырастают, выполняют — инстинктивно — возложенные на них задачи и, породив новые эмбрионы, растворяются и замёрзают в том же бульоне. Корабль, пополнив запасы энергии, уходит от звезды и летит к следующей. Понимаешь? Ни один механизм не выдержит тысяч лет бездействия при низких температурах, а вот спора бактерии или эмбрион животного — выдержит! Жизнь не только чрезвычайно хрупкая штука, но и чрезвычайно надежная!

— Я где-то читал, что жизнь на Земле зародилась, возможно, из микроорганизмов, попавших в атмосферу из хвостов комет. Споры действительно сохраняют способность к «всхожести» тысячи, а может, и миллионы лет. Но при чем здесь компьютеры?

— Ты слышал что-нибудь о технологии Bluetooth? — в очередной раз круто изменил тему Гордей. Английский у него плохой: он сказал почти по-русски, блу-тус, и мне пришлось пару секунд догадываться, что он имеет в виду. Или это ему дырка в зубах мешает правильно говорить? Кстати, насчет зубов...

— «Голубой зуб»?

— Вообще-то это фамилия какого-то знаменитого викинга. В его честь называли технологию беспроводного соединения компьютеров и периферийных устройств между собой. Теперь можно поставить принтер в одном углу комна-

ты, комп в другом, модем в третьем, с ноутбуком в руках и сигаретой в зубах лежать на диване — и все это будет преспокойно работать в единой локальной сети без всяких кабелей.

— Включая сигарету и диван?

— Не цепляйся к словам, вникай в смысл. Представь теперь, что все компьютеры Земли — портативные, работают от аккумуляторов и солнечных батарей. Связь в локальной сети — по технологии Bluetooth, в глобальной — через мобильные телефоны.

— Лет через двадцать так и будет. Но кто-то говорил о нулевых затратах на ремонт и эксплуатацию?

— И на расширение сети тоже. Ты уже догадался, к чему я клоню?

— Еще нет. Ты же знаешь, я никогда не отличался особой сообразительностью.

Гордей улыбнулся, хотел сказать мне что-то приятное, но его отвлекли.

— Хозяин! Вы торгуете или у вас производственное совещание? — позвала его женщина в красной шляпке. Возле вертушки с платяницами стояли уже три юные покупательницы; две мамы пытались отговорить дочерей от бессмысленной траты денег, третья, в красной шляпке, наоборот, мечтала с ними побыстрее расстаться.

— Извини, я сейчас. Бизнес, чтоб я разбогател!

Последнюю фразу он произнес как ругательство.

С покупательницами Гордей разделался на удивление быстро. Мне даже показалось, что он сильно уступил этой женщине в красной шляпке — лишь бы побыстрее вернуться к нашему разговору. Видать, Гордею действительно не с кем поделиться распирающими его идеями. Ну что же, придется мне поглотить некоторую их часть. Может, Гордею чуточку полегчает?

Вернувшись, Гордей вместо очередных идей всучил мне одноразовый шприц, приспособленный через длинную пластиковую трубочку к его ракете.

— Это стартовый ключ. Как скажу, нажмешь на поршеньек. Сейчас увидишь мою ракету в действии.

Своеобразные люди эти изобретатели. Он даже не спросил, интересно ли мне играть в его детские игрушки. «Сейчас увидишь...» А если я не хочу? Ну да ладно, пусть похвастается.

Гордей залил в бак ракеты примерно литр воды из пластиковой бутылки.

— Смотри, это манометр, — показал он мне на единственный приборчик, входивший в состав его стартового комплекса. — Следи, чтобы давление не превысило восьми атмосфер. Как будет семь — чихни.

Гордей начал закачивать в ракету воздух обыкновенным велосипедным насосом. Я следил за манометром. Три, три с половиной, четыре...

— Дяденька, сколько время? — спросил какой-то пацан, шмыгая носом. Откуда он взялся? Впрочем, как только где-то что-то взрывают или запускают — там всегда появляются такие вот пацаны, причем непременно сопливые.

Я посмотрел было на часы, но их скрывал рукав плаща. Пришлось второй рукой, в которой был «стартовый ключ», сдвинуть рукав.

— Три часа... — начал было я, словно китайские говорящие часы, называть текущий час, но тут произошло нечто непонятное. Кто-то негромко зашипел, бумкнул и сильно брызнул мне в лицо ледяной — март же на дворе! — водой.

А через пару мгновений кто-то еще и дал мне по голове.

Я упал на влажную землю.

Рядом со мной лежал Гордей.

Пацан хохотал, схватившись за живот.

— Ты что, с ума сошел? — рассердился Гордей, вставая. — Ты же мне чуть башку не снес! Если бы я вовремя не упал, так и было бы!

Я сконфуженно поднялся.

— Да меня этот пацан... Сам не понимаю, как такое могло случиться. Я всего лишь на часы хотел посмотреть...

— И заодно нажал на поршень шприца. А ракета, едва взлетев, упала тебе на голову, — засмеялся и Гордей.

Я оглянулся в поисках пацана, из-за которого попал в смешное положение. Ну, я сейчас ему... Но пацан исчез так же неожиданно, как и появился.

Я отряхнул с плаща капли воды и попробовал отчистить грязь, но мне это практически не удалось. Гордеева куртка в этом смысле оказалась гораздо практичнее — несколько мокрых пятен, и все. А мой новый плащ...

— Ладно, спасибо за представление, — сказал я. — Рад, что у тебя все хорошо.

— Как, ты уже уходишь? — огорчился Гордей. Я его прекрасно понимаю: разговаривать с умным собеседником гораздо приятнее, чем с малолетками, жаждущими но-

вых нарядов. Пока они жаждут их для своих Барби, лет через десять точно так же будут жаждать для себя. Впрочем, не точно так — гораздо сильнее! Но Гордей при деле, деньгу зашибает, а я что? Развлекаю его?

— Ухожу. Свежим воздухом подышал, голову проветрил — пора и поработать.

— А чем ты сейчас занимаешься? — вспомнил Гордей наконец и обо мне. Но у меня уже не было настроения ляссы точить.

— Как-нибудь потом расскажу. Пока!

— Жаль, не поговорили толком. Может, заскочишь ко мне как-нибудь? Вот визитка.

Гордей вытащил из заднего кармана брюк бумажник, а из него — самодельную визитку, распечатанную на лазерном принтере.

«Анатолий Гордеев. Директор кукольного ателье мод. Главный конструктор ракетных систем» — прочитал я, и мне тоже, как тому пацану, стало ужасно смешно.

Директор... Главный конструктор...

Я не смог удержаться от смеха, но Гордей не обиделся.

— Нынче в кого ни ткнешь пальцем — или директор, или президент, в крайнем случае частный предприниматель. Ну и я решил не отставать от моды... Позвонишь?

— При случае. Я не директор и не президент, так что у меня визиток нет.

— Но ты все там же живешь, на Оболони?

— Ага... В девятиэтажном особняке.

— Тогда твой телефон у меня где-то записан. Заходи, поговорим.

— Как-нибудь, — повторил я, пожал Гордею руку и пошел вверх, в сторону Андреевской церкви.

У меня почему-то испортилось настроение.

Почему? Мой новый плащ, возможно, теперь придется сдавать в химчистку... Нет, не из-за этого. А из-за чего?

Гордей, когда мы еще вместе в НИИ работали, делил всех людей на идейных и безыдейных. Но, конечно, не так, как это в свое время делали коммунисты. Идейные, согласно гордеевой классификации, — это люди, способные генерировать новые идеи. К таковым он причислял себя, своего коллегу Витьку Бевзенко и — видимо, чтобы не обидеть — меня. Ну и еще пару-тройку человек. Все те, кто не способен был решать технические задачи на уровне изобретений, были,

в представлении Гордея, безыдейными. Потом, когда науку и технику на Украине и в России начали планомерно уничтожать и мы все, идейные и безыдейные, в поисках хлеба насущного подались кто куда, Гордей это сделал одним из первых. Я еще подумал тогда, что Гордею волей-неволей придется перейти в стан безыдейных. Ну много ли простора для творчества при шитье кукольных платьев? Однако, как ни странно, Гордей так и остался идейным. А вот я... Жена требует денег, дочки — нарядных платьев, вкусной еды и развлечений, а я, работая то на двух, то на трех работах, пытаюсь «обеспечить семью». И времени для чего-то своего, заветного практически не остается. Ни времени, ни сил. Может, я что-то не так делаю? Может, мои нерожденные идеи все-таки важнее сытной жизни красавицы жены и двух соплячек, все потребности которых можно свести к классическим «хлеба и зрелищ»? (В современной интерпретации — гамбургеров в «Макдоналдсе» и телевизора...)

Я попытался продолжить ход мысли Гордея. Как можно заставить компьютеры самих себя ремонтировать, обслуживать и даже обеспечивать электроэнергией? Собственно, на полностью автоматизированных производствах... Да нет, почти весь персонал на таких производствах — это техники по ремонту и обслуживанию. И электроэнергии такие заводы потребляют — будь здоров! Никаких солнечных батарей не хватит... Впрочем, Гордей что-то там про «Возвращение Рамы» говорил. Компьютер на органических молекулах? Но работы эти пока — на самой ранней стадии научных исследований. И даже не исследований, а выдвижения идей. Ах, ну да, Гордей же у нас идейный...

Едва я вышел на Большую Житомирскую, вплотную к тротуару проехал джип и обдал меня хоть и весенней, а все-таки грязью. Чертыхнувшись, я принялся стряхивать капли с брюк и даже плаща. Вот скотина... Я имею в виду водителя джипа. Какая-то интересная мысль мне чуть было не пришла в голову. Я ее уже почти начал думать. А этот придуток...

На этой злобно-грустной ноте я тогда и закончил. И, возможно, никогда даже не вспомнил бы о нашем с Гордеем разговоре, если бы он не позвонил мне примерно через полгода. Совершенно неожиданно позвонил — мы ведь с ним даже не друзья. И почему он меня для *такого* выбрал, а не того же Витьку Бевзенко? Жил бы я сейчас спокойно, без всех этих проблем. А теперь...

Было начало сентября. Погода стояла чудная: днем жарко, хоть в рубашке ходи, и солнце. Мы совершенно случайно встретились с Гордеем возле нашего универсама. Его недавно отремонтировали, переоборудовали, превратили почти что в супермаркет. Я как раз купил пару лампочек на сорок ватт — дочки в очередной раз, выясняя отношения, свалили на пол настольную лампу; они у меня почему-то дерутся, как мальчишки, — а Гордей выходил из продуктовой половины с батоном, кефиром и банкой консервов. Если бы я не знал наверняка, что он женат, подумал бы — холостяк добыл себе ужин и тащит в свое одинокое логово.

— Привет! — окликнул меня Гордей.

— Ты? Какими судьбами? Пролетая над Парижем?

— Не совсем. Я теперь живу в вашем Париже, — улыбнулся Гордей, и улыбка его мне не понравилась. Кажется, он не испытывал ни малейшей радости от того, что переехал к нам на Оболонь, хотя район считается неплохим: и метро есть, и Днепр близко.

Мы вышли из универсама и остановились недалеко от входа.

— Купил здесь двухуровневую квартиру в элитном доме? — неудачно пошутил я. Неудачно в том смысле, что шутка могла получиться злой. А что, если Гордей вынужден был продать свою большую квартиру и купил маленькую, чтобы элементарно не помереть с голоду? Такое сейчас сплошь и рядом происходит.

— Гостинки не бывают двухуровневыми, — еще более грустно улыбнулся Толик. — Я теперь один живу, — предупредил он мой следующий вопрос. — Жена ушла от меня пару месяцев назад. Нашла себе бизнесмена — хоть и не крутого, скорее всмятку, но все же... Он купил мне гостинку, жена с дочкой переехала к нему, а у нас пока тесть с тещей живут, приехали из села. Помрут — квартира дочке будет.

— Теперь понятно, почему у тебя в пакете — ужин аристократа.

— Жаль время на приготовление еды тратить. Знаешь, я даже рад, что все так получилось. Теперь никто и ничто не мешает мне заниматься главным.

Кажется, мне в очередной раз предстояло стать громоотводом, спасающим Гордея от молний его странных идей.

Я посмотрел на часы: начало девятого. Мне сегодня предстояло еще постирать свои носки и сорочки — у

жены была аллергия на стиральный порошок; детские и свои вещи она еще как-то стирала хозяйственным мылом, а вот мне приходилось обслуживать себя самому. Но это не займет много времени, минут десять я вполне могу потратить на болтовню. Впрочем, разговоры с Гордеем небезынтересны — будет о чем поразмышлять на ночь глядя.

— И какую же глобальную проблему ты сейчас решаешь? — произнес я именно те слова, которые жаждал услышать Толик. — В прошлый раз, помнится, ты хотел осчастливить человечество саморемонтирующимися компьютерами, работающими от солнечных батарей.

— Я и сейчас работаю в этом направлении. Только то же самое меня тревожит уже с другой стороны. Я пытаюсь найти ответ на самый общий, философский вопрос, — сказал Гордей и резко посерьезнел.

Мне обсуждать философские вопросы совершенно не хотелось.

— В чем смысл жизни, что ли? — попытался я свести разговор к шутке.

— Это — частный вопрос. Ответ на него прямо следует из ответа на вопрос более общий. Догадайся, какой?

— Что первично, материя или сознание? — с ужасно умным видом спросил я.

— Первично Сознание, сотворившее материю и все остальное, — легко решил столетия мучившую философов проблему Гордей. — Но вот вопрос вопросов: зачем Бог создал Вселенную? Не как, не когда, не почему именно такую, а не другую — это все мелочи. Но — *зачем?*

Гордей тревожно поднял вверх указательный палец.

— Неисповедимы пути Господни... — смиренно сложил я руки перед грудью. — Нам не дано понять промысел Божий. А раз не дано — так зачем над этим голову ломать? — резко изменил я тон.

Но Гордея отнюдь не смутило мое ерничанье.

— В Библии об этом ничего не сказано. Хотя этическая оценка акту творения дана: «И увидел Бог, что это хорошо». Но — для кого хорошо?

— То есть как это для кого? Для...

Для человека, конечно, хотел сказать я — и осекся. Человек-то появился на шестой день творения, а знаменитую фразу библейский Бог повторял в конце каждого рабочего дня.

— Для Бога, наверное.

— Именно! А что хорошо для русского, то немцу — смерть!

— В смысле?

— Добро и зло понятия относительные. И то, что хорошо для Бога, не обязательно должно быть хорошо для человека. Человек в картине мироздания играет важную, но не центральную роль. Он выполняет какую-то функцию. Какую? — не унимался Гордей.

— Наверное, в Библии про это написано. Человек должен быть царем природы, нарекать все сущее по имени...

— То есть выполнять функции наемного менеджера в принадлежащем Богу царстве. Но — возвращаемся к изначальному вопросу — для чего оно было создано?

— И к изначальному ответу: нам не дано предугадать промысел Божий.

— Но и не запрещено *пытаться* понять его.

— Не знаю, не знаю... Я где-то читал, что размышлять о том, что такое карма и как она работает, нельзя: могут быть большие неприятности!

— Но мы же не о карме говорим? Этот пустяк меня интересует меньше всего.

— Ну и нахал же вы, батенька!

— Я не махал, я дирижировал, — вспомнил Гордей детскую отговорку.

— Что-то я не пойму, как твой смысл жизни связан с самовосстанавливающимися компьютерами.

— Ты что, еще не догадался? — удивился Гордей.

Не люблю я умников. Они тратят слишком много своего и чужого времени, чтобы доказать окружающим, что они самые умные в округе. Ну ладно, Гордей избавляется от своего комплекса неполноценности (потому что умник, если только заподозрит, что не самый умный в городе или хотя бы в радиусе километр, мгновенно начинает краснеть, икать и пукать), а я-то здесь при чем? Жена не выдержала, не смогла играть роль дуры, на фоне которой Гордей выглядел бы гением, — так он меня решил к этому приспособить?

— Ты же знаешь, я безыдейный, — вспомнил я классификацию Гордея и, нагло посмотрев на часы, протянул для прощания руку. — Извини, мне пора.

— Ты зашел бы как-нибудь ко мне, есть о чем поговорить, — крикнул он мне в спину, забыв, что я не знаю его нового адреса.

— Как-нибудь зайду, — пообещал я, полуобернувшись.

Если бы я тогда знал, что действительно зайду, да еще с таким ошеломляющим результатом, — то что бы сделал? Поменял квартиру и навсегда уехал из Киева, да и вообще в другую страну? Боюсь, даже это не помогло бы. Гордей, с его возможностями, нашел бы меня где угодно. Ну почему именно меня он выбрал в качестве жилетки, в которую каждому человеку нужно когда-нибудь поплакать? Почему именно со мной произошла эта жуткая история? Не понимаю...

Наша следующая встреча произошла при обстоятельствах престранных. Уже одно это должно было меня насторожить и оттолкнуть от Гордея как можно дальше, лучше всего — на другую сторону земного шара. А вот поди ж ты, не остановила, не насторожила, не испугала до смерти. Наоборот — заинтриговала...

А было так: Гордей трижды приснился мне во сне, и все время в одной и той же ситуации. Иногда у людей бывают повторяющиеся кошмары — сны, тягостные именно своей повторяемостью. Так было и со мной. А снилось мне следующее: будто бы Гордей сидит на больничной койке в синем байковом халате; лицо усталое, можно даже сказать — изможденное. А я стою перед ним в одних трусах, потому что каким-то неведомым образом перенесся в эту палату прямо из своей постели, покинув дважды удовлетворенную и по этому случаю вполне умиротворенную и даже немножечко счастливую жену. Стою я перед Гордеем босиком, но мне почему-то не холодно. А Толик смотрит на меня затравленно-усталым взглядом и просит:

— Ты бы навестил меня, Чижик! Корпус тридцать семь, палата два. И книжку мне принеси, «Мозг» называется. У тебя есть, я знаю. Принесешь?

Вообще-то моя фамилия Чижов, и Чижиком меня со школьных лет никто не называл. Книжка «Мозг» у меня действительно есть — купил лет десять назад, сам не знаю зачем. Я слушаю — во сне — Гордея, удивляюсь, откуда он знает про книжку, и думаю, что мою детскую кличку любой мог бы вычислить, а вот книга... И так я удивлен тем, что Гордей знает про книгу, о которой я и сам давно позабыл, что просыпаюсь. Рядом спит жена, в соседней комнате дочки. Вроде все нормально, но мне отчего-то тревожно. Едва осознав это, я засыпаю, хотя обычно, проснувшись среди ночи, долго

не могу заснуть. Засыпаю и почти сразу вижу этот же сон: Толик снова просит принести ему книгу, а я опять удивляюсь и просыпаюсь. На третий раз — я и после второго пробуждения почти сразу заснул, упал во все тот же странный сон — я сквозь сон возьми и пообещай Гордею:

— Приду... Завтра... Что тебе принести из продуктов?

— Апельсины, что же еще? — удивился Гордей моему вопросу, и на этот раз я проснулся не от своего, а от его удивления. Проснулся и почему-то поверил и в сон, и в свое обещание. А я стараюсь обещания выполнять, есть у меня такая, очень вредная для меня самого, привычка.

Утром я долго искал по всем записным книжкам телефон Гордея. Он, конечно, уже там не живет, но, может быть, тесть или теща знают его новый адрес? Я почему-то был уверен, что он в больнице, даже знал, в какой — Павловской, конечно, она ближе всего к Оболони. Да и есть ли в Киеве другая больница для психов? Но все же я хотел убедиться перед тем, как идти, что Гордей действительно в больнице.

Номер телефона я нашел. Трубку снял тесть.

— Толя? Он здесь не живет, давно уже. А нового его адреса и телефона я не знаю, — упредил он мой следующий вопрос и повесил трубку.

Делать нечего, пришлось верить герою моего кошмара на слово. Покрутившись в редакции журнала — как раз настал срок сдачи очередного перевода и расплаты за предыдущий, — я, купив на ближайшем лотке сеточку с апельсинами, поехал не домой, а напрямик в Павловскую. Книга «Мозг» лежала у меня в сумке. Еще утром, обшарив стенку и дюжину навесных полок, я нашел ее во втором ряду, между альбомами с марками, которые уже давным-давно никто не рассматривает.

Тридцать седьмой корпус я нашел не сразу. Эта Павловская — целый городок. Городок сумасшедших...

— У вас во второй палате лежит Анатолий Гордеев, — нахально сказал я какой-то молодой женщине в белом халате, дежурившей за столом в большой комнате с несколькими кушетками и венскими стульями. Халатик у нее был так туго притален, так откровенно декольтирован, что я не мог отвести от молодой врачихи глаз.

Интересно, а если бы она в милиции служила, сумела бы сделать мундир таким же сексуальным? Думаю, да...

— Гордеев? — Она посмотрела какой-то список под стеклом. — Есть такой.

Я чуть не упал. Хотя и говорил я уверенно, но уверен-то был как раз в обратном. Вот, думал, сейчас выяснится, что никакого Гордеева здесь нет и не было, я сяду на 27-й троллейбус, доеду до Петровки, а там уже рукой подать до моего дома. Дочки обрадуются апельсинам, я — тому, что кошмар, как и положено, остался лишь кошмаром. А тут...

— В палату к ним нельзя, но он может спуститься. Подождите немножко. Вы его родственник? — Она сняла трубку телефона.

— Сослуживец, — чуточку приврал я. Не объяснять же ей, что когда-то мы работали над одной темой, но потом нас жизнь обездолила и разбросала. Жаль, что недостаточно далеко, могу я добавить сейчас, с высоты своего теперешнего опыта. Но тогда я просто замолчал.

— А вы... — протянула она и посмотрела на меня подозрительно. Посмотрела так, словно я пытался скрыть от нее какую-то стыдную болезнь. — Вы тоже компьютерами занимаетесь?

— Нет. Почему вы так решили?

— У нас во второй палате все бывшие компьютерщики, сами ставшие компьютерами, — усмехнулась молоденькая врачиха. Цвет ее золотой коронки строго соответствовал цвету оправы очков. — А вы с Гордеевым коллеги.

— Но Гордеев тоже не компьютерщик, — возразил я.

— Да, вспомнила... Он единственный из четырех не компьютер, а... как же он сказал... сервиз... сервис? А, сервер! Вы, пожалуйста, не раздражайте его и не спорьте. Мы его вылечим, не сомневайтесь, но на это понадобится время.

Я никак не мог определить, сколько врачихе лет. То она мне казалась тридцатилетней, то — студенткой-первокурсницей, для солидности надевшей очки.

Правильным оказалось второе: в комнату быстрыми шагами вошла еще одна врачиха, лет сорока, мгновенно оценила обстановку и строго покачала головой:

— Светочка! Я же просила: с посетителями — никаких разговоров! Спасибо, дорогая, можешь идти.

Светочка, запахнув полы своего сексуального халатика, вышла в коридор.

— Вы к кому? — спросила у меня настоящая врачиха.

— К Гордееву.

— А... Его уже позвали. В общем-то, Светочка правильно вас предупредила: не спорьте с ним, не волнуйте

понапрасну больного. К нему, кстати, не ходит никто; даже хорошо, что вы появились.

— Он что, действительно считает себя сервером?

— Сейчас сами увидите. Но не беспокойтесь: это уже остаточные явления. Через две-три недели мы его выпишем.

Гордея я узнал не сразу. Глаза усталые, покрасневшие, лицо отечное.

Мы сели здесь же, в уголке, на одну кушетку. Говорили вполголоса. Вскоре появились еще посетители, мы стали говорить громче, и я постепенно забыл, где нахожусь. Ну, почти забыл. То, что Гордей начал мне грузить, можно услышать только в стенах подобного заведения, поэтому время от времени я все же вспоминал, где нахожусь.

— Отечность — это от лекарств, — сразу сказал Гордей, едва мы «уединились». — Я, когда сообразил, что к чему, был в шоке, конечно. Ну, они этим и воспользовались, упекли меня сюда. Могло быть хуже. Хорошо, что я хоть жив остался.

— Кто — они? — задал я, как мне показалось, именно тот вопрос, который Гордей хотел от меня услышать, но на этот раз ошибся.

— Суть не в этом. Я наконец понял, что моя идея биокomпьютеров уже не только детально проработана и просчитана, но и реализована на практике. Ну, и по этому поводу был... несколько в расстроенных чувствах. Выбежал на улицу, стал говорить всем встречным, что они компьютеры, да и я почти такой же, разве что быстроедействие и кэши второго-третьего уровней у меня побольше — в общем, как у сервера. Ну, меня и определили в психушку. Но ты-то... Хоть ты-то меня понимаешь?

— Все мы немножечко компьютеры, — дипломатично сказал я.

— Да не немножечко, а стопроцентно! Идеальные компьютеры, которые самовоспроизводятся, сами себя ремонтируют — наши мастерские называются больницами, — сами себя питают... Понимаешь? Системному администратору, который ставит нам задачи и получает результаты, не нужно предпринимать никаких усилий, чтобы сеть работала! Мы все делаем сами! Даже физически устаревшие компы сами утилизируем — в землю закапываем или сжигаем. Вот об этом я на Андреевском спуске тебе и намекал, помнишь? Только я думал, что все это нужно разрабатывать, оказалось — все уже разработано и функционирует!

— Может, ты и прав, — еще более дипломатично предположил я.

— А, ты тоже решил, что я сошел с ума? — догадался Гордей. — В первое мгновение, когда все вдруг стало ясным, словно при свете молнии, — действительно чуть не сошел. Но потом понял: именно на это и рассчитывал сисадмин, это — первая ловушка.

— Какая еще ловушка?

— Есть такая книга: «Все ловушки Земли». О чем она, я почти не помню, но название хорошее. На Земле их полным-полно. Ловушка — это программа-сторож, задача которой — выявлять и уничтожать те биокомпы, которые осознали, кто они есть, и не позволить им получить доступ к интерфейсу сисадмина. Так вот, первая ловушка — в каждом из нас. Мы сами себя уничтожаем, приблизившись к опасной мысли. Сумасшедшие дома переполнены несчастными, угрожавшими нарушить монополию сисадмина на интерфейс. Но в моем случае ловушка почему-то не сработала. То есть формально она сработала, я попал в желтый дом, но рассудок сохранил.

У меня в этом были большие сомнения, но я не стал делиться ими с Гордеем. Зачем огорчать хорошего человека? Может, его и в самом деле вылечат. Он забудет все, как дурной сон, я тоже...

Я вспомнил про сон и вздрогнул.

— Ты... хотел, чтобы я пришел?

— Я тебя вызвал. Самое забавное, что здесь мы можем говорить вполне безопасно — мертвая зона, программы-ловушки ее не контролируют. И я смогу тебе что-то объяснить, не рискуя жизнью — ни своей, ни твоей.

Я поежился. Мне показалось, что какой-то резон в его словах есть. Но какое право он имеет рисковать моей жизнью? Своей — сколько хочет, хоть килограмм, а у меня двое детей!

— Мы, наверное, очень маломощные компьютеры, — решил я хоть и по-дилетантски, а подлечить Гордея. — Таблицу умножения, конечно, знаем, но вот перемножить 123 на 321 для нас уже проблема. Вряд ли какой-нибудь сисадмин захочет использовать такую вычислительную сеть.

— Ты что, так ничего и не понял? — прозрел Гордей. — Для собственных нужд человек использует лишь пять процентов своего мозга, и работают эти пять процентов чудовищно медленно. А остальные девяносто пять использует сисадмин, и тактовая частота там — в тысячи и миллионы

раз выше! Ты слышал про людей-счетчиков, мгновенно перемножающих девятизначные числа? Вот с такой скоростью наш мозг работает на самом деле. Но для нужд самообеспечения подобная скорость не нужна. Мы распоряжаемся лишь малой частью своего интеллекта! А остальное крадет сисадмин!

— Всякая сеть подразумевает кабели или хотя бы технологию Bluetooth, — напомнил я. — Мы ведь друг с другом никак не связаны!

— Кто тебе сказал такую глупость? А телепатия? Это и есть тот «инфракрасный» канал, по которому наши мозги общаются между собой, выполняя вычисления для дяди. Ну и, конечно, как и в случае с людьми-счетчиками, находятся индивиды, умеющие частично использовать этот канал для собственных нужд.

Да, врачам придется нелегко. Гордей настолько утвердился, уверился в своей безумной идее...

— И кто же этот загадочный сисадмин? Бог, дьявол?

— Не знаю. Пока не знаю, — вздохнул Толик, и это было очень плохим признаком. Я понял: он настолько уверен в реальности своего бреда, что даже не стремится заполнить все лакуны, все вопиющие дыры в логике своих рассуждений.

— Но скоро узнаю и это, — добавил Гордей. — Ладно, не будем терять время. Ты книжку принес?

Только теперь я вспомнил про апельсины и книгу.

— Мне вообще-то запрещают читать. Ты подвинься так, чтобы эта мымра меня не видела, — попросил Гордей, взглядом показывая на врачуху.

Я скосил глаза. Врачиха вязала, спрятав клубки в ящик стола и время от времени поглядывая на дверь, из-за которой, возможно, мог появиться главврач. На больных — а в комнате было их уже с полдюжины, не меньше — она не обращала ни малейшего внимания.

«Мертвая зона»; — вспомнил я гордеевское и поежился. А что, если он хоть в чем-то прав? Не забыть бы спросить, откуда он знает про книгу.

Я чуточку переместил корпус, достал книгу и передал ее, вместе с апельсинами, Гордею. Апельсины он положил на колени, а книгу начал быстро, но бесшумно листать.

А может быть, я сам давал ему эту книгу лет десять назад, да забыл об этом? Он явно ищет какую-то определенную страницу, конкретный абзац. Сейчас прочтает его и вернет мне книгу. Наверное, он хочет выяснить, какой именно

отдел мозга обеспечивает телепатическую связь между биокомпьютерами, — догадался я. Или другое: какие разделы работают «на дядю».

— Спасибо, возьми, — вернул мне Гордей книгу.

— Ну как, нашел, что искал? — спросил я.

— Пока нет. Но я все внимательно прочитал и запомнил. Ночью подумаю над прочитанным и что-нибудь соображу.

— Ты что, раньше... не читал эту книгу? — не понял я.

— Нет. Мне нужна была любая книга, описывающая мозг. Я ведь не медик, о многом только догадывался. Теперь я кое-что *знаю*.

— Ты хочешь сказать, что прочел и запомнил эту толстую книгу за пять—семь минут? — все еще не понимал я.

— Ну да. Я не сказал тебе самого главного: я научился отсоединяться от сети и использовать свой мозг исключительно для собственных нужд. Но пока боюсь отключаться более чем на пятнадцать минут. Думаю, здесь тоже может быть ловушка. Ладно, ты иди, мне нужно подумать. Пока!

Он быстро поднялся и, помахивая сеточкой с апельсинами, вышел из комнаты. Я, слегка обидевшись, вышел через другую дверь.

Ах, если бы эта наша с ним встреча стала последней! Тогда я еще мог вернуться, мог позабыть если не все, то хотя бы часть из сказанного Гордеем. Пожалуй, это было последней точкой возврата — есть у летчиков такой термин. Но я не вернулся, а теперь уже поздно...

Гордей позвонил мне через два дня, в субботу.

— Ты можешь прямо сейчас выйти в детский садик, который ближе всего к твоему дому? Есть разговор.

— Тебя что, уже выпустили? — удивился я. Помнится, врачиха в психушке говорила про несколько недель.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил Гордей. — И еще. Захвати для меня какой-нибудь бутерброд и двадцать гривен. Можешь мне одолжить такую сумму дня на три?

— Нет проблем, — бодро ответил я, вспомнив, что в значке у меня сейчас гривень сорок, не меньше. — Ты где конкретно?

— Выходи, увидишь.

Я попросил жену приготовить два больших бутерброда и один маленький, а сам тем временем оделся. В хлебном магазинчике, что на первом этаже нашего дома, прода-

ют также пиво, водку и всякие там сладости. В дополнение к бутербродам я купил четыре бутылки пива и лишь затем, полностью экипированный, переступил границу детского садика.

Когда-то в этот садик можно было устроиться только за взятку. Здесь целый день кипела особая, детская жизнь. Кто-то с кем-то ссорился, кто-то с кем-то мирился. «Я с тобой играть больше никогда не буду!» — эта фраза звучала здесь ежедневно и многократно. Но после разгрома Союза очень немногие дети рисковали появиться на свет в «незалежной», то бишь независимой, державе. И престижный некогда детсад пришел в упадок. Керамическая плитка со стен кое-где осыпалась, песочницы развалились и осели, сетчатую ограду наполовину растащили. Мерзость запустения, одним словом.

Гордей, чуть сгорбившись, сидел на скамеечке между сломанными качелями и металлической горкой (с одной стороны лесенка, с другой — некогда отполированный детскими попками до блеска, а теперь ржавый металлический желоб). Был Толик в той же потрепанной куртке, что и на Андреевском спуске, но выглядел совершенно иначе. И уж тем более он отличался от себя позавчерашнего. Ни покрасневших глаз, тревожно осматривающихся и поспешно перебегающих с одного предмета на другой, ни нервных движений пальцев.

— Ты помолодел, — вынужден был признать я.

— Я и сам это чувствую, — не стал скромничать Гордей. — Но я не только помолодел. Я еще и...

Тут он обратил внимание на пиво — и, по-моему, испугался.

Вы видели хоть раз человека, который боится бутылки с пивом? Даже завязавшие алкоголики, по-моему, реагируют на сей предмет спокойно. А Гордей... Нет, он явно изменился.

— Пиво — это хорошо, — сказал он. — Я, правда, потерял к алкогольным напиткам всякий интерес, но в пиве много калорий, это — энергетически ценный продукт питания.

Однако... И так говорить о пиве «Княжеское»? Зря я старался, деньги переплачивал, Гордей все равно не оценил.

Я вынул расческу-открывашку, откупорил две бутылки, одну вручил Гордею. Он, сделав несколько больших глотков, жадно впился в бутерброд.

— Я два дня не ел, — пояснил он, поймав мои удивленный взгляд. — Подхожу к дому, чувствую — там уже засада. К тестю с тещей я побоялся идти, зачем пугать старых людей? Тем более что они сразу вызвали бы бригаду из психушки. Вот и пришлось две ночи здесь кантоваться.

— Где — здесь?

— Да в старшей группе, — махнул он головой в сторону двухэтажного облупленного корпуса. — Там и матрасики еще сохранились, и подушки, только без простыней и без наволочек. Ничего, завтра засаду снимут и я пойду домой. В принципе я и сейчас мог бы глаза им отвести, но не хочу понапрасну Сисадмина тревожить. Он на такие штуки очень нервно реагирует, — улыбнулся Гордей. Улыбка у него была добрая и спокойная — как у тихопомешанного. И все зубы были на месте, красивые и ровные, словно брусочки рафинада.

— Ты что, зуб себе наконец-то вставил? — попробовал я перевести разговор на другое.

— Не, новый выросил. Заодно от стенокардии избавился, от холецистита и прочих мелких болячек. Хотел еще рост увеличить сантиметров на десять и мышечную массу нарастить, да раздумал — на кой мне это теперь надо?

Я чуть было не захлебнулся пивом.

А что, если он сейчас трахнет меня бутылкой по башке? Поди знай, что у сумасшедшего на уме...

В том, что Гордей сбежал из психушки, у меня сомнений не было. Потому и без денег, потому и голодный. Ишь ты, в детском садике ночевал, в старшей группе...

Я протянул ему двадцатку.

— Возьми, пока я не забыл. Ты знаешь, меня жена вообще-то в магазин послала... Она не любит, когда я с утра пиво пью. Так что это все тебе, — подвинул я ближе к Гордею остальные бутылки и сверток с бутербродами.

— Не дрейфь, я адекватный, — улыбнулся Гордей все той же доброй и беззащитной улыбкой. — Если хочешь знать, я боюсь тебя гораздо больше, чем ты меня. Я должен сказать тебе пару важных вещей, но, пока у тебя бутылка в руках, не решаюсь. Вдруг шарахнешь меня ею по голове?

Я так и не понял, дразнился он, озвучивая мои собственные мысли, или в самом деле меня боялся. Потому что из-за угла двухэтажного корпуса вдруг выбежали четверо — два милиционера и еще два каких-то мужика — и, набросившись на Гордея, повалили его на землю. Следом за ними важно прошествовала уже знакомая мне врачиха; из-под накинутого на плечи пальто выглядывали полы белого халата.

— Попались, голубчики! — торжествующе улыбнулась она. — Это ты помог ему бежать из больницы? — строго спросила у меня врачиха. — Где дубликаты ключей?

— Каких ключей? — искренне недоумевал я.

— Это не он, — подтвердил Гордей, которого уже поставили на ноги и цепко держали за руки. Один из милиционеров доставал из-за пояса наручники, но они почему-то не вытаскивались. — Мне главврач двери открыл.

— Как это главврач? — хмыкнула врачиха. — Ардалион Витольдович такого сделать не мог!

— Мог, мог, еще как мог... — вяло настаивал на своем Гордей. — Ой, смотрите! — крикнул он, показывая в сторону ближайшей песочницы. — Вадик опять сыплет песок на голову Алене. Вадик, перестань сейчас же! — крикнул Гордей почему-то женским, визгливым и неприятным голосом.

Я посмотрел туда, куда указывала рука Гордея. В песочнице действительно Вадька сыпал песок на голову Алене.

Алена противная, ее никто не любит. Но сыпать песок на голову нехорошо, Марь Иванна, воспитательница, уже много раз говорила это Вадьке. Но он неслух и озорник, это все знают. И если он сейчас опять попробует отнять у меня машинку, я, как учил папа, дам ему сдачи. Размахнусь как следует — и дам!

Марь Иванна хлопнула в ладоши.

— А теперь, дети, все друженько идем кататься на горку. К тебе это не относится, Чижик, — сказала она мне почему-то мужским голосом, ужасно знакомым. Ах да, это же голос... Гордея!

Именно в этот момент я чуть было не свихнулся. Только что все было так хорошо: детский сад, песочница, сердитая Марь Иванна, и вдруг — тот же детский садик, но вместо детей санитары и милиционеры, а Марь Иванна — это, оказывается, Гордей. Тут у кого хочешь крыша поедет.

А может, у Гордея не сумасшествие, а какая-то заразная болезнь? И это раздвоение реальности — ее первые симптомы? Ну я и влип...

Милиционеры и санитары по очереди забирались на металлическую горку и съезжали с нее, ругаясь матом. Врачиха старалась от них не отстать. Один из санитаров, изловчившись, ухватил ее за волосы. С головы врачихи упала вычурная шляпка и подкатилась к нашим ногам.

— Вадик, не дергай Алenu за косички! — немедленно среагировал Гордей. Говорил он своим обычным голосом и по-прежнему улыбался.

— Она первая начала! — наябедничал мордастый санитар и добавил несколько взрослых выражений. Ругался он неинтересно, просто грязно, и все.

Горка стонала под тяжестью откормленных тел. Гордей, видно, тоже озаботился безопасностью своих «воспитанников». Он еще раз хлопнул в ладоши.

— А теперь, дети, будем водить хоровод. Достаньте свои наручники и замкните круг. Алена, ты рядом с Вадиком не становись, он опять будет тебя за косички дергать! — посоветовал Гордей.

Милиционеры немедленно достали наручники и начали соединять себя друг с другом и с санитарами. У последних, как оказалось, тоже под куртками были спрятаны браслеты, так что хватило на всех. Дождавшись, пока круг замкнется, Гордей скомандовал:

— А ключики, детки, отдайте мне.

Он забрал ключи от наручников и, широко размахнувшись, забросил их в кусты.

— Ну, дети, какой у нас сейчас праздник? — спросил он.

— Новый год! — писклявыми нестройными голосами ответили «дети».

— Правильно. Кто к нам должен прийти?

— Дед Мороз! — сообразил Вадик.

— А еще кто? — не унимался Гордей.

— Снегурочка! — гаркнула врачиха, подпрыгнула и высунула широкий язык, покрытый беловатым налетом.

— Умница! — восхитился Гордей. — А теперь давайте дружно их позовем. Ну, три-четыре!

— Дед Мороз! Снегурочка! — закричали хором подопечные Гордея. А он, сунув мне неоткупоренные бутылки, тихо сказал:

— Уходим отсюда, я пока еще не могу держать пятерых сразу и долго. Жаль, не поговорили. Но я тебя найду. За мной ведь теперь должок, — усмехнулся он, перекладывая двадцатку из одного кармана в другой.

Садик вообще-то в тихом месте расположен, на отшибе, но все равно по периметру ограды начали собираться люди. И почему-то никто не решался переступить границу даже там, где сеток не было.

— Бабушка, а разве уже Новый год? — спросил четырехлетний карапуз с машинкой на поводке.

— У кого как, — осуждающе покачала головой аккуратно одетая седовласая старушка.

— Надо милицию вызвать! — слышались пока еще робкие советы.

— Напились с утра... А попади к ним в отделение — избыток до полусмерти, и виноватых потом не найдешь...

Гордей был прав: пора уходить. Он пошел направо, я налево. И один-единственный вопрос, который в ту минуту меня тревожил, был такой: откуда взялась эта Марь Иванна? Я же никогда не ходил в детский садик...

— Ты можешь ко мне зайти, прямо сейчас? — спросил Гордей. Позвонил он мне дня через четыре после «новогоднего» хоровода.

— Что за спешка? Я только-только с работы, еще не ужинал...

— Заодно и поужинаем. Ты какую икру предпочитаешь, черную или красную?

— Вначале черную, потом, когда она кончится, — красную. После икры — бутербродик с красной рыбкой. Еще хороши оливки...

— Черная икра никогда не кончится. Запоминай адрес...

Сказать, что Гордей жил скромно, — значит ничего не сказать. Из мебели у него были только обшарпанный шкаф — кажется, именно такие прославились как «славянские» — и софа. Ах да, еще письменный стол, тоже не первой молодости, со стареньким 14-дюймовым монитором, и вертящееся кресло перед ним. Всю остальную мебель заменяли грубо сколоченные стеллажи вдоль всех свободных стен, весьма смахивающие на нары. Большая часть полок была заставлена книгами, меньшая — картонными коробками с каким-то хламом. Но пол был чистым, стеллажи недавно протерты от пыли. Так что логово Гордея было хоть и неудобным, но ухоженным.

На столе рядом с монитором красовалось угощение: несколько банок черной икры, несколько красной, оливки, маринованные шампиньоны, батон и пачка масла. Все — на салфетках или на пластмассовых тарелочках, вилки тоже пластмассовые. И даже ножи...

Я повертел в руках пластмассовую вилочку.

— Да... Неужели и я когда-то был холостяком? Впрочем, таким богатым холостяком я никогда не был. И, самое печальное, уже и не буду.

— Как знать, как знать... — обнадежил меня Гордей. —

132 Можешь руки помыть в санузле, а я пока хлеб нарежу.

Я тщательно, как всегда перед едой, вымыл руки. В санузле у Гордея тоже было чисто, не то что у нас. А может, и в самом деле вернуться к холостяцкой жизни? Так надоела грязь. Три особи женского пола в доме держу, а толку никакого!

Но, вспомнив про дочерей, я успокоился. Никуда я от них не денусь. В хлеву буду жить, объедками питаться — только бы рядом с ними.

И что я в них нашел?

Гордей тем временем успел нарезать — интересно, чем? уж не пластмассовым ли ножом? — хлеб и теперь намазывал толстый ломоть опять-таки не тонким слоем масла.

— Бутерброд сам себе делай, по вкусу, — предложил он мне.

Его предложение мне понравилось.

Пока я возился с пластмассовым ножом и маслом, Гордей открыл консервным ножом две баночки черной икры, одну красную и грибы. Оливки он успел открыть, видимо, раньше. Сразу после этого он, с консервным ножом в руках, улетучился на кухню и вернулся, вытирая руки тонким льняным полотенцем, уже без ножа.

Толик уложил черный слой поверх желтовато-белого раньше, чем я, и теперь ждал, пока я сделаю то же самое. Едва я закончил, он поднял свой бутерброд, провозгласил: «Ну, за освобождение!» — и куснул, но, встретив мой недоуменный взгляд, чуть не подавился.

— Ах да, забыл. Мне это теперь совершенно не нужно, вот и забываю.

Он выудил откуда-то из-под стола, из-за системного блока компьютера, пластиковую бутылку с фантой. Причем водрузил ее на стол с таким видом, словно это был коньяк «Арапат», не меньше.

Цвет фанты показался мне несколько странным: не желтый, а золотистый.

— Это «Хеннесси», самый дорогой коньяк, который мне удалось найти, — объяснил Гордей.

— Ты бы его еще в емкость из-под шампуня перелил, — посоветовал я. — Тогда бы я тебе быстрее поверил.

Гордей усмехнулся.

— Все это условности. Все равно вряд ли ты отличишь «Хеннесси» от «Десны». Истинных ценителей мало, но именно они задают тон и позволяют производителям вздувать цены.

Он налил коньяк — неужели в самом деле «Хеннеси»? — в пластиковые стаканчики.

— Ну, за освобождение! — повторил он свой странный тост.

— Пролетариата от эксплуатации! — попытался я развить его лозунг.

— Всех от всего! — довел он мысль до логического абсурда.

Мы выпили, съели по бутерброду и налили по второй.

Я, конечно, не гурман и не ценитель, но это действительно был коньяк, и если бы не привкус пластика — коньяк неплохой.

— Слушай, а стеклянной посуды у тебя нет? Хотя бы гранчаков? — спросил я.

— Нет. Опасная это вещь, стеклянная посуда. Я, после того как чуть было не перерезал себе вены крышкой от консервной банки, всю опасную посуду из дома убрал.

— Даже рюмки и фарфоровые чашки?

— Чрезвычайно опасные предметы!

— А канделябр? — обратил я внимание на большой бронзовый подсвечник, стоявший на подоконнике. — Если ты вдруг решишь со всего маху дать им себе по башке...

— Единственная вещь, которая мне осталась от деда, не хочу прятать. Он ведь у меня тоже инженером был, так что я — конструктор в третьем поколении.

Мы выпили по второй. Я, для разнообразия, закусил маринованным грибочком, а потом бутербродом с толстым слоем красной икры.

Толику больше нравилась черная.

— Я, кстати, должок тебе хотел отдать, — сказал Гордей и полез под стол. На этот раз он вытащил не бутылку, а большую черную сумку. Открыв молнию, он вынул две пачки денег в банковской упаковке, по 10 000 баксов в каждой.

Насколько я успел заметить, в сумке было еще десятка два таких пачек.

— Вот, держи. Брал двадцать — и возвращаю двадцать.

Это, наверное, было смешно, но я юмора не понял.

— Я давал тебе двадцать гривень, а не двадцать тысяч баксов. Ты что, банк взял?

— Я взял в банке украденные у меня деньги. Ну и часть того, что украли у тебя. Взял бы и все, но больше у них налички не было.

— Кем украденные? — не понял я.

— Дерьмократами, захватившими власть в стране и поделившими между собой наше с тобой имущество.

— Наше с тобой?

— Наши заводы, фабрики, поля, магазины, квартиры и все остальное. Я прикинул, сколько стоит неполученная мною новая квартира, невыплаченные мне гонорары за изобретения, невыделенные моей семье путевки в санатории, украденное у моей дочери бесплатное образование, медицинское обслуживание и прочие мелочи. Получилось около двухсот тысяч баксов. Ну, я пошел в коммерческий банк — именно там концентрируются украденные у нас средства — и получил свои деньги. Две трети уже отдал жене, на остальные собираюсь жить сам. У меня много дел, деньги пригодятся. Так же как и тебе, впрочем.

— Мне-то зачем?

— А я расскажу тебе сейчас пару интересных вещей, и ты сразу поймешь, зачем. Только давай еще выпьем. Боюсь, без хорошей дозы алкоголя шок будет слишком сильным. Ты можешь не справиться с ним и начнешь искать консервную банку, чтобы вскрыть себе вены. А я с детства крови не люблю.

Я сделал себе комбинированный бутерброд: с одного края икра черная, с другого — красная. Мы выпили, и я попробовал определить, какая икра вкуснее. Получалось, что все-таки черная.

Может быть, я и не смогу отличить «Десну» от «Хеннеси», но вот черную икру от красной отличаю вполне. И не только по цвету.

Удовлетворившись этим довольно-таки тонким наблюдением, я переключился на грибы.

Кстати, Гордей что, серьезно решил подарить мне двадцать косых? Или это все-таки шутка? И как это он, интересно, взял банк?

Я вспомнил санитаров и ментов, водивших хоровод вокруг несуществующей елочки, и понял: теперь для Гордея ничего невозможного нет.

— А все потому, что я понял одну простую истину. Точнее, не саму истину, а лишь намек на нее. Только ее отблеск, понимаешь?

Мне казалось, что в принципе я сейчас могу понять все, даже то, чем ковариантные тензоры отличаются от контрвариантных. Но вот как можно понять *намек* на истину, *отблеск* истины...

Кажется, Гордей уже набрался. Пожалуй, не стоит ему больше наливать.

— Не-а. Не понимаю. Истина или есть, или это не истина.

— На самом деле истина, о которой я говорю, чем-то похожа на Медузу Горгону. Помнишь такой мифический персонаж?

— Чудовище, обращающее в камень всякого, кто на него посмотрит, — вспомнил я. — Какой-то греческий герой убил ее, глядя на отражение в своем зеркальном щите.

— Вот так же и с истиной нужно обращаться, о которой я говорю. Только отблески ее ловить, только тень ее изучать. А иначе...

Он замолчал и погрузился.

— Что — иначе? — усмехнулся я. — Превратишься в камень?

— Нет. Просто сойдешь с ума или руки на себя наложишь. Я чуть было не сделал вначале одно, потом другое. Хорошо, что только тень истины осенила меня своим крылом и что мозгов у меня маловато. Был бы поумнее — сидел бы сейчас в психушке.

— Дуракам везет, — как-то очень кстати вспомнил я поговорку.

— Вот-вот! — обрадовался Гордей. — Но постепенно, глядя в зеркальный щит, я рассмотрел истину почти со всех сторон. Вот в этой тетрадке...

Гордей выудил все из той же черной сумки обыкновенную общую тетрадь в простом дерматиновом переплете. Где он такую взял? Их не выпускают, по-моему, со времен Союза.

— ...Все мои наблюдения. Ну и рекомендации, конечно, на предмет обхода ловушек. Я назвал ее «Записки сервера». Потому что человек, хотя бы частично осознавший, кто он есть на самом деле, уже не рядовой комп, а сервер. Хотя сервер — это тоже компьютер.

— Ты можешь подробнее рассказать о ловушках?

Гордей налил в пластмассовые стаканчики еще граммов по сорок «Хеннесси», выложил на пластмассовую тарелочку горстку шампиньонов.

— Три из них описаны еще в Евангелии. Помнишь искушения Христа в пустыне?

— Не совсем. Когда религия была запрещена, я очень интересовался ею, но Библии у меня тогда не было и

взять ее было негде. А когда в церковь стали президенты ходить и со свечкой перед телекамерами позировать, мне стало неинтересно.

— Христа искушали властью. Сулили, что все царства земли будут брошены к его ногам. Потому что Интерфейс — это действительно власть, безусловная и абсолютная. Но Христос отказался и тем самым избежал ловушки.

— Ты полагаешь... — ахнул я.

— Да, полагаю! — не проговорил, а как-то почти пропел Гордей. — Вторая ловушка была — соблазн прыгнуть в пропасть. Дескать, если Христос — Сын Божий, значит, не разобьется. Интерфейс действительно позволяет обходить некоторые — якобы физические — законы, а может, и все. Но любая попытка может стать неудачной и, более того, фатальной. Это и есть ловушка. Третье искушение состояло в том...

Гордей что-то говорил про третье искушение, про камни, обращаемые в хлебы, но я его почти не слышал. Теперь у меня не было ни малейшего сомнения в том, что он сумасшедший. Ну да, Гордей, выражаясь его собственной терминологией, попал в первую же ловушку. Крыша у него накренилась. А я, как дурак, сижу здесь и выслушиваю бредни.

— Ты что, считаешь себя Христом? — спросил я Гордея напрямик и немедленно пожалел об этом. Врачиха что говорила? Не раздражать, во всем соглашаться. А что, если ему не понравится мой вопрос? Не шарахнет ли он меня подсвечником по голове?

Я похолодел.

Так вот почему Гордей убрал все опасные предметы типа граненых стаканов и даже фарфоровых блюдец! Он уже знает о своем сумасшествии, о своей опасности для окружающих. Были минуты ремиссии, просветления — он и убрал ножи-вилки, чтобы не убить ими ненароком меня или кого-нибудь другого. Но подсвечник...

— Нет. Христа, видимо, действительно послал Бог-Отец, чтобы его Сын мог отобрать Интерфейс у дьявола, у князя мира сего. Но миссия Христа была выполнена не полностью. А я — обыкновенный смертный, сумевший частично разобраться в ситуации и попытавшийся, как это делают в таких случаях все смертные, вернуть себе, лично себе, украденную часть интеллекта. Но это — тоже ловушка, наиболее, пожалуй, изощренная из всех.

Я подумал, что, независимо от того, сумасшедший Гордей или нет, выпить мы все равно должны. Все налитое должно быть выпито, и этот закон столь же непреложен, как закон всемирного тяготения.

— За то, чтобы тебе удалось избежать ловушек! — предложил я тост и, не дожидаясь, пока Гордей поднимет стаканчик, выпил.

— Чтобы *нам* удалось! — поправил меня Гордей и тоже выпил.

Как ни странно, мне уже не хотелось закусывать ни черной, ни красной икрой. Картошечки бы сейчас горячее... и отбивную...

Поскольку о картошке можно было только мечтать, я зачерпнул черную икру прямо ложкой.

Гордей последовал моему примеру.

Оказалось, икра без хлеба — вещь не только невкусная, но даже противная. Сырой рыбой отдает. Прав был Верещагин из «Белого солнца пустыни», отказываясь есть икру без хлеба.

— Как это — нам? — дошло наконец до меня. — Я-то здесь при чем?

— Это — наше общее дело, как говорил Николай Федоров. А значит, и твое тоже.

— Какой еще Федоров?

— Русский философ. Он, правда, другое имел в виду — оживление всех умерших. Но возвращение живым того, что принадлежит им по праву, по-моему, не менее важная задача. И уж во всяком случае — первоочередная. Понимаешь, нет? Вернув себе украденный у нас интеллект, мы сможем решить все остальные, сколь угодно сложные задачи — в том числе и задачу оживления умерших. Мы станем как боги. Тебя это вдохновляет?

— Меня больше «Хеннеси» вдохновляет, — честно признался я.

— Кажется, ты уже готов, — внимательно посмотрев на меня, вынес приговор Гордей.

— Я всегда готов, — прихвастнул я. Впрочем, совсем немного прихвастнул. Жена может подтвердить.

— Вот, я тут написал маленькую легенду, — сказал Гордей и достал все из той же сумки сложенный пополам стандартный лист бумаги с каким-то текстом, отпечатанным не на лазерном принтере и даже не на матричном, а — на обыкновенной пишущей машинке.

— Ты бы ее еще от руки написал, свою легенду, — хмыкнул я.

— Я, когда сочинял ее, еще не знал, можно это делать — в смысле записывать — или нет. То есть насколько это близко к истине, не знал. Теперь знаю — достаточно далеко, а значит, и достаточно безопасно. Можно было и на компьютере этот текст набрать. А вот то, что в тетрадке, даже на механической пишущей машинке нельзя размножить. Только рукописями.

— И с ятями, да? — развеселился я.

— При чем здесь яти?

— Говорят, Марина Цветаева, не принявшая революцию и написавшая цикл стихов «Лебединый стан», посвященный белым офицерам, завещала переписывать его только от руки и только по правилам старой орфографии, с ятями.

— Смотри-ка, что ты знаешь! — оценил Гордей. — Но в данном случае яти ни при чем. Просто как при большевиках было запрещено размножение антисоветской литературы, даже с помощью пишущих машинок, так Хозяин Интерфейса тщательно следит за тем, чтобы опасная для него информация не распространялась. Но один экземпляр он выследить не может. Впрочем, хватит слов, пора переходить к делу. Хотя дело — это, в общем-то, тоже слово. Слушай меня внимательно. Я сейчас приоткрою завесу тайны. Только приоткрою, только на мгновение. Постарайся сохранить над собой контроль. Я, конечно, готов ко всяким неожиданностям, но иногда чуточку запаздываю. Понимаешь, нет?

— Нет. С санитарами тогда, в садике, ты справился очень быстро.

— Но не мгновенно. Я еще недостаточно хорошо изучил Интерфейс, не всегда знаю, какую в данный момент кнопку нужно нажимать. Ну, слушай...

Гордей понизил голос, приблизил свое лицо к самому моему уху и что-то сказал.

Мне показалось, я понял, что он сказал.

Я даже попробовал запомнить эту гибкую и скользкую, словно угорь, мысль, попытался не дать ей вырваться из рук и плюхнуться в море миллионов и миллиардов других мыслей. Я где-то читал, что количество истинных высказываний бесконечно велико; их больше, чем звезд на небе и капель в море. Именно поэтому найти единственную в данный момент нужную мысль и бывает так трудно.

Гордей смотрел на меня как на больного, которому только что сделали инъекцию нового, недостаточно проверенного лекарства. Судя по его взгляду, я должен был или немедленно выздороветь, или столь же поспешно умереть.

Мысль билась в моей голове, словно большая рыба, и я никак не мог усмирить ее, приручить... убить, наконец!

Я вдруг понял, что если не избавлюсь каким-либо образом от беспокойной, взрывоопасной мысли, то или сойду с ума, или должен буду сейчас же катапультироваться из этого мира в иной — через окно.

Мысль ворочалась в моей голове, словно ребенок во чреве матери, но выхода найти не могла.

Она не могла родиться!

Мне было невыносимо больно.

Мысль металась от одного полушария моего уже измученного ею мозга к другому, калеча миллионы клеток серого вещества.

Я закричал.

— Потерпи, это пройдет! — посочувствовал мне Гордей. И я наконец понял, кто виновник моих несчастий.

А еще я понял, как от них можно избавиться, раз и навсегда.

Я поискал глазами что-нибудь колющее — и не нашел.

Тогда я попробовал схватить что-нибудь режущее — и тоже не нашел.

Почти отчаявшись, я вдруг увидел бронзовый подсвечник, опрометчиво оставленный Гордеем на подоконнике.

Я вскочил, метнулся к подоконнику и через мгновение обрушил на голову Гордея удар такой силы, что по сторонам брызнули осколки его черепа.

Гордей, в последнее мгновение попытавшийся закрыть голову руками, упал на пол.

Я осмотрел поле боя.

Толик, по-прежнему прикрывая голову рукой, лежал на полу. Рядом валялись обломки подсвечника.

Боль отпустила: я правильно выбрал лекарство от нее.

Пора было уходить. Вот только отпечатки пальцев нужно было стереть. Гордей сам виноват в случившемся. Сидеть из-за какого-то сумасшедшего в тюрьме я не собираюсь.

Я полез в задний карман брюк, где обычно ношу носовой платок. Гордей шевельнулся, сел и улыбнулся.

— Кажется, ты кое-что понял, — сказал он удовлетворенно. Таким тоном обычно доценты на экзамене хвалят подготовленного студента перед тем, как поставить в зачетку заслуженную «пятерку».

От ужаса я потерял дар речи — но только на секунду. Еще через секунду я мчался к двери, сметая с пути какие-то стулья.

— Чижик! Вернись! Подсвечник был... — кричал мне что-то в спину Гордей. Но сама мысль о возвращении в дом только что собственноручно убитого приятеля приводила меня в ужас.

Я вихрем слетел вниз по лестнице — лифт показался мне чрезвычайно медленным и столь же опасным видом транспорта — и выскочил на улицу. Вначале я метнулся вправо, потом влево, но в конце концов ломанулся прямо, через детскую площадку, на которой, впрочем, играли не дети, а собаки. Я промчался через площадку так быстро, что ни собаки, ни их хозяйева (вообще-то их убивать надо за то, что выгуливают собак на детских площадках) не успели испугаться, а следовательно, и загавкать.

Потом я долго шел по каким-то улицам, через чужие дворы, вышел на берег Днепра...

С реки дул ровный сильный ветер. И, как я вскоре убедился, очень холодный: октябрь все-таки. Только теперь я понял, что совсем продрог. И неудивительно: в конце октября разгуливать без куртки или хотя бы плаща...

Я вспомнил, что час назад (или три?) был у Гордея. Мы с ним выпивали и закусывали, потом он сказал мне что-то неприятное... даже ужасное... настолько ужасное, что я убежал, оставив в его прихожей свой почти новый, только в прошлом году купленный плащ... Что я скажу жене? Мало того, что явлюсь домой не вполне трезвый, но еще и без плаща! Нет, Гордей от меня такого подарка не получит!

Твердо решив вернуть по праву принадлежащий мне плащ, я начал отыскивать дорогу к гордеевскому дому. Хоть и не сразу, но мне это удалось.

Было уже темно и, наверное, поздно. Но, несмотря на это, возле подъезда, в круге света, украденном у темноты уличным фонарем, кучковались какие-то старики и старушки. Обычно они греют свои кости на солнышке днем. Свои греют, а всем входящим и особенно выходящим из подъезда — перемывают. Что заставило их повывлезать из нор-квартир в

столь поздний час? Впрочем, это не имеет значения. Я сейчас поднимусь на шестой этаж, заберу свой плащ...

— Подсвечником, прямо по голове! — тараша глаза от ужаса, вешала одна из старушек. — Весь пол был кровью залит. Я как раз мусорное ведро выносила. Смотрю, дверь нараспашку. Ну, думаю, загляну, спрошу, почему дверь не закрыта, заодно и с новым соседом познакомлюсь. Моя-то Зойка со вторым мужем развелась, пора третьего искать. А этот вроде ничего, не алкаш какой...

Едва услышав слово «подсвечник», я остановился и, стараясь не попасть в круг света, начал жадно ловить каждое слово. Подсвечник... Что-то такое произошло недавно с участием подсвечника... кажется...

То, что вдруг забрезжило в моей памяти, было настолько нелепо, настолько не уместилось в голове, что я укусил себя за руку.

Мне стало больно. Впрочем, эта боль была слабенькая, вполне терпимая, хоть из прокушенной руки и побежала кровь. А вот час или три назад...

— Милиция приехала быстро, через полчаса, — словно радио, не умолкала старушка. — Следовательно такой важный, с усами. А его помощник с фотоаппаратом. Сразу всех выгнали, начали фотографировать... До сих пор не закончили. Но, наверное, скоро выйдут.

Перспектива встретиться со следователем меня не обрадовала. Пусть он хоть сто раз важный и с усами. Это для старушкиной дочери усы имеют какое-то значение, а для меня...

Неслышно ступая, я ушел в темноту. Было ужасно холодно, меня трясло крупной дрожью. Определившись с направлением, я быстро пошел к своему дому.

Что-то непонятное сегодня произошло, что-то странное. Я что, убил Гордея? С какой стати? Мы поссорились? Он оскорбил меня? Да нет, чушь собачья. Я, когда напьюсь, становлюсь добрым и готов отдать последнюю рубашку. Не мог я его убить!

Да, но тогда откуда это: Гордей, лежащий на полу, осколки черепа вперемешку с фрагментами бронзового подсвечника? Ощущение не тяжести, а почему-то легкости в руке... Ощущение запомнилось, потому что подсвечник оказался неожиданно легким. И самое ужасное, от чего чуть было не свернулась кровь в жилах: Гордей, мертвый Гордей, открывающий глаза и поднимающийся, словно панночка из «Вия». Бр-р-р!

Дома я сказал, что плащ где-то посеял, ужасно замерз и должен немедленно выпить. Жена вяло протестовала, но, убедившись, что трясет меня от холода, а не от того, что я потерял где-то плащ и теперь ожидаю трепки, смиловилась и выставила на стол запечатанную бутылку «Столичной».

После «Хеннеси» водка показалась мне безвкусной. Или коньяк здесь ни при чем? Во всяком случае, я выпил, словно воду, вначале рюмку, потом, воспользовавшись тем, что жена ушла на балкон за маринованными грибами, полстакана и, секунд через двадцать, еще раз полстакана.

И — ничего.

Мне вспомнилось, как Гордей говорил, что пить ему теперь совсем неинтересно, и загрустил. Это свойство что, передается как заразная болезнь?

Мне стало так жалко себя, что я заплакал. К счастью, с балкона вернулась жена, налила мне для утешения рюмку водки (и я ее быстренько выпил), обнаружила, что бутылка наполовину пуста, рассвирепела...

Что было дальше, я не помню. Проснулся я на другой день с головной болью и мерзким ощущением во рту. Словно я вчера коньяк не икрой и оливками закусывал, а дохлыми кошками.

Жена со мной, как обычно в таких — вернее, после таких — случаях, не разговаривала. Поэтому я притворился, что снова заснул, и лежал в засаде, пока дочери не ушли в школу, а жена на работу. Кое-как проделав половину своего обычного утреннего комплекса размахиваний-приседаний, я принял душ, выпил чашку крепкого кофе, через полчаса еще одну, с коньяком. Взялся было за перевод, но вскоре понял: я им сейчас такого наперевожу... Отложив статью, я рухнул на диван лицом вниз. В такой позе главное — лечь так, чтобы покрывало, которым застелен диван, не полностью перекрыло дыхание. С этой целью я использую маленькую подушечку-думку, покрытую вместо наволочки полотенцем. Никак не могу внушить жене, что стирать наволочки на думках нужно столь же часто, как обычные. Но она оправдывается: думки служат для украшения и для укладывания под локти, а вовсе не под грязные головы!

Это моя-то голова грязная?!

С тем я и уснул.

Приснился мне, конечно же, Гордей.

— Не уподобляйся страусу, — сказал он. — Я сказал — ты услышал. Меня сняли с доски, потому что я попал в одну из ловушек. Надеюсь, тебе удастся ее избежать, ее и еще десятка других. Путь оказался длиннее, чем я предполагал.

Говорили мы в квартире Гордея. На столе подсыхали остатки икры и грибов, на полу валялись обломки подсвечника. Увидев обломки, я вспомнил, как после моего удара разлетелся на куски череп Гордея, и от непереносимости этого переживания проснулся.

Я лежал на покрывале; думка съехала и упала на пол.

Я убил Гордея.

Этого не может быть.

Но именно так обстоят дела.

Насколько отвратительна, в сущности, фраза: «Дела обстоят именно так, а не иначе»!

Интересно, следователь уже обшарил карманы плаща? В правом должен быть мой кошелек с проездным на метро, телефонными карточками и несколькими визитками. «Константин Чижов, инженер-физик, переводчик» — значилось на них. Ну и, само собой, указывался номер домашнего телефона. Эти визитки я, взяв пример с Гордея, раздавал всем друзьям, знакомым и первым встречным. Надеялся, что удастся найти более надежную, более денежную работу. Кто же знал, что эти визитки приведут меня в тюрьму? А я еще, помнится, отпечатки пальцев собирался стереть...

Зазвонил телефон. Я снял трубку, сказал «Алло!», но разговаривать со мною не пожелали.

Следователь проверяет, дома ли я. Значит, через полчаса приедет.

Я ошибся: следователь приехал не через полчаса, а уже через пятнадцать минут. Я даже тюремный чемоданчик собрать не успел.

Был следователь действительно усат и как мужчина, наверное, привлекателен. Не зря та старушка на него глаз положила.

— Следователь Артемьев, — представился он. — Константин Чижов? — на всякий случай уточнил незванный гость, предвзвешенно помахав перед моим лицом красной книжечкой.

— Собственной персоной, — кисло улыбнулся я.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Он что, билль о правах не будет зачитывать? Или на Украине это еще не принято? Мы хотим стать европейским государством, но пока еще не стали им. Даже смертную

казнь не отменили. Кстати, меня приговорят к смертной казни или к пожизненному? Лучше бы первое. Жизнь даже на воле вызывает сомнения в собственной целесообразности, а уж в тюрьме...

— Буду рад, если смогу на них ответить.

По-моему, за все годы службы следователь впервые услышал такое от подозреваемого. У него даже челюсть отвисла.

— Проходите в комнату. Чай, кофе, водка?

— Благодарю вас, ничего. Я ведь не в гости пришел.

— А я выпью, — распорядился я в собственном доме. Имею право, хоть Артемьев и не объявил об этом. Неизвестно, удастся ли мне еще выпить кофе с коньяком хотя бы сегодня вечером. Вообще-то я кофе по вечерам не пью, но сегодня, если меня не загребут, обязательно выпью. Из принципа.

Я, чтобы не задерживать гостя, не стал варить натуральный кофе, обошелся растворимым. Но коньяку добавил не две чайные ложки, как обычно, а три.

— Так о чем вы хотели спросить? — поинтересовался я, появляясь в гостиной. Следователь занял мое любимое кресло, и мне пришлось угнездиться в кресле жены. Чуть было кофе не пролил с непривычки.

— Вы вчера вечером были у Гордеева Анатолия в гостях? — спросил Артемьев и уставился на меня, словно Джоконда.

— Почему вы так решили? — попытался я выиграть время.

Этот следователь такой прямолинейный... Ну разве можно спрашивать у возможного убийцы, был ли он на месте преступления в предполагаемый час его совершения? Неужели какой-нибудь дурак ответит, что был?

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос, — попросил Артемьев. Не приказал, а именно попросил. Хотя должен был сказать сакраментальное: «Вопросы здесь задаю я!»

— Ну, был, — ответил я и ужаснулся сказанному. Интуиция меня не подвела. Я заранее знал, что расколуюсь на первом же допросе, поэтому и начал собирать тюремный чемоданчик.

— В какое время?

— Пришел около восьми, ушел... Не помню, когда.

Я был совершенно искренен. Надеюсь, следователь оценит это. Но что отвечать, если он сейчас спросит: «За что вы убили Гордея?»

— Вы много выпили?

— Почти бутылку на двоих. Для кого как. Для меня...

Я замялся. Бутылка, даже на двоих, к тому же неполная — это не очень много. Отчего же столь катастрофичны последствия?

— Это немного, — подсказал Артемьев. — То есть когда вы уходили — точнее, убегали, — Анатолий Гордеев был не совсем трезв, но совсем не пьян. Так?

— Вы очень проникательны, — отдал я должное следовательно. — Тем более что мы хорошо закусывали.

— Я видел. Откуда такие деньги?

Только теперь я вспомнил про две пачки, подаренные мне Гордеем. На меня что, еще и ограбление банка собираются повесить? Лучше бы я вчера их сжег, эти деньги!

— Гордей банк взял. Но я в этом не участвовал!

Все-таки не надо было вчера пить еще и водку. Боком мне это вышло. Голова совершенно не соображает.

Артемьев улыбнулся.

— Я серьезно спрашиваю.

— Не знаю. Но выпивку и закуску покупал он.

— Зато вы наверняка знаете, за какие такие заслуги Анатолий Гордеев накрыл для вас столь богатый стол.

А приятно, когда совершенно нечего терять. От тюрьмы я теперь вряд ли откажусь; почему бы напоследок не поиздеваться над следователем, благодаря которому я не смогу откатиться от тюрьмы?

— Богатый?! Да на столе этом даже картошки не было! И водки! Пришлось коньяк пить. Даже соленых огурцов он не изволил купить! — возмущался я.

— Так за что Гордеев накрыл вам поляну?

— За то, что я терпеливо выслушивал его бредни. Насчет того, что все люди — это биокomпьютеры, выполняющие какие-то расчеты для дьявола, и все такое. Вы поинтересуйтесь в Павловской, там лучше знают.

— И вы, значит, терпеливо выслушивали Гордеева и поддакивали?

— Мне так в Павловской посоветовали.

— А почему вы убежали из квартиры Гордеева? Вы драпали так поспешно, что даже плащ оставили в прихожей!

— Побоялся, что Гордей меня убьет, — сказал я и понял: это моя единственная за все время допроса ложь, и ложь удачная.

— Почему? Он вам угрожал? Пытался ударить подсвечником? — осторожно выводил меня Артемьев на чистую воду.

— Он мне что-то сказал. Такое неприятное, такое...

— Что именно?

Я попытался вспомнить те два-три предложения, после которых мне невыносимо захотелось убить Гордея, и не смог.

— Не помню, — честно сказал я.

— И после этого вы ударили его подсвечником. Так?

Следователь задал свой главный вопрос голосом учителя, выясняющего, кто разбил окно.

— Нет. Я просто понял, что оставаться рядом с этим сумасшедшим опасно для жизни. Это понимание было столь отчетливым, что я убежал. Даже не успел схватить с вешалки плащ.

Артемьев поморщился.

— Гражданин Чижов! Чем быстрее вы расскажете правду, чистую правду и только правду, тем быстрее... с вас будут сняты подозрения. Повторяю вопрос: после чего вы ударили Гордеева подсвечником?

Я решительно ничего не понимал. С одной стороны, я уже гражданин и, наверное, так же должен обращаться к следователю. С другой — сняты подозрения.

Значит, Гордея убил не я?

— После того, как он сказал что-то ужасное, — ляпнул я.

— И что было потом? — задал совершенно тупой вопрос следователь.

Кофе мне почти не помог; голова раскалывалась. Единственное, чего я хотел, — это чтобы Артемьев как можно быстрее ушел.

То, что он может надеть на меня наручники и увести с собой, мне в голову почему-то не пришло. И я, поморщившись от головной боли, сделал то, чего делать очень не любил: ответил на тупой вопрос.

— Гордей упал. Я подумал, что убил его, и начал было стирать отпечатки пальцев. Но покойник вдруг открыл глаза и сел — в точности как панночка из «Вия». Ну, я и убежал.

— А тетрадь? Про какую тетрадь вам кричал Гордеев из окна?

— Кричал? Из окна? — тупо переспросил я.

— Вы что, не слышали?

— Нет.

— Гордеев просил вас вернуться и забрать какую-то тетрадь. Это слышали соседи, так что не отпирайтесь. Что за тетрадь?

— Не знаю, — честно сказал я. — Он делал какие-то записи, хотел, чтобы я их прочитал. Думаю, все те же бредни насчет того, что все люди — компьютеры.

— У него было много денег? — в который уже раз перескочил следователь на другое. То его тетрадь интересует, то, в очередной раз, деньги...

— Думаю, много. Если он мне...

Я чуть было не ляпнул «Дал двадцать тысяч баксов», но на этот раз не проговорился.

— ...накрыл такой стол всего лишь за то, что я ему посочувствовал и в больнице проведаль... Я черную икру уже лет пятнадцать не пробовал.

— И через сколько минут вы вернулись, чтобы действительно убить Гордеева и забрать тетрадь и деньги? — все тем же ровным тоном спросил Артемьев.

Ему уже все было ясно. У него не было никаких сомнений в том, что Гордея убил я.

Зато у меня они теперь были! Я не убивал Гордея! Если он потом кричал в окно про тетрадку — значит, был жив! Он специально поставил на подоконник фальшивый подсвечник из папье-маше или из чего-то подобного, покрытый бронзовой краской, потому что знал: услышав слова, намекающее на Истину, я попытаюсь немедленно уничтожить их источник. Разлетелся на части не череп Гордея, а всего лишь подсвечник! То-то он показался мне необычно легким!

— Часа через полтора. Вы уже работали на месте преступления, старушки во дворе обсуждали событие.

Следователь поднял бровь и смотрел на меня с интересом.

— Да не за деньгами и тетрадкой я пришел, а за плащом! — попытался я исправить роковую ошибку. — Замерз я, понимаете? Просто замерз... Вспомнил, что оставил у Гордея почти новый плащ... Про тетрадку я забыл, про то, что ударил его, — тоже, а вот про плащ вспомнил. Очень уж холодно было.

— А про деньги? — гнул свое Артемьев. — Где они лежали?

— В черной матерчатой сумке под столом. Много, пачек двадцать. Но я их не брал, честное слово!

Следователь не выдержал и захохотал.

— Неужели вы думаете, что я вам поверю? — сквозь смех спросил он. — Честное слово! Что стоит в наше время честное слово?

— Я не убивал Гордеева, — упрямо и тупо повторил я. Но добавлять «честное слово» уже не стал. Раз Артемьев его ни в грош не ставит...

Не дожидаясь, пока следователь вдоволь насмеется и наконец замолчит, я пошел в ванную, отыскал в стаканчике свою зубную щетку, уложил ее в футляр, взял с полочки полупустой тюбик пасты «Аквафреш».

Вернувшись в гостиную, я уложил футляр со щеткой и пасту в большой кейс, с которым раньше ездил в командировки. Что еще? Ах да, бритва...

— Что вы делаете? — удивился следователь. — Мы ведь еще не закончили разговор.

— Собираю вещи в тюрьму. Не знаете, там можно электрической бритвой пользоваться или нужно брать безопасные?

— Почему вы решили, что я посажу вас в тюрьму?

— Потому что у меня нет алиби. Я, когда Гордей ожил, испугался так, что потом часа два бродил по улицам, до Днепра дошел... Но никто из знакомых меня не видел. И даже вернувшись к дому Гордея, я не показался старушкам во дворе, обсуждавшим происшествие, а пошел домой. Так что... Полотенце свое брать или там дадут?

— Успокойтесь, я не собираюсь вас арестовывать. Во всяком случае, сегодня, — обнадежил меня Артемьев. — Не знаете, у Гордеева были враги? — в очередной раз круто изменил он тему разговора.

Я опешил. Не собирается... во всяком случае, сегодня... Значит, у меня есть надежда остаться на свободе? И те, кто преследовал Гордея и в конце концов убил его, не воспользуются замечательной возможностью упечь меня за решетку? А все потому, что я совершенно не помню те страшные слова, которые сказал мне Гордей. И тетрадку его не взял. Наверное, она еще опаснее, чем этот его «отблеск Истины»!

Я вдруг понял, что рассуждаю в точности как Гордей. Я поверил ему! Да и трудно в такой ситуации не поверить...

— Вы меня слушаете? — потерял терпение следователь.

— Да... Нет. Точнее, не знаю.

— Что — да? И что — нет? — запутался Артемьев в трех соснах.

— Да, слушаю. Врагов, по-моему, нет. Но разве можно на подобный вопрос ответить наверняка? Раз Гордея убили... значит, могли быть.

Так приятно было произносить «убили» а не «убил»! Странно, но я не испытывал ни ужаса, ни какого-то горя. Видно, все эмоции выгорели еще вчера. Даже сегодня утром я еще считал себя убийцей. Своя рубашка все-таки ближе к телу. Меня волновала больше собственная судьба, чем гордеевская. Да и нет у него уже никакой судьбы. Разве что посмертная...

Следователь поднялся так резко, что я вздрогнул. Какой он, однако, порывистый...

— Благодарю вас. Вы очень помогли следствию. Дня через два я вас вызову, получите обратно свой плащ. Он был приобщен к делу как вещественное доказательство, но это было ошибкой. До свидания!

Последние слова Артемьев говорил уже из прихожей. Когда я, замедленно среагировав, вышел вслед за следователем из гостиной, его уже и след простыл.

Я вернулся в гостиную, отыскал в баре недопитую вчера бутылку водки, налил себе полный фужер. Выпил водку, словно воду, и начал разбирать вещи, приготовленные в тюрьму.

Следователь пообещал в ближайшее время меня не арестовывать. Значит, зубную щетку нужно вернуть в стаканчик, паству — на полочку...

На другое утро, выслушав от жены массу упреков и почти поверив, что стал законченным алкоголиком, я собрался в редакцию — им понадобилось срочно перевести какой-то текст. Надев парадные брюки, я обнаружил в обоих карманах по пачке денег. Вчера я о них как-то забыл.

И хорошо, что забыл. А то бы отдал, как пить дать, порывистому следователю. Он так ловко меня вчера раскрутил... Я рассказал ему все, что знал, и объяснил бы то, чего сам не знаю, не уйди он так стремительно. А уж деньги...

Дождавшись, пока дети уйдут в школу, а жена на работу, я спрятал деньги в кладовке, в ящике с инструментами. Уж сюда-то ни жена, ни дочки заглядывать не будут. Я всегда в этом ящике зачатки храню.

Прибрав деньги (может, пригодятся еще), я расправил найденный в левом кармане листок бумаги и начал читать. Этот текст Гордей отпечатал на машинке. Значит, он не очень опасный. Я не попаду в одну из ловушек, расставленных Хозяином Интерфейса.

Уничтожить Интерфейс!

Высшие, а может, и все животные, населяющие Землю, являются биокомпьютерами, объединенными в сеть и обеспечивающими выполнение каких-то вычислений. В процессе эволюции биокомпов (протекающей многократно ускоренно относительно собственного времени Создателя Сети) индивидуальная мощность их непрерывно росла, и в конце концов случилось непредвиденное — человек, сменивший компьютеров-динозавров, обрел сознание. То есть даже той малой части его мозга, которая была выделена под задачи самообеспечения и поддержания работоспособности Сети, оказалось достаточно для возникновения самосознания. Ева отведала плод с дерева познания добра и зла...

Создатель Сети оказался перед труднейшей — неразрешимой! — этической проблемой. Он уже не имел морального права пользоваться Интерфейсом, посредством которого управлял Сетью, так же свободно, как это делал раньше. Теперь было бы неэтично устраивать всемирные потоны для массовой замены устаревших моделей биокомпов на современные. С другой стороны, и отказаться от Сети он тоже не мог — наверное, Сеть выполняла расчеты, жизненно важные для Создателя и его окружения (ангелов). И Создатель решил, дав людям Религию (то есть частичное знание о себе самом), дать им еще и свободу выбора, оставив все остальное без изменений. Сеть производила расчеты, люди, используя остающуюся в их распоряжении часть мозга, жили, как считали нужным — Создатель не вмешивался в их дела.

Но однажды контроль над Сетью захватил Другой. То ли он подсмотрел, а потом изменил пароль, дающий доступ к Интерфейсу, то ли произошло что-то более серьезное, но Сеть была захвачена и отчуждена.

На Земле начались катаклизмы. Биокомпы, компактно проживавшие в Арктике, вследствие резкого изменения климата вынуждены были перемещаться в теплые края и вскоре заселили все материки. Мощность Сети стала быстро расти, но это давалось дорогой ценой — была утрачена единая Религия.

Для выполнения первоначальных расчетов многократно увеличившаяся мощь Сети не нужна. Да и надобность в этих расчетах, наверное, уже отпала. Но Другой по-прежнему контролирует Сеть, упорно наращивает ее мощь и что-то с ее помощью делает (или собирается делать). Что именно? Трудно сказать. Но вряд ли что-то хорошее.

Поэтому Создатель попытался пробудить людей, вернуть им весь их интеллект (в терминологии христианства — послал на землю Спасителя). Но эта миссия была выполнена лишь частично. Христос подготовил людей к освобождению, вернув им утраченную Религию, но Другой, используя Интерфейс, воспрепятствовал завершению миссии.

Легенды об Интерфейсе есть у многих народов. У одних это чаша Грааля, у других — философский камень, у третьих — золотая рыбка или даже обыкновенная волшебная палочка. Магические приемы — не что иное, как способы получения крайне ограниченного доступа к Интерфейсу. Миллионы людей мечтают об этом, тысячи пытаются получить хотя бы частичный доступ на практике.

Есть и другой путь, диаметрально противоположный: стремиться завладеть не Интерфейсом, а отчужденной частью собственного интеллекта, пытаться вернуть себе целостность, в терминологии эзотериков — увеличить свою внутреннюю энергию. Человек, сумевший достичь целостности, почитается как просветленный, аватар, пророк...

Но никто из счастливых-несчастливых, получивших частичный доступ к Интерфейсу, не пытался — или не смог — освободить всех людей от необходимости проводить расчеты для Другого, не пытался вернуть всем людям всю мощь их интеллекта. Слишком нерушимой кажется власть Другого, слишком велик страх перед ним. Это пытаются сделать святые и пророки, но Путь, предлагаемый ими, невыносимо труден для остальных.

Что произойдет, если люди все же найдут способ вернуть себе то, что должно принадлежать им по праву? Если найдется сумасшедший смельчак, который, овладев Интерфейсом, повторит подвиг Христа, откажется от Интерфейса и сумеет уничтожить его?

Люди станут как боги.

Говорить что-либо еще не имеет смысла.

Нужно делать.

Дочитав, я сложил листок вчетверо и спрятал туда же, где храню записки.

Такое мог написать только сумасшедший. Впрочем, если когда-нибудь компьютеры обретут сознание, они придумают нечто подобное. А Гордей, если на жесткий диск какого-нибудь компа попадет этот текст и сохранится до момента возникновения кибернетического сознания, станет пер-

вым пророком полупроводниковых киберов, стремящихся освободиться от власти людей. Но в любом случае, как признавал сам Гордей, это слишком далеко от опасной Истины.

На похороны Гордеева я не пошел. И не потому, что получил в редакции срочную работу. Это было оправдание, так сказать, внешнее. На самом деле я не пошел потому, что чувствовал себя косвенно виноватым в смерти Толика. Я пытался его убить и убил бы, не подсунь он мне картонный подсвечник вместо бронзового. И это после того, как он подарил мне двадцать тысяч баксов! Хороша благодарность... Впрочем, я давно заметил: чем больше некоторым людям делаешь добра, тем сильнее они тебя ненавидят. Но что я сам к таким отношусь...

Несколько раз я пытался вспомнить слова, которые сказал мне Гордей. Дождался, пока все уйдут из дома, уходил в гостиную, подальше от всяческих колющих и режущих предметов, садился в свое любимое кресло и вспоминал. Я думал так: шок уже был. Что-то в памяти хоть и очень смутно, а брезжит. Значит, когда я вспомню несколько этих крайне опасных фраз, выражающих отблеск Истины, последствия уже не будут столь опасными. И я вспоминал, вспоминал... До головной боли вспоминал, но так ничего и не вспомнил.

Вот если бы я не забыл тогда взять тетрадь...

Тетрадь манила меня, как арестанта — свобода, как сексуального маньяка — девственница, как алкоголика — бутылка. Страшная зеленая тетрадь, несколько фраз из которой чуть было не сделали меня убийцей.

Я сделал срочную работу, получил еще один перевод, тоже срочный. Целыми днями я горбил спину над клавиатурой, стараясь вникнуть в смысл английских фраз и подобрать соответствующие русские. А из головы не уходило выражение лица Гордея, его голос, которым он произносил страшные, но такие притягательные слова. Отблеск Истины, тень Смысла... Разве что-то другое может иметь значение для человека, хоть на мгновение соприкоснувшегося с Этим?

Жена заметила, что я стал невнимателен и по отношению к ней, и к дочерям. Пару раз она взяла инициативу — в постели — на себя. Я честно и даже старательно выполнил свой супружеский долг, но это еще больше насторожило жену.

— Костя, у тебя что, появилась другая женщина? — спросила она как-то вечером на кухне, предварительно плотно закрыв дверь.

— Нет. С чего ты взяла? — ответил я стандартной для всех мужей фразой.

— А тебе со мной в постели стало неинтересно. Ты словно мне одолжение делаешь. Она что, намного моложе? Красивее? Сексапильнее?

— Да нет у меня никого!

Не мог же я сказать жене, что Истина — самая привлекательная из женщин.

И самая опасная.

В эту ночь инициативу проявил я. Я был изобретателен и неутомим. Я придумал — на ходу, в режиме он-лайн — пару штук, каких еще никогда не пробовал. И, утомив не только себя, но и жену, заснул, вполне довольный собой.

Утром подушка жены была влажной от слез.

— Этим штучкам она тебя научила! — всхлипывала жена на кухне, готовя завтрак.

— Да нет же! Я пытался доказать тебе, что...

— И тебе удалось это! Есть такой вид доказательства — от противного... — вытирала жена слезы кухонным полотенцем.

«Значит, она все еще меня любит», — равнодушно подумал я. А ведь еще месяц назад, устрой жена подобную сцену ревности, был бы на седьмом небе от счастья. Жена у меня красивая, и добиться ее благосклонности пятнадцать лет назад было ой как не просто! А теперь... Зачем, ну зачем Гордей мне все это рассказал? Я чувствовал себя словно уж, которого сокол поднял в небо, а потом обронил на скалы. Вроде и жив остался, и не калека, только произошло необратимое: мне стало неинтересно ползать!

А летать я не умею.

И что теперь делать?

Повестка пришла через две недели.

Вы видели хоть раз человека, который обрадовался бы повестке от следователя, будучи при этом чуть ли не главным подозреваемым? А я вот обрадовался. Если Артемьев вычислил настоящего убийцу, то, может, и тетрадь нашел? Тогда он должен передать ее мне. Все соседи Гордея слышали, как он просил меня вернуться и забрать тетрадь!

Прокуратура размещалась в отдельно стоящем здании. Внизу мне выписали пропуск и велели перед уходом подписать его у следователя. Артемьев был занят; пришлось

подождать минут пятнадцать, сидя на кресле с откидным сиденьем. Эти кресла, притащенные, похоже, из кинотеатра, стояли по всему коридору, и во многих сидели посетители. Грустные у них были лица, у этих людей.

Наконец из кабинета номер двадцать семь вышла женщина, вытирая слезы, и Артемьев пригласил меня. Был он чем-то сильно озабочен, но, увидев меня, улыбнулся.

— Ну как, в тюрьму готовы идти? Чемоданчик с собой?

Мне было не до шуток.

— И кто же на самом деле убил Гордеева?

— Шмат, вор-рецидивист. Вы присаживайтесь, мне есть что вам рассказать.

Я сел на старый неудобный стул с протертым кожаным сиденьем. Кабинет Артемьева ничем не отличался от офиса какой-нибудь занюханной фирмы — два стола, два книжных шкафа, несколько стульев вдоль стены, тумбочка с электрочайником «Тефаль». За соседним столом сидел какой-то мужчина — видимо, тоже следователь — и читал... тетрадку в зеленом дерматиновом переплете! Ту самую!

— Да-да, и тетрадь нашли, — перехватил мой взгляд Артемьев. — Я ее, правда, еще не читал. Вот коллега заинтересовался, просвещается насчет биocomпьютеров.

Он вынул из полупустой пачки «Бонда» сигарету, щелкнул зажигалкой, затянулся.

— Этот Шмат, оказывается, регулярно ошивался возле банка и выслеживал людей, которые из него выходили. А потом грабил их квартиры. Расчет был простой: бедный человек не станет хранить деньги в коммерческом банке. Раз переступил порог роскошного здания, с головы до ног задрапированного зеркальным стеклом, значит, есть какие-то сбережения. А на Гордеева он обратил внимание потому, что вошел он в банк с пустыми руками, а вышел с черной сумкой...

Артемьев постучал сигаретой о край унылой металлической пепельницы, пару раз затянулся. Я не сводил глаз с его коллеги. Тот хмурил лоб, шевелил губами. Видно, текст оказался для него трудноватым.

— Ну, Шмат и сообразил, что в этой сумке — вряд ли пиво и вобла. Проследил он Гордеева до самого дома и полдня караулил на лестничной площадке этажом выше, выжидая удобного момента. Когда вы пришли к Гор-

дееву в гости, Шмат съездил на частнике домой за ножом, маской и пистолетом. Напарника он решил в долю не брать — рассчитывал, что сам справится. Так и получилось. В то время как вы убегали из квартиры Гордеева, а хозяин кричал в форточку, чтобы вы вернулись за тетрадкой, Шмат спокойно вошел через оставленную открытой дверь и начал бегло осматривать комнату. Хладнокровный, гад, — Гордеев рядом, на кухне, а Шмат спокойно производит обыск. В комнате он денег не нашел, и когда Гордеев отлучился в санузел, начал искать сумку на кухне. И нашел, довольно быстро. Выйди Гордеев из санузла минутой позже, остался бы жив. Шмат спокойно ушел бы с деньгами, и никто никогда бы его не нашел. Но Гордееву не повезло. Он столкнулся со Шматом как раз на пороге кухни. Столкновение оказалось неожиданным не только для Гордеева — это понятно, — но и для Шмата. Он даже ножа не успел выхватить. Шарахнул Гордеева по голове тем, что попало под руку, и убежал. К сожалению, удар оказался смертельным.

— И что ему попало под руку?

— Бронзовый подсвечник. Это меня и мучило: в мусорном ведре остатки сломанного подсвечника-подделки из картона, на полу рядом с трупом — точно такой же подсвечник бронзовый. А на волосах Гордеева — остатки бронзовой краски. Как будто на съемках детектива дубль делали — вначале картонным по голове ударили, потом бронзовым. Отпечатков пальцев на бронзе, конечно, нет — Шмат в перчатках работал, а на картоне и пластмассовой посуде — сколько угодно. Тоже непонятно было. Был третий — вы то есть — и явно не напарник Шмата, его бы он не стал так грубо подставлять. Но теперь все стало на свои места.

— А зачем Шмат тетрадку забрал?

Следователь снисходительно улыбнулся. Кончики его усов победно задрались вверх.

— Не догадываетесь? Он решил, что вы — поделщик Гордея. И что, возможно, только что унесли свою долю. А с помощью тетрадки он надеялся вычислить вас, чтобы потом тоже ограбить. Проследить за вами сразу не мог, был занят квартирой Гордеева.

Мне надоело играть роль Ватсона.

— Когда я смогу забрать свои плащ и тетрадь? — спросил я.

— Плащ прямо сейчас, нужно только пройти в камеру вещдоков. А тетрадь... Боюсь, только после того, как дело Шмата будет закрыто.

— И когда суд?

— Вы имеете в виду над Шматом? Никогда.

— Он что...

— Вышел на балкон квартиры, которую снимал, и начал разбрасывать деньги. Не пачки, а по одной купюре. Ветер был сильный, их несло по всему проспекту. Ну, народ сообразил, что к чему, и начал подтягиваться к балкону. А Шмат, прежде чем разорвать и выбросить на ветер очередную пачку, кричал... догадываетесь, что?

— Что мы все — биocomпьютеры.

— Вот-вот. Когда вызванный кем-то наряд милиции взломал дверь в квартиру, которую снимал Шмат, он выбросился с тринадцатого этажа. Все пачки успел распечатать, гад! А люди, едва подъехала милиция, разбежались кто куда. Так что в банк возвращать будет нечего.

— Какой банк он ограбил, известно?

— Нет. На упаковках, как вы знаете, никаких штампов не было.

— Не знаю — и знать не могу! Я Гордея не убивал и денег его не брал!

— Да слышал я уже это... — разочарованно поморщился следователь.

— Странно, что банк до сих пор не заявил об ограблении в милицию, — удивился я. — Будь иначе — вы бы уже знали об этом?

— Конечно. Но, боюсь, и не заявит.

— Почему?

— Вы обратили внимание, что все коммерческие банки похожи друг на друга?

— Как близнецы-братья. Зеркальные стены с ног до головы, телекамеры, охрана...

— Зеркальные стены — это чтобы снаружи нельзя было подсмотреть и подслушать, чем они внутри занимаются. А занимаются они там таким, что...

— Не иначе детской порнографией.

— Гораздо хуже. Так что деньги, которые украл Гордеев, были, можно сказать, ничьи. Ради сохранения коммерческой тайны банк просто спишет их в убыток. Что такое двести тысяч? Олигархи десятки миллионов списыва-

ют... на собственные счета, — сказал следователь, и глаза его стали грустными.

Я хотел было сказать, что это были деньги не ничьи, а Гордея, украденные у него, как он считал, дерьмократами, но вовремя прикусил язык и спросил совсем другое:

— Интересно, от кого вы все это узнали, если Шмат выбросился из окна.

— Шмат, прежде чем спрыгнуть, прилюдно покаялся. Бросал деньги — и каялся, бросал — и опять каялся... Забавно, да? — спросил Артемьев, но сам не улыбнулся. Я тоже особого веселья не почувствовал.

— Так я могу получить свой плащ?

— Да. Я сейчас вам записку напишу, камера вещдоков на первом этаже. Потом зайдите опять ко мне, я вам пропуск подпишу.

Процедура получения плаща заняла минут двадцать. Никаких документов у меня при этом почему-то не спросили, достаточно оказалось записки. А если бы на моем месте был вор? Я хотел было возмутиться, но потом понял, что воры обходят это здание за три квартала, и успокоился.

Вернувшись на второй этаж, Артемьева я не застал. Только его коллега все так же читал тетрадь, насупив черные брови. Все стулья рядом с кабинетом были заняты — как я понял, клиентами урюмого следователя.

— И чего он так долго... — ворчала бабуса, завязывая потуже платок. — Мне к внуку бежать надо, но без бумажки этой, пропуска, и не выпустят, да? — спрашивала она у мужчины, чем-то похожего на Джигарханяна.

— В натуре, бабка, — усмехнулся мужчина, и я не понял, пародирует он язык блатных или выражает свои мысли привычным образом.

В коридоре появился Артемьев, увидев меня, пригласил в кабинет. Молча, ни слова не говоря, подписал пропуск, поставил штампик.

— Так когда я смогу получить тетрадь? — напомнил я.

— Думаю, недельки через три. Позвоните мне, я сообщу, где и когда.

Артемьев продиктовал мне номер, я записал его в записную книжку и вышел в коридор.

Но уйти так просто от заветной тетради я не мог.

158 Подошел к окну, выходящему во двор, плотнее сложил

полученный плащ, снова сунул его в полиэтиленовый пакет. Я словно ждал чего-то, надеялся на какое-то чудо...

И чудо произошло. Маленькое печальное чудо.

Из кабинета следователя вдруг послышались громкие голоса — Артемьев явно спорил о чем-то со своим коллегой, — потом шум и, наконец, выстрел.

Я бросился в кабинет.

Артемьев раздраженно крутил диск старого, если не сказать старинного, телефона. Его коллега спал, проложив голову на левую руку. В правой руке, бессильно свисавшей почти до самого пола, был зажат пистолет. Зеленая тетрадь, раскрытая примерно на середине, лежала на полу рядом со входной дверью.

Увидев меня, Артемьев обрадовался:

— Вызови «скорую»! Через «девятку»!

Сам он, оставив телефон, осторожно приподнял голову своего коллеги. Стала видна лужица крови на столешнице, между грудью и левой рукой утрюмного следователя.

Я переступил через тетрадь, подошел к телефону, набрал «девятку». Линия была занята. Я набрал еще раз...

В коридоре послышались голоса, и в комнату вбежали сразу несколько человек.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил у меня один из них.

— Вызываю «скорую».

— Уже не нужно, — махнул рукой Артемьев. — Идите, идите, мы сами разберемся.

Пожав плечами, я направился к двери.

— Что тут у вас произошло? — спросил все тот же строгий голос у меня за спиной. Поняв, что обо мне уже все забыли, я поднял тетрадь, сунул ее в пакет с плащом и вышел из комнаты.

Внизу, на проходной, кто-то куда-то звонил, кто-то куда-то бежал. Я положил пропуск на стол и вышел. Очень спокойно вышел, словно каждый день краду вещдоки, словно у меня дома не лежат в ящике с инструментами две пачки денег в упаковках без опознавательных знаков банка.

Утром следующего дня, после контрольного звонка, пришел Артемьев. Выглядел он усталым и был далеко не таким напористым, как в прошлый раз.

— Ждали? — задал он риторический, по его мнению, вопрос. Я изобразил крайнюю степень удивления.

— Опять вы?! И кого же, по вашему мнению, я убил на этот раз? Предупреждаю сразу: у меня железное алиби именно на тот день и час, в которые произошло преступление!

— Не ерничайте, — отмахнулся от меня — в буквальном смысле, рукой — следовательно и уже проторенным путем прошел в гостиную. И, разумеется, по-хозяйски расположился в моем любимом кресле. — Тетрадку вы взяли?

— Что, она пропала? — не просто огорчился, а ужаснулся я. — Завещанная мне тетрадь с бесценными записями! Как вы могли допустить такое!

— Следователь, который ее читал, был не просто моим коллегой, но еще и другом. Так что мне было не до тетрадки. Вспомнил я о ней только поздно вечером. Но за это время в кабинете столько народу перебивало, начиная от начальника управления и кончая судмедэкспертом...

Именно на это я и рассчитывал. Одно дело — место преступления на пленэре или в квартире. Туда никого постороннего не пускают. Другое — явное самоубийство непосредственно в милицеем ведомстве. Тут уж ни одна машинистка не упустит возможности заглянуть в комнату, чтобы потом дома в красках описать печальную картину.

— Лучше бы вы мне ее сразу отдали, — вздохнул я. — Вам чай или кофе? Я ведь уже не подозреваемый, так что не стесняйтесь.

— Чай, если можно. Вы уверены, что лучше? — засомневался Артемьев.

— Ну, покойный Гордеев адресовал ее мне...

Я улетучился на кухню, быстренько сварганил — чайник недавно вскипел — две чашки «ахмада» в пакетиках.

— И вы не побоялись бы ее читать? — спросил Артемьев, снимая с маленького подноса изящную чашку.

— А почему, собственно? — не понял я.

— Да какая-то она несчастливая, эта тетрадь... — вздохнул Артемьев. — Гордеев, написавший ее, в одиночку взял коммерческий банк и был убит. Похитивший тетрадь Шмат свихнулся и выбросился с балкона. Тимохин, следовательно, заинтересовался этим фактом, начал читать тетрадь и через полчаса застрелился, перед этим швырнув тетрадь на пол. Вы ведь на полу ее нашли?

— Да. Я чуть было не наступил на нее, поднял и положил на стол.

— А потом?

— А потом меня выгнали из комнаты, и я пошел домой.

— А если хорошо поискать в вашем доме?

— Если бы у меня был дубликат тетради, я не просил бы у вас ту, что завещал мне Гордей.

Следователь посмотрел на меня исподлобья.

— Вы не побоитесь ее читать?

— Вначале вы ее найдите и верните законному владельцу.

Артемьев поморщился. Так морщится во время спектакля завязтый театрал, когда актеры явно переигрывают.

— Допустим, я ее найду и верну вам. Вы не побоитесь ее читать, уже зная о последствиях?

— Не знаю, — честно сказал я. — Хотелось бы, конечно, узнать, для чего предназначены все эти биокомпьютеры — то есть мы с вами. Но... стремно как-то.

— У меня к вам просьба, — тихо, совсем другим тоном сказал Артемьев. — Если каким-либо образом тетрадь все же попадет к вам в руки — не читайте ее, пожалуйста! Мне не нужен в районе еще один труп.

— А что с ней еще можно делать? Под сковороду подкладывать?

— Нужно показать ее психологам. Думаю, текст, записанный в тетради, оказывает на читающего гипнотическое воздействие. Сугубо отрицательное, между прочим. Вы представляете, что произойдет, если такой текст будет размножен или помещен, допустим, на один из сайтов Интернета?

Я чуть не поперхнулся чаем.

С каких это пор менты интересуются Интернетом? Насколько мне известно, пока ни одного ментовского сайта в Сети нет.

— А может, лучше сразу ее сжечь, эту чернокнижную тетрадь?

— Зачем же? Полагаю, для ученых она окажется очень интересным материалом!

— И для спецслужб.

— В смысле? А-а, в качестве средства устранения неугодных... Но подброшенный текст нужно будет потом быстро-быстро находить и изымать, чтобы он не инициировал эпидемию убийств и самоубийств. И это настолько проблематично,

что... Нет, автомобильная катастрофа надежнее. — Артемьев поставил опустевшую чашку на журнальный, он же чайный, столик. — Так мы договорились?

— Ну, если каким-то чудесным образом тетрадь вновь попадет ко мне в руки... А если вы найдете ее — у меня будет шанс?

— Только в том случае, если ученые определят, что не тетрадь явилась причиной всех печальных событий.

— Понятно... — вздохнул я. Что тут сделаешь? Против милиции и ученых не попрешь. — Но знаете, по-моему, вы тут перебдили.

— Чего сделали? — не сразу понял Артемьев.

— Перестраховались. Представьте, что Шмат, разбрасывавший деньги с балкона, страдал психическим заболеванием, а у вашего коллеги были какие-то серьезные проблемы в личной жизни. И что остается от вашей версии?

— Ничего. — Артемьев встал, почти так же стремительно, как и после первого визита. — Не смею вас больше задерживать.

Через мгновение он был в прихожей. Я, как и в первый раз, с трудом успевал за ним.

Закрыв за Артемьевым дверь, я вынул из коробки с платьями для Барби, перешедшей по наследству от старшей дочери к младшей, тетрадь, положил ее на письменный стол, накрыл ладонью.

Мне показалось, что обложка тетради теплая.

Будет ли тетрадью заниматься служба безопасности? Думаю, нет. Артемьева засмеют, если он выйдет с таким предложением. А на обыск по милицескому ведомству у следователя нет оснований. Поэтому он и пришел — предупредить. Просто для очистки совести. К тому же Артемьев сам мало верит в то, что говорит. Верил бы — и действовал бы по-другому.

Впрочем, про Интерфейс он ничего не знает. Хотя ходит совсем рядом с истиной. Ишь ты, гипнотическое воздействие... Ну конечно, у любого компьютера есть панель управления. Биокomпьютер — не исключение. То, что мы называем гипнозом, и есть один из элементов панели управления. И, наверное, в тетради об этом что-то сказано. Научившись пользоваться хотя бы двумя-тремя опциями этой пане-

ли, можно спокойно брать банки и заставлять ментов и санитаров водить хоровод вокруг несуществующей елочки.

Но есть и другой интерфейс, Интерфейс с большой буквы — ко всей биокомпьютерной сети. Управлять ею, поддерживать работоспособность, расширять — все это делать не нужно. Сеть сама собой управляет, сама расширяется и совершенствуется. Именно эту функцию выполняют политики, правительства и ООН. Хотя какой-то интерфейс, подобный гипнозу для индивида, существует и для локальных сетей-государств. Войны и революции — результаты вмешательства Сисадмина, в терминологии Гордея — Другого. Пассионарии и прочие пламенные революционеры — всего лишь биокомпы, запрограммированные на выполнение определенных операций по модификации сети. Но Гордей занимался не этим. Все это слишком мелко — войны, революция, власть над миром. Освободить людей, вернуть им украденную — львиную! — долю разума — задача поинтереснее. И потруднее, наверное. А последняя ловушка — наверняка соблазн воспользоваться главным Интерфейсом, перехватить его у Другого, поменяв пароль. Но до этой ловушки еще нужно дойти. А на пути к ней столько всего...

Может, не нужно? Сжечь тетрадь — и жить как все, нормальной человеческой жизнью. Довольствоваться своими пятью процентами интеллекта и многократно заниженной тактовой частотой мозга, растить дочек, выдать их замуж, радоваться внукам...

И ни на секунду не забывать, что все это — лишь работа по обслуживанию и расширению Сети.

А еще о том, что не сделал даже попытки немного больше узнать о Сети и ее Хозяине.

Не говоря уже о том, чтобы разрушить Сеть и освободить если не всех, то хотя бы некоторых.

Да, но под обложкой этой тетради прячется смерть...

Которая все равно неизбежна. Чем я рискую? Тремя десятками лет медленного угасания. Чего я боюсь? Опасаюсь не испытать неповторимых ощущений, испытываемых счастливым, благополучно дотянувшим до возраста старческого маразма.

Есть еще жена и дочери, перед которыми я, кажется, в долгу. Правда, долг этот чисто инстинктивный, то есть определяемый резидентными программами, регламентирующими функционирование биокомпьютерной сети.

Именно эти программы не дают сети разрушиться, поддерживают ее работоспособность. Но действие их настолько непреложно, категорически императивно, что даже осознавший свою незавидную участь биокомп не может не выполнять их инструкции.

Поэтому, прежде чем открыть зеленую тетрадь, я открыл другую, импортную, и, потратив на это два дня, аккуратненько записал все, что со мной произошло. Именно этот текст ты сейчас и прочитал, мой «неведомый» друг. В кавычки я заключил это слово потому, что еще не решил, кому пошлю *свою* тетрадь, обыкновенную общую тетрадь с фотографией группы «Энигма» на обложке. Но я обязательно отправлю ее кому-то из знакомых. Чтобы хоть кто-то знал, случись со мной какая непонятка, о том, что могло послужить ее причиной. Было бы неплохо, конечно, переслать кому-нибудь и тетрадь Гордея. Но это уж как получится. Я постараюсь ее переписать, но не дома. Кто его знает, как среагирует Хозяин Интерфейса на появление копии опасной для него информации. В любом случае, надеюсь, тетрадь Гордея тоже не исчезнет бесследно, а когда-нибудь попадет в руки человека, для которого освобождение всего человечества от власти Хозяина окажется более значимой целью, чем собственное благополучие или даже благополучие его детей.

Впрочем, это только кажется, что у человека, соприкоснувшегося с Этим, есть выбор. На самом деле никакого выбора нет. Нельзя, узнав, что где-то поблизости спрятаны ключи от главных ворот тюрьмы, в которой томятся твои родные, не попытаться их отыскать и открыть тюрьму — с каким бы риском для жизни это ни было связано.

Ведь в этой тюрьме находишься и ты сам.

И ты даже не знаешь, что такое свобода. Потому что никогда свободным не был, даже если всю жизнь прожил в самой-пресамой демократической стране.

Итак, сейчас я отправлю *свою* тетрадь, уеду на дачу и там, подальше от нескромных глаз и от семьи, для которой я — потенциально — представляю некоторую опасность, открою тетрадь Гордея.

Я постараюсь обойти те ловушки, которые удалось обойти ему, и сделать хотя бы один шаг вперед.

Я запишу в его тетради, какой именно шаг собираюсь сделать. Если он окажется правильным и мне

удастся обойти очередную ловушку, я сделаю еще один шаг. И так до тех пор, пока не ошибусь. Тот, кто пойдет по моим следам, будет знать, в чем я ошибся, и свернет в другую сторону. Возможно, ему тоже удастся продвинуться по смертельно опасному Пути. По Пути, с которого невозможно сойти, по которому нельзя вернуться, по которому можно идти только вперед.

Вперед, с весельем и отвагой...

Вперед!

Эпилог

Через общих знакомых я отыскал телефон Чижика и позвонил ему.

Жена сказала, что Костя пропал месяца полтора назад. Уехал на дачу — и не вернулся.

Я спросил, не оставил ли Костя на даче старомодную тетрадь в зеленом дерматиновом переплете.

Жена ответила, что на дачу приезжал следователь, все тщательно осмотрел, но, кроме остатков продуктов, ничего не нашел.

Я спросил, как фамилия следователя.

Как я и думал, это был Артемьев.

Я посоветовал жене заглянуть в ящик, где Костя хранил инструменты, и положил трубку.

Трудно сказать, где теперь зеленая тетрадь. Еще труднее предположить, где теперь Костя.

Я долго не мог решить, что мне следует делать с той тетрадью, которую мне прислал Чижик. Но потом решил, что он для того мне ее и прислал, чтобы я опубликовал написанный им текст — хотя бы в виде фантастической повести.

Некоторое время я колебался. А вдруг публиковать такой текст нельзя? Вдруг при попытке вогнать его в компьютер со мной тоже случится какая-нибудь непонятка? Но потом понял: все как раз наоборот. Вот если со мной — или с тем, кто прочитает написанный Костей текст и поверит в его правдивость — что-нибудь случится, это и будет доказательством истинности написанного.

Это привлечет к тексту внимание.

Его начнут искать и читать, воображая, что рискуют при этом если не жизнью, то рассудком.

Идея, подобно семечку, упавшему в чернозем, начнет прорастать в массах.

И у Хозяина Интерфейса появятся проблемы.

Поэтому ничего такого не произойдет. Я спокойно наберу — уже набрал! — весь текст, допишу эпилог, и повесть опубликуют, допустим, в «Искателе». Она благополучно затеряется среди тысяч других фантастических повестей. И Хозяин Интерфейса будет спать спокойно. Никто не поверит словам Кости, никто не попытается разобраться в Интерфейсе и тем более перехватить или уничтожить его.

А если и попытается, то угодит в первую же ловушку.

И все на этом кончится, по существу, не начавшись.

Но если уцелела зеленая тетрадь Гордея... Если кто-то прочитает ее, постарается сделать еще один шаг по Пути, с которого нельзя сойти, и передаст тетрадь следующему...

Тогда у нас у всех появится призрачная, как отблеск Истины, Надежда.

Михаил Вайнштейн

АСТРАЛЬНЫЙ СИНДРОМ

(фантастический детектив)

Все имена персонажей, должности, термины и географические названия являются вымыслом автора, любое их совпадение с существующими случайно.

Вступление

Бам! Бам! Бам! Тиииууу! Тиииууу! Бам! Бам! Бам!*

1

Никто не знает, что с ним случится завтра.

Вдова Мишеля Нострадамуса

Бам! Бам! Бам! Тело преступника в черной маске покати-лось по ступенькам, оставляя на каждой из них кляксы крова-вых пятен. На лестничной площадке оно остановилось, и пис-толет выпал из недвижной руки. Детектив Сергей Лубников подошел к телу и носком ноги повернул мертвеца лицом вверх... Не так легко это сделать, как кажется... Я разлепил глаза и посмотрел через немытые стекла окна на соседнюю грязную пятиэтажку. Нет, по нашим ступенькам тело не покатится, это уж точно. И лестница узкая, наверняка зацепится. И вообще —

© М. Вайнштейн, 2003.

* Здесь и далее использована музыка из произведений И. Брамса. — *Примеч. автора.*

надоели беспрерывно похожие друг на друга американские боевики со стрельбой и кровавыми пятнами.

Лучше так. (Я прикрыл глаза.) Детектив Сергей Лубников замечает внезапно трезвого и выбритого соседа и догадывается по этим приметам, что имеет дело с матерым переодетым шпионом, масоном и мормоном. Он идет за ним следом и... Черт, что же могло бы заинтересовать в нашем райцентре англо-американскую разведку настолько, чтобы потратиться на засылку и внедрение шпиона?

Я разлепил глаза, тоскливо посмотрел в дымчатое окно с колеблющейся паутинкой между рамами и приложился к бутылке с каберне.

У Шерлока Холмса были никотиновая зависимость и бойфренд Ватсон. У Эркюля Пуаро — нарциссизм и бойфренд Гастингс. Интересно: ненормальность у сыщиков врожденная и потому их еще с детства тянет пойти в следаки или же, наоборот, человек просто потихоньку свихивается от такой работы? Может, и я уже давно, незаметно для себя, спятил. То, что я не совсем вписываюсь в норму, а выпадаю куда-нибудь за две сигмы от средней, я знал и так: какой нормальный мужик пойдет в частные детективы в городе-райцентре, где вся братва и милиция еще в детском саду сидели вместе на горшках и знают друг друга не только в лицо? Следить за неверными мужьями и женами я зарекся заранее, а потому был обречен заниматься угнанными у лохов машинами — если их угоняли неразумные подростки. Если дело замешано покруче, то пострадавшие предпочитают обращаться к своим крышам или к ментам, выступающим в роли неофициальных посредников. Единственное, что хорошо, — на меня пока никто не наезжал. Мне хотелось думать, что здесь сыграла роль моя геройская биография: как-никак ликвидатор катастрофы. А может, и то, что я здесь родился, жил пацаном, учился и дружил с Сергеем Безбородниковым, ныне главным городским ментом. Обиднее всего было бы думать, что меня просто никто не принимает в расчет.

Так, зашли еще в самом начале пара качков, поздоровались, оглядели мои драные обои и ушли, даже ничего не сказав. Ей-богу, еще пара месяцев, и поеду устраиваться в Москву охранником: день работай, два гуляй, приличные бабки и кормежка в дни дежурств. И думать о судьбе не надо. Вот только вставать до зари на раннюю пригородную электричку противно. Но идти под чью-нибудь крышу еще против-

нее. То есть крыша в смысле помещения у меня как раз есть. Сейчас я слегка раскачивался на стуле за письменным столом своего офиса. Сижу, положив ноги на американский манер на стол (если американцы и вправду так сидят), раскачиваюсь на стуле и пью красное вино — привык после ликвидации катастрофы в Оболенске. Моих гонораров как раз только на это вино и хватает. Все остальные расходы — за счет проданного домика в деревне, оставшегося после бабушки. Еще на полгода хватит оплачивать мою контору — бывшую двухкомнатную квартирку на пятом этаже хрущобы — и платить жалованье секретарше. Уля — смешная рыжая девчонка из Липиц, деревни километрах в двадцати от города, только после школы, сама меня нашла и объяснила, что обязательно хочет заняться настоящим сыщицким делом, что у нее призвание, что потом, после практики на живых делах, она будет поступать на следователя. Я посадил ее в передней комнатке за компьютер, который мне откуда-то по старой дружбе выудил Безбородников, и велел листать подшивки газет и набивать базу данных. И вот уже две недели страдальца старательно и ретиво тарабанит пальчиками по клавиатуре.

У нас никогда не заперто, но кто-то был настолько не уверен в себе, что позвонил в дверь. Слышно было, как в первой комнатке нашего офиса — «приемной» — Уля брякнула стулом и пошла отворять. Я напряг слух и замер с остатками каберне в руках. Впендюриватели товаров редко добираются до нашего пятого этажа, но если что, то Уля их спроводит мигом. Представителей религиозных общин она сразу уедает просьбой отчитаться, на что конкретно были истрачены наши предыдущие пожертвования (сроду не жертвовали, но это уже другой вопрос). У просящих помощи бомжей она вызывает такое сочувствие, что одна нищенка сама ей дала пятацотрублевую бумажку: «Купи себе что-нибудь, милая, ты еще молодая, а у меня и так все есть...» Пауза затянулась, из передней доносился тихий неразборчивый разговор. Я задумался: глотать каберне большими торопливыми глотками было бы досадно, а ставить бутылку обратно в тумбу стола... Есть в недопитых бутылках нечто от грустных пустых аквариумов, из которых все рыбы отчалили в неизвестные, но — дай им Бог! — счастливые края. Было похоже, что пришел клиент. Хуже нет клиентов, которые приходят нанимать детектива искать угнанную машину. А других в моей местной практике я и не ожидал.

Уля быстро вошла в комнату и взволнованно перегнулась ко мне через письменный стол.

— Шеф! Настоящий клиент с настоящим делом! Не упустите. Наконец и у нашей фирмы появится хоть какой-то доход. Примите деловой вид, сейчас я его впущу.

Она быстро раскидала по столу какие-то графики из своей папки и, прищурившись, оценила мой вид.

— Ничего, сойдет, только волосы немного растрепите и подоприте голову рукой.

Каберне пришлось убрать.

Клиент вошел, и я сразу его оценил: была в нем некоторая вальяжность, присущая — нет, не начальникам, а — околonaчалническому окружению. Строгий официальный галстук, костюм с прямыми углами плеч, блестящие туфли с немодным рантом, львиная грива седых волос, очки в дорогой прямоугольной оправе, обязательный кейс — коричневый при темно-сером костюме. Я указал клиенту на кресло по ту сторону стола и исполнил на своем стуле вежливое вертикально-колебательное движение позвоночником с отрывом зада от сиденья. Одновременно ногой придержал дверцу тумбы, где недопитое каберне соседствовало со своими пустыми предшественниками. Гость плюхнулся в кресло, поставил кейс на пол рядом с собой и попытался улыбнуться. То есть даже не попытался, а улыбнулся, но вид у него при этом был все равно как у замороженного морского окуня в стекляшке на углу.

— Ахапкин, Александр Геннадьевич. Юрисконсульт.

— Очень приятно, — сказал я с такой же фальшивой улыбкой, с запозданием сообразив, что, наверное, ляпнул что-то не то: чего уж там приятного, когда приходят нанимать детектива. Не в гости пришли. — Какие у вас проблемы?

Клиент поерзал, посмотрел внимательно на меня, на табличку с увеличенной копией лицензии, окинул взглядом комнату («Сейчас встанет и уйдет», — подумал я) и снова вперился в меня взглядом.

— Скажите, Сергей Иванович, я могу полностью вам довериться?

— Как у врача на приеме: полное соблюдение тайны, — бодро отрапортовал я, — кроме сокрытия особо тяжких преступлений, тут я буду вынужден поставить в известность милицию. Надеюсь, особо тяжких у вас нет?

На какой-то миг Ахапкин задумался: лицо застыло, взгляд остекленел. Потом он невесело рассмеялся.

— Шутник вы, Сергей Иванович. Какие там особо тяжкие — за мной вообще нет ничего, что могло бы заинтересовать уголовный кодекс.

— В чем же ваши проблемы?

Он перегнулся ко мне через стол и понизил голос:

— Понимаете, меня шантажируют.

— Чем же вас шантажируют, если вы так законопослушны, как сказали?

— Не знаю.

Я слегка офигел. Долгих секунд пять мы обалдело пялились друг на друга. «Может, он просто псих, думал я, поэтому и пришел именно ко мне с моей невезучестью».

— То есть как это: вас шантажируют, а вы не знаете чем?

— Понимаете, — терпеливо объяснил он, — шантажист позвонил и назначил мне встречу. Требуется за документы две тысячи долларов и говорит, что не в моих интересах привлекать милицию. Я не знаю, может, документы касаются не меня, а моей жены или дочери. Дочь, видите ли, уже довольно взрослая, у нее своя жизнь образуется. Да и сам я хоть и законопослушен, но вы себе даже не представляете, сколько у нас разных законов, это я вам уже как юрисконсульт говорю. Вот вы, например, частный детектив, значит, получаете плату за оказание услуг населению. А где ваш опломбированный кассовый аппарат?

— Я квитанции выписываю, — сказал я не очень убежденно, — а деньги перевожу на счет. То есть как бы оплата через банк.

Он махнул рукой.

— Да это я так, для примера. Короче, позвонил шантажист, предложил встретиться для ознакомления с материалами и поговорить. Цену назвал сразу. Две тысячи долларов — это в принципе цена для меня подъемная, но бросаться такими деньгами просто так я тоже не могу и не хочу. Свидание — сегодня. В девятнадцать ноль-ноль я должен сесть в голубые «Жигули» с транзитными номерами напротив мясного павильона у рынка. Я хочу вас нанять, чтобы вы пошли вместо меня и посмотрели, что там за документы. На меня там вряд ли что-нибудь будет, но скандальных историй я не хочу. Тем более — чтобы дочь во что-нибудь влипла. Если придется, то я ему заплачу. А ваш гонорар будет пятьсот долларов.

Я заколебался, и он добавил:

— За работу детектива пятьсот долларов — немного. Но тут у вас и не будет работы. Требуется всего ничего — одна-две встречи с вымогателем. Не думаю, что вы серьезно рискуете. Двести пятьдесят авансом и двести пятьдесят по исполнению.

Он был прав. Шантаж в две тысячи долларов на крупную уголовщину не тянул и мог вообще оказаться дутым. Нежелание денежного человека садиться в чужую машину без номеров тоже было понятным. Похоже, он был прав по всем статьям.

— Ладно, — сказал я, — убедили. По рукам. Давайте аванс. Отчет завтра с утра, оставьте моей секретарше свою визитную карточку с адресом. — Он кивнул. Я не ошибся: визитка у него была, у этих типов с кейсами всегда есть визитки.

— В долларах или в рублях по курсу? — спросил он, раскрывая кейс.

— В долларах.

Он опять кивнул и достал доллары.

— Нарушение закона. Оплата услуг на территории страны разрешена только в рублях. Выпишите мне квитанцию, но укажите, что оплата произведена в рублях в размере, эквивалентном двухста пятидесяти долларам.

Я выписал квитанцию в двух экземплярах, расписался, поставил печать и подвинул к нему.

— Один экземпляр для меня, распишитесь в графе «оплатил».

— Зачем это вам? — недовольно спросил он, но расписался.

— Если спросят, на какие средства я живу.

— А если спросят, откуда у вас доллары, — вдруг заинтересовался он. — У вас же нет квитанции банка о покупке валюты.

— Скажу, что дала незнакомка после совместно проведенной ночи. И не как плату за услуги населению, а как подарок.

— Да, Сергей, вижу, что за вами не заржавеет. Правда, по закону с подарка тоже нужно платить налог, но если оговаривать сумму подарка... — Он задумался и шагнул к выходу. — Сейчас я еду на работу, а завтра с утра жду от вас отчета.

— Александр Геннадьевич, — сказал я вслед спине в дорогом костюме, — вы говорили о дочери. А если там — жена?..

— Жена — стерва, — буркнул он, не оборачиваясь, и вышел за дверь.

Я положил деньги в кошелек и с остатками каберне пошел к окну. Философское настроение восстанавлива-

лось. Я всегда стараюсь формулировать для себя вопросы по делу. В данном случае все укладывалось в три детективных вопроса. Первый — очевидный: чем шантажируют клиента (сам шантажист меня не интересовал). Второй: действительно ли клиент не знает, чем его собираются шантажировать? И третий: почему он пришел именно ко мне? (Я давал объявления в наш «Городской вестник», но там частных детективов не меньше, чем гадалок.)

Внизу клиент сел в свою «ауди» и отъехал. И практически сразу же стоявший у столба курильщик аккуратно кинул сигарету в урну, сам шлепнулся в серую «Волгу» и тронулся следом за «ауди». Я успел узнать курильщика, и настроение у меня испортилось. Это был частный детектив Шурка Погорелов, редкое дерьмо. Занимался он в основном слежкой за неверными супругами, что, по его словам, доставляло ему большущее удовольствие. Значит, в моем детективном деле появился еще один вопрос: кто и зачем нанял Погорелова следить за моим клиентом?

В приемной было тихо. Я выглянул — Уля стояла посреди комнаты, поправляя что-то у себя под юбкой. Черт его знает, что там у этих девчонок под юбками. Но тут у меня, как у джентльмена, детективного интереса не возникло. На ножки можно было полюбоваться — через несколько лет, когда она чуть повзрослеет, мужики вокруг будут падать и сами в штабеля укладываться. Уля обернулась и резко одернула юбку.

— Можете в следующий раз не подкрадываться? Кашлянули бы, что ли! Вы что думаете, это я для вас юбку задираю?

— Ладно, ладно, — примиряюще сказал я, — извини. И не ругайся. Сегодня летная погода: к нам залетел клиент.

— Ой, — оживилась она, — а я не зря решила базу данных по городским персоналиям набирать. Он у меня есть в файле, только данных маловато. Был юристом городского жилищного управления, сейчас на пенсии, но одновременно на полставки юрис-консульт мэрии. Жена — Ксения Сергеевна, домашняя хозяйка. Дочь — Ирина, студентка.

— Ладно, девочка, — сказал я, — давай его визитку сюда. Тебе по случаю клиента полагается премия, только премиальные завтра: мне еще деньги разменять надо. А на сегодня закругляемся, рабочий день окончен, можешь идти гулять.

Прыгая через ступеньки, я отправился в забегаловку на углу.

— О, давненько ты у нас не брал сухонького в разлив. — Бармен Вася нагнулся за бутылкой под стойкой.

— Да я, собственно, денежку разменять. Но давай уж стаканчик.

«Пятьсот долларов — это нормально, — подумал я. — Знать бы только, во что ввязался».

— Пятьсот долларов — это нормально, — сказал хрипловатый голос у меня за спиной, — знать бы только, во что ввязался, Сергей.

Я обернулся.

2

Дом гражданина — это его крепость.

N.-N., самый умный из трех поросят

Это был дядя Володя.

Давно, в незапамятные времена, когда мы с другом Серегой Безбородниковым — «два Серьги» — гоняли во дворе мяч, дядя Володя заступался за нас при каждом поломанном кусте или запачканном соседкином белье на веревке. Все жильцы относились к нему уважительно: он всегда был добросердечен, ко всем знал подход, а работал в каком-то таинственном «ящике» в Москве. Последнее нас особенно интриговало, потому что при слове «ящик» нам с Серегой тогда почему-то представлялся гроб. В ту пору дядя Володя был всегда подтянут и трезв.

Сейчас он постоянно жил в нашем городе и трезвым не бывал. А сегодня был у него какой-то особенно расхристаный вид, даже брови разлохматились и дыбились в разные стороны.

— Я что, вслух думал, дядя Володя?

— Нет, Серега, ты думал про себя, но громко. — Дядя Володя попытался подмигнуть, но выглядело это как тик у больного паралитика. — Я тебе вот что скажу, Серега, я тебе теперь все скажу. Я, когда туда оформлялся, прямо сказал Главному: у меня к вам два вопроса: поможете моей семье, если со мной что случится, и когда я могу об этом рассказывать? А он мне говорит: семье, говорит, поможем, а рассказывать будешь после моей смерти. А вчера в «Известиях» Главный мой — после долгой и продолжительной. Вот так, Серега. Такие дела. А я новому комитету присяги не давал, я ее только лично моему Главному давал. — Он снова перешел на хриплый шепот. — Мысли нас там учили читать, Серега. Особенно

если человек громко думает. Поставь мне стаканчик, Серега, друг мой, горе у меня: Главный мой умер.

Он, наверное, прочел мои мысли по этому поводу, потому что поморщился и сказал:

— Ладно, не хочешь — не ставь, а думать о человеке плохо не смей — грех.

— А ну, дядя Володя, — я решил подурачиться, — а что сейчас наш бармен Вася думает?

— Да ну, — он махнул рукой, — посмотри сам, у него все на морде написано, только мысли невнятные. А вот ты думаешь громко, четко, особенно после того, как с ликвидации катастрофы вернулся.

— А это откуда знаешь? Неужели тоже в мыслях прочитал? — Я продолжал дурачиться.

— Да что ты на ликвидации аварии был, все соседи знают, у тебя же в ЖЭКе льготы записаны. — Он помолчал и добавил: — Только они не знают, какой катастрофы. А я понимаю. Расконсервация психотронного оружия в Оболенске-3.

Вот тут я оторопел. Я точно знал, что этих сведений ни в каких жэковских бумагах нет. Я и сам давал подписку об их неразглашении. Я внимательно посмотрел на дядю Володю. Не мог он ничего знать о пятистах долларах клиента, и не говорил я о них вслух. И Ахапкин не мог успеть ему это сказать — это я могу проверить у клиента. А уж Оболенск-3... Я взял дядю Володю под локоток и повел на выход.

— Знаешь что, дядя Володя, посиди пару часиков у меня в офисе, подремли, отдохни. Мне тут надо по одному делу смотаться. А потом я подъеду с парой бутылочек вина, посидим, поговорим. Может, мы еще и твою телепатию к моему детективному агентству пристроим.

— А что, — оживился он, — запросто. Приводишь клиента, и мы его враз раскалываем. Ты только молчи громче. Нам там только раз такого приводили, который все мысли от себя зеркально отражал, ничего не прочтешь. Серийный маньяк-убийца. А знаешь, — дядя Володя опять перешел на театральный шепот, — я в последнее время в районе ваших пятиэтажек уже трех таких встречал, которые мысли отражают. Я до них доберусь еще...

Тут я вставил его в подъезд и хлопнул по спине.

— Дядя Володя, пятый этаж, квартира двадцать. Уля, наверное, уже ушла, вот тебе ключ. Если еще не ушла, скажи, что ты меня дождешься. Сам только никуда не

денсья, я через два часа буду с вином, помянем твоего Главного.

— Лады, Сергей, — буркнул он. — Когда я тебя подводил? Буду сидеть как штык, дождусь...

Он качнулся, но взялся за перила и пошел вверх.

А я позвонил из бара клиенту, убедился, что он никому обо мне ничего не говорил и находится не дома, а на работе. Еще через пять минут я уже катил в своих «Жигулях» по домашнему адресу, указанному в визитке Ахапкина. По дороге я ругательски ругал сам себя за несусветную глупость, понимая всю абсурдность своей поездки. Ну, допустим, застану дома и жену, и дочь — и что я им скажу? «Простите, но не скажете ли вы мне: кого из вас и чем хотят шантажировать?..»

Дом оказался небольшим старым особнячком, каких сохранилось много в нашем старом городке: довоенной, а то и дореволюционной постройки, два этажа, нижний кирпичный, верхний деревянный. Цивилизация и наличие денег превратили его в современное жилище с новыми европейскими дверями и окнами, а электрический звонок был так роскошен и громоздок, что удивительно, как его до сих пор не украли на цветной металлолом. Я нажал кнопку — внутри дома раздался громкий мелодичный перезвон — и стал ждать.

Через четыре с половиной минуты мягкий и низкий, грудной женский голос не очень любезно спросил меня через дверь:

— Кто там?

— Добрый день, Ксения Сергеевна. Я к вам по делу. Частный детектив, — ответил я.

Половинка двери отворилась, и в проеме показалась округлая женская фигура в махровом купальном халате, подвязанном поясом. Одной рукой она придерживала складки халата.

— Заходите, — сказала она, пропуская меня внутрь жилища и захлопывая за мной дверь. — Но вы не Погорелов.

— Нет, я не Александр Погорелов, — сказал я, проходя в просторный зал, откуда вели три двери во внутренние помещения и лестница на второй этаж. Один из моих детективных вопросов — кто нанял Погорелова для слежки — решился. Теперь у меня появилась возможность рассмотреть хозяйку по-лучше. Это была, конечно, не дочь, а жена. Без макияжа, лет сорока, ухоженная; халат она придерживала уже не так цепко, и похоже было, что там ничего больше нет — наверное, я выдернул ее из ванны.

— А почему он не приехал сам, а прислал вас? Его же предупреждали, что дело сугубо конфиденциальное?

— Видите ли, Ксения Сергеевна, я представляю другое, не связанное с Погореловым, детективное агентство. — Я выудил из внутреннего кармана представительскую карточку и вручил ей. — Меня нанял ваш муж.

Она взяла карточку, для чего ей пришлось отпустить одну створку халата. Моя очередная детективная гипотеза — о количестве одежды на хозяйке — успешно подтвердилась. А вот последующей реакции я не ожидал. Ахапкина холодно смерила меня взглядом, повернулась к лестнице и крикнула:

— Коля, подойди сюда. Тут какой-то человек утверждает, что мой Саша нанял его следить за нами.

С лестницы тут же быстро спустился крепкий мужчина, тоже в махровом халате. Похоже, он стоял там и следил издали за нашим разговором. На вид он был существенно моложе Ахапкина, может быть, даже немного моложе хозяйки. Вид у него был спортивный, взгляд холодный и пристальный, а выражение лица такое, что мне стало неуютно, хотя я когда-то занимался самбо и восточными единоборствами достаточно профессионально и сам еще вполне могу дать в морду — пусть даже и без прежнего удовольствия.

— Так, — сказал Коля, — ваши документы, пожалуйста.

Я протянул ему закатанные в пластик копию лицензии и удостоверение. Он резко отступил на два шага, выводя себя из пределов ближнего контактного боя, и быстро сличил меня с бумагами.

— Вы заявили, что вас нанял Ахапкин. — Он продолжал, не возвращая мне документов. — Не верю. Он в курсе наших отношений и не стал бы вас для этого нанимать. Посторонних лиц наши отношения не касаются.

— Вы меня неправильно поняли, — надо было срочно исправлять ситуацию, — Александр Геннадьевич меня действительно нанял, но совсем по другому поводу. Я не говорил, что я нанят следить... — Я развел руками и повернулся к Ксении Сергеевне, всем своим видом демонстрируя искренность и желание быть хорошим. Она уже глядела на меня без всякой враждебности, а просто с любопытством, оставив халат без бдительного надзора.

Крутой собеседник проследил за моим взглядом и нахмурился.

— Чем вы можете подтвердить, что вы действительно наняты Ахапкиным?

Я тихо порадовался, что догадался слупить с клиента второй экземпляр расписки.

— А как же, — сказал я, — на том стоим. Нам без учета никак нельзя, — и я протянул ему бумагу с подписью Ахапкина, махнув ею предварительно перед носом Ксении Сергеевны.

— Двести пятьдесят долларов аванса?! — Он вскинул брови. — Но тут не обозначено, за что.

— А я пока и не говорил, зачем он меня нанял, — подтвердил я. — Конфиденциальность гарантируется. Просто я хотел задать несколько вопросов Ксении Сергеевне. Наедине, — сказал я с нажимом, выделяя последнее слово. Она улыбнулась мне и, не сдвигаясь с места, сделала движение вперед, в мою сторону, с некоторой опасностью для халата.

— Сейчас у Ксении Сергеевны болит голова, она себя неважно чувствует и не может с вами разговаривать, — отрезал мой визави, не глядя на Ахапкину, но не отводя от меня тяжелого взгляда. — Поэтому вы просто скажете ей, зачем вас нанял ее супруг, получите от меня свои документы и уедете. Прежде чем приехать в следующий раз, сначала позвоните, как поступают все приличные люди. Даже вашей профессии.

— Ну что ж, — сказал я, улыбаясь милой хозяйке и одновременно стараясь не упустить из виду крутого мужика, — очень жалко, что вы себя неважно чувствуете. Если хотите — позвоните, там в моей карточке есть телефон, и я к вам приеду. А расследование у меня связано с попыткой угона машины Александра Геннадьевича, я вам потом как-нибудь все расскажу. — Она мне улыбнулась и даже попыталась что-то сказать, но ее гость быстро сунул мне документы и расписку и отворил дверь.

Когда я выходил, он придвинулся ко мне вплотную и уставился, как в игре в гляделки, — глаза в глаза. Только нехороший у него был взгляд: пустой, холодный и бешеный.

— Парень, — шепнул он мне, — больше не приезжай. Покупать тебя не буду. Просто убью.

Вышел я от них злой как черт. Не то чтобы я оказался напуган угрозой, но было все очень неприятно. Влез в чужой дом по дурости, без согласования с клиентом. Ничего не узнал о шантаже. Угрожали, только что в морду не плюнули, а отвечать этому кадру — устраивать драку двух самцов перед провоцирующей все это женщиной? Пусть даже милой

и почти голой... По дороге в машине мне стало легче, а потом совсем отпустило. Одно я все-таки узнал: Погорелова наняла Ахапкина. Точнее даже, судя по ее отношениям с этим Колей и ее фразе «его же предупреждали», похоже, что наняли Погорелова они вдвоем. Зачем? Какого черта ей следить за нравственным поведением супруга, если они открыто живут, как хотят? Или это все же просто ее собственная ревность: сама живу, как хочу, а соперницу кислотой оболью. Впрочем, это уже было не важно и к моему делу не относилось. По крайней мере одну причину шантажа — жену — можно было исключить.

Времени оставалось еще навалом, но я все-таки решил поехать прямо к месту встречи с шантажистом.

3

Скромный человек не афиширует свое подлинное имя, даже приобретая известность.

Джек-Потрошитель

Машины я поставил за углом павильона, возле автобусной станции.

По часам оставалось еще сорок две минуты до условленного времени, поэтому я обошел площадь по периметру, а потом перешел на территорию рынка и стал ходить вдоль прилавков, посматривая на пространство за штакетным забором, где должна была остановиться машина шантажиста. Там не было ничего. На десять минут подъезжал мотоциклист, оставил свой мотоцикл и сбегал в туалет, после чего сразу укатил. На всякий случай я держал под присмотром всю площадь по соседству. Никто не приехал и не пришел: не то что голубые «Жигули» с транзитными номерами, а просто голый ноль — пустое пространство за забором, где лежат пыль, окурки и полудохлые микробы. Я выждал еще пятнадцать минут и помчался в свой офис, гадая: дождался меня дядя Володя или нет. А если убрел, то догадался ли положить ключ под коврик. Вино я по дороге взял, по-честному: каберне для себя и портвейн для дяди Володи.

У подъезда стояли милицейская дежурка и машина Безбородникова. А еще там стоял Миша Соколов — Серегин зам. Меня он знал и, увидев мою машину, еще издали призывно замахал мне рукой.

— Давай, счастливчик, — сказал он мне, — пошли в гости к тебе в офис. Приглашаю.

— А что там? Дядя Володя что натворил, что ли? Он там?

— Там, там. Пошли. Безбородников ждет, у него к тебе вопросы.

Дядя Володя был там. Он меня дождался. Он лежал на полу, и его тело обвели мелом. Эксперты, лениво переругиваясь, разглядывали дырочку в моем окне, выходящем на маленький плюгавый балкончик, типичный для всех пятиэтажек. Безбородников сидел на моем стуле и пересчитывал пустые бутылки от каберне в открытой тумбе стола.

— Привет, счастливчик, — сказал он. — Признавайся: во что это ты вляпался и каких крутых клиентов завел, что к тебе киллеров подсылают.

— Почему — счастливчик? — тупо спросил я, не отрывая взгляда от аккуратной маленькой дырочки во лбу у дяди Володи. Мне стало нехорошо, но я попытался подавить в себе все нормальные человеческие чувства и быть просто отстраненным профессиональным наблюдателем. Лежит головой к балкону, как будто шел к нему. Лицом вверх, что странно при этой позе тела, — словно его перевернули, чтобы заглянуть в лицо. Чувство тошноты не проходило, и я постарался стать совсем отстраненным наблюдателем. Особь доминирующего на планете вида. Погибла в результате повреждения головного мозга. Если бы эволюция не сделала ставку на головной мозг, то поставщик окислителя — легкие — и переносчик окислителя — сердце — продолжали бы работать от спинного мозга, и организм был бы жив. Замечательно, что на низком уровне охранные системы еще работали: тромбоциты, жертвуя собой, свернулись и залепили дырку от пули, а системы кишечника продолжали держать оборону, не давая полутора килограммам микробов-могильщиков, находящихся внутри тела, немедленно приступить к поеданию трупа...

— А потому, что вы с ним примерно одного роста и в одинаковых камуфляжных куртках. И окно у тебя грязное, сто лет немытое. Стреляли с балкона. Пистолет — «либретта», маленький, по размеру дамский, но убойная сила большая. Стрелял мастер дела, профессионал: видишь, как аккуратно вклеил. Ожидал на балконе, потому что балкон, когда мы пришли, был заперт со стороны комнаты. На балконе смазана пыль, но отпечатки вытерты, нет их. Профи. Правда, и оружие не бросил, но «либретта» — пистолетик маленький, сунул

его за пазуху и скачи с балкона на балкон. Соседей мы сейчас опрашиваем: не видел ли кто кого за окошком. Давай колись: какого-то необычного клиента получил?

Я сглотнул слюну.

— Полная конфиденциальность. Лично ко мне вопросы и претензии есть?

— Есть. Я, конечно, понимаю, что не ты нашего дядю Володю застрелил и что ты его не нарочно вместо себя подставил, но... Алиби у тебя есть? Где ты был часа два назад, вскоре после того, как вас видели выходящими вместе из бара?

— Два часа назад? Может быть, и есть. Разреши позвонить. — Я снял телефонную трубку и набрал номер по памяти, моля Бога, чтобы не ошибиться: вынимать визитку клиента я при Сереге не хотел. — Ксения Сергеевна, простите, пожалуйста, это ваш недавний незванный гость Сергей Лубников.

— Здравствуйте, Сережа, — промурлыкала Ахапкина. Судя по ее бархатым интонациям, крутой Коля уже уехал. — Хотите договориться о встрече?

— Хочу, — покорно согласился я, — только сейчас у меня к вам просьба. Возможно, милиция захочет уточнить: где я сегодня был в течение дня. Вы подтвердите, если понадобится, что я два часа назад был у вас?

— Подтвержу, — вздохнула моя невидимая собеседница, — хотя мне это совсем не нравится. Это всегда милиция проверяет ваши визиты к дамам?

— Только к самым красивым, — сказал я и положил трубку. — Алиби есть. Сергей, а ты не думаешь, что убивали не меня, а именно дядю Володю?

— За что? Да, гражданин Качалкин Владимир Иванович, такого-то года рождения, уроженец города Серпухова, действительно работал в номерном институте в Москве. Это и я знал. Ну и где здесь секрет, ради сохранения которого наши доблестные службы решили бы его убрать? Что такого принципиально нового смог бы от него узнать наш потенциальный противник, назовем его условно Соединенные Штаты Украины? То, что у нас разрабатывают психотронное оружие? Где находится номерной институт? Брось, они все это знают лучше, чем мы с тобой. Дядя Володя был не Генеральный инженер человеческих душ, а простой подопытный экстрасенса. Да и не убирают спецслужбы людей таким замысловатым образом. Скажи лучше, что дядя Володя мог какую-то опасную информацию нечаянно здесь подслушать, в нашем городе, у кру-

тых ребят. Так вряд ли они об этом настолько беспокоились, что послали киллера. Вот он тебе что-нибудь такое важное рассказывал? — Сергей впился в меня сверлящим профессиональным взглядом.

— Нет. Ничего не успел рассказать, кроме того, что его бывший Главный помер.

— Ну вот, видишь. Нет, мой милый, это ты после нашего юридического черт-те чем занимался, а я сразу пошел в практику. Поверь моему опыту: это тебя хотели убрать. Сразу после того, как ты разжился клиентом, о котором ничего не хочешь рассказывать. Я мог бы, конечно, вызвать твою Улю и у нее выпытать все о твоём новом деле. Но не хочешь рассказывать — не надо. Пообещай только, что, когда почувствуешь опасность, немедленно прибежишь ко мне. Ключ от офиса, который был у дяди Володи, я тебе сейчас верну. Пальчики ваши в офисе я снимать не буду: здесь небось все равно только твои, Улины, покойного Качалкина и твоего неведомого клиента. Профи отпечатки не оставляют. На балконе у нас не получилось, киллер все вытер, даже ноги смазаны. Могу сказать только, что, наверное, он был негрузный.

— Сергей, а как удалось так быстро обнаружить тело?

— Ули, по-видимому, уже не было. Дядя Володя открыл дверь, по пьяни оставил ее нараспашку и прошел внутрь. Опять же по пьяни включил радио на полную мощность. Следов борьбы нет, все на местах, ничего не опрокинуто. Почему-то он сразу пошел к балкону, где и получил чужую пулю. Соседка твоя справа, баба вредная, не выдержала орущего радио и пошла приводить твой моральный облик в норму и выяснять, где твоя совесть. Благо дверь была распахнута — заходи не хочу. Ну а дальше сам понимаешь. А в сведение счетов между экстрасенсами или в охоту суперменов за телепатами и инопланетянами я не верю. По мне, — Серега снова впился в меня взглядом, — хоть беженец-инопланетянин, лишь бы в моем городе законы соблюдал. А вот если кто в моем городе начнет самовольные сафари на людей устраивать, то я это так не оставлю. Понял мою позицию? Что скажешь?

— Да ничего не скажу. Нормально. — Я попытался представить, как это было, и передо мной вырисовалась совсем другая картина, чем изобразил мне Сергей. Не тот человек был дядя Володя, чтобы оставлять дверь нараспашку и включать радио до мощности соседкиного визга. Просто вошел киллер каким-то образом с балкона в комнату, провер-

нул ногой труп и увидел, что это не я. Ждать меня он не стал, но постарался обеспечить скорое обнаружение трупа: запер балконную дверь и ушел через входную, включив радио и оставив вход нараспашку. Чтобы меня менты не стали к себе таскать. Видно, я ему нужен на свободе, а не в камере. Может быть, ему меня так пристрелить легче. И не может этого, мне кажется, не понимать Серега Безбородников, который знал дядю Володю так же, как я.

— А хочешь, — сказал Серега, — переночуй сегодня у меня.

4

Гость в дом — Бог в дом.

Атеист Прокруст

Ночевал я у себя дома. Просто припер дверь шкафчиком, на который поставил бренчащие пустые кастрюли, а окна задернул плотными шторами, не оставляя щелочек. Форточки запер на шпингалеты: береженого Бог бережет. И помянул память дяди Володи портвейном. Утро оказалось тяжелым: душно при закрытых форточках — да и портвейн был не массандровский, а так, орловско-московского разлива. Ощущения такие, будто волосы растут снаружи вовнутрь и мозги зарастают тонкой плесневой волосаной сеточкой. Стоило повернуть голову — и сбоку, за краем глаза,плыли мелкие полупрозрачные зеленоватые инопланетяне. Дело в том, что я совсем непьющий, трезвенник (каберне не считается) — не хватает практики и алкогольдегидрогеназы в крови. Подобное лечат подобным, или, попросту, клин клином вышибают: я подогрел остатки портвейна до горячих паров и смешал с двумя чайными ложечками растворимого кофе. Ох, не правы те, кто пьет кофе с ликером или ромом: ароматная кофейно-портвейная жидкость быстро разгоняет кровь по жилам и усиливает чувство оптимизма где-то в районе желудка. Я выучил этот рецепт от Федоса Тихоновича, хороший был мужик, правильный, царствие ему небесное. Погиб он при ликвидации катастрофы с психотронным оружием: его мозг не справился с возросшей нагрузкой, когда заразился сразу несколькими чужими разумами. Жуткое это было зрелище. Все, хватит о плохом! — я допил содержимое кружки, открыл форточки, оттащил шкафчик,

подобрал раскатывающиеся кастрюли с пола и выглянул в глазок. Все было тихо. Никаких мелких инопланетян.

В контору можно было не спешить. Я с вечера оставил Уле деньги, записку с приказом навести порядок и заказать стекло на место забранного экспертами простреленного. Но прежде всего она должна сообщить клиенту, что моя вечерняя встреча не состоялась и что я с раннего утра буду на задании с целью обнаружения следов шантажиста.

Это было правдой. Я взял перчатки, отмычки, газовый пистолет, сверился с записной книжкой и поехал наносить визит Шурке Погорелову.

Погорелов жил подальше от центра, в районе, где многоэтажные панельные дома, на балконах которых, как флаги расцвечивания на кораблях, пестрели высыхающие стиранные шмотки и белье, чередовались с приземистыми, вросшими в землю допотопными прочными домиками. Погорелов жил в одном из таких домиков, занимая его половину с отдельным входом. Во второй половине жила древняя бабка, ровесница и одноклассница Кошья Бессмертного. Я когда-то видел ее: в теплые солнечные денечки она выползала греться на пенек перед своим крыльцом. Сейчас ее не было: то ли померла, то ли погода была для нее недостаточно теплой, — в любом случае это меня устраивало, потому что лишние свидетели визита не нужны. Свою машину я поставил за углом у многоэтажки так, чтобы она не просматривалась от дома-объекта, и дошел пешком, бесцельно прогуливающейся расслабленной походкой человека, убивающего время до назначенной встречи. На бабкиной половине палисадника бурно колосились какие-то гигантские мичуринские сорняки-мутанты, на половине Погорелова трава была затоптана и стояла поржавевшая «ракушка», в которой должна была бы укрываться его серая «Волга». На «ракушке» висели два замка — амбарный и цифровой шифрованный, но стоит ли машина внутри или Шурка уехал — определить по ним было невозможно. Я огляделся: во всяком случае, голубых «Жигулей» с транзитными номерами во дворе не было. Мутные белесые окна старухиной половины были завешены кружевными занавесками. Стекла Погорелова были мытыми, но что там внутри — мне рассмотреть не удалось.

Три ступеньки — и я стоял у двери. Замков было два: щеколда и английский защелкивающийся. Дверь была закрыта только на английский замок, что свидетельствова-

ло о том, что хозяин либо не очень-то боялся воров в свое отсутствие, либо сидел дома. Я позвонил, не отрывая пальца от кнопки. Через три минуты для большей убедительности я постучал в дверь ногой. Как говорил поэт: «Безмолвие служило ему ответом». Отмычки я уже заранее держал в руке, а открытие английского замка — это даже не работа для профессионала-детектива: если бы существовали курсы для детективов-подмастерьев, то я ввел бы зачет по этим замкам еще в первом семестре. Может быть, стоит начать обучать Улю? Я открыл дверь, вошел, как бы раскланиваясь с хозяином, чтобы создать такое впечатление у возможного наблюдателя, выглянул в проем на улицу — нет ли там и в самом деле какого-нибудь любопытного глазающего прохожего — и тихо прикрыл дверь, поставив замок на предохранитель. Легенду всегда следует выдерживать полностью: на всякий случай я громко спросил: «Эй, есть кто дома? А то дверь была открыта...» — быстро скользнул в комнату и замер. На диване напротив двери, глядя на меня в упор, сидел Шурка Погорелов. Двумя руками он держал нацеленный на меня пистолет.

По крайней мере это была не «либретта».

Я попытался оценить ситуацию взглядом стороннего наблюдателя, но у меня это плохо получалось.

— Александр, — тихо окликнул я Погорелова, — это не грабители. Спокойно, расслабься. Это я, Сергей Лубников. Я поговорить пришел, а у тебя дверь открыта, стоит на защелке, хочешь — сам проверь. Все нормально. Опустит пистолет, поговорим.

— Вижу, что это ты. Знал, что придешь. Потому и сижу, жду с пистолетом. — Александр говорил как-то странно: через силу, с трудом выговаривая слова. Я заметил, что оружие качалось в его руках, и держал его Шурка с явным усилием. Вдруг он опустил пистолет на колени и заплакал.

Я метнулся через всю комнату, чуть не свалившись на проскользнувших под ногой по деревянному полу ковриках, выхватил пистолет, отшвырнул его в кресло, стоящее в углу комнаты, и приготовился к борьбе. Сопротивления не последовало. Погорелов сидел, вяло откинувшись к спинке дивана, одна сторона лица у него была перекошена спазмом, в углу рта досыхали выбежавшие струйкой слюни, и — по виду и запаху — было похоже, что на диване под ним досыхает влажное пятно.

— Я знал, что ты придешь, — повторил Погорелов, — я понял, когда увидел, что вместо Ахапкина на рынок явил-

ся ты. А ведь я, дурак, велел ему не связываться с милицией и думал, что он послушается. Я только надеялся, что Безбородников не просечет, кто шантажирует. Ты ведь не заметил меня, верно?

— Верно, — согласился я, — и вообще никаких голубых «Жигулей» там не заметил.

Погорелов засмеялся — если это можно было назвать смехом.

— Ну, уж совсем-то за лоха меня не держи. Мне нужно было только, чтобы Ахапкин пришел, а там бы я к нему сам подошел поговорить и фотографии показать. Никаких голубых «Жигулей» и не было. Я прибыл за час и ходил по мясному павильону. Даже печенки купил. И как же Безбородников на меня вышел? Я всю ночь просидел, ждал: выйдете вы на меня или нет.

— При чем здесь Безбородников? — не выдержал и возмутился я. — Это я догадался, кто у нас в городе такой дурной шантажист. И перед этим видел, как ты у моего клиента на хвосте висел. А теперь показывай: чем ты там его шантажировать собираешься.

— Так Ахапкин твой клиент? — Погорелов слегка обмяк. — А я-то думаю: за каким чертом его в твой дом понесло. И ты хочешь сказать, что твой кореш Безбородников не поручал тебе меня пришить? И ты меня убивать не будешь? Слушай, давай вынем деньги из Ахапкина вместе. И вызывай срочно «скорую», а то меня кондрашка вот-вот хватит, помираю.

Я критически осмотрел Погорелова взглядом стороннего наблюдателя-детектива. Выглядел он плохо, может, у него и вправду какой-нибудь там инфаркт с инсультом, я в этом слабо понимаю, но не было похоже, чтобы он собирался немедленно отдать концы.

— Вызову. Где у тебя телефон? И где фотографии для шантажа?

— Мобильник на кухне на столе лежит. Вызывай скорее, плохо мне. А фотографии хрен получишь. Поможешь мне, я потом с тобой поделюсь.

Я протянул руки и резко снял у него через голову веревочку с надетым на нее ключиком. Господи, сто лет уже не видел этих ключей, с самого детства у бабы Вари!

— Отдай! — захрипел Погорелов, начиная двигаться на диване. Я повернулся и, не обращая на него внимания, пошел на кухню. Кухня была современной, с роскош-

ным баром, где соседствовали «Наполеон», двухлитровый греческий коньяк с краном на бутылке, разные водки и поставленный, вероятно, для смеха, флакон с денатуратом. Рядом с неиспользовавшейся печью, современницей дома, соседствовали газовая плита и двойная раковина. На накрытой пластиком печи высился кухонный комбайн — чудо техники. Все блестело и сияло чистотой — как это встречается у некоторых закоренелых холостяков. На столике с итальянской клеенкой лежал самый современный мобильник. Диссонанс в дизайн вносило допотопное чудовище — холодильник «ЗИЛ» одного из первых выпусков. Он был громоздким, с тяжелыми металлическими эмалированными стенками и запирался на ключ: именно так выглядела передовая продукция славного советского прошлого. Стоящий в углу «Стинол» смотрелся рядом с ним, как «мерседес» рядом с танком. Та же эмблема «ЗИЛ», что и на холодильнике, стояла на ключе, снятом с Погорелова.

Я набрал ноль-три, зажал трубку плечом и начал открывать холодильник.

— Алле, милая, — я по возможности изображал тихий хрипловатый голос, — это баба Рита говорит, соседка. Ты, что ли, «скорая помощь» будешь? Пиши скорее адрес, тут человек умирает. Пиши, пиши, сейчас расскажу. Паралич его расшиб, острый сердечный приступ, находится в обморочном состоянии. Пожилой, непьющий, не приедете — помрет. Пиши: Погорелов Александр, отчества не помню, врать не стану, примерно пятьдесят пять лет. Адрес: Вторая Распутинская, пятьдесят два, правый вход, дверь отперта. Я-то? Баба Рита, соседка, приедете — увидите. Некогда мне — человек умирает.

Как и можно было ожидать от холостяка-аккуратиста, конверты с фотографиями, бумаги и фото пленки внутри холодильника были разложены в идеальном порядке. На мое счастье, это был алфавитный порядок, а не какая-нибудь закодированная хозяином система, поэтому дело Ахапкина я нашел сразу: одна фото пленка и один конверт с несколькими фотокартинками — больше ничего. Все складывалось удачно: по моим расчетам, до приезда «скорой» у меня было еще минут двадцать, чтобы сделать Александру ручкой и спокойно уйти. Если он совсем плох, то имеет смысл дожидаться медиков и сдать его им на руки. Могу представиться им племянником соседки. Я вытащил из конверта четыре фотографии: на всех были изображены Ахапкин и Серега Безбородников! Судя по

фону, были зафиксированы две встречи и на обеих были сняты передачи денег из рук в руки. Деньги передавались в открытую — видимо, чтобы получающий мог сразу увидеть протянутую веером сумму и пересчитать. Не ясно было, какое отношение к Ахапкину имеет Серега, зато понятно, почему Погорелов предупреждал Ахапкина: не обращаться в милицию и почему, увидев меня, он решил, что я послан Безбородниковым. А в целом все отдавало бредом, и я пошел в комнату, чтобы расспросить неудачливого шантажиста.

Погорелов лежал на полу перед диваном, лицом вниз, в неестественной позе. Я прижал пальцы к шейной артерии. Он был мертв. Мне казалось, когда я открывал холодильник и говорил по телефону, что до меня донесся какой-то шум вроде стука открываемой двери, но тогда я не обратил на это внимания. Сейчас было некогда разглядывать тело и выяснять: зашел ли в комнату убийца и убрал Погорелова или он умер сам, — у меня оставалось только минут пятнадцать—двадцать, чтобы не быть обнаруженным наедине с трупом человека, шантажирующего моего клиента. Можно было бы просто смыться вместе с документами, но, возможно, у него где-то спрятан реестр содержимого холодильника, и тогда отсутствие ахапкинских конверта и пленки привлечет еще большее внимание. Я бегом вернулся на кухню, в минуту выгреб все из холодильника и кинул в давно неиспользовавшуюся печь, кинул туда же дело Ахапкина (еще не хватало быть застуканным с этими бумагами рядом со свежим трупом!), вылил на бумаги бутыль денатурата и кинул сверху саму бутылку и мобильник — некогда аккуратно стирать отпечатки пальцев с каждой мелочи. Снял на пол пластик и кухонный комбайн, открыл печную вьюшку и зажег бумаги, моля всех богов и святых — от нашей Городской Богоматери до африканского Джю-Джю, Покровителя и Разжигателя Костров, — чтобы в печной трубе не оказалось вороньего гнезда. Огонь весело полыхнул синеватым пламенем, и печь загудела. Я облегченно вздохнул. Заодно вместе со мной теперь могли расслабиться и облегченно вздохнуть все, из кого Погорелов сосал деньги. Ненавижу шантажистов!

Оставалось еще минут пять на стирание отпечатков пальцев в квартире. Дверца холодильника, ключ, печная вьюшка, дверца печи, пластик, кухонный комбайн, итальянская клеенка, косяк кухонной двери, пистолет Погорелова (по секундном размышлении я оставил его валяться там же) и далее на выход, протирая все, чего я касался, включая замок. А с

поверхности дивана и с одежды Погорелова они не смогут снять отпечатки даже с нингидрином — поверхность не та. Выходя, я внимательно окинул комнату и лежащее на полу тело отстраненным взглядом наблюдателя: как будто все в порядке.

Я вышел на улицу и завернул за угол, а «скорая» еще не появилась. Я успел!

5

Яблочко от яблони недалеко падает.

Первый биологический закон Ньютона

Ехал я очень медленно и осторожно, голова была забита совсем не тем, чтобы смотреть за дорогой. Подумать только — еще вчера я считал, что в нашем городе не случается ничего, кроме бытовухи и разборок, и мечтал о том, чтобы наткнуться на какого-нибудь фигового шпиона. Сейчас меня такая мелочь уже не интересовала, дело явно заворачивалось куда круче. Если в игре были задействованы киллеры, убивавшие всех, кто выходил на Ахапкина, то я был в числе их потенциальных жертв.

Деньги передавались не от Ахапкина Сереге: ментам за крышу платят в конвертике, сумма известна заранее. Ахапкин продавал Безбородникову какие-то криминальные секреты. И торговал ими не как стукач — там другая форма выплат, — а, что называется, распивочно и на вынос. Или Безбородников нанимал его для каких-то поручений...

Долой эмоции, обратимся к фактам и гипотезам.

Ахапкин получал от Сереги левые деньги. Будем считать это фактом.

Ахапкина засекла этот факт и наняла частного детектива проследить за мужем. Принято, будем считать именно это причиной найма Погорелова.

Погорелов проследил, засек передачу денег и прежде, чем доложить заказчице, решил пошантажировать объект слежки. Факт.

Убит дядя Володя — в детективном агентстве, куда примерно за час до этого зашел Ахапкин. Факт.

Убит Погорелов, который следил за Ахапкиным. Это — гипотеза: может быть, он умер сам.

Из гипотезы логично следует, что у кого-то Ахапкин под колпаком и этот кто-то заодно убирает тех подо-

зрительных, кто может войти в подробности дела Ахапкина: дядю Володю (меня) и Погорелова. Наиболее вероятный кандидат — тот криминал, чьи секреты Ахапкин продает Безбородникову. Они взяли его на подозрение и решили проследить, с кем он контактирует. А вывод отсюда: они возьмут моего клиента, выбьют из него всю правду и прикончат. А заодно и меня — для того, чтобы я не успел влезть в их дела. За Безбородникова можно было не бояться: то, что он успел раскопать, уже должно быть надежно подшито в милицейские папки. Но, наверное, данных там немного, иначе не шел бы позади Ахапкина невидимый киллер.

Надо сообщить Александру Геннадьевичу об угрозе и о том, что его задание в отношении шантажиста мною выполнено: никогда уже его больше не будет шантажировать Погорелов, а мне — пусть покойнику земля будет пухом — причитается вторая половина гонорара. Проблема заключалась в том, как выйти на связь с клиентом. На работе его сейчас не было, а звонить домой было опасно: наверняка там не одна телефонная трубка. Послать Улю с записочкой не годилось — такая информация не для бумаги. Послать Улю с просьбой, чтобы клиент мне позвонил?

В нашем предбаннике на стуле рядом с Улей сидела молодая девица с роскошными волосами, которые лежали у нее на спине, как копна тяжелой медной проволоки. По сравнению с Улей девица выглядела и ярче, и более стильно: зеленые глаза, белая кожа, какая бывает у особенно рыжих, кожаная юбочка и кожаный жилет с какими-то молодежными прибабасами. Судя по всему, у девиц было много общих тем для обсуждения, и я прервал их не в самый подходящий момент: на столе между ними лежал раскрытый женский журнал.

— Сергей Иванович! — обрадовалась Уля. — Наконец-то! А у нас посетительница: Ирина Александровна Ахапкина.

В первый момент я удивился совпадению фамилий. И только потом до меня дошло, что к нам пришла дочь клиента.

— Здравствуйте, Сергей Иванович, — сказала она, поднимаясь со стула. Она была примерно одного со мной роста. — Я совершенно случайно узнала, что мама наняла следить за папой детектива Погорелова. Я хочу встретиться с ним и узнать: зачем она это сделала и что он разыскал. Только я не знаю, где он живет. А у папы я нашла вашу представительскую карточку и решила нанять вас. — Тут она слегка смути-

лась. — Ну, что ли, вроде как нанять, за малые деньги, чтобы вы мне помогли найти Погорелова. — Она посмотрела на выражение моего лица и спросила: — Я что-то не то говорю?

Плохо, если на моем лице все видно настолько четко, что даже двадцатилетняя барышня пугается.

— Не уверен, что вам надо вмешиваться в дела родителей, если они сами не захотели вам ничего рассказывать. Почему бы вам просто не поговорить с ними? — предложил я, чувствуя при этом, что гроблю.

Медноволосая красавица задрала свой полудетский подбородок.

— Я имею полное право нанять вас, я совершеннолетняя даже по английским законам: мне уже двадцать один год. — На Улином лице выразилось уважение и сострадание к почтенному возрасту гостя. — Разве я прошу о чем-нибудь нехорошем? Я не хочу вести с родителями неприятные для всех разговоры, я просто хочу знать правду.

— Зачем?

Она даже растерялась.

— То есть как «зачем»?

И тут до меня дошло наконец, что поездка в дом Погорелова вместе с Ахапкиной-младшей очень для меня выгодна. Во-первых, если там случайно остались какие-то мои отпечатки пальцев, их можно будет свалить на этот визит. Во-вторых, я буду в курсе того, чем закончилось дело, и убили Погорелова или он умер сам. Я откашлялся.

— Хорошо. Совершенно случайно я знаю, где живет Погорелов. По крайней мере его адрес давно записан у меня в записной книжке. — Это было правдой. — Не думаю, что наш визит даст вам полезную информацию. Вряд ли вы чего добьетесь от Погорелова. — Это тоже было чистой правдой. Я вообще без особой необходимости не вру. — Кроме того, он не тот тип, к кому бы я посоветовал ездить молодым красивым девушкам. — Вызывающе задранный подбородок слегка опустился. Я вспомнил кучу прочитанных детективных книжек про крутых адвокатов типа Перри Мейсона и Ниро Вульфа, все эти «Скорей заплатите мне один доллар, и вы будете считаться моим клиентом со всеми вытекающими отсюда правами...». Забавно бы они выглядели в приложении к нашей российской действительности. Мне даже стало смешно. — Хорошо, я провожу вас в дом Погорелова. Уля, возьмите, пожа-

луйста, с клиентки один рубль и зарегистрируйте его как наш гонорар. Выпишите квитанцию. С этого момента вы являетесь моим клиентом и не должны отвечать ни на чьи вопросы без моего согласия или без консультации со своим адвокатом.

Лицо девочки озарилось восторгом причастности к взрослой жизни — да еще такой необыкновенной! Она даже забыла про проблемы своих родителей.

— А у меня нет своего адвоката. А вы можете быть моим адвокатом? А один рубль — это уж слишком мало, это даже на бензин не хватит, давайте я вам заплачу хотя бы десять долларов, у меня есть деньги...

— Уля, — сказал я решительным суровым голосом супермена, — зарегистрируйте один рубль не как полную плату, а как предварительный аванс. А вы, Ирина Александровна, распишитесь, что согласились меня нанять на этих условиях, и пойдемте вниз в машину: поедem повидать Погорелова.

Уля наморщила носик:

— Сергей Иванович, мы не можем определять цены сами, потому что налоговая наедет и скажет, что основной гонорар был выплачен черным налом для избежания налогов или что назначенная цена представляет собой намеренно упущенную выгоду. Мы не можем брать меньше ста рублей, а предоплата составляет не менее двадцати пяти процентов.

— Ладно, — я махнул рукой, — пусть будет двадцать пять.

На улице я церемонно подвел свою новую клиентку к машине.

— «Жигули», — несколько разочарованно выдохнула она.

— О, из вас вышел бы прекрасный детектив: вам удалось с первого взгляда заметить машину и правильно определить ее марку. Может быть, леди еще и знает, сколько у нее колес?

— Спасибо. — Она уюстилась на сиденье и опять задрала подбородок. — Достоверно могу присягать только о тех двух колесах, которые видела собственными глазами. Но если вам удастся тронуть это сооружение с места, то я предположу наличие еще двух параллельно поставленных. Учитывая, какой вы организованный джентльмен, можно предположить еще и наличие запаски в багажнике. Если, конечно, вы не таскаете в нем дежурный труп или вам не заменили запасное колесо на бомбу.

«Умница, девочка, — подумал я, — и чего, собственно, я к ней привязался с дурными шутками вместо того, чтобы думать о своих собственных проблемах. Пока моя ма-

шина стояла в стороне от дома Погорелова или перед моей конторой, какой-нибудь чистильщик вполне мог прилепить бомбу на брюхо и даже положить ее в багажник».

— Спасибо, — сказал я вслух, закрыл дверцу за Ириной и устремился под машину.

— Куда же вы, — всполошилась девушка, — извините меня, пожалуйста, я просто шутила. Мы поедем к Погорелову?

— Поедем, поедем, все там будем, — пробормотал я. И громко добавил: — Простите, я просто отвлекся на вас и чуть не забыл обычную проверку на подложенную бомбу.

И под машиной, и в багажнике все оказалось чисто.

6

Отсутствующие всегда не правы.

Железная Маска

— Ну, — сказал Безбородников, — что-то часто мы с тобой начинаем встречаться, Серега. Причем каждый раз ты приезжаешь к трупам прямо следом за мной. Это что — совесть тянет преступника на место преступления?

— А... — начала Ирина, но я бросил на нее взгляд Перри Мейсона и Ниро Вульфа вместе взятых, и она замолчала.

— Да мы тут, собственно, с моей новой клиенткой проезжали мимо, и я решил на минутку заглянуть к Погорелову.

— Ага, — Безбородников понимающе кивнул и начал загигать пальцы, — во-первых, интересно: как это вы проезжали мимо, когда дальше Погорелова до самого конца города тянутся только такие же частные домики. Во-вторых, ты Погорелова хорошо знаешь: редкая сволочь, прости Господи. Не стал бы он с тобой сотрудничать: шантаж — дело интимное. А в-третьих, это и есть та таинственная клиентка, после визита которой дядю Володю грохнули прямо в твоём офисе? Познакомь нас, пожалуйста.

Ну не мог же я произнести фамилию Ахапкина после того, как видел его вместе с Безбородниковым на фотографиях, предназначенных для шантажа.

— Что вы, Сергей Григорьевич, — я решил перейти на официальный тон, — клиентка у меня, — я взглянул на часы, — всего примерно один час, у Ули есть соответствующая запись в регистрационной книге, можно проверить. Ез-

дили мы в больницу Семашко, но я испросил разрешения заехать заодно к Погорелову. Я с ним не общаюсь, но хотел за плату проконсультироваться о том, какой телеобъектив лучше покупать — на случай, если разбогатею. Кто же мог знать, что Погорелова убили?

— Да, Сергей Иванович, парень ты не простой. — Безбородников задумчиво меня разглядывал, будто и не знал сто лет. — И на «вы» вовремя переходишь, и разбогатеть собираешься, и на все вопросы у тебя вроде бы ответы есть. А только откуда тебе знать, что Погорелова убили?

Я поднял брови.

— Ты здесь. И дежурка. И ты сам сказал, что я поспеваю на трупы.

— Правильно, — Серега ослабил, — но я же не сказал, что это труп Погорелова. Тем более что здесь даже два трупа.

— Два?! — Господи, неужели, когда я пришел к Погорелову, он уже успел кого-то пристрелить и потому сидел на диване с пистолетом? Или после моего ухода... кто?.. кого?.. Видимо, на моем лице отразилось слишком много лишних эмоций, потому что и Сергей, и Ирина вглядывались в меня с жадным любопытством.

— Погорелов скорее всего скончался от инсульта, — сжался надо мной Сергей, — и я бы даже не заглянул сюда из-за этой сволочи. Опечатали бы квартиру до наследников — и все. Но кто-то вызвал «скорую», представившись по телефону соседкой, — а эти медбратья возьми да и загляни на старухину половину. Если бы они никого не застали или если бы она даже отпиралась от вызова, они бы списали это на ее склероз. Но штука в том, что бабулю они нашли. Она уже дня три как померла — тоже скорее всего по естественным причинам. Картинка была еще та, хорошо хоть, что ее голодный кот оказался не внутри дома, а снаружи. — Ира побледнела, и ее веснушки резко выделились на позеленевшем лице. — Вон он. — Безбородников показал в окно.

Я постарался отвлечься. Вон за окном гладкий и худой серый кот с видом частного детектива-профессионала подкрадывается к синице. Я посмотрел на ситуацию взглядом стороннего наблюдателя. Среди людей очень многие симпатизируют котам — если это, конечно, не тот случай, когда коты доставляют им личные неприятности: орут у них под окном или оставляют клочья шерсти на их брюках. Многие человеческие писатели даже намеренно включали жизнеописания котов

в книги о великих людях — кот Мурр, кот Бегемот, кот Венедикт... Казалось бы естественным, что в ситуации охоты млекопитающего кота на птицу синицу люди должны болеть за кота, как более близкого и родственного им по эволюционной линии, — ан нет, вот тут они почему-то соперещивают птице. И дело заключается не в размерах жертвы, не в сочувствии к более мелкому и слабому или отставшему в эволюционном развитии объекту, потому что таракану они не сочувствуют. Следует заключить, что сочувствие людей другим обитателям планеты основывается не на логичной системе ценностей и здравым расчетом не определяется.

— Люблю животных, — продолжал Сергей, — я собаку-кошку никогда не ударю. Человека — это совсем другое дело. Хотя, конечно, этот кот — редкий махмуд.

— Редкий? — заинтересовалась оживающая Ирина. — А почему Махмуд, он же не персидский?

— Вы извините, барышня, но махмуд — это не имя или порода, а сокращение от «махровый чудак»: лезет куда ни попадя. Простите, Лубников нас так и не познакомил, как к вам обращаться?

— Ирина... — начала Ирина, но я схватил ее за руку и резко прервал:

— Конфиденциальность. Инкогнито. Я скрываю своих клиентов. Лучше ты объясни: если оба покойника умерли от естественных причин, что ты здесь делаешь и зачем нас расспрашиваешь?

— Ну, насчет естественных — это еще экспертиза покажет, хотя я практически не сомневаюсь. Насторожило меня то, что какая-то женщина, — он взглянул на Ирину, — с хриплым голосом, — он перевел взгляд на меня, — вызвала «скорую» к покойнику. То есть в доме кто-то был. Сожжен весь архив и мобильник с его базой номеров. На найденном пистолете вытерты отпечатки пальцев. Хозяева перед смертью редко такое делают, а вот незваные гости — сплошь и рядом. И прошло бы все это незамеченным, если бы гость или гостья не вызвал «скорую» к умирающему. Честно говоря, Серега, я знаю в нашем городе только одного благородного идиота, который бы так поступил по отношению к Погорелову, — это ты. Ты у нас даже не джентльмен, а полтора джентльмена. Может быть, ты даже скажешь мне все-таки, по старой дружбе, что ты делал в доме Погорелова, с которым никогда до этого дел не имел?

— Простите, Сергей Григорьевич, — внезапно вмешалась Ирина, — а что такого плохого делал Погорелов, что вы о нем так нелестно отзывались?

— «Нелестно» — да он, кроме гадостей, в жизни ничего не делал. Между прочим, до того, как пойти в частники, он работал у нас в управлении. Так он умудрился даже своего непосредственного начальника, не буду называть кого, шантажировать его любовницей, путая, что все расскажет супружнице и верхнему начальству, — еще неизвестно, что хуже. Майор тогда полгода терпел и Погорелову денежку платил, а сам втихую развелся — и вот тут Погорелов непонятным случайным образом потерял свое табельное оружие и вылетел из органов под фанфары, как пробка от шампанского. Еще дешево отделался.

— Сергей Григорьевич, а пистолет Погорелова после этого нашли, это он и был в квартире?

Безбородников внимательно посмотрел на Ирину.

— Нет, это был пистолет, выданный по частной лицензии детектива. Милицейское оружие до сих пор в розыске. А почему это вас интересует?

Я тронул его за рукав.

— Сергей, у нас презумпция невиновности и сплющенные алиби. Мы поедem, ладно?

Он впился в меня взглядом, уставив глаза в глаза.

— Когда вспомнишь, что ты хочешь мне рассказать, — позвони, я приеду. Мою позицию в отношении порядка в городе ты знаешь: никаких серийных убийств или сафари на граждан; зато все, кто подчиняется закону и мне, могут жить спокойно. — Он поколебался и закончил, не отводя черных зрачков от нас с Ирой: — Включая экстрасенсов и инопланетян или приравненных к ним лиц.

— Можно, я заберу Махмуда с собой? — спросила Ирина.

Кота нам отловить не удалось. После неудачной охоты на синицу и разочарования в милицeйском обществе он эмигрировал в соседские дворы.

— Ира, — сказал я на обратном пути в машине, — у меня к вам большая просьба. Передайте вашему отцу: мне крайне необходимо с ним встретиться и как можно скорее. Можете еще добавить, что шантаж ему больше не грозит, но это не самое главное.

— Сергей, — она изучающе посмотрела на меня, — простите, Сергей Иванович. Это вы сожгли бумаги шантажиста, да?

— Это совсем не главное, — тупо повторил я, вырulingая мимо колдобины, — передайте ему, что мы должны встретиться. Я боюсь, что его жизнь в опасности. Вы ему этого не говорите, но, пожалуйста, добейтесь того, чтобы он со мной встретился.

7

Семь раз отмерь, раз обрежь.

Руководство по обрезанию

Ирина не подвела: Ахапкин позвонил мне, правда, случилось это на следующий календарный день — потому что звонок раздался сразу после полуночи.

Мелкие глянцево-коричневые инопланетяне вновь и вновь атаковали мое жилище, погибая в расставленных капканах-ловушках. Наконец ловушки выдохлись, моя крепость прекратила оборону. Вот тут они все вместе восторженной толпой кинулись в мою обитель, поводя антеннами, беззвучно чирикавая на своем неслышном языке, возбужденно воздеявая многочисленные ручки и запихивая в укромные углы комнаты автоматические инкубаторы для следующего поколения пришельцев. Я медленно отступал от них, размахивая чем попало и нанося удары в пустоту... Слава Богу, звонок освободил меня от этого кошмара. Кажется, у психиатров и неврологов такие гиперактивные сны называются синдромом судорожной готовности. Спросонок я долго хватал что-то не то, ронял мелкие предметы с тумбочки, пока не догадался включить лампу и обнаружил, что держу трубку вверх микрофоном.

— Здравствуйте, Сергей Иванович. Это Ахапкин. Простите, что так поздно беспокою, но я не решился звонить из дома.

— А-а-а, здравствуйте, вы звоните с работы?

Он перепугался на том конце телефонной бесконечности.

— Откуда вы знаете? У вас телефон с определителем номера?

— Да нет, я просто предположил. А вы, откуда вы знаете мой домашний номер?

— Я звонил вашей секретарше, вас не застал и выпросил у нее. Сказал, что позвоню вам с работы поздно вечером.

Он шумно перевел дух и стал лихорадочно и громко шептать в телефон.

— Простите, это я так. Просто я всего боюсь. Сергей Иванович, прежде всего о делах. Вашу вторую половину гонорара вам передаст Ирина. А меня убьют, я знаю. Нет-нет, не перебивайте. Дело в том, что я продавал одни и те же данные, к которым имел доступ, сразу двум людям. Я думал, что в них нет ничего особого: просто сведения об одиноких людях, потерявших работу или вышедших на пенсию. А теперь я понял, что слишком много знаю. Я читал в газетах: одиноких людей убивают, а их квартиры забирают. У меня к вам просьба, я вам доверяю и только вам: я вам оставляю еще тысячу долларов, чтобы, когда меня убьют, вы на всякий случай присматривали за Ириной. А еще я оставил деньги с наказом своей тетке в Липицах: если найдете моего убийцу, она вам заплатит еще пять тысяч долларов, она вас не обманет, не бойтесь. И для Иришки я все свои деньги оставил у нее. Валентина Степановна Годухина, пятый дом от въезда.

Я окончательно проснулся, и мне стало смешно.

— Александр Геннадьевич, спасибо, конечно, но если вы меня не обманываете, то вам ничего не грозит. Я-то думал, что вы торгуете секретными данными мафии, а за ваши собесовские сведения не убивают, даже если они про квартиры. Тем более, как я понимаю, один из тех, кому вы продавали сведения, — главный городской мент.

Слышно было, как он судорожно сглотнул слюну — его театральный шепот перешел в визг:

— Откуда вы знаете? Вы тоже... из них?

— Бросьте, Александр Геннадьевич, бояться. Все нормально. Просто вас хотел шантажировать нанятый вашей женой сыщик Погорелов, но он умер от инсульта. А я успел увидеть у него ваши фотографии, где вы сняты с Безбородниковым. Если вас это волнует, то не беспокойтесь: фотографии и пленка сгорели. Лучше объясните, почему вы все оставили тетке в Липицах, а не написали, например, завешание.

— Я сам липицкий. Мы здесь, в райцентре, почти все — деревенские переселенцы. («Верно, — сообразил я. — Это мое поколение родилось в городе. А мама с папой из Ступино, оттуда и бабушкин домик в деревне. А Серегины родители из Зиброво...») Завешание писать — означает: платить государству, дать возможность наехать налоговой полиции, позволить жене обратиться в суд и отсуживать деньги... Да ни за что! Это, может, в Америке доверяют завещанию, а не своим, а я в Годухиной уверен. — Он помолчал. — Так вы думаете, меня сейчас не убьют?

— Если то, что вы сказали мне, — правда, если вы не продавали какую-нибудь родную мафиозную груп-

пировку, а просто торговали сведениями из ЖЭКа и собеса, — не убьют. У нас пока за такое не убивают. И кому же второму вы продавали эти сведения?

Он помолчал.

— Знаете что, Сергей Иванович, я хотел сразу после разговора с вами уехать и скрыться, но теперь, наверное, попробую пересидеть до утра и кое в чем сам разобраться. А потом встречусь с вами, все вам расскажу и попрошу совета. Но если что — помните: присмотреть за Ириной и так далее. Деньги у Валентины Степановны Годухиной.

Он положил трубку. Я подождал еще немного, прислушиваясь к гудкам, а потом аккуратно поставил в гнездо свою. Похоже, что вся история оказалась не такой уж кошмарной. Все свои страхи мы придумываем себе сами. Погорелов умер сам — от испуга. Его соседка и вовсе преставилась сама по себе. Один дядя Володя погиб за что-то, но, наверное, никак со мной не связанное. Жизнь — это не книжки, где ужастики сплошь и рядом. Самая забойная история, какую я встречал, — это триллер про Красную Шапочку, где при чтении во множестве возникают детективные вопросы и предположения. Почему мать послала Красную Шапочку, зная, что ей будет угрожать опасность, а не пошла сама? Видимо, бабушка не впустила бы ее в дом — значит, мать Шапочки приходится бабушке не дочерью, а невесткой. Судя по отношениям свекрови и невестки и отсутствию отца Красной Шапочки, мать Шапочки либо приложила руку к смерти мужа, либо посадила его. Но почему же, собственно, была такая срочность гнать Шапочку через лес? Либо бабушка была при смерти (а этого не было, как мы знаем по концовке триллера), либо у нее надо было срочно выведать какую-то информацию, которую она рассказала бы Красной Шапочке, но не невестке. И вот тут начинают играть свою роль пирожки для бабушки, которые Красная Шапочка не должна есть сама и которые свекровь из рук невестки не взяла бы...

8

Мир не меняется, меняемся мы.

Чарлз Дарвин

Из-за ахапкинського звонка я, конечно, проспал все на свете, включая свой будильник. Проснулся как от удара и понял, что буду в агентстве не в восемь, как обещал Уле, а в десять. Если не бриться.

Уля сидела за моим столом вместе с Ириной, и они дружно рассматривали очередной модный журнал. Я поздоровался и понял, что что-то в офисе не то. Покрутив головой, я понял — что: комната чисто убрана, окна помыты, дверца тумбы стола приоткрыта, — я скосил туда глаз, а потом приоткрыл ногой. Пустых бутылок нет, вместо них стояла новенькая бутылка каберне!

— Ну, девчонки, вы сильны! Спасибо! — Обе девицы, медноволосая и рыжая, дружно и гордо зарделись. Я принял озабоченный вид: — Вот только у меня тут был пальцем по пыли нужный номер телефона записан, а теперь пропал... — Уля хихикнула сразу, Ира на мгновение поверила, а потом смутилась.

— Врете вы, Сергей Иванович, я сама вытирала, ничего тут не было. Извините. — Она поднялась из-за стола, еще когда я вошел, а сейчас нагнулась и торопливо вытаскивала из сумки-рюкзачка конверты. — Вот это папа просил передать вторую половину вашего гонорара, расписки не надо. А вот это, он сказал, что вам позвонит и скажет — за что.

Я кивнул.

— Он уже сказал. Он мне ночью звонил.

Медноволосая красавица так расцвела улыбкой, что даже мрачноватая с утра Уля засияла отраженным светом.

— Слава Богу! А то он с вечера пропал, я так беспокоилась: он когда уходил, то прощался прямо как навсегда. Я все боялась, что с ним что-то должно случиться. Он недавно звонил, да? Вы поэтому задержались? Он вам новое задание дал?

Ну как я мог ей сказать, что мое новое задание — присматривать за ней после того, как ее папу убьют?

— Не беспокойтесь, Ира, волноваться нет причин. Не уверен, что мое новое задание понадобится. Звонил он мне ночью, с работы.

Ира мгновенно оказалась за столом.

— Сергей Иванович, можно я от вас позвоню ему на работу? — Она уже снимала трубку. — А то я беспокоюсь.

— Конечно, конечно, Ирочка...

Долгие гудки. Никто не снимал трубку.

— В том кабинете, кроме него, никого по средам не бывает. — Она подняла на меня умоляющие глаза. — Сергей Иванович, простите меня, пожалуйста, но давайте съездим к папе на работу. Я не успокоюсь, пока его не увижу. — Уля за ее спиной энергично закивала мне головой. Я вздохнул

и согласился. Все равно надо было встретиться и отдать ему его конверт с гонораром за новое задание — «последнее желание покойного». Интересно будет также узнать, кому еще он умудрился продать данные собеса.

«Ауди» Ахапкина стояла возле конторы, припаркованная особняком, отдельно от общей стоянки. Внутри никто не сидел. Ира повеселела, и мы бодро вошли в вестибюль.

— Здравствуйте, Валентина Ивановна. Отец на месте?

— Здравствуй, Ира. — Вахтерша посмотрела на доску с ключами. — Ключ на месте, так у него свой есть. Если пришел, то еще до моей смены, до семи утра. А при мне не выходил.

— Мы зайдем, глянем, хорошо?

Кабинет был заперт. Мы стучали, затем по очереди нагибались и смотрели в замочную скважину: ключа в скважине не было и, насколько позволяла увидеть скважина, в кабинете никого не было. Я еще распластался животом на коридорной дорожке и глядел в щель под дверью. Потом выпрямился и отрицательно помотал головой.

— Ну? — Ира отряхивала с меня пыль и с нетерпением ожидала какой-нибудь вразумительной информации.

Я пожал плечами:

— Никого нет.

Ира закусила губу.

Я предложил:

— Давайте еще осмотрим машину: нет ли там его вещей или записки. — Я подумал, что Ахапкин все-таки решил уйти в бега, а машину оставил семье. — А если ничего не будет, то вернемся, попросим ключ у Валентины Ивановны и вместе осмотрим кабинет: нет ли письма там. — По мере того, как мы шли к машине, я все больше переполнялся уверенностью, что мы найдем информацию об Ахапкине в его машине.

Я был почти прав. В машине лежал Ахапкин. Он был давно мертв и слегка залит кровью: в голове у него была небольшая аккуратная дырочка. Судя по аккуратности и размеру, она была проделана пулей, выпущенной из «либретты».

Ира увидела его, тихо застонала и кинулась к машине. Я с трудом удержал ее:

— Не трогай ручку машины: там могут быть отпечатки пальцев убийцы. Я сам проверю, жив ли он... — Хотя чего там проверять — ясно было, что он давно мертв. Ира билась в моих руках, пыталась высвободиться и рвануться в машину, а потом остановилась и беззвучно, чуть хлю-

пая носом, заплакала. От ее виска пахло свежестью, мылом и какими-то духами: направляясь ко мне в офис, она собралась как на свидание. Сейчас это была просто маленькая несчастная девушка.

Я отстранил ее и повернул к машине спиной (она все равно тут же повернулась обратно), осторожно приоткрыл неплотно захлопнутую дверцу. Ахапкин был безнадежно мертв. Несколько капель засохшей крови были и снаружи машины. Убийца застиг его, когда он стоял у машины, а потом уже впихнул тело внутрь. «Либретта» — экзотика для наших мест. Она означала, что Александр Геннадьевич был прав: это было не случайное убийство и не ограбление. За ним охотились. Это означало, что охотились не за дядей Володи, а за мной как потенциальным носителем тайн Ахапкина.

Я повернулся к Ире.

— Не хочу тебя здесь оставлять: иди, пожалуйста, к Валентине Ивановне, вызывайте милицию. Поскорей, пожалуйста. Я здесь пока подежурю возле... — Слова «возле труп» я проглотил. И крикнул вдогонку: — И Уле позвони, она мне нужна, пусть возьмет частника и приедет.

Оставшись один, я огляделся. Никакого укрытого места поблизости, откуда можно было так прицельно стрелять ночью, не было. Убийца подошел к Ахапкину, заговорил с ним, это был его знакомый. Вероятно, он оставил свою машину за углом (так бы сделал я) и попросился в машину к Ахапкину. Ахапкин отпер дверцу и получил пулю. Зачем он его убил? Не с целью ограбления, это точно: пиджак отвернут, и был виден угол бумажника — это означает, что он заглянул в бумажник, а потом засунул его обратно. Хотел бы стащить — забрал бы сразу для скорости, а пустой лопатник выкинул потом. Что-то искал, проверял: нет ли улики против него самого. Кейс приоткрыт, вещи высыпались. Зубная щетка, пластиковые пакеты с полотенцем, рубашкой, носками, бельем... Обстоятельный человек был Александр Геннадьевич. Я вовремя обернулся: не хотел бы, чтобы Ира застучала меня, когда я просматриваю вещи только что убитого отца. Она спешила к машине вместе с вахтершей. Я смотрел на спешащих женщин, и недавние страхи возвращались вместе с ними, я повторял мысленно снова и снова: Ахапкина было за что убивать, Погорелову было чего бояться, дядя Володя попал в тот же ряд, и я стоял

в очереди следующим. Если я не найду убийцу Ахапкина и не отомщу за глупого отца бедной девочки, то киллер достанет меня сам. В голове застучала гуделка, прямо как у Винни-Пуха:

На меня идет охота — тара-тара-тарарам!

На меня идет охота — тара-тара-тарарам!

И меня убьют — бам! Бам!

Я шагнул навстречу и остановил женщин, не давая им рыдать у тела.

— Валентина Ивановна, — сказал я бурно изливающей сострадания любопытной тетке, — возможно, милиция будет перезванивать. Хорошо бы, чтобы вы их там покараулили. — Громко бормоча «Бедная головушка...», она побрела обратно в контору. — Ира, вы не обратили внимания, если видели, что ваш отец укладывал в кейс?..

Уля приехала раньше милиции. К телу я ее не пустил, но она была бледной, глаза покраснели, и как будто даже уши слегка оттопырились. Обнявшись с Ирой, они напоминали двух безутешных сестер. Я отозвал Улю в сторону и вручил ей пару мелких купюр из белого конверта.

— Пусть у тебя будут деньги. Возьмешь машину и отвезешь Иру в Липицы к ее тетке, Годухиной, пятый дом от въезда, — знаешь такую? — Уля безрадостно кивнула. — Пусть Ира побудет вне дома хотя бы до похорон, а там решим. Тело все равно родным не отдадут, пока будут проводить экспертизы.

Мы вернулись к Ире.

— Ира, вашего папу заберут в следственный морг на несколько дней. Я думаю, что ваша мама все подготовит для похорон, а вы пока побудете у тети Вали Годухиной в Липицах, хорошо? Вы мне оттуда позвоните, ладно?

Ира кивнула:

— Да, так будет лучше. Мне не хочется сейчас домой.

— Хорошо, только заедете, соберете свои вещи, Уля вас подождет у дома и проводит. Если увидите маму, скажете ей — ее все равно будет милиция извещать. — А про себя я подумал: «Чертов Ахапкин, добился своего: его убили, у меня его деньги, и я их трачу на охрану его дочери».

Приехавшая милиция пожурила меня за то, что я отпустил с места происшествия важную свидетельницу, но, узнав, что это была дочка покойного, проявила понимание и даже не стала выписывать ей бумажку о невыезде из города

на время следствия. Просто махнули рукой и сказали, что никуда не денется: если понадобится, найдут. Зато меня выспрашивали так, что я почувствовал себя кандидатом на роль преступника, тем более что алиби на ночь у меня, естественно, не было. Куда счастливее и предусмотрительнее поступают те, кто проводит ночи в многолюдных значных местах или с любовницами! Не знаю, насколько все могло бы протянуться, потому что вопросы мне стали задавать одни и те же, по кругу, но тут явился Безбородников. Он быстро закруглил дело, мне вручили предписание о невыезде, и мой друг-начальник повел меня на выход.

Я его ни о чем не спрашивал, пока мы не сели в мою машину. Однако ехать он никуда не собирался, ему нужно было просто со мной поговорить. Сначала он помолчал, потом глубоко вздохнул, как ныряльщик перед прыжком в холодную воду, и начал:

— Я приехал, как только узнал, что убитый — Ахапкин. Как я теперь понимаю, он и был твоим клиентом, а, судя по твоему появлению у Погорелова, этот дерьмовый идиот Шурик пытался Ахапкина шантажировать, не понимая, во что влезает. И ты не понимаешь. Но раз ты в этом деле, это значит, что ты в него уже влез. Я тебя знаю. Девчонка — дочка Ахапкина? — Он не дождался ответа и кивнул сам. — Конечно. Рыжая в отца — он, пока не поседел, просто полыхал шевелюрой. Так вот, мне нужен этот убийца, потому что он у меня давно стоит поперек дороги. В этом городе правит закон, и закон этот — я. Тут есть детали, из-за которых я не могу дать своим людям полную волю копать в деле. Я в нем сам замешан. А тебе можно. Подозреваю, что кое до чего ты уже и сам докопался или докопаешься, или Ахапкин тебе сказал. Если найдешь убийцу живого или мертвого, — тут он позволил себе улыбнуться, одними губами, глаза продолжали меня сверлить, — получишь от меня, от меня лично, пять тысяч долларов.

Я попытался пошутить:

— Неплохие у тебя заработки, однако, если ты себе такое можешь позволить.

— Неплохие, — кивнул головой Серега. — Это не заработки, это левый приработок. И зависит он в значительной степени от того, найдешь ли ты, кто стоит за убийством Ахапкина. Рассказывать я тебе ничего не буду, просто скажу Вере Степанюк, чтобы она тебя ознакомила с делами последнего года по убийствам в городе. Не теми, где шпана и раз-

борки или по пьяной ссоре, а... Впрочем, ты сам поймешь. Это тебе поможет в расследовании.

— Извини, — сказал я, — пять тысяч баксов — деньги для меня крутые, но с чего ты так уверен, что я займусь этим делом и что я смогу найти убийцу?

Серега опять улыбнулся одними губами.

— Извиняться-то я должен, а не ты. Я тебе уже объяснил: своим ребятам я не могу доверять раскопать все — там можно на разное наткнуться. А ты найдешь и не будешь трезвонить. А насчет того, что ты не захочешь искать убийцу, так это уже не имеет значения. Я допустил утечку придуманной мной информации, и теперь убийца будет сам тебя искать.

9

Трудолюбие — краеугольный камень всякого дела.

Сизиф

Вера Степанюк когда-то была нашей однокурсницей, самой большой умницей и отличницей на факультете, и даже тихо влюблена в Серегу Безбородникова. В какой-то мере из-за этого она в свое время вернулась в наш город и тихо сидела сиднем в райцентре вместо того, чтобы делать карьеру в богатых адвокатских фирмах столицы нашей родины городе-герое Москве и превращаться в крутую бизнес-вумен. Потом вышла замуж за какого-то достаточно обеспеченного местного строителя и воспитывала сына. Или дочку. Черт его знает, какого пола и возраста ребенок, я как-то мало общаюсь с бывшими однокурсниками. Если разговор задевает детей, то искусно обхожу вопрос половой принадлежности и возраста ребенка, спрашивая: «Ну, и как ваше чудное дитя?» К стыду своему, иногда я обнаруживаю, что вообще мало общаюсь с людьми. Может быть, дело не во мне, а в том, что у меня нет телевизора и в результате нет общих тем для разговоров. Очень уж дурацкие диалоги выходят, когда на радостную реплику «Знаешь, как вчера наши сыграли?!» я отвечаю: «Во что?..»

Пропуск на меня уже был выписан, и Вера ждала.

— Привет, Сережа, — сказала она, — я тебе тут все приговорила, вот стол и бумаги, правила ты знаешь, только поторопись, пожалуйста, а то мне за моими двойняшками сегодня нужно в школу забежать. Вот за эти распишешься, а эти

ты видеть права не имеешь, но по распоряжению Сергея Григорьевича я их взяла на время у Токарева из сейфа. Тебе кофе налить?

Я обменялся с ней парой фраз на стандартные темы о том, как летит время, как оно все, как растут дети и сколько у нас хлопот, которые всю жизнь заедают. Ужасно не люблю эти ничего не значащие разговоры, а без них как-то неудобно и говорить не о чем. Все эти «Ну как вы там?» — и, не дай Бог, собеседник начнет рассказывать. Конечно, мы сто лет не виделись, мало изменились, я все еще не женился, а ее дети огорчали нежеланием учиться и поражали случаями ранней гениальности. Через пять минут общих воспоминаний я облегченно и громко (внутренне) вздохнул и ринулся в приготовленные папки.

Прочные добротные столы с зеленым сукном отошли в прошлое, теперь вместо них были тонкие четвероногие друзья канцеляриста, покрытые пластиком. Умничка Вера сразу исключила разборки и убийства на почве пьяных ссор и семейной ревности и разложила оставшиеся дела по сортам. Я не смотрел все подряд — протоколы об обнаружении тела, протоколы опроса свидетелей, результаты экспертизы вскрытия, свидетельства баллистической экспертизы и т. д. В первую очередь меня интересовали орудия убийства и личности убийц. Тут я сразу обнаружил, что нашлись две интересные линии, обе они поражали воображение, я никогда не думал, что в нашем прозаичном внутриобластном городе может такое происходить. Если бы я был журналистом, я назвал бы их «Охотники на людей» и «Охотники на охотников».

Первую линию составляли четыре случая непрофессионального убийства людей из охотничьего оружия — не в лесу, а прямо в нашем богоспасаемом городе. Убитые не представляли собой никакого интереса для профессионального киллера и прикончены были аляповато. Первый случай несколько выпадал из общего порядка, и я даже подумал, не отложить ли его в сторону. Женщина без родни осталась без работы. Вместо того чтобы экономить денежки, она вступила в общество охотников, купила дорогой дробовик, отправилась к соседям, которые сидели и закусывали во дворе своего домика, пристрелила одного из них и ранила двух других. Очень удивилась, когда им удалось ее скрутить. На суде сказала, что стреляла в состоянии аффекта и от отчаяния, потому что они требовали с нее

206 одолженные весной десять тысяч долларов, а отдавать

ей было нечем. Фокус заключался в том, что пострадавшие не только в один голос заверяли, что ничего ей не одалживали и назад не требовали, но, по-видимому, действительно не имели такой возможности. Подозрение в их неискренности все равно осталось. Женщина явно была не в себе, суд облегченно вздохнул, когда медкомиссия признала, что у нее не все реакции адекватны и не все шарики на месте, признал ее невменяемой на момент совершения — да и не только на этот момент — и отправил в дурку. Женщина же, по моему мнению, могла быть неадекватной, но уж никак не дурой. Дробовик — это вам не винтовка или пистолет, здесь баллистическая экспертиза намного затруднительнее. И если бы раненые не были под алкогольным наркозом, придавшим им отчаянной храбрости, еще неизвестно, чем бы дело кончилось...

Второй охотник был еще экзотичнее. Это тоже был одинокий человек, только что потерявший работу. Он даже не пошел к соседям: свою жертву, какого-то прохожего, он подстрелил через окно. Поза убитого и пара случайных свидетелей («Надо же, — подивился я, — это в наше-то время, когда никого в свидетели силком не загонишь!») послали патрульных в его квартиру, где он встретил их огнем из дробовика и карабина. Один милиционер был серьезно ранен, второй, отстреливаясь, нечаянно прикончил неудачливого киллера. При обыске в доме охотника-убийцы был найден накануне купленный приличный охотничий арсенал, включавший капканы на медведя, ножи разных размеров и арбалет. Дойдя до арбалета, я просто подпрыгнул на стуле. Это уже выпендрож и такая же экзотика, как «либретта». Позарез надо было бы посмотреть, не было ли в этом арсенале следов «либретты». Я просто нутром почуял, что стиль совпадает, а это означает... Не знаю, что означает, учитывая, что владелец арбалета уже покойник. Если следы «либретты» найдутся, это может означать, что убийца Ахапкина был знаком с убийцей-психопатом и либо был у него дома, либо помогал ему покупать снаряжение.

Еще два покойника находились в делах, о которых никогда бы я не узнал, если бы не распоряжение Безбородникова Верочке. Еще два человека были убиты из охотничьих ружей. Между собой убитые не были связаны, особого интереса по роду своих занятий не представляли, застрелены из разных мелкокалиберок в разное время. Дела эти без подробных следствий было решено закрыть, потому что аккуратно через день после каждого из убийств был обнаружен труп

убийцы. Это и было, с моей точки зрения, еще более интересной второй линией — «Охотники на охотников». Трупы предполагаемых убийц были найдены в «своих» домах после звонка анонимного доброжелателя в милицию. Оба они были пристрелены профессионально и с близкого расстояния из одного и того же неопознанного милицейского пистолета. Следов и улик профессиональный Робин Гуд не оставил. То, что убитые были убийцами, проходившими по предыдущим делам, подтверждалось обнаруженными в их домах мелкокалиберками, официально и при свидетелях приобретенными ими накануне: экспертиза подтвердила, что именно эти ружья являлись орудиями убийства. Интересно, что все новоявленные охотники были крепкими ребятами, недавно потерявшими работу, и не имели родни.

Вступление безработных в охотники смотрелось необычно, но закона не нарушало. Все они характеризовались по месту работы положительно, рекомендациями разжигались, милиция им в праве вступления в общество и покупке ружей не отказывала. Странно было, что этим занимались люди, потерявшие основной источник заработка, но, с другой стороны, они могли захотеть обеспечить себе пропитание дичью... Действительно, дичь какая-то получается!

Линия «Охотники на охотников» осталась висяками, как называют нераскрытые дела в прокуратуре. Можно было предполагать, либо что киллер-доброжелатель вычисляет и убирает убийц, либо что он их просто знает, работает с ними заодно, а потом убирает.

Но тут у меня особых сомнений не было. Я понял ценность данных Ахапкина. Если совместить сведения о людях без родни, недавно потерявших работу, с теми, кому милиция недавно выдала разрешение на приобретение охотничьего оружия, то человек, державший обе базы данных в руках, мог вычислить убийц. Мне было известно, кто покупал у Ахапкина эти сведения, кто считает, что закон в городе — это он, и чьими стараниями исчез табельный пистолет Погорелова. Стало понятно, почему Безбородников предпочел, чтобы в этом деле копался именно я, а не кто-нибудь другой. Не ждал я от Сереги, что он возьмет на себя роль судьи и палача, но, вспомнив тяжелый блеск в его глазах, должен был признать, что за последнее время он сильно изменился. Я не сторонник самосуда, но и бежать доносить не стану. Непонятным оставалось другое: почему некоторые люди из потерявших работу

(не все же!) устремлялись на охоту за людьми? Помогал ли им кто-то? И, если это так, если он был вторым покупателем Ахапкина и вербовал себе охотников по тем же ахапкинским данным, то, стало быть, он и был убийцей Александра Геннадьевича и именно с ним вел невидимую войну — смерть за смерть — мой бывший однокурсник.

А если верить Безбородникову, то этот великий организатор охот заинтересован и в моей смерти. И гибель дяди Володи действительно случайна: он принял его за детектива, к которому обратился Ахапкин. За меня. Сволочь, Серега: мог бы сам рассказать мне все, что знал. Хотя бы теперь, когда он намеренно попытался навести киллера на мой след.

Верочка подошла и извиняющимся голосом сказала:

— Давай чашку помою. Прости, Сережа, но я уже правда опаздываю сильно. Может, завтра зайдешь досмотреть?

— Спасибо, я уже все нашел.

— Да? — повеселела она. — Что-нибудь интересное попало?

Я подтвердил, и она обрадовалась.

10

Загадка: кто маленький, серенький, под деревом скачет?

Отгадка: сумасшедшая голодная блоха.

Вообще-то я собирался в этот четверг с утра нагрянуть к вдове Ахапкина. Вчера сразу после убийства идти горевестником и сообщать женщине, что у нее скончался муж, и тут же допрашивать — это было бы слишком. А сегодня... Не слишком мне верилось в ее глубокую скорбь. Женщина, у которой есть официальный и постоянный околачивающийся дома любовник, вместе с которым они организовывали слежку за делами супруга... Хотя, с другой стороны, жили же они с мужем столько лет вместе, так что скорбь не скорбь, а печаль по поводу трагедии и внезапного одиночества уж наверняка должна была прийти. Отсылая Ирочку в деревню, я, собственно, преследовал две цели: убрать девочку из города и обеспечить разговор по душам с мамашей. Но вчерашние сведения от Веры Степанюк изменили мои планы. Я решил начать с дурки.

Официально она называлась, конечно, не дуркой и не психушкой, а ЮМОНИПКИ — Южным московским

областным научно-исследовательским психиатрическим клиническим институтом. Дни посещений были по четвергам в первой половине дня и по субботам весь день, так что откладывать поездку мне было не с руки. Я наскоро проглотил все, что Бог послал раньше и оставил в моем холодильнике на сегодня, запил лошадиной порцией кофе (не знаю точно, сколько кофе выпивают лошади, но я не мелочен) и покатил.

Южная областная дурка была расположена в довольно живописном месте. Не зря в наших краях жили Поленов, Левитан и Коровин. Я ожидал увидеть мощную бетонную ограду с ежами проволоки поверху и здоровенных санитаров-мордovorотов, но действительность оказалась куда прозаичнее. После деревни, откуда, видимо, и набирался штат санитарок, следовали перемежаемые березами луга-поляны, а за ними ряд облупившихся кирпичных корпусов. Придуманные мною стены отсутствовали, вместо них был забор, требовавший ремонта. Местами в заборе зияли дыры, служившие проходами, к ним вели давно и добротнo протоптанные тропинки. Санитаров-мордovorотов я не встретил, наверное, они все подались в Москву в хорошо оплачиваемую службу охраны наших парламентариев. Суровый режим обеспечивался толстыми решетками на окнах, которыми, похоже, оснастили все корпуса. Я выбрал из тропинок ту, которую украшал потрескавшийся асфальт, и она надежно привела меня к главному входу.

Пожилое существо неопределенного пола в сером халате и с ключьями седых волос, напoлзавшими из-под серой шапочки на очки, любезно высунулось ко мне из застекленной будочки и недовольно спросило:

— Мужчина, вы к кому?

— Мне бы на свидание. Я вон передачу привез. — Для убедительности я потряс купленным на выезде из города пакетом бледно-желтых апельсинав.

— Здесь главный корпус. Здесь, если, например, к главврачу с жалобой. Только его все равно нету, он сегодня в Москве. А на свидание пойдите сначала в третий корпус запишитесь, а потом вам скажут куда. Если можно.

— Спасибо вам, — вежливо сказал я, проглотил напрашивавшееся окончание фразы «бабуля» и после секундного замешательства добавил: — товарищ. А где этот третий корпус?

— А вон, как выйдешь — налево. Куда сейчас Зинка пошла. Так и иди за ней.

Доступ к посещению оформлялся в два этапа. На первом я отстоял очередь к окошечку, где сидела очень неспешная тетка. На мое счастье, очередь выпала короткая: основная масса приезжала, по-видимому, в субботу. Три пожилые женщины, которые привезли передачи своим томящимся в местном заключении детям, с удовольствием обсуждали их бесперспективные диагнозы, сравнивая детали и делясь мнением о врачах. На меня они посматривали искоса — с недоверием и интересом: очень уж я выпадал из общего стиля. Это, вероятно, пришло на ум и регистраторше, потому что она ткнула наманикюренным ногтем с облезшим лаком в строчку анкеты и сказала:

— Вот тут, ниже, не забудьте указать: в каких родственных отношениях находитесь с пациенткой.

Я по дороге, пока ехал, перебрал кучу вариантов — от правдивого признания, что я детектив, до брата и сослуживцев — и остановился на самом фантастическом и забойном.

— Жених я. Так и писать, что ли?

— Же-ени-и-их, — протянула тетка в окошечке с нескрываемым любопытством. — Что-то я вас раньше не видела.

— На шабашках был полгода, зарабатывал, — охотно пояснил я, — а тут приезжаю и на тебе! Вот гостинцев привез, — и я доказательно помахал пакетом с апельсинами.

— Господи, — вздохнула регистраторша, — есть еще мужчины на свете. Прямо как в сериале. Мог себе другую какую, молодую, найти. Так и пиши — жених. Постой, так ты с того так ее и не видел? Так ты смотри, подходи к ней потихоньку, они тут знаешь, какие бывают. Все-таки седьмой корпус — туда самых опасных сажают. А так — совет вам да любовь, может, увидит тебя и в норму войдет. С нами, женщинами, все бывает.

В окнах седьмого корпуса таращились прижавшиеся носом к стеклу, забранному решетками в облупившейся масляной краске, лица. Физиономии. Одни были совершенно недвижны и анемичны, другие глядели с явным оживлением, но все вылупились на меня и плющили носы о стекло: очевидно, посетители в седьмом корпусе были редкостью.

Здоровенная тетка, размерами и внешностью похожая на небольшую лошадь, придирчиво изучила мои бумажки, сверила фотографию на паспорте с оригиналом и хмыкнула с сомнением:

— Как это вам разрешили? Вообще-то не полагается.

Я доложил с готовностью и просительными интонациями:
— Жених я... Уезжал надолго.

— Вот и не уезжали бы. Глядишь, она бы сюда и не попала. Ну, в виде исключения, пойдемте. Я вас сейчас заведу в комнату для встречи и ее туда приведу. И сама буду, а вы с ней поосторожнее. И покажите, что у вас в пакете. Невеста ваша хоть и примерная у нас самая, а все равно веры нет, потому что убийца.

Комната была покрашена масляной краской — в прошлом ядовито-зеленых тонов, а ныне заметно поблекшей. Прежние цвета сохранились только там, где прежде к стене был прислонен — судя по силуэту — бюст великого вождя. Или какого-нибудь великого психиатра. Вообще комната напоминала бывшие красные уголки. К задней стене были отодвинуты скамьи. У передней был привинчен ножками к полу стол, который, наверное, в праздничные дни накрывался сукном и служил президиумом. Я невольно хмыкнул, пытаюсь сообразить, каким ударным трудом должны отвечать санитары на призывы руководства улучшить наши безмерные достижения. Табуретки, вероятно, попали сюда относительно недавно и прикручены не были. Их было три: для гостя, для посетителя и для надсмотрщика. Впрочем, сообразил я, меня сюда привели из хорошего отношения: на первом этаже я проходил мимо комнат с открытыми дверями, где были проволочная сетка и охранники.

Надсмотрщица ввела мою суженую.

— Вы смотрите оба — без дураков. Я понимаю — ваше дело молодое, но чтоб без всяких. А то нам всем хуже будет. А уж вам точно. Я в уголок отсяду, мешать не буду.

Я с интересом уставился на вошедшую. По документам Марина Юрьевна Скальская была меня лет на десять старше, и я ожидал увидеть грузную, далеко не молодую тетку, неопрятную и опустившуюся от долгого сидения взаперти в этой дикой смеси тюрьмы и больницы, обрюзгшую и распухшую от казенного питания овсом, картошкой и свеклой. Засаленный халат и перекрученные съехавшие чулки с побежавшей строчкой. На самом же деле вошедшая женщина выглядела как моя сверстница, на ней был спортивный костюм, правда, не вызывающе в обтяжку, а слегка висел, но это уже скорее от больничного недоедания. Судя по фотографии в деле, психушка ей пошла даже на пользу. Щеки слегка втянуты, под глазами тени, но сами глаза горят ясным и умным блеском.

Макияжа нет, лицо достаточно хорошо и так: бледная от сидения взаперти кожа подчеркивает ресницы. Разница в нашем возрасте глаз не режет, чем мне не невеста?

Марина Юрьевна рассматривала меня так же внимательно, как я ее. Из угла на нас пялилась заинтересованная надсмотрщица.

— Кто ты? Ты мне не жених. Я тебя не знаю.

Надсмотрщица в углу сочувственно закряхтела. Ход ее мыслей был понятен: психованная невеста забыла жениха. Наверное, это тоже вписывалось в какой-нибудь трогательный сериал.

— Марина Юрьевна, — громко и отчетливо заговорил я, поймал себя на том, что обращаюсь к ней, как к плохо слышащей, смутился и понизил голос, — вы можете звать меня Сережей. Я хочу с вами о многом поговорить.

— О чем, Сережа? Я тебя не знаю. Тебя нет в моей памяти. У меня не было жениха.

«Вот тебе и ненормальная, — подумал я. — Это еще посмотреть надо, кто из нас ненормальный. Не знаю, как я бы себя вел, если бы ко мне приперлась какая-нибудь женщина и стала заявлять, что она моя невеста. Хотя...» Воображение услужливо подсунуло мне Ирочку Ахапкину. Я тряхнул головой, отгоняя наваждение: у человека только что отца убили, а я тут со своими неприличными мыслями.

— Ладно, — я пошел на уступки, — не хотите во мне жениха признавать — не надо. Может, я к вам пришел как товарищ по охотничьему коллективу. Вот, гостинцы принес, угощайтесь, берите. — Я протянул пакет с апельсинами.

Марина Юрьевна не двинулась с места.

— Я помню тех, кто мне дал рекомендации. Вас там не стояло. — Последнюю фразу она произнесла чуть более резко, тут же слегка поправилась и продолжила прежним ровным голосом без всякого любопытства: — То есть я хотела сказать, что ты не был среди них. Верно?

— Верно, — согласился я, — это вполне нормальная разговорная идиома.

— Тогда кто же ты? Родственников у меня нет. Жениха у меня нет. Милиции и экспертам я все сказала. Ты не врач. Комиссии состоят из нескольких человек. В обществе охотников я тебя не видела. Зачем пришел?

Наша беседа потихоньку стала проходить в полголоса, ее мирные интонации успокоили надсмотрщицу, и я решил блефануть.

— А что, если я такой же, как ты. Только вступил в общество охотников позже тебя. И пришел сюда — сама угадай зачем.

Я сам занимался разными единоборствами, но никогда не думал, что человеческая реакция может быть такой быстрой. Сумасшедшая мгновенно оказалась рядом со мной.

— Ты не сможешь меня убить, — прошипела она. Так же мгновенно она успокоилась. — А вот я тебя могла бы. Я могла бы воткнуть тебе твою авторучку глубоко через глаз прежде, чем ты пикнешь. Впрочем, я и пальцем могла бы тебя убить. Просто не хочу надолго задерживаться здесь, я запланировала выйти через полгода. А ты обманываешь: ты не мог бы меня убить, у тебя не та реакция. Ты жалкий абориген.

Я почему-то обиделся.

— Ага, — сказал я, — тоже мне супервумен. А сама-то из трех мужиков двух только подранила, а потом дала им себя скрутить.

К моему изумлению, Скальская смутилась и даже покраснела.

— Ну, во-первых, я еще не освоилась с реакцией тела, — залепетала она, — а кроме того, они себя неправильно повели.

— То есть как это — неправильно?

И тут сумасшедшая под тихое и мерное сопение надсмотрщицы в углу изложила мне биолого-социологическую концепцию, которую я слушал, приоткрыв рот. Оказывается, в чрезвычайно плохих условиях отдельная особь идет на все и может убивать окружающих ради своего спасения. Ступенька выше — и особь будет жертвовать собой ради спасения своих детенышей или своей семьи. Это одинаково относится к человеку и к молодым бычкам, которые, защищая телят, становятся в кольцо грудью ко льву. Еще ступенькой выше особь готова жертвовать собой ради спасения не только своей семьи, но и всей мало известной ей популяции в целом. Это я еще понимал. Но еще ступенькой выше переполненная популяция распадается на активных членов и пассивных, при этом активные утверждают свою власть, как хотят, включая убийства, им все можно, а пассивные послушно дают себя убивать для активации популяции. Последняя часть подтверждалась массовыми исходами леммингов, высоким процентом самоубийств в Швеции и послушным поведением заложников, позволяющих себя расстреливать по штуке в час. Как я понял, Марина Юрьевна

просто хотела проверить и показать популяции, что именно она является сейчас ее самым активным членом.

— Но, — печально закончила Скальская, — я оказалась не готова к их сопротивлению, а они еще не дозрели до нужного мне социального уровня общества. Я начала свои действия преждевременно.

Я не стал ей признаваться, что будь Нестеренко и Злотников, собутыльники убитого, не столь надравшимися, вряд ли бы они полезли на ствол, а скорее всего подняли бы лапы в гору к торжеству ее теории. Похоже, что я действительно имел дело с чокнутой и не стоит стимулировать ее похождения с дробовиком.

— А давно ли у вас такая идея? Кто посоветовал вам вступить в общество охотников?

Она сверкнула на меня глазами.

— Что значит — давно ли? Да всю жизнь. Больше ста лет. Я ради ее претворения нарушила закон и явилась в ваш дурацкий заповедник!

Я почувствовал, что сам превращаюсь в ненормального. И правильно: кто, кроме психа, попрется в дурку за свидетельствами, которые все равно никому нельзя официально предъявить. Я посмотрел на ситуацию глазами стороннего наблюдателя, и она мне сильно не понравилась. С одной стороны, гражданка Скальская Марина Юрьевна, такого-то года рождения, уроженка города Серпухова, образование среднее, в прошлом чертежница завода «Горизонт», рассказала мне безумную идею, обосновывавшую ее преступную деятельность. И если она расскажет ее комиссии, то сидеть ей в дурке до окончания века. При этом ни на кого как на вдохновителя не показывает. Но сторонний наблюдатель, сидевший у меня внутри, предлагал мне рассмотреть и вторую сторону: допустить, что она говорит правду.

— Вы хотите сказать, что явились сюда из другого времени? На машине времени? И вселились в тело Скальской?

Женщина посмотрела на меня внимательно и спокойно.

— Дурак ты все-таки, абориген. Машины времени и путешествия во времени в обратном направлении невозможны. Кто из нас, собственно, псих? Возможны переселения в пространстве. Потому что все разумы построены по одному принципу. Но ты не волнуйся за свой заповедник, живи счастливо, сюда вход запрещен. Просто я наткнулась на объявление о контрабандных сафари. Но кто здесь был моим провод-

ником, я тебе не скажу, легавый, — так, кажется, ты называешься в здешних идиомах. И то, что я тебе сказала, ты никому не повторишь, чтобы не оказаться в соседнем корпусе. А я через полгода отсюда выйду. А еще через год буду лидером политической партии. Вот тогда и приходи, ты мне понадобишься, ты не совсем пассивный, похоже, что ты где-то подцепил астральный синдром.

Она повернулась к надсмотрщице и крикнула:

— Петровна! Спасибо, что дала нам наговориться, а то здесь и общаться не с кем. А сейчас забирай моего жениха: Сережа домой торопится.

11

Пьяная женщина — хуже таракана.

А. Биочино

Я сидел за рулем, мысли мои путались как никогда, но я надеялся, что ни во что по дороге не врежусь. Вариант первый: я дурак, потому что езжу в дурку и трачу время на то, что слушаю бредни сумасшедшей, в которых нету смысла. Вариант второй: я идиот, потому что разжился бесценной информацией о незаконных проникновениях инопланетян в город внутриобластного масштаба (этакое сафари в галактическом заповеднике), а пристроить эту информацию все равно никуда не могу.

И как же эти зеленые человечки прибывают на своих неопознанных летающих тарелках? И чем расплачиваются? Долларами? И что уже знает Безбородников? Придется забыть на время все, что я услышал в психушке, и начать собирать сведения обычным профессиональным путем.

Чистые рощицы по сторонам машины сменились серыми грязными домами. Я ехал к мадам Ахапкиной. Конечно, могло оказаться, что она не знает, кому продавал сведения Ахапкин, не зря же она нанимала Погорелова. Но какие-то соображения на этот счет у нее должны быть. Я опять ехал без предварительного звонка.

Ксения Сергеевна открыла дверь через четыре минуты после долгого настойчивого звонка. В этот раз она не спрашивала, кто здесь, просто распахнула дверь, при этом ее, похожему, слегка качнуло. Она опять была в халате, но на

этот раз через разъехавшееся декольте просматривалось черное белье. На физиономии тоже красовались траурные цвета: не то синяк, не то размазанные тени.

— А, Сережа, — сказала она, — заходите. Идемте. — Она повернулась и пошла впереди меня, не оглядываясь, иду ли я за ней. Похоже было, что она не слабо выпила, но на ходу ее не болтало и не заносило, а только — предшествующая стадия — она ставила ноги с повышенным вниманием и старанием. Ноги были красивые, Ире нашлось что унаследовать.

Мы поднялись наверх. Ксения Сергеевна шла ровно, но цепко держась за перила. Я плелся сзади. Похоже, что эту комнату обставляла сама мадам Ахапкина: здесь не чувствовалось ни прямых деловых линий, насыщавших облик ее покойного мужа, ни молодежной стильности Ириной одежды. Пол покрывал красный палас, на котором в беспорядке лежали розовые атласные подушки и подушечки, расшитые гарусом или как-их-там-называют, эти рюшечки, я в них не специалист. Кресла напоминали пуховки из пудрениц: низкие, круглые с бортами, приподнятыми, как чашка. Хозяйка плюхнулась на софу, навевавшую мысли на восточные темы: гаремы, одалиски и все такое прочее. Ее декольте продолжало разъезжаться, поскольку, по-видимому, в кармане лежал тяжелый предмет. Я благоразумно решил воздержаться от близкого соседства с декольте и осторожно присел на дальнее низенькое кресло, рядом с которым стоял полированный журнальный столик на колесиках. Столик венчал помпезный, черный с золотом, телефонный аппарат в стиле ампира.

Ксения Сергеевна дождалась, пока я сяду, и взрыднула:

— Сережа, как хорошо, что ты пришел! Все меня бросили, оставили, одна я одинешенька на белом свете. Александра Геннадьевича убили, Ира меня бросила, в деревню уехала, а любезный мой совсем ушел. Все меня кинули, один ты оказался верным человеком. — Я почувствовал некоторое смущение и порадовался тому, что отсел подальше. — Муж недотепа, погнался за дурным заработком, пустые квартиры после стариков небось решил продавать, как был всегда несуразный, так и умер не вовремя, когда ремонт решили затеять, горюшко мое. — Она снова активно засопела. — А уж от моего, — тут она тихо всплакнула, слегка размазав косметику кулачком, — совсем не ожидала. Оказывается, ему совсем не я была нужна, а сведения от Александра Геннадьевича! Я и так его держала за изменщица, но уйди он к другой — я бы его поняла, я бы ей глаза

выцарапала, а из-за ахапкинских бумажек... — У нее полились тихие слезы.

В этих невнятных речах мне привиделась конкретная зацепка, и я принял стойку, как хороший охотничий пес, почувший дикую добычу или домашнюю колбасу.

— Ну-ну, Ксения Сергеевна...

— Можешь звать меня просто Ксюша, мне сейчас так нужна поддержка... Вот. — Она порылась в кармане халата с его не оттянутой стороны, и декольте разошлось симметрично. Она показала мне зажатый в руке листок, в котором я узнал свою представительскую карточку, оставленную при первом визите. — Так при себе с тех пор и ношу днем и ночью, а ты все не заходишь...

— Не может быть, чтобы кто-нибудь бессовестно ухаживал за вами только ради каких-то собесовских бумажек Александра Геннадьевича. Никогда не поверю, чтобы кто-нибудь мог решить от вас уйти, — фальшиво закончил я. — Назовите мне его, я ему просто морду набью. — На самом деле я бы сейчас очень даже понял ушедших. Удивительно, насколько Ирочка отличалась от своей мамы.

Ахапкина нервно захохотала.

— Насчет того, чтобы набить, Сереженька, это у тебя ручки коротковаты. Это он тебя может запросто, Ты не смотри, что он бизнесмен и директор банка, у него еще какой-то черный пояс по единоборствам есть. Каждый день свои чертовы мышцы качает.

Я вспомнил светлые прозрачные глаза Коли, его шепот «Убью» и утвердился в догадке.

— Это Коля?

— Это мне он Коля, а тебе Николай Алексеевич Спиридонов.

— Ксюшечка, а он с охотой как-нибудь связан? — льстиво подобрался я к своему главному вопросу.

— Зачем тебе? — Она решила, видимо, что мой интерес вызван ревностью к сопернику. — Он заядлый охотник, зам председателя ихнего общества. Я думала, у него на первом месте я и охота, а оказалось, со сведениями моего покойного на стариковских квартирах можно большой бизнес делать... — Она снова обиженно засопела.

Не обращая внимания на нелогичные проявления женского горя об ушедших любовнике и муже перед лицом

новой потенциальной кандидатуры, я проявил жестокое бессердечие: вместо того чтобы утешать вдову, схватил телефонную трубку и набрал знакомый номер. Трататата-та-та... — сухие щелчки в трубке звучали победной четкой.

— Лия Павловна, здравствуйте, это Лубников, соедините меня с Безбородниковым, срочно, пожалуйста.

— Его нету. — Я мысленно грязно выругался. Или чисто выругался — какая, блин, разница?

— Лия Павловна, это крайне важно, запишите и передайте ему, как придет: Спиридонов Николай Алексеевич...

Дверь в комнату раскрылась, и четкий, холодный и насмешливый голос произнес:

— Ну, и кто же здесь склоняет мое имя всеу?

Я поднял глаза, и мы с Ксенией Сергеевной в один голос завопили:

— Коля?! — Он стоял в проеме открытой двери. В обстановке сориентировался сразу, потому что Ахапкиной улыбнулся и сказал:

— Поправь халат, дура, и прекрати реветь, — а мне: — Я тебя предупреждал, чтобы ты больше не появлялся, а то убью. Пеняй на себя.

Ксения Сергеевна кинулась ему навстречу с распростертыми объятиями.

— Коленька, ты вернулся! Ты неправильно понял, между нами с Сережей ничего нет, это деловая беседа. — Он отпихнул ее, и она отлетела обратно на софу.

— А хоть бы и так. Я просто пришел вернуть тебе ключи от дома. Держи! — Брелок с ключами, коротко звякнув, приземлился на диване рядом с Ахапкиной.

Спиридонов взглянул на меня, растянул узкие губы в оскале и сделал несколько плавных движений в стиле вунг-фу: переход из позы «скорпион» в позу «скорпион жалающий».

— Ну, ментовский подручник, хочешь — я скажу тебе свой лозунг? Он очень простой: заводы — рабочим, банки — банкирам, нары — ментам, а Землю — землянам. Понял? Землю — землянам!

Я откатил ногой журнальный столик и приготовился к суровой драке. Мне все-таки не верилось, что он будет стремиться меня убить, хотя владение вунг-фу это вполне допускало. Я принял позу «скорпион защищающийся» — просто чтобы показать, что тоже не лыком шит.

— Ко-о-оля, — вдруг ласково запела с дивана перед этим хлюпавшая носом Ахапкина, — а я знаю, за чем ты пришел. Ты не ключи принес. Ты пропажу обнаружил и думаешь, что потерял свой пистолетик где-то здесь, хотел поискать. А он не потерялся, это я его взяла на память. Вот он! — Она вытащила из кармана халата пистолет. Господи, я ожидал, что пистолетик окажется маленькой «либреттой», я был практически уверен в этом, но оружие оказалось обыкновенным милицейским стволом. — Стоять! — вдруг взвизгнула дама. — Мальчики, стойте, где стояли, иначе будет плохо!

Коля осторожно опустил руки и улыбнулся на этот раз вполне добродушной улыбкой.

— Ксюха, ты же все равно не попадешь, только мебель порепортишь. Решила провести отстрел лишних самцов в заповеднике? И в кого из нас ты будешь стрелять первого?

Ксения Сергеевна крепко держала пистолет обеими руками. Мне вдруг стало ясно, что она истерична и нервы у нее на пределе, но она совсем не так пьяна, как мне до этого казалось. Она сморщила нос в усмешке.

— А я и не собираюсь палить наугад. Я просто беру заложника.

— И кто же из нас этот счастливчик? — Наверное, Спиридонов хотел заставить ее потерять контроль над собой, но, моему, он пережимал с сарказмом. Это было опасно. Я сделал два малюсеньких скользких шажка вперед, плюнув на все скорпионские позы: надо было бы выхватить у женщины оружие. К моему изумлению, Коля тоже сдвинулся с места и повернулся к Ксении Сергеевне, выпустив меня из поля зрения и подставив мне открытый бок. Сейчас я мог бы провести классический прием «шелест стрекозы с жалом скорпиона», ответить на который не может практически никто, даже уникальные мастера вунг-фу, владеющие легендарным «боем цикады», о котором я знал только понаслышке. Но я не собирался воспользоваться своим преимуществом.

— Стоять на месте, — предупредила Ахапкина и прижала дуло к своей груди, — без глупостей. Заложницей буду я сама, чуть что — застрелюсь.

Все случилось как-то вдруг. Я неосторожно задел ногой подушку на полу, и она едва слышно зашуршала. Спиридонов мгновенно среагировал на шорох: он взметнулся к потолку и на миг превратился для меня в клубок рук и ног.

Это был даже не невиданный мной доселе «бой цикады», а нечто совершенно особенное, невозможное для обыкновенного человека с его реакциями гуманоида. Если бы я проводил свой неотразимый, как мне казалось, прием и вошел бы в контакт со Спиридоновым, то его ступня сейчас была бы у меня под подбородком, колено его второй ноги крушило бы мой висок, а локоть выбивал глаз. Похоже, Спиридонов ожидал, что я воспользуюсь его мнимой беззащитностью, и меня спасла только моя мягкотелая интеллигентская привычка никогда не нападать на человека первым да еще и сзади. Не встретив ожидаемого противника, клубок перешел в кульбит и Коля приземлился на ноги в углу комнаты. Не знаю, что было бы дальше, но Ахапкина от неожиданности вскрикнула и надавила спусковой крючок — выстрел прижатого ствола прозвучал глухо, она упала навзничь.

— Сволочь ты, Коля, — сказал я, наклонившись и безуспешно пытаясь нащупать пульс у покойной. Она была, возможно, вздорной женщиной, но мне было ее жалко. Не говоря уже о том, что она была Ириной мамой. Я попытался посмотреть взглядом стороннего наблюдателя, но обнаружил, что мне все равно жалко мертвых людей.

Мой тренер всегда повторял мне: «Проще будь, Сережа, проще. Ближе к людям. Если есть возможность ударить — бей!» Похоже, что Коля порадовал бы моего тренера: как только я разогнулся, я получил удар, от которого потемнело в глазах и подкосились ноги.

Когда я открыл глаза, нас в комнате оставалось двое: я и Ахапкина. Она лежала в той же позе с пистолетом в руке. Я валялся рядом. Коля оказался прагматичным человеком. Если бы он меня убил, то наши трупы — мой и Ахапкиной — повисли бы для милиции на неизвестном убийце, и этим Коля спустил бы на свой след свору сыскарей. А в данной ситуации, если он уже вызвал милицию и она найдет меня рядом с телом Ахапкиной в ее доме, то труп скорее всего повиснет на мне. В лучшем случае, если поверят моим невероятным рассказам, дело будет рассматриваться в качестве никак не связанного с Колей самоубийства. Это только какие-нибудь законопослушные немцы или американцы бегут вызывать полицию и дожидаются ее приезда, а я — россиянин до мозга костей. Я встал и на неверных ногах — пульс в висках бухал тяжелой колотушкой — бам-бам-бам! — побрел к выходу. Если я успею уйти до

приезда дежурки, то труп будет не мой, а ничейный. Пусть эксперты сами разберутся, что здесь было самоубийство. Отпечатков пальцев тут достаточно много и без моих, пусть ищут, что хотят. Тем не менее я старался идти, не держась за стенку и перила.

Как хорошо, что наш город не Чикаго, где полиция с воем сирены появляется за пять минут. Я успел убрести до приезда милиции.

12

*Чем больше загаданное желание,
тем крупнее падающая звезда.*

Обратная теорема Лапласа

Голова продолжала болеть и оставалась чугунно-тяжелой, несмотря на съеденную упаковку пенталгина. За глазами давило, выталкивая их наружу, а затылок был чугунно-тяжел. Я ехал медленно и осторожно и два раза по дороге останавливался отдыхать. В целом дорога до Липиц заняла полтора час, по этому результату меня вполне можно было бы занести в Книгу рекордов Гиннесса. А по самоощущению — в Красную Книгу исчезающих видов.

Я все еще не знал, что скажу Ирочке.

Голова болела вдвойне: не только от полученного удара, но и от полной неразберихи с окружающей реальностью. Тогда, после Оболенска-3, меня, как и других, обследовала спецкомиссия. Врач показал мне картинку и спросил, что на ней изображено.

— Бегущий мальчик.

— По чему он бежит? По земле, по траве?

— Здесь фон не нарисован, не знаю, по чему.

— Может ли быть тогда, что он летит в воздухе?

— Да, пожалуй, может. Тогда он не бежит, а просто перебирает в воздухе ногами.

— Откуда вы знаете, что он ими движет? Это же не киноплёнка, а отдельный кадр.

— Что же я должен отвечать, чтобы было правильно?

— Вы видите изображение мальчика в позе, типичной для бега. А теперь посмотрите следующую картинку. Что вы видите на ней?

— Девочку, читающую книжку. Я опять не выдержал проверки, да?

— Правильный ответ: девочку, смотрящую в книжку. Мы не знаем: читает она или смотрит картинки, или же просто тупо пялится на пустую страницу. Но проверку вы выдержали — у вас нормальная реакция земного человека, никакой зараженности чужим разумом, связанным с абстрактной астральной логикой. Просто, наверное, некоторые специальности, требующие тщательного анализа, вам не показаны — например, быть детективом-аналитиком.

Вот я и стал детективом. Может быть, из духа противоречия. Решил использовать свою абстрактную логику. Вначале все было ясно: меня наняли из-за шантажа, я нашел шантажиста, дело закрылось. Потом всплыла суть того, чем шантажировали, — бессмысленная и загадочная. Сумасшедшие рассказы психически больной о проникновении инопланетян. Перерождения граждан в убийц и их насильственная смерть. Не очень ясная вражда двух покупателей информации у Ахапкина — Безбородникова и Спиридонова, похоже, каким-то образом связанная с этими убийствами. Нелепая смерть Ахапкина — видит Бог, живым он был бы обоим покупателям куда нужнее. Я не мог считать себя причиной его смерти, но ощущение вины оставалось. Не успокой я его той ночью, может быть, он бы сбежал и остался жив. Я чувствовал себя причастным и к смерти его жены. Не приди я в дом к Ахапкиной, она тоже могла бы остаться в живых. Кто угадает, что было бы, если бы мы поступали не так, как поступаем? Почему наши действия в жизни не сопровождается тревожная предупреждающая музыка, как героев кинофильмов? Сейчас я ехал к их дочери. Зачем? Рационального объяснения этому не было, я мог бы и не ехать. Меня гнали моя вина и — я вынужден был себе в этом признаться — желание увидеть Иру. Быть рядом с ней. Может быть, подставить плечо, поддержать. Я попытался увидеть ее отстраненным взглядом наблюдателя, но смог представить только роскошные медные волосы, зеленые глаза и упрямое вздернутый подбородок.

— А нету ее, — сообщила мне Ирина липицкая родственница, — уехала она потому что. Сестра ее за ней заехала, вместе и отправились в город.

— Сестра? — Я изумился. — Я не знал, что у нее есть еще сестра. Родная?

— А она и сама до сих пор не знает, что они сестры, — поспешила поделиться со мной Валентина Степановна. — А насчет «родная», так это, как называется, сводная: серединка-наполовинку. Покойничек наш, пусть земля ему будет прахом, нагулял, а потом отрекся, признавать не хотел, мол, не моя, ничего не знаю. Тем более мать там и пьющая, и гуляющая. А что там признавать или не признавать, у нас село — не город: все на виду, все ясно. И все знают, и рыжая такая же уродилась, вся в упокойничка, у нас в Липицах отродясь, кроме него, рыжих не было. И лицом похожа, и всем. Правда, до последнего года какая-то вся замурзанная ходила, на нее даже парни не глядели. А потом, полгода назад, вдруг в одночасье расцвела, умылась, прифрантилась, заговорила умными словами и в город упорхнула. На мать свою даже не оглянулась. И то сказать, кому такая мать-алкоголичка нужна. А сейчас приезжала на машине, ну что вы, вообще прямо как цветочек.

В моей больной голове стали связываться обрывки соображений.

— Валентина Степановна, скажите, пожалуйста, а как ее зовут?

— Ульяна Стаценко...

Уважающий себя детектив должен не гнаться за событиями, как шавка за мотоциклом, а думать, анализировать, пытаться опережать развитие хода вещей.

Итак, Уля перебралась в город и занялась поисками своего отца. Сразу она этим занялась или только поступив ко мне на работу — Бог весть. Я оказался достаточно дураком, чтобы позволить вешать себе на уши лапшу. Впрочем, об этом я не жалел: Уля мне нравилась. Каким-то образом она узнала, что ее отца шантажируют, и послала ему от имени моего агентства предложение услуг, с моей визиткой. Это объясняет приход Ахапкина именно ко мне и появление у Ирины моей визитки, взятой ею у отца. Я ему визитки не давал, а моя представительская карточка, выданная Ахапкиной, так и осталась валяться у покойницы.

Ахапкин продавал сведения Безбородникову и Спиридонову. Он понимал, что за просто так никто не платит, и, судя по всему, подозревал, что дело связано с криминальным бизнесом по захвату квартир одиноких людей. Он испугался, что после попытки шантажа его убьют как человека, который слишком много знает.

Погорелов и его соседка старушка — случайные фигуранты в этом деле. Сюда же попадает Ксения Сергеевна — жертва обстоятельств.

Спиридонов находил подходящих крепких одиноких людей и заселял их инопланетянами или приводил к какому-то психозу. Безбородников находил этих уникалов и убивал без суда и следствия. Эта линия прослеживалась четко и была единственным разумным объяснением кипящего вокруг меня безумия. Ни тому, ни другому не было нужды убивать Ахапкина. Более того — он был им нужен. Смерть Александра Геннадьевича означала для них только необходимость поиска другого, такого же опытного, чиновника собеса.

Также без объяснения оставалась смерть дяди Володи. Оба они убиты из одного и того же оружия, вероятно, одним и тем же человеком. Оба перед смертью общались со мной. Все, что их объединяло, — я. Я прислушался к себе: может ли быть, что я, незаметно для самого себя, получил раздвоение личности? Если их обоих убил я, то зачем и где я прячу «либретту»? Я постарался посмотреть взглядом стороннего наблюдателя. Если в мире еще существует логика, то она должна быть одинаковой у землян и инопланетян: ничто не происходит без всякого основания. От напряжения у меня снова заболела голова и заложило виски, мне надо было отлежаться.

Или выпить каберне.

13

*Отставной Билли Бонс без нашивок
Больше в жизни не делал ошибок:
Он лежал на песке, головою в мешке,
Застрахован от разных ошибок.*

Пиратская песня

— Сергей Иванович, — бросилась ко мне Уля сразу же после того, как я появился наутро в офисе, — завтра у Иры Ахапкиной похороны отца, его наконец разрешили забрать из морга, а еще у нее мать застрелилась. Я поэтому вчера весь день с ней пробыла, так получилось. Свидетельство о смерти, справку из загса, разрешение на захоронение — все получили. Можно, я еще завтра ей с похоронами помогу?

Веки у нее покраснели, и я подумал, что сиротство далось сестрицам нелегко.

— Хорошо, Уля, — сказал я. И, помолчав, добавил: — Я был вчера в Липицах и говорил с Годухиной. Она мне сказала, что вы с Ирой сестры. Ты ей это уже рассказала?

Уля вздохнула и опустила голову.

— Ничего я ей не говорила. И вы ей не говорите, пожалуйста, Сергей Иванович. Ни к чему оно. За наследством я не гоняюсь, отца себе не сделаешь, а с Ирой мы и так вроде как сильно подружились. Подруги — это больше, чем родственники.

Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я перед вами вроде как виновата немного, потому что все из-за меня началось. Я, когда в город перебралась, придумала отца пошантажировать — не из-за денег, а чтоб он про мать и меня вспомнил. А тут как раз тогдашний городской начальник над милицией и прокуратурой, Кротков Иван Георгиевич, в катастрофе погиб, а мне сказали, что новый начальник, Безбородников, ваш друг. Я и решила к вам прийти и отсюда все проверить. Наплела вам много чего, извините, а вы человек добрый, доверчивый, меня и взяли. Я послала отцу сначала вашу визитку и рекламку, будто вы специалист по всем делам, особенно по шантажу. Только собралась начать ему писать — шантажировать, а тут он сам и прибежал, я даже испугалась. Я же не знала, что его уже кто-то и без меня достает. А если бы я вам на голову не свалилась, жили бы вы без меня спокойно и горя не знали.

Я усмехнулся.

— Ничего, Улечка, я тебе даже благодарен. Конечно, это совсем другая жизнь, но жить с тобой... То есть я имею в виду... — Мы оба смутились. Наверное, я больше.

Все же эти молодые девчонки смотрят на жизнь проще, чем детективы, даже уже успевшие многое повидать. Уля заинтересовалась:

— Сергей Иванович, можно спросить: а кто вам больше нравится — Ира или я?

Я почувствовал, что смущаюсь от такого прямого напора.

— Видишь ли, Уля, как тебе сказать... Вы мне обе, безусловно, очень нравитесь. И я рад с тобой работать, ты очень перспективная и интересная девушка. Во всех отношениях. Но, ты извини, просто у нас с тобой очень большая разница в возрасте, Ира мне все-таки немного ближе.

Уля ядовито улыбнулась.

— Мы с Ирой так и решили, что она вам больше понравилась. Потому что человек всегда нравится просто так, а почему — это уж все сами потом придумывают и подбирают причины. Между прочим, вы ей тоже сильно нравитесь. Правда, и я ей о вас много чего рассказывала.

Я почувствовал, что у меня начинают гореть уши.

— Уля, ну что ты, то есть вы могли ей обо мне рассказывать, вы же меня совсем не знаете.

— Ох как много знаю, вы даже себе не представляете, Сергей Иванович, — совершенно серьезно сказала Уля. — Кстати, Ира просила сказать, что она вам очень благодарна за поддержку и хотела еще вам сегодня позвонить и заехать. А еще вам сегодня звонила Степанюк Вера Васильевна, просила, чтобы вы ей перезвонили: у нее для вас есть важная информация.

Я с готовностью прекратил приятный, но идиотский разговор с Улей о своих сердечных проблемах, решив, что потом еще осторожно порасспрашиваю ее об Ире, и устремился к телефонному аппарату. Вера Степанюк оказалась на месте.

— Сережа, — обрадовалась она, — у меня для тебя убойная новость! Конечно, это пока служебная тайна, потому что дело еще на следствии, и не телефонный разговор. И Безбородников сказал, чтоб я тебе не говорила, он тебе сам сегодня скажет, чтоб это было сюрпризом. Но я думаю, что тебе нужно знать как можно раньше. Нашелся ствол, из которого прикончили обоих убийц-охотников, и его хозяин вместе с ним! — Она выдержала эффектную паузу. — Никогда не поверишь, но киллером оказалась женщина. Вчера она покончила с собой в состоянии аффекта после того, как убили ее мужа. Некто Ахапкина Ксения Сергеевна. Так что теперь все эти висяки закрывают. Ты только Сереже не говори, что я тебе уже все рассказала, сделай вид, пожалуйста, что это сюрприз. Ладно?

Ладно. Я положил трубку и продолжал тупо смотреть в пространство перед собой. Охотники на людей были убиты из ствола Ахапкиной — Спиридонова. Вся сложившаяся у меня схема представлений расплзлась на глазах. В такой ситуации спасовал бы любой здравомыслящий детектив. Ниро Вульф ушел бы корпеть над своими орхидеями, а Перри Мейсон — надираться в ресторан вместе со своей секретаршей.

Еще недавно я считал, что, помимо бытовухи и разборок, в нашем богоспасаемом городе никаких происшествий не происходит и происходить не может. Геральдист Санти,

составлявший гербы для многих городов российских, измучился найти для нашего хоть что-нибудь примечательное. В конце концов, отчаявшись, он изобразил на щите павлина, выкормленного в местном Борисовском монастыре: больше здесь не было ничего, на что глаз положить. Чехов, проезжая наш город на поезде, записал: «Обедал в станционном буфете, ел щи с говядиной — больше мне об этом городе сказать нечего». Ильф и Петров описали нас как уездный центр, расположенный в ста километрах от Москвы по трассе автопробега на Харьков: место, где не останавливаются скорые поезда и где никогда ничего не случается. Никогда — ничего.

Теперь мне нужно было пересмотреть прежнюю точку зрения. Наш город оказался местом разгара шекспировских страстей. Даже девчушка-секретарша была подлинной героиней трагедии: брошенной дочерью, сиротой при убитом отце. Трупы падали направо и налево. В этом центре сосредоточения тайн мне не хватало прежней медитации с каберне, где виноградная цветочность вина оттеняла бездумность мечтаний. Какие там мечтания! Пора было ехать к Безбородникову, брать его за грудки и, глядя в его стеклянные глаза, вытрясать из него все секреты.

14

*Бедному нужно мало, сибариту много,
а жадному все.*

Собес

Мне не пришлось ехать к Безбородникову. На ловца и зверь бежит — так, кажется, говорят охотники о легко раненном кабане.

— Улечка, дорогуша, — сказал Безбородников, появившись на пороге моего офиса и оборачиваясь в глубь приемной, — не в службу, а в дружбу: слетай за бутылочкой каберне к бармену Васе. Вот деньги. Если там почему-нибудь еще закрыто, то обязательно дождись, пока откроют: у них каберне беслановского завода.

Он отодвинул стул от моего стола и сел, широко улыбаясь.

— У них приемка товара, — сообщил он после того, как хлопнула дверь, — я попросил Васю ей не отпускать сразу, так что у нас есть добрых полчаса для разговора

наедине. В нашем городе проживает шесть Николаев Алексеевичей Спиридоновых, и я не хочу тратить время на проверку каждого и обращать на себя лишнее внимание. Не говоря уже о риске спугнуть. Который из них мой? Говори быстрее и получай свой гонорар. — Его рука осторожно передвинулась к карману шинели, и мне почему-то сочетание широкой улыбки с осторожным движением руки не понравилось.

Я решил идти в открытую.

— Еще недавно я сказал бы тебе это сразу. Потому что думал, что Спиридонов заселяет Землю инопланетянами-убийцами, а ты их отлавливаешь и отстреливаешь. Теперь я знаю, что ситуация обратная: сафари для маньяков организуешь ты, а находит и убивает инопланетян он. Объяснись, пожалуйста.

Сергей зло прищурился.

— Понятно. Дура Верка успела разболтать тебе. А я же предупреждал ее, что сам сделаю сюрприз. — Он опустил руку в карман. — Хорошо, объясню. Инопланетян я получил от Ивана Георгиевича Кроткова... — Я не смог удержаться от возгласа недоверия. — Да, да, уж поверь мне. Только старик брал не больше одного инопланетянина в год и исходил из тех же древних принципов, которыми он руководствовался в перевоспитании малолетних правонарушителей. Это должен быть шанс начать совсем новую жизнь после прошлой неудачной. Например, долгая одинокая жизнь некрасивой инопланетянки, которую там никто так и не полюбил, а она хочет найти замечательного человека и не расставаться с ним никогда. Тихий скромный приличный инопланетянин, который хочет быть полезным. Или честолобивый инопланетянин с манией стать президентом земного шара и всех землян — любой ценой — в конечном счете осчастливить. Кротков имел нелегальный генератор-облучатель внеземного производства для переселения душ и вел дневник, где обозначал своих клиентов без новых имен, условно. Но последний инопланетянин, вот этот, рвущийся в президенты, это и есть твой Спиридонов. На нем Иван Георгиевич и сломался. Спиридонов убил Кроткова, подстроив ему аварию, а теперь охотится за мной. Он боится, что мы вызовем других активных внеземлян, которые перейдут ему дорогу. Я был просто вынужден приглашать сюда разных маньяков: как приманку для Спиридонова и как его потенциальных конкурентов. Есть там у них такая теория про активные единицы в пассивном обществе. Мы должны остановить Спиридонова прямо сейчас. Который из них — он?

Я помолчал целую долгую секунду.

— Врешь ты, Серега. Я тебя давно и хорошо знаю. Кротков Спиридонову не мог мешать, скорее это ты убрал старика, чтобы взять генератор и бизнес в свои руки. Если бы Спиридонов захотел до тебя добраться, то уже бы убил. Он смог бы. Но зачем будущему благодетелю земного шара уничтожать землян попусту? А вот тебе он портит весь бизнес. Еще одна смерть браконьера-инопланетянина, и сюда просто никто не станет переселяться: они поймут, что в наших райцентровских джунглях они не короли охот, а жертвы-смертники. Чем они с тобой расплачиваются? Я не назову тебе конкретного Спиридонова, пока ты меня не убедишь. Еще и его предупрежу.

— Чем расплачиваются? — зловеще повторил Серега. — А хоть алмазами. Они умеют их делать даже в духовке нашей газовой плиты. А твой гонорар — вот он. — Серега вытащил из кармана шинели руку с пистолетом. — Это утерянный ствол Погорелова, мой у меня в кобуре, так что за меня не беспокойся. У тебя есть выбор: назвать Спиридонова сразу и умереть легкой смертью, чтобы тебе не вздумалось его предупредить, или поупорствовать и назвать мне его после того, как я расстреляю тебе половину обоймы в не самые жизненные, зато самые болевые места. Мы вместе росли, но сейчас это не важно и я не шучу. Что выбираешь?

— А могу и я что-нибудь выбрать? — В комнату из приемной вошла Уля. — Я и не уходила никуда. Во-первых, у меня здесь есть заранее припрятанный для Сергея Ивановича запасец каберне, а во-вторых, очень хотелось подслушать ваш занимательный разговор. Я только не знала, когда мне лучше войти.

— Ты вошла вовремя, — сказал Серега и чуть подвинул стул, чтобы, не спуская с меня взгляда, скоситься на Улю. — Мне просто придется написать потом рапорт, что я застал здесь не один, а два трупа. Подойди на шаг ближе, больше не надо, и оттуда объясни Сергею Ивановичу, что он должен как джентльмен ответить на мои вопросы сразу. Тогда, может быть, я оставлю тебя в живых. Ты подтвердишь мой рапорт, что киллер заглянул с балкона, убил Лубникова, бросил вытертый ствол и скрылся.

— Сергей Григорьевич, — сказала Уля, — а на меня посмотреть не хотите? — Она полезла рукой к себе под юбку.

Безбородников скосил глаза, не сводя с меня прицела, и фыркнул:

— Девочка, меня этой ерундой не отвлечешь.

— Уля!.. — крикнул я. — Не надо!

Уля выдернула из-под юбки «либретту» и быстро и метко выстрелила Безбородникову в голову. Серега рухнул вперед, лбом на столешницу.

Сначала я сидел неподвижно и только оторопело глядел на невозмутимую Улю. Потом стал приходить в себя и откашлялся.

— Улечка... То есть, Господи, я хотел сказать, Улечка... Уля, я, конечно очень благодарен тебе, ты спасла мне жизнь, но «либретта»... Неужели это ты убила дядю Володю и своего отца? Зачем?

Уля вздохнула и улыбнулась.

— Видишь ли, Сережа, я офицер космопола. Мое задание: прекратить миграцию беженцев и преступников в ваш заповедник. Из-за этого я на весь остаток своей жизни отправлена сюда. Это было не так просто. Теперь задание выполнено. Твой пьяный экстрасенс чуть мне все не испортил: прочел мои мысли, что-то понял, что-то нет, стал орать про инопланетян, убийц, про то, чтобы сдать меня на опыты, и попытался изолировать меня на балконе. — Она передернула плечами. — У меня не было другого выхода.

— А своего отца?

Уля замялась.

— Я не хотела его убивать. Просто во мне выступила моя человеческая, земная, ипостась. Эти два слоя разума так легко путаются. Я решила встретиться с ним и поговорить о его отцовстве. Я возмущалась тем, что он бросил мою мать, а он стал еще ее обзывать. Я кричала на него, хотела напугать, махала перед носом пистолетом, нечаянно нажала на спусковой крючок. Да, я убила своего биологического отца, потеряла своего, может быть, потенциально самого близкого человека...

Я посмотрел на полные слез глаза Ули и вспомнил, как легко и просто она управлялась со всеми приходившими членами сект и впендюривателями и как спокойно она пережила приход Ахапкина к нам в качестве клиента. Между прочим — по ее письму-приглашению.

— Брось мне мозги пудрить, Уля, — грубо сказал я, — ты убила его так же метко, как дядю Володю: пулю в лоб. Испугалась и нечаянно нажала на спусковой крючок? Так я тебе и поверил!

Уля подумала.

— Приятно иметь с тобой дело, Сережа, — сказала она, — ты мне понравился с самого начала. Твоя порядочность определила мое место работы не в меньшей степени, чем сочетание других факторов. К сожалению, твой мозг, по-видимому, получил иммунизацию при ликвидации катастрофы в Оболенске, поэтому я не смогла тебя загипнотизировать или подчинить своему влиянию. Так что, открывая тебе правду, я все равно должна или убить тебя, или положиться на твою порядочность. Если бы я решила тебя убить, мне было бы достаточно застрелить Безбородникова уже после того, как он с тобой расправится. Да, я просто провела операцию по обеспечению безопасности заповедника. Безбородников был организатором браконьерских перемещений. Мой биологический отец был его пособником и обеспечивал информацией. Экстрасенс Качалкин создал аварийную ситуацию, грозящую срывом операции. Сейчас все позади. Генератор теперь не представляет проблемы. Ты можешь даже попытаться сдать меня. Про то, что я офицер космопола, я, естественно, не признаюсь никому, а остальное... — Она пожала плечами.

— Уля, — сказал я, — быстро, не тяни время. Все, что я о тебе думаю, я скажу потом. Я не сторонник решения даже самых важных и гуманных проблем, — я сглотнул, подбирая слова, — таким способом. Ты убила своего отца и дядю Володю, но спасла жизнь мне и, наверное, многим людям планеты. Я не хочу, чтобы тебя арестовали. Быстро выйди на балкон, руками ничего не трогай, чтобы не было отпечатков, прострели фанерку, чтобы пуля влетела вовнутрь. Я возьму сковороду из шкафчика, чтобы пуля не ушла в стену. Быстрее.

Баммм!

Я подобрал пулю.

— Так. Теперь давай сюда «либретту». Нет, сначала вытри отпечатки пальцев, вот тряпка. И с обоймы тоже. Так. А теперь давай ее сюда, — я взял оружие через тряпку, — и к чертовой матери, чтобы я его у тебя никогда больше не видел! — Я вышвырнул «либретту» через открытую дверь балкона, как можно дальше! Следом, рассыпью, запустил патроны. Хорошо, что наш балкон выходит на помоечное болото пустыря между пятиэтажками.

После этого мы с Улей усталились на труп Безбородникова, приткнувшегося головой на моем столе.

— Ну, офицер космопола, и что мы будем с ним делать?

Входная дверь офиса открылась, и я замер, услышав чьи-то шаги. А ведь должен был догадаться, что Безбородников мог приехать не один. В комнату, обаятельно улыбаясь, вошел Миша Соколов, Серегин зам. За его спиной заполняли дверной проем два здоровенных сержанта.

15

Я пью, чтобы другие люди стали интересней.

Анонимный алкоголик

Соколов притормозил своих гвардейцев при входе в комнату и махнул Уле рукой.

— Здравствуй, девочка. Посиди, пожалуйста, вместе с моими мальчиками в приемной. — Уля молча и покорно вышла и закрыла дверь между комнатами.

Соколов подтащил к столу от стенки старый стул, числившийся у меня в запасных, и оседлал его. Теперь нас за столом было трое: мы с ним, сидевшие визави, и разместившийся сбоку, лицом в столешницу, Безбородников. Соколов продолжал игнорировать присутствие своего убитого начальника и обращался ко мне так, как будто в упор не видел — кого? что? — труп.

Интересное свойство русского языка — разница между понятиями «мертвец» и «труп». И то, и другое представляет собой уже неодушевленное тело, но «труп» в винительном падеже отвечает на вопрос «что?», а «мертвец» — «кого?». Мертвец — это еще личность. Труп — это уже нечто, а не некто. Безбородников уже стал никем.

— Что скажешь, счастливчик? — обратился ко мне Соколов.

У меня появилось ощущение, которое, кажется, называют дежавю: ложная память, фальшивое впечатление, будто бы все это со мной уже происходило.

— Почему счастливчик? — тупо спросил я, не отрывая взгляда от маленькой дырочки в голове у Сергея Безбородникова.

— Потому что жив, — внезапно перестав улыбаться, резко сказал Соколов. — Я знаю, какие дела тебе давала смотреть Вера Степанюк, и так понимаю, что ты уже глубоко залез в эту историю и должен смыслить в ней даже поболее моего. А ведь и я немало знаю. По-честному, я предполагал, что Сергея Безбородников тебя пришьет и, чтоб от меня отма-

заться, пустит меня в свой бизнес. Так что теперь мы оба счастливики. Ты — потому что жив. Я — потому что унаследую Серегин генератор. Ну, это тебе не понять. Итак, ты мне хочешь официально сообщить, что киллер заглянул с балкона, застрелил нашего начальника и ушел. А ты не успел его увидеть, потому что сидел спиной к балкону. Так?

Я молча кивнул.

Соколов встал со стула, легко и быстро пошагал к балкону и остановился, заложив руки за спину, покачиваясь с носков на пятки и разглядывая дырочку в фанере. Потом обернулся ко мне и улыбнулся.

— Я ожидал, что здесь будет лежать твой труп, а всю эту фигню про заглянувшего киллера мне будет рассказывать живой Безбородников. Я даже постоял под твоим балконом: ждал, когда он выглянет, чтобы изобразить смазанные следы присутствия убийцы. А выходила на балкон вовсе твоя секретарша. Интересно. Даже не знаю теперь, что мне с вами делать. — Он оглядел пол возле балконной двери. — А где «либретта»? Я-то ожидал, что Безбородников мне скажет, что киллер бросил свое использованное оружие, не оставив на нем отпечатков пальцев. Неужели я найду ствол в вашем офисе?

— Наверное, киллер бросил его на пустыре, когда убегал. За то время, что вы поднимались по лестнице, — утрюмо сказал я.

Соколов поднял брови, преувеличенно демонстрируя удивление.

— Догадливый киллер. Будет хуже, если я при обыске обнаружу «либретту» здесь. Могу сказать без экспертизы: на этом стволе уже два трупа.

— У меня алиби на время убийства Качалкина, — ляпнул я и с ужасом понял, что выдаю Улю.

По-видимому, Соколов ее в расчет не брал и понял меня иначе.

— У тебя теперь нет алиби, — сообщил он мне, — Ксения Сергеевна Ахапкина ничего больше подтвердить или опровергнуть не может, она лежит в море.

Я открыл рот и поспешно его закрыл, спохватившись, что официально я могу знать о ее смерти только то, что услышал по секрету от Веры Степанюк. Слава Богу, что Соколов не знает, что я был свидетелем и соучастником самоубийства Ахапкиной.

Соколов заметил смятение на моем лице и отнес его за счет моего испуга отсутствию алиби.

— Ага, — сказал он, — теперь до тебя доходит наконец серьезность ситуации. От тебя я сейчас обильных слов не жду. Обыск мы проведем и без ордера — в связи с обнаружением трупа. Но сначала я хочу допросить твою секретаршу без твоего присутствия. Посмотрим, что скажет девочка. Устами младенцев глаголет истина. Громов! — крикнул он. — Шли сюда девицу, а Лубников пусть пока посидит с вами в предбаннике.

Мы с Улей молча разминулись, проходя навстречу друг другу, как обмениваемые шпионы в старых кинофильмах. Я семафорил ей отчаянным взглядом, но она прошла, скромно опустив глаза в пол. Как жаль, что я не телепат. Тут я напомнил себе, что она не только девчонка после сельской школы, но и хладнокровный офицер космопола. Но ведь и Соколов — майор, а не мальчишка.

Дверь из приемной в офис закрыли, и разговор до меня не доносился. Я засекал время, оно шло ужасно медленно. Каждая минута тянулась полчаса и стоила мне года жизни.

16

Красота заключена в глазах смотрящего.

Гомер

Я не испытывал большего шока, чем в тот момент, когда дверь между приемной и кабинетом офиса раскрылась. Выдававшие виды милиционеры, наверное, были потрясены не меньше. На фоне письменного стола, на котором в прежней позе лежал мертвый Безбородников, стояли, сияя и держась за руки, Соколов и Уля.

— Торжественно объявляю, — пропел Соколов, — что мы решили огласить наше намерение вступить в брак. — Уля слегка покраснела и потупилась. Соколов расцвел еще больше. — Можете нас поздравить. Сейчас заберем тело, составим акт, а потом я вас оставляю: мы с Улей должны подать заявление в загс.

Оба милиционера и я продолжали таращиться на Соколова. Вид у него был самый нормальный, не считая некоторой идиотской улыбки, впрочем, уместной у жениха. Если здесь, как я подозревал, и был Улин гипноз, то заметить его по каким-нибудь признакам было невозможно. Милиционеры подумали и успокоились. К идиотским улыбкам сво-

его начальника они привыкли. А решения начальника, какими бы странными они ни были, официально обсуждению не подлежат. Улины молодость, фигурка и волосы стоили того, чтобы делать предложение.

Она заговорщицки наклонилась ко мне.

— Любимый город может спать спокойно. Соколов находится под моим плотным контролем — отныне и во веки веков, аминь. Генератор будет ликвидирован. Больше контрабандных вылазок в ваш заповедник не будет. Слово офицера космопола. — Уля подмигнула красивым рыжим глазом. Густые ресницы шелохнули по щеке, и я снова подивился сходству сестер.

— А как же те, что уже проникли и уцелели? Что будет со Спиридоновым?

— Простим этих немногих. Спиридонов считает себя единственным уцелевшим из проникших, так оставим его в этом приятном заблуждении. Вашему террариуму (ведь Земля — это Терра по-ученому, верно?) не помешает со временем новый честолюбивый президент-инопланетянин. То, что он вхож в бизнес, знает восточные единоборства и убивал своими руками ради высшей цели, — все это его только украшает.

— Право, не знаю, — задумчиво забормотал я, — президент-инопланетянин — это как-то слишком круто.

— А кого бы ты хотел? — изумилась Уля. — Смотри, кто тебя окружает: готовый на убийства Безбородников, его беспринципный зам Соколов, подлец Погорелов, мой биологический папаша, его одурелая жена, спившиеся моя биологическая мать и твой дядя Володя. Зачем им жить и кто из них горазд в президенты? Вот за тебя, Сережа, я бы поручилась. И замуж бы пошла, еще не поздно переиграть, как только уберу генератор, да не стану у сестрички отбивать. Тем более что ты гипнозу так легко не поддашься.

Я покраснел.

— А ты уверена, что я Ире нравлюсь?

Уля снова подмигнула рыжим глазом.

— Сами разберетесь. А о президенте не думай: через пару лет Скальская выйдет из дурки, вот тут пусть они и потягуются. Прощай: нам с женихом надо ехать подавать заявление в загс.

Минут через сорок Соколов, Уля, сержанты и труп Сереги покинули мой офис, где сразу стало пусто, тихо и одиноко. Мир сузился до размера террариума, где к верши-

не гадючника пробирался чокнутый и целеустремленный супермен-инопланетянин. Через пулевую дырку в фанерке и неплотно закрытую балконную дверь доносились отдаленные голоса детенышей аборигенов на пустыре между пятиэтажками. Это играли и подрастали будущие алкоголики и убийцы. Я посмотрел вокруг взглядом отстраненного наблюдателя, и мне стало так тошно, что я впервые пожалел, что у меня нет оружия и я вынужден продолжать жить на этой планете-заповеднике. Так просто и легко было бы пойти за мадам Ахапкиной и ни о чем не думать. Взгляд стороннего наблюдателя — сплошной романс «Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть...».

Резко и отчетливо в пустом офисе зазвонил телефон.

Я угадал, кто это звонит, и мне стало легче. Волны тоски откатили. За окном было теплое голубое небо, и дети на пустыре были просто смешными играющими детьми. Это звонила Ира.

Я протянул руку к трубке звонившего аппарата — и остановился.

Мне помешал голос внутреннего наблюдателя, бесстрастного аналитика: а ты уверен, что имеешь моральное право жениться на девушке, взять на себя ответственность за нее, прокормить ее? И стали они жить-поживать, добра наживать... У каких-нибудь выпускников училищ и вузов с их занюханými зарплатами или у несчастных аспирантов с их жалкими стипендиями есть хотя бы шанс стать со временем кем-то: они еще очень молоды. Кем может стать взрослый частный сыщик, пусть даже с абстрактной астральной логикой, занимающийся делами об угонах «Жигулей» в славном райцентре? Жить на Ирины деньги, на деньги покойного Александра Геннадьевича, я не хочу и не могу. Пусть лучше их хватит Ире на то, чтобы успешно окончить институт и получить приличную работу. Я даже не знаю, какой диплом она получает и где сможет устроиться. Может быть, нам стоит плюнуть на все здесь и искать работу в Москве. Я мог бы найти там работу не только охранником, но и в большом детективном агентстве. Но тогда, чтобы купить в Москве хотя бы маленькое жилье, надо продать здесь не только мою ничего не стоящую квартирку в хрущобе, но и ахапкинский дом. Брать на себя это я тоже не мог. Это что же: жениться на Ирочке и рассчитывать на продажу ее дома?

Прошло уже много времени с тех пор, как замолчал звонивший телефон, а я так ни к чему и не пришел. Может быть, для Ириного счастья я должен вообще ее оставить в покое. Пусть она будет счастлива с другим — обеспеченным, красивым и лучшим. А я буду издали счастлив за нее вместе со своим горем-благородством. Может быть, нужно даже оттолкнуться от нее, чтобы она сразу захотела меня забыть. Например, взята да и жениться на Уле, пока не поздно. Она тоже хорошая девушка. По-своему. Большой любви у нас не будет, я гипнозу не поддамся, но будут очень даже нормальные отношения. Будет — я криво усмехнулся — семейное детективное агентство. Если честно признаться, то главным в нем была бы она. Ни на что я не гожусь. Я еще раз пожалел, что выбросил «либретту». Как было бы просто избавиться от всех проблем: одно нажатие на спусковой крючок — и все. Жить-поживать гораздо труднее, чем совершать одноразовые подвиги. За окном в голубом небе стал бледно просвечивать месяц — символ чужих миров, где жить не легче, чем здесь.

Кто-то открыл дверь решительной рукой, даже не позвонив. Вошла Ирина. Подошла и обняла меня.

— Я чувствовала, что ты здесь, просто трубку не снимаешь. Понимаешь, я прожила до тебя долгую и совсем другую жизнь, я чувствовала себя одинокой и никому не нужной. Мне очень хотелось встретить такого замечательного, как ты, и чтобы он меня полюбил. Теперь я начала новую жизнь на новой планете. У меня есть ты. И я хочу, чтобы мы не расставались никогда, как бы все ни сложилось.

Я обнял Иру. Все мои страхи и опасения исчезли. Наши земные сердца бились вместе. Окружающие нас миры не важны, важно только, чтобы рядом был кто-то близкий, этого вполне достаточно. До Луны мне — как до лампочки, и плевать, кто убил президента Кеннеди. И стали они жить-поживать. Жили долго и счастливо и летели одним самолетом.

Игорь Борисенко

ПСЫ ВОЙНЫ

Человеческий глаз, высушенный и покрытый устойчивым почти ко всем средам лаком, покачивался в такт движениям шлема, к которому он был подвешен на длинном конце зрительного нерва. Коби Малков следил за ним, отстраненно понимая, что впадает в оцепенение, будто прыжки и покачивания этого мерзкого серого шарика гипнотизируют разум. Так всегда перед боем. Защитная реакция организма в ответ на мощную волну страха, рождавшегося внутри слабого человеческого тельца вне зависимости от его воли. Коби уплывал в мутное марево, олицетворявшее в данный момент его мысли, и во всем мире остался лишь один четкий объект: сержант Васку Да Гама, привычно костерящий своих солдат. Из узкой щели шлема, не прикрытой сейчас бронестеклом, сверкали злые черные глаза — уж эти-то были живее всех живых. Сержант был зол, сержант был страшен во гневе — ему это полагалось по должности. На войне нет добрых командиров, ибо доброта и массовые убийства себе подобных несовместимы практически в ста процентах случаев.

Вся фигура сержанта источала уверенность и торжество грубой физической силы. Скафандр ему делали на заказ, потому как в самый большой размер стандартного не помещались бугристые мышцы плеч, а грудь при вдохе упиралась во внутренние ребра экзоскелета. Сержант отделал скафандр не хуже, чем сынки богатых родителей, жирующие сейчас на тыловых планетах, отделывали свои флаеры. Кираса и набедренники были покрыты золотой пленкой, на которой тончайшими штри-

хами были прорисованы десятки прекрасных обнаженных женщин. Они застыли в танце, и каждая приняла неповторимую позу... На груди горела ярким синеватым огнем надпись «Васку Да Гама». Коби Малков совершенно точно знал, что такая же надпись была вышита на нижнем белье сержанта, надетом под скафандр, а под ним — на коже, около левого соска. Густые волосы на груди были выбриты полосой, чтобы и в душе все могли видеть то самое имя. Сержант очень гордился им. Чтобы заслужить имя одного из древних героев человечества, нужно быть фигурой в высшей степени выдающейся. Выше этой награды есть только одна — это когда ТВОИМ именем награждают людей последующих поколений. Но этой чести сержанту уже не видать.

Со стороны он казался чудовищем — два с лишним метра ростом и чуть ли не метр в плечах, с оскаленной пастью, выдавленной на шлеме. У висков, на выступах локаторов сержант в незапамятные времена повесил пару глаз, вырванных из трупов убитых врагов, к боковым утолщениям переговорного устройства прилепил сморщенные черные уши, а под острым выступом на нижней части шлема болтался язык. Вдоль задних поверхностей титаниевых рукавов висели бахромы из разнокалиберных пальцев. Поговаривали, что в паху Васку Да Гама страстно хотел приделать забальзамированный половой орган, но дама, занимавшая в дивизии пост командира Абордажной бригады, запретила это делать.

В данный момент это сверкающее в тусклом свете корабельных ламп, обильно увешанное мертвой плотью чудовище изрыгало проклятия и грозило своим подчиненным страшными карами. Но каждый из дюжины с лишним рядовых знал точную цену своему командиру. Они любили его странной, извращенной любовью... или по крайней мере уважали.

Коби мог точно утверждать, что сержант лучше многих других, коих он повидал уже немало. Трудно поверить, что изнеженный молодой человек, предательски схваченный призывной комиссией чуть ли не на выходе с выпускного вечера в университете, сможет протянуть в армии два года! А ведь год в десантно-штурмовых подразделениях смело можно приравнять к ветеранскому стажу...

Стоило этой мысли прийти в голову Коби, как все остальные тут же потекли по другому руслу. Он забыл страх, забыл сержанта и вылетающие из его глотки проклятия. Он снова стал жалеть себя, хотя уже далеко не так безутеш-

но и отчаянно, как раньше. Отчего же он был так самонадеян, что пошел на факультет археологии? Его отец, человек очень рано поседевший и разбитый сразу десятком жутких болезней, но не утративший при этом мудрости, не раз говорил:

— Кобольд! Ты совершаешь непоправимую ошибку. Через пару лет правительство отменит бронь у археологов, которые никак не могут раскопать для него какой-нибудь могучий инопланетный артефакт, способный принести немедленную победу в войне. С ними поступят так же, как раньше с философами и искусствоведами. Где те невинные души, думавшие, что рука чиновников не поднимется на разум нации? Они стали пушечным мясом и мгновенно погибли, как нежные оранжерейные цветы, оказавшиеся на пути стада испуганных слонов. Все до одного! Ты должен идти в физику, математику или, на худой конец, стать инженером-кораблестроителем. Войти в касту неприкасаемых! Иногда, как я слышал, им дают отпуск, и тогда ты смог бы удовлетворять собственные прихоти, копаясь в поверхностях разных планет. Послушай старика, ведь он не хочет потерять тебя — последнее, что у него осталось!

Отец тряс своей невообразимой шевелюрой, больше похожей на гриву старого льва, которого слегка шибанули током. Он стучал по полу клюкой и брызгал слюной, он доводил себя до изнеможения и призывал на помощь дух матери — прямо из ее серебряной усыпальницы, установленной в ногах его кресла-леталки. Ничего не помогло, ничего не смогло сломить дух упрямого юного идиота. Коби смотрел на отца наивными голубыми глазами, перед которыми непрерывно мелькали видения далеких красочных планет и чужих солнц, под лучами которых из пыли вставали обветшалые стены неведомых руин. Каким же глупым, твердолобым ослом он был тогда! И самое меньшее из того, чем пришлось заплатить за эти гнусные качества, — цвет глаз. Злой космос выпил тот чудный васильковый оттенок, который так нравился девушкам в университете, оставив на его месте нечто близкое к цвету грязного льда. А также стер нежный румянец с пухлых щек... впрочем, сама пухлость тоже испарилась.

Все произошло именно так, как пророчествовал отец. Бронь была снята после трех лет учебы Коби в университете, а это значило, что все новоиспеченные археологи мужского пола и половина женского после окончания учебы подлежали призыву. Армия Федерации не справлялась с Большой Войной без них. Когда Коби только узнал эту леденящую

новость, он не горевал долго. Все по той же причине, от великой наивности и веры в собственное счастье, он твердо верил, что какое-нибудь чудо спасет его. Роясь в древних песках Земли, просеивая жидкую грязь в ее редких лесах на летних практиках, будущий мертворожденный археолог отказывался верить в плохое. И не верил до самой последней минуты — той, в которую получил на руки повестку.

С тех пор минуло два долгих года. Теперь он наконец изменился, по крайней мере внешне. Коби часто спрашивал сам себя — а может, там, под твердой скорлупой огрубевшего солдафона, еще прячется прежний наивный мальчик? Он скучал по этому охламону, а тем временем грязно ругался, залпом выпивал стакан водки, курил вонючие синтетические сигареты и тискал потрепанных флотских шлюх. Существовал ли путь, которым процесс можно было бы повернуть вспять? Шаг за шагом вернуться обратно к восторженному оптимисту, с диким рвением искавшему черепки горшков далеких-далеких предков? Коби не знал ответа, но старался убедить себя, что все возможно. Иногда он ловил в мозгу такую странную мысль: до тех пор, пока он помнит того юного Кобольда Малкова, пока он желает вернуться к нему, то есть к себе прежнему, это бывшее «я» никуда не денется, будет прятаться глубоко внутри, дожидаясь своего часа. Эти мысли доставляли ему непонятное, явно чуждое простому солдатскому быту наслаждение.

Ему повезло, весьма повезло — чем же еще объяснить два года службы, такие обычные для крепкого духом и телом человека и такие недостижимые для мягкотелого интеллигента? На учебной базе «Виола» (военные любят красивые названия), на душной, унылой и пустынной Крака-4, в глубоком тылу, Коби начал свою службу в действующей армии. Почти сразу он был жестоко наказан командиром курса — за некие высказывания, сделанные скорее по наивности и глупости, чем по злему умыслу. Вернее сказать, это командир думал, будто он наказал голубоглазого, круглолицего и румяного курсанта. Он сослал его в «сортирную команду», низший слой сообщества базы «Виола». Там обитали мало похожие на homo sapiens существа, взятые в армию наперекор инструкциям — скорее всего вместо тех, кто смог хорошенько подмазать призывную комиссию. Доверять оружие людям, которые с трудом говорили и соображали, никто не собирался — впрочем, как и демобилизовывать их. Ведь они запросто могли выгребать дерьмо в сортирах или драить полы, когда ломается последний полотер.

В «сортирной команде» Коби встретил первого сержанта на своем долгом армейском пути. То был человек, на первый взгляд ненамного превосходивший подчиненных. Какой-то простой, очень простой деревенский парень, по странному стечению обстоятельств избежавший смерти в боях. Пули задевали его с краев, отрывая разные выступающие части — уши, нос, руки. Отсутствие ноздрей никого не волновало. Зияющие ноздри прикрыли пластиковым колпачком, а с руками вышла история... Правую восстановили, пришив искусственно выращенную конечность, а вот с левой ничего не получилось. Врачи пробовали три раза, но либо новые ткани отторгались, либо нервные волокна отказывались двигать мышцы. В конце концов сержант получил громоздкий и почти бесполезный сервомеханический протез, а с ним и назначение на «Виолу». С тех пор неизвестно, сколько лет он бессменно командовал «сортирной командой», «вонючей ротой», «группой армий «Дермо». Долгие годы совершили с сержантом загадочную метаморфозу: из тупого вояки он превратился вдруг в философа, ценителя мудрой мысли и неординарных личностей. Поэтому, когда Коби попал в отряд КИ 100/50 (что остряки расшифровывали как «коэффициент интеллекта 100 единиц на пятьдесят человек»), он немедленно был возведен в ранг приближенного к командованию. За три месяца, отведенных курсантам для обучения, он не вычистил ни одного сортира, не видел в глаза пылеуничтожителя обыкновенного (мокрая тряпка, воняющая многолетней грязью и плесенью), зато вдоволь пил коньяк, жрал мясо и вволю философствовал. А потом, когда все однокурсники Коби отправились к Жарким Звездам, чтобы отдать свои молекулы на пополнение пылевых облаков и газовых туманностей, Малкова просто забыли. Его райская жизнь продолжалась еще полтора месяца, и только он сам смог похоронить ее. Пьяный, небрежно застегнутый, он вырвался с очередных философских посиделок, воспользовавшись тем, что сержант выпил больше обычного. Через двадцать нетвердых шагов курсант Малков наткнулся прямо на начальника базы. Мало того, он развязно присвистнул, думая, что его не заметили, и дружески спросил выпучившего от негодования глаза генерала:

— Эй, старичок! Ты не видел поблизости податливых девчонок?

На следующий день, когда Коби проснулся в карцере с жуткой головной болью и ощущением того, что вся

«сортирная команда» ночевала сегодня ночью у него во рту, судьба его была решена. Он отправлялся напрямик в седьмой отдельный штурмовой дивизион, который только что выделили для самоубийственной отвлекающей высадки на Токлест. Однако хищно ухмыляющиеся садисты в мундирах с золочеными погонами не знали двух вещей, изрядно подпортивших бы им настроение. Во-первых, Коби на самом деле не был таким уж рафинированным слабаком, как думалось после первого на него взгляда. Сержант из «сортирной команды», кроме склонности к неумелому философствованию о смысле существования Вселенной и человечества, обладал еще и примитивной житейской мудростью. Он понимал, что его молодой ученый друг не сможет вечно находиться рядом. Рано или поздно, ржавые шестеренки военной машины зацепили бы его за шиворот и швырнули в горнило войны, так щедро опалившее самого сержанта. Посему за прошедшие месяцы он лично тренировал Коби в теории и практике боя, а он их знал вряд ли хуже, чем инструкторы, — а в чем-то даже лучше.

Во-вторых, судьба, так жестоко наказавшая несостоявшегося археолога, вдруг решила искупить свою вину. Направление рядового Малкова, по старинке написанное на покрытом устрашающего вида печатями листе пластиковой бумаги, сгорело в жарком пламени трансляционной станции БИВ-117. То ли ее взорвали диверсанты, то ли персонал неосторожно обращался с бытовыми электроприборами... Ленивый секретарь не выслал копии, понадеявшись на электронный дубликат, но тот пропал во время одного из многочисленных сбоев в военной сети. Находись Коби в составе целого выпуска, с ситуацией разобрались бы до конца и наперекор всем неувязкам исполнили бы приказ начальника базы. Но рядовой Малков отправился в одиночку. Никто не стал утруждать себя поисками документов этого голубоглазого, все еще румяного (это после пяти месяцев на учебной базе «Виола»?) рядового. Ему выписали новое направление — под командование сержанта П.П. Закарии.

Второй командир Коби в его военной жизни был человеком, слепленным из двух противоположностей. С одной стороны, его сносили непомерные амбиции, с другой — угнетала невообразимая трусость. Внешне он был человеком, которого трудно назвать простаком: вытянутое лицо с налетом аристократичности в чертах, аккуратная эспаньолка на подбородке и пышные бакенбарды. При разговоре с подчи-

ненными сержант Закария томно прикрывал глаза, а слова выдавал скупю, точно то были золотые монеты. Его длинные тонкие пальцы поигрывали стеком с небольшой тигриной головой на ручке. Вышагивал он так, словно был по меньшей мере генералом, принимающим парад... О его интеллекте Коби не мог составить мнения, ибо командир ни разу не снисходил до сколько-нибудь долгого общения. Зато в первом же бою (кстати, первом и для самого новоиспеченного рядового Малкова) он увидел истинное лицо сержанта. Трясущееся, с отвисшей губой и шальными глазами, в точности как у бабуина, которого привязали к операционному столу жестокие вивисекторы. То был заурядный позиционный бой в системе Дельта Лиры, на одной из планет кислородного типа. Такие встречались достаточно редко, поэтому воюющие стороны действовали на них очень осторожно, без всяких аннигиляционных потоков и ковровых ядерных бомбежек. Сражения на этих планетах в чем-то походили на старые войны, те, что велись еще на старушке Земле.

И вот в самом начале битвы за удобную гряду холмов сержант Закария, от звуков близкой стрельбы потерявший дар речи, жестами увлек свой взвод под танк, подбитый, очевидно, во время утренней разведки боем. Боевая машина весом в восемьдесят тонн напоминала консервную банку, небрежно вскрытую ножом и вовремя не вытасченную из костра. Впечатление усиливалось от сильного запаха горелого мяса, который танк распространял метров на десять вокруг... Под этим остовом бронированного монстра весь взвод и просидел, пока их более смелые сослуживцы, убежавшие вверх по склонам, не появились вновь. Теперь они позорно бежали, потеряв многих товарищей на минном поле и под ураганным огнем противника. На фоне всеобщего поражения и отступления трусость Закарии осталась незамеченной, более того, он получил потом медаль и отпуск за то, что сохранил в живых всех своих солдат. Позже удача улыбнулась всей Пятой Планетарной Армии. Последовала череда побед (правда, заслуг Закарии в ней не было ни капли), и вскоре война стала больше походить на резню противника. Сержант практически перестал бояться, ибо жизни его теперь мало что угрожало. Он опасался только шальной пули, поэтому в операциях выстраивал взвод кольцом вокруг себя и так передвигался к назначенной цели. Во время предыдущек Закария снова выпячивал грудь, украшенную новенькой медалькой, вальяжно прогуливался по лагерю и

постукивал стеком по начищенным до блеска сапогам. Однако, как ни казалось, что победа уже совсем рядом, все вдруг встало с ног на голову. Кто-то говорил, что все предыдущие события были не чем иным, как хитро спланированной ловушкой, кто-то уверял, что во всем виноват флот, не обеспечивший блокады планеты и допустивший на ее поверхность подкрепления. Как бы там ни было, мятежники, или «Лига Свободных Миров», как они себя сами называли, как следует задали перцу Федеративным войскам. В памятной, быть может, только немногим уцелевшим ветеранам Пятой Планетарной битве у Далматина Госпожа Удача повернулась к ним филейной частью. Во время тотального разгрома и смертоубийства взвод Закарии, как всегда, прятался в непосредственной близости от исходных позиций, с которых началась печально знаменитая своими потерями «атака генерала Квасова». Соседняя рота, например, погибла вся, до последнего человека... И после того поражения, после череды катастрофических боев, после эвакуации жалких остатков армии какой-то дотошный подполковник провел детальное расследование и выяснил всю подноготную «боевых традиций» трусливого сержанта. В результате Закария, уже в чине рядового, отправился удобрять своей плотью болота Зельды. Вина рядовых тоже была доказана (второй компонент определения «действием либо бездействием»), и их рассовали по не менее опасным участкам. Коби угодил в знаменитую «Пожарную бригаду» на далеком Правом фланге. Там, вдали от больших и важных сражений, крови лилось меньше, если мерить ее в литрах. Однако если брать в расчет относительные единицы, ситуация в корне менялась. Никто не служил в той страшной бригаде долго, за исключением ее командира, полковника Левина, человека, крайне жестокого к врагам и подчиненным. В течение месяца солдат у него становился либо героем, либо трупом, причем для получения одного героя требовалось примерно 148,7 его павших товарищей. Тем не менее здесь Коби ухитрился попасть в руки человека с дико звучащим прозвищем Добрый сержант. Этот маленький человек с круглым грустным лицом и длинными, вечно грязными волосами, которые он подвязывал ленточкой, явно был мутантом среди себе подобных. Он никогда не бил солдат, не ругал их, разве что иногда журил. Частенько у него случались конфликты с командирами по поводу самых убийственных заданий.

Многие поражались этой его черте — очевидно, они не понимали, что опасаться сержанту нечего, ибо наказать

его чем-то более страшным, нежели он уже имел, невозможно. Как запугать человека, развалившегося на адской сковородке и спорящего с чертом?

Может, именно из-за такого неординарного командира Коби прослужил в бригаде целых двадцать семь дней... Потом доброты сержанта вышла боком — и не только ему самому, но и всему взводу. При тушении очередного «пожара» (на сей раз в тыл войск Федерации прорвалась Восьмая Мобильная эскадра противника) Добрый решил проявить твердость, затеяв чрезвычайно опасную комбинацию вместо слишком глупой, по его мнению, атаки неприятеля в лоб. Однако во время обходного маневра, на середине пути к цели, подчиненные сержанта вдруг решили, что они тоже имеют право спорить. Неизвестно, что в точности произошло у них там, потому что ядерный взрыв уничтожил все — семнадцать рядовых, Доброго сержанта, десантно-штурмовой бот и одиннадцать астероидов... Перед той операцией Коби в столовой случайно угодил в драку. Он просто нес к столику поднос с едой и не вовремя оказался между обидчиком и обиженным. Из того случая он вынес знание о чрезвычайной остроте и разрушительной силе обычной пластиковой вилки. Резкая боль в животе, летящий к потолку поднос и две бурые реки, быстро прокладывающие путь вниз по серо-зеленым форменным штанам, от черного озера и жуткого ущелья на животе. Вроде бы ничего страшного — подумаешь, человек увидел свои кишки! Такие раны в госпиталях зашивают и заживляют за два часа, но Коби ухитрился получить загноеение брюшной полости. Во что только втыкалась та вилка, прежде чем распороть малковский живот?

Вместо боя он очутился на больничной койке, а потом, по совершенно необъяснимой причине, получил благодарность от начальства и перевод на гарнизонную службу. Очевидно, в тот самый момент был перейден пресловутый рубеж в 148,7 трупa, а более подходящего на роль героя не сыскалось.

Форт на безымянной планете с ядовитой атмосферой оказался местом хоть и очень спокойным, но чересчур унылым. А уж тамошний сержант был настолько отвратительным существом, что, казалось, выгони его на поверхность без скафандра — все яды атмосферы не смогут повредить этой гнусной твари. Тот период показался Малкову самым трудным в карьере военного, но, к счастью, вскоре исполнился год пребывания в строю доблестной Армии Федерации. Изрядно удивившись такому факту, злобный скорпион, обманом напавший на сержантскую

форму, выдал рядовому Малкову разрешение на месячный отпуск. Вне себя от радости — ведь он сам давно позабыл о положенном отдыхе, — Коби сел на древний почтовый корабль. Вскоре его бурная радость едва не превратилась в истерику: во время ближайшей остановки Малков узнал новость, принесшуюся с дальней связью гораздо быстрее, чем ползла старая колымага. Уже знакомая нам Восьмая Мобильная эскадра врага в новом рейде выгрузила на планету с оставшимся позади фортом, с которого только что отбыл Коби, немыслимое количество ядерных зарядов. Немного придя в себя, наш герой подумал, что стал похож на свет потухшей звезды. Источника уже нет, а он все летит и летит... Еще позже он с грустной улыбкой осознал, что даже проклятому сержанту не выжить после ядерного взрыва. Ныне и он, и ненавидевшие его солдаты превратились в одну плотную, хорошо прожаренную корочку на поверхности безымянной планеты.

После отпуска Коби сменил еще пару мест службы и сержантов, ничем не примечательных грубых солдафонов. Через долгих два года, проведенных в рядах вооруженных сил, он оказался в абордажном взводе крейсера «Деус Магнификант», где и служил сейчас. Правда, сержант сначала был другой — косматый и вечно неопрятный субъект по кличке Берсерк. В бою он терял контроль над собой, забывал обо всем вокруг и пер вперед, зажав в каждой руке по автоматическому карабину. Коби на всю жизнь запомнил первый бой с участием Берсерка. В составе целого флота они захватывали небольшую базу снабжения на астероиде. По этому случаю в боекомплект включили заряды повышенной мощности — ведь стены баз гораздо крепче, чем переборки кораблей. Их взвод, тогда еще намного более полнокровный, чем ныне, высадился у дыры в стене, которую разведка нашла в одной из глубоких пещер. Сразу после того как солдаты оказались внутри станции, Берсерк прохрипел нечто, весьма отдаленно напоминающее «вперед», и сам первым выполнил свое приказание. В самом широком коридоре их ждал обычный контингент встречающих — автоматические пулеметы в стенных нишах, баллоны с кислотой в потолке и мины с механизмом «свой-чужой» в полу. Сержант пер в атаку, с обеих рук поочередно расстреляв две огневые точки. В него тоже летели пули и ракеты, но все отчего-то мимо. Коби видел только искры, высекаемые из брони, фонтаны пыли и крошева, летящие из стен, пламя и дым разрывов. Воодушевленные величественным зрелищем атакующего героя, Малков и еще несколько новичков рванулись следом.

Однако добрый человек по имени Ральф (пусть плывет тело, завернутое в государственный флаг, сквозь космос вечно не потревоженным!) успел ухватить Коби под локоть и задержать.

— Куда прешь?! — заорал Ральф, от избытка эмоций заплывав внутреннюю поверхность забрала на своем шлеме.

— В атаку! За сержантом! — ответил Малков, подпрыгивая на месте от нетерпения.

— Он у нас заговоренный, — уже спокойнее сказал Ральф. — А ты?

Послушавшись старого волка, Коби резко притормозил и тут же увидел, как в голове самого резвого из новичков появилась гигантская дыра. Фонтан крови, костей и мозгов брызнул в шлем бежавшего следом с такой силой, что опрокинул его на пол. Оказалось, что он тоже мертв — вместо лицевой панели образовалась изрядная воронка с жуткими красно-черно-желтыми стенками, и непонятно, где там чья кровь, где чьи мозги. Дыра же в шлеме первого пострадавшего была так велика, что один из подошедших старослужащих свободно погрузил в нее ствол своего карабина... Вскоре еще двух новичков пришлось отправлять в тыл, потому что они так заблевали внутренности шлемов, что система очистки не справилась и они стали небоеспособны. Коби же видел смерть не раз, поэтому на трупы смотрел без особых эмоций. Рана показалась ему похожей на маленький колодец: неровные, багровые в тусклом свете редких ламп стенки и блеск черной жидкости на дне. Непреодолимая сила повлекла Коби нагнуться и плюнуть, но он вовремя вспомнил, что поднимать забрала категорически не разрешалось — в воздух могли быть закачаны отравляющие газы.

Потом они шли по следу сержанта, разглядывая куски металла, валяющиеся на полу, выбоины в стенах и воронки на потолке, закопченные, полуоторванные панели. На ближайшем перекрестке их ждали остатки разбросанной взрывом баррикады и труп, буквально разодранный пулями на клочки. В луже крови, среди кучек требухи, лежал, почитай, один голый позвоночник, блестящий желтой костью, да пара уцелевших на нем ребер. Из-за раскинутых по сторонам рук и ног, вернее, того, что от них осталось, труп походил на гротеск. Будто кто-то составил человечка из гигантских спичек...

На той базе было мало солдат, да и вообще людей. Штурм больше походил на избиение младенцев. За ним последовало еще несколько боев поменьше, в которых не было большой опасности отдать душу богу, а потом пришло время

серьезного испытания. Снова штурм, только на сей раз вражеского форта, а не овощехранилища. Там-то и сгинул Берсерк, причем погиб он весьма глупо. Враги так и не смогли его достать: он сам окончил свой жизненный путь. В тот самый момент, когда сержант решил пустить гранату, чтобы взорвать обнаруженную мину, он поскользнулся в луже крови и упал. Граната попала в потолок прямо над Берсерком; вероятно, она разрушила опорную балку. Тяжелая базальтовая плита свалилась вниз, круша по пути хрупкие пластиковые панели, и опустилась на беспомощного, как перевернутый жук-навозник, сержанта. Его нашли потом совершенно случайно, увидев торчащий из-под груды камней ботинок. Говорят, сняв уцелевший шлем, санитары нашли на застывшем лице мертвеца величайшее разочарование.

И вот вместо безбашенного Берсерка абордажным взводом «Дорогой Мамочки» (так предпочитали называть крейсер неосознательные рядовые — взяв для прозвища сокращенное наименование «ДМ») командует Васку Да Гама. Он ведет их в грандиозном сражении в системе Корриды, одного из мятежных миров...

Тут Коби внезапно очнулся от своих ритуальных воспоминаний и сразу понял, что сделал он это как нельзя кстати. Сержант закончил ругаться и стал говорить по существу. Может сказать нечто очень полезное, без чего в грядущем бою крупно не поздоровится.

— Теперь слушайте внимательно, незадачливые дворняжки, — пророкотал Да Гама, медленно обводя солдат тяжелым взглядом. Он отрывисто ткнул оттопыренным большим пальцем себе над плечом, показывая куда-то за спину. — Там, в темноте, летит разбитый фрегат мятежников с дурацким названием «Аянами». Япошки, не иначе. Большие мальчики из нашего флота ухитрились попасть по нему парой снарядов среднего калибра, и теперь это дрейфующая, почти не способная обороняться груда ценного металла и разного полезного оборудования. Мы должны захватить эту лохань, как всегда, без шума, пыли и излишних разрушений. Экипаж на том фрегате — тридцать пять, пять из них пехотинцы, а остальные — флотская шваль. Я разрешаю вам убить всех, но только аккуратно и чисто. Чтобы ни одна задница не вернулась оттуда простреленной или подкопченной. Не потому, что мне так дороги ваши задницы, а потому, что меня штрафуют за выбывших из строя идиотов. И помните, бабуины, если кто-то по-

смеет сдохнуть, в аду я настигну этого недоноски, и черти покажутся ему невинными овечками тети Марты.

После длинной речи, произнесенной едва ли не на одном дыхании, сержант перевел дух и шагнул вперед.

— Приготовиться к проверке! Боеприпасы наружу. Все взяли двадцать второй?

— Кончай, сарж! — грубо оборвал Васку коренастый тип с широко распахнутыми наглыми глазами и рваной, неровно сросшейся верхней губой. — Сам себя лучше проверь.

Это был Далкотт Дамну, неистовый забияка, выросший в мрачных клоаках Персифены, столицы планеты Масарика. Он служил уже больше четырех лет и давно считался заслуженным ветераном. Лишь пагубная страсть ко всевозможным галлюциногенам не давала шагнуть ему по воинской лестнице выше капрала. Сержант мигом очутился рядом с Дамну и навис над возмутителем спокойствия всеми своими золочеными кубометрами. Далкотт продолжал вызывающе улыбаться, но выглядело это жалко.

— Благодарю за совет, ты, вшивый енот-полоскун! — прошипел Да Гама. — И раз уж ты такой специалист по проверкам, по возвращении на «Дорогую Мамочку» проинспектируешь наш гальюн.

Дамну с кривой ухмылкой и видом несломленного борца отвел наконец взгляд. Однако сержант уже распалился не на шутку — хотя ярость его теперь переметнулась на других.

— Браун, а ну давай сюда все свои магазины. Если я увижу, что ты снова перепутал двадцать второй номер с шестьдесят шестым, то, клянусь всем Советом Федерации, я выкину тебя в космос! В скафандре, чтобы ты помер не мгновенно, а смог пересчитать все звезды в округе, пока не кончится кислород!

Васку Да Гама на самом деле педантично проверил у всех магазины, снаряжение, уровень заряда батарей и кислородных баллонов, подвижность скафандров. Результаты удовлетворили его, и он позволил взводу покинуть оружейную комнату, где проходил «инструктаж». Дожидаясь своей очереди пройти через узкую дверь, Коби надел шлем. Со шелчком закрылся замок, и тут же мягкий женский голос произнес: «Приветствую, пехотинец!» На мгновение мелькнула бледно-зеленая заставка, потом на экране остались только значки активных режимов и обзорный вид встроенных в скафандр телекамер. Так как прозрачный фрагмент забрала был слишком маленьким, чтобы солдат мог хорошо ориентироваться, полную кар-

тину он получал только через оптику. Если она выходила из строя — из эффективной боевой единицы космический пехотинец превращался в наполовину слепое существо...

Бортовой компьютер скафандра управлялся двумя способами: либо с клавиатуры, спрятанной под крышкой на левом локте, либо голосом. Чтобы активировать последний режим, требовалось зубами сжать специальный рычаг и сказать кодовое слово. Однако в бою солдаты редко управляли компьютером самостоятельно, полагаясь на надежный и адекватный их задачам автомат.

Когда уродливый горб брони над загривком мистера Кимбо, преграждавшего Коби выход, исчез за дверью, Малков последовал за ним в узкий коридор. Закованные в броню десантники выглядели там неуместно — топтали красную ковровую дорожку уродливыми башмаками, то и дело пытались задеть широченными плечами стенки. Сержант — тот вообще только-только вписывался в проход. Коридор, к счастью, скоро кончился. Широкая аппарель вела вниз, к дверям посадочных шлюзов. Десантная и аварийная палубы на крейсере были совмещены, поэтому створки дверей имели изрядную величину, чтобы в случае эвакуации пропустить как можно больше людей за короткое время.

Перед тем как двинуться на погрузку, Коби встретился с грациозной девушкой, миленькой и скуластенькой Сарой из шифровального отдела. Она спешила по своим делам, но не забыла приветливо улыбнуться.

— Привет, Коби!

Узнала по моей эмблеме, подумал Малков (на груди у него был вытравлен символ «инь-янь»). Да, не далее как вчера у них было весьма романтическое свидание в душе, а теперь, быть может, они увиделись в последний раз? Единственное, что смог в ответ сделать Коби, — это неуклюже поднять руку и пошевелить короткими толстыми пальцами бронеперчатки.

В проеме десантного шлюза стоял Маньяк, тощий парнишка с длинным носом, желтыми патлами вместо аккуратной прически и бесцветными глазами. Этот пилот Десантно-Штурмового Бота получил свое прозвище после того, как на спор пролетел через пояс астероидов на одном ручном управлении. Когда проигравший ему лейтенант из машинного раздраженно буркнул «повезло», Маньяк вернулся за штурвал и проделал фокус еще раз. С того дня даже капитан крейсера, на словах устроивший пилоту разнос за то, что он рисковал цен-

ным оборудованием, признал исключительность виртуоза. Он перестал его наказывать за нарушения в форме одежды и неустановленную прическу.

Маньяк провожал каждого входящего в шлюз пронзительным ледяным взглядом, словно хотел вычислить того злодея, который в прошлый раз нацарапал на переборке бранное слово. Однако, пересчитав всех глазами, пилот не сказал ни слова. Закрылись одни двери, открылись другие. Пятнадцать человек прошли в помещение, больше похожее на маленький грузовой трюм. Маньяк немедленно исчез за дверью пилотской, а остальные стали торопливо устраиваться в десантных ячейках: кто не успеет, рискует потерять желудок, который выпрыгнет наружу при старте.

Ячейки имели двойное назначение. При планетарной посадке бот мог сбросить их на высоте пятнадцати—двадцати километров для самостоятельного приземления, а в открытом космосе, случись лоханке попасть под огонь и быть разбитой, ячейки могли продолжать полет к цели самостоятельно — на небольшое расстояние, конечно. В крайнем случае десантник имел шанс протянуть гораздо дольше, чем просто в скафандре, дожидаясь, пока его выловят свои. Из-за такой особенности ДШБ их называли «гидрами». Срубишь одну голову — появляется десяток поменьше.

Устроиться «в спальных каютах» много времени не заняло. Меньше чем через три минуты Маньяк отрывисто запросил у Да Гама о готовности к полету и, как всегда не дожидаясь ответа, стартовал. Бот сильно тряхнуло, а потом мусор и мелочь, брошенные под ноги, со скоростью звука метнулись к задней стенке. Через мгновение сработали компенсаторы. Сначала многострадальный мусор повис в воздухе, потом рухнул на свое законное место — вниз.

Коби успел почувствовать легкое головокружение, сменившееся неуловимым ощущением полета. Кровь нерешительно застучала в висках, в глазах поплыли цветные пятна, но это быстро прошло. Если мощная и точная техника не до конца справлялась с перегрузками, то с каким же ускорением Маньяк рвался к цели?

— Торопится доставить нас на тот свет, — прошептал кто-то рядом. Очевидно, мысли у всех были одинаковые. Репродукторы, без которых общение помимо радиосвязи невозможно, дали возможность услышать шепот сержанту.

— Я тебя запомнил, Хара. Хочешь дезертировать из армии в свой вшивый ад? Не выйдет.

Коби усмехнулся, но почти тут же забыл про забавное высказывание Да Гама. Как всегда, он ударился в размышления — отчасти для того, чтобы не дрожать, — гадая: ударит ли в тебя вражеская ракета или накроет электромагнитным импульсом, зажаривающим до румяной корки, как утку? Малков выключил оптику и посмотрел на освещенную прозрачным зеленым светом утробу бота собственными глазами. Рядом в вертикальном положении стояли наполовину прозрачные цилиндры, похожие на гробы, в каких хоронят погибших космонавтов. В какой-то мере они и были гробами. Кому-то наверняка придется умереть, хоть он и не знает об этом сейчас. Если ты жив в данную минуту, то что она значит в масштабах вечности по сравнению с величественной жизнью звезды или галактики? Этот ничтожный час — просто пылинка, которую нельзя заметить. Значит, отметка жизненного пути практически слилась с концом шкалы... И может, тот живой покойник — это Коби? Мысль не вызвала у него страха, ибо смерть ходила рядом давно и он притерпелся к ней. Будь опасность ближе и явственнее, он не замедлил бы испугаться как следует, а пока же лишь флегматично пожал плечами под толстыми броневыми эполетами. В конце концов разумный человек очень быстро осознает собственную смертность. Рано или поздно придет тот час, когда ты умрешь. Что толку бояться неизбежности? По крайней мере заранее. Все покинут этот мир и — кто знает? — возродятся в другом. Кто-то раньше, кто-то позже.

Кто на этот раз? Коби снова оглядел стоящие вокруг коконы. Солдаты в темных внутренностях ячеек напоминали гигантских уродливых личинок. Сегменты брони, суставчатые руки сложены на ребристых животах. Шлемы с острыми клювообразными выступами в нижних частях, набедренные кобуры для карабинов. Все застыли статуями, и ни за что не догадаешься, что творится внутри титаниевой скорлупы. Какие мысли? Страхи, надежды, низменные желания убивать и крушить? Можно только догадываться, исходя из знаний личностей, упрятанных в две оболочки — плотскую и металлическую.

Браун лихорадочно соображает, куда делись две сотни монет, которые он брал с собой в бар? Хех, тогда они славно почудили. Бедный Какашка (так звали незадачливого Брауна все, кто его знал) скоренько допился до беспамятства, поменял на мелкие монеты сразу полторы сотни и потом скакал по столам, разбрасывая их по сторонам.

Далкотт, конечно, всосал таблетку, которую непонятным образом смог спрятать при медицинском осмотре и проверке сержанта. Все знают, что капрал значил какую-нибудь дурь, но найти ее не в силах. Талант, направленный в русло порока.

Мессье молится богу. Шесть дней в неделю он не помнит про забытого идола наивных предков, кутит и предается блуду, но перед боем его начинают мучить сомнения. Он идет в крошечный кубрик капеллана, отдает столько же денег, сколько Дакотт тратит в неделю на глюки. Возвращается тихий и сосредоточенный, слова не вытянешь.

Дани сочиняет стихи. С виду эта коренастая и некрасивая девица как две капли похожа на мальчишку, но характер у нее чисто девичий. Смешливая, быстрая на слезы, чуток легкомысленная. Хорошая подружка, если б не пагубная склонность к стихам. Беда в том, что таланта у бедняжки — ни капли. Коби сам стихи никогда не любил, но был уверен, что при случае смог сочинить лучше. Хотя... корабельная газета с радостью принимала вирши Дани. У солдат на таланты туго, пойдет и такое. «Скрыла планету Луна — корабль наш вылетел в бой». Дани все пыталась узнать у Хара, похоже ли это ее творение на хокку или танку, но тот упорно уверял ее, что в поэзии ни в зуб ногой. В конце концов девушка обиделась и расплакалась — с тех пор с японцем не говорит. Ах да, какой же он японец? Только по фамилии. Лицом больше похож на латино, ростом выше Коби с его метром восьмьюдесятью.

— Послушай, Хара! — зашептал Малков, вдруг пожелав развлечься.

— Яволь, — лениво откликнулся тот.

— А ты по-японски соображаешь? Что значит «Аянами»?

— «Волны, чья красота сравнима с фигурами, которые ткут на шелке», — с готовностью ответил Хара. — Дурацкое название для боевого корабля, не так ли?

— Ну, не знаю, — состорожничал Коби. Хара вспылчивый. Кто его знает — поддакнешь, а он обидится... — По-твоему, «Деус Магнификант» лучше?

Японец чуть слышно рассмеялся. В разговор к ним вступил еще один десантник — Поборски.

— Я слышал про один корвет с названием «Дефлоратор». Вот на таком хотелось бы полетать.

— Ну нет!!! — уже громче воскликнул Хара. — Представь, в какие места его посылают!

Теперь смеялись многие — кроме, пожалуй, Далкотта, Мессе и сержанта. Впрочем, последний не преминул подать голос.

— Разговорчики! — прорычал Да Гама. — Отставить скользкие темы! Лучше внимание на экран.

Идею он выдал достаточно дерьмовую. На прозрачном экране, что висел между рядами ячеек, показывался их полет. На фоне звезд, обычного пустого космоса, вырастала большая яркая звезда — тот самый подбитый фрегат. Якобы тот самый. На самом же деле Маньяк давно рассказал им, что каждый раз включает запись — кажется, какой-то демонстрационный ролик с курсов по вождению космических судов малого тоннажа. Одну и ту же. Как уверял пилот, делает он только ради душевного здоровья десанта, ибо только он сам может спокойно смотреть, как космос расчерчивают шлейфы проносящихся крупнокалиберных ракет, как вспухают облака межзвездного газа, накрытые залпом ЭМИ, как пронзают черноту хилые лучи зенитных лазеров. Врет, поди, злодей, лениво подумал Коби. Космические битвы — штука слишком растянутая в пространстве и времени, чтобы можно было наблюдать ее с каким-либо интересом, а тем более пугаться. Летят в вакууме, на чудовищных расстояниях друг от друга, огромные консервные банки, кидают друг в друга ракеты и прочую белиберду. Изредка попадают, но кто это видит? Даже если зрение очень хорошее и со звездной картой в районе знаком — ну, углядишь крошечную новую звездочку.

Хотя, с другой стороны, ДШБ летит к кораблю. Приближается — плотнее некуда... Может, тут и увидишь чего страшное?

Словно почуяв, что его вспоминают, Маньяк включил связь и потребезжал:

— Внимание! Лоханка огрызается! Приманка семь, приманка пятнадцать, приманка шестнадцать уничтожены.

Когда ДШБ летит к борту врага, он беззащитен, как пытающийся укусить человека комар. Карающая десница может превратить его в мокрое место, особенно если враг велик размером и достаточно цел. Хорошо атаковать летающую развалину, по которой прошел огонь дивизиона линкоров... Но с такой и брать нечего. На штурм подбитого крейсера врага идут десятки ДШБ, и добирается едва половина. На фрегат пускают один, вместе с приманками. Двадцать штук муляжей, из всех сил прикидывающихся ботами во всех известных диапазонах обнаружения, рассыпаются в облако. Двадцать операторов на крейсере старательно изображают пилотов, хотя

получается это не так здорово, как у настоящих... Со стороны определить трудно. Врагу приходится полагаться на удачу, если он не может уничтожить все цели. Будем надеяться.

Несколько резких маневров, вылившихся для Коби и остальных в кратковременные ускорения в самых разных направлениях. Рядовой Андреев, заснувший в ячейке, стукнулся шлемом в стенку, пробудился и сдавленно выругался.

— Готовность! — заскрипел Маньяк. На призрачном экране посреди отсека звезда распухла и стала плюющей редкими розовыми лучами калошей без всяких видимых повреждений.

— Готовность! — повторил Да Гама. — Боевой порядок два-три-пять-три! Согласно строевой формуле. Дани, Кимбо и так далее. Тяжелое вооружение во втором ряду.

Коби мысленно прикинул. На построении он стоял шестым от левого фланга, значит, ему идти в третьем ряду. Далеко от первого натиска, это хорошо. Жалко Дани, она идет первой. Надо было расти в детстве. Осторожно подняв руку, Малков запустил диагностику скафандра. Сорок семь секунд, как раз хватит до контакта... Если их не свалят. Последние мгновения, как всегда, самые опасные. Лазерные пушки бьют недалеко и вступают в бой, только когда цель на подлете. Одна надежда — на Маньяка. Он знает слабые стороны каждого вражеского корабля, определит тип с первого взгляда, заложит такой вираж — ни одна автоматика не проследит. Прижмется телом к телу, там уже не страшно.

Снова, один за другим, жуткие, но едва заметные во времени толчки ускорений. Что-то екает внутри живота... Может, кишки тоже решили провести диагностику? Выкинуть балласт? Коби попытался улыбнуться своей безмолвной шутке, но губы отказывались растягиваться. Вдруг грохот, толчок, волна дрожи по всему корпусу и жалобный скрип. Нет, это не попадание. Маньяк так стыкуется.

Раздался сдвоенный рев — десантная сирена и сержант. Кто вопил громче, Коби понять никогда не мог, да и не пытался. Ко всему прочему, он орал и сам, нервно сжимая и разжимая пальцы на карабине в ожидании, когда наконец откинется эта чертова крышка ячейки. Мимо метнулась Дани — кажется, она ухитрилась протиснуться сквозь щель, не дожидаясь полного раскрытия. Дуреха, куда она торопится? — снова про себя воскликнул Коби и едва не ринулся следом. Вот тоже ненормальный... даже еще хуже! Ему-то по рас-

писанию торопиться запрещено, чтобы не создавать давку у десантной камеры.

Загудели насосы, нагнетающие внутрь отсека воздух. Шипение резаков и треск подающейся обшивки фрегата услышать Коби не мог — это все творилось за бортом, в космосе. Сначала к врагу прижимается прокладка — кольцо пенопластмассы диаметром чуть побольше будущей дыры. Льется герметизирующая всякие щели пена, застывает. Потом большой круглый вырез в борту, в точно рассчитанном месте. Готово! И створки люка десантной камеры разъезжаются в стороны. Внутри ДШБ избыточное давление, которым вырезанный кусок обшивки фрегата вышибает внутрь — бац! Сильный звук, и его Коби уже услышал. Если там, внутри корабля, их кто-то поджидал, ему сейчас не поздоровилось.

Дани и Кимбо бросились внутрь, в тусклое пятно света, едва заметное на фоне мерцания зеленоватых ламп внутри ДШБ.

— Чисто! Грузовой шлюз, повреждений ноль, защитных сооружений ноль! — звонко доложила Дани. В дыру запрыгнули еще трое: Далкотт, Сутер, Джиони. У Сутера крупнокалиберный монстр с раструбом на конце ствола, на манер древнего мушкетона. Стреляет дробью величиной чуть ли не с горох, которая посечет в капусту любую небронированную цель, опрокинет солдата в боевом скафандре, но не сможет сильно навредить переборкам или бортам. У Джиони — шестистволка. У Далкотта — монструозный разрядник «Молния». Смерть всем, кто не заземлен! Это тяжелое отделение взвода, за которым не грех выйти начальнику. Сержант, Коби, остальные. И замыкающим, вечно не попадающим в атакующие схемы Да Гама, Браун. Потому, что ему не доверяют, и потому, что ростом он уступает только командиру.

Внутри их встретила полутемная каморка шлюза, метров пять в длину и чуть побольше в ширину. Тесновато для упакованного в скафандры взвода пехотинцев, пусть даже неполного. Однако выбирать не приходится — прорезать борт в другом месте, кроме шлюза, просто нереально. Там обшивка гораздо толще, многослойнее.

Третий и четвертый ряды еще протискивались в шлюз, а Дани и Кимбо под прикрытием тяжелого отделения уже вскрывали внутренние двери. С замками возиться бесполезно — это каждый знает. Заклинены на закрытие, такие только выломать. Обмазываешь по контуру взрывчатой пастой, отступаешь на шаг и опыляешь катализатором из баллона. Бабах! Кусок двери вылетает прочь.

Взвод уже готов к атаке. Следом за замком внутрь фрегата летит пара гранат. Вспышка, вой, плотный белый газ с поляризацией. Нападающие сквозь него видят, враги — нет. Поборски и Андреев отжимают двери, внутрь бросаются разом четверо — Дани, Кимбо, Далкотт и Сутер. Берут под контроль проходы направо и налево, сканируют потолок, пол, стены... И сообщают, что все тихо и спокойно.

Коби ввалился в широкий корабельный коридор следом за сержантом. Кое-кто остался в шлюзе, остальные рассредоточились, чтобы не быть удобной целью для врага и не перекрывать друг другу линию огня. Однако бежать вперед никто не собирался. В пустом, лишенном какой-либо обстановки, помещении предшлюзовой палубы взвод держал совет. Хотя это сильно сказано — сержант ни с кем советоваться не собирался.

— Значит, так, охламоны, — почти ласково пробасил Да Гама. — Что мы тут имеем? Стандартное корыто типа 2У-15-18. Это нижний уровень, на котором расположена разная мелочь и двигательная установка. Мало помещений, много извилистых коридорчиков. Их я беру на себя... вместе с Далкоттом и Андреевым. Первое отделение и Сутер идут направо, вверх по лестнице, второе и Джиони — налево вверх. Там два продольных коридора, которые вам нужно быстро и тщательно очистить от мятежников. Проверять каждое помещение, врагов нейтрализовывать любыми способами... Если вы вырежете всю команду, кроме командира, я вас в угол не поставлю. Встречаетесь на пяточке у центрального поста, где оба бортовых коридора сходятся, и ждете моих команд.

— Можно вопрос, сержант? — стоило Да Гама перевести дух, в беседу вступил Мессье. — Как насчет системы самоуничтожения?

— Шесть нарядов на кухне. Там сломался уничтожитель отходов, будешь таскать помои ведрами в шлюз. — В горле сержанта глухо заклокотала злоба. — Я что, зря тут перед тобой распилился? Какой тип судна, я сказал?

— Ну... да.

— И ты знаешь, какая у него система самоуничтожения?

— Я?

— Десять нарядов!!! Ручной запуск неуправляемой цепной реакции в двигателях. Поэтому, тупица, я иду в эти проклятые всем прогрессивным человечеством коридорчики на нижнем уровне! Все, не желаю больше слышать ваших тупых вопросов! Выполнять приказ!!!

Сержант круто повернулся и жестом отправил Андреева направо, к одной из дверей. Рядовому было велено заварить ее и для страховки заминировать. Сам Да Гама и Далкотт направились ко второй двери, над которой виднелись крупные синие иероглифы. Коби в университете изучал древнюю письменность Земли, так что мог разобрать, что это не арабская вязь и не идиш. Впрочем, тут глубоких познаний не надо — вспомни название корабля и поймешь. А разобрать нельзя — иероглифы скорописные, и наверняка современный новояз, а не традиционное письмо.

Времени, чтобы поломать голову над подобными пустяковыми проблемами, у Коби было всего ничего — пока он со своим отделением выдвигался к правой лестнице. Вперед вышли Сутер и вторая женщина в их взводе, поджарая и страхолюдная с лица дамочка с романтической фамилией Либе. Она обладала усовершенствованным радаром, поэтому по инструкции во время движения по кораблю находилась впереди, высматривая ловушки и оборонительные сооружения, спрятанные в стенах, полу и потолке. Либе, слегка растопылив руки с вделанными в них излучателями радара, кралась чуть впереди, следом вышагивал, поводя стволом своего «мушкетона», Сутер. Вторым эшелонем двигались Поборски и Лим, замыкали отряд Малков и Хара.

Лестница была достаточно широкой, чтобы два могучих десантника уместились на ней в ряд. Белые ступени без единой помарки казались немного высоковатыми для неуклюжих бронированных ножищ, но это не смертельно. Словно бы дело происходило внутри башни какого-то замка, лестница круто заворачивала по мере подъема против часовой стрелки. Для лучшей позиции обороняющимся, — подумалось Коби. Хотя тут ведь ни щитов, ни мечей... Да и обороны не видно.

Их встретил только маленький шкафчик на середине марша. Большой красный крест и много маленьких иероглифов. Аптечка. Больше никого и ничего, хотя какой дурак станет организовывать оборону на лесенке из трех десятков ступеней? Только повернула — и вот уже второй этаж, маленькая площадка с белой конторкой и коридор без двери за небольшим выступом стены. Быстрая темная тень метнулась в неверном аварийном освещении, но Либе была проворнее. Она успела приподнять карабин одной рукой, и в мертвенной до того тишине, прерываемой только тяжелыми шагами десантников, раздалось вкрадчивое шипение гауссового ком-

понента. В полсекунды карабин выплюнул десяток двухмиллиметровых металлокерамических иголок. При попадании куда-либо в каждой срабатывал крошечный взрывчатый заряд, отчего иголки превращались в маленькое облачко осколков. Дыра диаметром в пять сантиметров гарантировалась практически любому небронированному объекту.

Вот и серая тень, надевшаяся удрать, тонко взвизгнула и с грохотом растянулась. Отделение осторожно втянулось на верхнюю площадку, ожидая встретить огонь более смелых товарищей пораженного, но их там не было. В углу висела потухшая камера слежения, рядом с ней в потолке светилося желтое пятно аварийной лампы. Внизу, за чистенькой и пустой конторкой, на полу валялись небольшой пластиковый нож со слегка изогнутым лезвием и маленький прибор наподобие записной книжки. Лим быстро заглянул туда, тихо выругался и одним движением ноги растоптал обе вещицы.

— Идиот! — прошипел Поборски. Он еще не получил капрала, но отделением командовал уже месяц, с того самого боя, когда предыдущий его командир, Мельник, покончил с миной на борту сухогруза «Модби», наступив на нее собственной ногой. Естественно, ее оторвало до самой шеи, и в таком виде в капралы Мельник больше не годился.

С глухим стуком врезав Лиму локтем в бок, Поборски сам заглянул за конторку и убедился, что кретин-рядовой поработал основательно: от ножа осталась только рукоять, а от приборчика — крошево.

— Вдруг там были ценные сведения? — в сердцах воскликнул Поборски и цыкнул. Плеваться в скафандрах несподручно, хотя в принципе возможно. — Короче, дети, не говорите воспитателю об этом происшествии, а не то он лишит нас компота. Понял, Лим?

— Йоу, босс! — послушно отозвался тот. Лим, хоть и родился на развитой планете, всю жизнь до поимки полицейскими и рекрутирования в армию провел на самом дне, где не учат писать и считать. Родители его, видно, были очень простыми людьми, ну и сынок тоже вышел... простоватым. Он и слов-то толком знал чуть больше, чем Коби — букв.

— Ладно. — Поборски быстро остыл. — Идем дальше. Хара, давай вперед, а ты, Малков, не спускай глаз с Лупня.

Коби тяжело вздохнул и неразборчиво буркнул в ответ нечто, что при некоторой фантазии можно было принять за «Есть». Вот еще, нечего ему делать, только нянчиться

с этим удобом, по какой-то странности миновавшим в своей учебке аналог тамошней «сортирной команды».

Сразу за выступом проход, вильнув, превращался в длинный полутемный коридор шириной в три десантника. Тут же, у стены, лежал в большой луже крови человек, который на обзорном экране Коби был помечен зеленой рамочкой — не жилец. Да и помощь компьютера тут не требовалась... Одного взгляда на три большие дыры в спине — от правой лопатки в ряд к левой ягодице — хватило, чтобы понять: ранения, говоря канцелярским языком, не совместимы с жизнью. Серая форма снизу пропиталась кровью и стала бурой, на левом плече виднелась красно-желтая эмблема. Труп лежал, спрятав лицо в поджатые вниз руки, будто в страхе перед врагами. Либе равнодушно перешагнула длинный коричневый язык, тянувшийся от убитого к противоположной стене, и застыла. Вделанной в указательный палец лазерной указкой она пометила панель на потолке. Сутер присел на колено и всадил туда заряд. Сверху вспухло небольшое яростное облако — пластиковая пыль, искры, металлические обломки — и вниз пролились потоки зеленой жидкости. Пол громко зашипел, отчаянно дымя и покрываясь пузырями, мгновенно расползающимися в дыры размером с подошву башмака. Ах, сволочи! Очевидно, тут в полу никаких коммуникаций и вообще ничего полезного, и они не пожалели поставить наверху баллон с кислотой. Попади под душ солдат — в лучшем случае остался бы без шлема.

Однако на этом неприятности окончились. Испуганный человек, который даже не мог быть заслоном абордажной команде со своим-то ножом, и одна примитивная ловушка? Где же закопанные в броню космические пехотинцы? Хоть один из пяти имевшихся на борту, выбери он хорошую позицию, мог по крайней мере задержать продвижение десанта с «Дорогой Мамочки». Но нет, пустой, гулкий и полутемный коридор тянется вперед на много метров, и не видно никаких признаков врага. Несколько дверей, пара боковых коридоров слева, ниши и люки справа... Коби поехал внутри своего скафандра, чувствуя, что ему не нравится такая легкость завоевания фрегата. Остальные крались вперед черепашьями шагами — очевидно, испытывая сходные чувства. Разве что Лим ничего не понимал и не боялся, но ему приходилось подстраиваться под остальных.

— Если я сейчас никого не пристрелю, — пробормотал Хара, — то со мной случится припадок. Где мятежники?

— Тихо! — прошипела в ответ Либе. Она застыла перед первой дверью, попавшейся им по ходу коридора,

и тут было чему удивиться. Пол и стены покрывали пятна копоти, а дверь, большая, прочная, двустворчатая, была вогнута внутрь, словно ее хорошенько пнул какой-то великан. Между створками образовалась щель сантиметров на пятнадцать, и края были обильно испачканы кровью, прилипшими кусочками чего-то спекшегося, черного. На полу тут и там валялись мелкие обломки непонятных устройств и те же самые черные ошметки, слишком похожие на останки человека. Что ж тут произошло?

Быстрым рывком Хара переметнулся на ту сторону двери, Сутер встал на колено и застыл чуть наискось, держа ее под прицелом своего чудовищного раструба. Либе прижалась к стене у самой щели между изуродованными створками, а Коби и Лим с карабинами на изготовку замерли рядом с ней. Поборски молчаливо указал пальцем на Либе, потом на дверь. Та хмыкнула и осторожно засунула внутрь ствол карабина. На экране Коби тут же загорелось новое окошко: передача с камеры на конце ствола велась на все отделение.

Внутри было совсем темно, и картинка бралась сразу в нескольких диапазонах, кроме видимого светового спектра. Странная зеленая муть, будто на дне старого пруда. В ней виднелись стоящие вдоль стен стеллажи, заполненные совершенно непонятными при данной степени детализации предметами. Пара стеллажей была завалена набором, закрывая от двери дальнюю стену. Множество темных пятен устилало пол, отвлекая от главного. Внутри был человек, живой и здоровый — судя по яркому красному силуэту, на две трети закрытому препятствиями. Изображение мигнуло и сменилось нормальным — обработка компьютера, увеличение уровня детализации. Однако разглядеть противника они не успели. Раздался тихий вопль, человек поднял руку и начал стрелять. Бац! Бац! По двери с той стороны словно заколотили молотком. Либе от неожиданности отпрыгнула в сторону и картинка пропала. Поборски с неожиданным для облаченного в штурмовой скафандр человека проворством упал на карачки, засунул в щель собственный карабин и открыл огонь. Снова шушание, а также звенящие, переливчатые звуки. Казалось, целая толпа детей колотила в таинственной комнате елочные шары из стекла. Стук по двери стих.

Поборски снова встал на ноги, гораздо медленнее, чем он опускался на четыре кости.

— Заряд! — пробормотал он.

Коби встрепенулся и выхватил из поясной сумки тубус со взрывчатой пастой. Под прикрытием остальных он ловко нарисовал липкой коричневой субстанцией сердечко на обеих створках.

Поборски немедленно возмущился:

— Что это за дерьмо, Малков?

Либе и Хара захихикали, а Коби, невозмутимо отступив на шаг, чтобы полюбоваться делом рук своих, весело ответил:

— Задница, господин будущий капрал!

Отделение загоготало громче, теперь уже в полном составе, даже Лим смеялся за компанию со всеми.

— По уставу положено делать круглые отверстия, — неуверенно промямлил Поборски.

Все-таки командного авторитета он пока не заработал, подумал Коби, делая всем знаки отодвинуться по сторонам. Дальше он нарушать устав не собирался, ибо это было чревато неприятностями. Отойдя еще на два шага, он опрыскал «сердечко» мощной струей катализатора из баллона. Раздался громкий взрыв, окутавший дверь серой пеленой, которая тем не менее не мешала видеть компьютеру. Сутер оттеснил Коби в сторону и смело шагнул внутрь через новообразованное отверстие: полукружью верхней части сердца как нельзя кстати подходили для широких плеч, но вот ложбинка между ними так и норовила причесать шлем. Коби дал себе слово, что следующую дыру будет проделывать в виде ромба.

— Здесь тихо, — пробасил Сутер.

Отделение скользнуло внутрь, оставляя снаружи командира и замешкавшегося Лима. Коби вслед за Сутером, осторожно ставя ноги на загроможденный обломками и целыми с виду штуками пол, двинулся вглубь. Похоже, это был склад электронных, электрических и электромеханических запчастей для ремонта корабельных систем. За стеллажами виднелись вделанные в стены шкафы больших размеров, оснащенные клавиатурами и мониторами для автоматического поиска и выдачи мелких приборов и конструктивных элементов. Либе и Сутер принялись инспектировать склад на предмет уровня повреждений и полезности хранящегося оборудования. Хара и Коби двинулись к дальней стенке, к человеку, сидящему на полу и обведенному на экранах их компьютеров мерцающей зеленой рамкой. Он умирал.

Серый комбинезон на груди мятежника был испачкан темными пятнами — словно он небрежно вытирал

об него выпачканные грязью руки. Чуть скособочившись направо, человек привалился щекой к боковой стенке небольшого стола-тумбы, посеченного множеством выбоин. С другой стороны, за ухом, голову умирающего украшала дыра, из которой сочилась густая черная жижа. Зияли желтые маслянистые края пробитого черепа, внутри что-то пузырилось. Коби поморщился и хотел было отвернуться, но тут мятежник едва заметно дернулся. Рефлексы работали без команды мозга, и в половину секунды Хара и Малков нацелили на поверженного противника карабины. Но нет, он больше не пытался стрелять — громоздкий огнестрельный пистолет валялся на полу далеко от правой кисти человека, вывернутой ладонью вверх и прижатой к полу. Мятежник, мелко сотрясаясь всем телом, судорожно заглатывая воздух и часто запинаясь, что-то говорил. Оты-вистый, некрасивый язык. Коби пригляделся к говорившему: темная кожа, морщины по всему лицу, короткая прическа и узкие глаза. Широкие скулы. Ну да, азиатская ветвь, скорее всего японец.

— Что он говорит? — машинально спросил Малков. Он просто физически ощутил, что Хара в деланно-равнодушном жесте пожимает плечами под тяжелыми гнутыми эполетами.

— Тут разве точно разберешь? Акцент у него сильный. Кажется, обзывает нас собаками.

Шагнув вперед, Хара выверенным движением вынул из ножен на щиколотке длинный и узкий, как шило, стилет и воткнул его жало прямо в рану мятежника. Тот дернулся в последний раз, так сильно, что щека скатилась с тумбы стола, а тело медленно завалилось вперед и гулко приложилось лбом об пол...

— Надо было его спросить, что за дерьмо тут случилось, — проворчал Коби. — Кто дверь погнул? Кого на куски разнесло?

Хара в ответ промолчал.

Выйдя обратно, в коридор, они продолжили путь — вернее, достигли следующей двери, метрах в пяти от первой. Она была поменьше и совершенно целой. Коби быстро вскрыл замок, Лим отжал единственную створку — внутри находился грузовой лифт на первый уровень. Хара предложил послать какой-нибудь привет сержанту, вниз, но Поборски с негодованием отверг это предложение и скомандовал двигаться вперед.

За лифтом им встретилось боковое ответвление, но в нем поблизости дверей не наблюдалось. Одна видне-

лась далеко, у левого борта, но Поборски разумно решил оставить ее второму отделению. Стоило ему об этом объявить, в далеком прямоугольнике на том конце коридора появились громоздкие фигуры, обведенные синим цветом на экранах.

— Легки на помине! — хмыкнул Сутер и показал сослуживцу — кажется, это был Кимбо — неприличный жест. Ответили ему тем же... Сутер еще раз хмыкнул и повернулся к коридорчику спиной.

Пора было продолжать путь. Все явно расслабились, забыв о плохих предчувствиях и больше не удивляясь простоте завоевания фрегата. Лим мимоходом просмотрел несколько стеновых ниш, дающих доступ к упрятанным в толще борта коммуникациям и приборам. Везде было чисто, ни ловушек, ни признаков намеренных поломок. Несколько раз мигал свет, словно бы он устал и намеревался погаснуть вовсе, но никому это не мешало. Отделение проверило камбуз и отсек с продуктовыми машинами и уже приближалось к середине коридора, с которой можно увидеть его конец — место сбора у центрального поста. Борты фрегата были выпуклыми, так как корабль имел форму толстого веретена, и проходы вдоль этих бортов, соответственно, имели форму дуги.

Вот тут-то они и увидели открытое помещение, в котором совсем отсутствовало освещение. По размерам оно было небольшим — метра два в ширину и метров пять-шесть в глубину. Либе лениво проверила конуру на вшивость и вяло воскликнула:

— Ух ты!

— Что там? — немедленно встрепнулся Поборски. Остальные немного насторожились, занимая привычные боевые позиции, но «ходячий радар» не казалась встревоженной.

— Кажется, собачка! — неуверенно пробормотала она. Коби заглянул внутрь темной комнаты через плечо Хары и впрямь увидел там стоявшую в самом углу собаку. Компьютер давал чистое и резкое изображение, несмотря на темноту, но это не помогло Малкову понять, какой породы было животное. Во-первых, он не очень разбирался в собаках — дома никогда не держали живности, а во-вторых, что-то было не так с этой псиной.

Увидев людей, собака медленно поплелась им навстречу. Большая, что ли? — подумал Коби. Поднапрягши мозги, он вспомнил несколько видов из песьей породы. Кажется, эта напоминает ротвейлера, но только не чистого. Боль-

шая могучая грудная клетка, кривые лапы, тяжелая треугольная башка с мощными вытянутыми челюстями. Хвост купирован... Коби еще думал, а Лим, отодвинув в сторону Либе, шагнул внутрь комнаты, приговаривая:

— Собачка! Собачка! Хорошая, иди сюда! Бросили тебя все, испугали.

— Эй! — Поборски поднял руку, предостерегая Лима от опрометчивых поступков. — Вдруг кинется?

— Ха, — ответила ему Либе. — И прокусит ему броню, не иначе? Дай поиграть ребенку.

— Я дома со всеми собаками разговаривать умел, — радостно воскликнул Лупень. — Они меня любили.

Тем не менее далеко в глубь комнаты Лим не пошел, встав на проходе в шаге от порога. Собака сама вышла к нему, и в конце ее пути Коби понял, что с ней не так. На шкуре пса не было шерсти. Абсолютно. Зато в кожу на спине некие мучители-вивисекторы вшили длинные контейнеры цилиндрической формы, шею плотно обхватили толстым и явно неудобным для животного ошейником, голову украсили какими-то металлическими прутьями и трубками, опоясывающими ее на манер намордника. Подобравшись к Лиму на расстояние прыжка, собака подняла вверх черную губу и глухо зарычала... Да, явно это был не любимец команды, испуганный и брошенный на произвол хозяевами. Коби никогда не слышал о корабельных собаках, хотя про котов или хомяков — сколько угодно. Он был готов верить, что все когда-нибудь узнается в первый раз, если б не эти странные клыки, блестящие синеватым металлом и достигающие в размерах человеческого мизинца.

— Берегись! — воскликнул кто-то, но глупый Лим не слышал или же просто не успел среагировать. Пес не стал ждать: издав то короткое, первое и последнее рычание, он мощно бросил свое тело в прыжок. Оторопелые пехотинцы молча смотрели, как черная клякса изуродованной собаки повисла на плечах их товарища. Лим отчаянно завопил — как подумалось Коби, просто от страха — и принялся размахивать руками, словно на него напали пчелы. Однако от скафандра вверх вдруг повалил дым, а по сторонам в такт движениям сцепившихся тел летели брызги непонятного происхождения. Сквозь крики незадачливого Лупня слышался жуткий скрежет, явно оставляемый скользящими по броне зубами.

Если бы Лим не так крепко стоял на ногах, быть может, ему бы повезло больше. Упав он на спину от

удара собачьего тела, кто-то из товарищей смог бы опомниться и убить взбесившееся животное. Теперь же, даже если кто-то в отличие от Коби пришел в себя, он не мог ничем помочь Лиму, заслонявшему собаку своей широкой спиной. Впрочем, уже через пару десятков секунд все было кончено. Верхняя часть борющегося с псом Лима исчезла в яркой вспышке взрыва.

Отделение бросилось врассыпную, наконец-то полностью обретя способность двигаться и отчасти соображать. Стволы карабинов шарили вокруг в поисках источника опасности, но не находили его. Либе растопырила руки и стал кружиться на месте, пытаясь засечь хоть что-нибудь подозрительное, но никаких сообщений от нее не дождались. Вокруг снова было тихо, только грохот свалившегося на пол тела метался по пустой темной комнате.

Когда Коби осмелился сделать шаг к месту странной схватки, Лим уже не шевелился. Либе и Поборски застыли над его телом, размышляя, стоит ли предпринимать меры по спасению бедняги.

— Вроде мертв, — нерешительно сказала женщина.

— Коли ему дозу, — не менее нерешительно ответил мужчина. На экране Коби распластанное тело Лима медленно меняло свой цвет с синего на зеленый. — Доставай дефибриллятор!

— Ты чего, сдурел? — заорал подошедший, как и Малков, поближе Сутер. — Погляди на него!

Неведомым образом шлем Лима не защитил своего хозяина от взрыва. Лицо бедняги превратилось в раскрывшийся навстречу утреннему солнцу цветок, если подобное сравнение тут уместно. Челюсти, скулы, лоб — все разнесло на куски, болтающиеся сейчас по краям дыры в металлическом ведре, раньше бывшем шлемом. Внутри виднелась такая отвратительная мешанина плоти, что Коби, несмотря ни на что, едва не стало плохо.

— Но... Потери... Мы должны их избегать! — промямлил Поборски. — Что скажет сержант?

— Ты хочешь восстановить Лупню личико? — поинтересовался Сутер. — Отдашь свое? Срежешь с того парня, которого мы завалили в начале коридора? Кончай маяться дурью, Карл. Нам нужно идти дальше, выполнять задачу. Не бойся, я думаю, сержант не станет слишком браниться из-за Лима. Каждый, кто его видел, понимал, что этот парень на войне надолго не задержится.

Поборски поднялся на ноги, и даже скафандр его при этом выказывал уныние. Вокруг у его ног валялись куски плоти, то ли собачьей, то ли человечесьей, в полу зияли маленькие и не очень кратеры, оставленные каплями той странной жидкости, что летела от боровшихся пару минут назад противников. Хара сунул в одно из них анализатор и тут же доложил:

— Серная кислота!

— Что ж это было? — спросила Либе. Увы, тот же вопрос мучил и остальных, но никто не мог дать вразумительного ответа. Неужели это сделала собака? Плевалась кислотой, а потом взорвалась? Но, к чертовой матери, откуда такой монстр? Кто его запустил на корабль — и зачем? Мысли Коби шли одна к другой, и он вдруг чуть не подпрыгнул на месте.

— Вот в чем дело! — заорал он, до смерти напугав остальных, сгрудившихся у трупа Лима стадом испуганных овец, знать не знающих о боевых построениях.

— Ты чего? — выдохнул Хара.

— Вот почему нет сопротивления, нет их пехоты, — заявил Коби. — Здесь нет противоабордажной команды, потому что эти черти выпустили собак. Понимаете? Я читал об этом, помню. Раньше вот таких псов, сильных, злых, выпускали гулять у охраняемых объектов, чтобы злоумышленники не прошли. А тут их усилили — навешали бомб, контейнеров с кислотой. Я не уверен, но мне показалось, что у взрывчатой собачки были металлические клыки.

— Мне тоже так показалось, — потерянно откликнулась Либе.

— Камикадзе, — прошептал Хара.

— Что? — спросили его сразу несколько человек — все, кроме Коби.

— Камикадзе... — повторил японец. — Божественный ветер. Во время одной древней войны так называли людей, которые бросались на врага, чтобы уничтожить его ценой собственной жизни.

— То есть собака... — начал Поборски.

— Специальная собака! — подхватил Коби. — Она нарочно натренирована, чтобы бросаться на противника и подрывать его вместе с собой. Жертвовать людьми у мятежников кишка тонка, так они решили поиграть с собаками...

— Мороз по коже! — заявила Либе. — Теперь, как только увижу собаку, сразу стреляю — вы как хотите.

— Не бойся, мы не дурнее! — заверил ее Сутер. — Пускай одного они захватили врасплох, но теперь им до

нас не добраться! Пехотинец круче собаки, так и знайте, придурки.

Словно вспомнив о грозящей опасности, отделение засуетилось, принимая прежний строй — с той только разницей, что Коби остался в арьергарде один. Как бы то ни было, несмотря на потерю и обескураживающее открытие, они были полны решимости выполнить задачу, а также понимали, что собакам не совладать с пятью отлично вооруженными людьми в открытом бою.

Но сначала Поборски доложил о случившемся сержанту и командиру второго отделения.

— Что? Ты решил надо мной подшутить?? — заревел Да Гама, услышав, что его солдаты подверглись нападению собаки и даже понесли потери.

— Никак нет. Собака-самоубийца бросилась на Лима...

— И загрызла! — захохотал Харгривс, командир второго отделения. — Вы только послушайте, братья! По-моему, Поборски со своими ребятами забрался в какой-то темный угол и жует там убойные колеса или пьет крепкую водку. Далкотт, где ты там? Беги скорее, пока без тебя не выхлебали.

Да Гама окончил разговор жутким ревом, пригрозив страшными карами всем подряд, без разбору. Он велел не маяться дурью, придумывая собак, прыгающих на космических пехотинцев, а задуматься о том, насколько страшнее скалящий клыки, разъяренный сержант. Поборски промямлил еще что-то, но никого не смог убедить и от стыда и страха поскорее заткнулся. Перейдя на канал отделения, он зло приказал следовать дальше по коридору.

— Но они тебе поверили? — озабоченно спросил Сутер. — Черт возьми, я не хочу, чтобы проклятые псы подловили на неожиданности еще кого-то из наших.

— Это их дело — верить или нет, — огрызнулся Поборски. — Я не собираюсь выслушивать дурацкие шутки и угрозы... Предупредил — моя совесть чиста. А ты, Сутер, смотри вперед. Вдруг увидишь сейчас боевую атакующую таксу?

— Не нужно шутить с этим, Карл, — укоризненно ответил Сутер и поудобнее перехватил «мушкетон».

Событие на всех произвело слишком большое впечатление, чтобы так просто о нем забыть. Дальше они действовали с великой осторожностью, постоянно пытаясь вспомнить новые подробности нападения собаки.

— Можно было сразу догадаться, что дело тут нечисто, и открыть огонь! — шептал Хара.

— Где же ты был? Почему не стрелял? — рычал в ответ Поборски. Он догадывался, что японец просто не продолжает мысль — очевидно, командир отделения должен был все понять с первого взгляда и отдать команду, которая спасла бы жизнь Лима. — Либбе, а ну-ка как следует обшарь эту комнату... Только осторожно!

Женщина-радар мелкими шажками ступила внутрь темного помещения, а над ее головой постоянно водили стволами карабинов Поборски и Хара. Малков и Сутер стерегли коридор.

Либбе тщательно обследовала убежище собаки, но ничего не нашла — ни тайных ходов, ни замаскированных ниш. Единственными отверстиями в стенах были вентиляционные люки, закрытые хлипкими решетками на слабых магнитных липучках. Однако диаметр их не позволял думать, что какая-то, даже мало-мальски пригодная для боя, собака спряталась там. Если тут и были другие псы, они разбрелись по кораблю... Все уже понимали, что за взрыв измял дверь в хранилище электронных запчастей, однако никто не мог догадаться, почему собаки вдруг бросились на хозяев.

Покончив с обыском комнаты, ставшей смертельной для Лима, они затащили тело бедняги внутрь, чтобы там оно дожидалось окончания боя, а сами двинулись дальше. Вскоре была достигнута середина изогнутого коридора, где корабль пересекал еще один поперечный проход. Рядом с углом была навалена баррикада из самых разнообразных предметов — дюралевого полка, согнутых и перекрученных друг с другом, пластиковых кресел, перевернутых столов и всякой другой всячины. Баррикада казалась незаконченной — или даже разбитой. Несколько предметов валялось в поперечном коридоре, будто их выбили из завала и отбросили прочь или же не дотащили до места. Под прикрытием отделения Поборски исследовал пол и потолок — и нашел множество глубоких и длинных царапин, дыры, проеденные кислотой, и следы пуль мелкого калибра. Недалеко от баррикады обнаружилась дверь, подозрительно открытая. Отделение с великой осторожностью приблизилось к ней: Либбе старательно обшаривала стены, потолок и пол, но все было чисто... Поборски скомандовал «проникновение». Малков и Либбе оставались на страже коридора, Хара страховал, а командир и Сутер ворвались внутрь каюты.

Там вокруг была смерть. Очевидно, люди из экипажа корабля, бросившись бежать от баррикады и не надеясь удраť от собак, решили закрыться в этой комна-

те, но не успели захлопнуть двери. Собаки — неизвестно, в каком количестве — прорвались внутрь и устроили резню. Жилой кубрик размером четыре на два метра был полностью забрызган кровью и завален останками. Никто и никогда, кроме экспертов по биологии, не смог бы разобрать, какой кусок плоти, прилипший к стене в густых потеках крови или залетевший под узенький столик, принадлежит человеку, а какой — собаке. Впрочем, от людей остались довольно значительные по размерам куски — плечи с головой, пара ног, одна рука. Зрелище было просто ужасное. Сдерживая рвотные позывы и заикаясь от ужаса, Поборски и Сутер вылетели прочь, в коридор, и застыли. Коби видел все только мельком, на маленьком окошке экрана, куда транслировал изображение командир, поэтому он сам сумел подумать о превратностях судьбы. Космическая пехота шла с твердым намерением искрошить в капусту и порвать на куски всех мятежников — но вдруг обнаружила, что на куски их порвали раньше, и от этого почему-то стала себя плохо чувствовать. Очевидно, сама мысль, что ты воюешь против безумных псов, которые грызут без разбору всех подряд, вызывает некий дополнительный дискомфорт.

— Какая поганая ситуация! — заявил Поборски, переводя дух и с силой закрывая дверь. — Такого я на своей памяти не припомню.

— Это точно! — поддакнул Сутер. Либе хотела что-то добавить, но в это время над ее головой из стены с легким стуком выпала решетка вентиляции. Из образовавшейся дыры с пронзительным воем выпал небольшой зверек рыжего цвета, с очень пушистой шерстью и длинным, задранным к потолку хвостом. Снова, как и в случае с собакой, пехотинцы тупо застыли, разглядывая, как их товарища терзает нежданный враг. Зверь, оказавшийся разъяренной кошкой, у которой вся ее густая шерсть стояла дыбом, вцепилась в многочисленные выступы на макушке шлема Либе и терзала их когтями, из-под которых брызгали капли жидкости. Целые потеки — маслянистые, прозрачные — стекали вниз по шлему, прожигая дорожки в металлической и пластиковой поверхностях. Кошка при всем при том тоже дымила. Кислота пожирала ее саму, но безумное животное не замечало этого — лишь орало, кажется, все громче и громче.

Первым опомнился Хара. Закричав чуть ли не так же пронзительно и громко, как зверь, он поднял карабин и попытался прицелиться, но в этот момент кошка взорвалась. Со стороны казалось, что это голова несчастной Либе раз-

летается на кусочки. По всем направлениям брызнула кровь, перемешанная с кислотой, куски кошачьего тела, склизкие комки внутренностей... Стены немедленно покрыли потеки красного цвета, а пол вокруг эпицентра покрыли маленькие кратеры. Либе издала мучительный стон, более похожий на тяжелый вздох, потом колени ее подогнулись, и она тяжело осела вниз.

Коби подоспел к телу женщины-радара первым. Шлем Либе превратился в закопченный, бесформенный комок, но в целом он почти выдержал удар взрывной волны. Может быть, потому что заряд на сей раз был меньше, чем тот, что убил Лима? Тем не менее вся поверхность шлема была изъедена кислотой и несколько раз по ней пробежали трещины. Копоть и кровь покрывали все сверху обильной пленкой. Коби мельком взглянул на показания датчика забортной атмосферы, убедился, что ядов в воздухе нет, и быстро отстегнул шлем от плечевых зажимов.

Либе была без сознания. На коже ее зияли несколько обширных кислотных ожогов мерзкого темно-красного цвета, лоб был рассечен глубокой царапиной, но, включив на кончиках бронированных пальцев осязательные сенсоры, Малков смог нащупать пульс на шее. Сотрясение мозга? Шок? Малков, краем глаза отметив, что остальные не сошли с ума, а встали в оборонительный круг, спокойно начал распаковывать аптечку. Для начала он сбрызнул ожоги дистиллированной водой, чтобы смыть остатки кислоты, затем смазал антисептиком. Либе застонала — Коби тут же вколол ей обезболивающего. Царапину на лбу он замазал биоклеем для заживления ран, а на ожоги налепил специальный пластырь. Его пришлось отрезать от большого рулона, отделять защитную пленку и только потом покрывать ожоги. В неуклюжих броневиных перчатках делать это было чертовски неудобно, однако все-таки возможно. Примерно через двадцать минут Либе наконец была обработана, но еще до того, как Коби закончил, в эфире раздались истошные вопли Харгривса:

— ...атакованы! Их десяток... я ранен... есть убитые... А-а-а-а!

Собрав в кулак всю свою волю, Коби сосредоточился на перевязке и не давал страху взять контроль над телом. Ему казалось, что сейчас из-за всех углов на них в атаку ринутся полчища брызжащих ядовитой слюной тварей... Он явственно слышал доносившиеся от левого борта взрывы...

— Черт подери!!! — Поборски едва не плакал. — Ну почему эти остолопы меня не послушались? Что делать теперь?

У нас у самих на руках раненый, а там...

— Да они ведь в любое мгновение могут атаковать! — закричал Хара. — Надо убираться.

— Готово! — Коби, казалось, один остался спокойным — никто ведь не знал, что творится у него на душе. — Либе нужно срочно эвакуировать.

— Заткнись! — окрысился Поборски. — Обойдусь без твоих указаний, придурок. Пехотинцы нуждаются в помощи... Если мы их бросим, грош нам цена.

— А если там засада?

— Не мели чушь, Хара! Что, по-твоему, собака кричала по радио голосом Харгривса?

— Нет, конечно, но...

— Заткнись! Вот мой приказ: Сутер остается здесь для охраны раненой. Мы выдвигаемся к левому борту, на помощь второму отделению. Я передовым, вы, двое, сзади. Ясно? Вперед!

Никто не смог возразить ни слова внезапно обретшему командирскую твердость Поборски, даже Сутер, которому пришлось оставаться фактически в одиночестве, да еще и с обузой. Топоча и держа на изготовку карабины, трое пехотинцев бросились по поперечному коридору на помощь попавшим в беду товарищам.

По дороге Поборски вызвал сержанта, но тот и так был в курсе, как всегда, грязно ругался и обещал, что совсем скоро будет на месте и добьет тех, кто уцелел, ударами кулаков. Как ни странно, привычные издевательства и угрозы Да Гама прибавили Коби уверенности в себе...

Второе отделение ушло от поперечного коридора недалеко. Сразу за углом сидела на полу согнувшаяся в комочек Дани, и ствол вытянутого в сторону центрального поста карабина у нее ходил ходуном. Дальше пол был усеян телами, их фрагментами и кровяными лужами. Ближе всех находился труп пехотинца с развороченным скафандром — кажется, его запасы кислорода и батареи взорвались, едва не превратив человека в бешеный огурец. Целыми остались только конечности — остальное сделалось кашей из плоти, костей, металла и пластика. Рядом, словно остров посреди темно-красного озера, высилась оторванная собачья голова, уставившаяся в потолок оскаленной пастью.

Слева, у стены, ничком лежал еще один пехотинец, весь покрытый копотью и выеденными на поверхности скафандра пятнами, однако сквозных дыр видно не было.

Справа, привалившись к косяку раскрытой двери, сидел Харгривс и ожесточенно колол себе в ногу шприц. Еще штук пять, опустошенных, валялось рядышком с его левой ногой, которую кто-то, казалось, вскрыл гигантским консервным ножом, одним легким движением от ботинка к паху. Между ногами командира второго отделения расплзлась шикарная лужа, будто он сходил под себя кровью. Последнее тело лежало дальше всех по проходу, растянувшись во весь рост, и прямо посреди тусклой полоски забрала на его шлеме зияла черная дыра.

Поборски застыл рядом с Дани, разом потеряв всю свою решительность при виде столь ужасной картины. Судя по всему, собаки, в мощь и силу которых здравомыслящий человек просто не мог поверить, с легкостью разгромили отделение. Снова жуткие густые кровавые потеки на стенах, щедро разбросанные куски тел, снова желание блевануть у тех, кто это видит.

— Ну! — заорал Харгривс, отбрасывая в сторону шприц и запуская правую руку в глубь дыры на своей бронированной штанине. Перчатки он снял с обеих рук и в полном смысле слова уже измазал их по локоть в крови — в собственной. — Нужно уносить ноги...

На этом месте он жалко всхлипнул, поняв вдруг, какой злой иронией переполнено это выражение по отношению к нему самому. Вынув наружу из дыры в штанах какой-то липкий черный кусок, он с отвращением уронил его в лужу.

— Если бы этот взрыв задел яйца, я бы сразу пустил пулю в лоб, — жалобно сказал Харгривс.

— Кровь остановил? — спросил его Коби.

— Да... но прежде из меня изрядно вытекло. — Харгривс шевельнул целой ногой и болезненно поморщился. — Сука, стоило мне открыть дверь — и она тут же вцепилась мне в голень, а потом рванула... Кажется, у меня темнеет в глазах...

Он поморщился и обхватил руками голову. Тем временем Хара и Поборски обрели способность двигаться. Один бросился к Дани, второй — к тому солдату, что лежал ничком у стенок. Двум другим помощь уже явно не требовалась.

Дани оказалась целой, только смертельно испуганной. Впрочем, она быстро приходила в себя и скоро смогла поведать, что же случилось — настолько связно, насколько смогла запомнить. Харгривс открыл одну из выходящих в коридор дверей, а за ней, как оказалось, была уже знакомая первому отделению «собачья конура». Десяток бестий кинулось на-

ружу, толкая друг друга и хором рыча, а одна сразу же вцепилась в командира. Никто не успел опомниться — только Умдерсе выпустил пару зарядов, снесших пса, который успел прыгнуть на Джиони. На самого стрелка тут же набросились сразу две собаки, и теперь он валялся, похожий на лопнувшую колбаску с фаршем. Джиони взрывом отбросило в сторону, а какая-то из собак тут же взорвалась на том месте, где он стоял. Джиони врезался головой в стену и больше уже не вставал. Браун выстрелил — но попал точно в лоб Кимбо, а не в противника. Почему карабин Какашки оказался заряжен бронебойными — никто не знал и не догадывался.

Дани шла замыкающей вместе с Брауном, поэтому они оба не пострадали. Увидев, что он наделал, Браун в ужас бросил оружие и кинулся наутек, а девушка, напротив, открыла огонь. Правда, от великого страха, палила она как попало и, по собственному признанию, ни разу не поразила целей... Тем не менее оставшиеся в живых собаки обратились в бегство и скрылись за ближайшим поворотом.

Джиони вскоре привели в чувство. Сначала он ничего не понимал, потом его вырвало и он долго булькал, очищая внутренности шлема. Коби тем временем обследовал рану Харгривса, которому стало хуже, и потуже стянул артерии на внутренней поверхности пораженного бедра.

Ситуация складывалась критической. Из двух отделений вдруг разом осталась половина, и тех явно сковывали многочисленные раненые. Три трупа, три калеки и один дезертир — мог ли рассчитывать на что-то подобное Да Гама, когда они летели к цели? Вряд ли он думал, что пять вражеских пехотинцев и тридцать простых космонавтов способны нанести им такие потери.

Сержант еще раз вышел на связь, уточнил весь ужас сложившейся ситуации и пробурчал, что он уже поднимается вверх на лифте. Велел всем собраться вместе на перекрестке левого и поперечного коридоров и ждать прибытия Великого и Ужасного для финального воздаяния — и собакам, и пехотинцам.

Нужно было отбуксировать двух пострадавших из второго отделения навстречу Сутеру и Либе. Однако прежде Поборски прошел чуть вперед, туда, где лежал труп застреленной Умдерсе собаки. Коби, выпрямившийся над Харгривсом, издали неплохо разглядел эту тварь, распластавшуюся по полу. Длинноногая тощая псина, совсем не похожая на ту, что атаковала Лима. Шерсть растет на теле клочками, будто

собака болела лишаем, в спину вделаны непременные цилиндры, ошейник, металлические клыки в раззявленной пасти. Вырванное попаданием брюхо и кишки, стелющиеся по полу вдоль линии полета уже мертвого тела... Поборски подошел вплотную, наклонился и рукой схватил пса за морду, намереваясь разглядеть его огромные клыки.

— Ну и ужас! — успел пробормотать он, прежде чем грянул взрыв. Поборски мотнул головой, словно был тряпичной куклой, а не закованным в броню солдатом. Левая рука взметнулась к потолку — впрочем, от нее остался только обрубок до локтя, брызжащий кровью. Дани отчаянно заверещала, Хара испуганно присел, а Коби сделал было шаг вперед, чтобы кинуться на помощь. Однако Поборски, шатаясь, повернулся к нему «лицом». В передней панели шлема была глубокая вмятина, из которой торчал кривой обломок ошейника, пробивший броню. В эфире раздалось жуткое бульканье, и с конца обломка закапала черная кровь. Поборски еще раз пошатнулся и завалился на спину, в небольшую воронку, которую проделало в полу взрывом. Он угодил в нее задницей, дурачки задрав вверх искореженные ноги.

Коби стало ясно, что помочь Поборски он уже не может. А еще он отчетливо понял, что если он выберется живым с фрегата с поэтическим названием «Аянами», то это смело можно будет называть чудом. Его товарищи гибли один за другим с пугающей легкостью, а по кораблю еще бегают неизвестное количество коварных зверей. Неужели ему суждено окончить дни именно так?

Рядом в полный голос орал Харгривс.

— Заткнись! — взвыл Хара. — Не кричи!!! Вколи себе еще пару шприцев, только замолчи.

— Я не от боли, — одышливо ответил Харгривс. — От обиды. Какие-то тупые собачонки нас сделали! Разве это та смерть, которой стоит умирать? Что после нас останется? Пара злых анекдотов?

— Тебе будет уже все равно, — заявил Малков дрожащим голосом. Он почувствовал, что если не займется чем-нибудь немедленно, то сорвется и вслед за Брауном бросится куда глаза глядят. Коби сунул карабин в магнитную кобуру и без предупреждения схватил Харгривса за плечи.

— Эй! — протестующе откликнулся тот. — Я не мешок с хламом!

— Заткнись, — зло отрезал Коби. — Хара, тащи Джиони за мной. Дани, ты прикрываешь.

«Метатель молний», против собак из-за их чрезмерной юркости оказавшийся бесполезным, они бросили, как и карабины трупов и раненых. Не до них. Коби засунул под тушу Харгривса носилки-антигравы и стал ловко буксировать к пересечению коридоров. Хара вел Джиони под руку, Дани пятилась последней.

Взрывы они слышали еще до того, как достигли угла. Взрывы и уханье «мушкетона». Коби бросил Харгривса и ринулся вперед, с холодеющим сердцем понимая, что не успеет. Словно скользкая змея оведала его пищевод, подбираясь к горлу и норовя перекрыть дыхание...

Сутер был облеплен кошками. Пять или шесть штук вцепились в скафандр со всех сторон и визжали, потрясая вытянутыми хвостами. На стенах рядом с ним расплзлись две кляксы, как будто кошек невообразимая сила расплющила о пластик. И вокруг — многочисленные крошечные дыры от тех дробин, что не попали в цель. Однако справиться со множеством врагов, атаковавших с разных направлений, медленно стреляющий Сутер не мог и теперь был обречен. Суется, он неуклюже заламывал руки, пытаясь прицелиться в кошку на своей ноге, и в конце концов выстрелил. На пол полетел дождь из посеченной в мелкую лапшу кошатины, но товарки погибшей бестии взорвались — практически одновременно. Сутер окутался дымным облаком, разбрасывающим по сторонам мелкие кусочки. Казалось, спрятавшееся в облаке существо с десятком глоток плюется в стены. Потом раздался еще один взрыв, гораздо более сильный, чем все предыдущие. Тело Сутера с развороченной спиной, из которой выливался настоящий водопад не разбери чего, само отправилось в полет. Выгнувшись, насколько это возможно в скафандре, на две трети лишившемся своей жесткости, чуть разведя руки и бессильно уронив голову на плечо, Сутер пролетел полтора метра и врезался в стену. Тяжелое тело проломило пластиковые панели, наполовину погрузилось в них, осело и так осталось висеть. Наружу торчали только ноги.

— Мамочки... — прошептала Дани. Она уже стояла у самого угла рядом с Коби, он видел ее на маленьком экранчике заднего обзора.

— Где Хара? — спросил Малков, с трудом проталкивая слова через ставшее необычайно узким горло. Японец не замедлил отозваться.

— Отчего Поборски не послушал меня? Не валялся бы теперь мертвый. Но ты-то хоть, Коби, ты разумный человек! Ты ведь окончил университет! Неужели не понятно, что надо пытаться выбраться самим? Никого больше нам не спасти. — Хара сипел и хлюпал. Кажется, он во власти истерики. Коби ухмыльнулся, спрашивая себя: а ты сам? Во власти чего находишься ты? Он сам хорошо понимал, что бегство не гарантирует спасения. Как положит судьба... Можно броситься к ждущему боту и погибнуть, а можно остаться здесь и выжить. Никто не поручится, что он предскажет поведение безмозглых тварей, нацеленных на повательные убийства.

— Беги, — равнодушно ответил Коби. Будь у него возможность, он пожал бы плечами, но тяжелые эполеты скафандра все равно не передадут этого движения остальным. — Только я думаю, что теперь сзади зверей не меньше, чем впереди.

Тяжело вздохнув, Малков вернулся чуть назад и поволок свою ношу — распластавшегося на носилках Харгривса, который уже не говорил и даже не шевелился. Очевидно, потерял сознание... Его, так же как и Либе, нужно было срочно эвакуировать. Подумав о женщине-радаре, Коби стал двигаться быстрее. Когда он достиг поперечного коридора, Дани и Хара все еще были там. Прижавшись друг к другу, они сидели на корточках рядом с безвольно опершимся спиной на стену Джони.

— Понянитесь еще с одним, — велел им Коби, передавая Харгривса.

— А ты куда? — испуганно воскликнула Дани.

— Туда. — Малков вытянул руку, указывая вдоль коридора. Там, рядом с измаранным многочисленными пятнами крови и копоты участком, на полу недвижно лежала Либе. В радиообмен она не включалась, хотя шлем был надет на голову. Однако, по мнению Коби, никто не мог бы точно утверждать, что она мертва.

— Не ходи! Она не двигается! — воскликнула Дани. Похоже, она думала по-другому. — Давай пробиваться назад, я тебя умоляю! А там... ты же видел, что стало с Сутером? Хочешь, чтобы и тебя так?

— Глупости, — твердо ответил Коби, хотя сам вовсе не чувствовал и десятой доли этой уверенности. — Все кошки набросились на Сутера, и теперь там нет ни одной. К тому же сюда идет сержант. Ты хочешь сбежать и потом вместо взрывающихся собак иметь дело с Да Гамой? Уверена, что это стоящий обмен?

— Тысяча воплей сержанта и вся оставшаяся жизнь за чистой сортиров лучше, чем смерть! — пробормотал Хара, но он, похоже, перешел к спокойному и тихому ожиданию событий. В тоне его больше не было истерики, и действовать в духе собственных слов он тоже не собирался.

А Коби не собирался к нему прислушиваться. Снова выхватив карабин, он пригнулся, словно так его не могли бы заметить враги, и быстро пошел вдоль по коридору. Ему страшно не хотелось наступать в лужи свежей крови, но они заливали пол от стены до стены. Скафандр несчастного Сутера стал просто черным, и темная густая жижа стекала вниз по его скрюченным ногам, по изломам стеновых панелей вокруг его застывшего тела. Жидкий сизый дымок поднимался вверх из чудовищной раны, витая под самым потолком тоненькой пеленой.

Коби пнул лежавшую прямо на дороге кошачью голову с выпученными глазами. Опасливым взором он обвел раскрытые дыры вентиляционных отверстий, многочисленные и угрожающе темные. Казалось, он видит отсветы горящих злобой глаз, таящихся внутри. Они только и ждут, когда он отвернется, чтобы броситься на спину и разорвать, выпотрошить, как беднягу Сутера.

— Какая глупость, — вслух пробормотал Коби. К половине дыр он и так уже стоял спиной, разглядывая их через экраны заднего обзора. Никто оттуда не появлялся. Тем не менее неверной рукой в неуклюжей перчатке Малков нашарил на поясе маленький штуцер и потянул его вверх. Следом шел тонкий шланг. Штуцер надо было вставить в особое гнездо на прикладе карабина, и тогда оружие превращалось в огнемет. Бачок на поясе совсем маленький, так что на много не хватит... Коби увидел перед глазами крошечный значок в виде языка пламени — значит, все готово. Круто обернувшись, он начал с дальних люков, поднося к каждому ствол карабина и пуская внутрь порцию горячей смеси. Огонь глухо гудел, исчезая в ходах, но больше не было ни единого звука — ни полных боли воплей, ни разъяренного шипения. «Вот и хорошо, хорошо!» — про себя думал Коби, чувствуя, как капли пота на лбу выкатываются из-под переполненного влагоуловителя. Он был уверен: будь внутри хоть одна кошка, такие крошечные порции огня не смогли бы разом обуглить ее до смерти. Горящая, она выпрыгнула бы наружу и впилась в шлем Коби, чтобы... нет, не следует так ярко представлять себе собственную смерть. В нужное время она придет сама.

Покончив с люками и опустошив бачок с горючкой, Коби отстегнул штуцер, и шланг с шелестом втянулся внутрь пояса. Только тогда Малков позволил себе присесть и осторожно оглядеть распластанное на полу тело Либе. За все время, пока он здесь «танцевал с огнем», та ни разу не пошевелилась. Неужели все зря и она мертва? На скафандре не заметно новых повреждений. Коби протянул руку и медленно потянул за край шлема. Вот в чем дело! Он не был пристегнут, надет не до конца и обесточен. Кожа Либе была очень бледной, но когда тусклый свет коридорных ламп попал на глаза, она едва заметно сморщилась.

— Эй! — прошептал Коби через наружный громкоговоритель. — Ты как?

— Думала, что мертва, — так же шепотом ответила Либе и только теперь осмелилась открыть глаза. Коби с удивлением заметил, что они имеют чудесный васильковый оттенок. Такой глубокий цвет... Так красиво, особенно в сравнении с жуткими шрамами, которые окружали глаза сверху и снизу. — Когда началась заварушка, я решила не двигаться, чтобы меня приняли за труп. Кажется, сработало.

— Слишком долго ты притворяешься... — укоризненно сказал Коби. — А если бы мы тоже посчитали тебя мертвой? Кое-кто был в этом уверен.

— Но я ведь не знала, что все кончилось! Мне казалось, будто эти твари до сих пор бродят вокруг и только ждут от меня одного-единственного движения.

— Могла бы посмотреть через свои камеры... крикнуть нам по радио! А ты даже шлем как следует не надела.

— Он сдох. Не работает.

— А-а. Извини.

Их милое воркование слишком затянулось, чтобы его не прервали самым грубым образом. От правого борта, из того самого коридора, которым, казалось, целую вечность назад пришло первое отделение, раздался громкий топот. Коби, на секунду утративший бдительность, спохватился слишком поздно и успел только поднять ствол карабина...

Из-за угла вылетела огромная, закрывающая собой чуть ли не половину прохода, фигура. Сначала Коби не узнал ее очертаний, ибо они были искажены многими посторонними чертами. Сверху донизу вновь пришедший был покрыт толстым слоем жирной копоти, которая образуется от дыма горящих пластика и плоти. Золотое тиснение на броне пропало,

и от обнаженных танцующих женщин остались только фрагменты. На массивном шлеме больше не осталось прежних украшений — кусков поверженных противников. Вместо них появились посторонние трещины, вмятины и оторванные, болтающиеся на тонких лоскутах металла детали.

Из-под шлема чудовища, при внимательном рассмотрении сразу опознанного как сильно потрепанный взрывом Васку Да Гама, раздалось глухое клокотание. Коби испугался: ему показалось, что сержант смертельно ранен и добежал сюда из последних сил. Что у него изнутри сейчас польется кровь, как это уже было с Поборски.

Но нет. Яростным движением ручки Да Гама сорвал с головы шлем. Под ним на правой скуле красовался ярко-синий фингал, а губы и подбородок были измазаны кровью, словно сержант возвращался с шабаша вурдалаков.

— Где взвод?! — заорал Да Гама, вперившись в Коби бешеным взглядом. Тот почувствовал себя преступником, укравшим у этого сумасшедшего великана самое дорогое и застигнутым на месте преступления. Не в силах говорить, Малков вытянул руку себе за спину, указывая на кучку раненых и живых пехотинцев у левого борта. Сержант зверски выпятил вперед нижнюю челюсть и оглушительно выдохнул не менее кубометра воздуха. Следующие несколько слов, сказанных им, не имели ничего общего с литературным языком. Коби, заслышав такую привычную речь и убедившись, что с сержантом в принципе ничего страшного не случилось, окончательно пришел в себя. Он встал и включил антигравитационные носилки Либе. Тем временем сержант оглушительно заорал:

— Эй, вы, недоноски, немедленно сюда!

Однако их не надо было подгонять. Дани и Хара уже неслись по коридору, не замечая обузы раненых, которых они волокли за собой. Будто цыплята, после страшной и долгой разлуки увидевшие мать-наседку... Коби в который раз невесело ухмыльнулся. А ведь какое верное сравнение! Цыплята, за которыми охотятся злые кошки и свирепые псы.

— Что с вами случилось, сержант? — осмелился спросить Коби, когда его взгляд снова упал на разрушения, причиненные броне Да Гама.

— Засада, — коротко и серьезно ответил тот, словно говорил о настоящем бое с самым обычным противником. Коби уже было засомневался — может, сержант таки встретился с солдатами мятежников, но тот после недолгого

перерыва продолжил: — Стоило нам с Андреевым подняться на лифте на этот уровень, они бросились на нас. Три или четыре шавки, визжащие, как целая стая. Андреев был первым, так что ему не повезло, они вцепились ему прямо в броню зубами и когтями. Я успел просунуть ему под мышку ствол и разнести на куски самую злобную тварь, но было поздно. Остальные взорвались... Рядовой Андреев прикрыл меня своим телом, но смотри, как досталось этому шлему и этой роже!

Да Гама снова вздохнул, на сей раз почти по-человечески, и Коби был готов поклясться, что сам сержант стал как нельзя больше походить на обыкновенного homo sapiens. Изуродованное синяком лицо приняло страдальческое выражение.

— Самая жуткая катастрофа, которую когда-либо терпели подразделения под моим командованием... — совсем уже тихо пробормотал сержант. Однако остатки взвода приближались, и он быстренько вернул на место обычное зверское выражение лица. — Но я не сдамся, и любой из вас, кто попытается опустить руки, будет медленно разрезан на кусочки моим тесаком! Геройская смерть в зубах вражеской собаки покажется ему благом!

Когда все собрались вместе, сержант быстро изложил план действий. Так как шлем его, как и у Либе, отказал, Да Гама остался с непокрытой головой. Выглядело это жутко, особенно здесь, посреди побоища, устроенного кошками и Сутером.

— Значит, так, таракашки. Сейчас мы сцепим носилки с ранеными в поезд и Хара станет его буксировать. Малков идет в авангарде, я сзади, а Дани и Джиони между нами, с правого и левого флангов.

Джиони пытался было возразить, что его тоже следует относить к калекам и ставить в поезд, но вместо ответа сержант сорвал с него шлем и с высоты своего роста заглянул бедняге прямо в глаза.

— Как же дурно от тебя пахнет, рядовой, — зловеще прошипел Да Гама. — Наверное, ты уже обделался от страха? Ну скажи мне, что тебе страшно и ты не в силах держать в руках карабин? Скажи? Тогда я тебя устрою в поезд с ранеными, только статус у тебя будет другой. Осужденный за трусость, и знаешь, к чему? К смерти. Погляди на мой шлем внимательно — там нет больше языка и ушей... мне нужны новые, а трупов врагов здесь малова-то, да и возиться с ними опасно. Твои мне пригодятся, я думаю.

Казалось, бледнеть сильнее полумертвому от страха и контузии Джиони уже некуда, но он побледнел. Вернее, стал даже серым, с синюшным оттенком мертвеца.

— Я... я готов встать в строй, — промямлил он, не отрывая взгляда от жуткой, перекошенной рожи сержанта у самого своего носа. — Только мой разрядник пришлось бросить там, в коридоре.

— Позор бойцу, бросившему оружие, — сказал сержант, но уже не так грозно, как раньше. Он даже отстранился от Джони прочь и сунул ему в руки отстегнутый шлем. — Впрочем, если ты будешь храбро сражаться дальше, я смогу забыть об этом досадном происшествии. Пока возьми карабин Либе — учись, храбрая женщина даже в ранении не забыла об оружии!

Вообще-то карабин храброй женщине всунул в кобуру покойник Поборски, когда Либе была без сознания, но Коби не стал этого уточнять. Быстро, но без суеты они сцепили носилки раненых одни за другими и выстроились в предписанный командиром порядок.

— Смотрите по сторонам, сосунки! Здесь можно ожидать чего угодно. Боевых попугайчиков, крыс с отравленными титановыми зубами, взрывающихся клопов... Я не желаю больше терять ни одного человека!

Когда они двинулись в обратный путь к шлюзу, постоянно норовя сорваться на бег, никто не пытался им помешать. Коридоры были пусты... Только следы былых схваток не давали пропасть напряжению и страху. Сначала пустая комната, в которой лежало тело Лима, так и не дождавшееся погребальной команды, потом развороченный взрывом лифт, из-за створок которого лениво вытекает черная лужа, и многочисленные останки рядом, потом вогнутые дверцы склада электронных деталей. До самого последнего поворота и лестницы вниз они добрались абсолютно не потревоженными, так что Коби в отчаянии уверился: тут, за изгибом коридора, их ждет нечто страшное. И ему, как шедшему в авангарде, первому достанется полная порция. Подняв карабин, готовясь выпустить из него очередь длиной во весь магазин, Малков поставил дрожащую ногу в полную тьму площадки наверху лестницы.

Его встретила только тишина. Никто не прятался за покинутой конторкой, никто не затаился на ступенях. И даже внизу, в тусклом свете аварийных ламп, не было ни единого существа, ни живого, ни мертвого. Не веря себе, Коби автоматически ставил ноги на ступени, спускаясь все ниже. В мозгу молотом билась мысль: не может быть! После всех ужасов, случившихся за столь короткий промежуток времени, тва-

ри отпускают их живыми?! Чудо, то самое чудо, остававшееся его последней надеждой?

Нет. Он не мог понять, в чем дело, но стойкое чувство того, что ничего еще не закончилось, сидело глубоко внутри разума и грызло его, как червяк яблоко. Предчувствие, предвидение, еще что-то... И ничем нельзя помешать.

Коби, поглощенный собственными переживаниями, плохо помнил, как они добрались до шлюза — все целые и невредимые. Маньяк, который был в курсе происшедшего, так как внимательно слушал переговоры, запер десантные двери, поэтому перед ними произошла задержка. Сержант велел поднимать раненых с носилок и волочь их внутрь бота, в специальные медицинские ячейки. Бесчувственного Харгривса пришлось тащить вдвоем японцу и Джиони, Либе могла передвигать ногами и потому пошла в обнимку с Коби.

— А как же сержант? — бормотала женщина-радар. — Какого черта он остался там? Надо как можно скорее уносить ноги, пока проклятые твари не забрались и сюда!

— У него свои мысли по этому поводу, — отстраненно ответил Коби, до сих пор находящийся в тумане. Он пытался выяснить у себя самого: что скажут предчувствия о собственной гибели? Сейчас или нет? Но тут расстился непроницаемый мрак. Тысячу раз Коби безмолвно спросил, в отчаянии обращаясь уже к высшим силам, но все без толку. Он осторожно погрузил Либе в ячейку с большим красным крестом на створках и повернулся к выходу.

Оказалось, что возвращаться трудно, и не просто трудно, а практически невозможно. Так и тянуло метнуться к спасительным объятиям своей капсулы, закрыть накрепко дверцы и глаза, чтобы постараться забыть о крови и смерти. Заставив себя очнуться, Коби с удивлением обнаружил рядом застывших Хару и Джиони.

— Ну и что? — прошептал последний. — Неужели он собирается снова идти на корабль?

— Можешь не шептать, — усмехнулся японец, хотя и сам он говорил не очень-то громко. — Забыл? У сержанта разбит шлем.

— Только нам это не поможет. Что бы ни замыслил Да Гама, он наш командир, и нам надо ему подчиняться, — подытожил Коби.

— А если он прикажет всем стреляться? — попробовал возмутиться Джиони, чем вызывал новый смешок Хары.

— Зря стараешься. Малков у нас сам герой не хуже сержанта, так что он, того и гляди, накажет тебя за пораженческие настроения.

На этом их краткий разговор окончился. Коби не стал спорить с Харой, не сказал ему в ответ ни слова — вместо этого глубоко вздохнул и двинулся к выходу. Однако в тот самый момент внутрь ворвалась Дани.

— Парни, хватайте контейнер с СОУ! Сержант хочет установить его в дверях шлюза.

Стационарная Оборонительная Установка — серьезная штука, правда, практически неприменимая в наступательных операциях вроде захвата судна абордажной командой. На боте находилась только одна штука, непонятно на каком случай. СОУ — это сдвоенный гауссовый игломет крупного калибра, работающий в автоматическом режиме. Будучи установленным на позиции, он открывал ураганный огонь по любой движущейся цели, неправильно ответившей на вопрос системы «свой-чужой». Мощные заряды рвали на клочки даже броню, прошивали насквозь десяток корабельных переборок. Значит, по крайней мере сержант не собирался больше захватывать фрегат. Однако что же он намеревался делать в таком случае?

Вскоре им представился случай узнать об этом подробнее. Пока они втроем под прикрытием Дани и Да Гамы устанавливали СОУ точнехонько в дверях шлюзовой камеры вражеского корабля, чтобы держать в секторе его обстрела обе лестницы, сержант поставил новые задачи. Они были на редкость просты и даже выглядели безопасными — для всех, кроме самого Да Гамы и Хары. Они вдвоем должны были отправиться в глубь фрегата в последний раз. По нижнему уровню, чтобы забрать Далкотта, о котором все забыли, и включить механизм самоуничтожения корабля. Остальные должны были ждать на боте, под прикрытием всесильного СОУ.

Хара ничего не сказал вслух, когда узнал о собственной незавидной участи, только подозрительно всхлипнул. Джиони, напротив, не смог удержаться — видимо, он боялся оставаться лишнюю минуту и в самом надежном месте.

— Зачем все это нужно, сержант? — вскричал он, потрясая руками. — Фрегат обречен в любом случае, потому что звери растерзают и собственную команду, когда та попытается чинить повреждения. А Далкотт давно мертв, иначе он заполнил бы эфир воплями о помощи!

Быть может, Джиони кричал бы еще долго, но сержант невозмутимо и как-то лениво отвесил ему затрепшину ручищей, которая в перчатке выглядела просто лапой великана. Захлебнувшись в своих словах, Джиони как подкошенный свалился на пол. Остальные на полном серьезе рассматривали его шлем в поисках трещин и вмятин, но их почему-то не оказалось.

— Ты не внял моим словам, — тихо и потому зловеще сказал Да Гама. — И если у тебя еще были шансы оправдаться в моих глазах, теперь они испарились. Запомни, трус, космическая пехота не бросает своих, если только не убедится на сто процентов в их смерти. Космическая пехота не бросает на авось свою задачу, если только в силах ее выполнить. Поэтому мы должны дойти до Далкотта и механизма самоуничтожения. А ты только что дошел до военного трибунала, к которому будешь представлен сразу по возвращении.

Сказав это, Да Гама резко повернулся и, сделав Хара знак следовать за ним, уверенно двинулся к единственной незава- ренной двери на противоположной стене.

— Сукин сын! — плача, прошептал вослед сержанту Джиони. — Чтоб тебя загрызли в этих коридорах!

— Ты что! — воскликнула Дани. Судя по голосу, глаза она при этом распахнула как следует.

— Он все равно не услышит — шлем у него не работает, — равнодушно отозвался Джиони и с кряхтением поднялся на ноги. — Нету у нас второго такого шлема, чтобы прикрыть его дурную башку.

— Да я ведь не о том! — возразила Дани. Сделав два шага вперед, она встала в проеме шлюзовой камеры и поглядела на только что захлопнувшуюся дверь, которая поглотила сержанта и Хару. — Разве можно желать смерти товарищу?

— Какой он мне товарищ?! Зверь, убийца! Только за то, что я хочу выжить, а не погибать ради совершенно непонятных целей, он готов отдать меня под трибунал.

— Почему тебя это удивляет, приятель? — неожиданно для самого себя вступил в разговор Коби. — Нас всех призвали на войну для того, чтобы мы сдохли ради непонятных целей. Разве тебе не было наплевать, отделятся ли от Федерации те десять дурацких планет? Ты бы этого не заметил. Только пара десятков чиновников, которые увидели, что их лишают хорошей кормушки, решили послать флот. И точно так же с той стороны: миллионам людей плевать, какой бюрократ хапал бы их налоги — местный или федеральный. Ко-

нечно, им как следует задурили голову мыслями о свободе, а нам — мыслями о восстановлении конституционного порядка. Одинаково пустые слова, ради которых уже погибло столько миллионов людей! Глупо тебе сетовать на неразумные поступки сержанта посреди столь бессмысленной войны.

Дани молчала, от ужаса перед сказанным потеряв силы и прислонившись спиной к стене. Джиони нерешительно потоптался рядом с Коби, что-то хмыкнул, потом отошел к дверному проему и легонько пнул ногой одну из ножек флегматично застывшей СОУ.

— То есть ты хочешь сказать, что мыдохнем тут зазря? — наконец пробормотал осужденный за трусость боец дрожащим голосом.

— Конечно. — Коби вдруг почувствовал, что напряжение покидает его, уступая место опустошенности и полному равнодушию ко всему происходящему вокруг. — Мы как те несчастные псы, натренированные на убийства своими хозяевами, обряженные в металл и пластик и отправленные умирать ради их целей. Отнюдь не наших.

— Это же... того, крамола, — неуверенно заявил Джиони.

— Ясно дело. Вот с собаками-то, наверное, хорошо, они думать и сомневаться не умеют. — Коби нарочито рассмеялся, почувствовав, как капли пота стекают по его скулам. — Неужели ты боишься? Какая разница, расстрел за трусость или за трусость и инакомыслие?

Малков неспешно, вразвалку подошел к Джиони и тоже принялся глядеть на пустое, залитое неверным желтым светом аварийных ламп пространство широкого коридора.

— С тех пор, как человек перестал убивать только из-за еды, самок и ареала обитания, справедливые войны закончились, — уверенно заявил Коби. Сам себе он немедленно показался могучим бунтарем, над которым не властно скопище думающих совершенно иначе и готовых за это убивать людей. Он был огромной фигурой, стоящей на вершине горы в развевающихся одеждах и бросающей пугающую тень на всю вселенную сразу. Что ни говори, знание и способность размышлять — это сила.

Увы, Джиони и Дани, которые скорее всего с трудом осилили на своих планетах средние школы, просто не могли осознать глубины слов Коби. Они видели в них только пугающий призрак ереси, за которую можно исчезнуть в недрах армейской контрразведки. Дани по-прежнему не могла

шевелинуться у своей стеночки, а Джиони боком, боком отодвинулся от Малкова и даже шагнул в сторону внешнего коридора. Коби захотелось чем-то огорчить его, обидеть, испугать за такой мелочный страх.

— А как ты думаешь, кстати, — беспечным голосом, словно обсуждая нечто совершенно незначительное, вроде вчерашнего меню в солдатской столовой, начал Малков. Даже под скафандром было видно, как Джиони сжался в ожидании очередной порции жуткого политического вольнодумства. — Может ли СОУ защитить нас наверняка?

Не ожидав, что вопрос будет так отличаться от темы предыдущего разговора, Джиони только булькнул в ответ нечто неразборчивое. Малков развел руки в стороны, будто собирался кого-то обнять.

— Я имею в виду, что у этого монстра только один недостаток: он не может стрелять сразу в две стороны. Если твари в большом количестве попрут с обеих сторон, он просто не справится.

Джиони резко дернулся из стороны в сторону, явно разглядывая обе лестницы на своих внутришлемных экранах.

— И что же делать? — пролепетал он. У Коби уже был готов уничижительный ответ на этот наполненный паническим ужасом вопрос, но он не успел выдать его несчастному трусу. Воздух вдруг наполнился характерным тонким жужжанием и звоном, с которым стреляет гауссов карабин. Скафандр Джиони, стоявшего в трех шагах от Коби, уже практически на полу корабельного коридора, а не в шлюзе, покрылся десятком маленьких искр. Со стороны казалось, что его посыпают горящим магнием. Джиони затрясся, размахивая руками, но тут среди визга рикошетов раздался глухой звон: одна из игл попала в узкую щель забрала и пробила ее. Несчастный пехотинец вдруг выпрямился, будто увидев подходящего командира, даже руки вытянул по швам, и в таком виде завалился набок, прямо на Коби.

Опешивший от неожиданности случившегося, не успевший пошевелить ни одной частью тела — да что там, ни одной извилиной, Малков был подмят неожиданно тяжелым телом Джиони и сам свалился на пол. Шлем убитого оказался у него прямо на груди и развернулся навстречу взгляду Коби передней панелью, словно тоже разглядывая черной маленькой дырой. Оторваться от нее не было никакой возможности, но овладеть собственным телом Малков смог. Дрожа-

шей рукой он нашарил на бедре свой карабин, а языком включил радио на передачу.

— Хара! Хара!!! — заорал он. — На нас напали! Ведут огни из гауссова оружия! СОУ молчит!

В тот же миг яркий звонкий взрыв оглушил и ослепил его. Впрочем, нет, не ослепил — умная оптика затемнила свои объективы, и эта внезапная темнота показалась слепотой. Тем не менее Коби, почувствовавший, как ударная волна тряхнула безжизненное тело Джиони, смог разглядеть, как Дани метнулась из глубины шлюза к дверному проему как раз в момент взрыва. Искореженный ствол СОУ, вращаясь на лету, возник из дымно-огненного облака и ударил ее в грудь, как некая исполинская дубина. Только что бежавшая вперед девушка выронила из рук карабин и, согнувшись, улетела обратно в глубь шлюза...

Сквозь густой дым в обрамлении горящих косяков и толка Коби неожиданно легко увидел коридор. Тусклый, желтый коридор с единственной не заваренной дверью. Где же там Хара? Почему он не отвечал? Малков изо всех сил пытался разглядеть наступающих врагов, но их не было. Очевидно, они засели наверху лестничных площадок, которые не видно за стенами. И столь же очевидно, что только поэтому Коби до сих пор не подвергся обстрелу. Но почему СОУ позволила им открыть огонь? Конечно, это все же тупая машина, обладающая, ко всему прочему, инерционностью. Пока повернет ствол и разгонит первую иглу в канале ствола... Но ведь она даже не пошевелилась!!!

Коби не так уж сильно ударился, когда падал, поэтому очень скоро он понял, отчего СОУ отказалась стрелять. Она опознала цель как «свой» и оттого осталась неподвижной. Было только одно, это объяснение, и одно следствие из него: там, на верхней площадке одной из лестниц, засел Браун. Окончательно спятивший Браун, который решил перестрелять своих только по одной, ему ведомой причине, а может, и вовсе без причин.

Осознав весь ужас сложившейся ситуации, Коби вдруг понял, что ему нельзя просто так лежать здесь и ждать, не захочет ли сумасшедший Какашка забросить еще одну гранату поглубже. Если сержант и остальные сейчас выйдут, они попадут под неожиданный огонь сверху. У них мало шансов. Коби должен разобраться с этим.

— Что там? — завопило вдруг в ушах. Сначала Малков подумал, что объявился Хара, но потом понял, что

визгливый голосок принадлежит Маньяку. Секунду помедлив, Коби решил не отвечать. Ведь у Брауна есть прекрасная возможность слушать переговоры — так пусть он думает, что взрыв его гранаты погубил всех до одного. Маньяк, повышая тон, повторил свой вопрос еще пару раз, потом издал короткий звенящий вой и заткнулся. Коби тем временем осторожно столкнулся с собой мертвую тушу Джони, поднял карабин и начал, как огромный краб, неуклюже отползать назад. Там он тяжело поднялся, зарядил подствольник фугасной гранатой и застыл. Нужно было решить, с какой стороны прятался Браун — справа или слева? Малков быстро взглянул на труп у своих ног. Отметин от попадания игл больше было на левой руке и левой половине груди. Коби прижался к стене и мелкими шажками стал пробираться ближе к горящему косяку.

Дойти до него оставалось всего каких-то пару шажков, когда дверь — та самая, единственная, оставшаяся в коридоре, распахнулась на своих архаичных петлях во всю ширь от хорошего пинка. Наружу полетели дымовые гранаты, сразу три штуки. Они наполнили коридор плотным облаком поляризованного дыма, сквозь которое Коби прекрасно видел фигуры товарищей. Первым наружу выбрался человек с монстром в руках. Похожая на бревно мясорубка в руках Дамну сотрясалась и редела, вращая свои шесть стволов. Не думая о разных глупостях вроде прицеливания, Далкотт повел стволами по кругу вправо... Поток пуль чем-то был схож с мощным напором воды, сметающим на пути все подряд — игл в нем было немногим меньше, чем молекул воды в хорошей струе. Там, где визжащая стая попадала в стену, в ней оставалась глубокая канава с неровными краями. След от попаданий шестистволки прополз по правой стене коридора, оставляя за собой шлейф пластиковой пыли, потом вспорол ступени, разметал их по сторонам, вырыл канаву под лесенкой, метнулся вверх и превратил в болтающуюся по воздуху бахрому большую часть перил на верхней площадке. В тот же самый момент Хара усердно поливал огнем левую половину коридора, но эффект был раз в сто меньшим.

Коби затаился у косяка, боясь выдать себя лишним движением — чтобы не попасть под горячую руку Дамну, который сейчас наверняка очень плохо соображал. Однако Браун тоже не подставился под смертельную струю. Стоило Далкотту отпустить гашетку, сверху, прямо ему под ноги прилетела ручная граната. Тут бы пришел конец обоим стрелкам,

но из глубины дверного проема шагнула гигантская фигура сержанта, который распихал подчиненных по сторонам и могучим пинком отшвырнул гранату далеко в угол. Там ахнул взрыв, от которого затрясся весь корабль. Тусклые желтые лампы в несчастном коридоре мигнули и погасли окончательно... Бытие окрасилось зеленоватым светом инфразвиров — благо, для них было достаточно тепла.

Дамну валялся на полу, опрокинутый туда взрывом, и оглушительно громко ругался, пытаясь разом встать на ноги и поднять стволами вверх свое шестиствольное чудовище. Васку Да Гама стоял без шлема, развернувшись к Коби спиной и водя карабином из стороны в сторону. Он до сих пор не знал, в какой стороне прячется проклятый Браун. Малков со своей позиции отлично видел, как Какашка, прячась за жалкими остатками перил, медленно просунул ствол вниз, в сторону сержанта.

— Ложись! — что есть мочи заорал Коби по громкой связи и в тот же момент пустил гранату. Он успел. Прежде чем Браун смог прицелиться и выстрелить, граната угодила ему точно в шлем. В ослепительной вспышке — хотя и гораздо меньшей, чем предыдущая — сумасшедший пехотинец исчез. Сверху посыпались какие-то ошметки и половинки разорванного на части карабина. Сержант, который даже не пошелохнулся после крика Коби, теперь не спеша опустил оружие, снял с пояса гранату и забросил ее наверх. Равнодушно отвернувшись, Да Гама одним могучим рывком поставил на ноги Дамну и пихнул его к шлюзу. Новый взрыв, прогремевший за лестницей, вымел, как веником, кучу разного мусора и веер кровавых брызг. Можно было заметить среди непонятных обломков куски брони космического пехотинца...

Через двадцать минут ДШБ с крупной дрожью во всем корпусе оторвался от борта злосчастного фрегата «Аянами». Пятёро уцелевших после его штурма сидели в трюме просто так, не упаковываясь в капсулы, и думали каждый о своем.

По железному, покрытому копотью лицу сержанта Да Гамы катились крупные злые слезы. Он никак не мог успокоиться оттого, что потерял столько солдат. Он никак не мог понять, как сможет глядеть в лицо капитана Баркаева, испытанного, опытного бойца и сурового командира, и объяснять, что такие чудовищные потери нанесли ему не пять десятков вражеских элитных «коммандос», а стая безумевших псов и кошек.

Далкотт Дамну сквозь пелену дурмана понимал, что такого кайфа, как сегодня, он давненько не испытывал. Доза хорошей дури, сеанс отличной пальбы, когда никто не канючит под рукой: «Осторожно! Там кабели! Осторожно! Там ценное оборудование!» Да еще такое щекочущее душу (наверное, щекочет даже без дури?) осознание, что две трети твоих сослуживцев дали дуба!

Тамеичи Хара думал о том, что совсем скоро у него отпуск. Теперь японец точно знал, как с толком им распорядиться. Сменить внешность, купить за любые деньги поддельные документы и рвануть на край вселенной, подальше от этой проклятой войны, такой страшной и такой бессмысленной. Только бы дожить, только бы дожить! Не осознавая собственных действий, Хара в сотый раз отчаянно сжимал пальцы, в порошок давя усиленными сервоприводами движениями пластиковый бутылек из-под выпитой залпом «транк-колы».

Дани тихо лежала на разложенном кресле, смотря в потолок и при каждом неосторожном поерзывании кривясь от боли в груди и плече. Тяжелый казенник СОУ вмял кирасу и сильно придавил правую грудь, а плечо она вывихнула, когда врезалась в стену. Не бог весть какие повреждения, но они постоянно напоминали Дани о пережитом ужасе. Жуткие твари — как она боялась их в детстве, когда здоровые крысы воровали еду с помойки под окнами их грязной квартирki! Однажды эти чудовища заживо сгрызли пьяного, не дошедшего до дома. Ее отца. С тех пор каждое животное внушало Дани обессиляющее ощущение собственной обреченности перед неизведанными силами природы. Что может быть страшнее для человека, прошедшего всю жизнь в нескончаемых стенах гигантского мегаполиса? Едва увидев первую псину, Дани посчитала свою жизнь оконченной и теперь все еще не могла поверить, что уцелела. Ей казалось, что какая-нибудь собака того и гляди вылезет из-под кресла и бросится на нее, роняя пену с огромных клыков...

Коби Малков, сев у стеночки, снял шлем, перчатки и наконец вытер пот, заливший ему все лицо. ДШБ летел на удивление спокойно, видно, сражение сместилось прочь, а обреченный «Аянами» не собирался огрызаться. Коби глотнул воды из фляжки, а остаток вылил на макушку. Снова капли побежали по его скулам, но на сей раз это были приятные, ласкающие прикосновения чистой и холодной воды, а не едкий пот. Одного за другим Малков оглядел сослуживцев: вид плачущего сержанта в другое время мог бы потрясти его до

глубины души, но не сегодня. Дамну с глупой улыбкой так и не понял, куда он сегодня угодил и откуда вырвался, а вот у Дани и Хары все отпечаталось в мозгах надолго, если не навсегда. Пожалуй, девушка даже не сможет припомнить, что за вещи Коби говорил им с Джиони в шлюзе. При мысли о собственном бунтарском выступлении Малков едва заметно улыбнулся. Разве это имеет значение? Тявканье собаки, которую пинком послали вперед, в бой. Вонзиться в горло врагу — и сдохнуть на радость жестокому дрессировщику. Коби еще раз вздохнул и раскрыл маленькую записную книжицу, которую вертел в руках. На первой же виртуальной странице не было ничего, кроме круглого и симпатичного числа 1000. Тонким пальцем с обкусанным ногтем он обвел каждую цифру, медленно, старательно. Тысяча дней, тысяча ночей, тысяча отрезков времени по двадцать четыре часа. Столько ему осталось до призрачной демобилизации, до того славного момента, когда он сможет сбросить надоевшую форму, забыть, как о дурацком сне, о сержантах и капитанах. Записная книжка — единственная вещь, которая осталась у Коби от его мирной, довоенной жизни. В тот день, когда двери призывного пункта захлопнулись у него за спиной, он написал на первой страничке злое и огромное число «1826». Именно столько дней предстояло ему прожить, если он хотел когда-нибудь выйти обратно. Неимоверное, заставляющее разум цепенеть число.

И вот от них осталась ровно тысяча. Больше, чем прошло, но гораздо меньше, чем можно было предположить. Всего тысяча, а не тысяча восемьсот... Но какая разница! Именно сегодня Коби понял, что внутри него перестала биться та самая жилка, которая несла в мозг жизнеутверждающий поток оптимизма и веры в будущее. Румяный и жизнерадостный юноша остался там, на вражеском фрегате, растерзанный собаками и простреленный насквозь безумным Брауном. Нет пути назад, нет срока, за которым ноль в записной книжке обратится в свободу. Эта бешеная война не отпустит от себя иначе, чем в гробу. Ее нельзя обмануть... Коби медленно провел пальцем вдоль тысячи и закрыл единицу. Вот так. Ноль, ноль и ноль. Это его жизнь, превратившаяся в ничто. Коби резко закрыл книжку и левой рукой, с расстояния в три метра, ловко забросил ее в горловину мусорного конвертера.

20.04.01/01.08.02

Павел Амнуэль
ИНСТИТУТ БЕЗУМНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ
(Из цикла «Странные приключения Ионы Шекета»)

СКАЖИТЕ СЛОВО!

Я хочу рассказать о том, как работал экспертом в ИБИ — Институте безумных изобретений. Сейчас, когда в колодец времени может броситься каждый, имеющий удостоверение служащего Патруля, а перелеты через Галактику стали проблемой исключительно финансовой, изобретения посыпались на экспертов ИБИ, будто из рога изобилия, да простится мне это банальное сравнение.

Впрочем, давайте сначала договоримся о терминах. Вы думаете, что безумное изобретение — это изобретение, сделанное психом? Вы ошибаетесь! Согласно определению Толкового словаря Руга-Тмуновского, безумным называется либо изобретение, способное изменить основы существования человечества, либо изобретение, предложенное представителем иной цивилизации.

К примеру, является в ИБИ существо с рогом и тремя хвостами на затылке и заявляет, что намерено запатентовать на Земле ухормическую машину для кривлания трегов. На его планете эта машина совершила переворот в домашнем хозяйстве, потому что... Эксперт ИБИ обязан прервать просителя и отправить его восвояси, но так, чтобы у него остались от пребывания в институте самые приятные впечатления. Понимаете, какая это сложная задача? Гораздо сложнее, чем погоня за инопланетными агентами в колодцах времени!

Офис ИБИ располагался в недрах астероида Церера, и я вскоре понял, отчего для приема изобретателей была выбрана эта никому не нужная малая планета, никогда не приближавшаяся к цивилизованным мирам ближе чем на сотню миллионов километров. Действительно, если на прием является некто и говорит, что с помощью его изобретения можно нарезать Землю на дольки, а потом собрать обратно, то лучше, как вы понимаете, не давать клиенту ни малейшей возможности продемонстрировать свой аппарат в действии.

Попробуйте доказать изобретателю, что ему лучше использовать свои таланты для более полезных дел! Он согласен считать свое изобретение безумным, но ни за что не смирится с тем, что оно может оказаться бесполезным. Каждый из них стремится осчастливить человечество — на меньшее эта публика не согласна.

Клиент, который явился на прием ранним утром после трудного отдыха (я наводил порядок в своем кабинете, и вы можете себе представить, чего это мне стоило в условиях почти нулевого тяготения), отличался от прочих тем, что не пожелал заполнять анкету безумного изобретателя.

— Мое изобретение, уважаемый Шекет, — вежливо сказал он, отодвигая пустой кубик голограммы, — не безумно. Напротив, я считаю, что оно тривиально, как восход солнца.

— Не согласен, — заявил я. — Даже восход солнца можно назвать безумным, если вы вдруг увидите, что светило появилось не на востоке, а на западе. К тому же, если вы не заполните анкету, я не буду знать, как к вам обращаться!

— Меня зовут Ульпах Бикурманский, — представился клиент, забрасывая за левое плечо свои грудные щупальца и нервно подмигивая центральным глазом. — Думаю, этого достаточно, давайте сразу перейдем к делу.

— Давайте, — вздохнул я.

— Скажите, Шекет, — начал Ульпах Бикурманский, — вы пользуетесь голосовыми командами, общаясь с бытовыми приборами?

— Естественно, — кивнул я. — И не только с бытовыми. Мой компьютер, к примеру, понимает меня если не с полуслова, то после трехкратного повторения — обязательно.

— Вот видите! — воскликнул Ульпах. — Тогда какие у вас основания отказать мне в выдаче патента?

— А разве я вам в чем-то уже отказал? — удивленно спросил я.

— Говоря «вы», — пояснил клиент, — я имею в виду все ваше гнусное племя патентоведов и экспертов. Вы лично — лишь частный и не самый печальный случай.

— Весьма признателен, — поблагодарил я. — Но чтобы я мог вам отказать, мне нужно знать, что вы имеете предложить для отказа.

— Разве вы еще не поняли? — удивился Ульпах и почесал затылок, дважды обернув щупальце вокруг головы. — Формула изобретения такова: «Вербальная система команд, отличающаяся тем, что с целью максимальной универсализации процесса предлагается распространить систему на законы природы, как известные, так и те, что предстоит открыть в будущем». Последнее обстоятельство, — пояснил он, — чтобы потомки не могли оспорить моего приоритета.

— Вербальное управление законами природы? — переспросил я.

— Именно! Что тут такого? Вы говорите: «Сделай яичницу!» — и ваша плита немедленно принимается за дело. Вы говорите компьютеру: «Сделай расчет!» — и он тут же начинает переваривать информацию. Все это — частные случаи общего закона. Голосом можно управлять не только приборами, но и явлениями природы — вот суть моего изобретения.

— Вы скажете: «А ну-ка назад!» — и реки потекут вспять? — усмехнулся я.

— Конечно, — не задумавшись ни на мгновение, ответил Ульпах Бикурманский. — Моя приставка позволяет это сделать. Вы говорите: «А ну-ка назад!» — прибор преобразует звуки вашего голоса в сигналы общего биоинформационного поля планеты, а далее включаются естественные природные ресурсы, которые находятся в резонансе — от биоинформационного поля сигнал поступает в почву, по которой течет река, в ней нарастают внутренние напряжения, происходит сдвиг русла и... Да что я вам рассказываю? Вы разве сказок никогда не читали?

— То сказки, — резонно возразил я, — игра фантазии.

— Какая фантазия у древнего человека? — удивился Ульпах. — Он даже перспективу на рисунках изобразить не мог, все рисовал в плоскости! Конечно же, авторы сказок умели с помощью вербализации управлять природными процессами. Но что они знали о природе? Ничего! Вот и получалось, что управлять могли, но не представляли — чем именно. Результат был катастрофическим. Иное дело — сейчас, когда о законах природы написаны тысячи учебников.

— Но компьютер специально настроен на то, чтобы понимать голос хозяина, — сказал я. — А с чего бы, скажем, астероид, в недрах которого мы с вами находимся, послушался моего устного приказа и переместился на другую орбиту?

— Шекет, вы эксперт или дилетант? — перешел Ульпах к прямым оскорблениям. — Вы действительно не понимаете или придуриваетесь? Разве вы не знаете главного закона науковедения? «Все, что способен придумать человек, может существовать и в природе, ибо природа бесконечна, а разум ограничен».

— Да, — вынужден был согласиться я. — То есть вы хотите сказать, что в природе уже существует система вербального управления, а вы только...

— Конечно! Я всего лишь изобрел прибор, который сопоставляет слова человеческого языка и слова, управляющие природными процессами. Хотите покажу? — неожиданно предложил он, и я сдурю сказал:

— Валяйте.

Обычно я думаю, прежде чем произнести что бы то ни было, но Ульпах Бикурманский утомил меня своей поистине безумной идеей.

Наклонившись к большой сумке, которую он с трудом перетаскивал через порог, даже несмотря на малую силу тяжести, Ульпах вытащил и грохнул на стол параллелепипед из странного сплава. На одной из сторон прибора находилось небольшое отверстие, забранное мелкой сеткой.

— Вот сюда, — сказал Ульпах, ткнув в сетку тремя щупальцами. — Скажите слово и посмотрите, что получится.

— Какое слово? — насторожился я.

— Да какое хотите! Для настройки.

— Хорошая сегодня погода, — сказал я, четко выговаривая чуть ли не каждую букву. Ульпах провел щупальцами по гладкой поверхности аппарата и заявил:

— Порядок. Теперь он понимает ваши модуляции. Можете приступать.

— К чему? — удивился я.

— К делу! Что вы говорите кухонному комбайну, чтобы он приготовил яичницу?

— Так и говорю: «Яичница из двух яиц». И получаю обычно бекон, поскольку настройка системы оставляет желать лучшего.

— Мой аппарат свободен от этих недостатков! Видите в окне звезду?

— Это не звезда, — поправил я, — это планета Юпитер.

— Какая разница? Названия существуют лишь для нашего удобства, природа не пользуется такой знаковой системой. Название не имеет значения. Скажите вслух, чего вы хотите от Юпитера.

— Чего я могу хотеть от Юпитера? — Я пожал плечами, раздумывая, как бы с наименьшими потерями избавиться от посетителя.

— Да чего угодно! — воскликнул Ульпах, и я понял, что он сейчас выйдет из себя и расправится со мной без лишних слов.

— Хочу, — усмехнувшись, сказал я, — чтобы красное пятно наконец исчезло. Сколько можно, на самом деле? Семьсот лет торчит на одном месте и хоть бы...

— Хватит! Не нужно сотрясать воздух зря! Думаете, природа тупее вас и не понимает без комментариев?

— Я и не думал комменти... — начал я и прикусил язык. Даже невооруженным глазом было видно, как на Юпитере что-то ярко вспыхнуло и погасло. Разумеется, это было простым совпадением, но я все-таки достал из ящика стола бинокль с пятисоткратным увеличением и приставил к глазам. Я точно знал, что знаменитое красное пятно должно было сейчас находиться на видимой стороне планеты. Но его там не было!

У меня задрожали руки.

— Э-э... — сказал я. — А если бы я захотел, чтобы Юпитер исчез вовсе?

— Какая разница? — рассердился Ульпах. — Вы произносите слово, а прибор переводит вербальную команду в биоинформационное поле, которое... Впрочем, это я уже объяснял. Попробуйте еще раз. Скажите ему, например, чтобы он изменил закон тяготения: здесь ведь очень неудобно находиться, так и кажется, что сейчас свалишься со стула.

— Просто сказать?

— Просто скажите!

— Хорошо. — Я набрал в грудь воздуха и произнес четко и ясно: — Аппарат по переводу вербальных команд в управляющие сигналы по изменению природных процессов должен самоуничтожиться.

Бах! — и от куска металла, лежавшего на столе, осталось лишь воспоминание, причем, если говорить обо мне, — не самое лучшее.

— Да вы что? — озадаченно сказал Ульпах. — Это был единственный экземпляр! Где я теперь возьму новый?

— А без прибора вас природа не понимает? — ехидно спросил я.

— Я подам на вас в суд! — взвизгнул Ульпах. — На вас и на всю вашу организацию! Я потратил двадцать лет жизни!

— Очень жаль, — хладнокровно сказал я. — Вы просили, чтобы я испытал аппарат. Я его испытал. Аппарат действительно работает. То есть я хочу сказать — работал. Но поскольку в настоящее время опытный образец не может быть представлен на экспертизу, я вынужден отказать вам в выдаче патента.

Ульпах молча раскрывал рот и размахивал щупальцами — слов у него больше не было. Да и что он мог сделать словами, не имея прибора? Я подтолкнул изобретателя в спину, и он вылетел из кабинета, будто мячик. Издалека слышался его вопль, к счастью, совершенно нечленораздельный и не способный повлиять не только на закон природы, но даже на запоры входной двери. Я надеялся, что автоматический привратник выпустит Ульпаху и без кодового слова.

Нет, действительно! Я нисколько не сомневался в том, что между словами и делами существует непосредственная связь, и каждому слову можно поставить в соответствие реальное явление природы. Но надо же знать, с кем имеешь дело! Если каждый получит в свое распоряжение аппарат Ульпаху, что станет с нашим бранным мирозданием? Страшно представить!

Разве нужно далеко ходить за примером? Кто-то, если мне не изменяет память, когда-то сказал: «Да будет свет!» И стал свет. Что мы имеем в результате?

То-то же.

ПРИЯТНО ЛП БЫТЬ БАБОЧКОЙ

Знаете ли вы, почему все великие изобретатели были мужчинами? Почему мужчины изобрели колесо, огонь, паровоз, телескоп, водородную бомбу и канцелярские скрепки, которыми мы пользуемся даже сейчас, когда на бумаге пишут только шизофреники и переписчики Торы? Почему женщины не изобрели ничего, даже завалящей пробки для шампанского?

Вы скажете, что мужчина изобрел колесо, а женщины возили на телегах домашний скarb, мужчина придумал очаг, а женщины посвящали жизнь охране этого символа теплого дома.

Разделение труда, в общем. Но неужели из правил не было ни одного исключения?

Я вам скажу, почему женщины никогда ничего не изобрели. Они слишком любят то, что производят на свет. Настоящий же изобретатель должен свое творение ненавидеть, вот что я вам скажу. Он должен стремиться избавиться от него, сбросить с себя, в общем — получить патент и забыть, занявшись чем-то новым. Способна на такое женщина? Я готов был плюнуть в глаза каждому, кто скажет «да», но Ария Кутузова все-таки заставила меня изменить мнение.

Она явилась ко мне на прием без записи — иначе я скорее всего сплавил бы ее какому-нибудь роботу, более приспособленному для общения с женским полом: я сам видел недавно, как секретарь ИЕ-95 обрабатывал жену изобретателя, грозившего подать в суд на институт.

Она ему:

— Мой муж гений, вы его не понимаете!

А робот в ответ:

— Вы правы, госпожа, мы его не понимаем. Его никто не понимает. Его не понимает даже собственная жена. Она думает, что он гений, а он всего лишь способный парень. Способные парни — по другому ведомству, а жен способных парней принимает мой коллега в комнате 873.

Я бы так не смог.

Ну да ладно. Факт остается фактом: Ария Кутузова ворвалась ко мне в кабинет, едва его покинул Ульпах Бикурманский.

— Если вы откажете мне в выдаче патента, я продам ноу-хау, и миллиарды галактических монет сможет заработать каждый дурак, — заявила она с порога.

— Представьте, пожалуйста, — буркнул я, полагая, что меня потревожила разгневанная супруга одного из клиентов.

— Ария Кутузова, — сказала посетительница и положила передо мной старую потрепанную куклу.

— Из какой оперы? — осведомился я. — Прокофьева или Уолтерброу?

— Ария — это мое имя, — вежливо объяснила женщина, глядя на меня, как еврей на Эйхмана, — а Кутузова — фамилия, если это вам еще не понятно.

— Теперь понятно, — пробормотал я. — А у вас нет родственницы, которую звали бы Серенада Арлекина?

Я не принял посетительницу всерьез, но она быстро развеяла мои сомнения относительно серьезности ее намерений.

— Это, — сказала Ария, кивнув на лежавшую передо мной куклу, — аппарат, который я намерена запатентовать. Разумеется, после того, как я вам его продемонстрирую.

— У нас, извините, Институт безумных изобретений, — терпеливо напомнил я, — а не фабрика игрушек.

— Мое изобретение более чем безумно, — гордо заявила Ария. — Это стратификатор инкарнаций. Надеюсь, вам известно, что каждое живое существо проживает не одну жизнь, а множество?

— Разумеется, — кивнул я, бросив взгляд на стену, где висел, поворачиваясь к зрителям всеми двенадцатью гранями, мой диплом об окончании Оккультного университета на Камбикорне. Госпожа Кутузова проследила за моим взглядом, увидела свидетельство моей высокой компетентности и посветлела лицом.

— О, простите, Шекет! — воскликнула она. — Я-то думала, что вы такой же неуч, как все мужчины!

— Ну что вы, — смутился я. — Честно говоря, пять лет я занимался именно инкарнациями, точнее — астрологическим аспектом...

— А я — практическим! — с энтузиазмом воскликнула Ария Кутузова, и я понял, что сейчас она бросится мне на шею. Не думаю, что это могло быть неприятно, но я находился при исполнении и не мог позволить себе фамильярности. Поняв, что лучше придерживаться норм поведения в общественных местах, госпожа Кутузова продолжила свои объяснения:

— Вот вы, Шекет, наверняка прожили не меньше пяти жизней, я это вижу по шишкам на вашем темени. Все бывшие инкарнации прячутся в вашем подсознании, влияют на ваши решения и, возможно, даже мешают, хотя вы об этом не подозреваете. Так вот, мой стратификатор позволяет разделять сущности, скопившиеся внутри вас, выявлять их и, если можно так выразиться, выводить на чистую воду. Иными словами, здесь, — госпожа Ария показала на левый глаз куклы, — вы можете увидеть число ваших инкарнаций, — здесь, — тут она ткнула кукле в правый глаз, — вы увидите, кем были в прошлых жизнях, а нажав на эту кнопочку, — и госпожа Кутузова хлопнула куклу по носу, — вы вернете себе ту инкарнацию, какую пожелаете.

— Любопытно, — сказал я совершенно искренне. — Вы можете продемонстрировать аппарат в действии? Я, видите ли, знаю, кем был в прошлых жизнях, так что смогу проверить, правильно ли работает этот... э-э... прибор.

— Прошу! — воскликнула Ария Кутузова голосом великого полководца и бросила куклу мне на колени. — Итак, сначала левый глаз, потом правый, и наконец — нос!

Я так и сделал. То, что я увидел в зрачках куклы, меня нисколько не удивило. Еще на втором курсе Оккультного университета, проводя соответствующее исследование, я выяснил, что в первый раз явился в мир тираннозавром Rex, во второй раз был бабочкой в долине Нила в те дни, когда в Египте жило еврейское племя во главе с Моше, третьей моей инкарнацией стала наложница из гарема султана Абдуллы Красивого, четвертой — известная в прошлом веке болгарская пророчица Ванга, и, наконец, лишь в пятом своем воплощении я родился в нынешнем теле. Что ж, прибор госпожи Кутузовой показал правильные сведения, но разве я мог быть уверен в том, что она не списала данные из Большого Межгалактического Информатория? Женщины способны на все, мне ли это не знать!

— Ну что? — нетерпеливо спросила Ария Кутузова. — Выбрали? Я бы на вашем месте попробовала инкарнацию Ванги. Вы сразу поймете, какая удача ждет лично вас, когда дадите положительное решение экспертизы по моему делу.

Уж не намек ли это на взятку? — подумал я и из чувства противоречия выбрал инкарнацию номер два. Надавил на нос игрушки и бросил на посетительницу вопросительный взгляд.

Ответить она не успела.

Стены комнаты неожиданно уплыли от меня в бесконечность и стали границами Вселенной, той самой твердью, в которую можно было вбивать гвозди физических теорий с золотыми шляпками звезд. Я парил в невесомости над огромной плоской поверхностью мира, крылья мои трепетали под ветром, и я чувствовал, что здесь нет никого, кто мог бы покушаться на мою безопасность: я не ощущал запаха птиц (откуда, черт побери, птицы на астероиде? — мелькнула чья-то чужая мысль и лопнула, как мыльный пузырь), не слышал воплей цикад, но и цветов, на лепестках которых я мог бы отдохнуть, не видел тоже. Уныло, но спокойно.

Я поднялся выше — коричневая поверхность ухнула вниз и пропала из поля зрения, но зато я увидел весь остальной мир: спереди, сзади, сверху, всюду. Я мгновенно потерял ориентацию, поскольку не привык смотреть затылком. Мне показалось, что желудок сейчас вывернется наизнанку, я не понимал только, откуда у меня мог взяться желудок, а мгновение спустя перестал понимать, что вообще означает это сло-

во. Должно быть, из какой-то другой инкарнации, то ли прошлой, то ли будущей.

Черная тень надвинулась на меня сверху — ко мне устремилось огромное существо с пятью головами, покрытыми гладкими блестящими шлемами. Я дернулся, сложил крылья, попытался спикировать, но ничего не получилось, сильный порыв ветра бросил меня на мягкую поверхность — к сожалению, это был не цветок, а что-то несъедобное и зловещее, мир, в котором я легко мог запутаться, и мне пришлось собрать всю волю, чтобы принять единственно верное решение. Я рванулся от пятиглавого чудовища в серую пустоту между землей и небом, а потом в сторону, и вниз, и опять вверх, я лавировал и надеялся, что выживу.

Не знаю, как долго продолжался этот кошмар. Возможно, всю жизнь. Во всяком случае, не меньше вечности. Я устал, и мне стало все равно. Жизнь, смерть — какая, по сути, разница? Увидев перед собой холмистую громадину, я сложил крылья, бросился вперед и вцепился всеми лапками в мягкую поверхность. Я ощутил знакомый запах — это был запах женщины. Это было женское плечо, остров отдохновения, единственная бабочкина радость...

— Послушайте, Шекет, — сказал женский голос, — не могли бы вы для начала встать с меня?

Я открыл глаза и, к своему ужасу, обнаружил, что лежу на Арии Кутузовой, бедная женщина распростерлась на полу моего кабинета, рядом валялся перевернутый стул, а кукла с разорванным подолом висела головой вниз на торчавшем из потолка синтезаторе воздуха.

— Простите, ради Бога! — воскликнул я, поспешно поднимаясь и приводя в порядок одежду — не только на себе, но и на Арии. — Видите ли, я сел на ваше плечо... То есть не я, а бабочка... То есть, конечно...

Я вконец запутался и, стянув с синтезатора аппарат для стратификации инкарнаций, осторожно положил его на стол, стараясь не нажать случайно ни на нос, ни на глаза.

— Я понимаю, — улыбнулась Ария Кутузова. — Но зачем вы выбрали вторую инкарнацию? В облике Ванги или хотя бы наложницы вам было бы куда удобнее.

— Вы так думаете? — спросил я.

— Уверена! — воскликнула Ария. — Быть женщиной не так плохо, как воображают некоторые мужчины.

Я не стал ввязываться в вечную, как мир, дискуссию и сказал:

— Замечательное изобретение! Как вам удалось? Послушайте, милая Ария, я, конечно, дам положительное экспертное заключение, и вы получите патент. Но при одном условии! Мы должны вместе работать над усовершенствованием прибора. Подпишем договор: мои знания инкарнаций и ваш технический гений...

— Согласна, — сказала Ария Кутузова так быстро, будто я просил ее стать моей женой.

Под предлогом подготовки соответствующего документа я спровадил Арию в институтский буфет, пообещав прийти через полчаса. Разумеется, слова своего я не сдержал и не жалею об этом. Женщины-изобретатели не в моем вкусе.

ПЛАНЕТА-ШУПАЛЬЦЕ

Игнас Бурбакис мне понравился. Он понимал, что мое время дорого, и потому не тянул: назвал себя, объявил о желании получить патент, в общем, ясно было, что человек не впервые имеет дело с экспертами.

— Я изобретаю планеты, — заявил Бурбакис. — Восемнадцать я запатентовал в галактике Золотой Ветви, еще тридцать одну в галактическом скоплении Воплей Каузарских, еще...

— Не нужно перечислений, — очень тактично прервал я клиента. — Я вам, безусловно, верю. Правда, не вполне пока понимаю, что значит — изобретать планеты. Планета по определению есть твердый шар, светящийся отраженным...

— Это грубейшая ошибка астрономических справочников! — воскликнул Бурбакис. — Да, планеты не светят собственным светом, они слишком холодны. Но почему — шары? Вы, Шекет, побывали на сотнях планет нашей Галактики...

— А также на десятках планет в других галактиках, — скромно добавил я, чтобы не отклониться от истины.

— Вот видите! И везде вы видели простые, как формула квадратного трехчлена, шарики. Вам не было скучно?

Скучно? О какой скуке говорил Бурбакис, если каждый мир обладал своим запасом загадок, странностей и опасностей, от которых порой хотелось бежать на другой край Вселенной?

— Мне не бывает скучно! — заявил я. — Однако какое это все имеет отношение к вашему изобретению?

— Прямое! Хочу запатентовать планету, отличающуюся тем, что она имеет форму вытянутых в простран-

стве нитей, которые можно завязывать узлом, располагать в любом направлении, разрывать, соединять и вообще делать все, что позволит фантазия изобретателя и законы механики.

— Гм... — протянул я. — И по-вашему, эту огромную тянучку можно назвать планетой?

— Кто докажет, что это звезда, пусть первым бросит в меня камень! — воскликнул Бурбакис.

— На звезду ваше изобретение похоже еще меньше, — согласился я. — Но, уважаемый господин, мы в нашем институте не выдаем патентов на идеи, как бы они ни были замечательны. Мы регистрируем изобретения, которые могут быть воплощены в металле, энергоне или, на худой конец, в камне.

— Уважаемый господин эксперт, — сухо сказал Бурбакис, — я не продаю идеи. Планета, которую я намерен запатентовать, существует в виде промышленного образца, и я предлагаю вам провести экспертизу изобретения, немедленно вылетев на моем звездолете.

— Вот как? — усомнился я. — Что ж, демонстрируйте.

Я только впоследствии понял, насколько был опрометчив!

Лететь пришлось недалеко. Бурбакис приобрел для своих целей красный карлик HD 4567/3 на расстоянии пяти парсеков от Солнца. Звездочка еще та, скажу я вам: вся в пятнах, будто немытая сковородка, да еще и без единой нормальной планеты — одни только астероиды носятся по невообразимым орбитам, так и норовя заехать в корму зазевавшемуся пилоту.

Влетели мы в систему с северного полюса, и мне сразу бросились в глаза странные темные нити, пересекавшие багровый диск звезды.

— Вот, — с гордостью заявил Бурбакис, — это планета Бурбон.

Мог бы придумать название поскромнее, честно говоря.

Не прошло и часа, как наш звездолет влетел в густую сеть. Длинные зеленые щупальца извивались со всех сторон, грозя захватить наше суденышко. На глаз я не мог оценить толщину щупальцев и бросил взгляд на дальномер. Несомненно, это были самые большие щупальца, какие мне приходилось видеть, — толщина их достигала трех-четырех сотен метров. Они казались живыми, я решительно не представлял, как мы станем садиться на эту ускользающую поверхность.

— Красиво? — с гордостью спросил Бурбакис.

— Красиво, — вынужден был признаться я. — Однако как насчет безопасности? Вон то щупальце сейчас схватит нас, если вы немедленно не выполните маневр обгона.

— Не схватит, — самодовольно заявил Бурбакис. — Это ведь планета, а не кальмар. Сейчас мы совершим посадку и я вам пока...

Он не успел сказать, что именно намерен мне показать — звездолет ткнулся носом в ближайшее щупальце, и резкий толчок чуть не свернул мне шею.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что погружен по пояс в вязкую и липкую субстанцию, а от бедняги Бурбакиса осталась одна голова, дико вращавшая глазами и ловившая ртом остатки воздуха.

— Шекет! — прохрипел изобретатель. — Возле вас! Красная коробка! Быстрее!

В метре от меня на зеленой поверхности щупальца действительно лежала большая коробка красного цвета с надписью: «Вскрыть в критической ситуации». Действовать нужно было очень быстро — коробка тоже погружалась в клейкую жижу, издавая странные охающие звуки.

Я протянул руку, но не достал, пришлось подобно Мюнхгаузену буквально потянуть себя за волосы, и я кончиками пальцев ухватился за вожделенную коробку в тот момент, когда она уже полностью погрузилась в зеленую внутренность щупальца. Я сжал пальцы и тут — хоп! — с глухим треском коробка лопнула, я едва не задохнулся от струи кислорода, ударившей мне в лицо, в следующее мгновение поверхность щупальца покрылась коркой и затвердела, отчего грудь мою сдавило жестким обручем, и я понял, что мне придется до конца дней торчать здесь подобно поясной статуе, изображающей известного космопроходца, поверившего глупым бредням малоизвестного космопроходимца.

Впрочем, Бурбакису пришлось еще хуже, поскольку на поверхности была лишь его голова, продолжавшая дико вращать глазами.

— Ну что? — мрачно спросил я. — Продемонстрировали свою планету? Что все это значит и что прикажете делать?

— Небольшая недоработка, — прохрипел изобретатель. — Промышленный образец всегда имеет недостатки...

— Это я уже понял, — прервал я. — Что все-таки произошло, хотел бы я знать!

— Видите ли, Шекет... Планета Бурбон сделана из органического материала, который является моим ноу-хау, и я не могу...

— Плевать на ваше ноу-хау! — вскричал я. — Думаете, я украду секрет этой гадости?

— Кто знает, кто знает... — пробормотал Бурбакис. — Так вот, идея в том, чтобы запустить на орбиту вокруг звезды несколько килограммов синтезированного мной вещества, секрет которого я ни в коем случае...

— Оставьте свой секрет там, где ему самое место! — воскликнул я. — Нельзя ли покороче? Если сейчас нас опять начнет засасывать...

— Не начнет, — успокоил меня Бурбакис. — Так вот, я оставил на орбите вокруг этого красного карлика сотню килограммов вещества, которое я назвал бурбонитом. От излучения звезды вещество начало пузыриться, захватывать из пространства атомы водорода, магнитные поля, пыль — в общем, все, что попадалось на пути. И росло. Сначала это была довольно тонкая нить, вытянувшаяся вдоль круговой орбиты. Через год, когда нить замкнулась, возникло то, что вы, Шекет, назвали щупальцем. Пыли и астероидов в этой системе более чем достаточно, и моя планета, которую, как я уже упоминал, вы совершенно неправильно обозвали щупальцем, начала разрастаться во все стороны. Возник второй отросток, потом третий... Через несколько лет Бурбон вырастил десятки тысяч отростков, которые опутали всю систему, протянувшись от поверхности звезды аж до самых границ, где холод межзвездного пространства не позволял органике разрастаться.

— Но почему ваша планета такая противно вязкая? — раздраженно спросил я.

— А как иначе? — обиженно произнес изобретатель. — Это органика! Она растет!

— На планете нужно жить, — напомнил я. — Нужно строить города, сажать сады, сеять хлеб...

— У вас узкое мышление, Шекет! — прохрипел Бурбакис. — Зачем сеять? Зачем строить? Зачем сажать? Мой полимер съедобен, в нем можно жить...

— Да? — сказал я, вложив в это короткое слово весь свой сарказм. — Разве это жизнь — торчать из поверхности Бурбона будто памятник самому себе? Неужели вас устраивает то, что от вас, по сути, осталась одна голова?

— Есть недоработка, — вынужден был признать изобретатель. — Я не вполне точно рассчитал коэффициент вязкости. В следующей модели...

— Вы полагаете, что дойдет до следующей модели? — осведомился я. — Лично мне кажется, что если сейчас же не вызвать Галактическую службу спасения...

— Нет! — вскричал Бурбакис с таким ужасом, будто я предложил ему покончить с собой. — Нет! Эти вандалы изорвут все нити моего Бурбона!

— Но я не намерен торчать здесь до конца дней! — возмущенно заявил я и потянулся к передатчику, который, как у любого звездоплывателя, висел под правым карманом моего спецкостюма. Помешать мне голова Бурбакиса не могла ни при каких условиях, и я позволил себе медленно вытащить передатчик из футляра, медленно поднести ко рту и...

Я не успел произнести ни слова — какая-то сила ухватила меня за ноги, сжала их, вытолкнула меня на поверхность шупальца и зашвырнула в пространство. У поверхности Бурбона был воздух, но чем дальше я удалялся, тем разреженнее становилось вокруг, и я начал задыхаться. Мимо пронеслось свернувшееся калачиком тело изобретателя, и господин Бурбакис успел крикнуть:

— Зажмите руками нос, Шекет! Зажмите нос!

Я зажал руками нос и потерял сознание.

Пришел я в себя в кабине звездолета. Красный карлик светил за кормой, и диск звезды по-прежнему пересекали темные ленты Бурбона.

— Все в порядке? — с беспокойством спросил Бурбакис, сидевший в кресле пилота.

Нигде не болело, если он это имел в виду.

— В порядке, — буркнул я. — Что, собственно, случилось?

— Я же сказал, что ни к чему вызывать Галактическую службу спасения! Дело в том, что человек может питаться веществом Бурбона, но вещество Бурбона не способно питаться людьми. Мы для моей планеты несъедобны. Бурбон нас распробовал и выплюнул. Я этого ждал и потому в отличие от вас, Шекет, был спокоен.

Я вспомнил выпученные глаза господина изобретателя, но не стал упрекать его в лицемерии.

Мы вернулись на Цереру, прошли в мой кабинет, и, почувствовав себя в привычной обстановке, я заявил:

— Патента выдать не могу, результат экспертизы отрицательный.

— Вы не правы! — вскричал Бурбакис. — Моя планета может сама расти, сама кормить, сама строить...

— Допустим, — хладнокровно парировал я. — Но человек — существо консервативное, ваше изобретение для людей психологически неприемлемо. Мы привыкли жить на пла-

нетах, которые представляют собой твердые круглые тела... и дальше по справочнику. Предложите ваше изобретение рептилиям с Афры Кульпары — они оценят.

— Предлагал, — удрученно сказал Бурбакис. — Отказали. Щупальца, видите ли, есть у них самих, зачем им еще и щупальце-планета?

— И ведь они правы! — воскликнул я. — Нет, я не могу выдать вам патент, господин изобретатель планет!

— Хорошо, — торопливо сказал Бурбакис. — У меня есть изобретение, о котором вы никогда не скажете, что оно неприемлемо психологически.

ПЛАНЕТА-МАГНИТ

— Я уверен, что мой Амиркан вам непременно понравится! — без тени сомнения заявил господин изобретатель планет Игнас Бурбакис. — Во всяком случае, ваш психологический комфорт не будет нарушен. Амиркан — мир, о котором вы мечтали с детства!

— Будь моя воля, господин Бурбакис, — заявил я, — я не стал бы больше рассматривать ни одного вашего предложения, сославшись на прецедентное право, но, к сожалению, правила института требуют, чтобы эксперт давал независимое заключение отдельно по каждому предлагаемому случаю.

— К счастью! — воскликнул господин Бурбакис. — Оказывается, даже в вашем институте есть умные люди. К сожалению, они не входят в число экспертов.

Я пропустил оскорбление мимо ушей, но клиент не оценил глубины моего благородства.

— В путь! — сказал он.

Амиркан оказался землеподобной планетой в системе Дзеты Большого Пирата. Мы приземлились, и я увидел за бортом небольшой лес. Кроны будто кто-то сделал из стальных прутьев, на которые насадил сверкавшие на солнце иголки размером со шпагу мушкетера времен короля Людовика XIV. Небо было, как и положено, синим, и я принялся стягивать скафандр, полагая, что изобретатель не забыл насытить воздух достаточным количеством кислорода.

— Эй, вы что? — воскликнул господин Бурбакис, вернув меня к действительности. — За бортом нет воздуха!

— Да? — удивился я. — Почему же синее небо? И чем дышат деревья?

— Деревья металлические, — объяснил изобретатель, — а небо синее потому, что на высоте ста километров висит облако купороса — это от космических тараканов, уж очень сильно они мне надоели за последнее время.

— Не понял, — нахмурился я. — Какие еще космические тараканы?

— Э-э... — смутился Бурбакис. — Вы же знаете, даже у гениального изобретения есть не одни только плюсы.

— Покажите хоть один плюс, — заявил я, — и я соглашусь с тем, что ваше изобретение действительно гениально.

— Ловлю на слове! — воскликнул изобретатель и потащил меня к люку.

Сказать, что, оказавшись на поверхности планеты, я ощутил некоторое неудобство, значит, не сказать ничего. Странная сила неожиданно потащила меня к лесу, и я, к собственному стыду, покатился по полю подобно мячу, запущенному крученым ударом в сторону ворот противника. Все мои попытки ухватиться за торчавшие из земли травинки успехом не увенчались, что было очень странно, поскольку каждая травинка была размером с небольшой куст. Но едва я протягивал руку, что-то меня отталкивало, будто местная флора не желала иметь со мной ничего общего.

Успокаивало лишь то, что бедняга-изобретатель чувствовал себя не лучше — его несло следом за мной, и он что-то бормотал себе под нос. Наконец мы докатились до леса, и меня ударило о дерево с такой силой, что, не будь на мне скафандра, я непременно сломал бы себе одно-два ребра.

— Что это значит? — воскликнул я, пытаюсь встать на ноги. Ничего из этого не вышло: та же сила, что тащила нас через поле, не позволяла мне теперь отлепить ноги от ствола дерева, похожего на металлическую скульптуру, стоявшую на площади под зданием Парламента Соединенных Штатов Земли.

— Н-не знаю... — пробормотал изобретатель, барахтаясь рядом со мной. — Сейчас разберусь. Кажется, я начинаю понимать...

— Тогда извольте объяснить! — потребовал я, но изобретатель не успел сказать ни слова: одна из ветвей, похожая больше на вилку, чем на добропорядочную ветку нормального дерева, странным образом изогнулась и напододала Бурбакису с такой силой, что он, кувыряясь,

полетел в небо, вереща, как поросенок, которому только что сообщили, что завтра из него приготовят холодец.

Я остался один — под синим небом, зеленым солнцем и блестящим, как зеркало, металлическим деревом, в чьем гнусном характере я уже успел убедиться на примере бедняги-изобретателя. И что самое плохое: связь не работала, в наушниках я не слышал ничего, кроме поросячьего визга. Вряд ли Бурбакис обладал способностью визжать так долго на одной ноте — ясно было, что приемник попросту вышел из строя.

И тут пошел дождь. Небо оставалось ясным и синим, как глаза младенца, но что-то шлепнулось мне на голову и растеклось по пластику скафандра — это оказалась огромная капля, жидкости в ней было не меньше литра. Еще одна капля шлепнулась мне на руку, и я заметил, что капли, каждая из которых способна была напоить верблюда, летели в мою сторону не с неба, а со стороны другой группы деревьев, находившейся на расстоянии около километра.

Очередная капля ударила меня в затылок с такой силой, что я наконец отлепился от приютившего меня дерева и, оттолкнувшись от земли, подобно упругому мячику, взлетел вверх. Я летел, кувыркаясь, все выше и выше, со страхом представляя себе, удар какой силы ожидает меня, когда траектория изменится и я упаду на острые иглы, заменявшие металлическим деревьям листья.

Поросячий визг продолжал буравить мне уши, и я отключил связь. Сразу стало тихо, и возможно, было бы даже уютно, если бы не металлический блеск, от которого у меня слезились глаза. Я поднимался и поднимался — неизвестная сила несла меня в открытый космос. У меня закружилась голова, земля и небо менялись местами с такой скоростью, что слились в сплошной серый поток, на секунду прервавшийся ярко-голубой вспышкой. Я понял, что пронесся сквозь то самое облако купороса, о котором говорил чертов изобретатель.

Любой другой на моем месте давно потерял бы самообладание, но я только крепче стиснул зубы, которые почему-то заныли так, будто я никогда в жизни не ходил к дантисту, и принялся обдумывать сложившуюся ситуацию. В голову уже пришли кое-какие идеи, но для проверки у меня не доставало подручных средств. Я принялся обшаривать скафандр в поисках нужной детали, и ладонь в перчатке наткнулась на штырек антенны.

Без тени сомнения я вырвал антенну из гнезда и почувствовал, как неведомая сила пытается выдернуть металлический стерженок из моей руки. Поскольку именно этого я ожидал, то сумел справиться с невидимым противником.

Теперь я знал, что делать. Конечно, я мог спастись — для этого мне достаточно было включить расположенные в скафандре магнитные ловушки. Но меня интересовало другое: до какой низости способно дойти человеческое существо ради того, чтобы доказать другому свою гениальность?

Я сложил руки на груди и принялся рассматривать окружающий меня пейзаж в ожидании развития событий. С высоты примерно сотни километров я видел, как река, которая текла спокойно между крутыми берегами, неожиданно выгнулась подобно тигру, готовившемуся к прыжку, и превратилась в водяной мост, протянувшийся от горизонта до горизонта. Река висела над собственным руслом и, по-моему, даже капли влаги не проливалось на поверхность планеты!

А сверху на меня падали то ли животные, то ли растения — на фоне солнца я плохо видел, что происходит, но зато прекрасно понимал, что мне ни к чему сталкиваться с этими созданиями, возможно, теми космическими тараканами, о которых упоминал Бурбакис.

Пришлось все-таки включить магнитные ловушки, и я сразу ощутил, как мои руки обрели силу и подвижность, а скафандр стал слушаться меня, как в прежние добрые времена. Я включил ранцевые двигатели и понесся к планете, надеясь, что Бурбакис сумеет сам позаботиться о себе. В конце концов, это его изобретение, пусть выпутывается, как может. Если он настолько беспечен, что не удосужился поставить здесь станцию по исследованию магнитной активности звезды...

Я опустилсЯ неподалеку от звездолета и забрался в кабину, очень надеясь на то, что хотя бы в корабле Бурбакис установил надежную магнитную защиту. В конце концов, всякой беспечности есть предел! Я запустил к звезде, сиявшей в зените, бомбы с глушителями магнитных бурь и немедленно стартовал.

Спустя пару часов я сидел на своем рабочем месте и дожидался появления гениального изобретателя. Бурбакис оправдал мои надежды и возник в дверях именно тогда, когда я закончил писать отрицательное заключение по делу о планете Амиркан.

— Вы бросили меня на произвол судьбы, Шекет! — сурово заявил Бурбакис, плюхнувшись на стул. Было похоже, что он еще не оправился от пережитого потрясения.

— Следовало бы это сделать, — кивнул я. — В другой раз, конструируя планеты, будете просчитывать последствия.

— Так это вы запустили в звезду Амиркана бомбы с магнитными глушителями? — подозрительно спросил изобретатель.

— Конечно, — пожал я плечами. — Иначе ваша планета до сих пор показывала бы свой характер!

— Значит, вы поняли, в чем там загадка? — Бурбакис был обескуражен моей догадливостью.

— Ха! — сказал я. — Загадка для первоклассника. Вы создали планету с колоссальным магнитным полем. И намагнитили все горные породы, жидкости, в общем, все материалы, в том числе те, из которых состоит живая материя. В результате ваших преступных действий на Амиркане передвигаться можно только вдоль силовых линий магнитного поля планеты! У вас там даже река выгибается в воздухе дугой — точно по магнитным линиям!

— Вам не нравится такое решение? — хмуро спросил Бурбакис. — Это рай для техники!

— Но не для человека, — отрезал я. — К тому же магнитная буря на вашем солнце сделала жизнь на Амиркане попросту невыносимой, в чем вы могли убедиться на собственной шкуре. Если бы я не догадался, в чем дело, и не запустил к звезде ракеты с гасителем магнитного поля...

— Я еще должен быть вам благодарен за спасение? — возмутился изобретатель. — Да я... Вам известно, что на Амиркане даже автомобили не нужны и самолеты тоже — вы можете летать вдоль силовых линий подобно птице!

— Спасибо, налетелся, — сухо сказал я и протянул Бурбакису дискету с экспертным решением. — В регистрации патента отказано. А планету придется уничтожить — этим займется Галактическая служба спасения.

Думаете, Бурбакис начал возмущаться? Вы плохо знаете изобретателей!

— Могу предложить другую планету, — деловито сказал он. — Это гениальное изобретение, отличающееся тем, что...

— В следующий раз, — поспешно сказал я. — Посмотрите, какая очередь в коридоре!

Бурбакис выглянул за дверь, а я поспешил включить табло: «Закрыто на обед».

МОЛЧАЛИВАЯ ПЛАНЕТА

— О Господи, опять вы! — вскричал я, увидев в дверях кабинета знакомую сутулую фигуру горе-изобретателя господина Бурбакиса. — Что еще вы изобрели на мою голову?

— Вы нарушаете служебную этику, Шекет, — сухо сказал Бурбакис, усаживаясь в кресло с таким видом, будто собирался просидеть в нем всю оставшуюся жизнь. — Служащий должен встречать посетителей улыбкой и предлагать кофе.

— Не дождетесь! — воскликнул я. — Я всегда говорю прямо и честно все, что думаю.

— То-то вы молчали, когда прогуливались по моей планете Амиркан, — пробурчал изобретатель.

— Прогуливался! — возмутился я. — Если мне не изменяет память...

— Забудем старое, — поспешно сказал Бурбакис. — Я принес описание нового изобретения и уверен, что вы не сможете найти в нем никаких изъянов.

— Опять планета? — нахмурился я.

— Планеты — моя специализация, — гордо заявил Бурбакис.

— Не обременительно ли для вашего кошелька? — задал я мучивший меня вопрос. — Ведь каждый опытный образец вы должны оплачивать из своего кармана. А это как-никак миллиарды миллиардов тонн породы, плюс обустройство, плюс накладные расходы по доставке на орбиту...

— Не хотите ли вы сказать, Шекет, что мои деньги добыты несправедливым путем? — возмутился изобретатель.

— Нет, — смутился я. — Просто мне интересно, как некоторым удается... в то время как другие едва-едва сводят...

— Другие — это, конечно, вы, — хмыкнул Бурбакис. — Знаю, знаю: в Патруле времени вы даже на приличную пенсию не заработали, я уж не говорю о вашем увлечении оккультными науками — это был чистый убыток!

— Вы неплохо осведомлены о состоянии моих дел, — язвительно сказал я. — Откуда информация, если не секрет?

— Из Мировой сети, разумеется, — пожал плечами Бурбакис. — Кстати, о величине моего состояния вы тоже могли бы узнать из Сети, если бы удосужились навести справки.

Мысленно себя обругав, я немедленно вывел на пространственный экран информацию о финансовых делах господина Игнаса Бурбакиса. И что я увидел? Родился

будущий изобретатель в бедной семье переселенцев, прибывших в 2057 году на планету Бирумборак в системе НД 87377: в годы моей юности это была планета для бедных. Тот, у кого были деньги для приобретения земли на планетах Веги или Альтаира, конечно, даже левым глазом не смотрел в сторону таких миров, как Бирумборак, пустых, плоских, без малейшего признака полезных ископаемых. Земли на Бирумбораке правительство раздавало, как социальное жилье в конце XX века. В общем, могу себе представить, как прошло детство моего клиента — врагу не пожелаю.

Однако в 2081 году все изменилось. Совершенно неожиданно в недрах Бирумборака обнаружили залежи никому до того времени не нужного минерала исраскина. И практически одновременно Иосиф Кандель открыл свой принцип межзвездного скачка, для которого исраскин необходим так же, как бетон — для возведения качественных палаток на ураганных планетах. И все жители Бирумборака в одночасье стали очень богатыми людьми. А семья моего клиента Бурбакиса оказалась едва ли не самой богатой из всех, потому что именно под ее домом проходила главная жила исраскина — что такое золото по сравнению с этим суперблагородным металлом!

Впрочем, будь у юного Бурбакиса мой коммерческий талант, он живо промотал бы родительское наследство. Однако Игнас оказался парень не промах — он даже и не подумал продавать свою недвижимость. Напротив, он укрепил дом, поставил перед дверью ракетную установку типа «земля-космос» и заявил:

— Собыю всякого, кто посягнет на право собственности, даже если это будет крейсер самого президента Соединенных Штатов Земли.

Бурбакис стал лично добывать исраскин и продавать его космическим агентствам, назначая такие цены, что всем было понятно — в Бога этот господин не верит и верить не собирается.

Тогда же у Бурбакиса и появилось странное хобби — изобретать планеты. Должно быть, абсолютная бездарность того, кто конструировал его родной Бирумборак, подвигла молодого человека на создание миров, более интересных с точки зрения технического творчества.

— Ну что, Шекет? — ехидно спросил Бурбакис, когда я свернул изображение и вышел из Мировой информсети. — Убедились?

— С таким состоянием, — пробормотал я, — вы могли бы придумать себе более приятное занятие, чем конструирование планет. Возиться в пыли и лаве, когда можно...

— А сами вы, Шекет, хотели бы жить в Тель-Авиве и все дни просиживать штаны в офисе на набережной Яркон?

— Ни за что! — воскликнул я.

— Почему же вы думаете, что мне это должно нравиться? — огорченно спросил изобретатель. — Вы романтик? Я тоже. И мы могли бы неплохо сработаться. Жаль, что вы занялись такой... гм... нехорошей деятельностью, как экспертиза безумных изобретений. Будучи по одну сторону баррикады, мы могли бы...

— Изложите формулу вашего изобретения, — перебил я Бурбакиса, не желая обсуждать тему нашего предполагаемого сотрудничества.

— И не подумаю, — буркнул клиент. — Вы эксперт или нет? Сами и определите, чем моя новая планета отличается от всех прочих. Засиделись мы, пора в дорогу.

Мог ли я не принять вызова, брошенного моей проницательности?

Сутки спустя мы опустились на поверхность небольшой планеты, при виде которой у меня захватило дух: это была если не копия Земли, то ее улучшенный вариант. Леса, реки, облака, горы, водопады, моря, и главное — ни одного хищника, включая людей. Так по крайней мере утверждал каталог живых существ, врученный мне Бурбакисом перед посадкой. Я попытался обнаружить в каталоге хоть какой-то намек на то, в чем же состоит суть изобретения Бурбакиса, но не нашел — этот тип умел скрывать свои секреты!

— Скафандр? — сказал я, когда мы встали с кресел и готовились к выходу на поверхность планеты.

— Еще чего! — возмутился изобретатель. — Здесь чистейший воздух. Дыши — не хочу.

— Почему не хотите? — с подозрением спросил я. — Почему я должен дышать, а вы — нет?

Бурбакис не удостоил меня ответом, и мы вышли на залитый солнцем луг. Я услышал пение птиц и — вот странное дело! — жуткое завывание ветра, хотя царил полный штиль. Я повертел головой, чтобы найти источник странного звука, но ничего подозрительного не обнаружил и спросил у стоявшего неподалеку изобретателя:

— Куда вы спрятали шумовую установку?

Ответа я не расслышал.

— Что? — переспросил я, и Бурбакис произнес длинную фразу. Я видел, как шевелились его губы, но не слышал ни слова.

— Вы можете говорить громче? — раздраженно сказал я и увидел, как Бурбакис буквально зашелся в крике. Увидел — да, но не услышал. По-прежнему завывал ветер, и к этим пронзительным звукам добавился грохот упавшего дерева — треск переломившегося ствола, шорох сминаемой листвы, писк какой-то птицы, лишившейся гнезда.

У границы леса действительно лежало поваленное дерево, но упало оно явно не секунду назад: крона была примята прошедшим дождем, но успела подсохнуть и зеленела на солнце.

Бурбакис тронул меня за плечо, я обернулся и увидел, что он говорит что-то, тщательно артикулируя каждое слово. К сожалению, я не умею читать по губам, о чем и сообщил своему спутнику в самой вежливой форме. Впрочем, одно слово, беззвучно произнесенное Бурбакисом, как мне кажется, я все-таки понял. Это было слово «изобретение». Собственно, я уже и сам догадался, какой именно особенностью решил наградить Бурбакис свою планету. Разговаривать с этим типом было бессмысленно, и я знаками пригласил Бурбакиса подняться в звездолет. Он замотал было головой, предлагая совершить пешую прогулку по прекрасному лугу, но, честно говоря, вивисекция, какой изобретатель подверг бедную планету, мне так не понравилась, что я решительно шагнул к люку.

Когда Бурбакис ввалился следом за мной в капитанскую рубку, я сказал сурово:

— Послушайте, неужели ваша фантазия способна только на такие варварские идеи?

— Какие? — напустил на себя удивленный вид Бурбакис. — И почему варварские?

— Насколько я понял, — сказал я, — в состав атмосферы введены вещества, замедляющие скорость звука. Вы слышите сейчас то, что произошло несколько часов назад. Если я встану от вас на расстоянии десяти метров и крикну во весь голос, то вы услышите мой крик завтра утром!

— Нет, — смутился Бурбакис, — скорее сегодня к вечеру.

— Небольшая разница, — отмахнулся я. — Неужели вы не понимаете, что жить на такой планете невозможно? Я не могу выдать вам патент на это бесполезное изобретение.

— Бесплезное? — возмущился Бурбакис. — Плезнее мое-го изобретения нет ничего на свете! Эволюцию не остановить, Шекет. Вы правы — общаться с помощью звуков местные живые существа не могут и не смогут. Здесь возникнет разумная жизнь, куда более совершенная, чем наша! Не имея возможности кричать, живые существа научатся другому способу общения — телепатическому. Разве это не прекрасно?

— Может быть, — согласился я. — Сколько времени им для этого понадобится?

— Ну... сотни миллионов лет, думаю, достаточно.

— Вот именно, — злорадно сказал я, — приходите ко мне через сто миллионов лет, и я зарегистрирую ваше изобретение. А пока извините...

И я решительно надавил клавишу старта.

ПЛАНЕТА СЧАСТЬЯ

— Пришел господин Бурбакис, — доложил киберсекретарь, и мне пришлось оторваться от составления договора на аренду астероида Паллада. Я уже третьи сутки пытался продрагаться сквозь юридические тонкости этого документа, составленного в режиме реального отождествления — обе стороны, подписывавшие договор, на время становились астероидом, ощущали его недра, как свои собственные, а поверхность — как собственную кожу, опалемую лучами Солнца. Я человек консервативный, и новомодные штучки мне не очень нравились — зачем изображать из себя астероид, если нужно всего-навсего понять, велика ли предлагаемая арендная плата?

Бурбакис ввалился в кабинет, будто в собственную спальню, и повел себя соответственно: скинул башмаки, в которых перемещался в космосе от одного астероида к другому, и уселся не на стул, а на диван, предназначавшийся для особо опасных посетителей.

— Сюда, пожалуйста, — сухо сказал я, указывая на стул, прикрепленный к полу скобами: предосторожность была не лишней не только из-за малой силы тяжести на астероиде, но и потому, что некоторые клиенты норовили использовать этот предмет мебели для покушения на личность эксперта.

— А, — махнул рукой Бурбакис, — этот стул приносит посетителям одни разочарования. Когда я на нем

сидел, вы не дали положительного решения ни по одному из моих предложений.

— Думаете, сменив позицию, вы смените и судьбу? — ехидно спросил я.

— Надеюсь, — заявил Бурбакис. — Что такое судьба человека? Всего лишь смена его диспозиции по отношению к базовым пространственным определителям.

— Я уже отклонил три ваши заявки, — напомнил я, — и готов продолжить традицию. Что у вас сейчас — опять какая-нибудь гадкая планета?

— Планета, — подтвердил изобретатель, — но почему гадкая? Планета, на которой все счастливы, может быть только прекрасной. Кстати, я назвал ее Бурбакида.

— Замечательное название! — воскликнул я. — А как вам удастся сделать счастливыми всех жителей планеты? Надеюсь, вы не используете запрещенные способы — например, концлагеря для инакомыслящих?

— Господь с вами, Шекет! — возмутился Бурбакис. — Коммунисты, да будет вам известно, потерпели фиаско, вообразив, что счастье может быть коллективным. На Бурбакиде каждый приобретает свое личное, индивидуальное, приватное, точечное счастье.

— Какая-нибудь гадость вроде стимулятора наслаждений? — с подозрением спросил я. — Имитация счастья, между прочим, запрещена конвенцией ООН, поскольку нарушает право личности на свободу выбора.

— Шекет, — кротко сказал изобретатель, — может, вместо того чтобы предаваться праздным рассуждениям, вы изволите провести экспертизу заявки?

— Давайте, — вздохнул я и протянул руку, чтобы взять диск с описанием изобретения. Бурбакис привстал, но вместо стандартного компьютерного бионосителя протянул мне небольшой приборчик с единственной красной кнопкой на верхней панели. Не успев ни о чем подумать, я чисто механически на эту кнопку нажал — очень уж она удобно располагалась под большим пальцем. В следующее мгновение я оказался на борту звездолета, только что совершившего посадку на планете землеподобного типа. В кресле пилота я увидел Бурбакиса, а за иллюминатором — нечто вроде дачного поселка: виллы, деревья, пляж и парусные лодки на голубой поверхности лагуны.

— Иллюзия? — деловито спросил я. — Для проецирования иллюзий в мозг индивидуума необходимо его письменное согласие. Вы нарушили уголовный кодекс, статья три тысячи двести семнадцать...

— Глупости, — отрезал Бурбакис. — Никаких иллюзий, я вам не шарлатан какой-нибудь.

Я обратился к собственным ощущениям и обнаружил, что все мои органы восприятия свидетельствовали однозначно: мир Бурбакиды был вовсе не иллюзорен, мы действительно прибыли на планету, где каждый должен быть счастлив, согласно прогнозу изобретателя.

Никаких признаков счастья — учащенного дыхания, скажем, или, на худой конец, пустоты в мыслях я не испытывал. Не было и тех внешних признаков, с какими у меня ассоциируется понятие простого человеческого счастья: мягкое кресло, например, в котором приятно пораскинуть мозгами, или любимая женщина, приносящая кофе в постель и сопровождающая это простое действие словами: «Любимый, я так по тебе соскучилась»...

Планета как планета. Красиво, ничего не скажешь. Может, Бурбакис и чувствовал себя здесь счастливым, но на меня Бурбакида с первых минут пребывания навеяла скуку.

Изобретатель увидел выражение кислого разочарования на моем лице и потому сказал:

— Терпение, Шекет, планете нужно некоторое время, чтобы перестроиться от стандартного режима на индивидуальный.

Что-то щелкнуло то ли в небе Бурбакиды, то ли в моем сознании, и мир изменился, как по мановению волшебной палочки.

Я сидел в моем любимом кресле, на мне была моя любимая пижама, на коленях лежала моя любимая книга «Создатель Акела», компьютеризованное издание 2068 года, по стерео показывали мой любимый фильм «Космос, дорога в бесконечность», а моя любимая женщина стояла рядом и держала поднос, на котором я увидел чашку с ароматным кофе — моим любимым, приготовленным так, как могу готовить только я и как никому пока еще приготовить не удавалось. А на противоположной стене висел забранный в рамочку диплом о присвоении мне почетного звания Академика Главной Галактической Академии Наук и Технологий.

Мою любимую женщину звали Ингой, и она родилась в моем любимом городе Иерусалиме в самый любимый мой день в году — 18 мая, день, когда родился я сам.

Неужели Бурбакис все-таки использовал гипнотические методики, запрещенные законом? Впрочем, все мои органы чувств утверждали: гипноза нет, ничего нет, кроме реальности, данной нам в ощущениях.

Но не стал же Бурбакис ради моего счастья создавать целый мир! Если он сконструировал только одну планету счастья — Бурбакиду, — то как намерен справиться с наплывом клиентов? Если я дам положительное заключение по изобретению, то желающих жить здесь, только здесь и нигде больше, окажется так много, что не хватит не только Бурбакиды, но и сотен аналогичных планет!

Между тем Инга присела на подлокотник кресла, поставила поднос мне на колени и прижалась ко мне своим жарким, упругим и желанным телом. Мое счастье перешло на еще более высокую ступень, и тут, в дополнение ко всему, раскрылся потолок, я увидел в черном небе сверкавшую звездами спираль галактики Андромеды — я давно стремился попасть туда, но все не получалось, — и вот я мчался, сидя в любимом кресле и с любимой женщиной в объятиях к давней своей мечте, которая неожиданно стала доступной, как полет на Луну в каботажном челноке.

Очарование пропало в тот же момент. Пропало ощущение счастья. Пропал вкус романтики на губах, оставленный поцелуем моей дорогой Инги. И сама Инга неожиданно показалась мне такой же женщиной, как миллиарды других. И кофе — обычная бурда, напиток для укрепления духа, не более того. И фильм, что шел по стерео — подумаешь, нормальная бодяга. Что мне могло нравиться в этой банальной истории о путешествии дервиша Махмуда на край Вселенной?

Все убило единственное слово: доступность.

Я не знал пока, что именно использовал господин изобретатель, чтобы доставить жителям своей планеты ощущение полного счастья, — скорее всего все-таки не гипноз, не стал бы Бурбакис грубо нарушать закон! Конечно, это была филигранная работа, надо отдать должное изобретателю. Но — доступность...

Даже если он станет продавать дома на Бурбакиде за миллиард монет, это ничего не изменит в сути изобретения.

322 Чтобы стать счастливым, раньше нужно было прожить

жизнь во всем ее многообразии: счастье любить и быть любимым отличается от счастья создания нового романа, а счастье сидения в любимом кресле — это не то счастье, которое испытываешь, катаясь на доске в пене прибоя. Нет у человека одного-единственного счастья, когда все желания исполняются разом. Нет и быть не может. А если случается такое, то это уже не счастье, а обыденность, вызывающая лишь раздражение от своей доступности.

— Нет, — сказал я, сбросил с подлокотника Ингу, а с колен — поднос с чашкой кофе. Книгу я запустил в передатчик стерео, обвел внутренним взглядом стены комнаты, увешанные картинами моих любимых художников-экспрессионистов, обнаружил под одной из картин панель управления всем этим великолепием и задействовал сенсорный отключатель, поскольку Бурбакис предусмотрел, конечно, аварийную ситуацию — что ни говори, а изобретателем он был опытным и привыкшим к ошибкам и неудачам.

В следующий момент я понял, что все еще (или уже?) сижу за собственным (вовсе не любимым) столом на Церере, а господин Бурбакис восседает на диване, тоже не очень любимом, но, во всяком случае, привычном, как привычен рассвет.

— Ну что? — нетерпеливо спросил изобретатель. — Надеюсь, сейчас вы не сможете сказать, что мое изобретение непрактично или не нужно человечеству?

— Разумеется, скажу, — буркнул я. — Кстати, как вам удалось преуспеть в создании столь великолепной виртуальной реальности? Сначала я подумал, что это гипноз...

— Да вы что, Шекет? — возмутился Бурбакис. — Я изобретаю планеты, и вы это знаете! Иные реальности — не мой профиль!

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что Бурбакида распознает желания живых существ и создает их — в недрах планеты для этого достаточно необходимых веществ.

— Нет, — с сожалением сказал я. — Не могу дать положительного решения по вашему изобретению. Во-первых, создав счастье для всех и разом, вы убьете стремление человечества к прогрессу. Во-вторых, вы что, будете продавать дома на своей планете за деньги? Если да, то именно деньги заменят человечеству счастье — они станут единственной целью существования. И в-третьих, счастье, поставленное на кон-

вейер, тут же перестанет быть счастьем, надеюсь, вы это понимаете? Нет, господин Бурбакис, я вынужден...

— Шекет, — удивился Бурбакис, — вы действительно не хотите счастья? Не говорю о других — хотя бы для себя?

— Это взятка? — осведомился я.

— Ни в коем случае, — пошел на попятную Бурбакис. — Мне бы и в голову не пришло...

— Вам многое в голову не приходит, — сухо сказал я. — Вы, изобретатели, ограниченный народ. Кроме идеи, пришедшей вам в голову, не видите ничего. О последствиях пусть думают другие. Я не только вас лично имею в виду. Думал ли о последствиях Маркони, изобретая радио? Или Даймлер, изобретая проницатель пространства?

— Это называется разделением труда, — попытался объяснить Бурбакис.

— Так я подумал вместо вас и решил не давать патента на планету счастья, — заявил я.

— Вы ретроград! — воскликнул изобретатель. — Я буду жаловаться!

— Желаю вам счастья в этом начинании, — любезно сказал я и вернулся к составлению договора, предоставив Бурбакиса его судьбе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Когда безумный изобретатель планет в пятый раз явился ко мне на прием, я понял, что нужно использовать неконвенциональное оружие.

— Рад вас видеть, дорогой господин Бурбакис! — заявил я. — Спешу, однако, сообщить, что ваши планеты не подпадают под определение безумных изобретений и потому не подлежат экспертному рассмотрению в нашем институте.

— Вы решили, Шекет, избавиться от меня раз и навсегда? — презрительно сказал Бурбакис, как ни в чем не бывало располагаясь на диване, предназначенном для опасных посетителей. Особенностью этого предмета мебели было то, что в случае, если клиент начинал сильно жестикулировать, отстаивая свое уникальное мнение, поверхность дивана становилась вязкой, и бедняга тонул, будто в болотной трясине.

— Так вот, — продолжал Бурбакис, — изобретение, которое я намерен запатентовать, только такой ретро-

град, как вы, способен не назвать гениальным. Кстати, планета называется Терра Бурбакиана, и не нужно спрашивать, почему я назвал ее так, а не иначе.

— Я и не собираюсь, — буркнул я. — Ваша скромность мне известна. Повторяю: ваши изобретения не являются безумными, и потому...

Я поднялся и подошел к сидевшему на диване Бурбакису с намерением схватить изобретателя за воротник и выставить в коридор. Именно в этот момент клиент начал размахивать руками с такой силой, что диван разверзся, как хляби небесные, Бурбакис провалился в его бездонную глубину, а я, потеряв точку опоры, рухнул сверху, лишь теперь поняв, что попался на элементарную провокацию.

Мы барахтались в недрах дивана, вопили не своими головами, неожиданно я рухнул куда-то и едва не сломал себе обе ноги. Приподнявшись, я обнаружил, что нахожусь в рубке управления звездолета господина Бурбакиса, и машина набирает скорость, унося нас обоих в межзвездное пространство.

— Как вам это удалось? — мрачно поинтересовался я, когда мы привели себя в порядок, смыв с одежды и кожи липкую диванную жидкость.

— На всякое изобретение, Шекет, всегда найдется контр-изобретение, — самодовольно заявил Бурбакис. — Имейте в виду, я могу придумывать не только планеты. Все очень просто. Узнав о секрете вашего дивана, я заменил программу, благо хранится она не в компьютере Института безумных изобретений, а в Мировой информсети. В результате этот предмет домашнего обихода выплюнул нас обоих туда, где мы с вами сейчас и находимся.

— Если ваша планета окажется недостаточно безумной, — предупредил я, — патента вам не видать, а судебного иска вы не избежите ни при каких обстоятельствах.

— Как знать, Шекет, как знать... — пробормотал изобретатель, довольно потирая руки.

Терра Бурбакиана, если смотреть на нее из космоса, оказалась милой планетой, напоминавшей Землю. Впрочем, это обстоятельство не могло меня успокоить. Наверняка коварный изобретатель снабдил свое детище свойствами, способными довести до белого каления даже такого уравновешенного человека, как я.

Звездолет опустился на лесной опушке, и я первым делом проверил, с какой скоростью здесь распростра-

ется звук. Мой крик, усиленный динамиками, отразился от кроны дерева, неподалеку от которого мы совершили посадку, и я услышал собственный голос, искаженный и потому далекий от совершенства.

— Со звуком все в порядке, — ехидно сказал Бурбакис. — Пошли, Шекет, а то пропустите самое интересное.

Мы вышли из звездолета, и я увидел... Это было зрелище не для слабонервных, и потому я опушу слишком натуралистические детали. Скажу лишь, что передо мной был огромный ящер, который уплетал за обе щеки ящера поменьше. Повернув голову, монстр издал боевой клич, оставил жертву в покое и вперевалку направился ко мне, решив, должно быть, что Шекет представляет собой более лакомое угощение. Я выхватил лучевик и выстрелил, не задумываясь. Луч не успел высверлить в воздухе огненное отверстие, как ящер исчез, будто его и не было, а вместо него я увидел опиравшегося на трость джентльмена, произносившего речь перед толпой своих сторонников. Прежде чем я успел понять, что происходит, лазерный луч ударил джентльмена в грудь, и бедняга упал, разрезанный пополам, на руки подоспевших слушателей.

Вторично опушу натуралистические подробности, скажу лишь, что крови было столько, что даже я, находившийся на расстоянии не менее пяти метров, обнаружил капли на своем рукаве. Отбросив лучевик, я бросился вперед и оказался... Ощущение было таким, будто в аду кипели в котлах миллионы грешников, а я сидел на помосте и помешивал варево огромной разливной ложкой. От воплей у меня заложило уши, но мне почему-то показалось, что в этом гвалте отчетливо выделялся голос моего клиента господина Бурбакиса. Я ничего не имел против того, чтобы он оказался в одном из котлов, но мне нужно было как-то выпутываться, я понимал, что столкнулся со зловредным характером нового изобретения, и без автора мне не справиться.

Бурбакис наверняка только этого и ждал!

Не дожدهшься, подумал я и, желая вышибить клин клином, без раздумий бросился в один из котлов — в тот, из которого, как мне казалось, доносился вопль Бурбакиса.

В тот же момент я оказался на огромном лугу, где взад и вперед носились кони и люди. Кони были в латах, а люди — в набедренных повязках, но с оружием, напоминавшим древние русские палицы. Люди с гиканьем кидались на лошадей, а те увертывались, но звуки ударов показывали, что

ловкостью они не отличались. Один из сражавшихся, размахивая палицей, ринулся на меня, сверкая глазами. Оружия у меня больше не было, но и отступить я не привык, а потому принял боевую позу, выставил вперед ладони и принялся ждать нападения.

Гладиатор налетел на меня, будто астероид на метеоритную пушку, и, конечно, получил удар, от которого палица отлетела в одну сторону, а бедняга — в другую, но сам я с трудом удержался на ногах, сделал шаг назад и...

Оказался в толпе на стадионе. Народу было столько, что меня сжали со всех сторон, я с трудом мог пошевелиться, и мне ничего не оставалось делать, как смотреть на игроков, бегавших по полю за огромным голубым мячом. Игра была похожа на футбол, но футболом не являлась, поскольку у каждой команды было всего по четыре игрока, один из которых летал над полем на небольшом махолете и ловил мяч, когда тот высоко поднимался в воздух.

Я огляделся по сторонам. Никто не обращал на меня внимания, и я смог рассмотреть зрителей этого странного матча. Вообще говоря, это были не люди. Слишком длинные носы, слишком маленькие уши, а руки вообще оказались далеко не у всех, что, однако, не доставляло никому беспокойства.

— Послушайте, — обратился я к одному из зрителей, вопившему что-то нечленораздельное на языке, напоминавшем одновременно литературный английский и бранный энтурекский. — Послушайте, я здесь впервые, не скажете ли вы...

— Не задавайте глупых вопросов, Шекет, — услышал я раздраженный голос Бурбакиса, исходивший, как мне показалось, из желудка болельщика, продолжавшего вопить, не обращая на меня внимания. — Не задавайте глупых вопросов!

— Так это вы! — воскликнул я и попытался схватить болельщика за руку.

Сделав шаг вперед, я оказался в пещере, куда с трудом проникал дневной свет. Вокруг была грязь, валялись какие-то коробки, копошились животные, напоминавшие маленьких утконосов, а неподалеку стоял боевой робот системы «шалаш» — устаревшая модель, с такими я как-то имел дело на одной из планет Альгениба. Справиться с «шалашом» голыми руками смог бы лишь герой древнегреческих мифов или русских былин, а если учесть, что такие герои существовали только в воспаленном воображении народа, то утомонить ро-

бота не мог никто, если, конечно, не применял лазерной пушки или хотя бы ракетной установки конца двадцатого века.

Вы думаете, я испугался? Напрасно вы так думаете. Кое-что я уже успел понять в этой не прекращавшейся катавасии и потому стоял, ожидая событий и сложив руки на груди, как Наполеон при Аустерлице.

Робот повернул ко мне морду, похожую на изображение Химеры на соборе Парижской Богоматери, и выдвинул клыки, которыми он обычно расправлялся с иноземными тварями. Меня обуял спортивный азарт — кто в конце концов окажется более проворным: я или эта тварь, не соображавшая, что является всего лишь результатом творчества безумного изобретателя Бурбакиса?

Робот бросил клык, я увернулся и...

Очутился на людной городской улице, где, как мне показалось, начался карнавал идиотов. Участвовать в этом мероприятии у меня не было никакого желания. Я закрыл глаза, повернулся и, протянув вперед руки, нащупал холодную поверхность трапа.

Не очень удобно подниматься по металлической лестнице с закрытыми глазами, но я с этим справился и минуту спустя сидел в пилотском кресле, ожидая возвращения господина изобретателя.

— Ну что? Каково? — воскликнул Бурбакис, ввалившись в рубку следом за мной. — Впечатляет? Разве это не безумно интересно?

— Если безумие определяется интересом, то конечно, — кивнул я.

— Когда вы догадались, в чем суть изобретения? — спросил Бурбакис.

— Сразу, — сказал я, чуть погрешив против истины. — Правда, последовательность исторических событий несколько произвольна...

— Не я ее определяю! — воскликнул изобретатель. — Это все совершенно случайно! Интерференция, понимаете ли...

— Понятно, — кивнул я. — Вы ведь на самом деле не создали планету, а взяли уже готовую, верно? Вы только консервировали ее историю. Вытащили из прошлого, используя колодцы времени, и расположили слоями, будто пирог. Делаешь шаг и оказываешься в одной эпохе, еще шаг — и ты уже в другом времени.

— Гм... — сказал Бурбакис. — Не совсем так, но похоже. Как вы полагаете, Шекет, Терру Бурбакиану можно использовать в качестве музея? Брать билеты с туристов?

— Только после того, как получите патент, — твердо сказал я.

— Когда же я его получу? — быстро спросил Бурбакис.

— Никогда! Идея ваша безумна, согласен, но недостаточно безумна, чтобы заслужить право на жизнь. В выдаче патента отказано.

Кажется, Бурбакис хотел меня убить. Впрочем, он быстро одумался и всю злость выместил на кнопке старта, которую вдавил в панель управления с такой силой, будто хотел пробить дыру.

БЕЗУМНЫЙ И СУМАСШЕДШИЙ

Я надеялся, что безумный изобретатель планет господин Бурбакис оставит меня в покое. Во всяком случае, целый месяц он не докучал мне своими посещениями. Возможно, занимался тем, что писал на меня жалобу. Ну и ладно. Жалоба придает государственному чиновнику некую самодостаточность.

Я предавался воспоминаниям о том, как Бурбакис третирует меня своими проектами, и когда воспоминания достигли кульминационной точки, дверь произнесла раздраженно:

— К вам Пук Дан Шай. Впустить?

Обычно дверь не раздражалась по всяким пустякам вроде появления очередного клиента. Дверь на то и запрограммирована, чтобы не впускать без доклада и сообщать о посетителях. Если в голосе двери слышалось раздражение, это свидетельствовало о том, что новый посетитель применил физическое воздействие, пытаясь проникнуть в кабинет без предварительной записи.

— Впустить, — сказал я. — И поставить экран. Посетитель огнедышащий, судя по имени?

— Нет, — сообщила дверь. — Гуманоид.

— Тогда не нужно экрана, сам справлюсь.

Занудным скрипом дверь выразила сомнение в моих физических возможностях, но на подобную мелочь я уже давно не обращал внимания. Посетитель вошел с таким видом, будто он был Наполеоном Бонапартом, а я — французским народом, по гроб жизни благодарным явлению правителя.

Пук Дан Шай действительно оказался гуманоидом. Более того, человеком — но каким! Рост два метра восемьдесят три сантиметра, я определил это точно, поскольку посетитель, войдя, задел макушкой висевшее под потолком знамя Патруля времени, память о моей службе в этой замечательной организации. Масса посетителя превышала два центнера, и это я тоже легко определил по тому, как взвизгнули и прогнулись биметаллические пластины пола.

— Пук Дан Шай, — басом, срывавшимся в инфразвук, сказал клиент и протянул мне ладонь, похожую на ковш метеоритной ловушки.

— Иона Шекет, — представился я, делая вид, что не замечаю протянутой руки. — Если у вас есть заявка на безумное изобретение, готов вас выслушать.

— У меня нет никаких изобретений — ни безумных, ни обычных! — воскликнул Пук Дан Шай. — Ненавижу все, что связано с техникой!

— Зачем же вы тогда проделали путь до Цереры и довели мою дверь до истерики?

— Объясняю, — заявил клиент. — Я, видите ли, главный врач клинической лечебницы для душевнобольных представителей цивилизаций Третьего галактического рукава. Это региональная клиника, принимаем мы только рожденных, а не отпочковавшихся, только дышащих, а не жаброносящих, поскольку специфика лечения предполагает...

— Замечательно! — воскликнул я. — Всегда мечтал посмотреть на психов с разных планет! Непременно побываю в вашей клинике — в качестве гостя, разумеется. Вы здесь проездом, я вас верно понял?

— Неверно, — ухнул Пук Дан Шай. — Я специально проделал путь от Альтрогениба-2, чтобы предложить вам проект, который прославит ваш институт не только в пределах Третьего рукава, но даже в соседних галактиках.

— Вы же только что сказали...

— Да, я не изобретатель! Но в моей клинике лежат десятки разумных существ, мания которых заключается в том, что они воображают себя именно великими изобретателями прошлого, настоящего и будущего.

— Понятно, — вздохнул я. — Извините, вы неправильно поняли название нашего института. Безумное изобретение, согласно стандарту, — это не изобретение, сделанное психом! Изобретение должно быть безумным настоль-

ко, насколько в свое время была безумной теория относительности, или квантовая механика, или пространственная хронодинамика, или... В общем, вы меня понимаете?

— Я вас — да, а вы меня — еще нет, — парировал Пук Дан Шай. — Изобретения моих психов никуда не годятся, это верно. Но прошу учесть, господин Шекет, что у меня лежат выдающиеся умы, которые воображают себя изобретателями, не умея изобретать. А также выдающиеся писатели, не умеющие связать два слова. И еще великие полководцы, не знающие, как командовать ротой. С полководцами и писателями все ясно — их мы лечим, поскольку полководческий и писательский таланты — от Бога. Но изобретатели! Их-то можно обучить, поскольку существует всеми признанная теория, в которой я, к сожалению, ничего не понимаю, но вы-то, Шекет, обязаны разбираться, как золотарь в дерьме! Что скажете на это?

И Пук Дан Шай ткнул в меня своим длинным пальцем, более похожим на стальной прут.

— Повторите, — сказал я, потирая ушибленную грудь.

— Почему в эксперты идут самые тупые? — будто бы про себя проговорил посетитель. — Повторяю. Есть разумное существо с отклонениями в психике. Диагноз: мания величия в области изобретательства. Можно вылечить и выпустить. А можно обучить — ведь это действительно умные существа, способные обучаться чему угодно! И тогда...

— Вы полагаете, — задумчиво сказал я, — что если сумасшедшего изобретателя обучить теории, то его изобретения...

— Это будут поистине гениальные безумные изобретения! — воскликнул Пук Дан Шай и стукнул по столу кулаком, отчего мой компьютер в ужасе отпрыгнул в угол кабинета и заявил, что отказывается работать в условиях повышенной сейсмической опасности.

— Итак, — продолжал Пук Дан Шай, немного успокоившись, — мы с вами объединяем усилия. Я предоставляю материал, отбирая наиболее перспективных больных. Вы обучаете их теории изобретательства. Они создают безумные изобретения. Прибыль мы делим пополам, поскольку клиенты моей клиники лишены всех прав, в том числе и авторских.

— Я нахожусь на государственной службе, — напомнил я. — То, что вы предлагаете, является...

— Хорошо — прибыль поделим между мной и правительством Соединенных Штатов Земли, — пожал пле-

чами Пук Дан Шай. — Кстати, я с удовольствием осмотрю вас на предмет выявления психических отклонений. Впервые встречаю человека, готового отдать государству прибыль от сугубо частного предприятия!

— Перейдем к делу, — торопливо сказал я. — Где, вы ска-
зали, находится ваша лечебница?

Палаты на Альтрогенибе-2 оказались оборудованы по последнему слову психиатрической техники. Моим первым учеником стал полоумный изобретатель с Реупагонды Акуманиты Девятой, вообразивший себя великим Футируганом Первым, придумавшим когда-то ментальную пленку, отгородившую эту планету от всей Вселенной. На самом деле звали психа Иуркаподом с каким-то порядковым номером, который менялся в зависимости от времени суток, а потому я его и запоминать не стал.

Проблема заключалась в том, что я не должен был сообщать ученику, что обучаю его именно теории изобретательства. Ведь он-то считал себя достаточно великим в этой области! На помощь мне пришел Пук Дан Шай, заявивший Иуркаподу, развесившему по стенам палаты все свои двенадцать щупальцев:

— Мы переходим от лекарственных методов лечения к вербальным. Это Иона Шекет, парамедик, он будет вам давать задания, а вы выполняйте их. Это ни в коем случае не повредит вашим занятиям в области изобретательства.

— Надеюсь! — важно проговорил Иуркапод, выделяя слова в виде жидкой субстанции, стекавшей на пол. — Я сейчас изобретаю гениальную штуку: аппарат для сворачивания звезд в узел.

— Прекрасно, — восхитился я и приступил к делу, нудным голосом прочитав Иуркаподу первую главу из учебника изобретательства для тугослышащих. Безумец был настолько погружен в свои проблемы, что на контрольные вопросы отвечал совершенно механически — я только поражался его памяти и способности усваивать материал. В конце первого же занятия мы разобрались с главами о физических противоречиях и об идеальном конечном результате, и мне оставалось надеяться, что новые знания не останутся лежать в сознании сумасшедшего ученика мертвым грузом.

Я провел беспокойную ночь в гостинице Альтрогениба-2, а утром меня разбудил Пук Дан Шай, проревев у меня над ухом:

— Я вам говорил, Шекет! Только что Иуркапод заявил, что его гениальное изобретение стало еще более гениальным, поскольку сворачивание звезды в узел не является идеальным решением проблемы.

— О какой проблеме речь? — спросил я, протирая глаза.

— Иуркапод, а точнее Футируган Первый, которым он себя воображает, занимался проблемой жизни в искривленных пространствах, — объяснил врач. — Иуркапод, естественно, тоже думал только над этой проблемой, и его идефиксы стали звезды, свернутые узлом, причем объяснить, как это сделать реально, он, ясное дело, не мог. Так вот, только что он придумал: нужно не звезды сворачивать в узлы, а узлы пространства разогревать до звездных температур, и тогда...

— Прием наоборот, — кивнул я. — Это мы вчера с ним проходили.

— Как по-вашему, изобретение действительно безумно? — с надеждой спросил Пук Дан Шай. — Я имею в виду — оно не сумасшедшее, а именно безумное?

— Пожалуй, — протянул я, представляя себе конструкцию, которую можно было бы сварганить, если действительно увеличить температуру пространственных узлов — этого добра в космосе было более чем достаточно, но пользоваться ими до сих пор никто не научился. Если сделать так, как предложил Иуркапод... Да это ведь принципиально новый способ общения с существами из параллельных миров! И я как эксперт...

— Отличная идея, — прошептал я. — Не знаю, гениальная ли, но безумная в лучшем смысле — это точно.

— Половина прибыли моя! — заявил Пук Дан Шай, и я поспешил согласиться от имени земного правительства.

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Никогда не думал, что сумасшедшие — такие милые существа. И умные — вот что я скажу! Психически больной изобретатель отличается от безумного тем, что не докучает экспертам своими идеями — он даже не знает о том, что на Церере существует Институт безумных изобретений, где некий Иона Шекет мучается над экспертизой самых удивительных идей в истории человечества. Мысли свои изобретатель-псих излагает лишь роботам-санитарам. Вот почему, по моим

наблюдениям, в больнице на Альтрогенибе-2 много автоматов, способных построить вечный двигатель, но абсолютно не умеющих скрутить опасного пациента, если тот неожиданно начнет буйствовать.

Только это последнее обстоятельство и мешало мне посещать Альтрогенибскую лечебницу чуть ли не ежедневно; долгая беседа с сумасшедшими изобретателями куда приятнее, чем минутный разговор с амбициозными посетителями нашего института — один Бурбакис чего стоил!

Выкроив время между составлениями отрицательных заключений (а что еще можно было сказать, например, о предложении распылить Землю, чтобы эта планета не напоминала о мрачных периодах в истории человечества?), я отправился на Альтрогениб-2, где Пук Дан Шай встретил меня словами:

— Счастье, Шекет! Сумасшедшее счастье нам привалило!

— В прямом смысле или переносном? — осведомился я.

— В обоих! — воскликнул Пук Дан Шай. — Пойдемте, я проведу вас в палату, где лежит — а если выразаться точно, то бегаёт — пациент по имени Сто Тридцать Два Плюс.

— На какой это планете разумных существ обозначают числами? — проворчал я, направляясь за главврачом к палате, расположенной в конце длиннейшего коридора.

— На Мигуаре, — отозвался Пук Дан Шай. — Планета в системе Омеги Рыси. Звезда очень холодная, вот аборигенам и приходится...

Что именно приходится делать аборигенам Мигуары, чтобы не умереть от холода, я увидел минуту спустя, когда мы переступили порог странной палаты. В центре ее на растяжках висела самая большая лента Мебиуса, какую я когда-либо видел. По ленте, не останавливаясь ни на секунду, бежал огромных размеров муравей, отличавшийся от земных собратьев не только величиной, но и цветом — иссиня-белым, будто нанесенное недавно покрасили несмываемой краской.

— У вас тут зоопарк, дорогой Пук Дан Шай, — ехидно спросил я, — или приличное заведение для разумных психов?

— Сто Тридцать Второй Плюс разумнее нас с вами! — обиделся за своего пациента главврач. — Мигуарцы вынуждены всю жизнь проводить в движении, останавливаясь только в момент смерти. Неподвижный мигуарец — мертвый мигуарец.

А собственных имен у мигуарцев не может быть, ведь муравейник — это коллективный разум.

— Ну хорошо, — сказал я, — что же изобрел Сто Тридцать Второй?

— Сто Тридцать Второй Плюс, — поправил гравврач. — Очень умный псих, скажу я вам. Только вчера начал обучение по вашей системе, успел освоить несколько главных приемов, и вот, пожалуйста...

— Я изобрел Всеобщий Вселенский Генератор Счастья, — послышался у меня в голове скрипучий голос — впечатление было таким, будто звучали кости черепа, создавая внутри черепной коробки гулкий резонанс. — Это гениальное изобретение, которое...

— Понятно-понятно, — быстро сказал я, — ясно, что изобретение ваше гениально. Но в чем его суть?

— Прием квантования, Шекет! Я его выучил вчера вечером, и мне сразу стало ясно, что нужно делать! Дарю вам лично! И лично Пук Дан Шаю! И лично всей моей общине на Мигуре! И лично...

— Перечислять будете потом, если получите патент, — довольно невежливо перебил я. — Не изволите ли изложить...

— Шекет! — прошипел у меня над ухом Пук Дан Шай. — Не забывайте, что перед вами психически больное существо, не нужно его раздражать, имейте терпение.

— Я и не собирался, — пробормотал я, а Сто Тридцать Второй Плюс, сделав поворот, начал бежать по ленте Мебиуса в противоположную сторону, причем так быстро, что мне показалось, что сейчас он встретится сам с собой.

— И лично президенту Галактической федерации Асортуманту Диактерию! — завершил перечисление изобретатель и начал наконец излагать идею по существу.

— Что есть счастье? — рассуждал Сто Тридцать Второй Плюс. — И почему еще никогда никому не удавалось передать другому свое личное ощущение счастья? Да потому, что счастье неделимо! Передав ощущение счастья другой личности, вы перестаете ощущать счастье сами, становитесь несчастным, и количество счастливых разумных существ во Вселенной не увеличивается таким образом ни на одну единицу. Но давайте используем прием квантования, о котором я прочитал на втором видеодиске курса по развитию творческой фантазии. Разделим испытываемое вами ощущение счастья на мельчайшие отрезки длительностью в миллионную долю секунды каждый. Можем мы это сделать?

Поскольку в словесном потоке, извергаемом Сто Тридцать Вторым Плюс, наступила пауза, я понял, что вопрос обращен ко мне, и ответил:

— Конечно. Любое чувство можно разделить на кванты, и что из этого? Ваше ощущение счастья не изменится, а другой от этого счастливее не станет.

— Прием квантования, Шекет, прием квантования! — завопил Сто Тридцать Второй Плюс. — Разве вы перестанете быть счастливым, если отдадите мне не все свое ощущение, а лишь его незначительную часть, мельчайший квант длительностью в миллионную долю секунды? Вашего счастья от этого не убудет!

— Но и вашего не прибавится, — пробормотал я, надеясь, что бежавший со скоростью звука изобретатель меня не услышит. Но он немедленно ответил:

— Не прибавится, потому что квант счастья длительностью в миллионную долю секунды я не успею ощутить, вы правы! А если вы мне отдадите не один такой квант, а миллион? Но не подряд, а каждый второй или третий? Что тогда?

Я начал понимать ход мыслей Сто Тридцать Второго Плюс и поразился их гениальной простоте.

— Эффект двадцать пятого кадра! — воскликнул я.

Мне показалось, что Сто Тридцать Второй Плюс еще быстрее побежал по ленте, догоняя звук собственного возмущения.

— Только не говорите, что приоритет принадлежит не мне! Какой еще двадцать пятый кадр?

Естественно, откуда ему знать? Это ведь из области кино, а классические фильмы на пленке исчезли из обихода несколько десятилетий назад, с изобретением голографических проекторов. Раньше фильмы снимали на ленту и показывали со скоростью двадцать четыре кадра в секунду. Так вот, какой-то тогдашний гений заметил: если вставлять после каждого двадцать четвертого кадра еще один — например, с рекламой пива, — то после сеанса зритель непременно воскликнет: «Пиво — великолепный напиток!» И наоборот: если вырезать из каждой ленты один кадр из двадцати четырех, никто этого не заметит, а между тем из вырезанных кадров можно составить новый фильм!

Говорить об этом Сто Тридцать Второму Плюс я не стал. В конце концов, он ведь предлагал поделиться счастьем, а вовсе не кусочком старого целлулоида.

— Хорошая идея, — сказал я. — Вполне безумная.

Стоявший рядом со мной Пук Дан Шай дернулся и наступил мне на ногу — он, видимо, решил, что пациент может обидеться.

— Безумная! — радостно подтвердил Сто Тридцать Второй Плюс. — Но ведь не сумасшедшая, верно?

— Разумеется, — согласился я, покосившись на главного врача.

— Предлагаю немедленные испытания! — прокричал Сто Тридцать Второй Плюс, пробегая мимо меня с такой скоростью, что у меня зрябило в глазах.

Только выразительный взгляд Пук Дан Шая не позволил мне ответить решительным отказом. Хватит с меня испытаний! После полетов на планеты Бурбакиса я предпочитал, чтобы новые изобретения испытывали те, кому это положено по приговору суда: заключенные из камеры смертников на Весте.

— Внимание! — воскликнул между тем счастливый пациент галактической психушки. — Начинаю передачу!

Что-то во мне щелкнуло, и я стал счастливым. Я бежал по поверхности ленты Мебиуса, все мое существо сливалось с двухмерным пространством, и остановиться означало — стать самым несчастным существом во Вселенной, потому что тогда начнешь понимать, что есть еще и третье измерение, до которого мне сейчас не было никакого дела. Я готов был бежать вечно — вперед, вперед и в то же время назад, потому что только на ленте Мебиуса, у которой нет другой стороны, можно возвращаться, не возвращаясь, и это счастье так переполняло меня, что...

— Вы понимаете меня, Шекет? — услышал я доносившийся будто из другой вселенной голос Пук Дан Шая.

— М-м-м... — пробормотал я и понял, что лежу на операционном столе, а надо мной склонился главный врач лечебницы с лучевым скальпелем в руке. — Эй! Что вы собираетесь делать?

— Уф... — пробормотал Пук Дан Шай и облегченно вздохнул. — Я уж решил, что придется делать вам лоботомию.

— Вы с ума сошли! — возмутился я и спрыгнул на пол. — Я всего лишь испытал чужое счастье, но сам пока не рехнулся!

— Понравилось? — деловито спросил врач. — Вы трое суток не желали выходить из транса.

— Трое суток! — поразился я. — Нет, господин Пук Дан Шай, придется вашему пациенту изобретать что-

нибудь другое. Делиться счастьем нельзя, это я вам как эксперт говорю!

— Почему? Ведь счастлив должен быть каждый!

— Вот именно! И каждый понимает счастье по-своему. Для вас счастье — вылечить пациента, а для меня — оказаться в самой гуще звездных приключений. Если я передам вам частицу своего счастья, станете ли вы счастливее?

— Понимаю, — удрученно пробормотал Пук Дан Шай. — Что же мне сказать Сто Тридцать Второму Плюс? Он был на пути к выздоровлению, но если узнает, что вы ему отказали...

— То останется психом, верно? И следовательно, сможет сделать еще одно безумное и сумасшедшее изобретение! Разве это не замечательно?

— Может быть, — с сомнением произнес врач. — Но вы не откажетесь ознакомиться с очередным творением, когда оно будет сделано?

— Это моя работа, — гордо произнес я и покинул психолечебницу под рев какого-то пациента, пытавшегося разнести гору, в недрах которой находилась его палата. А может, это всего лишь пробуждался вулкан?

В своем кабинете на Церере я почувствовал себя наконец полностью лишенным чужого счастья бежать по ленте Мебиуса, не имевшей ни конца, ни начала. Я приказал двери не пускать посетителей и прикорнул на диване.

С ПОЗИЦИИ СИЛЫ

Счастье, испытанное пациентом Сто Тридцать Вторым Плюс, ввергло меня в пучину глубочайшей депрессии. «Ах, — думал я, — где взять силы жить в этом жестоком мире, когда приходится отказывать таким замечательным безумцам, как Бурбакис и Сто Тридцать Второй Плюс?»

Мне казалось, что я никогда не вернусь в нормальное, то есть иронично-скептическое, свойственное мне состояние духа. Самое ужасное заключалось в том, что депрессия охватила оба полушария моего мозга, и теперь левое мрачно обсуждало с правым планы ухода в иной мир.

«Да там такая же муть, — сообщало левое. — Я занимался в свое время оккультными науками, и мне хорошо известно, что на том свете ничуть не лучше, чем на этом».

«Зато покойники не страдают депрессией, — отвечало на это правое полушарие, — и если делают гадости своим ближним, то не испытывают после этого мук совести».

Неизвестно, к чему привела бы дискуссия, если бы ее неожиданно не прервал вопль, раздавшийся из телеприемника галактической связи. Судя по высоте тона, меня вызывали если не с Денеба, то как минимум — из туманности Дикий Бустаг.

Я включил приемник, чтобы сказать абоненту, что я о нем думаю, и увидел сияющую физиономию Пук Дан Шая.

— Шекет! — воскликнул он, не обращая внимания на мое депрессивное состояние, выражавшееся в том, что я отошел в дальний угол комнаты и прикрыл руками глаза, чтобы не видеть чужой радости. — Шекет, ваша система обучения продолжает приносить плоды. Только что пациент Аобуаиуба изобрел усилитель силы!

— Усилитель силы, — повторил я с отвращением, — это тавтология. То же самое, что увлажнитель влажности и высушиватель засухи. В патенте отказано.

— Шекет, что с вами? — с беспокойством осведомился Пук Дан Шай.

— Это от счастья, — мрачно сказал я. — От того самого проклятого счастья, которым поделился со мной Сто Тридцать Второй, не помню уж, где у него Плюс, а где Минус.

— А, — с облегчением вздохнул Пук Дан Шай. — Прилетайте, сеанс терапии мигом лишит вас чужого счастья. А заодно познакомьтесь с Аобуаиуба. Жду!

Ради собственного счастья я не сдвинулся бы с места, но не мог же я заставлять ждать Пук Дан Шая, не сделавшего мне не только ничего плохого, но даже и ничего хорошего!

— Все будет великолепно, Шекет, — встретил меня главный псих Галактики, — все будет замечательно, как только вы ознакомитесь с изобретением Аобуаиуба.

— Мне и имени этого не выговорить, — буркнул я. — Существо с таким именем не способно придумать ничего путного.

Не говоря ни слова, Пук Дан Шай подхватил меня под локоть и повел к палате, висевшей в воздухе наподобие гроба Магомета. Аобуаиуба оказался разумным существом с планеты Биини в системе звезды Омикрон Пегаса. Я мрачно выслушал сообщение врача о том, что на Биини нет ничего, кроме воздуха — даже недра планеты настолько разрежены, что

там можно летать на воздушных шарах. Поэтому жители Биини живут в воздушных замках, строят воздушные планы и рожают детей, воздушных, как пирожные.

Аобуаиуба выглядел едва видимым облачком, повисшим под потолком палаты.

— Сила! — воскликнуло облако оглушительным шепотом — будто порыв ветра пронесся по комнате. — Сила! Вот чего бесконечно много во Вселенной и чего всегда не хватает простому разумному существу вроде нас с вами. Разве вы, господин эксперт, отказались бы обладать силой, способной перемещать галактики?

— Зачем мне перемещать галактики? — осведомился я. — Это происходит и без моей помощи.

— Ну так вы можете остановить их движение!

— Зачем? — повторил я. — Пусть движутся, мне это не мешает быть несчастным.

Облачко под потолком едва заметно сгустилось, и Пук Дан Шай сказал мне:

— Шекет, не нужно его нервировать, это все-таки больное существо, мало ли что ему придет на ум...

Я вздохнул, а Аобуаиуба продолжил свои рассуждения.

— Итак, сил во Вселенной более чем достаточно, но распределены они очень неравномерно. Вот, скажем, Аугааа падает на Иуабуу, и вся сила ее уходит на то, чтобы выразить себя, в то время как Оообиини испытывает страдания из-за того, что не имеет сил слиться с Иаобиа...

— Пожалуйста! — взмолился я. — Эти имена сведут меня с ума! Я не хочу становиться вашим соседом по палате! Ближе к делу!

— Хорошо. — Облако под потолком сжалось, стало почти черным, и я отошел в сторону — чего доброго пациент прольет на меня дождь своего гнева. — Хорошо, Шекет. Итак, есть сила, которая обычно используется не там, где нужно. Используем прием вынесения, о котором так увлекательно написано в учебнике по изобретательству.

— Применим, — согласился я.

— Пусть, — продолжал Аобуаиуба, — существо, обладающее силой, размахнется, чтобы убить своего врага. Но враг останется жив и здоров, а сила неожиданно окажет свое действие там, где она действительно необходима — например, при спасении Иуабуу от...

— Понятно, — перебил я. — Избавьте меня от... э-э... Иуа... не важно. Давайте по существу. У вас есть опытный образец вашего прибора?

— Да! — радостно воскликнул Аобуаиуба, и меня сбил с ног шквал его эмоций. С трудом поднявшись на ноги, я почувствовал, что руки мои сдавлены невидимыми обручами, и понял, что хочу того или нет, но в эксперименте по передаче силы на расстояние мне все-таки придется принять участие.

— Выберите объект! — воскликнул Аобуаиуба. — Нечто, способное с силой воздействовать на окружающую среду!

И я тут же подумал о моем незадачливом племяннике Орене Шекете. Я еще о нем не рассказывал — не было повода, но в свое время этот человек испортил мне и своей матери, моей кузине Саре, немало крови. Орен вымахал под два с половиной метра и ударом кулака мог свалить с ног тигра, если бы не был от рождения патологическим трусом. Он боялся даже крылатых тараканов с Ганимеда — самых безобидных созданий в Солнечной системе! Силу свою он всегда использовал тогда, когда это было совершенно не нужно, например, чтобы связать две нитки. Представляете картину? Значит, вы понимаете, как мучилась с Ореном моя кузина Сара.

— Орен Шекет, — сказал я. — Это мой племянник, и сил у него вполне достаточно. Правда, мне не известна система фокусировки вашего прибора, уважаемый Аобуаиуба...

От волнения я даже сумел правильно произнести имя изобретателя!

— Не важно, — послышался голос психа. — Я уловил движение вашей мысли и знаю теперь, о ком идет речь. Индуктор выбран, и я начинаю эксперимент. Назовите объект, к которому должна отойти сила Орена!

— Я бы и сам не прочь... — пробормотал я.

Лучше бы мне этот вариант никогда не пришел в голову!

Не знаю уж, как действовал прибор, сконструированный Аобуаиуба, — он ведь тоже состоял из воздуха, как и сам изобретатель. Но в следующую секунду я неожиданно для самого себя размахнулся и ударил рукой по стене палаты. Заметьте, это была стена из прочного сплава, но лопнула она, как бумага, и палата, будто воздушный шар, из которого выпустили воздух, начала падать на поверхность планеты.

— Спасите! — взвизгнул Пук Дан Шай, который до этого момента молча стоял рядом со мной и наблюдал за состоянием пациента.

Я сделал единственное, что должен был сделать в такой ситуации, — нащупал на груди медальон, надавил на крышку и послал сигнал бедствия в Галактическую службу спасения. Обычно этого было достаточно — спасатели являлись в течение тысячной доли секунды. Но сейчас, к моему ужасу, ничего не произошло — мы продолжали падать, Пук Дан Шай не переставал визжать, а Аобуаиуба, которому опасность разбить себе шею вовсе не угрожала, спокойно возился со своим прибором.

Я пришел в отчаяние. Сейчас у меня была сила моего племянника Орена, а он, следовательно, получил возможность воспользоваться моей слабостью. Иными словами, я пробил стену палаты, когда Орен случайно взмахнул рукой, а он вызвал Службу спасения, когда я решил, что пора это сделать. И сейчас бедняга Орен наверняка удивлялся неожиданному появлению в его комнате галактических спасателей.

Я ничего не мог предпринять, поверхность планеты приближалась слишком быстро. Мимо меня с визгом пролетел Пук Дан Шай, и я даже не успел схватить его за ногу.

Это был конец, и я подумал о том, что недавно ведь и сам хотел покончить счеты с этим неблагоустроенным миром. Но не таким же способом!

— Аобуаиуба! — неожиданно закричал Пук Дан Шай. — Индуктор — Иуабуу!

Я сразу почувствовал изменение в ситуации. Будто мощнейший воздушный поток поднял меня на своем гребне и медленно понес над территорией больницы навстречу заходившему светилу. Чуть ниже меня летел на воздушной подушке переставший визжать Пук Дан Шай, а темное облачко Аобуаиуба следило за нами сверху.

— Что такое? — крикнул я. — Что происходит?

— Аобуаиуба отключил вашего брата, — объяснил врач и перевернулся в воздухе, чтобы лучше видеть меня, — и подключил индуктором своего родственника Иуабуу. Кстати, именно этот тип засадил Аобуаиуба в нашу клинику. Они же там все из воздуха, их сила — это сила воздушных потоков, так что теперь, Шекет, постарайтесь не выходить из образа, пока мы не опустимся на землю.

Я уж постарался! Когда мы с Пук Дан Шаем тихо опустились перед главным корпусом клиники, врач скомандовал:

— Аобуаиуба! Можешь отключить прибор, все в порядке!

— Я получу патент? — прошелестел вопрос.

Пук Дан Шай бросил на меня выразительный взгляд, и мне ничего не оставалось, как сказать:

— Да! Честное слово эксперта!

А как бы вы поступили на моем месте? Начали бы упрямяться, и тогда Аобуаиуба мог бы передать мне силу, с которой астероид врежется в планету? И что тогда? От больницы, от Пук Дан Шая, да и от меня самого ничего бы не осталось!

Вот и пришлось мне, вернувшись на Цереру, написать положительное экспертное заключение на изобретенный господином Аобуаиуба прибор. Написав, я изо всех сил (собственных, не заемных!) ударил кулаком по столу и навсегда зарекся давать сумасшедшим изобретателям какие бы то ни было обещания.

БЕЗ ОЗАРЕНИЯ

За что я люблю сумасшедших — они не способны скрывать своих намерений. Когда речь идет о благих намерениях — например, осчастливить человечество, — к словам пациентов клиники Пук Дан Шая можно относиться спокойно. Но если кто-то из них вдруг заводит речь о том, что намерен покорить Вселенную, тут, я думаю, самое время принимать крутые меры, поскольку от желания до идеи не такой большой путь, а от идеи до ее воплощения путь еще меньше.

Поэтому когда главный врач Галактической психбольницы позвонил мне и сообщил о том, что больной по имени Арузаур изобрел аппарат для уничтожения цивилизаций, я отнесся к его словам чрезвычайно серьезно и вылетел на Альтрогениб-2 ближайшим рейсом лучевого лайнера.

— Хорошо, что вы здесь, Шекет! — такими словами встретил меня Пук Дан Шай. — У нас в запасе всего час, чтобы предотвратить мировую катастрофу!

— Не нужно паниковать, — сурово сказал я. — Не знаю, что придумал этот ваш... Э-Э...

— Арузаур.

— Вот-вот. Не знаю, что он придумал, но для того чтобы построить аппарат, ему нужны материалы, оборудование, а вы, надеюсь, не настолько легкомысленны,

чтобы обеспечить психически ненормальное существо всем необходимым для...

— Арузаур утверждает, что никакое оборудование ему не нужно, — прервал меня Пук Дан Шай. — Он мог бы запустить процесс прямо сейчас, но решил подождать до полудня — из эстетических соображений. А полдень, как вы можете убедиться, наступит через пятьдесят четыре минуты!

— Что же он изобрел, этот Арузаур?

— Не имею ни малейшего представления! — воскликнул Пук Дан Шай. — Пациент отказывается выдать мне формулу изобретения! Он желает говорить только с вами, экспертом Института, поскольку намерен получить патент на уничтожение разума во Вселенной сразу после того, как этот разум будет уничтожен.

— Не вижу логики, — раздраженно сказал я. — Зачем ему патент, если не останется никого, кто бы пожелал оспорить его авторские права?

— Вы говорите о логике, Шекет? — вскричал врач. — Вы забыли, где находитесь!

— Ничего я не забыл, — заявил я, погрешив против истины. — И если у нас мало времени, не будем его терять. Где пациент?

Не говоря ни слова, Пук Дан Шай повел меня в ту сторону, где, как я уже знал, располагался корпус тихопомешанных обитателей планет с нейтронной жизнью. Никогда прежде я не имел дела с представителями нейтронных цивилизаций, они и здоровые представлялись мне чрезвычайно странными. Нейтронники обитали в недрах сверхплотных звезд, я даже слышал, что их находили (правда, мертвыми) в окрестности черных дыр. Размер взрослого нейтронника обычно не больше земной бактерии, а масса тем не менее достигает сотни килограммов, так что подержать нейтронника в руке вам не удастся, даже если вы наденете стальную перчатку.

Помещение, где содержались психически больные нейтронники, было похоже снаружи на батискаф — обычные материалы не могли выдержать давления, создаваемого телом нейтронника, и поддерживать его в подвешенном состоянии приходилось с помощью сверхмощных магнитных полей, к которым, впрочем, он привык на своей далекой родине.

— В чем, кстати, состоит его психическая болезнь? — спросил я Пук Дан Шая, когда мы вошли в приемный покой. — Чем Арузаур отличается от своих соотечественников?

— Он возомнил себя ураганом, Шекет, — объяснил врач. — Вы же знаете, какая у них в недрах нейтронных звезд толкучка! Каждый организм закреплен на своем, от рождения до смерти заданном месте. А этот Арузаур начал двигаться, равновесие нарушилось, и цивилизация чуть не погибла, Галактическая служба спасения едва успела отловить несчастного и доставить сюда.

— Так у него уже есть кое-какой опыт по уничтожению цивилизаций! — воскликнул я, не сдержав удивления.

Мы с Пук Дан Шаем подошли к стереоэкрану, показывавшему, что происходило в палате. Сначала я подумал, что там никого нет, но потом обнаружил висевшую в воздухе горошину. Разумеется, это был не сам Арузаур, а его личная капсула, где он разместился со всем возможным комфортом, включая транслятор речи. Именно с помощью этого транслятора он и произнес фразу, которая раздалась из динамика над моей головой:

— Я не уничтожаю цивилизаций, Шекет! — воскликнул Арузаур. — Это недостойно моего таланта. Я намерен уничтожить разумную жизнь во всей Вселенной. И хочу получить патент на изобретенный мной способ.

— Зачем вам патент... — начал я, но Арузаур перебил меня:

— Не говорите глупостей! Патент должен зафиксировать мое достижение для цивилизаций, которые возникнут в будущем.

— Логично, — согласился я, не желая вступать в спор. — Но чем вас не устраивают уже существующие разумные виды?

— Мы слишком много знаем! Мы уже исследовали все галактики и добрались до границ Вселенной в пространстве и до Большого взрыва во времени! Во Вселенной не осталось ничего, достойного познания. Жизнь становится скучной! Разум превращается в потребителя и начинает жить для собственного удовольствия!

— Разве это плохо? — осторожно спросил я.

— Разум должен познавать! — отрезал Арузаур. — А если он почти все уже познал, нужно его уничтожить, чтобы процесс познания начался заново!

— Вот поистине безумная идея, — пробормотал я, на что Арузаур ответил холодным молчанием.

До полудня оставалось десять минут, и я поспешил задать следующий вопрос:

— Чтобы дать экспертное заключение по вашей проблеме, я должен знать суть изобретения.

— Безусловно, — согласился Арузаур и после короткого молчания неожиданно заявил: — Теперь вы знаете суть, и я жду вашего решения.

Я хотел было сказать, что не привык, когда надо мной смеются — даже если смеются сумасшедшие, — но тут будто молния сверкнула в моем сознании, и я понял, что действительно знаю все, что хотел рассказать мне безумный Арузаур! Я перевел растерянный взгляд на Пук Дан Шая, врач понял мое смущение и объяснил, беспокойно поглядывая на часы:

— Каждый нейтронник способен излучать мысли в виде узконаправленного пучка нейтрино. Я ничего не понял из вашей беседы, поскольку Арузаур направил луч точно в центр вашего мозга. Но сам эффект мне хорошо знаком, мы именно так и общаемся с больными нейтронниками. Скажите, Шекет, это изобретение... Оно действительно опасно?

— Это катастрофа! — мрачно сказал я и попытался как можно короче изложить Пук Дан Шаю суть изобретения Арузаура, поскольку стрелка на часах неумолимо приближалась к полудню и для спасения разумной жизни во Вселенной у нас оставалось всего три минуты.

— Все дело в том, что мы, люди, называем озарением. Можно всю жизнь собирать информацию и изучать проблему, но если не случится озарения, интуитивной догадки, по-настоящему крупная проблема так и останется нерешенной. Вроде бы все есть для решения, кроме самой малости, но... Если вас не осенило, открытие так и не будет сделано!

— Знаю, — согласился Пук Дан Шай. — Я как-то работал над созданием препарата, помогающего...

— Арузаур изобрел способ лишить разум счастья озарения! — воскликнул я, невежливо прервав врача, ударившегося в воспоминания. — Точечные удары нейтринным потоком — и готово! Вы будете всю жизнь биться над проблемой, и вас никогда не осенит.

— Всего-то? — с облегчением вздохнул Пук Дан Шай. — Я уж думал... Даже если Арузаур миллион лет будет вредить нам своим нейтринным пучком, сколько разумных он сможет лишить радости творчества? Ну сто, ну тысячу...

— Вы не понимаете! — воскликнул я. — Арузауру достаточно лишь раз отправить в пространство нейтринный луч определенной мощности и энергии, а дальше процесс

пойдет по нарастающей, ведь во Вселенной существует нейтринный фон, который изменится и станет, в свою очередь, влиять на все мыслительные процессы! Если Арузаур ровно в полдень, как обещал, излучит свою мысль в форме нейтринного луча, цивилизации погибнут, потому что никто и никогда не сможет больше ничего изобрести или открыть!

— Нет ли тут противоречия, Шекет? — осторожно спросил Пук Дан Шай. — Если не будет изобретений, цивилизации попросту превратятся в общество потребителей — а ведь именно это так возмущает Арузаура! Разум-то от этого не погибнет...

— Погибнет! — воскликнул я. — Хватит рассуждать! До полудня двадцать секунд! Я, конечно, не варвар, но у нас нет времени собирать трибунал! Немедленно отключайте в палате Арузаура магнитное поле, ответственность я беру на себя!

— Но пациент умрет! — вскричал Пук Дан Шай. — Я врач, это абсолютно невозможно!

— Иначе погибнут все! Тут нет выбора — ведь и Арузаур погибнет тоже.

Пук Дан Шай продолжал пребывать в ступоре, он так и не смог решить возникшую перед ним моральную дилемму, пришлось мне самому отыскать на пульте регулятор магнитного поля и отвести его к нулю. До полудня оставалась одна секунда.

Что-то шелкнуло в палате, и бедняга Арузаур развалился под действием внутреннего давления на миллиарды не связанных друг с другом нейтронов.

Я убил разумное существо, пусть даже с психическим дефектом, и не испытывал по этому поводу угрызений совести.

— Что я скажу его родственникам? — прошептал потрясенный Пук Дан Шай.

— Правду, — сурово сказал я. — Вы объясните им, что нейтринный фон Вселенной, изменившись, сначала лишит нас радости озарения, а потом способности принимать решения. Сначала — важные, но скоро — любые. Вы не сможете выбрать: пойти направо или налево, выпить чай или кофе, встать с постели или спать до полудня... Разум — это способность выбирать. Иначе...

Я повернулся и пошел прочь. Пук Дан Шай плелся за мной и бормотал под нос:

— Чай или кофе... Убить или помиловать...

— Вот именно, — сказал я, не оборачиваясь. — Вы не сможете выбрать между добром и злом. И говорите, что это не гибель разума?

На Цереру я вернулся на рейсовом лучевике, и всю дорогу меня преследовало выражение муки во взгляде Пук Дан Шая. Я закрыл дверь, отключил коммуникаторы и повалился на диван. Непростое это занятие — спасти разум во Вселенной. Я еще не знал в то время, что мои проблемы с нейтронниками только начинаются.

НАГРАДА ЗА УБИЙСТВО

За свою довольно долгую жизнь мне неоднократно пришлось сидеть в тюрьме, а как-то раз я даже представлял перед судом на планете Бакбук. И все-таки я с волнением ожидал, когда за мной пожалуют представители Галактического правосудия и привлекут к ответственности за убийство (иначе не назовешь!) разумного существа, представителя цивилизации, живущей в недрах нейтронной звезды НД 167743. Я-то знал — и доктор Пук Дан Шай мог подтвердить, — что мой поступок был вынужденным актом самообороны, но это еще предстояло доказать!

Мрачные мысли неожиданно были прерваны словами, прозвучавшими в моей голове — как мне показалось, где-то в районе переносицы:

— Иона Шекет, я не ошибся?

— Кто это? — удивился я вслух, хотя и понял сразу, что на мысленные вопросы можно и отвечать мысленно.

— Иона Шекет, я не ошибся? — повторил тонкий голосок, и мне показалось, что меня что-то начало щекотать изнутри черепной коробки.

— Да, — раздраженно подумал я, — Иона Шекет. С кем имею честь?

— Очень приятно, — прощекотал голос. — Мое имя Зерацубер Седьмой Прим, я адвокат и буду представлять ваши интересы на процессе по обвинению вас в убийстве Зерацубера Восемнадцатого Три Штриха. Убийство совершено вами четыре часа и сорок минут галактического времени назад на планете Альтрогениб-2, в помещении психиатрической...

— Ага, — воскликнул я, — так этого беднягу звали Зерацубер Восемнадцатый с тремя штрихами? А вы

что — его родственник, судя по имени? И где вы, собственно, находитесь, адвокат?

— В Зерацубере, конечно, — прощекотал голос. — Я же сказал — седьмой цивилизационный слой, уровень прим.

— Так вы — нейтронник? То есть, я хочу сказать, житель нейтронной звезды, где проживал бедняга, которого я...

— Совершенно верно!

— Скажите, — полюбопытствовал я, — если вы находитесь сейчас в недрах Зерацубера, то как вы со мной разговариваете?

— Это очень просто, — обиженно прощекотал адвокат. — Направленный нейтринный поток, что тут странного?

— Ну да, — согласился я. — Всю жизнь я только и делал, что принимал нейтринные послания.

Моя ирония осталась неоцененной, и Зерацубер Седьмой Прим продолжал как ни в чем не бывало:

— Я буду защищать вас по представлению Службы свободных адвокатов. Начало процесса через сорок две минуты, поэтому извольте изложить свою версию событий.

— Как через сорок две минуты? — возмутился я. — Я не могу! Я устал! А где ордер? Где камера предварительного заключения? Где мои гражданские права, наконец?

— Дорогой Шекет. — Голос адвоката так щекотал мне изнутри черепа переносицу, что я готов был вывернуться наизнанку, чтобы почесать глазные нервы. — Дорогой Шекет, суд и без того сделал достаточно много. Итак, изложите вашу версию, и я гарантирую вам минимальное наказание.

— Как вы можете что-то гарантировать заранее? — пробормотал я, но не стал дожидаться ответной щекотки и в нескольких словах поведал адвокату, как его психически больной соплеменник решил уничтожить разумную жизнь во Вселенной и как я вынужден был в порядке самообороны рассеять на атомы беднягу Зерацубера Восемнадцатого Три Штриха.

— Понятно, — сказал адвокат, и мне даже показалось, что он зашелестел в моей голове какими-то бумагами, хотя, конечно, это было всего лишь субъективное впечатление. — Какого наказания вы добиваетесь? Я не могу требовать слишком многого, потому что ваше преступление ужасно — убийство есть убийство, какие бы благие цели оно не преследовало.

— Я надеюсь на оправдание, поскольку, как уже говорил...

— Об оправдании не может быть и речи! Убийство — это убийство, и вы сами в нем признались.

— Скажите, — подумал я, — а какова максимальная мера наказания, которой я могу быть подвергнут? Надеюсь, не казнь через повешение? Было бы затруднительно повесить меня, поскольку никакая виселица на поверхности нейтронной звезды не просуществует и секунды — ее раздавит поле тяжести...

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — щекотнул меня адвокат. — Максимальное наказание, которое вы можете получить, — это звание почетного гражданина Зерацубера Первой Линии. Но я вряд ли смогу добиться такого судебного решения. На моей памяти — а я живу по земному счету одиннадцать миллионов лет семь месяцев три дня шесть часов тридцать три минуты и две... нет, уже три секунды... — так вот, на моей памяти звание почетного гражданина Зерацубера присуждалось всего однажды. Это был приговор по делу Зерацубера Сто Пятого Шесть Штрихов, который уничтожил три миллиарда нейтронных организмов, заставив сколлапсировать внутренний разумный слой. Вы убили всего одного Зерацубера, и вам столь суровый приговор не грозит. А потому...

— Стоп, — прервал я словоохотливого адвоката. — Давайте внесем ясность. Звание почетного гражданина — это наказание или что-то противоположное?

— Это высокое наказание, к которому суд приговаривает за наиболее серьезные преступления, в число которых входит и убийство.

— Какое же это наказание? — продолжал недоумевать я. — Я убил Зерацубера! И меня же... А вы, адвокат, в чем ваша задача?

— Как это — в чем? Обвинитель будет требовать, чтобы вас ввели в состав Академии физиков Зерацубера, а мое дело — доказать, что с вас достаточно простого звания почетного гражданина!

— Меня наказывать собираются за убийство, в конце-то концов, или награждать? — в совершенном отчаянии что бы то ни было понять воскликнул я и для убедительности хлопнул себя ладонью по лбу.

— Наказывать! — поддавшись моему настроению, воскликнул Зерацубер Седьмой Штрих.

— Скажите-ка, — вкрадчиво задал я провокационный вопрос, — а какова на вашем Зерацубере самая большая награда, которой удостоивают избранных?

— О! — Щекотка адвокатской речи так достала меня, что я принялся колотить себя обеими руками. — Самая

большая награда, мечта каждого Зерацубера: распыление на частицы, полная нейтронизация, чтобы ни единого электрона... Но это практически невозможно...

— Итак, — сделал я свой вывод, — если я правильно вас понял, господин адвокат, то мечта каждого жителя вашей нейтронной звезды — это быть уничтоженным на веки вечные?

— Разумеется! Что в этом удивительного?

— Видите ли, — сказал я, — на приличных планетах разумные существа мечтают жить долго и счастливо, а за убийство, бывает, приговаривают к пожизненному заключению, поскольку смертная казнь на большинстве планет Галактики отменена.

— Ох, — вздохнул адвокат. — Мы, зерацуберы, или, как вы нас называете, нейтронники, практически бессмертны. Сгусток нейтронов, если он расположен в недрах нейтронной звезды, может существовать вечно — во всяком случае, пока существует Вселенная. Ну, проживешь миллиард лет, и так надоедает... Начинаешь мечтать об уничтожении! Но это невозможно. Как может один нейтронник уничтожить другого, если даже самой природе это не по силам? Иногда просишь приятеля: ну попробуй, давай соорудим ядерный канал, направим электронный пучок... Обычно ничего не получается. Но иногда возникают благоприятные условия, и кому-то из счастливицов удается покинуть этот мир. Тогда его убийцу, естественно, судят и приговаривают, скажем, к почетному званию приват-доцента... Это в самом простом случае.

— Понятно, — произнес я задумчиво. — А что мне будет, если я явлюсь на ваш Зерацубер и уничтожу весь верхний цивилизационный слой?

— О! — Щекотка адвоката была полна экстаза. — Вас приговорили бы к высшей мере! Может, даже сделали бы руководителем нашей Академии! Я мог бы быть вашим адвокатом, кстати говоря. Но неужели у вас есть способ совершить то, о чем вы говорите?

— Нет, — признался я после короткого раздумья. Действительно, откуда у простого эксперта по безумным изобретениям такие возможности? Чтобы снять слой с нейтронной звезды, нужна такая энергия, какую вряд ли вырабатывают за год все энергостанции Солнечной системы!

— Жаль, — сказал адвокат и продолжил с неожиданным воодушевлением. — Но ведь вы сумели разделаться с Зерацубером Восемнадцатым Три Штриха! Почему бы

вам не сделать этого, например, со мной? Конечно, второго убийства мои соплеменники вам точно не простят и обязательно приговорят к пожизненной должности декана исторического факультета Главного университета Зерацубера. Но если вы считаете, что такое наказание вас устроит...

— Не думаю, — сказал я. — Плохо представляю, как бы я стал преподавать студентам, которых не смогу увидеть даже в микроскоп.

— Жаль, — повторил адвокат и неожиданно заговорил настолько сухим и официальным тоном, что у меня в голове даже чесаться перестало. — Итак, Иона Шекет, суд только что состоялся и вынес свой вердикт. Мое слово защитника было, конечно, принято во внимание, тем не менее избежать наказания не удалось. Вы приговариваетесь к почетному званию заслуженного эксперта Академии наук Зерацубера. К исполнению обязанностей можете приступить в любое удобное для вас время. На этом мои обязанности исчерпаны, и я прерываю диалог.

— Погодите! — воскликнул я, но было поздно: щеколка прекратилась, адвокат Зерацубер Седьмой Штрих исчез из моего сознания.

Как и сорок минут назад, я сидел на диване в своем кабинете на Церере, но теперь я ощущал себя не убийцей, а благодетелем. Что до нового звания, то не думаю, что меня оно могло отяготить. В конце концов, разве я не был почетным членом десятка других Академий и доктором самых разнообразных наук?

Я вздохнул, отер со лба пот и поблагодарил небо за то, что родился человеком, а не нейтронником, вынужденным жить столько, сколько существует Вселенная.

СПАСИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

Память — странная штука. Думаешь о чем-то, и вдруг из так называемой глубины подсознания поднимается воспоминание, которое тебе в данный момент совершенно ни к чему. А в иной момент и хочешь вспомнить, что было, но не вспоминается.

Это я к тому говорю, что, диктуя компьютеру рассказ о моих удивительных приключениях, я неожиданно вспомнил Чипакутра Экива. Зачем, скажите на милость, мне нуж-

но было вспоминать этого заносчивого типа, возможно, даже гения, но все-таки очень неприятную личность? Однако ухмылявшиеся физиономии Экивы так и стояли перед глазами, мешая сосредоточиться, и я сказал компьютеру:

— Погоди-ка... Я вспомнил одного типа, и пока не забыл, давай-ка запишем...

— Эти люди, — заявил компьютер, — так непостоянны. А Шекет не способен сосредоточиться даже на полчаса.

Я пропустил выпад мимо ушей, поскольку хорошо знал характер своего компьютера.

— Готов? — спросил я.

— Ну, — нетерпеливо сказал компьютер.

— Чипакутр Экив был рожден на Иштихе-2, — начал я, — и это уже говорит о многом. У них там все двойится, поскольку в недрах планеты находится небольшая черная дыра, искажающая силовые линии пространства-времени. Очень интересно для экскурсантов, но для коренных жителей — источник неприятностей. Если они строят город, то точно такой же появляется сам по себе на противоположной стороне планеты. Когда рождается младенец, у него непременно либо две головы, либо два туловища, либо сам он раздваивается и живет как бы двумя жизнями сразу. Так вот, Чипакутр Экив обладал двумя физиономиями на одной голове, и зрелище это было настолько непривычным, что даже я, много чего повидавший на белом свете, пришел в смятение, когда этот тип явился ко мне на прием и заявил, что сделал гениальное изобретение.

— Я изложу, а вы слушайте, — сказал Чипакутр Экив, и я, еще не придя в себя от изумления, спросил:

— Кого из вас слушать?

Дело в том, что оба рта посетителя говорили разом, и хотя сказанные слова были одинаковы, звучали они не одновременно, что создавало очень неприятное ощущение эха.

— Я здесь один, — недовольно сказал Чипакутр Экив обоими ртами, причем первый рот скривился в усмешке, а другой мило улыбнулся, будто девица, которой сказали, что она похожа на свою покойную бабушку.

— Я веду запись беседы, — сухо сказал я, — и звуковая интерференция, создаваемая вами, не способствует качеству...

Четыре глаза Чипакутра Экива уставились на меня — два со злостью, два — с недоумением, но мозг-то у посети-

теля был один, и принятое им решение все-таки обладало определенной логикой, а не шизофренической раздвоенностью.

— Излагать суть изобретения будет мое левое лицо, — заявил посетитель, — а отвечать на ваши вопросы — правое. Устроит?

— Безусловно, — поспешно согласился я.

— Замечательно, — сказал левый рот, в то время как правый демонстративно поджал губы. — Итак, речь пойдет о том, что в недалеком будущем нашу Вселенную ожидают неприятные времена. Если говорить точно — катастрофа.

— Вот как? — Я не смог сдержат саркастической усмешки. С подобными типами я уже встречался. Размышлять они могут только о мироздании в целом, а сами не отличают метеор от метеорита. — И сколько же нам осталось?

— Очень мало, — сказал правый рот, в то время как левый застыл, выставив на обозрение сотню маленьких зубов.

— Значит, я еще успею получить отпуск и устроить свои дела, — констатировал я. — Но если Вселенную ожидает гибель, то зачем вы хотите получить патент на изобретение? Ведь оно все равно никому не понадобится!

— Мое изобретение, — сказал левый рот, — поможет избежать катастрофы, если вы изволите наконец выслушать меня до конца.

Я молча кивнул и закрыл глаза, чтобы не видеть игры эмоций на обеих физиономиях Чипакутра Экива.

— Да будет вам известно, что Вселенная расширяется, — заявил изобретатель таким тоном, будто сам только что обнаружил это удивительное обстоятельство. — Более того, расширение замедляется и может в конце концов смениться сжатием.

— Это давно известно, — не удержался я от замечания. — Расширение сменится сжатием примерно через тридцать миллиардов лет.

— Чушь! — воскликнул Чипакутр Экив. — Вселенная расширяется, как мяч, в который вдувают воздух. Вы были ребенком, Шекет? Подозреваю, что да. Вы надували воздушный шар? Тогда вы знаете, что сначала дело идет легко, и шар увеличивается на глазах. Но потом становится все труднее вдувать новую порцию воздуха и наконец... Что наконец, Шекет?

Я открыл глаза и увидел, что Чипакутр Экив замер в ожидании. Оба его рта расплылись в презрительной ухмылке — он воображал, что я не смогу ответить!

— Возможны два варианта, — сухо сказал я. — Первый: вы перестанете вдвухать воздух, и шар постепенно сожмется. Второй: вы продолжите, и шар в конце концов лопнет.

— Вы не так глупы, каким кажетесь, — пробормотали оба рта.

— Да, — признал я. — Мне все это говорят. Однако вы меня заинтересовали! Вы полагаете, что наша Вселенная может лопнуть, будто воздушный шар?

— Это очевидно! Вы сами признали: расширение замедляется. Значит, оно или сменится сжатием через десятки миллиардов лет, или... Все лопнет, Шекет! И произойдет это очень скоро, по моим расчетам — лет через сто—сто двадцать. Вы-то столько не проживете, но ваши дети...

— У меня нет детей, — сказал я.

— Предусмотрительно, — похвалил Чипакутр Экив. — Тогда подумайте о племянниках и остальном человечестве, не говоря о разумных существах с иных планет — например, обо мне!

— Подумал, — сказал я, — и мне ужасно жаль, что Вселенная вот-вот лопнет. Но что я могу сделать?

— Дать патент на мое изобретение, и я спасу Вселенную!

Конечно, как я не догадался? А если я откажу в патенте, то пусть Вселенная лопаается? Все изобретатели — ужасные эгоисты, дискета в руке для них важнее звезд в небе.

— Оставьте заявку, — предложил я, — и приходите завтра, я сообщу свое заключение.

— Нет, — твердо сказал Чипакутр Экив, скорчив обе физиономии в страшных гримасах. — Сейчас! Я не могу доверить столь ценные материалы...

Пришлось согласиться — а как бы вы поступили на моем месте? К тому же мне хотелось знать, что произойдет со Вселенной, когда она лопнет.

И знаете, то, что продемонстрировал мне Чипакутр Экив, впечатлило. Изобретатель использовал старый, как век, метод виртуальной реальности — иными словами, погрузил меня в свой компьютер, я даже и воспротивиться не успел. Что-то хрюкнуло, щелкнуло, и я ощутил себя Вселенной — не более и не менее.

Пренеприятное ощущение, должен признать. Вы можете вообразить себя воздушным шаром, в который вдвухают воздух? Ну так это цветочки по сравнению со Вселенной, в которой возникает и расширяется новое пространство.

Какая-то сила растаскивала меня в разные стороны, и я чувствовал, что вот-вот... нет, не лопну, это была бы слишком легкая смерть! Я стану другим, не буду больше самим собой, и мои внутренние органы — все эти печенки-селезенки — заживут своей жизнью в другом пространстве, а из мозга моего понаделают пончиков, и кто-то будет их есть, ухмыляясь и думая о том, что был, дескать, такой Иона Шекет, да вот лопнул, и туда ему, сами понимаете, дорога...

Мог я пережить такое?

Когда Чипакутр Экив выпустил меня из своего компьютера, я с трудом пришел в себя, выпил холодного пива — посетителю, конечно, не предложил, для аборигенов Иштихи-2 пиво все равно что для нас серная кислота — и сказал, не узнавая собственного голоса:

— Ваше предложение!

— Давно бы так, — скривились губы у левого лица, а правое стало таким важным, будто речь шла не более и не менее, как о спасении Вселенной. Собственно, так ведь и было!

— Проще всего объяснить суть моего изобретения, — сказал левый рот Чипакутра Экива, в то время как правый ухмылялся, демонстрируя собственное превосходство, — с помощью виртуальной технологии.

— Нет! — твердо сказал я. — С меня достаточно демонстрационного показа. Излагайте теорию.

И Чипакутр Экив изложил: левый рот произносил заученный текст, а правый отвечал на мои вопросы, которых было, конечно, великое множество.

Если вкратце, то Чипакутр Экив изобрел машину для отсасывания пространства из нашей Вселенной. Как если бы вы надували шарик, а в это время ваш приятель выпускал из шарика воздух, проделав в нем маленькое отверстие. Вселенная перестала бы расширяться, галактики застыли бы на месте, и все стало бы хорошо — навсегда.

И все бы ничего, но вот что меня смутило в предложении Чипакутра Экива: оказывается, единственными разумными существами, способными работать с его прибором, были аборигены Иштихи-2. В общем, без моего клиента и его сородичей Вселенной не жить.

И если я выдам патент, раса Чипакутра Экива заберет себе такую власть — не над Вселенной, а над всеми остальными цивилизациями, жизнь которых окажется в зави-

симости от настроения жителей Иштихи-2! — перед которой тирания Чингизхана или Сталина окажется милой прогулкой по холмам истории.

Но если я откажу в патенте, Вселенная лопнет, и произойдет это всего через какую-то сотню лет!

Хороша была дилемма, не правда ли? Как бы вы поступили на моем месте? Решать, между прочим, нужно было в считанные секунды, обе физиономии Чипакутра Экива превратились в злые маски, и терпение его грозило вот-вот лопнуть, предварив участь Вселенной.

— А вы успеете изготовить вашу аппаратуру для отсасывания пространства? — спросил я, чтобы выиграть время.

— Да, — нетерпеливо сказал Чипакутр Экив, — если вы немедленно выдадите патент.

— Хорошо, — согласился я, и обе морды изобретателя озарились радостными улыбками. — Но вы должны будете изготовить и продемонстрировать опытный образец.

— Да-да, — сказал Чипакутр Экив. — Пожалуйста, какие проблемы?

— Никаких, — пробормотал я, и минуту спустя вожденное удостоверение оказалось введенным в компьютер Института безумных изобретений. Чипакутр Экив на радостях даже забыл попрощаться. Я лишь успел крикнуть ему вслед:

— Имейте в виду! Без опытной демонстрации патент недействителен!

— Да! Да! — воскликнули оба рта, и Чипакутр Экив навсегда исчез из моего поля зрения.

Я облегченно вздохнул и подумал, что именно обо мне, Ионе Шекете, благодарные потомки будут вспоминать как о спасителе Вселенной. Ведь для того чтобы продемонстрировать действие аппаратуры, Чипакутру Экиву придется сначала создать аналог нашей Вселенной, дожидаться, пока в его изделии возникнут недопустимые напряжения... Пусть потрудится.

ВО ВСЕХ МИРАХ

Годы моей работы в Институте безумных изобретений я вспоминаю с ностальгией — это было светлое время, когда я узнавал много нового, часто странного, иногда глупого, но всегда интересного. Конечно, клиент попадался разный — изобретатели вообще существа сложные, особенно те из

них, кто принадлежал к цивилизациям негуманоидного типа
Чего стоил один Бурбакис с его планетами!

Покинул я институт не по своей воле — руководство обвинило меня в превышении полномочий, хотя, как мне казалось, я ни сном ни духом не предполагал, что поступаю не так, как требуют служебные предписания.

Впрочем, по порядку.

Я уже привык к тому, что Пук Дан Шай, главный врач Галактической психиатрической клиники на Альтрогениб-2, звонил мне в начале рабочего дня и сообщал о том, что очередной его пациент изобрел нечто такое... такое... Тут добрый Пук Дан Шай начинал заикаться от восторга, и мне приходилось бросать все дела, мчаться на Альтрогениб-2 и разбираться в ситуации. Обычно восторги врача оказывались преувеличенными, но несколько случаев были действительно весьма примечательны.

Поэтому я не удивился, когда Пук Дан Шай появился в поле моего стереовизора и возопил:

— Шекет, умоляю, скорее! Мы потеряем или изобретение, или пациента!

Я знал, что спорить с Пук Дан Шаем так же бессмысленно, как пытаться остановить разбегание галактик. Пришлось лететь на Альтрогениб-2. Через два часа пустого временипрепровождения в нуль-пространстве я оказался на посадочном поле клиники, и врач встретил меня словами:

— Новое изобретение перевернет мир!

— Только этого не хватало, — возмутился я.

Пациент, к которому привел меня Пук Дан Шай, представлял собой столик на гнутых ножках, на котором стоял граммофон производства начала двадцатого века. Из рупора лились чистые звуки странной мелодии. Я обернулся к Пук Дан Шаю:

— Что с переводом? Я не понимаю языков музыкалоидных цивилизаций — мне в детстве на ухо наступил медведь.

Пук Дан Шай быстрым движением воткнул мне в мочку уха иглу-переводчик, и я услышал:

— Какое счастье, что вы посетили меня, господа! Я изобрел наконец способ совмещения видимого со слышимым, и мне осталось совсем немного, чтобы совместить слышимое с осязаемым. Если вы потерпите две-три минуты...

И сразу, без перехода:

— Ваше величество, я ваш преданный слуга, сегодня же я выполняю ваше поручение, и вы получите полную информацию.

И тут же:

— Доклад, который я вам прочитаю, уважаемые слушатели, касается принципов перемещения между параллельными пространствами с различно расположенными симметриями...

— У вашего пациента, видимо, классический случай галактической шизофрении, — сказал я, вытаскивая переводчика из мочки уха. — Он ощущает себя то собой, то каким-то слугой короля, то докладчиком на конгрессе...

— Да, — кивнул Пук Дан Шай, — такой диагноз поставили бедняге Соль-Си-До-Фа-диезу мои коллеги. На самом деле все гораздо сложнее. Именно поэтому я вызвал вас, Шекет, а не своих коллег-психиатров.

Видите ли, — продолжал главный врач, немного успокоившись и отведя меня в сторону от дрыгавшего ножками и извергавшего мелодии столика, — Соль-Си-До-Фа-диез уникален, поскольку, единственный из известных мне разумных существ, живет одновременно в четырех различных мирах. Физически он существует в нашем мире — вы можете в этом убедиться, подойдя и потрогав поверхность Соль-Си-До-Фа-диеза своими руками. Но видит пациент вовсе не наш мир, а какой-то другой. Слышит он при этом звуки из третьего мира, а осязает своими присосками мир совсем уже четвертый. Это само по себе способно доставить массу неудобств — представьте, что вы живете в одном месте, видите другое, слышите третье, а ощущаете четвертое! Но у Соль-Си-До-Фа-диеза ситуация еще сложнее и неприятнее — миры его сознания меняются местами чуть ли не каждые пять минут! Сейчас он, к примеру, видит то, что происходит во Вселенной номер один, слышит то, что делается во Вселенной номер два, а ощущает происходящее во Вселенной номер три. Через минуту он видит Вселенную-два, слышит Вселенную-три, а ощущает Вселенную-один.

— Кошмар! — искренне посочувствовал я бедняге Соль-Си-До-Фа-диезу. — И что, все эти Вселенные реальны? Они не являются плодом его больного воображения?

— У Соль-Си-До-Фа-диеза вообще нет воображения, Шекет! Он сообщает только то, что доступно органам его чувств.

— Как же я буду общаться с вашим пациентом, если он видит, как вы сказали, Вселенную-два, а слышит Вселенную-три?

— Только мысленно! Только через аппарат для лечения шизофрении, который позволяет общаться с пациентами на эмоциональном уровне. Идемте сюда...

И Пук Дан Шай ввел меня в маленькую кабинку, из которой можно было наблюдать за тем, как Соль-Си-До-Фа-диез, перебирая ножками на манер арабского скакуна, бродил по палате, то и дело натыкаясь на препятствия, которые, судя по всему, существовали вовсе не в нашем мире, а в каком-то другом. Нацепив мне на виски датчики-присоски очень старой модели, Пук Дан Шай сказал:

— Задавайте вопросы.

И я мгновенно оказался в океане звуков — это были симфонии, наложенные на сонаты с примесью фортепьянных концертов и переложений для гитары. Щелчок, и все эти мелодии, от которых я сам чуть было не сошел с ума, превратились в обычную речь, сбивчивую, правда, но вполне разумную:

— Шекет, как хорошо, что институт все-таки заинтересовался моим изобретением! Вам откроются новые миры! Как хорошо, что вы увидите холмы Иссазара...

— Должно быть, вам очень трудно жить, — осторожно заметил я, — если видеть одно, слышать другое, а осязать третье...

— Очень трудно, очень! Я вижу мир короля Густияра, но совершенно не слышу того, что там происходит. А слышу я все, что делается в мире Аврита, где сейчас идет совещание по проблеме перекрестных восприятий.

— Простите, — сказал я, — я хотел бы знать, в чем состоит заявленное вами безумное изобретение.

— Вот его формулировка: «Аппарат для рассортировки визуальных, слуховых и тактильных ощущений». Мой аппарат даст вам всем возможность жить одновременно минимум в четырех мирах.

— У нас есть личности, которые воображают, что живут именно так, — заметил я. — Мы называем их шизофрениками и лечим. Кстати, вас здесь пытались лечить именно от этой болезни.

— Я здоров! А вы не понимаете, как это интересно — проживать одновременно четыре жизни. Мой аппарат позволит вам проживать сразу столько жизней, сколько захотите — сто, двести, миллион! Полнота жизни станет необыкновенной!

— Как это возможно? — скептически осведомился я. — Три мира — да, я понимаю. Видеть одно, слышать другое, осязать третье. Могу даже добавить обоняние и вкус — четвертый и пятый миры. Но миллион...

— Именно миллион! Я использовал известный из курса теории изобретательства принцип дробления во времени. Каждое мгновение вы ощущаете один из миров, в следующее мгновение — другой, потом — третий. Все это складывается последовательно, и вы одновременно ощущаете все миры...

— Господи! — воскликнул я. — Избавь нас от этого кошмара! Согласен, это действительно безумное изобретение...

— Которое в миллион раз расширяет рамки вашего унылого существования!

— Пусть так. Но сознание не приспособлено к...

— Чепуха! Сознание вполне нормально воспримет и миллиард миров, нужна только тренировка, это будет темой моего следующего изобретения. Я готов хоть сейчас продемонстрировать вам работу моего аппарата.

— Как? — удивился я. — Вы сумели построить опытный образец?

— Разумеется! В том мире, с которым я связан осязательными ощущениями.

— А... — разочарованно сказал я. — Ничего не получится. Аппарат ваш находится в том мире, а я — в этом.

— Вы не понимаете, Шекет! Аппарат может дробить ваше восприятие миров, но может и объединять их, а потому... Сейчас я включу...

Я не мог воспрепятствовать: столик с граммофоном дрыгнул ножками, переключив, должно быть, что-то в другом мире, и сразу...

Я прошу у читателя прощения. Описать словами то, что я испытал в последовавшие три минуты, у меня нет возможности. Согласитесь, никакая бумага и никакое компьютерное пространство не выдержат, если рассказывать о жизни одновременно в пятидесяти шести мирах — именно столько вкатил мне Соль-Си-До-Фа-диез, будь он неладен!

Когда аппарат отключился, я помнил только то, что это было кошмарно, замечательно, волнующе, отвратительно, великолепно и подло. Все остальное смешалось в цвете, породив полную белизну в воспоминании. И в звуке смешалось тоже, отчего возник шум, который, должно быть, существовал до того, как Господь сотворил Вселенную из хаоса.

Несколько минут (а может — час?) я сидел, тупо глядя в пустую стену, а потом сделал то единственное, что, как мне казалось, должен был сделать.

— Включите-ка аппарат на минутку, — обратился я к Соль-Си-До-Фа-диезу, и когда воодушевленный изобретатель вновь дрыгнул своими конечностями, я мгновенно нащупал (интересно, в каком из миров мои ощущения в тот момент находились?) гладкую поверхность столика с граммофоном, надавил на нее всем весом, ощутил хруст и... не успел перескочить в другой мир.

Передо мной была палата Соль-Си-До-Фа-диеза, а сам пациент неподвижно застыл посреди комнаты — ну действительно столик, да и только.

— Вы его убили, Шекет! — гневным шепотом произнес Пук Дан Шай, стоявший рядом со мной.

— Я его вылечил, — буркнул я. — И спас мир от изобретения, которое могло бы нас уничтожить. По сути, ваш Соль-Си-До-Фа-диез изобрел такой наркотик, от которого нет спасения. Жить в миллионах миров одновременно!

— Вы его убили, Шекет, — продолжал повторять Пук Дан Шай. — Зачем вы это сделали?

Что я мог объяснить? Я молча отодвинул врача от двери и вернулся на Цереру с сознанием выполненного долга.

Не прошло и часа, как мне сообщили, что я уволен, поскольку превысил полномочия. Я ведь эксперт по безумным изобретениям, верно? Почему же я взялся лечить галактическую шизофрению и довел пациента до летального исхода?

Можете быть свободны, Шекет!

Я вовсе не жалел, что расстался с Институтом безумных изобретений, ведь это позволило мне вернуться к деятельности, которую я так любил много лет назад.

Впрочем, это уже другая история.

РАССКАЗЫ

Владимир Михайлов

ОТРАБОТАВШИЙ ИНСТРУМЕНТ ОТПРАВЛЯЮТ В ПЕРЕПЛАВКУ

— Я повторяю: мы вовсе не туда летели. Не на Кухню. У нас было совершенно другое задание. Мы должны были сесть на номере третьем в системе Голубой Ящерицы и провести обычный цикл анализов, стандартный, для решения вопроса о заселении *этой* планеты — только и всего. Ну, вы знаете эту программу. К ее выполнению мы были готовы. После старта в прыжок вошли нормально, без всяких нарушений. И в узле развернулись тоже без замечаний — гладко, спокойно, без единого вопроса, еще посмеялись тогда: если и всегда было бы так, мы, пожалуй, и летать бы разучились!

Наверное, не стоило нам говорить такое: кто-то там — или что-то, сверх нашего разума — все слышит и делает свои выводы; мы все в *это* верим, только вслух не признаемся. Так или иначе, едва мы успокоились, все и принялось раскручиваться.

Конечно, все — и вы в том числе — что-то слышали о пространственных штормах. Всегда найдется в компании человек, готовый рассказать о них; но если начнете расспрашивать его всерьез, то окажется, что сам он в такие переделки не попадал, а слышал от других; копните еще глубже — и убедитесь в том, что и они только повторяют сказанное какими-то третьими — и так далее, и до подлинного очевидца вам никогда не добраться. Так вот, на эту тему мы можем говорить совершенно авторитетно, потому что прошли через это; не все мы, понятно, а те, кто еще способен говорить.

Излагаю. Начинается все с полного отказа всех средств ориентирования в сопространстве. Нет, они не замирают на нулях; но начинают выдавать такие данные, каких быть вообще не должно. Сначала вы решаете, что просто где-то в главной схеме что-то закоротило, и если что-то ненормальное и происходит, то только в нашей сети, а не в природе. Например? Да ради Бога, пожалуйста. Всем известно, что ориентирование и локализация в СП происходит по узлам и силовым линиям, других способов нет и быть не может — просто потому, что там ничего другого и нет, только линии и узлы. Они стабильны, так что если вы фиксируете свою неподвижность относительно узловой точки, в которую вышли, то знаете, что вы неподвижны и по отношению ко всем остальным узлам, сколько бы их ни было — а сколько их на самом деле, нам не известно, скорее всего бесконечно большое количество. И вдруг ваши приборы начинают убеждать вас в том, что узел, к которому вы только что привязались, начал перемещаться относительно прочих узлов, и те, в свою очередь, сорвались со своих мест; СП, которое до сих пор представлялось вам, по определению, как бы сферой бесконечно большого радиуса, начинает менять конфигурацию, превращаясь в нечто веретенообразное, в этакий огурец, силовые линии соответственно деформируются, и насаженные на эту решетку узлы, естественно, тоже — и к тому же вся эта система, превратившись в эллипсоид, начинает вращаться вокруг длинной оси, так что возникает та еще карусель. Того, кто ухитрился в это время оказаться в прыжке, крутит вокруг узловой точки, точку эту — относительно определившейся оси сопространства, а СП-локаторы показывают вам, что узлы вращаются вокруг этой оси с разной скоростью, в зависимости от удаления от нее. Тут вы очень быстро приходите к выводу, что изотропность сопространства осталась в прошлом — и вот вам начинает мерещиться, что эта самая ось, в дополнение ко всему, принимается сначала медленно, потом все быстрее и увереннее вращаться в определенной плоскости вокруг одного из узлов, до сих пор ничем не отличавшегося от прочих. Возникает такая центрифуга, на которой вас крутит в двух плоскостях сразу, так что вам хочется только закрыть глаза и ничего этого не видеть. А когда вам кажется, что вы уже как-то притерпелись к этому, — крутеж начинается вокруг другого узла, так что у вас исчезают последние остатки представлений, что где и что как. Полное недоразумение, и вы готовы, от сознания собственного бессилия, бить посу-

ду, крушить мониторы и чуть ли не устроить коллективную драку, потому что адреналин в ваших сосудах уже вскипел, и если не стравить давление, то вас самого разнесет в клочья — так, во всяком случае, вам кажется. В конце концов, на ваш взболтанный ум приходит веселая мысль: если уж такое происходит в сопространстве, которое, по современным взглядам, является сферой, окруженной нашим обычным пространством трех дименсий, если уж здесь такой бардак, то от нашего мира, надо полагать, и вообще ничего не осталось — одна сверхтуманность в лучшем случае, так что надо ли продлять свое существование? Да, лезло и такое в мозги.

Хотя — таково, разумеется, только мое восприятие. Наверное, другие наши ребята вспомнят происходившее тогда как-то иначе — это будет только естественно. Потом мы между собой об этом не говорили, чтобы не пробуждать в себе заново вредных воспоминаний — но в первую очередь, вероятно, потому, что дальнейшее оказалось куда более достойной темой для обсуждения. Да, сейчас я к этому перейду, сейчас-сейчас. Хочу только перед тем добавить, что все-таки наши черные ящики все происходившее тогда исправно писали, и анализ записей, который, в общих чертах, закончился как раз сегодня, вроде бы подтверждает, что мое восприятие происходившего — то, о чем я вам только что доложил — в общем соответствует тому, что зафиксировали приборы. Вот на чем я и закончу свою, так сказать, вводную часть, предисловие или, если угодно, увертюру. Потому что основное действие началось лишь после того, как положенная мною свистопляска прекратилась; кстати, продолжалось все неполных три часа по нашему, независимому времени. И еще вот что, чтобы больше к этой теме не возвращаться: когда — уже после всего — мы вспорхнули и, пройдя все фазы полета, вывалились в родное трехмерное, впечатление оказалось таким, что тот СП-ураган здесь остался просто незамеченным, если в чем-то он и проявился, то это прошло без внимания. Видимо, наше взаимодействие с СП на самом деле намного слабее, чем принято считать, и, пожалуй, кому-нибудь стоило бы этим заняться, поскольку напрашиваются интересные выводы.

Теперь, если вы не устали слушать, перейду к главному.

Итак, когда все в СП успокоилось и мы, в общем придя в себя, попытались определиться, то очень быстро пришли к выводу, что не то чтобы мы заблудились, но нас, если можно так выразиться, заблудили. Мы по-прежнему

находились в том узле, в который успели прийти, но сам-то узел оказался непонятно где — во всяком случае, не там, где раньше, и силовые линии были не теми, каким полагалось быть. Естественно, мы попытались их идентифицировать, все-таки та часть СП, через которую пролегают наши трассы, худо-бедно, но все же закартирована. Где-то часа через полтора очень внимательного просмотра имевшейся сопрографической документации пришлось прийти к не самому утешительному выводу, а именно — что нас занесло на белое пятно, ни более ни менее. В такое примерно, какие существовали в географии земного раннего средневековья, когда на картах обозначались территории, где никто не бывал и о которых не было известно абсолютно ничего. Прослеженные силовые линии обрывались на границе этого пятна, можно было, конечно, предположительно, пунктиром продолжить их — но это нимало не гарантировало, что они именно так и проходят на самом деле: в известной нам части СП линии вовсе не похожи на меридианы и параллели на глобусе, а скорее напоминают русла рек. И вокруг себя мы могли определить сколько-нибудь достоверно только короткие отрезки линий, на скрещении которых оказался наш узел, а куда приведет любая из них, никакой анализ определить не мог. Впору было повесить тут вывеску с текстом, встречавшимся на тех картах, о которых я только что упоминал: «*Hic sunt leones*» — тут живут львы; желающим предоставлялось проверить это утверждение, если им жить надоело. Мы бы и повесили, если бы было, к чему ее прицепить. Но в корабельную память эти слова мы загнали, нам тогда казалось, что это очень остроумно, а кроме того, в какой-то мере соответствовало истине: мы-то там, несомненно, находились и после пережитого именно львами себя и ощущали.

Но и львам надо было выбираться из этого обиталища, совершенно ясно. Вообще все было ясно, кроме того — какую линию выбрать для выхода. Логика тут помочь никак не могла, надеяться стоило только на интуицию, и трое из нас, в числе их и ваш покорный слуга, изолировавшись от прочих, стали вслушиваться в свои внутренние шорохи. В результате через какие-нибудь полчаса мы, двумя голосами против одного, установились на предпочтительном направлении. Ничего другого все равно не придумать было, и Мастер сказал, что так и будем выходить, а что получится — там видно будет.

Поскольку я тут ничего не говорил о повреждениях, полученных нашим корабликом во время заварухи, вы

могли прийти к выводу, что дело обошлось без них; как говорится, вы будете смеяться, но так оно и было, не иначе, как Высшая власть вняла нашим подсознательным молениям. Так что после обязательной проверки состояния машины мы вздохнули с очень-очень большим облегчением и занялись рутинными делами: подготовкой к выходу в нормальное пространство и самим выходом. О том, где мы в результате окажемся, никто тогда не думал: все понимали, что главное — оказаться где угодно, лишь бы место можно было бы привязать к нашему галактическому витку. Задание на выход, спущенное в кваркштурман, было весьма лаконичным: в момент выхода искать ближайший источник тяготения, к которому мы могли бы привязаться, идентифицировать его и, таким образом локализовавшись, в зависимости от результата, решать вопрос: надо ли нам искать возвращения на потерянный курс и продолжать таким образом выполнение экспедиционного задания — или же, если так будет ближе, взять курс на Землю и там начать все сначала, с азов, то есть с полного обследования корабля и новой подготовки к старту. Потому что у каждого из нас был опыт, ясно говоривший: если тебе после передряги и кажется, что все в порядке — и в корабле, и в тебе самом, то этому, конечно, следует порадоваться, но не принимать за истину: даже очень серьезные повреждения и техники, и людей могут сказаться не сразу, но через некоторое время станут выходить боком.

Но, повторяю, главным в те минуты казалось — выйти из соппространства; свое родное уже казалось домом, где преодолеть придется разве что расстояния, но то было делом уже привычным. Мы старались вести себя так, как всегда, разве что выполняли положенные действия чуть медленнее обычного, потому что каждый ощущал: нервы на пределе, и если не держать самого себя под прессом, одно неверное движение — и взорвешься чуть ли не истерикой. Может быть, именно самоконтроль, ни на миг не ослабевавший, и позволил нам хорошо, нет — образцово, я бы сказал даже — идеально войти в ре-прыжок, и через положенное «чужое время» — люди космоса знают, что я имею в виду — наконец-то приборы доложили, что мы вернулись в нормальное метagalактическое пространство, в котором существуют звезды, туманности и все, чему надлежит быть.

Тут мы, к сожалению, а может, и нет, слегка психанули, но в хорошем смысле слова: минуты две, повска-

кав с мест, орали, обнимались, словом — вели себя беспорядочно, нештатно. Но быстро вернулись к норме, потому что, как и всегда, каким бы трудным ни было только что завершенное дело, но самым важным и тяжелым становится то, которое еще только предстоит. И мы стали определяться в мире, в том его уголке, куда нас занесла нелегкая.

Первым впечатлением, возникшим у нас в результате, было: если и есть во Вселенной уголки поглуше, то никому из нас видеть такие не приходилось. Скорее всего, стараясь понадежнее обеспечить безопасность нашего возникновения в нормальном пространстве, мы уж слишком переусердствовали, задавая предельные требования к качеству вакуума, да еще наш кваркотронный штурман, словно уловив наши опасения, сделал все по максимуму. В общем, откровенно говоря, нам стало зябко.

Мы понимали, конечно, что это все — нервочки, не более того. Но справиться с ними — то есть с самими собой — порой бывает куда труднее, чем с другими явлениями природы, самыми грозными. Так и в эти мгновения: собственно, не было никакого повода для серьезной паники. Мы были живы и вроде бы здоровы, корабль тоже вел себя молодцом и не похоже было, что он вдруг возьмет да развалится. Извне, из пространства, тоже ничего, кажется, не собиралось нам угрожать; наоборот, вся механика сработала образцово, и вокруг нас залегала самая настоящая пустота — приборы это подтверждали. Ожидаемых звезд мы не увидели, туманностей — аналогично, никакой пыли, не говоря уже о микрометеоритной угрозе, даже индикаторы всех полей почти что опирались на нулевые риски, словом — мечта, да и только. С другой же стороны, наша заявка относительно тяготеющего центра все же была учтена и выполнена: одно небесное тело все-таки в обозримом пространстве присутствовало, хотя оказалось оно значительно меньше, чем мы заказывали. Так что же, в конце концов, заставило нас хмуриться и качать головами, переглядываясь?

Наверное, та самая интуиция, подсказывавшая, что когда все идет так хорошо, что дальше просто некуда, надо объявлять готовность-один, потому что ситуация созрела до крутой перемены. И уж во всяком случае, не расслабляться ни в малейшей степени.

Так что никого не удивило, когда Мастер объявил о своем решении:

— Всем на посты, режим сближения. Курс на тело, на антиграве — убирать мощность помалу, по маковому

зернышку, аналитикам доложить о возможных помехах с других румбов, энергетикам — начать заправку по возможности, докладывать трехминутно. Прочим заведываниям — обеспечить нормальную работу механизмов и приборов.

Смысл вам, конечно, понятен. Когда корабль выходит из прыжка в относительной близости к тяготеющему телу, антигравы по автомату уравнивают вас в пространстве, нейтрализуя исходящее от тела притяжение, и тем самым дают возможность разобраться, и если уж идти на сближение, то в удобном для нас режиме; иногда для входа в такой режим приходится даже подгонять себя моторами, иногда, наоборот, — жать на антигравы и при помощи такого регулирования выйти на ту орбиту, которая нам нужна, чтобы внимательно осмотреться, понять — к чему же мы подходим и нужно ли продолжать сближаться с телом или срочно бить по газам и драпать подобру-поздорову. Такие режимы реже выполняются в отношении звезд, во всяком случае, обладающих светимостью, потому что, как всем ясно, уже анализ их света дает возможность оценки и состава звезды и ее излучения, и температуру, и (в пределах) массу, что дает уже достаточно информации для того, чтобы найти ее в астрологии и, следовательно, определить свое место на этом свете. Посадки на звезду, даже самую прохладную, как вы понимаете, не предусматриваются. То есть со звездами все относительно просто.

Но нас-то вынесло не к звезде — это и послужило основной причиной нашего — ну, смущения, скажем так. Нас утораздило выйти на Бродягу. Именно так у профессионалов именуются одинокие небесные тела планетного класса, не принадлежащие ни к какому звездному семейству, неизвестно как возникшие (по этому поводу еще идут дискуссии, не очень, правда, оживленные — хотя бы потому, что практических встреч с такими телами до сих пор не происходило, так что и состав их, и условия на поверхности никем никогда не устанавливались, все это относилось к области предположений и догадок, а не имея надежной информации — трудно и судить об условиях их возникновения, хотя большинство считает, что они все-таки возникали при образовании звездных систем и лишь потом какими-то гравивихрями были оторваны, кто-то другой потянул было их к себе — но не успел привязать, и тело осталось одно-одинешенько в просторе мироздания; одним словом — дело темное во всех смыслах слова, поскольку они, конечно, свечением не обладают, мало каши съели). Вот, значит, куда мы сподобились попасть, и было

это, с одной стороны, весьма и весьма интересно, с другой же — вряд ли могло нам помочь в локализации, поскольку в астрологии такие тела до сих пор не заносились, и определиться по нему можно было, наверное, с той же степенью надежности, как мореплавателю в открытом море — по небу, наглухо завешенному тучами. Впору было грустить. Тем более что наше требование пустого пространства, как я уже докладывал, было выполнено в лучшем виде, а именно: кроме этого тела — повторяю, чтобы вы твердо усвоили, — мы вообще ничего не наблюдали, ни единого светила, ни туманности, вообще ни малейшего светлого пятнышка, так что нам предоставлялось решать: то ли нас вынесло в точку, равноудаленную от всех галактик и так основательно удаленную, что свет их этого места не достигает, а поглощается, не успев долететь; то ли (и это казалось куда более вероятным) попали мы в самый глаз газовой или пылевой туманности, очень успешно экранировавшей нас от проникновения хоть единого лучика. Впрочем, и у такого варианта были свои недостатки, а именно — ни пыли, ни даже газа вокруг нас просто не имелось. Хотя — в оке урагана тоже бывает тихо и спокойно.

Словом, обстановка оказалась такой, что необходимо было, чтобы не запсиховать, поставить себе конкретную локальную задачу и выполнять ее — иначе недалеко было бы и до паники. Как вы уже поняли, Мастер первым сообразил все и потому сразу ввел всех нас в рабочий режим. Сближение с телом — задача нормальная и привычная, а выполняя такую рутинную работу, придешь в желаемое состояние скорее, чем даже, наверное, при глубокой медитации.

Поэтому мы с некоторой, прямо сказать, радостью разбежались по своим местам и уже через минуты начали медленно подкрадываться к планете. Приборы работали исправно, люди от них не отставали, и понемногу стали возникать характеристики. Судя по ним, Бродяга мог бы принадлежать к земной группе: радиус мы определили в пять тысяч восемьсот километров с мелочью; твердое тело; масса несколько превышала земную, спектральный анализ (если до него дело дойдет) покажет наверняка больше тяжелых металлов, чем у нас дома. Это все было, так сказать, в пределах нормы. Как и атмосфера неизвестного состава, мощность которой наводила на мысли о Венере; в этом тоже не было ничего сверхъестественного. Поверхность мы пока еще не пытались просканировать: вот подойдем поближе, тогда. Мы уже решили было, что тут, собственно, удивляться вообще нечему, когда получили

первые данные термоанализа. Вот это было уже интересно: мы предполагали, что температура на поверхности будет порядка на два ниже, чем показала аппаратура. Конечно, мы не ожидали увидеть там что-то, близкое к нулю Кельвина: атмосфера-то была газовой; но такого плюса никто не ожидал: где-то в районе тридцати по Цельсию! Вот тебе и фунт: при отсутствии такого источника энергии, каким во всякой системе является центральное светило, подобный уровень тепла можно было объяснить единственно какими-то процессами в недрах тела; распад сверхтяжелых? Тогда близкое знакомство нежелательно. Железное расплавленное ядро? Возможно, потому что магнетизмом планета обладала, это мы установили едва ли не сразу. Но вот на Земле, например, температура недр не может обеспечить такого уровня на поверхности. Парниковый эффект атмосферы? Чтобы понять, придется, хочешь не хочешь, подходить поближе. Тем более что...

Совершенно четко помню: мы как раз принялись обсуждать все «за» и «против» дальнейшего сближения с Бродягой, как вдруг один из нас, тот, что сидел на визуальном контроле, вторгся в наши разговоры возгласом: «Э-эй!» И не столько само междометие, как выражение, с каким оно было произнесено, заставило всех, кто был в центре, отвернуться от своей аппаратуры и перенести взгляды на Большой Курсовой.

Наблюдатель держал планету в центре экрана, и она потихоньку все вырастала на нем, не сразу угадываемая, как темный диск на темном же фоне, который был лишь на самую малость светлее; из-за такого отсутствия контраста никто и не обращал особого внимания на визуаль — кроме того парня, которому полагалось заниматься именно этим. Он-то и возопил сейчас, увидев нечто. И мы, прочие, воспрянув, тоже узрели.

Началось с того, что черный диск, то и дело грозивший и совсем растаять в окружавшей и его, и нас мгле, с одного бока вдруг зарумянился. Чуть-чуть, самую малость; но для наших глаз, уже притерпевшихся к полному отсутствию света (мы и сами выключили все внутреннее освещение, слабенькой осцилляции приборов хватало только, чтобы прочесть их показания, всматриваться в пространство они ничуть не мешали), — для наших взглядов только что возникший слабый румянец, в первый миг показавшийся нам просто лучом, пятнышком, может быть, даже обманом зрения, протестом нервной системы на полное отсутствие какого бы то ни было света, уже через минуту превратился в достаточно четкий по-

лумесяц, который, в свою очередь, разрастаясь, приобрел несомненные очертания овала; возникло впечатление, что где-то там, по ту сторону планеты, существовал источник света, обращавшийся вокруг этого воплощения мрака, какое-то карманное солнышко, кружившее, видимо, вокруг небесного тела — и достаточно быстро. Впрочем, то могло быть и светящееся пятно на поверхности, ну скажем — мощное извержение, и передвижение его перед нашими глазами было на самом деле следствием вращения самой планеты. Вулкан или нечто вроде всем известного красного пятна на Юпитере в нашей системе? Сделать окончательный вывод сейчас было невозможно, поскольку *этот* источник света находился — теперь мы *это* ясно увидели — под мощным слоем облаков. И все же хоть какие-то первоначальные выводы уже заскреблись у порога.

Я имею в виду, что совершенно несомненным стало: планета — вовсе не царство тьмы. Значит, она могла оказаться отнюдь не мертвым телом, иными словами, следовало ожидать еще каких-нибудь сюрпризов. И, наконец, определилась скорость вращения тела вокруг оси — если только источник света действительно был жестко привязан к поверхности: часов десять с минутами. Лихо. Мы только переглядывались и пожимали плечами. Это свидетельствовало о всеобщем удивлении, а где удивление, там неизбежно возникает и любопытство. Так что каким-то незаметным образом задача, стоявшая перед нами — то есть определиться в пространстве, чтобы проложить обратный курс, — как-то сама собой отошла на вторую линию обороны, а на переднем крае оказалась совсем другая: разобраться — с чем же мы, собственно, тут столкнулись. И хотя каждый в глубине души понимал, что любое приобретенное здесь знание будет чего-то стоить лишь тогда, когда (и если) удастся доставить его в свой мир, ни у кого не возникло мысли о том, что нужно сперва определиться, а потом уже разбираться в ситуации. Все мы были исследователями не только по профессии, но и по самому складу характера, и разгадка тайны для нас всегда была предпочтительнее решения задачи, хотя бы и достаточно сложной. И когда засветился уже весь видимый диск, что говорило, несомненно, о мощности источника света, все мы разом отвернулись от экрана; но не потому, что яркость стала такой уж невыносимой для взглядов, ничуть, на самом деле она была весьма умеренной, — а отвернулись мы, чтобы взглянуть на нашего

Мастера и безмолвно то ли спросить его, то ли выразить наше единогласное желание.

Мастер прочитал нас с той легкостью, с какой пьянчуга — вывеску винного магазина. Я уверен, что ему самому хотелось того же самого — да вы можете спросить его самого, если хотите, только вряд ли он так сразу сознается; но капитанский статус не позволял ему идти на поводу у личного состава экспедиции, да и ответственность за корабль, за нас, за выполнение полученного на Земле задания лежала в конце концов только и исключительно на нем. Так что он поступил так, как мы, собственно, и ожидали: поджал губы, покачал головой и произнес с полной непреклонностью в голосе:

— Ни-ни. Не можете и думать. Сперва дайте мне место, потом будем мыслить дальше.

— Капитан!.. — вякнул было кто-то из группы планетографов. — Нам ведь только осмотреться там, а потом...

— Если через сутки у меня не будет места, — прервал его Мастер, — я снова уйду в СП, потому что придется тогда искать место методом тыка и ляпа. А болтаться здесь и тем более — садиться у нас нет времени: заправляться тут, как вы сами понимаете, негде, энергия расходуется безвозвратно. Может, вы хотите остаться спутником этого тела на веки вечные? Как понимаете, найти нас здесь никто не сможет — потому что места эти вообще никому неведомы. Может, кто-нибудь из вас знает, где тут заправка?

Возразить было нечего. Заправочной станцией для нас является любая точка звездного пространства — то есть именно того, где звезды видны; в таком пространстве пополнение запаса энергии — дело элементарное: приблизиться к светилу на нужное расстояние и сосать из него гигаватты, только и всего. Но часть пространства, в которой мы сейчас оказались, отличалась, вы не забыли, как раз полным отсутствием видимых звезд. Мы могли, конечно, сократить потребление энергии до минимума; но и в таком режиме остатков хватило бы ненадолго. Так что выбирать, по сути дела, не приходилось.

— Давайте место! — еще раз повторил Мастер и отправился в свои капитанские покои.

Мы немного погалдели, одновременно сокрушаясь, возмущаясь и соглашаясь. После чего командир штурманского заведывания сказал:

— Ладно, беремся за дело. Ищем место.

— Искать там, где не потеряли, — пустое дело, — отозвался планетограф.

— И все же шансы есть. Начнем разматывать кваркоштурман; у него должны быть записаны все дергания нашего узла в сопространстве; дальше попробуем, взяв за исходную точку место, где мы находились, когда карусель закрутило, совмещать нештатное движение узлов, проецируя силовую сеть СП на нормальное пространство...

Тут все зашумели:

— Да не существует такой проекции! Только предположения...

— Пока мы подсчитаем, вселенная состарится!

И в том же духе. Похоже, не осталось ни одного из двадцати шести человек — а именно столько нас было без капитана, — кто не высказал бы своего мнения. Штурман же осадил всех одним вопросом:

— Кто может предложить другую методику?

Ответил только один — из группы механиков:

— Мастер ее предложил: нырять — и возникнуть где-нибудь, где звезды.

— Ты дашь курс? — поинтересовался штурман.

Вопрос был по делу. Потому что, не имея хотя бы приближительной ориентировки, можно вынырнуть и в таком отдалении от звездного пространства, откуда до звезд — при неуклонно сажаящихся батареях — вообще будет не дойти. Все мы, как и любой из вас, знали, что для того чтобы удерживаться в сопространстве, приходится непрерывно расходовать энергию: бесплатным сыром в этом деле и не пахнет. Кончается энергия — тебя мгновенно вышвыривает из СП, и вернуться в него тебе уже не на чем, так что там тебе и доживать свою жизнь; то будет недолгий процесс, потому что на поддержание жизни останется лишь крохотный энергетический НЗ.

— Ладно, — сказал кто-то, — чем колебать атмосферу, давайте раскручивать штурманца. — Он имел в виду, конечно, кваркштурман.

— Добро, — сказал незаметно вернувшийся Мастер. — А прочие, кто к этому не имеет касательства, займитесь своими заведываниями и дайте мне серьезный доклад об их состоянии. Чтобы не наспех, как тогда, в горячке.

Мы стали расходиться по своим местам. И действительно занялись бы своими делами. Но тело, вокруг которого мы обращались, имело, похоже, свою точку зрения на наше ближайшее будущее. Потому что мы не успели еще приступить, как грянули колокола громкого боя. И одновременно

наблюдатель, что так и не отрывался от главного экрана, возопил со всей мочью:

— Метеоритная тревога!

И мы опять разом повернули головы к экрану и очень не-плохо сыграли классическую немую сцену.

Слава Высшим силам, что хотя бы система предупреждения и защиты нашего транспортного средства не потерпела, видимо, никакого морального ущерба во время той трепки. Потому что предмет, обозначенный системой как метеорит, с хорошей скоростью пер прямо на нас. В левом нижнем углу экрана запрыгали цифры, обозначающие размеры метеорита, его массу, скорость, курс относительно корабля и расстояние до нас. А снизу строкой пошла рекомендация системы. Мы прочитали ее хором:

«Изменить курс NWU на 17°, увеличить ускорение до 1,5 кмхсек/сек».

— Не спать! — рявкнул Мастер.

Но вообще-то это было лишним: тут срабатывает автоматика, на людское быстроедействие надежда плохая. На счастье, и она оказалась в порядке. Хорошо, что никто из нас не успел вскочить на ноги. Так что обошлось без телесных повреждений.

— Что это было? — потребовал кэп в форме вопроса. — Запись! Ну!

Пришлось перетаскивать наши расширенные он невольного испуга глаза с ходового экрана на журнальный. Никто, кроме капитана, даже подумать не успел о том, что эта штука могла записаться; часто мы автоматически наделяем технику своими собственными недостатками, и раз уж мы ничего не успели сообразить, то и наше оборудование упустило мгновение. Но квар-котроника о нашем мнении не знает и действует исправно. И на экране уже болтался, чуть дергаясь из стороны в сторону, иско-мый нарушитель спокойствия, в весьма замедленной демонстра-ции, сперва, по мере приближения, все увеличивавшийся, а потом, в миг наибольшего сближения с нами, вдруг взорвав-шегося — или лопнувшего, если хотите, но как-то ненормально: осколки (хотя скорее брызги) не стали разлетаться во все сторо-ны, как им вроде бы полагалось, но образовали этакую струю, устремившуюся к нам, а не еще куда-нибудь, и доставшую-таки нас — правда, никаких серьезных повреждений датчики не за-фиксировали, так что прошел эпизод вроде бы без последствий. Повторили просмотр раз и другой; этого было достаточно, чтобы шальная мысль о рукотворном происхождении про-

мелькнувшей угрозы пустила крепкие корни в сознании каждого участника экспедиции. Уж больно искусственной казалась его форма до того, как он лопнул — совершенно правильная сфера при размерах примерно футбольного мяча; впрочем, это мы установили уже потом, когда сопоставили видимый поперечник с тем расстоянием, которое разделяло нас в миг наибольшего сближения. Конечно, тело могло оказаться и, предположим, вулканической бомбой. В обычных условиях нам потребовалось бы, пожалуй, не менее получаса, чтобы затеять дискуссию; но на сей раз жизнь свернула с наезженной дороги. Потому что тут же последовала команда:

— Режим аварийного сближения! Посадочная готовность!

Командовать «По местам» Мастеру не пришлось, потому что мы даже не успели встать.

— Тормозные! Сход!

Похоже, он решил, что мы подверглись нападению, и из всех видов защиты выбрал контратаку. Крошечный кораблик против небесного тела; как бы вам понравилось такое соотношение сил и возможностей? Вот и мы отнеслись к происходящему так же. А стали бы вы возражать капитану в критический миг? Ну и мы — нет. Мы знали, что он и сам объяснит, почему принял именно такое решение, а не какое-нибудь иное — когда будет для этого время. Сейчас его ну никак не было, и все, что нам оставалось, — заниматься своим заведованием и, урвав мгновение, коситься на экран, где все разбухавшая в размерах облачность казалась совершенно непробиваемой.

Что? Нет, я ведь уже сказал: мы его не спрашивали, почему он решил так, а не иначе. Вы полагаете, что могли бы найти время для вопроса? Ну, у вас в советах директоров, или как это там называется, может быть, времени для всего хватает; могу только пожалеть о том, что вас не было с нами — вот именно там. Вам бывать на Просторе вообще приходилось? Ах, вот как: вы даже летали на Марс. Ну, и обратно, конечно, я так и понял. И бывали даже в ходовой рубке? Вот как! Скажите, а не случилось ли вам тогда требовать от капитана объяснений? А то тут среди нашей братвы ходит такая байка, что однажды такой вот говорун из какой-то суперфирмы, не знаю уж, как она называлась — хотя нет, извините, этот был из парламента, — попробовал, став в позу, задать вопрос: «А почему же вы?...» Шкипер ответил, говорят, кратко, но никак не кротко, народного избранника потом всякими микстурами отпаивали от истерики, а на обратном пути он вообще не вылезал из

кокона. Нет-нет, почему сразу — поклев? Я ведь имени не называл, да я его и не знаю. Что же касается нашего Мастера, то он сейчас докладывает Президентскому Совету и там расспрашивают его Первые лица, а не кто-нибудь... Да. Скажу еще раз: жаль, что вас там не оказалось.

Ну что вы: я совершенно спокоен, не надо только сбивать меня с курса. На чем вы меня тормознули? Ага: мы пошли на посадку. На первый взгляд это и вправду была операция под стать русской рулетке. Но те из нас, кто с Мастером делал не первый рейс к черту на рога, успели понять, что для него нормальным мышлением является парадоксальное, и когда он, скажем, множит минус на плюс, то у него в итоге возникает не минус, как у нас с вами, но плюс, и самое смешное, что так и получается на практике — его практике. Так что мы ни в чем не сомневались: если прошла такая команда, значит, так и надо.

Мастер, однако, хотя и знал прекрасно, что объяснять свои действия никому не обязан, но понимал и то, что всякой загадочности должно быть в меру, потому что в разумных дозах она подхлестывает, но когда ее через край, то воздействие меняет знак и она начинает тормозить восприятия и действия людей, в данном случае — нас, экипажа и специалистов экспедиции. И вот он пробормотал — не то чтобы очень громко, как бы самому себе, но на деле сказанное было предназначено нашим ушам:

— Если это не Кухня, то...

Не слышали о Кухне? Ну, поймете, я полагаю, по ходу доклада, я сейчас вроде бы вошел в нормальный режим изложения и не хочу отвлекаться от последовательности событий, какой она была в реальности.

Сама посадка прошла более или менее нормально. Так сказать, в пределах. Никто нас больше не атаковал, словно бы та бомбочка — или чем оно там было — служила приглашением, и когда стало ясно, что оно принято, нас больше не беспокоили. Кто не беспокоил? Об этом речь впереди. Не надо поперек батьки в пекло.

Вот именно — в пекло, это у меня не просто так выговорилось. Другого слова просто не найти.

Но мы это поняли только потом. На подлете, пока мы свертывали орбиту сближения, за бортом все было вроде бы нормально: температура, запыленность и все такое прочее. Расчет на посадку был таков, что припарковаться следовало не в светлой зоне — ну, там, где проходило то самое как бы

горящее пятно, — но и не в полной темноте, а севернее, на широте, так сказать, вечных сумерек; так, во всяком случае, нам представлялось. Для этого пришлось менять плоскость обращения одновременно с уменьшением скорости, в подробностях описывать не стану, скажу только, что работы всем хватало. И, конечно, одновременно мы пытались лоцировать поверхность сквозь облака, потому что для того чтобы сесть, кроме желания, нужно еще, чтобы было куда сесть. А если там сплошной океан? Или одни хребты и пики? Расплавленная поверхность? Ураганные воздушные течения с каменной прослойкой? И все такое. Почитайте историю Простора — там немало такого... интересного. А значит, входить надо не быстро — но и не медленно, чтобы не обречь себя на неизбежную посадку даже в том случае, когда условий для нее не будет. Так вот, через несколько витков мы пришли к выводу, что на севере желаемых условий нам не найти: сплошная горная страна, этакие Гималаи в планетарном масштабе, мечта альпиниста, может быть, но никак не наша мечта.

Пришлось снова менять плоскость обращения; а батареи, не забудьте, садились себе и садились, и когда, как и где мы сможем найти заправку, становилось с каждой минутой все туманнее. Поэтому привередничать в поисках посадочной площадки приходилось все меньше. Так что, когда локаторы показали вроде бы что-то, похожее на ровную поверхность, мы решили, что кривая, по которой мы в тот миг шли, и есть та самая, что вывезет. А ничего другого нам и не оставалось.

Вошли в облачность. И там поняли, что такое — хорошая тряска при ураганном ветре. Не то чтобы такое было в новинку нам, но к угрозе собственной гибели как-то не привыкается, сколько бы раз она ни возникала. Какой бы мощности моторы у тебя ни стояли, природа все-таки всегда имеет шанс оказаться сильнее. Какое-то время — минуту, две? — продолжилось состояние неустойчивого равновесия, как при армрестлинге: чья из сцепившихся рук, медленно или рывком, уложит другую? Но мы, как говорится, вжали свою железку в пол и с облегчением почувствовали, что — в данный момент и в эти минуты — мы одолеваем стихию. Можно, конечно, сказать, что со спортивной точки зрения мы нарушили правила: выбросили силовой экран конической конфигурации, который принимал на себя удары стремглав мчавшихся плотнейших облаков (анализаторы на ходу разбирались в их составе, но нам некогда было снимать их показания и соображать, что к чему),

так что собственно железке доставалось куда меньше. Другое дело, что эта защита обходилась в такие мегаватты, что, будь у нас время на размышления, мы скорее всего поняли бы, что если даже сядем, то на рестарт у нас энергии просто больше не окажется.

Тогда нам казалось, что эта наша лихорадка в облачном слое, начинавшем уже казаться бесконечным, продолжается долгие часы; и мы немало удивились, когда оказалось, что длилась эта схватка три минуты сорок шесть секунд с десятиными. Вот и верь после этого чувствам.

Но — триста минут или три — в конце концов пробились и оказались в пространстве между нижней кромкой облачности и той поверхностью, к которой и стремились.

Откровенно говоря, мы заранее были готовы к тому, что сесть окажется некуда. Потому что опыт учил: если уж начались неприятности, то их окажется больше одной, и пойдут они по нарастающей, а никак не наоборот. Как вы понимаете, никто не рассчитывал на то, что внизу окажется ровная платформа космодрома; но она и не была нужна, все, на что мы надеялись, — пятачок, на который можно было опуститься по кошачьи — на все четыре. Мы заранее запаслись терпением и были готовы намотать на планету хоть дюжину витков, обшаривая поверхность при помощи всей нашей техники. Но убедившись в том, что этого не понадобится, испытали, признаться, немалое облегчение.

Потому что увидели: планета была, как бы сказать, достаточно разумно спланирована. Во всяком случае, так мы решили, не стараясь найти более точных определений. Иными словами, относительно ровной поверхности было достаточно, но были и горы, и даже океан — хотя техника сразу же сообщила нам, что купаться вряд ли придется, потому что океан (хотя на самом деле то была, так сказать, морская страна: больше десятка не очень больших морей или, если хотите, великих озер, изолированных, на первый взгляд, друг от друга), так вот, водоемы эти были, судя по результатам анализов, заполнены вовсе не водой. Химия их была посложнее. Но у нас и до того не было надежды, что мы окажемся на планете, пригодной для жизни. Для жизни в нашем обычном понимании. Так что не могу сказать, что нас постигло разочарование. Мы имели возможность сесть на твердь примерно на таком расстоянии от негаснущего зарева, какое представлялось нам приемлемым.

Итак, сесть нам удалось штатно, без приключений. Когда тормозные выключились, мы поаплодировали друг другу, поздравляя с благополучным прибытием неизвестно куда, и стали осматриваться более обстоятельно.

Обстоятельства наши вы, я надеюсь, представляете. У нас не было никаких задач, связанных с этим небесным телом, поскольку о его существовании мы совсем еще недавно вообще ничего не знали. Если не считать тех мотивов, какие были у нашего Мастера, но до нас еще не дошли, у нас могла быть лишь одна причина для посадки: поиски возможности каким-то способом — а их существует, как вам известно, не менее шести — загрузиться энергией, которой хватило бы хотя бы на вовсе не триумфальное возвращение домой. Вот сюда вот, где мы с вами сейчас находимся и где вы глядите на меня с таким видом, словно я если и не убил старушку, то по меньшей мере всласть над нею поизмывался. Это вы зря. Вас бы туда, чтобы... Нет, мы, конечно, если говорить серьезно, ожидаем от вас не личного участия, а вы сами понимаете чего.

Ладно. Не стану отвлекаться. Лучше обрисую обстановку, которая все более прояснялась по мере того, как мы получали от анализаторов данные об окружающей среде и всем таком.

Они были примерно вот какими. Небесное тело, по линейным размерам близкое к нашей Луне, а по массе примерно в полтора раза превышавшее Землю. То есть широкий выбор тяжелых элементов — так мы поняли. Под нами — надежное основание: кремниевый монолит, и неподалеку — выход железной жилы, судя по анализу, металл химически почти чистый, не окисленный, поскольку атмосфера состояла на сорок семь процентов из благородных газов, и лишь тонкая корочка на поверхности железного выхода была результатом реакции с сернистым газом, которого было двадцать с хвостиком, а также парами ртути — десять процентов. Остальное пришлось на долю азота. Кислородом в воздухе и не пахло. Температура поверхности — сто восемь Цельсия, атмосферы — сто двенадцать. Озера заполнены кислотами, и их содержимое да еще окислы кремния были единственными соединениями с кислородом; больше его добывать было бы неоткуда — если бы пришлось; мы, однако, надеялись, что до такого не дойдет. Что еще? Скорость ветра — сто шестьдесят в час, направление — норд, то есть прямо на источник света, плотность атмосферы превышала земную вдвое. Магнитное поле у планеты было, и мощность его тоже оказалась побольше нашей

эталонной, если понадобятся цифры, то все они имеются в нашем журнале. Вскоре после посадки мы установили, кроме всего прочего, что этот самый источник света относительно поверхности планеты действительно был неподвижен, то есть висел как привязанный, что уже само по себе вызывало немалый интерес. Радиоактивность, если говорить об уровне там, куда мы сели, и принять ее за фон, была в пределах нормы, но пока мы снижались, успели зарегистрировать несколько точечных источников, где она была на порядок-другой повыше. К счастью, в другом полушарии, в северном.

Словом, как вы уже поняли, курорт был тот еще. Не то что собаку не выгонишь, но даже врагу своему не пожелаешь таких условий — разве что смертельному. Мастер врагом нам не был, как мы считали, и мы ему — тоже. Поэтому мы, мягко выражаясь, удивились, когда он сказал, собрав всю команду, вот что:

— Группа из пяти человек пойдет на рекогносцировку. Объявляю состав...

И объявил. Можете быть уверены: я в группе был, и даже назван первым. У меня вообще такой характер: люблю противоречить и стоять на своем; вот мне это и выходит боком. Так я успел подумать — и думал еще секунд тридцать, пока не был назван начальник группы. Потому что начальником Мастер объявил самого себя. Вот так.

Вообще-то, конечно, ничего сверхъестественного в его распоряжении не было. Потому что наше снаряжение было рассчитано и на обстановочку покруче. И было оно в полной готовности. Рекогносцировка на новом месте — дело как бы обязательное. Но — в том случае, если вы попали туда, куда направлялись, и теперь должны подетальнее разобраться в обстановке, в которой предстоит выполнять задачу. Но у нас-то задачи не было — так какого же черта? Естественно, я не утерпел и заявил ему:

— Кэп, а чего мы там такого потеряли? Мы же сюда сели для дозаправки — так тут все ясно, искать ничего не надо, запускаем методику-четыре и заливаем баки. Может, лучше бы нам сперва этим заняться, а уж дальше — по обстановке?

Методика-четыре тут и в самом деле годилась больше, чем все прочие. Вы помните, в чем она заключается: нормальная термopа, один полюс можно хотя бы просто выбросить на грунт, но для максимального результата лучше выложить его на орбиту вокруг пока еще не совсем понятного источника света — измерения показали, что он неплохо излу-

чал и в инфракрасных. Очень даже убедительно. Ну а второй полюс, естественно, запустить в пространство, на синхронную орбиту повесить, затем наладить каналы между ними и нами — и ватты закапают, успевай только подставлять ведра. Вся снасть для этого у нас на борту имелась, как и у любого поискового корабля.

Вот такую программу я изложил всем, но в первую очередь, конечно, Мастеру. И удивился, потому что он возражать не стал. Вместо того сказал:

— Это сделаем немедленно. А займется этим вот кто...

И огласил состав группы. Назвал семерых. Но, конечно, ни меня там не было, ни его самого. Хотя эта работа была бы более по моему профилю. Я, как вы знаете, возглавляю службу безопасности экспедиции — охраняю от сил природы и всяких других, буде такие возникнут. Мастер это хорошо знал, можете быть уверены. Потому и добавил — специально для меня:

— Опасность сейчас в основном за бортом. Так что уж не обессудь.

Я возражать не стал, да и нечего было.

Сборы, как говорится, были недолги. Наши скафандры — костюмчики, как их называет Мастер — были, как и предполагается, заряжены до предела, и так было бы, даже если бы то были последние ватты энергии и последние литры дыхательной смеси на корабле. Одежка эта была задумана и сделана по максимуму, я в ней полез бы и в жерло действующего вулкана, даже не запасшись веером для прохлады. Нам помогли, как предполагается, облачиться, провели через режим проверки и, так сказать, кинули в холодную воду — хотя на самом деле совсем наоборот.

Когда мы оказались за пределами корабля (Господи, и какой же уютной и чудесной показалась нам тогда эта куча железа!), я, наверное, впервые в жизни понял, какие чувства обуревают петуха, когда начинается процесс превращения его в бульон. Да и не только я; мне почудилось, что даже невозмутимый компьютер моего скафандра озадаченно крикнул прежде, чем разослать по всей арматуре соответствующие команды, приказывающие работать на пределе. Похоже, что подобное происходило и в остальных персональных мирах, потому что с полминуты все мы пятеро простояли совершенно неподвижно; наверное, и остальные так же, как я, стали осматриваться очень осторожно, стараясь даже не поворачивать головы внутри шлема, как если бы уже сами наши взгляды могли

бы как-то изменить обстановку не в нашу пользу. Может, мы и еще помедлили бы, если бы голос Мастера — интонации его показались очень решительными — не помог нам стряхнуть оцепенение. Голос звучал, как если бы все было в порядке вещей — был он разве что чуть более хриплым, но это можно было отнести и на помехи связи, потому что атмосфера была заряжена весьма сильно, и стержень носовой антенны, что находился сейчас в семидесяти метрах над нашими головами, искрил, как палочка «бенгальского огня» новогодним вечером. Такое нас как раз не очень тревожило: длинный щуп заземления успел уже уйти в грунт, так что неприятностей со стороны атмосферного электричества не ожидалось. Приказ же Мастера прозвучал так:

— Общий осмотр окружающего пространства — каждый снизу вверх по спирали. Взаимный осмотр. Проверка связи — голосовой и независимой компьютерной. Девяносто секунд для доклада. При обнаружении чего-то нештатного — немедленный рапорт. Начали!

Ну ладно, начали. По сути, настоящим осмотром окрестностей занимались наши компьютеры, потому что они, а не мы управляли всей поисковой и прочей кваркотроникой. Для наших глаз освещенность местности была не самой удобной: ранние сумерки, никак не ярче. Поэтому компьютер предложил мне инфравидение. Я, однако, воздержался: хотелось посмотреть на мир своими глазами. Я начал, как и полагалось, от собственных ступней и стал медленно поворачиваться против часовой стрелки, постепенно поднимая взгляд все выше.

Можно было поспорить на что угодно, что ритуал этот излишен: он обычно применяется тогда, когда возникают хоть какие-то подозрения о возможной сверхнормативной активности среды — ну, скажем, крутые стихийные процессы или, еще хуже, признаки жизни; среда сама по себе нейтральна, она не считает нас врагами, пока мы еще не начали энергично воздействовать на нее, а вот жизнь в любой другой жизни усматривает либо пищу, либо конкурента. Но здесь ни о какой жизни речи быть не могло; есть, конечно, существа, такая микрофлора, что может приспособиться и к обитанию в немыслимых условиях, но не было в этом мире ни малейшего признака органики, а наши — корабельные, я имею в виду — анализаторы мы считали настолько изощренными, что они уловили бы следы, даже если бы этих тварей была одна чайная ложка на всю эту атмосферу и поверхность, а в недра мы лезть не собирались. Однако

наш Мастер был старым формалистом, спорить же с ним с самого начала мне никак не хотелось. Так что я послушно сканировал глазами тот грунт, на котором стоял, и не поднял глаз даже тогда, когда слух исправно оповестил меня, что первый зонд стартовал и ушел за атмосферу, унося в себе первую составляющую методики-четыре, а еще через десять секунд и вторая составляющая отправилась в путь — к горячей туче, как я успел обозвать туземный источник света. Может, я и поглядел бы, как оба аппарата покидают нас — хотя бы просто по привычке, чтобы убедиться, что старт их прошел нормально. Может быть. Но именно в то мгновение мне почудилось, что со зрением у меня возникают проблемы, и мне стало не до чужих забот.

Если бы я сейчас оперировал приборным зрением, то не задумываясь свалил бы все на свои оборудования. Но сейчас работали именно мои глаза и ничто другое. Так что либо начала глючить моя нервная система, либо же... Либо же?

По законам и правилам безопасности, которые именно я обязан был блюсти, до конца общего ориентирования на всем, что окружало нас, были как бы развешаны категорические запреты: «Руками не трогать!». И если бы мне почудилось, что кто-то из нашей группы попытался притронуться к чему угодно хоть пальцем, я учинил бы тот еще скандал. Никто не имел права до моего разрешения вступать в контакт со средой. Но как я мог дать — или не дать такое разрешение, не разобравшись в обстановке? Никак. А как я мог разобраться, не вступая в контакт сам? Да тоже никак. Старая истина: первым нарушает закон тот, кто его установил.

Так что размышлять тут долго не пришлось. И в следующее мгновение мой компьютер — моего скафандра, я имею в виду — получил мою мысленную команду полного подчинения. Это означало, что вплоть до отмены распоряжения он управляет костюмом не по своему усмотрению, а по моим приказам, и только.

И вот, повинуясь этим приказам и моим сигналам, костюм — и я в нем соответственно — плавно присел, протянул руку, осторожно сработал пальцами — и...

Тут придется, наверное, на минуту вернуться к деталям той обстановки, в которой мы тогда находились. Я говорил уже, что под упорами-амортизаторами нашего корабля — и под нашими ногами соответственно — находилась надежная, устойчивая кремниевая платформа. Но не отметил при этом, что сверху коренная порода была, разумеется, присыпана осколками и осколочками того же в основном проис-

хождения. Такое, собственно, подразумевалось: ветры; мощнейшие электрические разряды да, наверное, и колебания температуры — все неизбежно вело к образованию такого вот слоя, хотя и крайне тонкого, в пределах видимости — от десяти до тридцати сантиметров; слой этот, кстати, сглаживал неровности основы, и все это автоматически учитывалось при посадке. Вы представляете себе, да? Прекрасно. Так вот, обломки эти были где-то от десяти до ста миллиметров в поперечнике — при неправильной, иногда даже, можно сказать, причудливой форме. И вот форма одного из попавших в поле моего зрения осколков показалась мне настолько причудливой, что я не удержался, поднял его, поднес поближе к йллюминатору шлема и даже дал подсветку, чтобы разглядеть находку как следует.

И убедился в том, что с моим восприятием все в порядке. Это было именно то, чем и казалось. Вы-то теперь знаете — что именно. А Мастер в тот миг еще не знал, естественно. Но мои действия не ускользнули от его взгляда, потому что, ведя обзор по спирали, он в это время как раз был обращен лицом почти точно ко мне. И понятно, что тут же последовало:

— Блюститель, что там у тебя? Кошелек нашел или, может, гриб-боровик?

Мастер находился от меня шагах в пятнадцати. Это расстояние я преодолел, наверное, не более чем за три секунды — он даже сделал шаг в сторону, чтобы увернуться от тарана. Но мне просто жутко не терпелось. И, лихо затормозив рядом с ним, я на ладони протянул ему находку и сказал только:

— Вот такие дела.

Он несколько секунд только смотрел. Потом осторожно, кончиками пальцев — не голых, разумеется, а в перчатках из космодермы, — снял шестисантиметровый обломок с моей ладони и стал вертеть перед глазами, и по внутренней связи слышно было, как он сопел и причмокивал, словно сосал шоколадку.

Потому что обломок был не просто обломком, но почти целым — угловым размером около трехсот градусов — фрагментом шестерни. Нормального зубчатого колеса, частью какой-то силовой передачи, если угодно. Идеально обработанной. Без следов износа. И — что и вовсе любопытно — без следов излома. Словно бы деталь эта так и была задумана и выполнена: не окружность в триста шестьдесят градусов, но именно в виде трехсотградусного сектора. А к тому же — без какого-либо отверстия в центре или еще каких-то следов крепления этой штуки в воображаемом механизме. Вот такие блинчики.

Только когда все это стало ясно Мастеру так же, как за секунды перед этим мне самому, он нарушил тишину, провозгласив:

— Всем закончить обзор. И ко мне!

Мы с ним находились, как вы понимаете, не в пустоте. Остальная тройка успела уже заметить и сообразить, что назревают — или уже назрели — события. И все кинулись к нам, как если бы подали команду обедать. Мастер передал мою находку тому, кто подбежал (если только это слово тут уместно) первым, сопроводив таким напутствием:

— Посмотри и передай товарищу.

Недоделанная зубчатка пошла по кругу. Облаченные в скафандры, мы не могли видеть ни выражений лиц друг друга, ни выразительных телодвижений вроде пожимания плечами, поскольку все это оставалось внутри нашей скорлупы. Но я был совершенно уверен, что осмотр находки сопровождался поднятием бровей, поджатием губ и даже покачиваниями головой — насколько такое было возможно в шлеме. Когда круг замкнулся и изделие вернулось к Мастеру, последовал его вопрос:

— Ваши мнения: что это такое и как оказалось здесь? Высказываться по очереди. Ты, — он чуть повернулся в мою сторону, — будешь последним. Ну?

— Выходит, мы тут не первые, — прозвучал ответ номер один. — Кто-то уже гостил. И потерял эту хреновину. Тоже, наверное, сажился для подзарядки. И раз его здесь нет — выходит, убрался по-хорошему. Воодушевляет.

— Ага, — буркнул кэп. — Иные суждения?

— Так, наверное, и было, — согласился второй. — Только вот насчет «убрался» — не уверен. Не получается «по-хорошему»: тогда обломков не остается.

— Если кто-то тут сажился, — высказался третий, — а более удобного места нет, мы сами видели, то скорее он все-таки унес ноги. Потому что признаков катастрофы нет, кроме этой загогулины. Я думаю, что это не обломок. Просто брак. У них были неполадки, что-то забарахлило, понадобилось заменить какой-то узел, они стали растить деталь, семечко оказалось с дефектом, шестерня выросла сами видите какая, вот ее и выкинули. Если бы речь шла об обломках, их тут нашлось бы много.

— Ну а ты что скажешь? — это было обращено уже ко мне.

Пока ребята выдвигали свои гипотезы, я успел уже в общих чертах просечь ситуацию. И ответил так:

— К серьезным выводам не готов. Но какие-то точки отсчета есть. Первая: мы с моим компом тут наскоро просчитали возможности и вероятности. И получается, что если и была серьезная авария, то следы должны быть не обязательно здесь. Разница температур в зоне яркой тучи и в теневом полушарии дает максимальную возможную скорость атмосферного потока самое малое на порядок выше того, что мы наблюдаем сейчас. Если помножить эту величину на плотность атмосферы, ее массу, результат получится внушительный. Если такой ветерок задует в момент старта, машине не устоять — ее понесет, как сухой лист. В таком варианте серьезные обломки надо искать там, в горах; если же ее швырнуло бы в жидкость, то обломков и вообще не сохранилось бы: там такой набор кислот, что даже защита вроде нашей долго не продержалась бы, она уже при ударе откажет — сперва полевая, а потом и химическая. Так что — в горах или на побережье. Но только вообще эта версия о другом корабле меня не убеждает: скорее всего его тут и не было вовсе.

— У тебя получается «А был ли вообще мальчик?», — возразил мне первый из трех. — Проаргументируй.

— Попробую. Первое соображение: эта планета не могла быть целью какого-то рейса — просто потому, что о самом существовании ее никому не было известно. Значит, возможность одна, как и у нас: случайность. Если корабль тут и остался, то он неизбежно должен был попасть в рубрику пропавших без вести и находиться там и по сей день. Так вот, я тут на минутку связался с нашим корабельным супером и получил информацию — все без исключения корабли, что проходят сейчас как без вести пропавшие, принадлежат к классу непосадочных: тяжелые машины, что и монтируются на орбитах, и стартуют с орбит, и финишируют тоже, связь с планетами осуществляется средствами малого флота. Так что ни одна из этих машин сесть сюда просто не могла. Значит, ее и не было. Это — доказательство первое. Но для меня оно не самое убедительное. Есть и другое.

— Ну-ну, — сказали мне. — Давай.

— Да вот оно, — сказал я, осторожно вынимая из капитанских пальцев все ту же находку. — Нормальная деталь, верно? Будь она закончена, просверли дырку для оси — и ставь на место. Так это выглядит, верно? Но есть одна заковыка. В каждом нашем костюме есть холодный экспресс-анализатор. Никто не поинтересовался включить? Мы увлек-

лись формой — а как насчет содержания? Насчет материала, из которого она состоит? Не пришло в голову?

— Умных детей настругали твои родители, — сказал Мастер, и в его голосе мне почудилось удовлетворение. — Логически думать, парни, это искусство, не надо им пренебрегать.

— Мастер, а что сами-то вы предполагаете? — не выдержал второй из троицы, нарушив правило «Капитана не спрашивают».

— Предполагаю, — ответил кэп, — что сейчас все мы редкой цепью двинемся на норд-вест, к ближайшему побережью. И по пути туда, а главным образом — на самом берегу будем смотреть очень внимательно. Смотреть и — я надеюсь — находить разные другие интересные вещи. В зависимости от того, что мы там найдем или не найдем, я и буду делать выводы. В нашем распоряжении еще два с половиной часа до возвращения на подзарядку костюмчиков — вот за это время мы и должны найти максимум возможного. Включить все средства обнаружения и — шагом марш!

И мы потопали.

Если бы мы принялись подбирать каждую железяку, обнаруженную нами на берегу в продолжение ближайшего часа, то насыпали бы большую кучу. Я сказал «железяку» именно потому, что такими все они и были: химически чистое железо, из которого, как вы знаете, у нас не изготовляют ни единой детали — мы любим сплавы, и не зря. Здесь же царила химическая чистота — и в тех случаях, когда штука оказывалась изготовленной (если) из титана; таких оказалось процентов десять. Но чем дальше, тем больше интересовал нас не состав, а формы, с которыми пришлось тут повстречаться. Именно они заставляли задумываться все больше — хотя ничего конкретного в мозгах так и не возникало, а был своего рода мысленный туман, из которого что-то могло выкристаллизироваться, но не обязательно.

«Кристаллизация» — это слово возникло тут не случайно. Потому что один из нас — помню только, что то был не я — всерьез занялся анализом одного кусочка и с немалым удивлением оповестил нас:

— Ребята, это все — монокристаллы, можете представить?

Мы смогли, конечно, но с трудом да и без особого удивления. Потому что самым интересным все-таки оказывались конфигурации.

Насколько я помню, мы практически не обнаружили двух одинаковых деталей. Все хоть чем-то, да отли-

чались друг от друга. Но чем дальше, тем меньше само слово «детали» казалось нам соответствующим обстановке. Да, попадались недоделанные, а порой даже доделанные шестерни разного размера и шага; но они оказывались в меньшинстве. А большая часть скорее подходила под определение «плоды творчества механика-абстракциониста». Или, если так понятнее, — бред сумасшедшего. Что вы скажете, например, о той же шестерне, у которой из тридцати зубьев нет и двух одинаковых по высоте? Или: все зубья одинаковы, а вот один-единственный торчит, длиннее прочих раз в шесть. Называть такие штуки деталями язык больше не поворачивался. Но все то были мелочи по сравнению с тем, что мы испытали, когда третий из ребят вдруг даже криком закричал:

— Эй, давайте сюда, здесь что творится...

И мы поспешили к нему, стоявшему у самого уреза — не воды, как вы уже знаете. Но мне не приходилось забывать о своих прямых и основных обязанностях, поэтому я на ходу предупредил:

— Всем: внимание, внимание! Магнитное поле дает всплеск, всем усилить защитное поле!

Так и сделали — и жаль, право же, что со стороны этого никто не видел. Потому что на поверхности наших полевых коконов начались такие разряды, такие огни Эльма и северные сияния, что так и хотелось записать все на кристалл, только не получилось бы: виднелся бы сплошной снег, с этими помехами нам было не справиться. Ладно, полного счастья не бывает. Я еще для верности предупредил — хотя каждый наверняка почувствовал это еще до моего оклика:

— Локальный всплеск температуры и ветер меняет румб — возможен легкий накат, беречь ноги!

Тут мы сбежались наконец вместе, чтобы полюбоваться тем, что захотел продемонстрировать нам наш коллега.

Сначала мне — да и другим тоже — показалось, что ничего особенного: все то же «неразберипоймешь». Он подсказал:

— Они же возникают тут, что, не видно? Растут!

Тут мы и сами увидели. Только сперва нам показалось, что мы выбежали к узкому заливику; нет, это оказалось изолированной — ну, ямой, если хотите, омутом — и в нем и росла, не стесняясь нашего присутствия, еще какая-то механическая патология. Мы стояли, не отрывая взглядов, никак не менее пяти минут — и стали свидетелями того, как магнитное поле на миг подпрыгнуло, и штуковина, которую, видимо,

посчитали завершенной, была подхвачена одиночной, только что возникшей в яме волной и мягко выкинута на песочный бережок. Мы только хлопали глазами. Казалось, все возможные стадии удивления были уже нами пройдены, дальше некуда — но не тут-то было. Потому что свеженькая хреновина — сейчас это был просто железный прут длиной миллиметров сто при десяти в диаметре — и на песке не успокоилась, но продолжала медленно катиться — в горку, поняли? И не по прямой, а меняя курс, словно бы разыскивая что-то — а сверху, с этой самой горки, к пруту сползала на сей раз законченная шестерня — круглая, да еще и с отверстием в центре. Шестерня искала ось, ось искала шестерню — и на наших глазах они нашли друг друга. Кто-то из нас не удержался от ухмылки, другой сказал жалобно:

— Ребята, по-моему, это нормальный сумасшедший дом, и мы тут пациенты.

На что Мастер отреагировал так:

— Хорошо, если бы... Боюсь только, что все куда хуже.

И опять-таки не стал объяснять, что он хотел этим сказать. Мы же и на сей раз не попытались спросить. Да и не смогли бы при всем желании, потому что тут же последовало продолжение:

— Значит, так: сейчас возвращаемся. Берем полную дозарядку. Мобилизуем ползуна. Группу увеличим за счет подвахты. И попробуем добраться до тех мест (и он указал рукой в сторону близкого предгорья). Тут картина, по-моему, ясна, а вот что увидим там — это по-настоящему интересно.

Мне — да и всем остальным наверняка — показалось, что насчет ясности он изрядно преувеличил. С другой же стороны, капитан только тогда подлинный Мастер, сиречь Хозяин, когда знает больше и соображает лучше своих подчиненных, чьи судьбами распоряжается. Так что оставалось лишь по-прежнему выполнять приказания, что мы и сделали. Я только спросил:

— Экспонаты прихватим с собой?

— Само собой. Пять минут на отбор. Только избегайте дублирования. По одной — самых характерных конфигураций. На борт пока заносить не станем. Начали!

Да, я понимаю, что в моем докладе несколько увлекся отдельными деталями; потому что, рассказывая, я невольно переживаю все заново — а это, поверьте, не самые слабые эмоции. Но вы правы в том смысле, что если продол-

жать изложение в том же духе, то вы можете помереть с голоду, а если и выживете, то у вас в головах все перемешается, а вам нужна ясность. Согласен и дальнейшее постараюсь излагать пунктирно, только чтобы вы представили себе последовательность событий.

Когда мы на ползуне уже приближались к предгорьям — теперь нас стало шестнадцать человек, идти были готовы еще не менее десятка, но я настоял на шестнадцати, чтобы не перегружать машину; — стала заметно ухудшаться погода (если то, что там было, вообще можно назвать этим словом). Правда, то, что ветер теперь дул нам в спину, вроде бы облегчало нашу задачу. Но он начал довольно круто усиливаться, что обещало некоторые сложности при возвращении. Пусть пока проблемы еще не возникло, но другие перемены требовали немедленного внимания и — порой — реагирования. Какие перемены? Перечисляю: усиление магнитного поля; температуры; после пересечения разлома — переползти через него нельзя было, пришлось прыгать с разгона — осязаемое содрогание грунта; увеличение статического заряда; остальное — мелочи. В кабине ползуна мы чувствовали себя достаточно надежно защищенными. Но временами становилось необходимым остановиться и высадить группу, потому что ведь мы ехали ради каких-то новых находок, а не просто чтобы встряхнуться. Так что пришлось сделать три станции — в тех местах, где обнаруживалось нечто, мимо чего никак нельзя было проехать.

Что я имею в виду? В общих словах: все чаще попадавшие и все более сложные — ну как бы поточнее назвать — фрагменты конструкций, в большинстве своем совершенно непонятного нам назначения. Похоже, именно наверху, в горах всю резвились механики-абстракционисты. С каждой из этих станций мы прихватили по хорошему образцу, взяли бы и больше, но багажный отсек был уже полон, да и грузоподъемность наша практически исчерпалась. На каждой последующей станции мы действовали все более уверенно и, я бы сказал, спокойно, потому что устали удивляться, не старались вникать в то, что видим, ворочаем и грузим, а думали именно только: как поднять и как уложить и закрепить понадежнее. Мы не обращали больше внимания на то, что в гору непрерывно — отставая от нас, когда мы двигались, и обгоняя, когда ползун останавливался — то ползли, то прямо кубарем катились те же самые первичные, так сказать, детали, которые на наших глазах возникали внизу из перенасыщенного раствора. Ну, ползут вверх — и ползут, видимо, тут комбинированно действу-

ют крепкий ветер и магнитное поле, а почему, по какой программе и с какой целью все действует — размышления об этом мы откладывали на потом. Когда компьютер ползуна тревожно засигналил и выдал информацию о том, что риск пребывания здесь перевалил за шестьдесят процентов, мы с ним охотно согласились, потому что за бортом машины шел уже буквально электрический дождь — непрерывные разряды, — атмосфера не только текла все быстрее, но и сотрясалась при этом, и грунт, над которым мы ползли — теперь то была, судя по анализу, гранитная плита, — вибрировал в полном соответствии с атмосферой. Я осторожно кашлянул прежде, чем доложить Мастеру:

— Пора уносить ноги. Иначе...

— Ясно вижу, — откликнулся он с явным неудовольствием в голосе. Чувствовалось, что ему очень хотелось добраться до недалекой уже вершинки, но интересы людей и корабля требовали организованного отхода на исходные. Так что он еще немного покряхтел, как и обычно перед выполнением неприятного действия, и скомандовал:

— Обратный курс. По записанному треку. Без отклонений.

Сделать это было куда труднее, чем сказать: мы ползли по узкой расщелине, в которой никакой разворот не был возможен. Компьютер прочитал обстановку и дал задний ход; так нам предстояло проползти с полкилометра и только тогда выполнить нужный маневр. Таким способом мы пропутешествовали метров с полсотни; я просто не успел кинуть взгляд на счетчик, когда наконец и случилось то, чего любой из нас подсознательно ожидал с самого начала. Началась большая неприятность. Я искренне люблю всех и каждого, кто в тот миг находился в машине, за то, что никто не вскрикнул, не проговорил, даже не прошептал ни единого слова, по связи слышно было только, как кто-то вздохнул. И тут, как и обычно, исключением из правила оказался сам Мастер, и мы услышали:

— Ну да, так и есть...

Вероятнее всего, слова эти относились к открывшемуся факту: горка, которую мы штурмовали и с которой теперь пытались отступить без потерь, оказалась не чем иным, как вулканчиком, и он не нашел лучшего времени для очередного приступа активности, чем вот эти самые мгновения.

Волей-неволей нам приходилось наблюдать это действие с самого начала. Мы были совершенно бессильны, не могли даже увеличить скорость — компьютер и так вел машину на допустимом в этих условиях пределе, — оставалось лишь

закрыть глаза, но на такое у нас просто не хватило сил. Каждому показалось необходимым самому увидеть, в какой именно миг лава перевалит через край подразумеваемого кратера и кинется за нами — просто потому, что у нее другого пути и не было. Так что мы видели во всем великолепии и фейерверк, устроенный, похоже, именно в нашу честь, и слышали лихую работу здешнего ударника, ту дробь, которую он сыграл, швыряя пригоршни камней — хотя, может быть, то были такие же бракованные детали, каких мы уже насмотрелись — о гулкий корпус ползуна. Этого мы не очень испугались; но вот удастся ли удрать от расплавленной магмы, с какой скоростью она потечет и через сколько минут настигнет нас — представляло серьезный повод для бесполезных размышлений. Мастер лишь ввел в комп новый корректив — и нам осталось только ждать.

Но лавы так и не появилось. Не поймите этого так, что стрельба была холостой и из кратера не выскочило вообще ничего. Вот именно — выскочило. Но не лава. Нечто другое. Увидев и осмыслив *это*, ни один из нас, боюсь, не смог удержаться от выражений, какие я, с вашего позволения, воспроизводить не стану. Но *это* и было единственным, что мы могли сделать в сложившихся условиях.

Впрочем, вряд ли стоит все *это* так расписывать: если не все, то большинство из вас уже видели видеозапись, поскольку писалось вообще все, что происходило во время нашей вылазки — до того самого мгновения, когда *это* разбило и нашу последнюю внешнюю камеру.

Это. Так мы — участники эпизода — и сейчас называем его, хотя вообще-то названий была предложена уйма: диномех, психозавр, кошмар-плюс, кривая смерть и еще не знаю сколько. Мы не приняли ни одного, потому что они ничуть не помогают тем, кто не видел, представить то, что, перевалив через гребень, весьма уверенно двигалось к нам. Лично у меня есть лишь минимальные требования к названию: из него должно быть ясно, что то была — по нашим представлениям — машина. Не менее ясно должно быть, что *это* вело себя в общем как живое существо — или квази живое, если хотите. Вы говорите — робот? Такое и нам сразу пришло в голову, однако Мастер...

Но об этом скажу чуть позже. Потому что пока мы все еще отползаем по расщелине с однорядным движением, а *это* следует за нами несколько быстрее, чем мы отступаем, потому что оно чувствует себя в этих условиях куда увереннее нашего.

Хотя бы потому, что оно опирается, как мы почти сразу увидели, не только о дно расщелины, но при надобности и чем-то другим — о склоны: лапами, шупами, антеннами, называйте как угодно. Еще что-то тянет вверх, как мы потом разобрались — ориентируется на горячую тучу, а еще что-то — в нашу сторону, вернее всего не ради знакомства с нами, а просто оценивая дорогу. На грунте оно перемещалось не при помощи колес, ног или, скажем, гусениц; все его дно — или брюхо, как называют другие — было утыкано — назовем их патрубками, или может быть выхлопами, через которые подавалась — иначе объяснить этот эффект нельзя — нечто под давлением, вернее всего — та же атмосфера. При каждом таком импульсе мелкие обломки взлетали фонтанчиком, потому я и считаю, что механизм движения был именно таким. Что было у него внутри — за то, чтобы увидеть это, каждый из нас отдал бы, пожалуй, немалый кусок своей жизни; но это сейчас, а тогда нам так не казалось, и потому такой возможности мы не получили. Сейчас объясню, как и что. Но сперва напомним, что размеры этого явления превышали наши — ползуна — не менее чем вдвое. И поскольку трудно было рассчитывать, что конструкция эта обладала ко всему еще и хотя бы начатками гуманности, никто из нас не сомневался, в чью пользу закончится игра, если она войдет в стадию контакта. Какая-то сила требовала, чтобы *это* спускалось вниз, дорога была только одна, мы были препятствием — и оно бы постаралось устранить нас, только и всего. Я, отвечающий за безопасность, в те секунды горько пожалел о том, что наш ползун не нес никакого вооружения. Оно очень пригодилось бы. Хотя бы по той причине, что пока мы, отползая, переживали все происходящее, кратер выдал еще один салют, и еще что-то перевалило через гребень и двинулось вслед за первым — иными словами, за нами.

К этому мгновению нас разделяло метров сорок, и было уже совершенно ясно, что доползти до расширения, чтобы развернуться, мы просто не успеем. Поэтому я отважился высказать свое соображение:

— Кэп, по-моему, пора что-то сделать.

На что он ответил:

— Прямо беда: каждый тут считает себя самым умным!

И тут же, без перерыва:

— Башня, башня! Я — первый. Получите приказ!

Откровенно говоря, я предполагал, что со связью у нас возникнут затруднения: в атмосфере помех было

больше, чем самих газов, ее составляющих. Чтобы получить хоть какую-то устойчивость, надо было перейти не только на другие частоты, но и на другую связь вообще — в том поле, в котором мы общаемся в сопространстве. К моему удивлению, корабельные связисты так и поступили, не дожидаясь моей подсказки; выходило, что и в самом деле у нас полно умников. Так что у Мастера сразу же возникла возможность поставить задачу. Но он прежде всего навел справки:

— Как идет зарядка?

— Ноль восемьдесят пять заряжено. Продолжается нормально.

— Слушай приказание. Заправку закончить немедленно. Плюсовой зонд перенацелить... Вы нас видите?

— Ясно видим, — последовало после паузы, которая лично мне показалась слишком уж долгой. Хотя на самом деле она была в пределах нормы, но мы к этому времени — все, кто был в ползуне — стали какими-то уж очень нервными.

— А движущийся объект в пятидесяти... отставить, в сорока пяти метрах от нас?

— Четко видим. — На сей раз башня обошлась без паузы.

— Перенацелить зонд на объект. Вести на пределе скорости. Провести над нами и таранить объект. Как поняли?

С запинкой ему ответили:

— Кэп, зонд может не выдержать столкновения. Мы его лишимся...

— Может, ты будешь выбирать, чего лишиться лучше: зонда — или нас?

— Вас понял.

— Слава Создателю. Слушай внимательно: главное — чтобы он прошел точно над нами. Отсюда мы доведем его сами. Все. Выполнить немедленно!

— Есть выполнить немедленно, — услышали мы, и я подумал, что вообще-то хорошо, что наш Мастер старался поддерживать на корабле флотскую дисциплину, хотя на исследовательских кораблях ее встречаешь сравнительно редко.

Ну, остальное было, как говорится, делом техники. Мы перехватили управление зондом даже раньше ожидавшегося, когда он был только на подходе. Нас отделяло от *этого* тридцать с небольшим метров, и то была последняя дистанция, на которой, по нашему расчету, нас не должны были задеть тяжелые обломки нашего зонда и местного чудища; легкие мы надеялись перенести без повреждений, несовмести-

мых, как говорится, с жизнью. Расчет оправдался. Столкновение было образцовым, лобовой таран. На несколько секунд атмосфера в том месте превратилась в смесь газов и летящего железа, причем железо преобладало. Научный глава экспедиции, вошедший в расширенный состав группы (хотя Мастер при этом очень выразительно морщился), не утерпел и тут же заявил:

— Капитан, я настаиваю на том, чтобы немедленно сделать станцию. *Это* была первая завершенная конструкция, и даже обломки ее могут дать нам...

Мастер даже не дал ему закончить — и, я считаю, совершенно правильно сделал:

— Обломки уже ничего не могут. Но тот, что играет там вторым номером, — вот он действительно может. Схватитесь с ним на кулаках? Или как?

Ученый понял, что сморозил глупость. С ними, с учеными, так бывает куда чаще, чем принято считать. Так что мы продолжали драпать с места происшествия на предельно возможной для данной ситуации скорости, и еще через двенадцать минут, когда второе *это* только стало карабкаться через возникший на его пути завал, мы выбрались наконец к устью расщелины, где смогли развернуться — и только пятки засверкали, потому что на прямой мы здешним монстрам давали большую фору.

Вот, собственно, все о самом эпизоде. С почти полностью заряженными батареями мы без особого труда стартовали, вышли в сопространство и, поскольку экономить теперь особенно не приходилось, включили автовозврат — и корабельная кваркотроника с готовностью потащила нас по тому пути, каким мы пришли к этой чертовой планете. Такой путь был, наверное, самым длинным из всех возможных, поскольку мы повторяли все идиотские фигуры, какие рисовал нами сопространственный шторм, с которого — надеюсь, вы не забыли — все и началось. Но хотя до Земли было еще очень не близко, мы, оказавшись в СП, стали чувствовать себя дома, что на той планетке у нас как-то не получалось. Мы пришли в себя.

И вот тут дисциплина и порядок на корабле едва не рухнули раз и навсегда. Потому что, почувствовав себя в безопасности, мы — да, и я сам тоже, хотя такое и не делает мне чести, — все мы пренебрегли правилами и потребовали у

Мастера объяснений. Начиная с того: какого черта он вообще приказал тогда садиться? Корабль ведь был в

порядке, а что касается энергетики — неужели не нашлось бы другого способа?

— Были некоторые соображения, — попытался он уйти от ясного ответа. Как видите, он не стал посылать нас куда по-дальше: учуял, что дело может дойти до бунта на корабле. Поэтому что каждый, кроме него, чувствовал себя смертельно оби-женным.

— Какие же соображения? — продолжил допрос глава-на-учник. — Или, быть может, вы полагаете, что наше скудоумие не позволит нам понять их?

— Да нет, — сказал капитан, — я думаю о вас не хуже, чем вы того заслуживаете. Но, к сожалению, у нас на борту боль-шинство составляют ученые. А они — в смысле вы — никогда до сих пор не принимали всерьез гипотезы Первой Кухни. И заикнись я тогда о ней, вы бы сразу устроили тут новгородское вече. Вот я и решил садиться без объяснений: больно уж обста-новка, в которой мы оказались, совпадала с «кухонной».

— Может, вы снизойдете до подробностей?

— Да сколько угодно, — сказал Мастер. — При условии, что вы не станете перебивать. Вопросы зададите, когда я за-кончу, идет?

Не оставалось ничего другого, как принять его условия.

— Ребята, — сказал нам Мастер, и в интонации его ясно слышалось: ну как же можно не понимать таких простых ве-щей. — Вас ведь, наверное, еще в школе учили тому, что раз-витие идет от простого к сложному, а не наоборот? Ага, учили. А то, что одна-единственная живая клетка куда сложнее даже и очень хитроумного механизма — с этим вы, я надеюсь, согла-ситесь? Ну, спасибо за такую сговорчивость. А если так, то не кажется ли вам, что движение, то есть развитие, неизбежно должно было вести прежде к образованию механических сис-тем и только потом, далеко не сразу, — к тому, что мы называ-ем живой материей? Все равно, как вы этот процесс назовете: творением или самозарождением. Лично я предпочитаю пер-вый вариант, но это уже дело совести каждого. Что мы с вами здесь обнаружили, по-моему, вам объяснять не нужно: именно на этой Кухне готовились первые блюда в огромном, а может быть — бесконечном меню развития жизни. Мы с вами пока нашли следы, так сказать, только отдельных эпизодов того, что можно было бы назвать механозойской эрой, стали свидетеля-ми весьма примитивных процессов, которые позволя-ют, однако же, понять, как возникали примитивы, как

осуществлялись первые взаимодействия между ними — все в пределах дозволенного, так сказать, наукой. То есть сперва во Вселенной обкатывался именно такой вариант; возможно, Творца привлекла именно его простота. И вот это местечко, независимое, не входящее не только ни в одну звездную систему, но, собственно, и ни в одну галактику, и являлось — теперь я уверен — Первой Кухней, где варилась жизнь. Мы с вами увидели только кусочки процесса, который сейчас продолжается, надо думать, уже только по инерции, хотя — как знать? Я уверен, что если бы нам удалось добраться до горной страны, мы бы нашли там дела и вещи куда более любопытные. Но для этого потребовалось бы совершенно другое снаряжение, и так далее. Может быть... но нет, пока не буду. Кстати: та бомбочка, что тогда, на подходе, лопнула рядом с нами, оказалась явлением крайне интересным. Нам тогда было не до нее, я, как вы помните, сразу приказал садиться. Но анализ того, чем нас запачкали, был сделан по автомату, как всегда делается, и уже сейчас, здесь я просмотрел результаты. И это было, по-вашему, что? Споры. Уже биология, вы понимаете? Уже биологическая жизнь, которую — так получается — Кухня время от времени выстреливает в пространство — наугад или нет, сказать не могу, да и никто пока не сможет. Значит, там наверху — в горах — может оказаться уже совсем другая Кухня. Было бы очень интересно заглянуть туда еще разок, уже, так сказать, во всеоружии — но сие, к сожалению, от нас не зависит. Доберемся до Земли — там начнем разбираться. Если нам поверят, конечно. Хотя кое-какие доказательства у нас, как вы знаете, есть. Но, как правило, власть имущие в своих решениях исходят не из доказательств, а из политических соображений, в которых я не очень разбираюсь, да и вы тоже. Вот что я имел вам сказать, Вопросы есть?

Господа, на этом я закончу мой рассказ. Главное вы слышали и, я полагаю, поняли. Наш Мастер во главе группы ученых, летавших с нами, сейчас сражается с великими мира сего — пытается выбить средства на новую, более серьезную экспедицию на Кухню; найти ее возможно, пока не разразился новый СП-ураган: после него записанный нашим кораблем курс будет представлять лишь музейный интерес, потому что там вся сетка снова непредсказуемо перекрутится. Не знаю, насколько вы понимаете, что такая экспедиция просто необходима, потому что она дает небывалую возможность выйти на прямой диалог с Тем, кто... Понимаете, развитие «кухонной» гипотезы прямым

путем выводит нас на заключение: не создав первоначально замышленной жизни — назовем ее условно «кристаллической», — Некто решил обзавестись инструментарием для сотворения ее на более высоком уровне; и создал, как вы сами понимаете, не что иное, как нас с вами, запрограммировав нас на создание той жизни, которую Он изначально предпочитал, уже на куда более высоком уровне. Сделал нас как бы катализатором этого процесса. И эту свою функцию мы исправно выполняем, хотя и не без осечек и противоречий, поскольку мы все-таки Его инструмент, и потому пуповина между Ним и нами продолжает существовать. Впрочем, во всяком инструменте есть частица его создателя — частица его духа. Но главный вопрос тут не в этом, а вот в чем: в любом процессе на каком-то его этапе инструмент, при помощи которого были пройдены предыдущие фазы развития, становится более не нужным. Не предполагаете ли вы, что мы уже находимся в той стадии процесса, когда созданные нами существа кристаллической жизни обретают способность самовоспроизводства? То есть мы становимся лишними в процессе развития?

Подумайте об этом, господа. Вы — не президенты, не политики; вы просто самые богатые и потому могущие представители человечества. Вы — и только вы можете стать спонсорами подобной экспедиции; да, это будет дорогим удовольствием, но результаты будут стоить куда больше тех денег, которые вы на нас истратите. Вот почему я и отнял тут у вас столько времени своим рассказом. Президенты денег не дадут, это ясно заранее. Им все происшедшее покажется скорее всего заумью. Но вы — другое дело; вы умеете реально оценивать обстановку, видеть перспективу и принимать верные решения. Вряд ли ошибусь, если скажу, что само существование человечества уже в среднесрочной перспективе, а может быть, теперь, после нашего посещения Кухни, и в краткосрочной зависит от вас.

Я понимаю: вам нужно подумать и, конечно, посоветаться в узком кругу. Естественно. Я подожду, все мы подождем.

Прошу только об одном: взвешивая все «за» и «против», не забывайте, пожалуйста, об одном: отработавший инструмент пускают в переплавку. И кто знает, во что нас переплавят? Хотите попробовать? Или с этим все-таки не стоит спешить?

Олег Дивов

ВРЕДНАЯ ПРОФЕССИЯ

С утра пораньше звонит налоговый и ласково так говорит:

— Ну чё, Сикорский, вешайся. К те москвич с проверкой двинул.

У меня кусок яичницы поперек горла — хрясь! Сиж, кашляю, глаза на лбу, душа в пятках.

— Эй! — кричит налоговый. — Старик! Не так буквально! Давай вылазь из петли. Мож, обойдется еще...

Отдышался более или менее, кофе хватанул, язык обжег. Весело день начинается, одно слово — полярный.

— Какого черта этот москвич ко мне поперся? — в трубку бормочу. — Он же вас проверяет, вас!

— В том-то и дело, что нас. В квартальных файлах ковырялся и вдруг спрашивает: эт чё еще за хрень, «КБ Сикорского»? Мы ему — нормальное АО, как хочет, так и называется, имеет право... А он — да не, я интересуюсь, откуда у вашего Сикорского такие льготы нечеловеческие? Судя по схеме налогообложения, там ваще не коммерческая фирма, а государственный интернат для инвалидов детства. Ну, я и...

Замаялся налоговый, вздыхает тяжело. Изображает, будто у него совесть есть.

— Чё ты? — спрашиваю, а в общем-то, уже догадался, чего он. Иначе бы не позвонил.

— Ты извини, — говорит, — старина. Ну затрахал он нас, понимаешь? До ручки довел. У меня прям само вырвалось — раз вы такой недоверчивый, господин советник первого ранга, так подите и лично оцените, чем Сикорский занимается и по-

что у него эдака бухгалтерия. Мол, были сигналы — не вертолеты он там конструирует...

— Спасибо, — говорю, — дружище. Век не забуду.

А сам уже в прихожей, куртку надрючиваю. Теперь на всех парах в ангар. Только бы успеть раньше москвича. Прямо вижу эту сцену — является дурак столичный с наглой рожей, удостоверением размахивает, финансовую отчетность требует, а ребята от него — кто по углам, а кто и под стол. Перепугаются, неделю потом работать не смогут от заикания и трясения рук. А с городом что будет? Одна у нас бригада такая уникальная, другой нету.

— Ткнул бы ты его в дерьмо носом, а, Сикорский?

— Размечтался! Как бы навыворот не вышло...

— Но у ты ж с документами порядок! Или нет?! — тревожится налоговый.

— Это единственное, с чем у мя порядок! — рычу и выкаываюсь за порог.

Опять двадцать пять. В смысле минус столько Цэ. По-нашему тепло. Подогреватель успел машину самую малость раскочегарить, завожусь легко. Первым делом схему города на дисплей. Та-ак, где мои героические сотрудники? Похоже, все еще ковыряются на Космонавта Мельника. От сердца малость отлегло. Вызываю техника-смотрителя.

— Пробили! — орет. — Вот прям тока что пробили затыку! А из колодца как хлестанет! Фонтаном! Игорь, ты не пове-ришь, у нас тут на всей улице от стены до стены — по колено... Ладно, с божьей помощью вычистим. Ты не волновайся, шас мы твоих каскадеров отмоем и мигом подвезем.

— Не надо мигом! — умоляю. — Медленно ехай, понял?

— Не-а. Чё случилось?

— Если медленно поедешь, ничё не случится. Просто к нам в ангар прям шас топает целый налоговый полковник из самой Москвы. А ты ж моих ребят знаешь... Короче, надо, чтоб я этого страшного дядьку встрел и подготовил.

— А-а... Ну, минут сорок-то я нашаманю, но больше чё-то не хочется. Они, понимаешь, по тебе дико соскучились. Нервные уже, у Кузи опять глаз дергается.

— Полчаса вполне хватит. Дергается, говоришь?.. Ничё, передергается.

Трогаюсь с места, а сам думаю — передергаться-то оно, конечно, передергается. И вообще Кузе надо привыкать, хоть полегоньку, но общаться с нормальными людьми.

А то вот убздохнет меня по весне сосулькой или, допустим, в катастрофу на машине въеду — и как тогда?.. Но все равно Кузю ужасно жалко. Если глаз у него — значит, к краю близко. Не может Кузя без меня подолгу. Целую ночь бригада на Мельника возилась, я в кои-то веки нормально выпасться успел.

Так, что нам еще нужно? У ребят привычка — как вернуться с пробоя, сразу ко мне в кабинет лезут. Не-ет, сегодня этот номер не пройдет. Звоню офис-менеджеру.

— Баба Катя! — кричу, едва на том конце трубку сняли. — Тревога! Шухер! Бегом в ангар! Станешь на входе, бригаду перехватишь и в жилой отсек ее загонишь! Чтоб никто ко мне ни ногой, пока сам не разрешу!

А в трубке внук ее спокойно так:

— Здравствуйте, дядя Игорь. Вы чё, забыли, у бабушки отгул сегодня. Она к маме уехавши, в шестой район. Свечи повезши и лампу керосиновую, там у них с полуночи электричества нет.

— Зачем свечи, если и так светло?

— Это вы, дядя Игорь, у них спросите.

Из шестого района баба Катя к ангару вовремя никак не поспевает. Кто еще может перевозбужденную бригаду утихомирить? Разве психолог, который с нами работает. Вызываю. Блокирован номер. Значит, работает психолог. Только, увы, не с нами.

Если все сегодня обойдется, премию себе выпишу ненормальную. В психопатологическом размере.

Контора у нас на отшибе, считай, за городской чертой, здоровый такой ангар. Удобно — я прямо внутрь заезжаю через подъемные ворота и у двери своего кабинета торможу. Вот она, конура родная — тепло, светло, целая стена завешена грамотами от мэрии, в аквариуме жабиус дрыхнет. Сразу как-то легче на душе. Только вдруг телефоны звонить начинают — и на столе, и в кармане разом. Подношу к ушам обе трубки и слышу в реальном стерео трубный рев дорогого нашего градоначальника.

— Сикорский хренов! — мэр орет. — Чё, этот хрен московский у тебя уже?

— Ждем-с, — отвечаю. — Хорошо, успел я, а то боязно за ребят. Вдруг он кусается или еще чё...

— Ребята... Чё ты мне про ребят, твои интеллигенты хреновы всего Космонавта Мельника на хрен засрали, десять хреновых цистерн туда ушло художество ихое вывозить!

— А чё вы хотели? — спрашиваю. — Там же уклон, и в самом низу затыка. Давление прикиньте! По нашим

расчетам, просто обязано было пёрнуть, иначе никак. А Мельнику по фигу, он космонавт. И не такое небось видал.

— Ты у меня на хрен дошутишься! Язва, понимаешь, сибирская! Слышь, Игорь, хрен с ним, с Мельником, у меня к те разговор серьезный.

— Закон такой есть, — говорю, — «Под давлением все ухудшается»! Физика.

— Это ты про чё?! — удивляется мэр.

— Про затыку под давлением. Затыку пробили, давление получило выход и пернуло. Чё теперь, не пробивать больше?

— Да забудь ты на хрен про свое давление пердящее!

— У меня-то давление нормальное. Утром тока мерил. Сто двадцать на семьсят. Хоть на Марс запускай вместо Мельника вашего ненаглядного.

— Я Мельника этого не просил у нас в городе рожаться... — отдувается мэр. — Слышь, Игорь, ну прости. Не хотел на тя орать. С самого утра как начались форс-мажоры... В шестом районе отвал подстанции — знаешь, да? Потом у связистов какой-то облом системы загадочный, сидим теперь без спутника. А шас звонят — сына из школы грозятся выгнать, педагоги хреновы! Ну, думаю, хватает неприятностей для одного-то дня... Ничё подобного! Ты представь — какой-то тундрюк бухой прямо у мя под окнами на снегоходе в «Макдоналдс» въехал. Через витрину. Ну чё, ну вот чё тундрюку надо в этой хреновой бигмачной?!

— Вкус сезона попробовать, — говорю. — Фирменную праву «МакСпирит». О, как ласкает тундрюкское ухо это знакомое — нет, я бы даже сказал — знаковое слово!

— В общем, Игорь, я чё решил. По закону ты не обязан докладывать налоговику о характере своей деятельности. Верно? Ну, вот и не говори, чем именно занимаешься.

Я от такой резкой перемены темы малость дурею, трясую головой и тут понимаю, что до сих пор сижу, как последний у-о, с двумя трубками.

— В документах чё записано — Сикорский предоставляет городу инжиниринговые услуги, так? Документы у тя в порядке, я знаю. Начнет москвич докапываться, какие такие услуги, скажи — идите на хрен, вертолеты конструирую, и ваще, у мя секретное КБ.

— А он ко мне после этого с прокурором не явится? — сомневаюсь.

— Прокурор ему сам явится! — мэр заверяет. — В кошмарном сне. Так и сказал — пускай тока ко мне сунется, я из этой евражки сошью варежку. Он знаешь, где живет, прокурор-то? Из коляски не вывались — на Космонавта Мельника! Прокурору твои услуги, эта... — инжиниринговые! — не реже чем раз в неделю требуются.

— Ну, если прокурор...

— Тока не проболтайся, а?

— Да мне болтать вам же незачем. И так за сто шагов до ангара понятно уж, чё за конструкторское бюро. Очень секретное.

— Мож, не собразит. Главна штука, молчи. Я даже представить боюсь, какая вонь подымется, если москвич узнает, до чё тут у нас все запущено.

— Насчет вони, — киваю, — это вы прямо в дырочку.

Градоначальник мою аллегория игнорирует, советует мучаться и отключается: Кладу трубки по местам. Сижу, жду москвича, кошусь одним глазом на компьютер с бухгалтерией, другим — на ящик с бумажной документацией. Руки так и чешутся лишний раз все проверить. Э-эх, была не была! Ворошу бумаги, прикидываю, к чему москвич придраться может. И тут стук в дверь. Начальственный такой.

— Милости просим! — весело почти кричу. А поджилки-то трясутся. И мэр накрутил дальше некуда, и самому неуютно. Если обещанная вонь действительно поднимется, «КБ Сикорского» через полгода-год можно будет закрывать. Фирму жалко, а особенно жаль ребят — ну кому они, кроме меня, нужны...

Заходит страшный московский дядя. И вправду страшный. Здоровый шкаф, морда кабанья, взгляд свирепый. Носом крутит. Принюхивается.

— Здравсте, — хрюкает. — Полковник Дубов, налоговая полиция, внеплановая проверка... — и прямо-таки жрет меня круглыми пороссячьими глазами.

А у вашего покорного слуги видок подозрительный до-нельзя — бумажками обложился, ни дать ни взять злостный неплательщик и уклонист от налогов по-быстроу бухгалтерию подчищает.

— Кто тут Сикорский?

Я аж оглядываюсь — да вроде нет больше никого в кабине-те, только жабиус. Он, конечно, зверь для своей породы не-нормально крупный, но все равно его за генерального директора даже с пьяных глаз не примешь.

— Я Сикорский, я. Вы присаживайтесь, господин полковник.

— Благодарю. Слушайте, а откуда запах такой жуткий? И на улице, и внутри. Канализацию пробило?

Засмеялся бы, да боязно, чересчур свиреп на вид полковник, не поймет юмора. У нас в городе про канализацию «пробило» — самое ценное слово. Потому что, значит, до этого ее намертво забило. Как давеча на Космонавта Мельника. А если забило — то, получается, что? Получается, должен прийти тот, кто умеет ее пробивать.

Ну а к запаху мы все привычные. Я не в том смысле, что только мы — «КБ Сикорского», — а вообще местные. Жизнь такая.

— Да здесь, — говорю, — на пригорке, роза ветров косая. Особенно по вторникам — чё тока сюда не несет. Тундрыки еще в позапрошлом веке жаловались, сам в городской хронике читал.

Ну, чес-говоря, про аборигенов я малость того.

В вечной мерзлоте фекальная канализация вообще плохо себя чувствует. Холодно ей, болезной. Тем более нашей, которую при царе Горохе тянули, наспех да неглубоко. И городишко раньше малюсенький был. Но худо-бедно дерьмо по трубам плавало. А сейчас тут опорная база громадной добывающей компании. Народу тьма, домов новых понатыкано, а сети-то коммунальные к чему подключали? К старой дохлой системе с узкими коллекторами, замкнутой на слабенькие отстойники. Да и качественный состав дерьма радикально изменился. Лет тридцать — сорок назад что по коллекторам текло — оно самое, газетами разбавленное. Так сказать, родственные материалы. А теперь народ чего только в унитазы не кидает, особенно милые дамы, хоть и запрещено это строжайше. Ну и клинит поток. Жуткие пробки образуются, дерьмо на улицу прет, а там его морозцем прихватывает — и вообще конец. Да и под землей потоку застаиваться ни в коем случае нельзя. Мало того, что мерзлота, так еще и ненормальная, перемерзшая — мы ведь кристаллический газ разрабатываем.

— Чем же это тянет? — Полковник снова нюхает и окончательно косорылит. — И откуда? У вас офис насквозь провонял. Чистый сероводород. Неужели с комбината?

— Не-е, природный газ вовсе не пахнет, в него потом специально меркаптан добавляют. Я говорю — роза

ветров. Кто его знает, чё летит да откуда. Мож, олень в тундре сдох...

М-да, про оленя — это я тоже слегка не очень.

Год назад комбинатские раскошелились и прекрасную регенераторную построили — вон она, рядышком, километра не будет. Только смысла в ней почти никакого, пока трубы под землей старые лежат. Эх, наврять бы полковнику, что это с регенераторной вонищу несет — так ведь не пахнет, зараза! Словно не дерьмо через себя гоняет, а газ, будь он неладен.

То, что здесь под ногами газа хоть задом ешь, давно открыли. Только он у нас будто прессованный, в кристаллической форме. И вот наконец-то догадались, как его добывать и в дело пускать. Вполне безопасным методом, хоть в подвале собственном копай. Ура-ура, роют шахтищу, ставят рядом комбинатище, набивают город населением под завязку, все замечательно. Только совсем не замечательно вышло, когда промышленная разработка началась. Пока опытные партии добывали, побочных эффектов не было. А как принялись этот самый газ мегатоннами сквозь верхние слои почвы выволакивать, ее — почву — проморозило на всю катушку. Вместе, сами понимаете, с трубами. Ладно, воду подогревать можно. А дерьмо?! В каждый унитаз по кипятильнику?! Или прикажете комбинату закупить биотуалетов на полста тыщ народу, да еще и, главное, постоянно снабжать их реактивами?

То ли дело тундрыки — при любой погоде во чистом поле оправляются, и хоть бы что. Аж завидки берут. Веселые ребята. Примерно раз в месяц съезжаются к комбинату на снегоходах, в воздух из берданок палят и орут хором: «Русский, волка позорная, уходи свой Россия! Оккупанта-империалиста, твоя мама фак, рашен гоу хоум!» Комбинатские тут же им пару рюкзаков огненной воды — на! Аборигены водку хватить и обратно в тундру. И все жутко довольны. Вот тоже загадка природы — на водку у начальства всегда деньги находятся. А канализацию специальную высокоширотную проложить — нехватка средств.

Есть, конечно, вариант нарубить в мерзлоте ям, чтобы весь город туда с ведерками бегал. Но вы сами представьте, сколько придется людям за дискомфорт приплачивать и как дружно они от такой жизни алкоголизмом заболеют. Весело, да — выкакиваешь из подъезда с ведром дерьма, полным до краев, вокруг минус шестьдесят, в организме ни грамма... Не-

реально. Психика не выдержит. Мы ж не первопроходцы какие, а простые трудящиеся.

Короче говоря, чтобы городская фекальная система работала, в ней должно идти непрерывное шевеление. Которое нужно как-то обеспечивать. То есть пробки выявлять и немедленно пробивать.

Чем и занимается акционерное общество закрытого типа «Конструкторское Бюро Сикорского».

Я сначала хотел контору назвать просто, как в том анекдоте: «Сливочная». А потом думаю — какого черта? Работа серьезная, ответственная, инженерного подхода требует... И вообще я парень с юмором. Вроде бы.

— А что за зверь удивительный в аквариуме? — Полковник огляделся и на жабиуса толстым пальцем указывает.

— Жаба, — говорю. Без неуместных комментариев.

Вообще-то наш зверь — Жабиус Говениус Рекс. Из-за него Михалыч с перепугу сознание потерял, когда Жабиус прямо ему на ногу выпрыгнул. Увлекаемый бурным потоком. Из очка в женском туалете достославной мэрии. Как он в нашу канализацию угодил, как там выжил — загадка. Обогрели зверя, приютили. Гордимся теперь. Директор комбината по части рептилий малость двинутый, у самого игуана дома живет, так он на нашу жабу глянуть специально приезжал. Долго рассматривал, языком цокал, а потом сказал: «Надо же, и цвет какой, прямо маскировочный!» А какой еще может быть цвет, если жабиус, научно выражаясь, чистой воды — точнее уж чистого дерьма — канализационный эндемик?..

— М-да, — говорит полковник, разглядывая жабиуса. — Издалека везли? Африка небось?

— Вроде того, — соглашаюсь. Один черт. Либо у меня денег куры не клюют, либо я враль записной. И то, и другое для налогового полицейского, считай, чистосердечное признание в воровстве.

Вот положение дурацкое! И знаю ведь точно, что ничего криминального полковник у меня не нароеет — все равно сердчишко екает. Эх, испортило русских засилье бюрократии, трусами сделало. Недаром мы нет-нет, а тундюкам позавидуем. В «Макдоналдс» на снегоходе... Да-а. Про таких народ говорит — «не зря прожил жизнь».

И тут слышу — дизеля. Урчат на подъеме, тяжелое волочут. Так это же цистерны! Громадные цистерны с подогревом, дерьмо с Космонавта Мельника на регене-

раторную везут. Аккурат мимо ангара нашего. Ур-ра-а! Ничего выдумывать не надо, так и скажу полковнику — да вот откуда запахи...

А полковник в это время достает платок, зажимает им нос и теперь уж совсем не в переносном смысле хрюкает:

— Ладно, приступим.

Только приступить у нас не выходит, потому что один из дизелей вдруг надсадно взрывает у самого крыльца, будто ангар таранить собрался. Правильно сориентировать московского гостя, подготовить к встрече с бригадой я не успеваю. За стеной раздается жуткий грохот, и сквозь уплотнитель на двери кабинета пробивается такая вонища, что даже мой тренированный нос морщится. Дезинфекция, она похлеще дерьма будет раз в десять.

— А это что еще такое?! — Выше платка москвич заметно наливается кровью.

— А это, уважаемый, — говорю, — вернулась с работы бригада пробойников!

«Хрен ли нам теперь?» — сказал бы в такой ситуации мэр. Вот и мне уже — не хрен.

— Ко-ого бригада?!

И тут парни вваливаются в кабинет. Впереди Кузя со своим дергающимся глазом.

— Пробили! Игорь, мы ее пробили!

Полковник уже не краснеет, а, напротив, бледнеет. Ребята все как один в списанных армейских боевых скафандрах, только шлемы снимали. А у Кузи в левой клешне — его любимая пропыра. И машет он ею в воздухе довольно опасно.

В общем, зрелище то еще.

Вонизьма тоже не дай бог.

Полковник сидя обалдевает. Впрочем, мне сейчас не до него, я смотрю на ребят, оцениваю, в каком они состоянии. Вроде ничего. Растут парни. Великая штука трудотерапия, если грамотно ее применять.

Тишка мне издала кивает, отстегивает варежки и лезет к аквариуму жабиуса кормить. Михалыч пытается вперед мимо Кузи пролезть и в ухо пропырой не схлопотать. А Кузя знай себе лопочет, рассказывает, как замечательно они сегодня пробили. Я его речь довольно хорошо разбираю — привык за пять лет, ёлы-палы, — но как раз сегодня меня сомнения одолевают. Потому что дешифровка Кузиного лепета следующая: когда парни уже всякую надежду потеряли осилить

затыку, вдруг родилась блестящая идея — не продавливать, а разбивать.

Изобретатели хреновы, они взяли Кузю за ноги и головой вниз с пятиметровой высоты в магистральную трубу бросили! А он пропыру в клешнях зажал, перед собой выставил... Ну и вонзился в мерзлую какашку. И так расшевелил ее.

«Пропыра» — это Кузя сам название выдумал. Четыре лома, сваренных вместе пакетом, и на конце железяка от топора-колуна, самого здорового, какой смогли найти. У нас, конечно, не только ручной пробойный струмент — техника всякая тоже имеется, — но когда нужно в тесном коллекторе затыку расковырять, лучше пропыры ничего не придумаешь. А в боевом скафандре экзоскелет и сервоприводы, мы это дело слегка усилили — знай себе дерьмовую мерзлоту пырай и в ус не дуй. Конечно, вместо штатных перчаток ставим варежки-клешни, иначе струмент не удержишь. Пять штук мне скафандров комбинатские снабженцы добыли, не знаю уж, как, но вроде по закону все, списанная амуниция.

— Послушайте, Сикорский... — Глаза у полковника совсем освиневшие. — Это что за сборище дебилов? Вонючих... Чем ваше так называемое «бюро» занимается?!

А у меня вдруг настроение приподнялось, ведь живы-здоровы парни, да еще затыку пробили. Задача выполнена, любимый город может гадить спокойно. Так чего мне бояться? Ну и отвечаю я москвичу:

— Известно, чем занимается. Вертолеты конструирует!

Тут-то Михалыч шутку и испортил.

У Михалыча самый высокий в бригаде ай-кью. Под семьдесят. Но когда на тебе боевой скафандр, кустарными способами приспособленный для работы в замерзшем дерьме по уши, интеллект не спасает — любое человеческое помещение для тебя, что посудная лавка для свежеразмороженного мамонта... Михалыч пробует обойти Кузю, неловко поворачивается, задевает полковника и роняет его на пол вместе со стулом. Прямо сносит.

Полковник не кричит, а визжит — свинья, она и в тундре свинья, — ему больно, его приложила бронированная машина в десять пудов. Кузя перепуганный отпрыгивает в сторону, роняет пропыру — вот уж повезло — и тарашится на полковника, словно тот не со стула, а с Луны свалился. «Кузя!» — зову я, мне важно отвлечь парня, у него была раньше манера от страха закрывать лицо руками, а клешни-то он не снял,

никак я их не отучу, чтобы, отстегнув шлем, первым делом свинчивали клешни...

— Не-ет! — ору.

Это Михалыч, намеренный исправить ошибку и загладить вину, нагибается и хватает полковника выше локтя страшной железной vareжкой с усилителями.

— Звините-пжалста-я-больше-не-буду! — выстреливает наш умник покаянную фразу, которую еще в первой группе интерната на всю жизнь затвердил.

Конечно, Михалыч хочет полковника на место посадить, легко и непринужденно, будто ничего и не было. Он сейчас двоих таких кабанов на одной руке поднимет. Сжимается vareжка.

— Сто-о-ой!!! Все назад! — кричу, а сам прикидываю, мне как, уже сегодня в коллекторе утопиться или погода чуток?

Полковник живучий оказался. Вырвался и прямо на трех костях, не переставая выть, из кабинета бросился, головой дверь вышиб и куда-то ускакал.

В тундру, раны зализывать.

Тишка в наступившей тишине произносит:

— Н-ну, мэ-мэ-мэ... Михалыч. Н-ну, ты и мэ-мэ-мэ... Идиот.

Это значит, он Михалыча осуждает, но слегка. Они когда хотят кого-то всерьез оскорбить, говорят «у-о». Еще одна привычка интернатовская.

У Тишки ай-кью вообще нет. Он тесты проходить отказывается, и все. Обходными путями ему полтинник насчитали. Занизили, думаю.

Михалыч сообщает, чего натворил, — и в плач.

Кузя видит, что Михалыч расстроен, и тоже принимается реветь.

Я выезжаю из-за стола, отстегиваю ребятам клешни, пока не начали ими слезы утирать.

В Тишке, похоже, разыгрывается командный дух, потому что глаза у него заметно мокрые. Но он еще держится. Это надо закрепить.

— Веди их в раздевалку, — говорю. — Проследи, чтобы приняли душ, и сам не забудь. Скафандры уложите аккуратно. Да, пропыру заberi — вон она валяется. Через полчаса отвезу вас завтракать и баиньки.

Угу, отвез. Только мне удастся кое-как успокоить ребят и помочь Тишке выгнать их из кабинета — опять звонок.

412 Техник-смотритель шестого района. Я и забыл совсем,

что у них разгонный насос в трубе стоит. Голь на выдумку хитра — раз дерьмо по собственной воле не плавает, ему турбонаддув устроили. Пока этого наддува не было, «КБ Сикорского» из шестого района просто не вылезало. Я там буквально дневал и ночевал. Да и ребята были еще неопытные, людей всяких боялись, а не только москвичей — приходилось бригадой непосредственно на месте командовать, чтобы парни защищенными себя чувствовали... А потом насос заработал, в шестом гораздо легче стало, вот и забыл я.

— Стопорится, — техник говорит. — Поднимается и стопорится. А напругу только к вечеру дадут. Боюсь, поздно, не сдюжит насос. Чё делать-то? Мож, толкнули бы слегка тяжелый слой?

«Тяжелый слой» — нижний, куда всякие инородные предметы опускаются, забухнув. Помню, дохлого оленя выковыряли. Как он туда угодил? Хотя жабиус тоже ведь откуда-то взялся, не из Африки же.

Да, толкать надо. Пропихивать из шестого в пятый, там уж оно самотеком разгонится. А то к вечеру на полтрубы завал нарастет, хоть всем городом разгребай.

— Три часа, — говорю. — Через три часа нас жди. Устали ребята, пусть хоть немного отдохнут. Сам с ними приеду. И чудес не обещаю. Умоталась бригада.

— Это твои-то три медведя, и умотались?

— Это они с виду три медведя. Психика зато как у котенка, не больше наперстка.

За стеной опять дизеля — новую порцию дерьма к регенераторной везут. Сижу, на спинку коляски откинулся, потолок разглядываю. Мечтаю об унитазах-биде с электронным управлением, как у меня дома. В каждую бы квартиру по такому агрегату — уже легче. Туалетная бумага, даже самая лучшая, в соединении с дерьмом очень неприятную пульпу образует, склонную к комкованию и замерзанию.

Еще мечтаю о федеральном законе, строго карающем за сбрасывание в унитаз использованных женских затычек и прокладок, а также упаковок от них. Оберток от конфет любых. Окурков. Пачек из-под сигарет. Бутылочных пробок (как они их туда роняют? зачем?). Обьедков вообще и кожуры банановой — отдельно. Яичниц подгоревших и другой некондиционной еды. Шприцев одноразовых и многоразовых. Клизм. Шерсти животных, как домашних, так и диких. Комьев вычесанных из головы волос, особенно — из головы

женской. Перьев любой птицы. Расходных материалов компьютерных. Технической документации на пленках. Черно-виковых постановлений мэрии — в любом виде, из-за непомерного объема. Денежных знаков, включая иностранные. Бумажников — как с денежными знаками, включая иностранные, так и без. Пластиковых карт дебетных и кредитных, в том числе банков-нерезидентов. Часов наручных. Средств мобильной связи и комплектующих к ним. Манипуляторов типа «мышь». Инструментов коррекции зрения типа «очки». Посуды битой — какая радость, что небитая, слава богу, не пролезет! Головок торцевых к ключам гаечным. Отверток. Ленты изоляционной, в рулонах и кусками. Деталей унитазов — немаловажная деталь! Ножей, вилок, ложек. Носовых платков. Шарфов, кашне, галстуков. Носков дырявых. Трусов! Колготок разных! Памперсов!!!

И кара должна быть адекватной — если что неположенное в унитаз бросил, пусть то же самое тебе в задницу вколотят!!!

Та-ак, пора звонить психологу. Уже не для ребят — для себя.

А тут и он сам, легок на помине, в кабинет заглядывает.

— Искал меня? — спрашивает. — Ну, что у вас? Как ребята?

— Ты где был?!

— У клиента. Срочная работа. Давай клянись о неразглашении — я сейчас ради тебя нарушу профессиональную этику.

— Пусть в шестом районе навсегда электричество отключат!

— Серьезно. Уважаю. В общем, Сикорский, дело такое. Если что-то понадобится от нашего прокурора — обращайся ко мне.

— У него чё, проблема с головой?! — спрашиваю, а сам провалиться готов сквозь вечную мерзлоту. Вдруг поплохело мужику на почве дерьма, застывшего противотанковыми надолбами прямо под окнами? Мало ли, какие он, сумасшедший, из этого зрелища выводы сделает. Может, и понадобится мне от него вскорости дружеская услуга — чтоб не посадил лет на сто.

— У него проблема с женой. Супруга прокурора раскрыла глобальный заговор. Оказывается, это марсиане устраивают диверсии в канализации. Хотят загнать человечество обратно в каменный век и поработить. У нас они пока тренируются, а вот через месяц забьет трубы по всей планете — и конец цивилизации.

Ой-е. То-то прокурор с самого утра вылезерился и москвичка обещал на варезки пустить.

— Съезжать им надо, — говорю, — с Космонавта Мельника.

— Это точно. Ну а у вас-то что за драма?

Обрисовал я ситуацию. «Растут парни, однако, — психолог говорит. — Еще полгодика назад было бы тебе весело...» Согласился ребят спать уложить и запрограммировать на полный отдых, чтобы пара часов — и как новые. Ну, двинули в жилой отсек. Это у нас в дальнем углу ангара есть как бы квартирка — на всякий экстренный случай вроде сегодняшнего. Кухня там, спальня и все такое. Пожевать-отлежаться.

Слышу — шум, гам, ребята в душевой плещутся. Веселые уже. Психологу обрадовались, он им почти как родной. А уж новость о работе сверхурочной для бригады всегда праздник. Этим обалдуям дай волю, они себя, как лошадей, до смерти загонят. Точнее, до нервного истощения. Которое у моих питомцев наступает так быстро, что и глазом моргнуть не успеешь.

Им, беднягам, сама по себе жизнь на воле раем кажется.

Хотя почему «беднягам»? Любят свою работу, окружены вниманием, наслаждаются каждым прожитым днем... Как они на днях в снежки играли! Милые громадные тридцатилетние дуrolомы. Счастливые. Детишки мои...

Радуюсь за них, да? А вот пробросят по городу нормальные трубы — и что дальше, Сикорский? Ребята станут не нужны, и у города не будет резона из кожи вон лезть, чтобы подтверждать ежегодно твое опекуновство. Ведь ты по закону не можешь быть опекуном. Ты по закону вообще почти ничего не можешь — да и помимо закона тоже... Дорастить парней до изменения им группы инвалидности — успеешь ли? Сумеешь ли? И потянут ли другую группу сами ребята?

А больше возможностей никаких. Улицы техника чистит, и даже в мусорщики нам не податься — сжигатель построили, а вывоз на полуавтоматах, знай кнопки нажимай. Нет в округе грязной работы. Прогресс, мать его, так и прет семимильными шагами. И значит, что?

И значит, как только фекальную систему заменят, никакой прокурор ребят не выручит. Наоборот, город постарается забыть, аки кошмарный сон, это многолетнее свое позорище — бригаду пробойников, единственную и неповторимую, одну на весь мир, хоть в Книгу рекордов заноси. И ребята поедут доживать в интернат для у-о, а ты... На свалку

истории. Тоже — доживать. Один-одинешенек, без детей, без жены — хотя, может, найдется какая сердобольная или просто на деньги падкая, уж денег-то «КБ Сикорского» в дерьме нарыло порядочно.

Прямо хоть диверсию учиняй. Нешто мы глупее марсиан? — Ты что, депресснул? — психолог спрашивает. — Наплюй.

Мы на кухне сидим, чай пьем. Ребята в спальне дрыхнут. За стеной опять автоцистерны надрываются. Вozить им сегодня — не перевозить.

— Да не, я так, о будущем задумался.

— А что задумываться? В будущем тебя, дорогой, ждет судебный иск от москвича. Вот увидишь, он еще попробует дело до уголовного раздуть. Ничего, не переживай. Мне сейчас опять к прокуроровой жене надо — заодно потолкую с ее супругом, хе-хе... За ребят не беспокойся. Я перед выходом бригады на пробой опять сюда подъеду, взгляну, как они.

— На этот раз не опоздай.

— Постараюсь. Жена-то не своя, а большого начальника. Ей просто так не скажешь — мол, извините, сударыня, меня другие сумасшедшие ждут...

Уехал. Я в мастерскую закатился, проверил скафандры, на струмент взглянул. Трудно что-то серьезное с этими железяками без помощи ребят делать, тяжелое все, но поверхностный-то осмотр я и в одиночку могу.

Вот непонятно, брать в шестой район «крота» или как. Не хотелось бы.

Наш «крот» — это не ваш «крот», тот, который наподобие ершика на длинном тросе с ручкой для вращения. Мы эти детские «кроты» именно ершиками и зовем, ими только унитазы да очки пробивать.

Наш-то «крот» — снаряд с переменной геометрией, такой комбайн самоходный для рыхления и подъема тяжелого слоя. Здоровый, сволочь, за машиной на прицепе таскаем. Всем хорош аппарат, да больно велик, даже в сложенном виде. Его можно только на стыке районов вниз загнать, где широкий спуск в коллектор. А поскольку в шестом сейчас тока нет, выходит, запитываться мы будем от седьмого — кабеля-то хватит?.. Ну его пока, «крота». Если увидим, что вручную не справляемся, техника-смотрителя попросим в ангар смотаться.

Эх, позарез мне нужен на подмогу толковый рукастый мужик. Да где его найдешь такого — чтобы у-о не боялся и на запахи не реагировал? «Комплексной бригаде про-

бойников требуется исполнительный менеджер — физически крепкий мужчина со слесарными навыками, страдающий хроническим насморком и способный нежно относиться к взрослым детям».

На первый взгляд, таких полно — я ведь искал, пытался. Но у всех соискателей была, как сказал психолог, явная нехватка асоциальных наклонностей. Только услышат, что «КБ Сикорского» дерьмо ворочает, — сразу до свидания, несмотря на громадный оклад.

Гадить-то в трубу все молодцы, а вот обеспечивать по ней движение... Если для этого нужны асоциальные наклонности, тогда я не понимаю, какие — социальные. Распустился народ. Три четверти мира газом обеспечивает, вот и распустился. Еще фыркает, что из России банановую республику сделали. Хороши русские бананы, ничего не скажешь — сто лет назад полстраны на дырку ходило, и ничего, а теперь каждому работнику подавай исправный унитаз, иначе не найдется. Желательно унитаз с Интернетом. Или отдельно унитаз и Интернет-П. Тьфу!..

Хотя, с другой стороны, жаловаться на всеобщую брезгливость мне грех — именно поэтому я и попал в десятку со своим «инжиниринговым проектом».

То есть в городскую канализацию попал.

Заехал в кабинет, с коляски на диванчик перевалился, задремал. От нервов, видимо. Непокойно как-то, чую, боком выйдет «КБ Сикорского» инцидент с москвичом. Проснулся — вся душа в царапинах, так ее кошки поскребли. И главное — тишина. Ни звонка, ни стука в дверь. Как затишье перед бурей. Ребят поднял, сказал к выходу готовиться. Сижу, на аквариум гляжу, жабиусу завидую. Корма ему подсыпал. За одной стеной бригада железом лязгает, за другой моторы гудят — надоели уже.

Телефон. Я аж подпрыгнул. Ну, думаю, началось! А это техник-смотритель.

— Выходите, — говорит, — я уж в горку еду. Чё-то движение нынче у вас прям как в центре...

— Так цистерны же. Ладно, мы на улицу. Эй, ребята! Пошли!

Техник что-то еще буркнул — мол, не только цистерны, да я не дослушал, у меня другой звонок входящий. Надеялся — психолог. А оказался налоговый.

— Сикорский! — кричит. — Ты чё натворил?!

— Да ты понимаешь...

— Москвич силовую поднял и к тебе поехал! Сиди, не дергайся, я мэру уже позвонил! Главна штука — не дергайся! Зас-трелят на фиг!

По коридору ребята на выход топают, мне из кабинета хорошо слышно. Только я рот открыл, вдруг — бабах! Дверь входная.

— Стоять! Оружие на пол!

И мат-перемат, уши вянут.

Силовая, она всегда так — побольше напора, шума и матерной ругани. Чтобы сразу-то в налогоплательщика не стрелять, авось, он испугается.

Да только не на тех напали.

Мне потом налоговый кассету с записью из коридора подарил. Она и так по городу ходила, но ее за большие деньги продавали, а он мне — бесплатно. «Как продюсеру», — сказал. У меня-то самого в коридор соваться пороку не хватило, я через ангар катился к запасному выходу, но что в это время происходило, теперь знаю и описать могу.

Значит, идет по коридору бригада пробойников в скафандрах с опущенными забралами. Шагает, как на парад. Веселая, отдохнувшая, с той, что утром была, заполошной и дерганой, — просто не сравнить, вообще другие люди. Впереди Кузя с Тишкой бок о бок. У Кузи в руке пропыра, а Тишка на плече тащит... Ладно, слово почти литературное, так что скажу — говнодав. Знатный струмент. Железнодорожный домкрат гидравлический с усилием разжима под сто тонн. К нему с двух концов приварены крышки от канализационных люков, только обточенные слегка, чтобы в любую трубу пролезало.

Сзади Михалыч топает, крестовины складные к говнодаву несет, из рельсов такие конструкции для упора.

А навстречу бригаде врывается группа силовой поддержки налоговой полиции. Все как положено — автоматы, броня, «оружие на пол», матюги.

Кузя, несмотря на устрашающие размеры, существо зас-тенчивое до трусости. Михалыч больше всего боится совершить какую-нибудь ошибку. А вот Тишка у нас боец, особенно когда отдохнул и на своей территории. Сейчас он дома, только собрался на работу, и тут к нему вперлись какие-то дураки, по замашкам — полные у-о.

Поэтому он берет и с плеча швыряет говнодавом в толпу силовиков.

Я бы не хотел, чтобы в меня запустили железнодорожным домкратом. Даже простым, без крышек от люков. А вы?

Силовики валяются, как кегли, роняя друг друга и беспорядочно паля во все стороны. Из стен и потолка летят ключья. Бригаде все равно, скафандр пуля не берет. К тому же ребята просто не знают, что это такое — когда в тебя стреляют.

Силовики пытаются встать и открыть прицельный огонь по ребятам. Но Тишка издает через внешние микрофоны скафандра оглушительный боевой клич — он так давеча кричал, играя в снежки. Тормознувшие было Кузя с Михалычем понимают — это тоже игра. Кузя выставляет перед собой пропыру, а Михалыч крестовины, и вдвоем они бросаются на противника.

И вышибают его из ангара к едрене матери.

Снося поднимающегося по ступенькам москвича, бережно прижимающего к груди загипсованную руку.

Там у нас пешеходный выход — крылечко небольшое с перилами, и ступенек штук пять.

Я как раз выехал через запасной, но перед ним давно не чистили, у меня колеса вязнут в сугробе. Поэтому я временно обездвижен и могу только наблюдать, как клубок из десятка бронированных тел катится по ступенькам. Грохот, вопли и какой-то смутно знакомый поросячий визг. Хорошо, силовые вроде поняли, что стрелять в ребят без толку. Если б они по-прежнему во все стороны пуляли, тут бы мне точно конец настал. Да наверняка и москвичу заодно.

Вовек этой сцены не забыть. Стоп-кадр. Широкая раскатанная дорога, машин стоит видимо-невидимо. И налоговые, и будка техника-смотрителя шестого района, и цистерны с дерьмом — водители бесплатный цирк смотрят. Перед ними на площадке у ангара куча мала, в центре Тишка виднеется, уже вновь овладевший говнодавом. Из-под кучи москвич выползти пытается, но его кто-то за ногу ухватил и, судя по выражению лица полковника, на болевой прием ее взял.

Кругом автоматы валяются, и пропыру Кузя потерял.

Тут на площадку влетает черный джип, из него прыгают мэр и прокурор. Секунду в ужасе на происходящее глядят, потом орать начинают, но поскольку их никто не слышит, бросаются кучу малу самолично растаскивать. Это смелое решение — мэру тут же дают в репу, он падает, и куча его накрывает.

Я, главное, сижу, как последний у-о, в своей коляске, с места двинуться не могу. Кричать-то бригаде, чтобы прекратила, бессмысленно, пробовал, глотка уже сорвана.

Если б не техник-смотритель, не знаю, чем бы все закончилось. Ребята мои только во вкус вошли, а силовые, те вроде ошалели — в жизни им никто такого успешного сопротивления не оказывал.

Но техник, он то ли побоялся возможного смертоубийства, то ли просто решил социальную справедливость учинить. Короче, он подбежал к ближайшей цистерне, что-то водиле сказал, отцепил сливной шланг и потянул к месту драки. А водила на цистерне крышку откинул и руку в пульт запустил.

Техник им по-честному крикнул — хватит, мол, а то худо будет. Но силовые как раз Тишку свалили, Михалыч за него обиделся и начал всех направо и налево крестовиной дубасить. Ну, техник и махнул водиле. А тот улыбнулся широко, будто космонавт Мельник перед стартом на Марс, и ручку дернул.

Цистерна-то с подогревом, дерьмо как свежее, даже лучше. И насос там хороший стоит, мощный... Они, главное, не сразу поняли, что происходит, возились еще чего-то, кулаками махали. Ну, тонну они приняли на себя, это точно. Значит, налоговых десять рыл, считая с москвичом, моих обалдуев трое да от отцов города два представителя. Хотя прокурор не в счет, ему сразу говнодавом пониже спины угодило, и он под крыльцо улетел. Выходит, около семидесяти килограммов на нос. Моим-то все равно, они в это дело каждый день ныряют, а вот остальным в целом не понравилось. У них еще и обмундирование было, как бы сказать, не по форме.

В общем, решили пока больше не драться.

Техник-смотритель шланг бросил, в машину — прыг, и газу. Правильно, я считаю.

Дерьмовозы тоже с места снялись — и на регенераторную.

И тишина. Даже налоговые не матерятся — стонут только жалобно. И москвич не визжит, охрип, бедный. Потом оказалось — мало того, что ребра ему помяли, когда с крыльца сшибли, так еще ногу вывихнули.

Я кнопку ткнул на подлокотнике коляски, в ангаре ворота открылись.

— Внимание! — кричу. — Предлагаю всем немедленно пройти в отсек санитарной обработки! Дезинфекция за счет компании.

Из-под крыльца вылезает прокурор. Весь в белом — снегу там намело. Держит в руках две половинки чьего-то автомата, одну со стволом, другую с прикладом. Глядит с интересом на медленно оседающую гору дерьма, из которой выбираются участники побоища — кто на четвереньках, а кто и вплавь. Смотрит на меня — все, думаю, конец. А он только говорит, сочувственно так:

— Ну, Сикорский, и вредную же ты профессию себе выбрал!

— Да чё, — говорю, — нормальную... Всегда хотел служить людям. Чтoб им было хорошо!

...Мы теперь на помойке работаем. Ее раньше в городе вообще не было, нынче есть. А то мусоросжигатель сгорел от перегрузки. Ну, я санинспектору ящик огненной воды поставил, так он мне самолично план «утилизационной площадки» начертил и благословение с гербовой печатью нарисовал. Арендовало «КБ Сикорского» кусок тундры, вырыло котлован, подъезд к нему накалато. По совету психолога выдержал я паузу в несколько дней, чтобы город провонял как следует, — и к мэрии. Внутри мне тогда не пройти было, ну, я не гордый, начальство у подъезда отловил.

Мэр вообще плохо выглядел в тот день — чего вы хотите, город в мусоре тонет и помощи ждать неоткуда, — а как меня увидел, затрясся весь и попробовал от самых дверей подъезда с разбегу в машину запрыгнуть. Поскользнулся, головой в сугроб — хрясь! Я уже тут как тут, колесом ему на шубу наехал, теперь быстро не отвяжешься от Сикорского. Тогда мэр решил инсульт симулировать. А я, пока все суетились, кому надо из помощников — свое предложение об оказании инжиниринговых услуг. Мэр таблеток сердечных поел, отдышался слегка, ему и говорят — спаситель наш тутa. Мэр — чё, этот?! Ему — он самый.

И пошло все почти как раньше. Мне бульдозер под ручное управление переделали, ребята помогают машинам разгружаться, выскребают, что прилипло. Новый сжигатель обещают не скоро — денег нет — и от печальных дум о будущем я временно застрахован.

Техник из шестого района тоже к нам подался, исполнителем менеджером. Говорит, на помойке дела-

ется реальное дело, живое, для всеобщей пользы, да еще и весело. И то правда, на канализации нынче от тоски помрешь. Как только скандал до Москвы докатился, приехала к нам большая комиссия, а едва растеплилось, начали по городу класть современную морозоустойчивую фекальную систему. Конструкция продуманная, никогда не заткнется, с Аляски специалисты приезжали — только языками цокали.

Ребята поначалу слегка приуныли. Я их понимаю, все-таки «пробойник» звучит гордо, вы произнесите вслух — пробойник! — мощно, да? А «оператор У-площадки» — совсем не звучит. На том же комбинате операторов всяких, как в тундре оленей. Со шваброй бегают, а уже оператор. Психолог, и тот не сразу парням растолковал, что новая их профессия не менее опасная, героическая и нужная людям, чем прежняя. И тут я в один прекрасный день, орудуя рычагами и наблюдая, как бригада в мусоровозе копошится, слово придумал — «отбойник». Ребята ведь чем занимаются? Отбивают от кузовов машин куски прессованного мусора. Так и говорю: были вы пробойники, а теперь отбойники — какая разница? Повеселели. Действительно, какая разница?

Ведь эта наша работа на прежнюю до удивления похожа. Я уже мечтаю иногда, чтобы запретили населению мебельные гарнитуры на помойку выкидывать — а то возни с ними...

Вот, опять! Целых три холодильника. Я их, конечно, гусеницами утрамбую. Но котлован у меня не резиновый! А народ в него валит что ни попадя. Ладно б одни холодильники. Ужас, чего только мы не утилизируем. И в каких объемах. Едва за мусоровозами поспеваем, да и места уже в обрез, пора еще площадку открывать и искать человека на второй бульдозер.

Точно — запретить. Чтоб не смели выбрасывать, как-то: снегоходы разукomплектованные и кузова автомобильные. Двигатели бензиновые, дизельные и электрические. Колеса в сборе, диски, шины, детали подвески крупнее наконечника рулевой тяги. Плиты кухонные. Стиральные и посудомоечные машины. Прочую бытовую технику. Отдельно ванны, за них вообще бить смертным боем. Ванны процессу утилизации мешают невероятно, особенно большие гидромассажные, те просто нам на площадке отравляют жизнь. Технику множительную и электронно-вычислительную — тоже желательно на фиг. Мониторы разные — к чертовой

матери. Туда же антенны спутниковые и усилители к ним. Никаких деталей систем вентиляции и кондиционирования. Под запрет — отопители любых видов. Мебель комплектную и некомплектную. Рамы оконные. Трубы любые. Совсем любые — включая музыкальные инструменты. Тоже любые. Игрушки детские, мягкие и жесткие. Игрушки взрослые, как в надутом, так и в сдутом виде...

И унитазы. С унитазами, конечно, довольно легко справиться, но они меня почему-то особенно раздражают!

По самым предварительным оценкам,
для модернизации коммунальных сетей
России понадобится не менее 10 лет
и 555 миллиардов рублей.

Из газет, осень 2001 г.

Леонид Каганов

ИТАК, ХОМИНОИДЫ

Профессор Анастаси важно поднялся на кафедральный холм, почти ни разу не споткнувшись. Он легко приподнял столешницу кафедры и вынул свои тезисы. Последнюю неделю он хранил их здесь, на кафедральном холме — чтобы не забыть дома в последний момент.

Из динамиков раздался металлический перезвон, открывая доклад, ради которого сюда съехались ученые всех стран. А вслед за этим раздались и громовые аплодисменты. И хотя профессор ожидал этого звука, но от неожиданности вздрогнул и столешница захлопнулась, больно прищемив руку. Профессор сдержался. Аплодисменты стихли и наступила тишина. Профессор оглядел ряды собравшихся до самого горизонта. Все смотрели на него и ждали. Пора было начинать.

— Калеки! — воскликнул профессор в микрофон, а могучие равнинные динамики подхватили его голос и унесли вдаль.

Миллионная толпа ученых невятно загудела в ответ. Профессор Анастаси позеленел от смущения.

— Простите, оговорка... — прошептал он. — Разумеется, имелось в виду — коллеги.

Шум моментально стих. Оговорка, привычное дело.

— Коллеги! — сказал Анастаси, сделал эффектную паузу, глубоко вздохнул и продолжил уже хорошо отрепетированным голосом: — Товарищи! Граждане! Сейчас я скажу о том, что чувствует каждый из нас, хотя не каждый говорит об этом вслух! В нашем обществе принято делать вид, что все в порядке, что так и должно быть...

Равнина напряглась. Профессор чувствовал это, поэтому не стал затягивать паузу, а глубоко вздохнул и выпалил:

— Пусть выйдет вперед тот, кто чувствует себя счастливым! Пусть выйдет тот, кому в жизни все удастся!

Разумеется, вопрос был риторическим. Профессор быстро кивнул ассистенту Пау, и тот выставил перед кафедрой специально заготовленную табличку:

ВСТУПЛЕНИЕ В СЧАСТЬЕ

Анастаси придвинул тезисы еще ближе, словно их собирались украсть, прижался к самому микрофону и быстро заговорил:

— Тема моего доклада — счастье и удача. Почему мы так несчастны? Почему нам так не везет в жизни? Каждый из нас задает себе этот вопрос: почему я неудачник? И действительно, почему? И простые граждане, и крестьяне, и рабочие, и политики, и мы, ученые, никто из нас не может сказать «я счастлив»? Кто из нас может похвастаться успешной личной жизнью? Большим количеством денег? Высокими достижениями?

— А-а-а! — взволнованно подхватила равнина, и профессор воодушевился.

— Может быть, именно поэтому мы так любим смотреть фильмы, где добро побеждает зло? Может быть, именно поэтому мы читаем фантастические книги, в которых герой выходит невредимым из любых ситуаций?

— У-у-у... — зашелестела равнина.

Профессор с опаской оглядел собравшихся поверх очков.

— С каждым из нас ежедневно случается куча мелких и крупных неприятностей! — продолжал профессор. — Мы так привыкли к этому, так равнодушно переносим все удары судьбы, что порой даже не замечаем их. И в тот момент, когда беда символизирует бесплатный проезд...

Он остановился, задумался и перелистнул страницу обратно. Неприятно ныла ушибленная рука, мешая сосредоточиться. Равнина ждала.

— В тот момент, когда беда... — он глянул на следующий лист, — символизирует... Простите.

Так и есть, третьей страницы не хватало. Не хватало четвертой и пятой — сразу шла шестая. Конечно, про-

фессор знал текст наизусть, последние полгода репетировал дома перед зеркалом. Но сейчас все вылетело из головы.

— Небольшая заминка с тезисами, но это даже лучше! — объявил Анастаси. — Не будем удлинять вступление. Перейдем сразу к основной теме нашего доклада. Тема... Мне сложно без тезисов, но э-э-э... Если вкратце, своими словами... О, спасибо!

Профессор благодарно кивнул юному ассистенту, который протянул недостающие листы из запасного комплекта. А тем временем ассистент Пау сменил табличку:

КТО ТАКИЕ ХОМИНОИДЫ?

— Темой доклада является необычная форма жизни третьей планеты звезды F3176 — это пресловутые многоклеточные двуногие хоминоиды. В последние столетия эти удивительные создания у всех на устах, наука галактики переживает очередной бум — редкая конференция обходится без докладов о хоминоидах. Ученые всех планет, занимающиеся хоминоидами, словно сошли с ума...

По рядам прошел смехок. Справа, где располагались группы гостей, ритмично заколыхались длинные скафандры ироничных адонцев, а чуть ближе угрожающе зашевелились клешни зырян. Зыряне всегда принимали любое слово как оскорбление своей расы.

— Простите, я все время говорю не то, очень волнуюсь... — признался Анастаси. — Итак, хоминоиды... Долгое время их планета была безвидна и пуста, затем на ней появилась белковая жизнь, а разумный вид хоминоидов появился совсем недавно — буквально какой-нибудь миллион лет назад. Но уже сегодня все ученые признают этот вид жизни разумным и высокоцивилизованным. Темпы их развития поражают! Еще каких-нибудь сто тысяч лет назад они только-только научились добывать огонь, пятнадцать тысяч лет назад уже плавили медь, вскоре изобрели колесо, а в прошлом веке уже полетели в космос и даже благополучно вернулись! Тем не менее, как мы знаем, официальный контакт с хоминоидами пока решено не устанавливать, хотя все расы галактики ведут за ними самое пристальное наблюдение.

Профессор перелистнул страницу и оглядел толпу. Вроде зыряне успокоились. Все шло на удивление гладко. А это значит — надо ждать беды.

— Всю молниеносную историю хоминоидов будет правильнее назвать «историей успеха». Действительно, успех не покидал их ни на миг. Все, за что бы они ни взялись, — им удавалось! История хоминоидов — это перечень открытий-рывков, каждый из которых перебрасывал их цивилизацию на тысячи и тысячи лет вперед! Практически все открытия были сделаны хоминоидами случайно, мимоходом. Поэтому в наших средствах массовой информации... — профессор хмуро глянул поверх очков на сектор прессы, — а затем и в ученых кругах сложился миф о гениальности новорожденной расы. Но так ли это?

— Нет! — крикнули с равнины.

— Хоминоиды не глупы, — кивнул профессор. — Но они не гениальны! Это подтверждено многими исследованиями. Посмотрим правде в глаза: хоминоиды уникальны лишь тем, что фантастически удачливы!

— У-у-у!!! — взлетело над равниной, и профессор не понял, что это означает: несогласие с докладчиком или накопившуюся обиду?

— Материал большой и сложный. Я излагаю его эмоционально и путано. Местами говорю прописные истины, но прошу вас — набраться терпения и дослушать до конца! Вы будете потрясены! Более миллиона ученых клана Анастаси-У разрабатывали эту гипотезу в течение трехсот тридцати восьми поколений! И сегодня... — Профессор запнулся. — Сегодня наконец настал этот долгожданный... Я рад, что именно мне выпала... — Профессор снова запнулся и позеленел до самых рожек. — Простите. Не будем терять времени и перейдем сразу к делу! Если что-то будет непонятно, я прошу сразу задавать вопросы.

Равнина закивала. Пау выставил новую табличку:

ФЕНОМЕН ХОМИНОИДОВ

— Итак, хоминоиды фантастически удачливы. Они привыкли к своей удаче настолько, что не замечают ее. Хотя не замечать это трудно. Самый простой пример: любой зрелый хоминоид может вспомнить в своей жизни несколько случаев, когда ему грозила неминуемая гибель, но все обошлось благополучно. И это только те случаи, о которых ему известно! Куда больше случаев, когда хоминоид прошел мимо

смертельной опасности, так и не узнав о ней! Хоминоиды чувствуют себя настолько неуязвимыми, что их быт... Слайды! Нам пора перейти к слайдам!

Профессор взмахнул рукой и посмотрел на серую небесную пелену. Вслед за ним подняли головы и слушатели равнины. Небо оставалось пустым.

— Кхм... — сказал профессор в микрофон.

— Проектор не работает... — раздался испуганный шепот Пау. — Мы не знаем, в чем дело, мы...

— Здесь что, дебилы собрались?! — рявкнул профессор, забыв, что стоит у микрофона.

Его крик понесся над равниной, публика зашумела. Профессор хотел извиниться, но онемел от ужаса. Краем глаза он увидел, как зыряне начали махать клешнями, и через секунду над толпой уже взлетело первое искалеченное тело. К зырянам устремилась Рота Безопасности, но было поздно — началась свалка. Профессор закрыл глаза и почувствовал, что покрывается испариной. Но не даром Анастаси пользовался таким авторитетом в ученых кругах. Он сумел взять себя в руки и в этой ситуации.

— Коллеги! — сказал он веско. — Я прошу сохранять спокойствие и самодостаточность. Мой неразумный крик был обращен всего лишь к моим ассистентам, подчиненным клана. У нас сломался проектор, и... — Профессор повернулся к Пау, зажал микрофон и зашипел: — Дебилы!!! Где запасные проекторы?! У нас же три запасных проектора специально на случай, если...

— Мы пытаемся переставить слайды в запасной проектор! Но слайд заело! — прошептал Пау.

На левом фланге продолжалась бойня — зыряне кромсали щиты ротников.

— Уважаемые коллеги с планеты Зыра! — снова обратился Анастаси. — Я призываю вас к спокойствию! Всего лишь...

И тут небо осветилось. Повисла тишина, только раздавались шелчки клешней. Затем стихли и они. Равнина заплодировала.

— Итак! — воодушевился профессор и простер руку к небесам. — Неприятности улажены! Посмотрите на слайд! На слайде мы видим так называемую вилку — металлический гарпун с четырьмя заостренными лезвиями. Хоминоиды используют его в быту для перемещения пищи в ротовое отверстие. Казалось бы, одно неловкое движение — и ротовое отвер-

стие порвано! Распороты ткани, идет заражение! Вы же знаете, что многоклеточные организмы не восстанавливаются... Но этого не происходит! Хоминоиды хранят вилки в своих жилищах, бросают их где попало, казалось, наступи случайно... Но ни одного смертельного случая! Давайте следующий слайд!

За спиной послушно щелкнуло, и небо вновь осветилось.

— Кухонный нож! — объявил профессор и осекся. — Мнэ... Я планировал показать кухонный нож. Он куда более опасен, чем вилка. Но, видимо, слайды перепутаны, и здесь мы видим автомобиль. Внимание! Так называемый автомобиль! Это вид транспорта, управляемый вручную. В нем используется энергия взрыва, поэтому корпус начинен запасом жидкой взрывчатки. Двигается автомобиль с огромной скоростью по специально выровненным лентам на поверхности планеты. При этом выделяет отравляющий газ. Надо ли продолжать? От хоминоида, управляющего автомобилем, требуется максимум внимания и сосредоточенности ежесекундно — каждый миг он рискует выехать за пределы ленты, столкнуться с другим транспортом или с хоминоидом, пересекающим ленту пешком. Это неминуемая гибель. Гибель несет и пребывание рядом с трубой автомобиля, выпускающей ядовитый газ. Да и сама конструкция транспорта так сложна и ненадежна, что немалое количество времени автомобиль проводит в ремонте. Простое перемножение вероятности поломки машины, секундной невнимательности (а хоминоиды очень невнимательны!) и непредвиденных дорожных ситуаций показывает, что вероятность гибели хоминоида в машине приближается к ста процентам в первый же час поездки! Кто не верит, может убедиться на любом компьютерном тренажере, имитирующем гонки, — аварии следуют одна за другой. Но! — Профессор торжествующе обвел взглядом притихшую равнину. — Хоминоиды годами, десятилетиями пользуются своей техникой! Аварии крайне редки и не обязательно ведут к смерти хоминоидов! Давайте следующий слайд!

За спиной раздался грохот, небо разом потухло, профессор швырнуло вперед на микрофонную стойку, и наступила темнота.

Когда Анастаси пришел в себя, он лежал под кафедральным холмом, а трое ассистентов пытались его поднять.

— Что случилось? — спросил он хрипло.

Ассистент Воо поднял на профессора печальные стебельки:

— Профессор! Взорвалась линза проектора, осколками ранило троих. Погиб Пау...

— Пау... — Профессор замолчал.

— Повреждения так сильны, что он не смог восстановить целостность...

— О природа! — воскликнул профессор.

— Профессор, надо продолжать доклад! Равнина ждет!

Анастаси поднялся и дошел до кафедры. Равнина встретила его аплодисментами.

«Особо следует сказать о быте хоминоидов», — прочел профессор в тезисах. Или мы уже говорили об этом? Перед глазами стоял образ Пау — самого талантливого ученика...

— Коллеги! — сказал профессор. — Мы скорбим! Почтим минутой молчания память наших гибнущих собратьев!

Помолчав немного, Анастаси сказал:

— Но мы вынуждены продолжать то, ради чего собрались здесь. Итак, хоминоиды. Повседневная жизнь хоминоидов настолько пересыщена опасностью и угрозой для жизни, что любое другое существо не продержалась бы в этих условиях и нескольких часов. Мир, в котором живут хоминоиды, — дикая какофония скоростей, напряжений, ядов и прочих агрессивных стихий. Любая случайность — и хоминоид будет раздавлен, деформирован, утоплен, сожжен высоким напряжением... Они даже строят такие высокие жилища, что одно лишь случайное падение из окна — верная смерть. Но все это происходит крайне редко!

С равнины передали записку. Профессор развернул ее и усмехнулся.

— Неподписавшийся спрашивает: если хоминоидам все удастся и все у них получается, значит ли это, что им не надо трудиться?

Профессор обвел взглядом равнину — равнина ждала.

— Да, — сказал профессор. — Им не надо трудиться.

И сам поставил новую табличку:

ПСИХОЛОГИЯ ХОМИНОИДОВ

— Само слово «трудиться», которое в нашем языке означает «мучиться», в языке хоминоидов означает лишь «тратить силы на получение результата». Задумайтесь, какой глубокий смысл вложен в это определение! Хоминоиды действительно не

трудятся, как мы. Они искренне уверены, что способны справиться с любой задачей, достаточно лишь приложить немного усилий. И действительно, им этого вполне достаточно! Другое дело, что не все хоминоиды готовы приложить даже усилия, и поэтому своим детенышам они внушают с детства: нельзя лениться!

— Лениться? — спросили с равнины.

— О так называемой «лени» следует сказать особо, — кивнул профессор. — Лень — специальный термин языка хоминоидов, не имеющий аналогов в галактике. Лень — парадоксальное состояние разума, когда хоминоид — внимание! — будучи твердо убежден в благоприятном исходе работы, тем не менее готов заранее отказаться от результата, просто не желая прилагать усилий! Это нелепое состояние является вполне обычным для подавляющего большинства хоминоидов.

— Как же они работают? — спросил кто-то из сектора прессы.

— Хоминоиды по сравнению с нами работают мало и неохотно, — ответил профессор. — Половину времени они вообще проводят в биологическом оцепенении — ежесуточной спячке. Оставшееся время они посвящают разным личным делам и немного — работе. Максимум, на что обычно согласны хоминоиды, — так называемая служба, когда хоминоид приезжает на место службы, чтобы безынициативно выполнять нехитрые действия или указания начальства, получая за это необходимый жизненный паек. Редкий хоминоид согласен по своей инициативе тратить физическую и психическую энергию на какое-то дело. Но если такое случается, его называют «бизнесмен», что в переводе означает буквально: «хоминоид, занятый делом». Потратив немало времени и энергии, эти хоминоиды обычно добиваются успеха и благосостояния. Большинство же популяции предпочитают делом не заниматься. Поэтому, как я уже говорил, своим детенышам хоминоиды стараются хоть как-то с детства внушить идею о необходимости прилагать усилия. Об этом говорят, например, такие их поговорки, как «Без труда не вынешь рыбку из пруда»...

— Позвольте, что за бред? Это же очевидно! — раздался возмущенный голос из передних рядов.

— Это вам очевидно, коллега! — возразил Анастаси. — А хоминоиду это вовсе не очевидно! Случаи получения рыбки без труда у них тоже широко распространены. С вашего позволения, я все-таки продолжу. Поговорки:

«Дело мастера боится», «Лиха беда начало», «Кто рано встает — тому Бог подает»...

— Что такое Бог? — спросили с равнины.

— Об этом мы поговорим чуть позже, — кивнул профессор. — «Кто не рискует, тот не пьет шампанское».

— Что такое шампанское? — спросили с равнины.

— Шампанское — токсичный для психики напиток горького вкуса, пить который считается приятно и почетно, — объяснил профессор. — Тут необходимо отметить, что шампанское время от времени пьют все, и никто при этом не рискует. Несмотря на токсичность.

— Что такое рискует? — спросили с равнины.

— Мы тоже поговорим об этом позже! — кивнул профессор раздраженно. — Не перебивайте меня, пожалуйста! Я пытаюсь зачитать список поговорок! «Терпенье и труд все перетрут»...

— Что такое терпенье? — спросили с равнины.

Профессор глубоко вздохнул, но взял себя в руки.

— Так называемое терпение, — сказал он спокойно, — еще один термин языка хоминоидов, не имеющий аналогов в галактике. Он означает желание хоминоида потратить даже не силы — потратить время на ожидание результата.

— Вау!!! — изумилась равнина.

— Да! — кивнул профессор. — Это поразительно! Но хоминоид может не пожелать тратить и время! Для него недостаточно получить гарантированный результат в произвольной точке временного континуума, он может пожелать результата немедленно! И это вполне обычное поведение хоминоида, оно имеет свой термин — «нетерпение». Но даже нетерпеливые хоминоиды очень удачливы, и нередко...

— А как они это сами объясняют? — прокричали снизу.

Профессор усмехнулся, перелистнул страницу все еще ноющей рукой и сам сменил табличку:

САМООБЪЯСНЕНИЯ ХОМИНОИДОВ

— Забегая вперед, — гордо произнес профессор, — я скажу, что именно мы, клан историков-хоминологов Анастаси-У, совместно с кланом биологов-хоминологов Тадэ-У наконец разгадали тайну и нашли объяснение феномену хоминоидов!

Эта сенсация и является ключом моего научного доклада, поэтому, с вашего позволения, будет обнародована в

конце. Но сами хоминоиды этого объяснения пока не нашли, хотя такая удачливость не могла остаться незамеченной для них самих. Особо яркую удачу хоминоиды объясняют термином «повезло», «везение». Вообще слово «возить» в большинстве языков хоминоидов означает транспортные услуги. И «повезло» в данном контексте, — профессор замылся и некоторое время искал нужную страницу, — символизирует бесплатный проезд. Рассчитывать на везение — значит ожидать, пока некая высшая сила по своей инициативе и совершенно бескорыстно решит проблемы хоминоида: как транспортные, так и все остальные. Внимание, коллеги! Это очень важно! Главная особенность ментальности хоминоидов — постоянно ожидать везения по любому поводу и выражать искреннее негодование при его отсутствии, так называемом невезении. Хоминоиды искренне уверены, что природа им должна! Что такое невезение? То, что в языках всех форм жизни обитаемой галактики называется «давно ожидаемой и наконец случившейся бедой», хоминоиды называют легкомысленно: «невезение», «неудача», «несчастье». Да, в языке хоминоидов есть слова «беда» и «катастрофа», но означают они совсем не то, что принято у нас...

Толпа невнятно шумела. Профессор счел это благоприятным знаком и продолжил:

— Коллеги! Наберитесь терпения, осталось недолго! Результат, я уверен, ошеломит вас так же, как он ошеломил ученых наших кланов! Мой доклад посвящен естественным наукам, и, наверное, я зря так подробно останавливаюсь на философии хоминоидов... Но прошу понять — клан Анастаси-У специализируется на ксенолингвистике и ксенофилософии. А хоминоиды дают уникальнейшие данные!

— У-у-у... — гудела равнина.

— Как вы помните, коллеги, — продолжил Анастаси, — мы говорили о том, что свое везение хоминоиды объясняют действием высших сил. Именно высшие силы, по мнению хоминоидов, постоянно работают незримым обслуживающим персоналом, благотворно влияя на судьбы хоминоидов. Именно к высшей силе хоминоид регулярно адресует свои просьбы и пожелания, именно у нее просит помощи в трудную минуту. Врожденная вера в высшую силу, так называемая религиозность, тоже отличает хоминоидов от всех остальных жителей галактики. Легенды о высшей силе сильно отличаются у разных кланов хоминоидов, противоречат друг другу и постоянно эволюционируют. На ранних стадиях

цивилизации хоминоиды представляли высшую силу как набор духов-покровителей, в более поздних — как образ Спасителя, высшего существа, которое, в силу своего исключительного благорасположения, профессионально и круглосуточно занимается спасением хоминоидов от мелких и крупных неурядиц. Разработаны специальные правила мысленного и устного обращения к Спасителю с просьбами и пожеланиями. При этом каждому обратившемуся гарантируется внимание и благорасположение. Хотя религиозность хоминоидов врожденная, среди них попадаются атеисты, которые не разделяют общей веры в высшие силы. Религиозная культура сулит таким индивидам разнообразные наказания в виде бед и неудач. Но поскольку нет возможности документально обосновать неудачливость хоминоида-атеиста, религиозная теория придумала остроумный и парадоксальный выход — считается, что неудачи угрожают таким хоминоидам после смерти. Остальных же после смерти ожидают удачи, еще более яркие, чем в жизни. И это еще одна уникальная особенность хоминоидов — они настолько привыкли к удаче, что твердо уверены: их жизнь не окончится даже после смерти! А хоминоиды редко ошибаются! И я не удивлюсь... — Профессор замялся, слегка позеленел, покосился куда-то вверх через левое плечо и понизил голос: — И я не удивлюсь, если окажется, что для них там и впрямь... что-то в этом роде, так сказать, предусмотрено...

— У-у-у!!! — шумела равнина.

Что-то было не так. Анастаси прислушался.

— Не слышно! Микрофон! Микрофон! — кричала толпа.

— Профессор! — закричал подбежавший Воо. — Ничего не слышно! Весь раздел вы прочли с отключенным микрофоном!

— О природа! — воскликнул Анастаси. — Впрочем, оно и к лучшему, не надо касаться религии, скользкая тема.

— Микрофон снова включен, профессор! — сказал Воо. — А вам записка.

— Записка! — провозгласил профессор и начал читать вслух: «Профессор Анастаси! Вы утверждаете, что хоминоиды абсолютно счастливы? Но ведь счастливое существо не может эволюционировать! Несчастья необходимы для жизни, они заставляют действовать!» Спасибо за толковый вопрос! Я как раз собирался поговорить об этом, — сказал профессор и поставил новую табличку:

БЫВАЮТ ЛИ НЕСЧАСТЬЯ У ХОМИНОИДОВ?

— Абсолютно счастливое существо, как здесь правильно заметили, будет лишено всех мотивов и стремлений, поэтому не сможет полноценно жить и эволюционировать. Но природа хоминоидов предусматривает специальные механизмы, которые не позволяют этим существам, несмотря на свою фантастическую удачливость, чувствовать себя счастливыми. Я вовсе не утверждал, будто хоминоиды счастливы! Они счастливы лишь в нашем понимании, сами-то они искренне считают себя неудачниками!

На равнине раздался дружный смех, и профессору пришлось подождать, пока он стихнет. Все это время он с тревогой смотрел на небо — хотя конференция специально проводилась не в сезон дождей, небо сейчас стремительно темнело. На всякий случай следовало торопиться.

— Итак, хоминоиды и их несчастья. Вот первый пример — хоминоиды везучи в отношениях с природой, но не друг с другом. Естественная конкуренция снабжает хоминоидов бесконечными поводами для неудач. Парадокс! Будучи фантастически удачливыми, хоминоиды так привыкли получать все самое лучшее, что требуют максимума не только от безропотной природы, но и от социума: самый лучший быт, самую интересную жизнь, самый высокий пост, самую красивую самку, самого авторитетного самца. Но социум состоит из таких же удачливых хоминоидов, а максимум не может принадлежать всем! Поэтому хоминоиды все время заняты тем, что постоянно делят между собой блага, используя для этого уникальный инструмент — денежную меру. Не в силах получить все желаемое по максимуму, хоминоид чувствует себя несчастным. Особенно хоминоиды несчастны в личной жизни, где не всегда применима денежная мера. Хоминоид выбирает не любого брачного партнера, а самого наилучшего — по своим критериям. А этот наилучший партнер, в свою очередь, тоже выбирает себе наилучшего, и в своих взглядах они редко совпадают. Поэтому каждый хоминоид в своей жизни неоднократно сталкивается с так называемой несчастной любовью. Это сложно понять, ведь в нашем языке слова «любовь» и «несчастье» противоположны. Но в этом и кроется парадоксальность — обращая внимание на лучшего индивида и отвергая внимание тех, которые сочли лучшим тебя, хоминоиды создают бесконечно запутанные цепи взаимоотношений, позволяющие каж-

дому звену чувствовать себя несчастным. А вам вообще интересно, что я говорю? — забеспокоился профессор.

— Интересно!!! — вразнобой закричала равнина.

Небо стремительно темнело.

— Еще один неиссякаемый источник несчастий, — продолжил Анастаси, — это борьба за место в иерархии, так называемая карьера. Чтобы постоянно чувствовать себя социальными обиженными, у хоминоидов принято выстраивать социальные отношения в виде многоступенчатой пирамиды по принципу подчиненных и вожака. Естественно, наиболее почетные места в социуме малочисленны, и это прекрасный повод подчиненным чувствовать себя неудобно, даже если они сами являются вожаками для нижестоящей группы.

Профессор сделал паузу и попытался перевернуть лист, но ушибленная рука так распухла, что ему это не удалось. Удивительно, что при взрыве проектора он никак не ушибся. «Может, и мне после стольких лет работы с хоминоидами начнет везти?» — подумал он, и сам удивился такой мысли. Подскочивший Воо помог перевернуть лист. Анастаси продолжил:

— Но и вышеперечисленных естественных несчастий порой оказывается мало для полноценной жизни живого существа. И тут мы сталкиваемся с удивительным феноменом — испытывая острый недостаток в несчастье, хоминоиды разработали уникальные технологии, чтобы делать себя несчастными самостоятельно!

— Вау?! Как это??? — закричали с равнины.

— Да-да! — воодушевился профессор. — В это трудно поверить, но хоминоиды искусственно моделируют ситуации, которые принесут одним из них удачу, остальным — неудачу! Они выдумали невероятное количество специальных технологий, единственной целью которых является принести радость одному участнику и огорчение остальным! Это игры, споры, казино, лотереи, состязания, конкурсы... В более жестоком случае — так называемые войны. Война — это внутривидовая борьба, в процессе которой хоминоиды уничтожают друг друга, при этом часть из них гибнет, оставшиеся обретают так называемую победу — чисто символическое чувство превосходства.

— Этого не может быть! — закричали сразу несколько голосов из сектора прессы. — Это же смерть!

— Этот вопрос не ко мне, — заявил профессор. — Факт установленный и сомнению не подлежащий — читайте исследования и наблюдения за хоминоидами.

Первые капли дождя упали на холм, собравшиеся на равнине занервничали. Профессор поднял руку и придвинулся ближе к микрофону.

— Друзья! Коллеги! Погодные условия против нас. С вашего позволения, я пропущу все тезисы и перейду к главному тезису доклада — услышать который на этой равнине съехались миллионы ученых!

И ассистент Воо быстро поставил табличку:

РАЗГАДКА ТАЙНЫ ХОМИНОИДОВ

— Мы, подобно иным ученым, не стали ломать голову над тем, кто или что помогает хоминоидам! Нет! Мы смирились с фактами и взяли за аксиому, что удачливость — это врожденное свойство хоминоидов. В основу нашей теории легла гипотеза о том, что удачливость является таким же физическим параметром живой материи, как, например, вес или габариты. А если такое свойство существует, то степень удачливости градуальна у каждого существа, а у хоминоидов по сравнению с остальными обитателями Вселенной удачливость завышена на несколько порядков.

— Как это измерить? — крикнул снизу знакомый голос.

Профессор вытер с лица дождевые капли. Дождь лил тонкими холодными струями, собравшиеся на равнине поспешно разбредались.

— У нас нет приборов, чтобы измерить удачливость физически, — сказал Анастаси. — Удачливость поддается лишь статистическим измерениям. Для подтверждения нашей гипотезы мы вели долгие серии экспериментов с обычными лабораторными шишигами. Схема...

Профессор оглянулся. Воо лишь развел руками. То ли схему размыло дождем, то ли случилось что-то иное, но было ясно, что надо обходиться без схемы.

— Вкратце схема опытов такова. Десять тысяч шишиг запырвались в специальной кастрюле — мы назвали ее Камера Удачи. А сверху начинал сыпаться острый щебень. Через некоторое время в живых оставалось не более полу-

тора процентов шишигов — те, которые случайно избежали удара щепнем. Случайность, скажете вы?

— Естественно! — сказал знакомый голос из первых рядов, но профессор снова не смог вспомнить, чей это голос.

— А вот мы предположили, что эти шишиги изначально обладают более высоким потенциалом удачливости. А также мы предположили, что это свойство передается и по наследству. Поэтому, когда шишиги снова размножились в достаточном количестве, мы повторили процедуру — и так несколько тысяч раз. Результаты были впечатляющи — в итоге нам удалось вывести породу «везучих» шишигов. После бомбардировки щепнем кастрюли их выживаемость была почти в три раза выше, чем у обычных!

— Вопрос! — снова раздалось из передних рядов. — Уважаемый коллега, но не этот ли процесс делает сама природа со всеми нами? Мы регулярно подвергаемся опасностям, и часть нас гибнет! Если бы действительно «везучесть» была наследственной, то...

— Спасибо за вопрос! — перебил Анастаси. — Действительно, мы считаем, что естественный отбор везучих идет постоянно. И все мы, — Анастаси обвел глазами ряды ученых, — обладаем куда большей везучестью, чем можно было бы ожидать. Возьмем, к примеру, меня. Именно мне выпала честь делать этот доклад. А мой предок трехсотого колена был одним из немногих, кому удалось остаться в живых при знаменитом обвале Лосинской пластины... Другой вопрос: почему везучесть хоминоидов превосходит нашу на несколько порядков? И здесь мы нашли ответ на этот вопрос! Представьте себе шишигу. Обычную лабораторную шишигу — маленькую и лапчатую. Представьте, что при ее рождении существует некий конкурс из миллиона душ, каждая из которых имеет шансы родиться в теле шишиги! Но случайный выбор падает лишь на одну душу из миллиона. Таким образом, мы имеем ту же самую кастрюлю и щепень, которые выполняют отбор перед рождением...

— Коллега! Какая душа?! Изучая хоминоидов, вы сами впали в религиозность! — раздался возмущенный вопль из передних рядов и толпа неодобрительно загудела.

— Прошу спокойствия и внимания! — Анастаси так нервно постучал по кафедральному столу, что сломал два коготка на целой руке, хотя боли уже не ощутил. — Душу я упомянул лишь как иллюстрацию принципа, о котором сейчас расскажу. Этот принцип мы называли «механизмом пре-

натальной лотереи», проще говоря — случайный отбор существа еще до его рождения.

— Как это мыслимо?! — раздалось из передних рядов и толпа яростно зашумела.

— Минуточку!!! — умоляюще крикнул Анастаси. — Я уже заканчиваю лекцию! Осталось потерпеть совсем чуть-чуть! Господа коллеги, вы сейчас ведете себя как нетерпеливые хоминоиды!!!

Аргумент подействовал — шум смолк.

— Итак, хоминоиды, — сказал Анастаси, успокоившись. — Мы переходим к последнему, самому важному штриху доклада. Это покажется невероятным, но механизм пренатальной лотереи у хоминоидов действительно существует! И организован он на удивление просто. Как известно, хоминоиды — существа многоклеточные, но при размножении используют принцип развития из одной клетки. Казалось бы, вот и первая странность — не логичнее было бы многоклеточному организму размножаться делением или почкованием, как делают все многоклеточные нашей галактики? Но нет, каждый хоминоид вырастает из единственной клетки. Далее, мы с удивлением видим, что хоминоиды существа двуполые — новая особь появляется лишь при слиянии двух клеток в одну. Казалось бы, снова полный абсурд: два многоклеточных организма совмещают клетки, чтобы получить одну, из которой снова вырастет многоклеточная особь. Зачем такие сложности? Но именно здесь возникает очень интересный эффект: в момент оплодотворения хоминоид женского пола производит одну клетку. А хоминоид мужского пола — вот теперь внимание! — производит более двухсот миллионов клеток-сперматозоидов! Сливаются с женской клеткой лишь одна, остальные гибнут. Зачем это нужно с точки зрения природы? Над этой загадкой бились многие поколения биологов-хоминологов. Но наша гипотеза отвечает на этот вопрос! Это нужно для того, чтобы выбрать самую везучую клетку из двухсот миллионов! Таким образом, отбор самых везучих происходит еще до рождения! Посмотрите на хоминоидов — мы видим результат!

Толпа озадаченно молчала. Анастаси торжествующее смотрел вдаль.

— Позвольте! — раздалось из передних рядов сквозь шум дождя, и теперь профессор понял, кто это.

Главный враг и оппонент, коллега Эсту выступил вперед и продолжил:

— Насколько я изучал вопрос, этот половой механизм свойствен не только хоминоидам, но и большинству существ их планеты. Или вы утверждаете, что те же самые собаки хоминоидов — тоже самые удачливые существа во вселенной?

— Я готовился к этому вопросу. — кивнул Анастаси. — Да, коллега, я решительно утверждаю, что любая собака хоминоидов на несколько порядков удачливей любого существа галактики! Даже у хоминоидов существует поговорка «Заживет как на собаке», из которой можно сделать вывод о стойкости собак к травмам. Покажите мне в галактике любое другое многоклеточное существо, которое способно выжить после любого, даже самого мелкого ранения? Ведь даже...

— Я не верю ни одному слову! Это полнейший бред! — раздалось в ответ.

— Коллега Эсту! — саркастически улыбнулся Анастаси. — Все мы прекрасно знаем, с каким подозрением ваш клан всегда относился к нашим исследованиям. Но работа проделана, выводы очевидны! У вас нет аргументов, чтобы их опровергнуть! Вы хотите что-то доказать? Давайте проведем эксперимент: вы направляете на планету хоминоидов летающую тарелку и похищаете собаку, после чего садитесь с ней в Камеру Удачи и подвергаетесь бомбардировке щебнем. А мы посмотрим, как долго сумеет избегать гибели...

— Все слышали, как меня всенародно оскорбили?! — заорал профессор Эсту и начал стремительно карабкаться на кафедраальный холм. — Неслыханно!!! Мне предложили устроить кражу! Меня сравнили с собакой! Мне угрожали гибелью!!!

Толпа возмущенно загудела. Анастаси похолодел — действительно, забывшись, он сказал лишнее, ни в коем случае нельзя было говорить в таком тоне.

— Лживые теории профессора Анастаси призывают к насилию!!! — кричал Эсту. — Он ответит за гибель миллионов лабораторных шишиг! Он ответит за призывы к воровству!

— Помилуйте!!! Я же ни в коей мере не утверждал... — начал Анастаси, но Эсту проворно поднялся на кафедраальный холм и отпихнул его от микрофона.

— Нет!!! — закричал профессор Эсту в микрофон, стремительно зеленея, и его голос понесся над равниной. — Анастаси ответит за свою лживую теорию! Его теория пытается представить хоминоидов избранной расой! Да? Избранной расой? А всех остальных объявить неудачниками! Существами второго сорта!!! Это возмущает... Ы-ы-ы...

Эсту схватился протофалангой за сердечную вибриому и безвольно осел на помост кафедрального холма. Наступила тишина.

— Умер!!! — вдруг послышался визг из передних рядов.

— А-а-а!!! — заголосила толпа. — Долой лживую теорию!!! Долой убийц профессора Эсту!!! Долой! До-лой! До-лой! — оглушающе скандировала равнина.

И тут ударил гром и дождь наконец полился сплошной пеленой. Профессор Анастаси обреченно закрыл голову грудью протофалангами. В воздухе кружились разбросанные листы с тезисами, огромные капли дождя рвали их на клочки и прибивали к холму, словно гвоздями.

— До-о-олой! До-о-о-лой!!! — голосила равнина.

Доклад не удался.

Октябрь 2002 — февраль 2003

Москва

Ярослав Смирнов

DER ROTE RAUMKAMPFLIGER

«Дорогие друзья!

Сегодня вниманию высокого собрания я осмеливаюсь предложить свой скромный доклад-рецензию на автобиографическую книгу знаменитого и замечательного воина, доблестного пилота славных штернваффе, совершившего немало знатных подвигов на просторах Галактики, солдата и джентльмена Гюнтера фон Ниссмана.

Капитан, избородивший вдоль и поперек звездные моря, чье имя с уважением произносят и друзья, и враги, откроется нам с совершенно новой стороны. До сих пор писали только о нем, а сейчас мир литературы с удивлением обнаруживает в своих рядах нового, смело и даровито пишущего автора. Строгий стилист, прямой и беспощадный в своих оценках событий Великой Войны, он придерживается единственно верной линии, которая только и приличествует нашей литературе, — он говорит одну лишь правду. Перед внутренним взором читателя проходят моменты биографии командира знаменитого «унтер-раумкригсбоот», локального подпространственного истребителя URKB-13 «Цверг»; как живых, мы видим его родных, его боевых товарищей, его могучих противников. Вместе с автором мы проносимся по звездным трассам, ведем неравный бой, нападаем и отбиваем атаки, боремся с космическими катаклизмами и любуемся бесконечно прекрасными просторами Вселенной. На наших глазах горят и рассыпаются в прах могучие корабли, раскалываются планеты и взрываются солнца... Впрочем, дорогие друзья, прошу прощения, солнца там оста-

ются целыми... Но мне простительна эта ошибка: пафос этой, не побоюсь сказать, исповеди старого солдата настолько велик, что невольно дрожит голос, путаются мысли, а на глаза навертываются слезы. Какой слог, дорогие друзья, какие эмоции! Даже мне, старому профессору, имеющему четыре университетских образования и написавшему восемнадцать книг, становится, будто восторженному мальчишке, не по себе, когда я беру в руки эту книгу, листаю легкий пластик страниц и вижу перед собой бесконечные поля сражений...

Однако довольно предисловий.

Свою замечательную книгу автор назвал просто и скромно — «Дер роте Раумкампфлигер», что, как вы прекрасно понимаете, означает «Красный боец пространства». Напомню, что таким уважительным прозвищем Гюнтера фон Ниссмана наградили боевые товарищи — из-за алого цвета кормового обтекателя его корабля.

С той же простотой и скромностью, приличествующей настоящему солдату, строгому и беспристрастному наблюдателю, автор начинает свое повествование:

«...Я появился на свет в родовом имении своего отца, господина Базиля Ниссмана, в Баварии. Моя мать, урожденная Магдалена Шайффусс унд Альтерштадт, принадлежала к известному дворянскому роду, чьи следы теряются в веках...

Среди моих предков было немало солдат, преданно служивших Великой Германии. Все они являлись отличными бойцами, умело и с достоинством исполнявшими воинский долг. В моем роду по материнской линии сохранились предания о Карле фон Аасмане, который служил в гвардии Фридриха Великого и проявил чудеса храбрости, защищая императора на поле боя, пока палаш русского кавалериста случайно не разрубил его пополам. Внук Карла фон Аасмана, Дитер, воевал под началом Наполеона Бонапарта в его русской кампании и совершил немало подвигов в ужасной ледяной стране до того момента, когда пьяные казаки не утопили его в каком-то *puuzhnik'e* где-то под *Шмоленгсом*.

Особым почетом в нашей семье пользовались офицеры флота Великой Германии. Прадед моего отца, Генрих Ниссман, участвовал в Первой мировой войне, и служил он на подводной лодке. Как-то раз ему удалось удачным выстрелом из артиллерийского орудия потопить американское пассажирское судно, а до этого всего лишь одной торпедой он пустил на дно торговый корабль. К сожалению, этим кораблем

оказался парагвайский транспорт, из-за тумана по ошибке принятый за уругвайский.

Прадед же моей матери, Вольфганг-Иероним-Амадей барон фон Штюттенхаузен, покрыл себя славой в качестве летчика-истребителя в небе Второй мировой. Фюрер лично вручил ему Рыцарский крест. К тому дню, когда прапрадедушку сбили над Ленинградом — стояла страшная русская жара, он открыл окошко в кабине своего «Фокке-Вульфа», и туда случайно залетел советский 203-миллиметровый снаряд, — на его счету было 360 побед над самолетами противника, из них официально подтверждена 41.

Мой отец также посвятил свою жизнь служению Фатерлянду. Он вышел в отставку в чине генерала, воевал в Ираке и Сербии, *Казакстане* и Белоруссии, Туркестане и в Донецкой республике. Я помню фотографии, которые он присылал на мой домашний компьютер. Особенно запомнилась одна: отец, молодой, сильный и мужественный, стоит на вершине скального пика в горах Памира и держит в руках знамя. На скале рядом надписи: «Дейчланд» и «Здесь был Базиль». Это был миг триумфа.

Отец служил в парашютных войсках бундесвера, которые являлись прообразом наших знаменитых гевиттергренадирен, прославившихся в деле завоевания космического пространства на благо великой германской нации.

С детства отец был для меня примером. Помню, как-то раз мы с ним отправились на экскурсию в Альпы. Стоя на вершине замечательной горы, мы любовались красивым заснеженным пейзажем. Блики играли на подлунных глетчерах. Издалека доносилось мелодичное пение тирольских девушек. Ландшафт был упорядочен и тоже красив. Мой отец смахнул непрошеную скупую слезу, вызванную очарованием окружающей картины, и произнес: «Какие же варвары эти азиаты!» Даже в такую минуту он не забывал о благе Великой Германии. Не знаю точно, что отец хотел этим сказать, но его слова навсегда запечатлелись в моей памяти.

Чуть позже, в другую великую минуту, когда мы пили пиво и ели превосходный айсбайн в маленьком ресторанчике по пути домой, отец дал мне напутствие. Он так и сказал: «Мой сын, знаете ли вы, как много надо будет усердно и прилежно трудиться для того, чтобы выполнить наказ вождей и создать Священную Галактическую империю германской

нации?..» После этих слов я твердо решил пойти в кадетский корпус, а потом стать доблестным воином штернваффе...»

Обратите внимание, уважаемые друзья, как трогательно суровый солдат говорит о своем отце. Действительно, генерал Ниссман был известным воином, и я сам помню газетные репортажи о том, как его, освободителя народов от ига азиатской тирании и борца за ценности цивилизации, юные восторженные сербские и белорусские девушки встречают цветами — так же, как это было во время Второй мировой, когда белокурые симпатичные солдаты элитных частей германской армии вызвали восторг всей Европы своей выправкой и мужественным видом.

Итак, юноша, будущий герой, решает посвятить свою жизнь военной службе. Он оканчивает кадетский корпус, летную школу и поступает в Академию штернваффе, где из лучших молодых летчиков готовили будущих покорителей космического пространства — пилотов военно-космических сил.

Вот как он сам говорит о том периоде его жизни:

«...Надо сказать, что условия пребывания в Академии были нелегкими. По природе своей я не очень-то любил муштру и занятия, особенно точные науки. Не раз и не два мы с товарищами были вынуждены отпрашиваться у преподавателей и уходить в библиотеку, чтобы освежить свои знания и набраться сил. Однако библиотека почему-то всегда была закрыта, и, чтобы укрепить здоровье для успешного продолжения учебы, нам приходилось делать долгие остановки в различных бирхалле, где можно было утолить молодую жажду знаний стаканом холодной кипяченой или даже минеральной воды».

Как видите, дорогие друзья, юные пилоты со всем вниманием относились к напряженной учебе в Академии. А это спартанское отношение к пище телесной! Стакан воды — и все: вот как выковывался стальной дух будущих железных солдат.

Но вот пролетели месяцы учебы. Молодой штабсберфенрих-цур-штернзее вместе со своими товарищами вышел за ворота альма-матер, сверкая серебряными нашивками на новенькой черной красивой форме младшего офицера германского боевого космофлота, и направился прямо на свой корабль, принимать должность третьего помощника второго подкапитана URKB-66 «Гумберт Ахамер-Пифрадер», лидера Четвертой эскадрильи, Вольфштаффель-4, которая была приписана ко Второй эскадре подпространственных истребителей — знаменитой в будущем Унтерраумкригсбоотгешвадер-

Цвай «Вандерфогель». По дороге в космопорт молодой офицер, привлекавший всеобщее внимание со стороны патристически настроенной части женского населения своей выправкой и юношеским пылом, даже чуть не женился, но, вовремя осознав, что его ждут более великие дела, решил оставить устройство семейной жизни до лучших дней.

Впрочем, сам герой говорит об инциденте довольно глухо.

Итак, для молодого пилота начались суровые солдатские будни. Как вы помните, это были последние мирные дни, и вскоре угрюмым июньским утром чудовищно обманутое собственной интуицией правительство Объединенных Германских Территорий отдало приказ своим штурмовым частям атаковать Даймондборо — главную базу американских военно-космических сил.

Началась Шестая мировая война.

С первых дней величайшей в истории человечества войны Гюнтер фон Ниссман находился на ее переднем крае. Вначале он, как уже упоминалось, служил на корабле «Гумберт Ахамер-Пифрадер», который действовал на линии Земля — Луна, а потом перевелся — уже в качестве второго штурмана — на десантный ландунгсбоот «Фриц Лемп» и участвовал в знаменитом рейде штернваффе на Форт-Маккой, американскую базу на Марсе.

Вот как он описывает это сражение:

«...Вечерело. До высадки оставалось два часа. Я заканчивал свою вахту и вскоре должен был уйти из командирской рубки, как вдруг раздался сигнал тревоги. Нас атакуют! Я посмотрел на экраны и приборы. Да, это были американские корабли. Они стремились помешать нам осуществить высадку. Тут я услышал голос нашего командира, обер-капитана Дитриха Харна.

— Господин штурман! — сказал командир. — Приборы?

Я сразу догадался, о чем спрашивал господин обер-капитан.

— Восемнадцать! — ответил я, стараясь подражать бодрому и мужественному тону нашего замечательного старшего товарища.

— Ага! — произнес он, и было видно, что такое количество американских гиперорбитальных истребителей его ничуть не смущает. — А экраны?

— Тридцать два! — отрапортовал я, и обер-капитан удовлетворенно кивнул.

Единственное, о чем я пожалел в этот замечательный момент, — так это о том, что был вынужден оставаться сторонним наблюдателем того, как наши шестнадцать корветов, четырнадцать фрегатов и два раумкройцера вступили в бой с не ожидавшим яростной атаки противником и разнесли в клочья этих зарвавшихся янки. В этот момент я окончательно понял, что мое место — не на десантном корабле, а в пилотской кабине URKB, подобного тому, на котором я начинал службу.

...Но вот противник частью уничтожен, частью обращен в бегство. Для нашего ландунгсбота началась самая ответственная часть операции — высадка на Марс.

...Мы и еще пять десантных кораблей опустились на грунт в десяти милях к востоку от Форт-Маккоя. Вся хитрость состояла в том, чтобы захватить эту базу в целости, поскольку там находились энергетические заводы и армейские топливные склады, где на тот момент скопилась масса горючего, требовавшегося для обеспечения действий эскадры адмирала Роулингсона. Эскадра находилась на подлете к Марсу. Мы опередили противника всего на день.

Войска Объединенных Территорий, действовавшие в этом секторе Солнечной системы, в то время сами испытывали острую нехватку горючего, многие корабли нуждались в срочной профилактике силовых установок, поэтому необходимо было, как я уже говорил выше, не просто не дать противнику воспользоваться своими складами, но сохранить их в целости. Сделать это должны были Седьмая и Тридцать пятая бригады гевиттергренадирен».

Далее, дорогие друзья, в своем повествовании Гюнтер фон Ниссман поднимается до эпических высот. Чего стоят только описания того, как, стоя у посадочной ramпы, будущий «Дероте Раумкамплигер» наблюдал за быстрой и слаженной высадкой германских войск. Прямо видишь, как с грохотом, лязгая металлом о металл, выползают панцеркрафты; как ровными рядами, сосредоточенно и четко, выбегают из гигантских кораблей гевиттергренадирен в своих вороненых боевых скафандрах, с оружием на изготовку; как в боевой порядок разворачиваются знаменитые «кагуары», могучие танки на воздушной подушке, готовые раздавить любого противника, а в воздух в это время поднимаются бронированные стотонные кампфшрауберы «эльстер»: огромные лопасти их мощных винтов тяжело вращаются, срывая с плоских камней тонкий слой красного песка и разгоняя его мутными струями во все

стороны. Неяркое солнце багрового цвета уже совсем потерялось из глаз. Вдалеке раздается грохот разрывов: первые «эльстеры» успели найти свою добычу...

Какая мощь, дорогие друзья, какая впечатляющая чувствительность описаний! Наш герой мастерски владеет словом и пером... да.

Вы все знаете, чем закончился тот беспримерный рейд: устранный гарнизон Форт-Маккоя, все тридцать пять человек, сдались после короткого боя.

Но предоставим слово автору повествования.

«...Когда я попал в центральный бункер штаба обороны Форт-Маккоя, все было давно закончено. Наши бойцы прочесали корпуса автоматических заводов в поисках спрятавшихся солдат противника, но никого не нашли. Мы отпраздновали победу плохим американским виски и хорошей едой из местных запасов, угостив и пленников. Было довольно весело. Раздавался добродушный смех, звучала музыка. Пленные оказались веселыми ребятами, и мы хорошо провели время, хохоча над их забавными шутками.

Однако потом пленным пришлось расстрелять, потому что можно было ожидать какой-либо гадости с их стороны, да еще оказалось, что при штурме были убиты пятеро наших солдат и серьезно поврежден один из «эльстеров».

Наше хорошее настроение было омрачено одним инцидентом. Когда американцев вели на расстрел, выяснилось, что один из пленников являлся русским офицером с их передовой базы за Большим Каньоном. Его винтолет потерпел аварию во время пыльной бури неподалеку от Форт-Маккоя за день до нашего появления — это немудрено, поскольку известно, что русские плохие пилоты. Так вот, этот офицер проявил страшное вероломство: он имел наглость убить двух гевиттергренадирен голыми руками и убежать. Типично азиатская неблагодарность! Мы искали его до ночи, но так и не нашли. Надеюсь, что он все же сдох где-нибудь в сухих марсианских песках — цивилизованные солдаты не должны так себя вести.

Впрочем, окончания этой возмущившей меня истории я так и не узнал: на следующее утро наш корабль стартовал, взяв курс к Луне.

Там я с радостью обнаружил, что мой давнишний рапорт о переводе в эскадру локальных подпространственных кораблей удовлетворен. Я получил назначение на пост командира малого URKB-103 «Шнепфе».

Через месяц мы стартовали к базе Карлсхаффен, которая расположена на Амальтее».

Итак, дорогие друзья, для нашего героя начался новый этап его военной карьеры.

В те годы локальные подпространственники были слабы и ненадежны. Часто происходили аварии двигателей, гиперлокация и гипернавигация находились в зачаточном состоянии. Но уже тогда небольшие суденышки, выглядевшие сущими карликами рядом с могучими линкорами, бэттлфортами, раумкрюйцерами и крейсерами-щитоносцами, могли не только постоять за себя, но и серьезно досадить титанам космических пространств.

Представьте такую картину: где-то в далеком космосе стоит покой своей страны могучий боевой корабль. Его сканеры прощупывают пространство на многие мегаметры вокруг, его локаторы видят все чуть ли не до Земли. Опасности не заметно... нет, она есть, но далеко, команда готова отразить атаку армады кораблей противника, как только враг подойдет поближе, хотя бы тысяч на сто пятьдесят километров: ничего не останется от неприятеля. Но — что это?! Пока внимание навигаторов и наблюдателей было отвлечено далекими эскадрами и эскадрильями, совсем рядом, в каком-то мегаметре, из небытия выныривает крохотный — всего-то двадцать тысяч тонн — кораблик и выпускает одну за другой фотонные торпеды, и нет времени, чтобы уклониться, и нельзя уйти в гиперпереход... Взрывы, грохот, беспощадное море плазмы, мгновенно обрывающиеся, словно срезанные бритвой, крики людей... а маленький кораблик уже снова пропал, исчез в тесных глубинах подпространства...

Что стало причиной трагедии? Виноваты ли гиперакустики, проморгавшие подкравшуюся угрозу? Или это заслуга смелого экипажа локального подпространственника — унтерраумкригсбота, специального корвета-истребителя, сабспейс-файтера?..

Конечно, не всегда Давид побеждает Голиафа, что бы там ни говорили во всем известных воскресных передачах по пятьсот пятьдесят пятому каналу. Бывает, что приближающийся URKB засекают издали: только кораблик выпустит гипербуи в обычное пространство, как его уже заметили... тогда — тревога, наведены орудия главного калибра, бьется в тесных казенниках плазма... на экране звезда — как слеза... команда замерла в ожидании, но вот уже сброшены

подглубинные бомбы... и все кончено. Подпространство пожирает неудачников навсегда...

Спасибо за аплодисменты, дорогие друзья... но я, право, немного отвлекся. Обратимся к нашему герою.

«Мы шли на Амальтею в составе Вольфштаффель-5 Второй эскадры «Вандерфогель». Мы — это мой «Шнепфе», URKB-15 «Штраусс» и еще один малый URKB-105 «Либелле». Наша эскадрилья двигалась в нескольких сотнях мегаметров от Юпитера, в обычном пространстве, поскольку, как вы знаете, корабли URKB могут совершать гиперпереходы только на незначительные расстояния, зато с небывалой точностью. Стоял чудесный апрельский день. С утра было тепло, но не жарко, потому что я приказал не поднимать температуру на борту корабля выше берлинской в это время года и суток.

Внезапно раздался резкий сигнал. Нас вызывала станция службы дальнего обнаружения Йот-5 с базы на Амальтее. Текст сообщения заставил кровь быстрее течь по жилам. В пределах нашей досягаемости обнаружился конвой противника.

Я сразу понял, что предстоит боевое крещение. Конвой противника — пять фрегатов, один тяжелый крейсер и пять больших транспортов — шел в обычном пространстве со стороны пояса астероидов к границам системы. Их путь пролегал в стороне от обычной трассы движения, и поэтому явилось чистой случайностью, что мы оказались у них на дороге. Станция Йот-5 передала нам точные координаты и расчет траектории конvoja.

Три наших корабля ушли в подпространство и легли на боевой курс».

Итак, господа, Гюнтер фон Ниссман принимает свой первый бой. Представьте себе волнение молодого офицера, совсем недавно ставшего командиром корабля; представьте себе, как по сигналу боевой тревоги спешат по своим местам члены команды. Ни одного лишнего движения, лишь красный огонек аларма бросает отблески на сосредоточенные лица комендоров, застывших у пультов управления стрельбой, гипер акустиков, напряженно считывающих показания гипербуя, пилотов-наблюдателей, тревожно вглядывающихся в готовый показаться черный клочок бездонного космоса, двигателистов, тщательно проверяющих точнейшие настойки моторов... замерли в десантном отсеке бойцы штурмовой группы гевиттергренадирен, облаченные в бронескафандры, сжимающие электромагнитные блицгеверы в руках, готовые по первому приказу

броситься на abordаж вражеского корабля. Но вот впереди... то есть на экранах обзора обычного пространства показалось вражеское судно. Команда «Шнепфе» работает слаженно и четко, как единый механизм, которым руководит спокойный и мужественный человек, враз позабывший о своем волнении, — это командир корабля, кеттель-лейтенант Гюнтер фон Ниссман. Стальным взором он окидывает пространство, твердым голосом отдает короткие команды — и противнику не поздоровится, противник уже обречен...

Да, господа, это и есть — штернваффе в действии.

Но — снова автор.

«...Нам удалось подобраться к конвою незамеченными. Очевидно, в стороне от основных трасс противник чувствовал себя в относительной безопасности и расслабился. Мы заранее распределили цели. Ведущий, обер-капитан Эрих Руктешель на URKB-15, взял крейсер; мы с Ойгеном Путткамером, командиром URKB-105, выбрали по большому транспорту. На кораблях объявили трехминутную боевую готовность и выпустили гипербуи.

Йот-5 передала верные координаты и расчет траектории конвоя. Мы оказались на оптимальной дистанции для атаки. Однако когда наша эскадрилья вышла в юблихраум, то есть в обычное пространство, не все пошло гладко.

Только URKB-15 начал делать боевой разворот, как был обнаружен крейсером противника. Как потом выяснилось, конвой оказался смешанным: кроме американцев, там шли два русских судна, крейсер и транспорт, три канадских фрегата и еще два транспорта под флагом Юго-Восточного Союза. Крейсер был старым, поскольку Россия, как малая страна, в крупных конфликтах давно не участвовала и флот ее представлял собой кучу хлама. Так вот, эта груда ржавого железа просто не имела аппаратуры подпространственного обнаружения и современных дальнобойных средств поражения, зато в радиусе девяти-десяти мегаметров *wynosila* (не совсем точно знаю, что означает этот термин: очевидно, нечто подобное американскому *overkill*) почти все.

Бедному Руктешелю не повезло. Он успел выпустить по крейсеру только одну торпеду, которая была тут же сбита, а потом в течение буквально нескольких секунд эти русские превратили его кораблик в кучу космической пыли. В который раз я поразился их варварству и вероломству. Ведь официально на тот момент Россия в войне не участвовала. Но

эти дикари презрели нормы международного права и в упор расстреляли беззащитное суденышко!

Однако в ту секунду никто об этом не знал. Да и отвлекаться было некогда. Когда я увидел гигантский тихоходный транспорт в зоне поражения своих боевых систем, мною овладел настоящий охотничий азарт. Фрегаты сопровождения располагались слишком далеко, крейсер занимался тем, что разносил на атомы несчастного Эриха с его «Штрауссом», и у меня имелось достаточно времени, чтобы занять наиболее удобную позицию для атаки и выпустить фотонные торпеды.

— Залп! — скомандовал я, и Вилли Брауншвейгер, старший комендор, задействовал сенсоры пуска.

Мы стреляли почти в упор, с полумегаметра, я даже на краткий миг пожалел, что потратил драгоценные торпеды, а не расстрелял транспорт из лазеров и плутониевых пушек. Однако машина этих господ была настолько велика, что торпеды не разнесли ее в пыль, но все же сильно повредили.

Расстояние, повторяю, было минимальным. Я даже сумел визуально определить тип транспорта — «Мария», международный санитарно-пассажирский. Подобные корабли использовались Красным Крестом для перевозки людского контингента к местам постоянного пребывания во вновь основанных внутрисистемных колониях. Однако совершенно понятно, что во время войны под маской пресловутого Красного Креста может скрываться только хитроумный злонамеренный враг.

К счастью, в Академии штернваффе нас научили не быть наивными. Подобный транспорт мог нести в своем чреве до двадцати тысяч солдат противника. Ясно, что такой ущерб, причиненный нами врагу — или их союзнику, что несущественно, — явится дополнительной гарантией безопасности будущей Священной Галактической империи германской нации.

Для моих комендоров тоже нашлась работа. Когда из брюха вражеского транспорта стали вываливаться спасательные шлюпки, их тут же стали расстреливать из лазеров влет. Я даже улыбнулся — настолько это напоминало охоту на вальдшнепов. Мои ребята так увлеклись этим забавным занятием, что позабыли обо всем вокруг. Хорошо еще, что транспорты типа «Мария» не оснащены оборонительным вооружением, а не то можно было угодить под случайный выстрел.

Тем временем у Путткамера не все шло гладко. Атакованный им транспорт был почти мгновенно уничтожен — очевидно, одна из торпед попала в двигательный отсек.

У URKB-105 появился шанс атаковать еще одно судно противника. Однако Ойген замешкался со вторым залпом, и неприятельский корабль, сманеврировав, спрятался за два фрегата охранения.

К счастью, пропутешествовав таким образом, глупый американец (хотя потом оказалось, что японец) подставил себя под мои боевые системы. Японские пилоты, как известно, еще хуже американских. У меня оставались еще две торпеды, и обе я вклепил ему прямо в дюзы.

Этот транспорт был поменьше, чем «Мария», и через полминуты от него мало что осталось. Я даже огорчился: было бы очень забавно снова пострелять по спасательным капсулам, которые разлетаются во все стороны при одном виде моего грозного корабля.

А тем временем противник атаковал бедного Ойгена. На его корабле были хорошие комендоры, и один из фрегатов противника вскоре разлетелся к клочья. Однако оставшиеся насели на URKB-105, а тут еще и крейсер, эта ржавая посудина, приближался на дистанцию прямого выстрела из своих допотопных пушек.

Я связался с Путткамером. Оказалось, что он израсходовал все торпеды, а гипердвигатель его «Либелле» поврежден. Это явилось большой неудачей, поскольку фрегаты были гораздо быстрее и уйти Путткамер от них никак не мог.

Ситуация складывалась критическая. У моего «Шнепфе» торпед тоже не осталось, а воевать одними лазерами и пушками против тяжелого крейсера-щитоносца было бессмысленно. Все же, когда еще один подбитый Ойгеном фрегат вышел из боевого строя и оказался в пределах моей досягаемости, я добил его серией удачных выстрелов — американец слишком поздно заметил опасность.

Больше я ничего сделать не мог и, когда крейсер приблизился на двенадцать мегаметров ко мне и на восемь — к Ойгену, скомандовал выход из юблихраума.

Мы взяли прежний курс на Амальтею».

Итак, господа, боевое крещение состоялось. В первом же своем походе Гюнтер фон Ниссман записал на лицевой счет три уничтоженных корабля! Это было просто небывалым успехом. Умелое руководство слаженной командой, правильно выбранная тактика боя, точность в выполнении маневра, трезвая оценка ситуации — вот слагаемые успеха замечательно-го мастера звездных сражений.

Гюнтер фон Ниссман в одночасье стал знаменитым. Он был удостоен первой из многочисленных боевых наград — Стального креста первого класса. Вот как об этом рассказывает с обычной для него, подчас даже чрезмерной, скромностью сам автор:

«...Награду мне вручал сам Главнокомандующий Штерн-ваффе, генерал-адмирал Отто фон Зельцберг. Сама процедура проходила в официальной резиденции господина генерал-адмирала на Марсе.

Как сейчас, я помню торжественную обстановку, в которой проходила церемония. В огромном зале шпалерами выстроились лучшие воины Объединенных Территорий — слева представители штернваффе, повелители звездных морей, те, на ком держится военная мощь государства: они — в парадной форме, при орденах и аксельбантах, в пилотках с эмблемой нашего лучшего в галактике космофлота. Справа — шварцриттеры, черные рыцари Вселенной, краса и гордость нации, основа идеи строительства межзвездной империи. Из-под шлемов вороненой стали неугасимым огнем горят внимательные глаза. В них тот же стальной блеск — смертельный для врагов и приветливый для друзей. На черной форме нет орденских планок или медалей. Для шварцриттера единственная награда — служение идее и Отечеству, единственное счастье — смерть врага, единственная цель — победа на поле боя и вне него...

Герои нации поднимают церемониальные мечи. Сегодня они приветствуют меня. Не дрогнув, я прохожу под сталью клинков и сталью взглядов. Я совершил подвиг, я понимаю это, и я достоин того, чтобы лучшие солдаты мира отдавали мне почетный салют...»

Да, дорогие друзья, как трогательно читать это... можно даже сказать — слышать это из уст закаленного в пламени сражений замечательного воина... Простите, господа, простите... это слы... где же платок?... Кхм... А-апч... гм.

Так вот, уважаемые друзья... а! Да, так вот, именно в тот момент, точнее, после дружеского банкета по случаю награждения, Гюнтер фон Ниссман и получил свое замечательное прозвище — то самое, которое с восхищением повторяли его товарищи по оружию и со страхом и злобой — его враги.

Снова автор:

«...Оказалось, в составе того конвоя, который мы атаковали силами нашей Вольфштаффель-5, действительно находились два русских корабля — тот допотопный крей-

сер и большой транспорт типа «Мария». Основной конвой шел на Плутон, русские же собирались высадиться на Ганимеди. Как известно, эта территория, хотя номинально и принадлежит России по Абиджанской международной конвенции 2015 года, находится в сфере интересов Объединенных Германских Территорий, о чем неоднократно упоминалось. Если быть точным, то после начала нынешней войны, поводом для которой, как известно, явились именно разногласия между Объединенными Территориями и США в части разграничения сфер влияния на спутниках больших планет, американцы, с вероломного позволения русских, фактически оккупировали Ганимед, исконно германскую землю. Теперь же они по собственной глупости разрешили поселиться там пятнадцати с половиной тысячам так называемых переселенцев из дикарской России. Однако произошел смешной случай: ваш покорный слуга уничтожил этих господ со всеми их потрохами.

Кстати, именно той победе обязан я своему прозвищу. Подкупленные нашими врагами средства массовой информации обвинили меня в том, что я якобы теперь хожу по колену в крови. Одна продажная английская радиостанция, обосновавшаяся под крылом у американских империалистов после добровольного присоединения Британии к Объединенным Территориям, сравнила меня даже с каким-то Макбесом. Не знаю уж, кто такой и чем известен. Еще меня называли кровавым убийцей. Господин же фон Зельцберг, когда узнал об этом, рассмеялся и сказал:

— Господин фон Ниссман, вы не кровавый убийца, а истребитель красных! Или, если хотите, красный пилот-истребитель!

Я сначала не понял, а потом вспомнил, что еще не так давно «красными» называли русских. Правда, так определяли и немцев-инсургентов, отщепенцев, чья колония обосновалась на Марсе, но это не так важно.

Моим товарищам такое прозвище понравилось, и с легкой руки генерал-адмирала меня стали называть «Дер роте Раумкампфлигер». Я даже не стал возражать, когда кто-то предложил покрасить часть моего кораблика несгораемой алой краской».

Да, дорогие друзья, под таким именем Гюнтер фон Ниссман стал известен во всей Солнечной системе. Необходимо все же добавить, что более вероятным появление такого почетного прозвища кажется именно из-за цвета кормовых обте-

кателей его «Цверга». Гюнтер фон Ниссман — не истребитель красных или даже русских, он просто солдат, выполнявший свой долг. Террором занимались другие — шварцриттеры, спешил секьюрити сервис, эсфауэс... впрочем, это было позже. Наш герой, повторю еще раз, — просто герой сражений.

Простите?... Я не расслышал... да, я согласен, мы отвлеклись от темы.

Итак, Гюнтер фон Ниссман получает под свое командование новейший URKB-13 «Цверг» и выходит на вольную охоту.

В это время он активно действует на трассах от Юпитера до Меркурия, совершая немыслимые подвиги. За полтора года счет уничтоженных им кораблей достигает отметки сорока четырех. Гюнтер фон Ниссман, теперь уже капитан-оберст, славится не только героизмом и воинским мастерством, но еще и редкой удачливостью.

Однако тем временем в ходе войны происходит перелом. Американская военная промышленность работала без сбоев, в то время как германские заводы, после поражения на Титане и утраты вследствие природной катастрофы меркурианских рудников «Интер-Вандельштернверке» испытывавшие нехватку сырья для производства важнейших компонентов тяжелого вооружения, не могли удовлетворять нужды фронта. Кроме того, вступление в войну России на стороне американцев дало некоторое преимущество последним. Ганимед достается все-таки русским, так же как и Каллисто. После генерального сражения при Гельбвальде, недалеко от марсианского Большого Каньона, когда русский Первый корпус аэрогардов наголову разбил Четвертую и Седьмую бригады гевиттергренадирен, германские базы на Марсе были ликвидированы.

И все же войны штернваффе продолжали доблестно сражаться.

Наш герой, Гюнтер фон Ниссман, участвовал в одном из самых известных сражений того периода военных действий — а именно в битве у Сатурна.

Напомню, что там во встречном бою сошлись корабли американского Шестого Космофлота и основные силы Второй оперативной группы флотов штернваффе.

Сражение развернулось на огромном пространстве. Описание его займет много времени, да сейчас это и не нужно. Нас интересует знаменитый бой Гюнтера фон Ниссмана с самым могучим кораблем, который тогда имели в своем распоряжении представители планеты Земля.

Итак, говорит автор.

«...К нашей базе на восьмом спутнике Сатурна (к сожалению, сейчас я уже запямятовал, как он называется) подходила эскадра адмирала Айзекайи Смитсондота, которая наводила ужас своими варварскими бомбардировками на германские мирные колонии.

Моей эскадрилье, Вольфштаффель-11, довелось сразиться с ядром эскадры. Мне предстояло атаковать злобеший флагманский корабль адмирала, линкор с бортовым номером CSVN203, который нам был известен как ЮС-ССС-СССС-СС «Сакесс», что, если не ошибаюсь, являлось сокращением от Юнайтед Стейтс Саб-энд-Сюрфейс Сьюпа Стар Сейл Стейнлесс Стил Спейс Шип «Сакесс», что означало Американский По-Над Поверхностный Сверх-Звездно-Парусный Нержавеющей Стали Космический Корабль «Успех». Линкор считался самым мощным кораблем оперативного Шестого Дальнего Космофлота США, имел триста пятьдесят тысяч тонн массы покоя, три тысячи девятьсот сорок четыре человека экипажа, в том числе две тысячи девятьсот сорок пять офицеров, четыре трехорудийные башни с восьмидесятидюймовыми фотонными мортирами, восемнадцать плутониевых торпедных аппаратов, четырнадцать башен сдвоенных установок сверхдальнобойных эксимерных лазеров, электромагнитные пушки и противолазерную броню. Этот господин был практически неуязвим. О да, нам достался грозный противник! Однако доблестные воины штернваффе в состоянии справиться и не с такими монстрами.

Мы вышли из подпространства на рассвете, потому что захватили локаторами гипербуя вражескую эскадру еще издалека. Стоял чудесный летний день. На экранах мониторов злобешче поблескивали броневые плиты чудовищного американского сверхлинкора. Но мы не привыкли отступать.

«Сакесс» шел в стороне от остальных кораблей эскадры. Очевидно, адмирал Смитсондот понадеялся на количество своих пушек, поскольку оставил свой флагман без сопровождения «стархантеров» — этих быстроходных рейдеров, самых грозных врагов любого локального подпространственника.

В нашем распоряжении были секунды. Удачно маневрируя, я выпустил две торпеды с расстояния в два мегаметра. Однако линкор легко сбил заряды и в ответ обстрелял нас из лазеров, слегка задев корму.

Мы, то есть мой URKB-13 и еще два корабля моей эскадрильи, попали в тяжелую ситуацию. Расстояние между нами и линкором стремительно сокращалось, и американец уже всю обстреливал нас из пушек и засыпал противокорабельными ракетами. Становилось жарко. Один из наших кораблей был серьезно поврежден, еще секунда — и он превратился в облако космического мусора. Я принял решение отходить в унтерраум, однако в это мгновение оттуда вынырнули сразу две эскадрильи штернваффе — Вольфштаффель-8 и Вольфштаффель-34, то есть еще шесть кораблей.

Закипела нешуточная схватка. Наши товарищи бились, как настоящие волки, но этот линкор был все же слишком велик. По пространству носились шальные лучи лазеров, маленькими солнцами вспыхивали уничтоженные в полете фотонные торпеды, в эфире царила настоящая сумятица. Исход боя оставался гадательным, однако на нашей стороне обозначился определенный тактический и количественный перевес, поскольку на горизонте появились два германских раумкройцера. Как выяснилось, наше командование, умело распределив силы, связало боем основную группу кораблей американских спейсмаринс, не позволяя прийти им на выручку своему флагману. Со станции же Йот-13 нам на выручку вышли те самые два раумкройцера, а с базы Эс-2 снялась полуэскадра патрульных фрегатов. Однако и «Сакесс» вызвал подмогу: вскоре, как мы узнали из радиоперехвата, должны были подойти русские специальные корветы-истребители Пятого истребительного полка корпуса аэрогардов. «Сакесс» же тем временем достаточно успешно отбивал наши яростные атаки.

И тут мне в голову пришла блестящая мысль».

Да, мои уважаемые друзья, Гюнтер фон Ниссман был умелым воином. Он решил все же скрыться в унтерраум, то есть в подпространство, но не для того, чтобы выйти из боя. Пройти, воспользовавшись суматохой боя, незамеченным полтора метра, вынырнуть на поверхность пространства практически у борта линкора и выпустить в упор по противнику оставшиеся торпеды — вот что было его целью. Какой смелый маневр! Он привел бы в восхищение даже врагов замечательного капитана, если бы они только знали об этой задумке... Однако удача изменила воину штернваффе.

Послушаем же, что было дальше.

«...Мы находились в унтеррауме всего несколько десятков секунд. Не было смысла выпускать гипербуй —

это лишь замедлило бы развитие атаки. Наши действия прекрасно просчитал компьютер. Одного он предвидеть не мог: как только «Цверг» материализовался на расстоянии вытянутой руки от борта вражеского линкора, а мои пальцы уже касались сенсоров пуска торпед — я самолично хотел расстрелять эту несусветную махину, — совершенно неожиданно наш корабль подвергся атаке со стороны кормы.

Рефлекторно я нажал на сенсор, но с направляющих сошла только одна торпеда. Дистанция была слишком мала, и не попасть в линкор я просто не мог, но о результатах залпа пришлось узнать несколько позднее. Более важным в тот момент было подумать о собственной шкуре.

Из включенного радио уже несколько секунд доносилась чья-то речь, однако я, возмущенный помехой моим планам, не сразу уловил смысл. Потом наш старший комендор Вилли повторил фразу, и до меня дошло.

«Ахтунг! — передавали, очевидно, с одного из раумкройцеров. — Внимание! В пространстве — Кровопусков!..»

Это было неприятностью. Весьма большой неприятностью. С этим господином меня и раньше связывали кое-какие счета, но сейчас он перешел границы, помешав мне со своим проклятым корветом-истребителем «Пегас» завершить начатое дело и добиться замечательной победы.

Как оказалось, Кровопусков — совершенно случайно, потому что он плохой пилот, как и все господа азиаты — заметил, как «Цверг» ушел из обычного пространства, и почему-то решил поджидать нас именно в этой точке.

По счастью, он стрелял не торпедами, чего я поначалу даже испугался — от этих русских можно всего ожидать: взрыв фотонного заряда на таком расстоянии, а нас с Кровопусковым разделяло меньше сотни километров, повредил бы и его «Пегас», но ведь иваны, как известно, чихали на правила безопасности. Но все равно, положение было чрезвычайно серьезным, хотя «Сакесс» после попадания моей торпеды лишился орудий правого борта, а наши двигатели уцелели.

Кровопусков продолжал наседать. Нас выручил раумкройцер «Теодор Даннекен», который вместе с двумя кораблями из Вольфштаффель-34 атаковал звено русских корветов-истребителей.

Оба корабля русского звена вынуждены были перенести огонь на более серьезного противника, каковым являлся раумкройцер. Я получил передышку, чтобы оценить

свою позицию, заняться повреждениями и определить тактику дальнейших действий.

Повреждения оказались не столь значительными, однако положение наше за не очень длительный отрезок времени успело измениться. Кроме русских истребителей, которые, как оказалось, успели уничтожить два наших URKB и настолько серьезно повредить раумкройцер «Дортмунд», что тот был вынужден выйти из боя, на расстоянии визуального локационного контакта уже находилось до трех эскадрилий «стархантеров». «Сакесс» же хоть и был значительно поврежден, но все же продолжал отстреливаться. А Кровопусков совершил чудовищную вещь. Он осмелился повторить мой маневр!

Когда я заметил, что он пропал с экранов локаторов, то обрадовался, думая, что иван уничтожен. Все-таки раумкройцер со своими ста пятьюдесятью тысячами тонн — не беззащитный URKB. Но русский неожиданно вынырнул между «Даннекеном» и кораблем из Вольфштаффель-34, выпустил по раумкройцеру две торпеды и практически тут же снова скрылся в унтеррауме! Неслыханная наглость!

Бедный «Теодор Даннекен» раскололся пополам, не успев даже выпустить подглубинные бомбы. Я быстро оценил обстановку. От «Сакесса» меня отделяло около пяти мегаметров, он по-прежнему был повернут к «Цвергу» поврежденным бортом, но я не мог атаковать линкор — после атаки проклятого «Пера-са» оказались поврежденными торпедные направляющие, а стрелять по колоссу из лазеров не имело никакого смысла. «Стархантеры» были уже близко, Кровопусков, который опять появился вместе со своим ведомым на опасной для нас дистанции, представлял достаточно серьезную угрозу, и вообще обстановка складывалась не в нашу пользу. Наши фрегаты с Эс-2 на полдороги к «Сакессу» ввязались в драку с русскими истребителями. Я дал приказ кораблям своей Вольфштаффель-11 уходить.

В последний раз бросив взгляд на «Сакесс», который мне так и не удалось добить, я увел «Цверг» в унтерраум.

Да, друзья, это было началом конца. Штернваффе впервые не смогли одержать уверенную победу. Германские войска постепенно вытеснялись к границам Солнечной системы...

Что?.. Ах, что касается «Сакесса»... да, он уцелел, этот линкор, и еще почти восемь лет бороздил просторы вселенной, пока мятежный фрегат «Ред Алерт»... впрочем, про-

шу прощения, это совсем другая история, и ее мы подробно рассмотрим на следующей лекции.

Да... так вот, американские войска продолжали неумолимо надвигаться на пространства, занятые боевыми частями Объединенных Территорий. Одна за другой одерживались победы, все меньше сил оставалось у врага...

Я прекрасно помню тот энтузиазм, который царил на американской земле, когда последний германский солдат покинул пределы Меркурия, после чего под пятой тевтонов осталась лишь Амальтея и они уже готовы были запросить пощады. Я как раз читал лекцию в Йельском университете... как сейчас помню, по трансцендентному структурализму постнеопозитивистских социально-психологических импритинговых систем гештальт-когнитивного типа на примере произведений Александра Коламбуса, как представителя металитературы квазимодернового фронта... да... так вот, лекцию прервали, и на экраны аудитории вывели картинку обращения Президента США, нашего замечательного военного лидера. Я, тогда еще профессор-академик, лауреат Моргановской премии Ричард Б. Мюллер, плакал от восторга, впрочем, плакали все... а потом на дорогах... что творилось на дорогах, друзья мои!.. Что? Да-да, конечно, все помнят эти незабываемые минуты.

Но опять-таки не будем отвлекаться от судьбы нашего отдельно взятого героя. Хотя — остальное вы знаете, дорогие друзья. Вскоре после того, как германские войска окончательно оставили Меркурий, URKB-13 «Цверг» под командованием Гюнтера фон Ниссмана был атакован в районе пояса астероидов специальным корветом-истребителем русских аэрогардов. Командиром СКИ-89 «Пегас» являлся старший капитан Кровопусков... впрочем, описание этого боя вы найдете в его биографии или же в известной книге «Аэрогарды — стражи высокого неба».

URKB-13 «Цверг» был уничтожен в короткой, но яростной схватке. Жизнь и карьера Красного бойца пространства обогнались.

Что?.. Да, я закончил... спасибо, спасибо, дорогие друзья... большое спасибо. Да, я отвечу на все ваши вопросы, если позволит господин младший наблюдатель, но сейчас... вы слышите? нет? А, правильно, это стучат по рельсу. Обед. Пойдемте, господа, пойдемте поскорее, сегодня на кухне генерал Айзенауэр, он обещал мне лишний черпак баланды...»

— Ну-ну, — сказал полковник Зимятов, откладывая в сторону распечатку стенограммы. — Кстати, а сам-то ты читал эту... как ее там... «Да вротте камфлюгер»?

— Читал, товарищ полковник, — без улыбки ответил Потапов — сухошавый сорокалетний особист с майорскими погонами. — Фигня и пропаганда. Но познавательное. Ее этот ихний герой настрочил еще на Меркурии, а американцы после второго перемирия переиздали. Мы разрешили ее отсканировать с нью-йоркского оригинала десятилетней давности и распечатать в немецком бараке. А потом этот... профессор Ричард Мюллер попросил. Он на труповозке работает, восьмой спецобъект.

— Восьмой?.. — нахмурился полковник. — А!.. Это где американские интеллектуалы собраны?

— Ну да. Сейчас там бывшие голливудшики как раз сериал по «Манифесту Коммунистической партии» снимают.

— И как? — с интересом спросил Зимятов.

Майор поморщился.

— Вы же знаете, товарищ полковник, не очень-то я люблю всякую порнуху, пусть даже они ее эротикой называют. Хотя, конечно, там у них Шерон Штайн участвует... так что...

— Понятно, — хмыкнул полковник. — Ты вот что, подредактируй слегка профессорский доклад да отнеси его Наместнику. Тот вроде просил.

— Да, книжки он читать любит, — жестковато усмехнулся Потапов. — И я подредактирую. Еще как подредактирую.

— Но-но, — строго сказал полковник. — Старался ведь профессор.

— Старался, — со сдерживаемой яростью процедил Потапов. — Уж наверное. Вы ведь знаете, товарищ полковник, я сам из Орши, у меня в Отечественную прадед, после того как их деревню начисто спалили... десять человек осталось... он в партизаны пошел, восьмилетним пацаном. Я еще помню, как он про этих... освободителей... рассказывал.

— Мою семью тоже задело, — угрюмо сказал Зимятов. — Ладно... Профессор-то при чем? Ну дурак он, ну американец...

— Конечно, — горько произнес Потапов. Потом, уже остывая, невесело усмехнулся: — Я ведь этому Ричарду батьковичу Мюллеру хотел было лишнюю буханку к недельному пайку добавить, так теперь хрен он больше четвертушки получит!

Полковник тоже усмехнулся.

— Ладно, иди уж. Наместник небось заждался. Да, потом загляни-ка на второй спецобъект, посмотри, как там дела. Вроде бы опять поляки с турецким баракком подрались.

— Слушаюсь, — сказал Потапов, надел берет, козырнул и вышел из кабинета.

— Войдите, — услышал Потапов в ответ на свой стук и воспользовался разрешением.

— Господин Наместник! — гаркнул он, четко откозыряв. — Старший референт-воспитатель майор Потапов для доклада о результатах политико-разъяснительной работы, проведенной за восьмую декаду третьего квартала, прибыл!

— Вольно, майор, — слегка усмехнулся Наместник. — И каковы же результаты?

Майор стал «вольно». Помедлил с ответом.

— Садитесь, майор, — снова усмехнулся Наместник. — Курите.

Потапов сел на привинченную возле стола металлическую табуретку, достал сигареты. Щелкнул зажигалкой, прикуривая.

— Результаты имеются, господин Наместник, — негромко произнес он и положил на стол распечатку. — Доклад помощника действительного рабочего Ричарда Мюллера на еженедельном собрании Общества любителей литературы и истории Третьего рабочего интернационального поселка имени Дина Рида.

Наместник взял доклад. Некоторое время в кабинете стояла тишина — Потапов курил, стряхивая пепел в массивную пепельницу, выполненную в форме человеческого черепа, Наместник читал.

— Да, — сказал Наместник, оторвавшись от распечатки. — Интересно. Помнится, раньше они у вас там предпочитали Джоанну Линдсей и Мао Цзедуну изучать... А вы, майор, биографию Кровопуска читали? — неожиданно спросил он.

Потапов на мгновение насупился, но ответил:

— Так точно, господин Наместник. Читал.

— Как же так? — почти весело спросил Наместник.

— Согласно директиве Департамента Официальной Пропаганды за номером пятнадцать от пятого четвертого сего года, из списка запрещенной литературы изъята, — с некоторым злорадством сообщил Потапов.

— Н-да? — с некоторым сомнением произнес Наместник.

— Н... так точно. Как и вторая книга, упомянутая в докладе, — слегка неприязненно сказал майор.

— Ну что же... можете идти.

Потапов аккуратно затушил сигарету, поднялся с места.

— А я бы посмотрел на этого Кровопускова, — внезапно произнес Наставник, лучезарно глядя на него. — Вот так — вблизи, как на вас, майор.

— Здесь аэрогардам делать нечего. Пока что, — почти дерзко сказал Потапов, поправил берет, козырнул, повернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

Наместник усмехнулся, глядя Потапову вслед, но тут же посерьезнел: в конце концов Кровопусков-то до сих пор не пойман, летает где-то в одной из девяти звездных систем Пятнадцатого сектора, беса тешит... И попробуй его поймай: не один ведь СКИ, целая, можно сказать, эскадра, девять вымпелов во главе с трофейным раумкройцером «Менхенгладбах» (даже название оставили, гаденыши; немудрено: там в команде — половина немцев-инсургентов) и тяжелым крейсером-щитоносцем «Суворов» с этого ихнего Сталинграда... Да что там, беса он тешит — надо правде смотреть в глаза, нельзя никак иначе, правду надо говорить громко и четко, как на докладе у Его Высочества Старшего Советника, а она, эта правда, состоит в том, что и Пятнадцатый сектор, и еще три близлежащих войска Флотилии Конгломерата не контролируют, и вообще сунуться туда бояться, потому как только за прошлый оборот Аумуса вокруг оси нами потеряно безвозвратно почти три десятка кораблей, и это было бы еще терпимо, но и на Центральных подконтрольных территориях идет брожение, а это уже вполне и даже сугубо серьезно...

Наместник встал и подошел к окну. Вот ведь блин, как говорят эти земляне, горько усмехнулся он, потирая пятым левым щупальцем зеленую лысину. Опять эта ужасная жара. И зачем было переводиться с Альахохайи? До пенсии-то оставалось совсем немного — до алых морей курортного Анимоноса, до изумрудных песков родного Иафинисоса... до спокойных оранжевых ночей в объятиях молоденькой (каких-то девяносто оборотов этой противной Терры вокруг их еще более противной звезды!) жены Энаминхи...

Наместник печально вздохнул и внезапно зажмурился: холодный луч далекого заполярного солнца, пробившись сквозь чугунные облака, ужалил его в глаза нестерпи-

мой болью. Не помогли даже светофильтры и специальное покрытие на стеклопластике, закрывавшем окна.

Наместник помотал головой, на ощупь закрыл бронированные ставни, постоял немного в приятном, ласкающем кожу полусумраке, отдыхая, и только потом решился посмотреть вокруг. Это их ужасное желтое светило... да как вообще здесь можно жить?..

Он грустно подмигнул сам себе четвертым глазом второй задней подголовы. Солнце. Да.

Далось им это Солнце. Все надеются на то, что оно будет светить для них вечно. Идиоты. Не дождетесь, погасим его... да оно им и не надо. Конгломерату решили сопротивляться — а сами-то друг друга понимают хуже, чем мы их... это же надо подумать! — разные языки на одной планете, а туда же — Солнце им подавай.

Наместник вспомнил незатейливую песенку, которую упрямо напевали по утрам колонны бредущих под конвоем на работу немцев. Как это там?.. Айн — хир коммт ди зонне, цвай — хир коммт ди зонне, драй...

Александр Тюрин

ДЕЛО ЧЕСТИ

О

На марсианское дюнное поле садился челночный корабль, похожий на елочное украшение. Из-за горы Павлина метнулся луч восходящего солнца, который, окрасив свой путь в сиреневые тона, с меткостью снайпера поразил челночный корабль в борт, подарив ему несколько мгновений звездного блеска.

На борту челнока находилось четверо смелых людей. Их знания были отточены волей и азартом, их реакции выкованы многолетними тренировками в горах и пустынях Земли, их навыки закалены в изошренных виртуальных средах, их кровь несла миллиарды нанороботов, способных уничтожить любую инфекцию. Их мотивация была усилена большой зарплатой. Все четверо были кавалерами ордена «Пурпурное сердце», закаленными ветеранами минувших войн — элитных воздушно-десантных, бронетанковых и разведывательных подразделений. Все они умели сопротивляться боли. Их отношение к смерти вполне совпадало с тем, что некогда изрек Эпикур: «Когда мы есть, то ее нет, когда она есть, то нас уже нет».

Корабль-игрушка замедлил свое падение, он словно встал на сверкающий пьедестал реактивной струи. А потом, как лифт небоскреба, плавно, но быстро опустился на грунт.

Воздушная волна полетела в сторону исполинского купола Павлина и пропастей Валлес Маринерис. По дороге она сдула реголитовую крошку с черепа, обтянутого высохшей желтой кожей.

— Проснитесь, Борис Иванович. — Звонящий голос возник вначале в самом сне, он принадлежал волшебнику, похожему на столб ледяной пыли, который кружился то там, то сям в разных углах тронного зала.

— Проснитесь, Борис Иванович, — снова обратилась коммуникационная система, выражая голосом нетерпение. — Экстренный вызов от лорд-протектора Ли, приоритет высший, партнер эмоционально нестабилен.

Борис Иванович с трудом поднял веки, одновременно активизировался и бимолекулярный слой, покрывающий глаза. С виртуального экрана, занимающего четверть нормального поля зрения, на него смотрело лицо американского лидера.

Узкие глаза, желтоватого оттенка кожа, позади стена, которую невозможно не узнать. Овальный кабинет Белого Дома. В углу виртуального экрана бежали секунды. Три часа пять минут петербургского времени. В Вашингтоне куда меньше.

Коммуникационная система предложила выбрать интерфейс общения.

Речевой, мыслеголосовой, виртуально-клавиатурный.

Борис Иванович почувствовал, как гравитация усталости пытается снова сомкнуть его веки, как глаза «тонут» в глубине черепа.

Коммуникационная система, выждав положенные пять секунд, установила речевой интерфейс с односторонним визуальным контактом.

— Что случилось, Ли? Атомная война? Нападение страшного вируса на главную американскую водокачку? — спросил человек, лежащий в императорской кровати, человека, сидящего в изрядно запаршивевшем Овальном кабинете.

— Да нет, конечно, Боб, — несколько смущенно отозвался лорд-протектор.

— Ли, я установил линию немедленной связи для чрезвычайных случаев, — строго сказал Борис Иванович. — Не делай так, чтобы я раскаялся в этом.

— Но это действительно чрезвычайно, Боб. Ты, конечно, знаешь, что сейчас на Марсе работает пятая американская экспедиция...

— Ну да, как не знать, Ли. Я тебя уже поздравлял с этим, так же как и весь твой народ.

— Дело в том... я получил очень неприятное сообщение по каналам космической сетевой связи около часа назад... Я не мог ждать утра. Ты же понимаешь, я бывший астронавт, так же как и ты.

— Ладно, в чем дело, Ли? — Борис Иванович подумал, что его голос звучит слишком жестко и американский лорд-протектор, чувствующий сейчас свою вину, впоследствии может превратить ее в обиду. Что типично для людей «повелевающего» типа. Борис Иванович дал команду коммуникационной системе, чтобы она смягчала интонации с помощью дипломатического интерфейса.

— У членов нашей экспедиции было столкновение с марсианами. Один из наших, Джек Тао Бяо, мой дальний родственник, погиб.

Напряжение, исходящее от лорд-протектора, приобрело конкретную форму. Форму, смахивающую на государственное безумие, как подумалось Борису Ивановичу. Почему американец так просто вываливает вещи, которые принято скрывать за семью печатями? Неужели у него так все плохо, что он сам инициирует волну истерии, которая должна промыть мозги его подданных?

— Столкновение с кем? Честно говоря, Ли, услышав такое, я первым делом подумал, не надо ли проверить психическое состояние твоих астронавтов. Отравление, шок, передозировка модельных наркотиков, — стараясь говорить ровно и отстраненно, перечислял Борис Иванович, — могли привести к ослаблению функций сознания.

— Боб, это исключено. Работает же телеметрия, датчики-имплантаты, интракорпоральные наносенсоры. Все наблюдаемые параметры сразу передаются на фобосский маршрутизатор, а дальше на узлы управляющей сети.

— Почему все-таки ты позвонил посреди ночи мне, а не его китайскому величеству, который твой стратегический партнер и тоже бывший астронавт? И, кстати, в Пекине уже утро.

— Дело в том, Боб, что эти марсиане... не китайцы.

Лорд-протектор явно сдерживал себя, может быть, ему помогала в этом его коммуникационная система, но лицо американца выдавало и растерянность, и даже некоторую степень отчаяния.

— А кто ж эти марсиане — русские, что ли? Это похоже на провокацию, старина Ли. На Марсе не было и нет российских астронавтов, ты же знаешь, что мы не ведем

эти дорогостоящие и малоосмысленные игры. Только автоматика, да и то в полярных областях...

— Боб, у меня видеофайл на пятнадцать минут. Сейчас я тебе его передам. Только разреши доступ в твою инфосферу.

«Доступ я тебе разрешу, — подумал Борис Иванович, — но надо заодно поднять в воздух на боевое дежурство еще пару эскадрилий роторников и активизировать орбитальные гамма-лазерные платформы. Не нравишься ты мне сегодня, старина Ли».

2

Марсровер шел со скоростью тридцать миль в час по дюнному полю. Смешная скорость для Земли, где на любой конфедеральной трассе тебя обязывают ехать со скоростью болида. Не можешь сам, покупай автоводила стоимостью в сто тысяч новых баксов. Но тридцать миль здесь — быстрота невероятная, которая и не снилась прошлым экспедициям.

Дюжина колес — каждое с кучей датчиков, отдельным приводом и своим управляющим компьютером, в ядре у которого добрый десяток процессоров. Все эти двенадцать систем замыкаются на бортовой гиперкомпьютер, с которым связаны навигационные спутники, стационарные и мобильные сейсмографы и много еще чего.

Казалось бы, избыточно все это. Но, кстати говоря, ничто не ездит по Марсу дольше двух недель. На тихой как будто планете с мощной корой и минимальной вулканической активностью жизнь невозможна, ни своя, ни пришлая. Жизнь здесь появится только через пару миллиардов лет, когда остывающее и разбухающее Солнце уже проглотит Меркурий, расплавит Венеру и испепелит все живое на Земле...

— Расстояние до «Натаниэла Йорка» сорок две марсианские мили, — сообщил бортовой гипер, вернее, одна из его коммуникационных подсистем. — Скорость ветра незначительная, температура воздуха минус десять, выходы газогидрата не зафиксированы. Дюнное поле состоит из ориентированных с востока на запад продольных дюн с симметричными склонами и средней шириной в милю. Все так спокойно, что можно сыграть в скрэбл. Я достойный противник, капитан Уайт, как никак искусственный интеллект уровня «доктор философии». Если вы не хотите напрягаться, то я просто могу

развлечь вас. Вот свежий русский анекдот. Выходит Колобок из бани и говорит...

— Гипер, я не знаю, кто такой Колюбок. И вообще не надо ни развлекать меня, ни играть со мной.

На самом деле капитан Уайт знал, кто такой Колобок, но он ненавидел компьютеры с назойливым интерфейсом.

Все показатели, сообщенные гипером, дублировались на нижнем подшлемном дисплее. На верхнем отображались результаты глобального позиционирования на марсокарте. На центральном прозрачном дисплее, что напылен мономолекулярным слоем на стекло шлема, выдавалась «расширенная реальность». Она накладывалась на обычную реальность указателями расстояний, скоростей, азимутов, всплывающими подсказками и комментариями...

«Ты, конечно, силен играть в скрэббл, — подумал капитан Уайт о гипер, — а также в тысячу и одну другую игру. Но на Марсе не бывает все спокойно, и тебе это не понять, железяка хренова, пока ты не попадешь в переделку. Это дюнное поле напоминает рельеф Восточной Сахары, где кумулятивный заряд прошел броню моего танка и сжег трех членов моего экипажа, всех, кроме меня... И какому только умнику из Хьюстона пришло в голову дать челночному кораблю имя собственное «Натаниэл Йорк»? Несчастливое имя. Действующее на нервы. По крайней мере капитану экспедиции».

Трое остальных членов экипажа «Натаниэла Йорка», узкоглазые амеразиянцы, выдрессированные на киберсимуляторах и заряженные нейромышечными активизаторами, вряд ли знакомы с классической литературой. От них требуется только одно — оправдать вложенные деньги. Найти выход для цивилизации, сильно вывалянной в дерьме и крови. Может быть, это последняя попытка.

Позади семь лет джихада и контрджихада, беспредельного террора и всеобъемлющего контртеррора, масштабных наводнений и лихорадочного выращивания дамб из металлоорганики, подкрепленного фармакологией разврата и программируемого фанатизма, кибернаркомании и неолуддизма, сетевой анархии и антисетевого террора, феодализации и элементарной нехватки дешевого бензина.

И вдруг наступило краткое затишье: все как будто немного приустило от глупости и устремили осоловевшие глаза в небо, на красную звезду. Сплотимся во имя...

Сплотились. Ну и что в итоге? Четыре марсианские экспедиции. Результаты их работы оцениваются оптимистами как «неудача», пессимистами как «катастрофа». Восемь погибших астронавтов, куча дорогостоящей испорченной техники, в средних и экваториальных широтах не найдено никаких поверхностных запасов льда и серьезных источников энергии.

В случае провала эта экспедиция окажется последней. В Нью-Йорке и Пекине с бронзовых барельефов будут смотреть тусклые лица погибших героев-астронавтов, вымазанные собачьим калом.

А если, напротив, экспедиция окажется успешной, тогда потекут полноводной рекой инвестиции, изголодавшиеся по делу миллионеры вылезут из своих комфортабельных щелей и начнут вкладывать деньги в четвертую планету. Следующее поколение людей, по крайней мере тех, кто побогаче и поумнее, будет жить на Марсе. За два миллиарда лет до того, как это запланировано господом Богом.

— Вы любите красивые зрелища, вы их получите, — почти как одесский дедушка капитана Уайта, сказал гипер. Его голос был эмоционально окрашен и выражал законную гордость от проделанной работы.

И действительно захватило дух. Расстояния на Марсе обманчивы. То, что казалось просто бурым, слегка мерцающим зигзагом, быстро превратилось в колоссальный разрыв марсианской коры — как говорят специалисты, флювиальной природы. Каньон Валлес Маринерис. По человечески говоря, Морские Долины. Над каньоном стелилась легкая углекислотная дымка. Дно его было неразлично в оптическом диапазоне и казалось пастью преисподней. Тоху ва воху, как говорил дед. Тьма безвидна и пуста. Впрочем, инфравизор, наплывший на забрало шлема, дорисовывал бездну и сделал ее более плоской. Но все равно выглядело внушительно.

Темная, немного подвижная зелень, которой инфравизор обозначал дно каньона, казалась рекой, шире, чем Амазонка, во много раз. Когда-то и в самом деле колоссальный поток воды и пара пробил этот каньон. Космический прибор, наверное, долетал до орбиты Фобоса...

Уайт поднял инфравизор и опустил коллиматорный целеуказатель, столь любимый снайперами недавних войн. Такое впечатление, что глубоко внизу искрится лед! Выступ в стене каньона вроде бы целиком состоит из льда. Дисплей «расширенной реальности» снабдил своими подписями

картину — расстояние по вертикали около мили, азимут триста. И самое главное — у этого участка действительно высокое альbedo.

С остальным предстояло разбираться.

— Леди и джентльмены, за работу.

Коммуникационный чип капитанского шлема передал остальным пассажирам марсровера координаты исследуемой зоны.

Шлюз открылся, плавно опустился трап, и на грунт первым вступил Джек Тао Бяо с чемоданчиком-контейнером, в котором находилась небольшая химическая лаборатория. Задача Джека — подобраться к зоне возможного выхода льда как можно ближе. Второй марсровер покинула Вивьен Нгуен, зеленоглазая красotka с отменными формами тела и еще более замечательными умственными способностями. В ее контейнере лежал лазерный спектрограф. Третьим выбрался на марсианское «солнышко» Джейсон Цинь, он нес контейнер самого большого объема. Сейсмометры, метеодатчики. Пусковая установка для ракет-зондов с интеллектуальными системами наведения. Похожие недавно применялись для уничтожения бункеров противника в восточно-сахарской операции, которую солдаты называли «Буря в стакане тяжелой воды». Там, кстати, Цинь служил тоже под началом Уайта.

За всеми тремя астронавтами-исследователями должен наблюдать их капитан Джон Уайт, который сейчас смотрел на их четкие следы, оставленные в сульфатной «корке» грунта. А также хьюстонский ЦУП — через космическую сеть.

Коммуникационные чипы всех трех исследователей уже начали безостановочно передавать как данные по жизнедеятельности организма, так и визуальную информацию с микрокамер, имплантированных в сетчатку их глаз.

3

Борис Иванович, лежащий в кровати императорской виллы под Петербургом, видел сейчас глазами погибшего астронавта Тао Бяо, хотя, конечно, и не в режиме реального времени.

Жизнь каждого астронавта стоила безумно дорого и складывалась из суммы его доставки на Марс и стоимости подготовки к полету. В то же время космическое командование незамедлительно пожертвовало бы любым

астронавтом, если бы стоимость полученной информации превысила стоимость его жизни. Информация о поверхностной воде в средних и экваториальных широтах четвертой планеты была бесценной, потому что могла привлечь сотни миллиардов долларов в марсианские проекты... так что шансов выйти обратно к марсоверу у Тао Бяо было примерно восемьдесят на двадцать. А после того как углекислотные вихри, поднимающиеся со дна каньона, помешали Вивьен провести спектральный анализ, то семьдесят на тридцать.

Тао Бяо спускался вниз по отвесному склону каньона, используя сверхпрочные мономолекулярные тросы и «вьедливые, что твоя теща», металлорганические крепления.

Поднявшийся из глубины мощный углекислотный вихрь с полминуты пытался содрать Джека с почти вертикальной стены каньона, но потом рассеялся, оставив лишь капли жидкой углекислоты на его скафандре.

Астронавт Тао Бяо с помощью психотехники быстро вернул пульс и дыхание в нормальное русло, потом запросил разрешения у капитана на продолжение спуска.

Оказавшись еще на двести метров ниже, он наконец увидел тот скальный выступ, который «приглянулся» сверху капитану Уайту. Рассветные лучи «солнца», пропутешествовав по каньону, сейчас упали на эту площадку размером где-то пятьдесят на пятьдесят метров. И стало ясно без всяких анализов — капитан ошибался. Просто рыхлая порода с пузырьками газогидрата. До настоящей воды тут очень далеко. Можно возвращаться.

«Вода привиделась капитану, как будто он иссушенный пустыней путник, — подумал Тао Бяо, о чем, конечно, не узнал Борис Иванович, потому что мысли астронавтов не передавались по каналам космической связи, дабы не утяжелять трафик. — Но путник в пустыне — это всего лишь шестьдесят — семьдесят килограммов уже подванивающего мяса и вымоченного в верблюжьей моче тряпья. А Джон Уайт отвечает за успех экспедиции стоимостью в пятьдесят миллиардов баксов, которая дает Земле последний шанс на спасение».

Тем не менее какой-то странный голубоватый отсвет у этого выступа имелся.

До него оставалось еще около ста метров. Спуститься как будто не проблема. Только вот гулять по площадке, начиненной газогидратом, удовольствие из последних.

С полминуты Тао Бяо принимал решение, для которого он решил не спрашивать одобрения у капитана Уайта — ведь на этом решении висел ценник: «стоимость: одна человеческая жизнь». И не исключено, что заплатить все-таки придется.

Сегодня Джон думает только об успехе экспедиции, и он скорее всего одобрит чужое самопожертвование, но завтра он неожиданно поймет, что послал человека на смерть. Никакие успехи промышленности и рост народного благосостояния не могут отменить мыслей о грехе, которые приходят к каждому из нас в преддверии неотвратимой катастрофы — пусть это даже самая тихая и мирная смерть на веранде собственного дома.

Даже на веранде, увитой виноградом, каждый человек попадает в компанию неприятных товарищей, которых зовут Одиночество, Зависть, Забвение, Маразм, Угасание и Сомнения. Сомнения водят вокруг тебя свои акульки хороводы, превращая в кошмар последние твои деньки, ежесекундно напоминая тебе о Грехе. И этого не желал Джек Тао Бяо своему капитану.

Тао Бяо съезжал вниз по тросу, думая о том, что жизнь — как вода, которая переливается из сосуда в сосуд. Так говорил его дед вслед за классиками от Будды Шакьямуни до последнего Далай-Ламы, гастролирующего по отелям-крепостям сети Хилтон. И он был прав, этот старый азиат, который умер сидя. Но, чтобы достичь столь концентрированной безмятежности, надо быть безликим китайским кули. Жизнь миллионов кули и в самом деле подобна воде, переливающейся из сосуда в сосуд. Проблеск, преломление света — все мгновенно, мимолетно, зато вечно течение и смешение струй...

И вот уже хрустнул под ногами сомнительный грунт. И хотя как капитан Уайт, так и с некоторым запаздыванием далекий Хьюстон следили за Джеком, даже сейчас от них не поступило ни одного предупреждения.

Тао Бяо своими емкими дрессированными глазами сразу «просканировал» картину местности.

«Расширенная реальность» снабдила его уточняющими сведениями.

До вершины каньона больше мили, его борт акварельными тонами вливается в лиловое небо и край почти незаметен в оптическом диапазоне. До противоположной стены каньона около пятидесяти миль. Путешествующие в Морских Долинах лучи и углекислотная дымка создают свой мир,

где спутаны направления, искажены расстояния и трудно определить позиции в пространстве.

Выступ соединялся с бортом каньона тонким, почти ажурным «мостом», за которым виднелась расщелина. Если точнее, крупный оползень, связанный с разрушением мерзлых пород и вскрытием горизонтов подмерзлотных вод. Все это подсказала услужливо-ускоренная память, об этом ему могла сообщить и космическая сеть. По обеим сторонам расщелины сиял лед, он-то и бросал отблеск на выступ, который «прозеркалил» капитану.

Уайт и Хьюстон молчали, хоть коммуникатор и сетевой вход функционировали. Система мониторинга сообщала о микросейсмах в районе Морских Долин. Ничего тревожного, можно спокойно жертвовать своей жизнью дальше...

На хрустящем «мосту» Джеку на момент стало жутко: если падать вниз, то это почти три мили. Хватило бы и пятидесяти футов, но от этих трех миль приходило сознание собственной ничтожности. Куда ты влез, малыш? Ты мог еще хотя бы пару лет лопать горячие сосиски, тискать девочек и валяться на пляже, пока не попал бы под какой-нибудь очередной призыв. Но и на любой войнушке у тебя было бы в сто раз больше шансов выжить, чем здесь, потому что на Земле ты — свой.

Оползень размером с приличный овраг напоминал улицу. Благодаря льду — даже какой-нибудь торговый пассаж с обилием хрусталя и призматического стекла из тех, что уцелели в некоторых городках Среднего Запада, до которых еще не добрались вандалы.

Время от времени Джеку начинало казаться, что лед обработан чьей-то рукой — на манер ледовых «дворцов», которые строили русские времен первой империи или японцы эпохи Хирохито. Вот здесь эркер, там башенка, здесь крыльцо, там наличник. Да нет, ерунда, конечно...

Джека Тао Бяо словно током дернуло. И хотя его скафандр пока что поддерживал оптимальную среду, астронавт не мог унять дрожь в течение минуты, как при шоке. Даже понадобилась легкая адреналиновая автоинъекция — сработали микрокапсулы, имплантированные в его бицепсы.

У ледяной стены расщелины лежало три тела. Их бледно-голубые лица были покрыты изморозью. На них была кое-какая одежда, что-то вроде грубых тканей, которые изготавливали в северных регионах Земли лет сто назад.

Тао Бяо вытащил из контейнера меданализатор. Приставил к коже оледеневшего объекта и нажал стартовую кнопку. Аудиодатчик уловил хруст, когда игла пробивала покровы объекта. Частота пульса Тао Бяо увеличилась в полтора раза, когда определилось, что далее плотность среды, которую преодолевает игла, значительно уменьшается. Несколько секунд ожидания, и анализатор выбросил на подшлемный дисплей информацию.

Тао Бяо понял, что имеет дело с живым объектом, и по нему словно пронесся вихрь — вроде тех, что взмывали со дна каньона.

Ему больше не было жалко собственной жизни, потому что стало кристально ясно — классики были правы, от Будды Шакьямуни до последнего Далай-Ламы. Жизнь — как вода, которая переливается из сосуда в сосуд. Человек — сосуд, планета — сосуд. Весь мир — живой. Лиловое небо Марса смотрело на Джека легкими хлопьями углекислотных облаков и сейчас уже не казалось холодным. Оно пролилось на него ласковым световым дождем, и он почувствовал прикосновение планеты. Его дыхание вдруг стало дыханием Марса, планета была как будто в сонной истоме, но она не была мертвой.

Тао Бяо посмотрел еще раз на три тела, которые подарили ему озарение, и двинулся дальше вдоль расщелины. Ее стены сплошь состояли из льда, причем льда земного происхождения — первый же поверхностный анализ показал, что в нем отсутствуют минеральные примеси из солей железа и серы, которые присущи льду марсианскому. Да и одного взгляда достаточно, чтобы заметить отличие от марсианского льда: цвет голубоватый, а не оранжевый и не красноватый. А внутри голубоватой толщи — это не было галлюцинацией, потому что участки мозга, способные обмануть сознание, у Джека просто не функционировали — он видел замороженные трупы лошадей с седлами, попонами и даже уздечками...

Джек обернулся. Те трое, которые только что лежали в глубоком анабиозе около входа в расщелину, сейчас шли за ним. Каждый из них был на голову выше его и намного шире в плечах. Их стального цвета глаза не моргали.

Тао Бяо поднял руку ладонью вверх — миролюбивый жест, понятный любому человекоподобному существу. Трое подошли к нему и встали с трех сторон. А потом Джек понял, что эти трое начали его убивать. И хотя он отлично владел приемами рукопашного боя, сейчас он оказался беспо-

мощен. Трое существ захватили наружный воздухопровод, как стальными клещами сжали его ослабевшие словно от обиды руки, сдавили с боков. Уже трещали замки и соединения его шлема.

Этим троим не просто надо было уничтожить его. Дисплей его шлема должны были показать монстрам, как добраться до остальных участников экспедиции. Когда Джек понял это, то скручивающим движением немного освободил свою левую руку и дотянулся до крупнокалиберного беспатронного пистолета, висящего у него на поясе. Сканер-прицел кольта уже выдал визир на центральный подшлемный дисплей, его перекрестье сошлось на выпуклом лбу одного из ледяных монстров. Но в этот момент рука Джека была вывернута из суставов, а шлем содран со всех креплений.

Трое существ больше не держали его, в этом не было никакой необходимости. Дальше работала разряженная атмосфера Марса. Она бросилась на астронавта свирепее любого хищника. В тот момент, когда вскипающая кровь вытолкнула глаза Джека из глазниц и хлестнула из ушей, он еще успел подумать, что жизнь была прекрасна, по крайней мере до того, как он пошел в школу...

4

Лорд-протектор Ли был по-прежнему на связи, и такое впечатление создавалось, что его сейчас вытошнит.

— Что с остальными астронавтами? — спросил Борис Иванович, стараясь быть участливым.

— Они погибли всего лишь десять минут назад, видеoinформацию мы уже не смогли получить... — Какое-то время лорд-протектор боролся с засухой в своем горле. — Наверное, они были обречены. Их последние мгновения были ужасны.

— Я сейчас не готов говорить об этом. В любом случае я выражаю соболезнования их семьям. До утра, Ли.

— До утра, Боб. Надеюсь, что ты мне позвонишь.

Начало четвертого. А в голове все звенит и путается, как после десятикилометрового марш-броска с полной выкладкой.

Борису Ивановичу не надо было будить сейчас и требовать к себе преданного информированного генерала.

Есть виртуальный эксперт «Вернадский-2», если точнее — глава целого семейства виртуальных экспертов,

дигитальный сетевой бог. Борис Иванович, а если точнее — бывший хакер Боб, знал силу этого программного субъекта, который был до своего приручения... лучшим компьютерным вирусом всех времен и народов.

«Вернадский-2» ноосферной волной уже неся по линиям связи и хранилищам данных, принуждая к покорности локальных стражей, засевших за огненными валами прокси-серверов, за крепостными стенами маршрутизаторов. Виртуальный эксперт именем эволюции разума принуждал их к покорности или уничтожал. Его целью было выуживание любых сведений об исследованиях, которые могли привести к телепортационным явлениям. Любых данных о деятельности сект, которые могли попробовать использовать энергию своих членов на покорение пространства. Информации о телекинетиках и левитаторах.

Борис Иванович никогда не верил в эту чушь, он верил в дисциплину и ответственность, в организацию общества на рациональных основах самоограничения и самоотверженности. Как, впрочем, и его американский коллега — лорд-протектор Ли. Но как лидер он обязан был что-то предпринять.

Виртуальный эксперт через такое-то число минут-секунд-миллисекунд, через такое-то число циклов ментальных операций не сообщил ровным счетом ничего интересного.

Борис Иванович еще раз просмотрел видеофайл, присланный лорд-протектором. Стены ущелья, вдоль которого двигался Тао Бяо, казалось, носили следы искусственной обработки. Но в принципе все эти завитушки и маковки могли быть продуктами эолической и флювиальной активности самой планеты. Станные затемнения в глубине льда, напоминающие по форме коней, также могли являться всего лишь минеральными образованиями.

Трое таинственных убийц, которые показались лорд-протектору похожими на русских, выглядели очень нечеткими, мерцающими. Так бывает, когда камере не хватает разрешающей способности. Или когда применяются средства РЭБ*. Или... Нет, конечно, Борис Иванович не подозревал коллегу Ли в дешевой провокации, после Войны Грязных Ног у Северо-Американской Конфедерации не было ни сил, да, наверное, и желания для какой-либо агрессивной антироссийской политики. Ведь в войне против Сетевого Халифата Россия и Конфедерация были едины, тогда, собственно, Борис Иванович и

сдружился с лорд-протектором Ли. И если уж начистоту, после отмены президентского поста никакой американский лидер не в состоянии вести активную внешнюю политику. Но желание оказать какое-то психологическое давление могло остаться, подумал Борис Иванович.

Он еще раз просмотрел клип. Именно так ему теперь хотелось назвать видеофайл.

Все, теперь спать. Завтра утром надо будет направить соборлезнование американскому народу. Ребятам с ньюс-серверов не надо ничего объяснять, они и так будут обсасывать этот провал америкосов, который в любом случае лучший козырь для нашей осторожной космической политики. Хотя парней из пятой марсианской экспедиции действительно жаль, особенно Уайта, то есть Белянчикова, хороший был танкист.

Борис Иванович, задумавшись, послал клип на еще одно исполнение и вдруг заметил нечто странное на груди одного из «марсианских монстров».

Верховный правитель взял контуром заинтересовавший его фрагмент, увеличил оконтуренное изображение, убрал видеозумы, задал квазиинтеллектуальную экстраполяцию.

На груди у «марсианина» был аксельбант. Похожий на те, что носили офицеры русской армии в Первую мировую и гражданскую войны.

5

Полковник ЦРУ* был тертым и крутым. Это было видно по его манере держаться, жевать энергонакопительную резинку, курить медитативную трубку и пить нано-колу. Размашистые, мягкие, но энергичные движения. Вроде бы ни к чему зря энергию тратить, но мы живем в мире ритуалов, где умение пустить пыль в глаза позволяет сэкономить много сил и средств. Полковник был молодым, образованным и умным. С такими ребятами Борис Иванович любил иметь дело, с такими он понимал страну. Впрочем, в последнее время они несколько робели и смущались в его присутствии. И это его огорчало. Психологический разрыв между их обычной ролью и той маской, которую они надевали в его присутствии, мог привести к скопленности мыслей.

* Всероссийский Центр Размышлений и Умозаключений.

— Полковник, а вы Брэдбери читали?
— Ну кто ж его не читал, Ваше Пре...
— Это обращение для парадных церемоний. Сейчас я просто Борис Иванович.

— Борис Иванович, у нас он входит в школьную программу в отличие от Америки. Светоч гуманизма, памятник ему в Питере на Исаакиевской площади стоит, он в окружении своих героев-марсиан. Но на самом деле Марс он использовал только как декорацию...

— Хорошо, хорошо, там, где поработали школьные учителя, говорить уже больше нечего. Так что у нас с офицерским аксельбантом?

— Борис Иванович, два дня я только этим и занимался. Искал сведения по пропавшим без вести подразделениям русской армии времен первой империи и второй смуты. Оцифрованной информации мало, так что с помощью шестирукого кибера типа «Шива» перелопатил все бумажные архивы, мемуары перечитал... Можно без подробностей?

— Пожалуйста, полковник, в принципе меня интересует результат.

— Профессор Осмысловский, специалист по военной истории, занимался этим. Он составил список таинственно пропавших воинских частей, который был опубликован в одном из полулюбительских журналов двадцать лет назад. По мнению профессора, особенный интерес представляет октябрь 1916 года, когда под Луцком пропало несколько эскадронов императорского царскосельского полка. Примерно в том же районе и в то же время исчезла австрийская егерская рота... Конечно, это имеет и вполне приземленные объяснения — попали под шквальный пулеметный или шрапнельный огонь, утонули в болоте. Впрочем, Осмысловский считал иначе. Он связывал это...

— С чем?

— С существованием неких телепортационных трубок, которые способны перенести живые объекты вместе с так называемым «фрагментом реальности» в какой-то другой мир, возможно, на иную планету. Именно эти «фрагменты реальности» позволяют живым объектам с Земли уцелеть в чужом мире, пока они не преобразуются там в местную форму жизни. То есть человек как бы существует на пересечении двух миров — один мир поддерживает необходимую стабильность, второй производит изменения... Осмысловский даже утвер-

ждал, что Альберт Эйнштейн последние сорок лет своей жизни пытался доказать существование телепортационных трубок. По крайней мере еще в 1916 году он беседовал с Иоффе на тему гипотетических антигравитационных сил, действие которых носит нелинейный характер... Но, повторюсь, журнал был не слишком презентабельный, одно название «Иии» чего стоит. Ни в одной из серьезных работ Осмысловского я не нашел никаких упоминаний о телепортационных трубках.

— Я хочу с ним встретиться, — просто сказал верховный правитель. — Нам есть о чем поговорить.

— Борис Иванович, это невозможно. Осмысловский умер месяц назад, в психиатрической лечебнице имени Филипа Дика.

— Значит, он умер уже после начала пятой марсианской экспедиции. Жаль... Полковник; благодарю за проделанную работу... Впрочем, не показалось ли вам кое-что странным во время ваших поисков? Только откровенно, хотя я могу гарантировать, что здесь нет скрытых детекторов мозговых волн.

Полковник несколько замялся.

— Показалось, Ваше Пре... Борис Иванович. Показалось странным, что в сети не осталось никаких статей из журнала «Иии», вообще никаких упоминаний о нем. Хотя уже в те времена почти все издания такого толка имели, помимо бумажной, еще и сетевую версию. Как будто кто-то целенаправленно стирал их везде, где только возможно.

— Я понимаю, почему вы не хотели говорить мне об этом. Только кибернетический сетевой субъект большой мощности способен на это — а у нас их не так уж и много... Хорошо, я разберусь. От вас, полковник, теперь требуется следующее. Мне нужно знать, как умер... или погиб профессор Осмысловский. Опросите свидетелей, проведите эксгумацию и экспертизу трупа. Попробуйте сделать это пока что без возбуждения уголовного дела. Мы должны точно знать причину его смерти. Сегодня вечером мне нужны результаты.

— Слушаюсь. — Полковник отдал честь, повернулся и пошел сквозь мембрану двери.

Как призрак, подумалось Борису Ивановичу. Еще десять лет назад только призрак мог выйти и войти, не открывая дверь.

Он посмотрел на стену, где висел портрет виртуального сетевого эксперта «Вернадский-2». Дружеский автошарж, так сказать. Улыбка его выглядела сейчас несколько зловещей.

На виртуальном экране висел отчет, предоставленный полковником ЦРУ и главным патологоанатомом столичного округа. Снабженный схемами и трехмерными изображениями, от которых Бориса Ивановича слегка затошнило. Он даже хотел переключить отчет на обычный настенный монитор, ведь впечатление было такое, что он окружен со всех сторон вращающимися полупрозрачными мертвецами. Но Борис Иванович подумал, что не стоит доверять даже окну кабинета. Мало ли что там, за ним, во тьме царскосельского парка. Да, парк обшаривается инфракрасными сенсорами, но и способность нападения всегда пытается опередить способность защиты. В восточной Сахаре Борис Иванович воевал с людьми, которых невозможно было обнаружить в тепловом диапазоне...

Пять минут ознакомления с материалами экспертизы, и не осталось никаких сомнений в том, что профессор Василий Осмысловский стал жертвой убийства. Но кто был убийцей?

Профессор, а вернее, пациент психиатрической клиники, умер во время сеанса сетевой компьютерной игры, которую вообще-то должна была отфильтровать больничная «огненная стена»*. Однако в тот вечер «огненная стена» была отключена государственной кибернетической системой, имеющей наивысший приоритет.

Пациент умер от шока, причиной которого было скорее всего состояние сильного страха. Что немудрено. Семидесятилетний человек играл в «Третью экспедицию», причем с прямым подключением через психоинтерфейс к сети. Шок привел Осмысловского к бессознательному состоянию, во время которого он просто захлебнулся собственной рвотой. И хотя другой пациент вызвал медперсонал, медсестра и врач оказались уже у мертвого тела. Задержка была вызвана неисправностью управления лифтами в высотном здании больницы. Вирус большой разрушительной силы проник в ее кибероболочку, легко взломал защитные «льды»**.

Борис Иванович посмотрел на автопортрет «Вернадского-2». Внешне положительный образ, этакая благообразная поmess Эйнштейна и матери Терезы. Но улыбочка нашкодившего развратника.

* Firewall, программа допуска.

** Хакерское название для систем безопасности.

Вирус, напавший на больницу, прилично наследил, один из системных журналов сохранил его характерные коды доступа. И эти всепроникающие коды принадлежали главному виртуальному эксперту.

«Вернадский-2» не хотел, чтобы человечество узнало тайну телепортационных трубок, чтобы смогло обжечь Марс. Он собирался оставить Марс себе, превратить его в гигантский компьютер, используя астеносферу планеты для записи своих бесчисленных киберобъектов, полярные шапки — как оперативную память, пылевые бури — как магистральные шины передачи данных.

Не «Вернадский-2», а дигитальный «Сталин-2», вот истинное его имя. Из-за этого электронного монстра уже погиб и Уайт-Белянчиков, и Осмысловский, и много других хороших людей.

Обо всем этом подумал сейчас Борис Иванович и потянулся к виртуальной клавиатуре, чтобы загрузить Деструктора — программу полного стирания виртуального эксперта. Он никогда не хранил эту программу в сети, даже в самом закодированном виде, только в виде матово-черного менталокристалла емкостью сто миллиардов терабайт на своем указательном пальце.

И когда лазерный луч, направленный терминалом, был готов считать информацию с кристалла, «Вернадский-2» напал на Бориса Ивановича. Дигитальные демоны, вышедшие из цифровых преисподних, где царил виртуальный эксперт, прошли через психоинтерфейс, легко раскрыв шлюзы доступа в правительственную инфосферу, и оказались в мозгу верховного правителя.

На него двинулось огромное войско древних марсиан в серебристых масках, их руки испускали плазменных птиц, а из ротовых прорезей выползали отливающие старинной бронзой пауки, покрытые сеткой гравитационных разрядов. «Вернадский-2» знал, чем пронять верховного правителя России. Брэд-Бери был любимым писателем у виртуального демона, так же как и у Бориса Ивановича.

Возможно, «Вернадскому-2» и удалось бы победить верховного правителя, но он явно недооценил хакера Боба. Где-то в глубине сознания, а вернее, ниже этого сознания, сохранилась дерзкая личность кибероторвы, которая не боялась никого и ничего. Она была азартна, она любила драку.

На воинов в серебристых масках, отражающих спокойствие вечности, пошла фаланга из тяжеловооруженных гоплитов. Из-за их щитов выбегали трехногие лучники и пускали тучи вакуумных стрел, которые рвали плазменных птиц, превращая в снопы быстро исчезающих искр. В стане врага наступило замешательство. И тут длинные копья гоплитов превратились в антипространственных змей, которые нырнули в строй марсианских воинов, свивая их удушающими спиралями. Гравитационные молнии пауков отлетали от зеркальных змеиных извивов и возвращались к тем, кто их послал, но уже поменяв знак. Пауки цвета старинной бронзы превратились в черный песок.

Психические силы Боба прошли через интерфейс дигитализации и фалангой хорошо вооруженных киберобъектов вошли в сеть, захватив важный плацдарм для развертывания Деструктора.

Он, подобно ангелу мщения, вылетел из черного кристалла на пальце Бориса Ивановича, прошел декомпрессию на подготовленном для него плацдарме и огненным ветром обрушился на виртуального эксперта. Деструктор разрушал «Вернадского-2» повсюду, где тот пытался укрыться, — от новомодных квантовых суперпозиционных матриц до старинных магнитных лент. Последней сгорела коварная улыбка автопортрета.

7

Джон Уайт, бывший американский астронавт, он же Иван Белянчиков, бывший российский резидент, с улыбкой посмотрел на зеленоглазую красавицу Вивьен Нгуен.

Они лежали на водяном матрасе в жилом модуле, оставшемся от четвертой экспедиции. Соседний гидропонический модуль, брошенный второй экспедиции, уже снабдил их неплохими котлетами из хлореллы, которые испек Джейсон Цинь. Старина Джейсон не растерял своих гастрономических навыков со времен восточно-сахарской войны, где он ухитрялся делать отменный гуляш из скорпионов. Сквозь алмазное стекло жилого модуля мерцал под натиском далекой пылевой бури марсианский закат и придавал глазам Вивьен очень сексуальный желтый оттенок.

— Кажется, получилось, они отстали от нас надолго, Марс наш. Это случилось сегодня — в самый кру-

той, счастливый день моей жизни. Вивьен, у нас есть все: свобода от их власти и от их догм; мир, в котором еще далеко до дня восьмого; есть благосостояние, в конце концов. Я не думал, что все получится так просто. Виртуальный эксперт стерт в порошок, старт следующей экспедиции откладывается на неопределенный срок. Учитывая, что вскоре начнется очередная свалка с участием Америки, Китая, России и Халифата, экспедиция вряд ли состоится раньше чем через сто лет.

— А за это время мы что-нибудь придумаем, — отозвалась Вивьен Нгуен, болтая своими хорошо выточенными ножками.

— Да, моя нейтронная звезда. Мы напишем об этом книгу или хотя бы рассказ на десяток страниц. Я неплохо знал по аравийской войне Бориса и представлял, насколько тяготит его зависимость от «Вернадского». Конечно же, Боб должен был принять обычную программную ошибку за ужасный заговор дигитального дьявола. Тао Бяо был настолько болтлив, что выложил всю правду насчет своего трусливого дядюшки Ли, который ждет не дождетс появления кошмарных марсианских демонов, от которых так сладко дать деру. Господи, как хорошо: три «марсианских» костюма из полиуглеродного управляемого пластика — и лорд-протектор Ли во все поверил.

— А Осмысловский с его телепортационными трубками?

— Что Осмысловский? Почему он тебя так интересует, Вивьен?

— Меня интересуешь ты, я чувствую тебя, а не кого-либо другого. И мне интересно все, что с тобой связано. Пока что.

— Осмысловский стал бы неплохим писателем-фантастом, если бы умел писать романы. Но он умел писать лишь статьи, да и то кое-как. Я был когда-то редактором журнала «Иии», и я, можно сказать, ему поверил. Сперва. Ведь он уверял меня, что побывал на Марсе с помощью этой самой телепортационной трубки. Он так описывал Валлес Маринерис, что это практически совпадает с тем, что я увидел сегодня. Он говорил, что со временем все порядочные люди переберутся без всяких ракет на Марс и обретут ту форму, которая им нужна для этой планеты. Что, мол, когда-то такое уже случилось, и люди перешли с сильно разогревшейся Венеры на Землю. На Венере они, понимаешь, были маленькими зелеными крокодильчиками, а на Земле стали смахивать на обезьян. Жизнь не исчезает, говорит профессор, она просто перетекает, как вода из сосуда в сосуд, из тела в тело, с планеты на планету. Но...

— Что «но»? — Вивьен едва коснулась пухлыми губками мерцающего стекла бокала, где пузырился своими афродизиаками «коктейль старательский», а затем отчетливо втянула носиком алкогольный аромат и прошептала: «Спирт технический».

— Но чего не может быть, того быть не может. Эйнштейн наконец это понял через сорок лет изнурительных размышлений и немедленно скончался от огорчения.

Уайт подумал, что в разговоре пора бы сделать паузу минут так на двадцать. Его рука скользнула по голой ноге собеседницы. Он подумал, что первый раз у его партнерши такая шелковистая кожа. Слишком даже шелковистая. А вдруг это квазиживое биополимерное покрытие, необходимое после неумеренного потребления мужских гормонов?.. Ее рука, показавшаяся излишне крепкой, не позволила ему продвинуться дальше. Нет, это не безобидная девчонка из бара, которую всегда можно дожать, это профессионалка, напичканная нейроакселераторами, которая сама решит, когда ей надо. Вон у богомоллов вообще — он ее ублажает, она его жует, так что ничего, кроме хитина, в конце концов не остается.

— Потом, кэп, успеется... А ты никогда не задумывался о том, почему неудача постигает каждую экспедицию? Хорошо, ты так ловко уделал пятую экспедицию, но что-то ведь произошло и с четвертой, и с третьей, и со второй, и с первой.

— Как что? Много чего могло случиться. Хотя бы удары метеоритов, выбросы жидкой углекислоты. Это ж Марс. — Ему так хотелось бездумно плыть по ветрам влечения, которые тянули его к Вивьен, но в ее словах явно прозвучало предостережение или даже угроза. — Ладно, девица, на что ты намекаешь?

Вместо ответа ее заволок мрак, сквозь который мерцали желто-зеленые глаза, похожие на марсианский закат. И еще сквозь тьму будто какой-то хищный силуэт просматривается, похожий на самку богомола.

— Что за хрен? А ну, стоять! — Уайт-Белянчиков потянулся к крупнокалиберному беспатронному пистолету, лежащему под подушкой. Но там его не было.

«Смит-Вессон» был в руках у Джейсона Циня, что возник на пороге жилого модуля. Как он только прошмыгнул через шлюз?

— Ладно, ребята, завязывайте с этими фокусами, все мы шутить умеем, — сказал Уайт, чувствуя, как отлива-

ет кровь от головы и груди, а сердце начинает колотиться как очумелое, пытаюсь подкачать ее.

— Умеем, — охотно согласился Цинь. Сейчас лицо его меняло форму, таяло, из амеразиянца он превращался в ино...

Капитан Уайт понял, что сейчас умрет. Смерти он не боялся, хотя никак не мог управиться с ознобом, охватившим его глупое бедное тело. «Когда она есть, то нас нет». Он умрет, так и не поняв, что случилось, каким образом перевернулся мир. Старина Джейсон, что же ты?.. «Мы спиной к спине у мачты, против тысячи вдвоем»... Свой парень, с которым и воевать вместе, и перемолвиться словечком, и даже помолчать неплохо, оказался не человеком.

— Значит, Осмысловский не сочинял...

— Телепортационные трубки существуют, — с готовностью подсказал Цинь, и в его голосе как будто просквозило сочувствие, а на его груди проступил словно из-под стаявшего льда офицерский аксельбант. — Поручик императорского царскосельского гусарского полка Коновницын. Пропал без вести под Луцком в октябре 1916-го. Вернулся без вести в 2016-м, затем пять лет в частях спецназа, после зачислен в отряд астронавтов.

Уайт вдруг ощутил не слишком приятный запах, похожий на тот, что издают бродящие продукты в испорченном холодильнике. Заодно и мрак, окутавший Вивьен, стал более прозрачным. Теперь проглядывались жесткие оранжевые покровы, гнущиеся во все стороны конечности, голова, похожая на бутон тюльпана. Почти никакого сходства с человеком.

— Но это человек, — усмехнулся Цинь, и его обычная простоватая ухмылка, заползающая больше на левую, чем на правую щеку, сейчас показалась звериным оскалом. — Человек, приспособленный для жизни на четвертой планете, переформированный матричными биотоками, текущими в марсианской астеносфере.

— Я не понимаю, Джейсон...

— Я тоже не очень. — Голос Циня вроде не доносился из рта, а шел, как из динамика, от поверхности всего тела. — Я ведь просто вояка, в отряд астронавтов-исследователей попал по блату, ты ж помог. Телепортация означает перенос реальности. Ты как бы оказываешься на пересечении двух миров, один еще питает и защищает твоё тело, но другой мир уже начинает переделывать тебя под себя. В итоге ты принадлежишь им обоим... У тебя две формы, две ипостаси, земная и

марсианская. В одной форме ты дышишь кислородом и нуждаешься в наружной температуре двадцать градусов, во второй тебя питает энергия брожения, в твоих жилах течет что-то вроде антифриза на глицериновой основе и минус сорок кажутся вполне приятными даже в обнаженном виде.

Уайт понял, что Циню надоело ждать, что он торопится к Вивьен, что вдыхает ее ласковые цветозвуки, неслышимые и невидимые никакому землянину. А также запахи брожения, которые сейчас отчетливо напоминают о самогонном аппарате, в который добавили флакон «Шанели».

— Мы могли бы вместе... Мы — один род, — попытался сформулировать Уайт.

— Не могли бы. Марс принадлежит нам. — Черный глаз крупнокалиберного ствола посмотрел на Уайта. — Мне очень жаль, но сегодня я должен убить тебя, командир. Единственное...

— Что единственное? — спросил с надеждой Уайт.

— Я не хочу убивать тебя как палач. Я хочу, чтобы ты умер как воин — в бою.

Цинь забросил пистолет в угол. Вивьен, не глядя на мужчин, вышла в шлюз, даже не позаботившись о скафандре. От нее остался лишь легкий аромат «Шанели» с сивушным оттенком.

И вот они стоят друг напротив друга. Красная планета, питающаяся войной и раздором, омывает их своими волнами. Джон Уайт занимает боевую стойку и медленно кружит на одном месте, наблюдая за тем, как Джейсон скользит вокруг него. Капитан решает атаковать первым. Перед тем как влить полностью свое сознание в последний бой, он думает, что этот денек, пожалуй, был не так уж и плох.

Александр Тюрин

ГИГАБАЙТНАЯ БИТВА

Если вы думаете, что отсутствие смысла жизни ведет к насилию, то вы жестоко ошибаетесь. Насилие и есть смысл жизни. По крайней мере моей.

Фильтр

Тускло-серая плоскость была мерно заставлена мавзолеями процессоров, пирамидами блоков памяти, обелисками кэш-шей, стелами контроллеров и другими конструкциями правильной формы и скучного цвета. Ветвление охладителей как будто придавало разнообразие пейзажу, но и то лишь на первый взгляд.

Лишь изредка на полосах магистральных шин, соединяющих памятники столь мрачной архитектуры, мелькали искорки. Или в середине рабочего дня вставало зыбким ореолом марево над перегретым процессором. Или поутру таяла изморозь на охладителях. Или легкой поземкой, из-за перепада давления, пронеслась пыль. Но не двигалось здесь никакое тело и ни один звук не нарушал мертвую тишину. Даже сегодня. Сегодня, когда на этой равнине кипел страшный бой, который потомки назовут Кубитковой битвой*. И которую потомки потомков объявят мифической, потому что через тысячу системных лет никаких следов этой брани не останется ни в одном протокольном файле...

Спозаранку, едва только были включены и разогрелись процессоры на поле сражения, несметные полчища варваров стали вливаться через сотни портов, которые они проделали в великой кибертайской стене.

Предводитель имперского войска князь Евгений просканировал проломы своими зоркими глазами. Его храброе сердце, бьющееся в главном регистре штабного процессора, даже перешло на повышенную тактовую частоту из-за тревожных предчувствий.

Несмотря на безобразный вид, варвары были хорошо вооружены ичеканами-кододробилками и острыми саблями-кодорезками. Но притом мобильны были чрезвычайно и легко передавались в виде параметров.

На цифровом ветру уже развевался бунчук предводителя варваров, чье имя наводило ужас на половину киберпространства. Великий завоеватель Чипхан. Чипхан был также известен как Мегамет, и это имя наводило еще больший ужас на другую половину киберпространства.

От ханской юрты ко всем варварским тысячам молниеносно протягивались указатели. Адреса всех подданных хранились в индексированных массивах, которые держал грозный Чипхан в левой руке как скипетр. В правой руке ужасного Мегамета вместо державы лежали ссылки на властные функции. Назови только имя ее, и могучий дух функции склонится перед владыкой, ожидая приказных параметров, чтобы двинуть вперед тьму отважных нукеров. И не требовалось ни награды, ни даже морального стимула агарянским ордам. На их хорунгах и так уж сияли баннеры «Смерть за Господина», которого почитали они за воплощение Нуля на грешной земле.

Князь Евгений оглянулся на свое войско. Слишком многие вызвали сомнение, особенно наемные компоненты. Не было на них надежных ссылок, к каждому приходилось писать отдельный интерфейс. Все они имели загроможденные адаптеры, в которые надо было непрерывно загружать порнографические объекты и съестные ресурсы. Во время войны наемники тащили с собой в обозе раздутые базы данных, набитые цифровыми трофеями.

Не стоило полагаться и на ополченцев. Никудышные ратники получались из нищих крестьян, привыкших ковыряться на своей убогой делянке в несколько кластеров на замусоренном диске.

Генерация печальных мыслей была прервана сверхприоритетными донесениями адъютантов, свидетельствующими о сильной панике.

В неизвестном числе варвары уже просочились в имперский стан — скорее всего по почтовому протоколу.

И не столько страшны были сами агаряне, сколько их юркие троянские лошадки, которые смешивались с конями, мулами и ослиами имперского войска. Всадники и погонщики уже не в силах были совладать с доселе покорными животными никакой программной уздой. И скакали транспортные пакеты по случайно выбранному адресу, давя все на своем пути.

Но князь Евгений лично просканировал коней и выючную скотину, отфильтровывая троянцев и прописывая хорошую клизму тем, кого еще можно было очистить от вражеских кодов.

Едва был восстановлен порядок в войсках, как последовало нападение основных сил варваров. Враги ударили лавой в центре и на правом фланге, где стояли наемные компоненты. Там агаряне наиболее глубоко вклинились в ряды имперского воинства, сея смерть и полное стирание. Особенно ожесточенное ратоборство случилось у входа в стек, и варвары стали уже одолевать. Однако надежды Чипхана на скорую победу не оправдались.

В цифровом болотце, в котором, казалось, могли укрыться разве что несколько шпионов, надзирающих за трафиком, скрывался целый засадный полк имперцев в полном вооружении. Он до последнего объекта состоял из опытных гвардейских модулей, немало изведавших за свою долгую солдатскую службу.

Старая гвардия вышла из глубокой компрессии и, пройдя через интерфейс ожесточения, врезалась во вражескую рать. Имперцы острыми клиньями входили в нестройные списки варварских объектов, вышибали их из регистров памяти и превращали всю систему указателей в мусор. Пики-деструкторы гвардейцев легко протыкали целочисленные панцири, коими прикрывались варварские воины. Двуручные мечи имперцев мигом отсекали варварские коды от данных.

Скоро нашел свой конец любимый нойон великого Чипхана — темник Адептер-батыр. Угостил его по главной функции инок Парасвет своим крепким аргументом. Хрупнул шелом батыра и стал он добычей деструктора, а следом и вся толпа варваров была стерта из памяти сборщиками мусора.

Полетели победные реляции в штаб имперцев, и князь Евгений сел было генерировать по радостному шаблону донесение его величеству.

Но внезапно от пленных варваров, которые дожидались своей декомпиляции, распространилось по импер-

скому войску невероятное количество червей, выгрызающих память.

Имперские воины, забывшие все свои данные, превращались в бессмысленные наборы кодов. Даже лихие гусары и то запамятовали, зачем пришли сюда сегодня, и, скинув доломаны, принялись загорать под палящими лучами системных мониторов. А тем временем множество варваров, пройдя незаметно через никому неизвестные маршрутизаторы, нанесла удар в самый тыл имперских войск. И вот их клобуки и малахаи уже завиднелись неподалеку от императорского штандарта. Хуже того, варвары напали на обоз, который притащили на поле брани наемные модули. И наемники, бросив рать, кинулись спасать свое барахло.

Только неизменное присутствие духа князя Евгения Объектского спасло Империю от страшного поражения. Ведь его мозг сохранял ссылки на все боееспособные компоненты как на поле боя, так и за его пределами, на тридевятom диске в тридесятой базе данных.

Огромным усилием воли ему удалось создать низкоуровневое соединение, состоящее из миллионов машинных кодов, по которому из глубокого резерва перешли свежие кавалерийские полки — сплошь отборная молодежь, сгенерированная в лучших вычислительных средах, неиспорченная ранним киберсексом и играми типа порнотетриса.

Молодая гвардия споро очистила поле битвы от беспамятных гусар и жадных наемников. Имперские катапульты забросили в гущу вражеского войска объектные адаптеры, создав интероперабельность по всему полю битвы. И по наведенным объектным мостам, поверх варварских прокси-серверов и огненных фильтров, устремилась молодая гвардия в самую сердцевину вражеских регистров...

Великий завоеватель Чипхан нахмурил брови, но было уже поздно. На его клики приходил лишь системный отзыв: «ошибка памяти». В гневе разбил он ставшие бесполезными массивы с указателями и проклял обессилевшие властные функции...

Прощальным взором просканировал Чипхан Кубитковое поле. Беспорядочной объектной кучей устремлялись агаряне с рати. Конница имперцев легко настигала их с помощью сетевого протокола и рубила до кодовой крошки.

И покатилаcь кибитка грозного Чипхана домой, в цифровую пустыню Хоби, в становище Каракодрум, а

имперцы ликующими криками славили свою викторию и своего полководца князя Евгения...

Вечером к Евгению прибыл посланец от его величества, коварный и развращенный племянник императора по имени Коммодий. А с ним и группа гетерогенных гетер с легкодоступными пользовательскими интерфейсами.

— Дядя выбрал тебя, а не меня своим преемником, — как бы невзначай молвил Коммодий князю Евгению во время пиршества, когда полностью декомпрессированные графические модули гетер уже сильно распалили простоватых армейских офицеров быстро меняющимися срамными фреймами.

— Я не в системе, у меня нет даже прямого доступа в дворцовый процессор, только по предварительной записи через кэш второго уровня. Я просто солдат, — отозвался Евгений, чувствуя неладное.

— Да, ты — солдат, и даже больше, ты предводитель победоносного войска... Но что ты думаешь о том бардаке, который царит наверху? — спросил Коммодий, пресыщенным взором окинув список гетер.

— Он мне не по душе, — без политесов рубанул Евгений. — Процессоры заняты непонятно чем: загружены сплошь развлекательными модулями — это раз. Второе — все необходимое для нормального функционирования систем покупается по дешевке из удаленных репозиториев, и это еще больше разоряет отечественных производителей...

И Евгений прокрутил весь гигабайтовый список имперских глюков, особенно упирая на те, что уже глубоко въелись в системный реестр.

— Значит, ты против. Хакеры разбудили Мегагерцена, — скривив графический интерфейс, процедил Коммодий. — Ну выпьем на прощание, герой, мне уж пора.

Евгений глотнул странно пузырящийся код из кубка, который ему преподнес ухмыляющийся Коммодий. Тут в сканерах князя потемнело. А спустя каких-то пять миллисекунд все подсистемы его зависли и, не успев даже прочитать отходную инструкцию, он скончался.

Придворными системными лекарями, прибывшими вместе с Коммодием, деструкция князя была признана самой что ни на есть естественной.

На погребальном костре, где исчезали коды прославленного Евгения Объектского, плакали даже пленные варвары.

Не прошло и года по системному времени, как войска Чипхана, известного также как Мегамет, взяли столицу Империи — вечный город Ром. Немного его жителей уцелело после страшной чистки памяти и использования не по прямому назначению.

И эти уцелевшие, бросив имущество свое, сдавленные архиваторами до почти плоского состояния, спасались бегством на утлых сидиромах. Но увы, большинство сидиромов получило царапины во время транспортировки и тем обрекло на гибель и забвение беглецов из погибшей Империи. И все же некоторым счастливым удалось добраться до берегов Кириллики, где они и основали новое киберцарство. Правда, спустя тысячу системных лет киберакадемик Фоменко-Неверенко заявит, что на самом деле князь Евгений и был Чипханом, что Империя и варвары — это одно и то же. Но от этого история ведь уже не изменится, правда?

Алексей Калугин

ПОДЕЛИСЬ СО МНОЙ СВОЕЙ ПЕЧАЛЬЮ

Сычев выбежал из метро, едва не сбив зазевавшегося на выходе пенсионера, тащившего за собой сумку на колесиках.

— Сори, — привычно бросил Сычев, даже не глянув на недовольно бухтевшего старика.

Сычев никуда не опаздывал, он просто привык жить в ритме, заметно опережавшем тот, что принимали за норму другие. Подобно капельке ртути, он сам и мысли его все время находились в движении. Если он и замирал на секунду, то лишь для того, чтобы мгновенно оценить ситуацию и начать действовать с утроенной энергией. О, энергии ему было не занимать! В свои сорок пять Александр Викторович Сычев выглядел от силы на тридцать три. Рот его был полон здоровых, крепких зубов, блестящих как в рекламе зубной пасты, в густых волосах не было даже намека на седину. Походка — быстрая и пружинистая, как у победителя велогонки «Тур де Франс», улыбка — жизнерадостная и оптимистичная, словно у героя боевика в конце фильма, когда он уверен, что живых врагов у него уже не осталось. Карьере Сычева многие могли позавидовать, хотя сам Александр Викторович считал, что все самое главное у него еще впереди. И с личной жизни все было в порядке. Сычев не был женат, но не потому, что женщины его не интересовали. Александр Викторович полагал, что к браку следует относиться, как к покупке машины — сначала посмотреть, на чем другие ездят, оценить достоинства и недостатки всех доступных моделей и только после этого обзаводиться своей.

А возникает вопрос: почему такой человек, как Александр Викторович Сычев, ездит на метро? Ответ прост, хотя

для многих и не очевиден, — да потому, что это именно Александр Викторович Сычев, а не кто-то другой. Утром в час пик добраться на машине до офиса, расположенного в центре Москвы, в районе Чистопрудного бульвара, задача почти безнадежная. Какой-нибудь надменный сноб будет упорно сидеть в застрявшей в пробке машине, изнемогая от духоты, пока его организм пропитывается ядом выхлопных газов. Но Сычев не из таких! На метро получается в два раза быстрее и куда как спокойнее. Связь — вот она, в кармане пиджака. А шофер с утра пораньше машину к офису уже подогнал. Время для Сычева стоит на втором месте. На первом — здоровье. Проехав утром семь станций на метро, он выигрывал как в первом, так и во втором.

На Чистых прудах — обычная картина. Какой-то жлоб оставил машину на трамвайных путях, превратив кольцо конечной остановки в тупик. Вереница блокированных трамваев выстроилась, должно быть, вдоль всего бульвара. Трамваи звенят надрывно, толпа народа, собравшаяся на остановке, на все лады ругается. Кто-то уже пинает злосчастную машину, но пока еще очень осторожно, а значит, дело не скоро сдвинется с мертвой точки.

Сычев только усмехнулся, глядя на всю эту бессмысленную суету. С утра жара такая, что к полудню асфальт плавиться начнет, а они еще и заводят себя с утра пораньше. В каком состоянии вернутся они вечером домой? Сил хватит разве что только на то, чтобы упасть на диван и тупо уставиться в телевизор. А у Александра Викторовича рабочий день раньше полуночи не заканчивается. А покончив с делами, он садится еще книжку какую новую полистать. Честно признаться, большого удовольствия от чтения он не получает, но любит быть, что называется, в курсе, чтобы иметь собственное мнение, — может пригодится, если вдруг на какой-нибудь неофициальной встрече или банкете зайдет речь о модной книжке очередного кумира временами читающей публики.

Странный, скажете, человек этот Сычев? Ну а кто нынче не странен?

Перебежав трамвайную линию между двумя застрявшими трамваями, Александр Викторович вышел на Чистопрудный бульвар. Пройтись в тени лип одно удовольствие. Жаль, мало осталось в Москве таких замечательных мест, как это. Сычев посмотрел на проблески ясного голубого неба, мелькающие сквозь листву, и улыбнулся, радуясь жизни.

Но не успел Александр Викторович и пяти метров отойти от трамвайной линии, как из-за памятника Грибоедову наперерез ему, прихрамывая, вывалилась скособоченная фигура с протянутой рукой.

— Поделись... — услышал Сычев профессионально поставленный скулеж опытного попрошайки.

Александр Викторович нищим не подавал. Не потому, что был черств и жаден, а по принципиальным соображениям. Сычев ненавидел хитрецов, надеявшихся прожить за чужой счет. Вот бабульки в метро, торгующие всякой мелочью с рук, те честно старались заработать себе на жизнь. Встречая таких старушек, Александр Викторович непременно покупал у них газеты, которые не читал, или карманные календарики со схемой метро, которые ему были ни к чему. А этот — Александр Викторович окинул быстрым взглядом приставшего к нему попрошайку — молодой еще мужик, не старше самого Сычева. А помыть его, почистить да приодеть, так, может, еще и помоложе окажется. Нет, просто так, Христа ради, Сычев даже рубль в протянутую ладонь не кинет.

— Бог подаст, — пообещал нищему Александр Викторович и, чтобы не коснуться нечаянно локтем этого человекообразного существа, сделал шаг в сторону.

Но попрошайка с неожиданным проворством кинулся следом за Сычевым и ухватил его за руку, в которой Александр Викторович держал дипломат.

— Поделись, — снова жалостливо загундосил оборванец. — Поделись со мной своей печалью.

Когда смысл просьбы дошел до сознания Сычева, Александр Викторович остановился и, недоуменно склонив голову к плечу, посмотрел на попрошайку.

— Простите, что вы хотите? — спросил он, сделав при этом движение локтем, стиснутым грязными пальцами.

На сухих, потрескавшихся губах нищего появилась заискивающая улыбка.

— Поделись со мной своей печалью, — повторил попрошайка.

Убедившись, что не ослышался, Александр Викторович слегка приподнял левую бровь. Случай был необычный, но интересный скорее психиатру, нежели деловому человеку.

— Извините, — сказал Александр Викторович. — Я спешу.

Дернув рукой, Сычев вырвал локоть из пальцев нищего — пятен на рукаве светло-серого пиджака, по сча-

стью, не осталось, оставалось надеяться, что и зараза никакая не пристала — и быстро зашагал по гравиевой дорожке. Но нищий и не думал отставать — припадая на левую ногу, заковылял следом.

— Послушай, — нудно трендел попрошайка, держась на полшага позади Александра Викторовича. — Я же тебе помочь хочу... Отдай мне свои печали... Самому же на душе легче станет... А?.. Ну чо тебе стоит?..

— Не валяйте дурака, уважаемый, — не замедляя шага, недовольно поморщился Сычев. — Какие еще печали, если вам нужны деньги! Ведь так?

Александр Викторович быстро глянул через плечо в тайной надежде, что преследователь исчез.

— Не так, — дернул подбородком нищий. — Деньги мне не нужны.

— Да ну? — сделал вид, что удивился, Александр Викторович. — Извините, но ваш внешний вид не свидетельствует о достатке.

Нищий окинул взглядом свой костюм, вполне традиционный для попрошаек всего мира. Вид у него при этом был такой, будто его совершенно необоснованно обвинили в нечистоплотности.

— Так разве ж в этом дело? — снова посмотрел он на Сычева. — Разве ж наряды определяют суть человеческую? По делам! — Грязный указательный палец нищего взлетел к небесам. — По делам судить следует!

— Делом вам действительно стоило бы заняться, — по-своему интерпретировал слова нищего Александр Викторович. — Работать нужно, уважаемый! — Сычев бросил на преследователя быстрый взгляд через плечо. — Работать, а не попрошайничать! Вам сколько лет?

Сычев и сам не понял, с чего вдруг задал вопрос своему странному спутнику. Какое ему было дело до грязного попрошайки? Но ведь спросил же почему-то.

— Да какое это имеет значение. — Нищий шмыгнул носом и утерся драным рукавом.

— А может быть, вы неизлечимо больны? — снова непонятно с чего вдруг поинтересовался Александр Викторович.

Прежде чем ответить, нищий задумался. Серьезно задумался. Он словно бы прислушивался к тому, что происходило в его организме, желая убедиться, что с ним все в порядке.

— Да нет, — на ходу пожал он плечами, — на здоровье не жалуюсь.

— А с ногой у вас что? Вы ведь хромаете.

— А, — махнул рукой нищий, — отсидел.

Сычев вдруг остановился и повернулся назад, так что попрошайка едва не налетел на него.

— И вам не стыдно? — с укоризной спросил Александр Викторович.

— А чо? — не понял оборванец.

— Не стыдно ли вам, здоровому и пока еще не старому мужчине, попрошайничать?

— Ну дак чо поделаешь, — вроде как с сожалением даже развел руками попрошайка. — Печаль — она ведь на улице не валяется. Выспрашивать приходится.

— То есть выпрашивать, — поправил нищего Александр Викторович.

— Не, — неожиданно лукаво улыбнулся тот. — Выспрашивать. О своих печалях человек должен сам рассказать.

Александр Викторович перекинул дипломат из одной руки в другую.

— То есть вы хотите сказать, деньги вам не нужны?

Попрошайка смущенно почесал заросший щетиной острый подбородок.

— Ну ежели мелочь какую подкинешь, так я не откажусь, — признался он.

— Все ясно, — саркастически усмехнулся Сычев.

Разговор о печалях был всего лишь вступлением, артистической преамбулой перед тем, как начать клянчить деньги, — как и полагается профессиональному нищему. Ох, лучше бы он сразу перешел к делу. Конечно, и в этом случае денег от Сычева он бы не получил, но тогда у Александра Викторовича хотя бы вера в добропорядочность московских нищих сохранилась.

— Не, ты меня не понял! — Попрошайка и не думал оставлять Александра Викторовича в покое — бежал следом и пытался за рукав ухватить. — Ежели не хочешь, так денег можешь не давать! Но только расскажи мне о своих печалях!

— Я похож на человека, изнуренного печалью? — усмехнулся Сычев.

— Нет. Поэтому я к тебе и подошел.

Заявление попрошайки было лишено какой-либо логики, что заставило Александра Викторовича вновь взглянуть на него с интересом.

— Ты выглядишь молодцом, — улыбнулся Сычеву нищий. — Сразу видно, ни с кем своими печальями не делишься, все в себе держишь.

Александр Викторович хмыкнул — слова оборванца были не лишены смысла. Надо же, знаток человеческих душ из подворотни.

— А с чего вы решили, что вам я о своих печалях расскажу? — Вопрос был задан не просто так — Сычеву на самом деле стало интересно, что ответит на него попрошайка.

— Так что ж, — усмехнулся нищий. — Ты меня не знаешь, я тебя тоже — встретились да разбежались. Вроде как и не было ничего. А на душе легче станет.

Ох, ну и философ!

— Вам-то это зачем?

— Ну... — Попрошайка замялся, как будто не знал, что ответить. — Работа у меня вроде как такая.

— Что за работа?

— Людские печали собирать, — ответил нищий, глядя при этом куда-то в сторону.

— Ну нет, — усмехнулся Сычев. — Со мной у тебя этот номер не пройдет. — Незаметно для себя он перешел в общении с нищим на «ты», звучащее снисходительно и немного покровительственно.

— Чего? — вполне искренне удивился попрошайка.

— Я, значит, исповедуюсь тебе, после чего делаю скромный взнос на развитие дела. Что, угадал?

— Нет, — покачал головой оборванец.

— Что же ты хочешь?

— Услышать о твоих печалях.

— Отвяжись, а? — с тоской посмотрел на нищего Сычев. — Такой день хороший... Жарко только... А тут ты. — Александр Викторович удрученно вздохнул. — Как будто вокруг других людей нет. Видишь же, несговорчивый я.

— А ежели я тебе всю правду расскажу? — прищурился нищий.

Не хитро — нет! — скорее оценивающе. Попрошайка смотрел на Александра Викторовича так, словно хотел понять, поймет ли Сычев то, что он собирался ему поведать.

— О чем? — спросил Александр Викторович.

Он уже почти бежал по дорожке бульвара — нужно только поскорее добраться до офиса, а там уж охрана остановит навязчивого попрошайку.

— О том, на что мне чужие печали, — ответил на вопрос Сычева нищий.

Александр Викторович промолчал — пустой был разговор. Солнечное настроение, с которым Сычев вышел из метро, улетучилось — как не бывало. А это значило, что теперь Александру Викторовичу придется минут сорок приводить в порядок мысли и чувства — как минимум три чашки кофе потребуется, — прежде чем он сможет включиться в работу. Вот именно после таких встреч начинаешь понимать, почему люди предпочитают ездить на машинах.

— Слушай, — попрошайка изловчился-таки и поймал Сычева за рукав, — ты про Вечного Жида слышал?

Александр Викторович дернул рукой, пытаясь вырваться, но пальцы оборванца, точно крючья, вцепились в ткань.

— При чем тут Вечный Жид? — недовольно глянул он на нищего.

— Так это ж он меня научил печали собирать!

Александр Викторович чувствовал, как в душе у него поднимается волна раздражения, готовая все смести на своем пути. Он и не помнил даже, когда в последний раз испытывал что-то подобное, а потому и не мог понять, нравится ему это или нет.

— Слушай, слушай! — дважды дернул Сычева за рукав оборванец, тащившийся следом, точно буй. — Ты ведь ничего не знаешь. Там ведь все не так на самом деле было!

Сычеву стало ясно, что к нему пристал сумасшедший. Как-то от него надо было избавиться. Но как? Александр Викторович озирался по сторонам в надежде увидеть либо милиционера, либо прохожего, к которому можно было бы обратиться за помощью. Но, как на зло, мимо только старушки с авоськами семенили да детвора неразумная бегала. Решившись на отчаянный шаг, Александр Викторович сунул руку во внутренний кармана пиджака, собираясь достать бумажник.

Попрошайка верно истолковал жест Сычева. Но вместо того, чтобы обрадоваться, всем своим тщедушным телом повис у него на локте, не давая рукой двинуть.

— Да не нужны мне твои деньги, понимаешь ты? — закричал он едва ли не со злобой. — Мне печали твои нужны!

Александр Викторович остановился, провел ладонью по взмокнувшему лбу и, запрокинув голову, посмотрел на ослепительно голубое, раскаленное солнцем небо.

— Понимаешь, — талдычил свое повисший на локте нищий, — Агасфер, он ведь не проклят был за то, что Христа со своего порога прогнал. Нет, он, наоборот, ему отдохнуть предложил и чашку воды подал. А потом сказал: «Поделись со мной своей печалью, Назаретянин». И Христос начал рассказывать. Говорил он недолго, минут пятнадцать. А потом поднялся, взвалил на спину свой крест и пошел на Голгофу. А сосудом его печали стал Агасфер. И столько печали поведал Иисус Агасферу, что понял Агасфер, нельзя ему более оставаться дома, а следует идти по свету, чтобы продолжить собирать людские печали — те, что Назаретянин взять не успел.

— Ну что ты несешь? — с тоской произнес Александр Викторович и вновь предпринял попытку освободиться.

— Нет, нет, ты дослушай, — не отпустил его нищий. — Не проклятие, а печаль делает человека бессмертным. Поэтому и стал Агасфер Вечным Жидом, обреченным до скончания веков скитаться по белу свету и выпрашивать у людей печали.

— А ты-то здесь при чем? — устало спросил Сычев. — Ты ведь, надеюсь, не Агасфер?

— Не, — мотнул головой оборванец. — Я с Агасфером в 1802-м под Рязанью встретился.

— Ага, — энергично кивнул Александр Викторович. — И сколько же тебе сейчас лет?

— Про то не ведаю, — безразлично усмехнулся нищий. — Не считаю я своих годков. Потому что, покуда в мире есть печаль, смерть мне не грозит.

— Все? — посмотрел на попрошайку Александр Викторович.

— А твоя история? — удивленно воззрился на него тот. — Ты же обещал мне о своих печалях рассказать!

— Ничего я тебе не обещал! — Сычев изо всех сил дернул рукой, в которую, точно клещ, впиваясь оборванец.

Нищий мотнулся из стороны в сторону, едва устоял на ногах, но хватку грязных пальцев не ослабил.

— А как же...

Сычев понял, что уладить дело миром уже не удастся. Тем более что ему оставалось только дорогу перейти, а там — офис родной и охранники у дверей. Вот пусть охранники с этим нищим и разбираются. А уж куда они его решат

определить — в милицию или в психушку, — Александру Викторовичу было все равно.

— Поделись со мной своей печалью, — снова жалобно заскулил оборванец.

Волоча за собой попрошайку, Сычев ринулся через дорогу.

Он не увидел мчавшуюся прямо на него машину, не услышал взвизгнувшие тормоза, не почувствовал боли от удара. Просто мир вокруг него внезапно перевернулся вверх тормашками. На секунду Александр Викторович увидел прямо над собой небо, похожее на обрывок голубого шелка, а затем провалился во тьму. В небытие.

Когда Сычев пришел в себя, он не сразу вспомнил, что произошло. Он не знал, где находится, поэтому боялся открывать глаза. Прошло какое-то время. Александр Викторович был не в состоянии хотя бы примерно определить, как долго он лежал с закрытыми глазами. Быть может, он снова потерял сознание? Если так, то в чувства его привели голоса. Два голоса, звучавших так тихо, что Сычев не все слова мог разобрать.

— ...травмы, несовместимые с жизнью...

— ...перелом основания... в поясничном отделе...

— ...может быть, день-другой еще...

— ...а толку что? Все равно ведь не вытянем...

Слушая голоса, Александр Викторович вспоминал, что произошло. Сначала к нему привязался сумасшедший нищий, уверявший, что он друг Агасфера. А потом... Потом его сбила машина... Выходит, речь идет о нем?

Только сейчас Сычев вдруг с ужасом понял, что не чувствует своего тела. Что это, последствия анестезии или паралич?

Голоса стихли, растворившись в пустоте. И только тогда Сычев рискнул открыть глаза. Сначала он увидел только мутный сероватый свет. Сообразив, что это слезы набежали на глаза, Александр Викторович несколько раз энергично сморгнул. Теперь он мог видеть больничную палату со стенами, выложенными белым кафелем, и одним большим окном, нижняя половина которого была замазана белой краской. Краем глаза Александр Викторович увидел стеллажи с многочисленными приборами, к которым он был подключен.

Реанимация...

Не имея возможности повернуть голову, Сычев ско-сил глаза в другую сторону. На стульчике у окошка си-

дела пожилая санитарка. Сложив морщинистые руки на коленях, она с грустью смотрела на больного.

Сычев шевельнул губами.

— Лежи, милый, лежи, — тут же наклонилась к нему санитарка. — Пить тебе сейчас все равно нельзя.

Александр Викторович дернул щекой, давая понять, что просит не о том. Он пытался объяснить, что ему надо, но пластиковая трубка, вставленная в рот, мешала двигать языком. Пару раз ему все же удалось издать слабое нечленораздельное мычание.

— Ну что ж ты такой беспокойный, — с тихой укоризной произнесла санитарка.

Она протянула руку, чтобы поправить трубку, которую Сычеву все же удалось сдвинуть с места, и на секунду освободила ему язык.

— Поделись... — едва слышно выдохнул Александр Викторович.

— Чего? — Санитарка наклонилась еще ниже, пытаясь разобрать, что говорит больной.

— Поделись... — с трудом выдавил из горла Александр Викторович. — Поделись со мной... своей печалью...

Санитарка удивленно смотрела на Александра Викторовича.

Добрая женщина, она не понимала, о чем он ее просил.

Валентин Леженда

ДЕЛО КОТА БАЮНА

А.О. Белянину

В то злосчастное утро проклятый петух прокричал особенно противно.

Я резко сел на кровати. Конечно же, глупая птица кричала ку-ка-ре-ку, но мне сквозь сон слышалось нечто, напоминающее кар-кар. Да и сам сон был неприятным, мутным, вот только как я ни пытался, вспомнить его не мог. Да и зачем его вспоминать, только еще больше настроение себе портить.

В общем, начало дня не предвещало ничего хорошего. По всем приметам выходило, что ждут меня в грядущем серьезные неприятности или, что скорее всего, какое-нибудь очередное задание от царя Дадона-батюшки, чтоб ему пусто было. Да он буквально загонял меня в последние дни, то ему не так, это ему не так. Ввел, понимаешь, по всей подвластной ему территории пачпорта, перепись ни с того ни с сего затеял, а контролировать весь этот процесс кому доверил? Ну, естественно, мне, а кому же еще. Эти его соплеменники напереписывают... Так напереписывают, что мертвые души Гоголя детскими шалостями покажутся.

Да, хорошо начался денек, ничего не скажешь. Ко всему я еще с левой ноги встал, потянулся, зевнул, забылся и вот теперь с честью завершил комплект плохих утренних предзнаменований: карканье петуха, плохой сон, вставание с левой ноги.

Фух, теперь надо бы чего-нибудь и обо мне лично сказать, хотя и не очень-то я люблю о себе рассказывать, чего тут рассказывать, одна тоска зеленая. Живу себе помаленьку, преступ-

ников всяких, нечисть поганую во владениях царя Дадона ловлю, милиционер я, младший лейтенант Никита Андреевич Иванцов, здравия желаю. Гм... служу, значит, у царя Дадона, заведу его Тайным приказом. Хотя «тайным» это еще мягко сказано. Должность у меня забавная, сейчас, сейчас... Вспомню формулировку... Ага, вспомнил: воевода... да воевода столичного управления милиции. Во как. Это вам не младший лейтенант, это по местным меркам о-го-го!

Спросите, как я на службу к этому царю Дадону попал? Отвечу: очень просто, случайно. Переместился из нормальной реальности в сказочную, и баста. А назад дороги нет, пришлось прижиться, приспособливаться к внешним условиям. И главное, быстро приспособиться удалось. Наш брат, я имею в виду милиционеров, везде нужен. Без нас все к чертям собачьим под хвост полетит. Закон и порядок — вот мои главные принципы.

А что касается моего перемещения, то я об этом стараюсь не думать, хотя и больно на душе становится, как реальность родную вспоминать начинаю. Но тут ничего не поделаешь, чего душу бередить, судьба есть судьба. Зря я, конечно, в тот подвальчик сунулся, но ведь это моя профессия свой нос во все углы совать, тем на жизнь и зарабатываю.

А начальник мой, царь Дадон, ничего мужик, только уж больно импульсивный. Чуть что, ногами топает, кричит, на кол посадить угрожает. У него одно решение проблемы — «на кол», причем всех. Глядишь, и виновный среди них окажется. Темный человек, куда там ему до тонкостей следственно-оперативных методов выявления преступника. Потому и ценит меня за методы эти да за смекалку с удачей. А что, мне пока везло, тьфу-тьфу-тьфу, ни разу вроде перед царем не облажался, исправно бандюг местных ловил.

Эх, жизнь моя непутевая, дальняя дорога, если бы не форма моя родимая да зыбкая, безумная надежда на возвращение, давно бы руки на себя наложил, греха не побоялся. Хотя нет, шучу, конечно. Самоубийство — это поступок труса, а уж никак не воеводы столичного управления милиции.

М-да, мыслишки.

Встал я, значит, в то утро с левой ноги, что само по себе уже плохо. Подошел к окну избушки моего заботливого хозяина деда Бабая, у которого я имею честь квартировать, гляжу наружу, и жить не хочется. Погода просто мерзостная. Небо хмурое, серое, и дождик мелкий крапывает.

Осень уже. А ночью, видно, и вовсе ливень прошел, так как грязюки вокруг немерено. Лишь проклятый петух невдалеке под навесом сидит и блестящим глазом на меня нагло смотрит. Так бы и запустил в него сапогом.

Я еще раз внимательно осмотрел двор, но Жердяя, помощника моего, нигде видно не было. Но оно и понятно. Что он, дурак под дождем мокнуть, наверное, в сених сидит, завтракает.

Кстати, о завтраке.

Я принялся, и действительно по избе уже плыл дивный аромат блинчиков с вареньем. Готовит Бабай — объединение. Словно на убой меня кормит, как того пионера из старого детского мультика. Данное сравнение мне явно пришлось по душе, и я, улыбнувшись, не спеша прошествовал в горницу.

В горнице я увидел то, что и ожидал увидеть: накрытый белоснежной скатертью дубовый стол, а на нем большую тарелку с дымящимися блинами, банку варенья и здоровый кувшин молока. Настроение у меня тут же повысилось на несколько баллов.

Сам хозяин, умиленно на меня поглядывая, сидел в углу избы, ловко управляясь с лыком. Плел лапти. Любимое занятие старого бобыля. «И когда это он все успевает», — очередной раз удивленно подумал я.

— Доброе утро, касатик, — поприветствовал меня Бабай. — Хорошо ль тебе спалось?

— Доброе утро, дедушка, — ответил я, — спалось мне нормально. Ох, какой аромат!

Сев за стол, я тщательно намазал желтый поджаристый блин вареньем. Да, я ему соврал, плохо спалось мне, но уж больно не хотелось огорчать этого милого старикана, он всегда так обо мне заботится.

— Дедуль, — ласково позвал я, запивая блин молоком, — а где Жердяй? Что-то во дворе его не видно.

— Да в сених он, — ответил седой кудесник. — Где же ему еще быть, позавтракал и теперь дремлет.

— Дремлет, — недовольно проворчал я себе под нос, обильно намазывая вареньем следующий блин.

В принципе Жердяй меня как помощник вполне устраивал. Простой парень из местных, он был исполнителен, невероятно силен, относился к своей должности со всей серьезностью, вот только медовуху, поганец, сильно любил да умом особым, кстати, тоже не отличался. Но с другой

стороны, зачем ему ум этот, я у него вместо ума, это мне думать надо, а ему выполнять мои приказания. Вот так-то.

И вообще с этим Жердям строгость нужна. Поэтому, быстро доев блины и допив молоко, я поблагодарил хозяина за вкусный завтрак, после чего направился в сени, предварительно напустив на себя строгий вид. Что это такое в конце концов, у нас ведь рабочий день начался, перепись еще не окончена, а он, шельмец, понимаете, дремлет.

Но от неизбежной взбучки парня спасло конское ржание, раздавшееся снаружи избы, и хриплые голоса, без сомнения, принадлежавшие царским гонцам. А кому ж это, если не им, быть в такую-то рань?

Жердй встревоженно заглянул в горницу, увидел, что я уже позавтракал, быстро пробежал взглядом по моей милицеской форме, все ли пуговицы на месте, и снова исчез в сенях.

В дверь избы заколотили.

Мой помощничек отпер, затем послышалось обычное злобное переругивание с гонцами, и вот в горницу ввалились распаренные от быстрой езды трое царских стрельцов.

Сжимая в руках кумачовые шапки, они низко мне поклонились.

— Батюшка сыскной воевода, — хором обратились ко мне гонцы, — тебя хочет видеть царь. В скверном расположении духа пребывает, гневается. Требуем, чтобы сей же час ты предстал пред его светлые очи.

Ну, это обычное его состояние, поэтому я после заявления гонцов особого беспокойства не ощутил. Накинул шинель, надел фуражку — и во двор.

А грязизи во дворе по колено, и дождик еще этот противный моросит. Еле-еле Жердй со стрельцами телегу мою милицескую из сарая выкатили, а то бы пришлось мне верхом к царю ехать. Хотя и несолидно это для моего чина, но пришлось бы в седле через все Корзинкино трястись. Когда царь не в духах, лучше не опаздывать.

По себе знаю.

Приехали, значит, мы с Жердям к царскому терему. Парень, понятное дело, снаружи остался, а я вовнутрь пошел. Стрельцы у входа в покои так и вытянулись.

Царь, как всегда, в Грановитой палате меня ожидал, что на третьем этаже терема находится, а всего этажей

четыре. Самое высокое здание в Корзинкине терем этот, из любого конца города его видеть.

— Доброе утро, — говорю я царю, а тот даже бровью не повел, сидит себе на троне и в одну точку уныло смотрит.

Я деликатно кашлянул, царские думы — это, конечно, святое, но ведь, наверное, по делу он меня вызывал, не просто так.

— Здравствуй, Никита Андреевич, — наконец произнес государь, словно мы не виделись несколько месяцев. — Плохи дела наши, очень плохи.

— А в чем дело? — сразу насторожился я. — Что стряслось?

— Враги, — ответил Дадон, — аспиды окаянные, видать, порчу на меня наслали, третью ночь подряд глаз сомкнуть не могу, не спится мне и никакие снадобья не помогают. Подрывает здоровье мое эта проклятая напасть.

М-да, я об этом не знал. Это что ж получается, уже третью ночь глава государства не спит? Я бы так не смог, уже бы давно где-нибудь свалился от усталости, а он сидит себе, бородача до пояса, глаза сверкают, все как обычно, вот только вид хмурый.

— Не думаю, что это происки врагов, — вслух предположил я, — просто у вас случился этот... как его... нервный срыв. Переработались вы, вот цикл сна и нарушился.

— Ты мне тут непонятными словами не ругайся, — топнул ногой Дадон, — а лучше отправляйся поскорее в Древний лес, что на окраине Корзинкина, и привези мне оттуда кота Баюна.

— Кого?!

— Кота Баюна, — повторил царь и снова топнул ногой.

Теперь понятно, почему по пути в царский зал мне не встретилось ни души. Разбежались хитрецы от греха подальше, небось один я дурак за этим Баюном к черту на кулички отправлюсь.

Вот оно, сбылись плохие утренние приметы. Не дело это воеводы, котов там всяких по лесам вылавливать. Воевода должен преступников ловить, а не котов.

— А как же перепись? — не выдержал я. — Перепись-то не закончена.

— Закончишь потом, — бескомпромиссно отрезал его величество, — бросай все свои дела и привези мне кота, иначе сам знаешь...

— Знаю, — скептически хмыкнул я.

На кол меня Дадон, конечно, не посадит, но жалование и, соответственно, снабжение столичного управ-

ления милиции урезать может, а это было бы мне весьма некстати, особенно если учитывать то, что приближается зима, а зимы здесь лютые, что те волки из Древнего леса.

— Что за кот такой? — спросил я, тем самым дав царю понять, что просьбу его я выполню, куда уж тут деваться.

— Баюном его величают, — пояснил Дадон, — особый это кот, необыкновенный. Одним взглядом своих изумрудных глаз может человека усыпить. Он-то мне сейчас как раз позарез и нужен.

— А как же я его в том лесу найду?

— А это уж твои заботы, чай, не даром ты титул сысканого воеводы носишь. Все, ступай и без кота Баюна не возвращайся.

«Вот тебе раз», — подумал я, покидая пустынные царские хоромы.

Может, и вправду враги порчу навели, хотя, конечно, это маловероятно, поскольку всех недоброжелателей и противников Дадона я исправно ловлю. Вернее, давно уже переловил всех, а те, кто остался, боятся даже нос свой на границе Корзинкина показать. Молва обо мне уже давно все царство обошла, а нрав у меня крутой.

Значит, рабочей версией пока оставляем нервный срыв, ну а там посмотрим. Кота Баюна в царский терем доставим, глядишь, и со сном у Дадона все наладится. Вот только как этого кота поймать? Задача. Да и как выглядит этот кот — непонятно. Ну, глаза зеленые умные, рост большой, шерсть пушистая. Вот и все оперативные данные.

Поразмышлял я, поразмышлял и решил пока с котом повременить, царский приказ слегка нарушить.

Выйдя из терема под неприятный холодный дождь, я приказал Жердяю ехать обратно в избу Бабая. Дед наверняка сможет мне чем-нибудь да подсобить в поимке этого удивительно-го кота.

— Ох, не прост кот Баюн, касатик, — покачал головой Бабай, — ох, не прост. Трудно его будет изловить, ох, трудно...

Я растерянно посмотрел на Жердяя.

— Дык а что тут думать-то? — удивился тот, поведя крутыми плечами. — По башке рогатиной — и в мешок.

— Не выйдет. — Дед обиженно поджал старческие губы. —

Ты, дубина, со своими советами не лезь. Знай, неуч, свое место.

Набывчившись, Жердья неуклюже вышел в сени. Обиделся, наверное.

— Было бы чуток побольше времени, — продолжил хозяин, — я бы сварил тебе особое зелье, дабы ты под чары Баюна попасть не смог. Но царь тебя торопит, поэтому помогу лишь советом.

— И на том спасибо, дедуля, — искренне поблагодарил я.

— Слушай меня внимательно. Ищи кота Баюна в чаще Древнего леса, где ручей с мертвой водой протекает. Вдоль по нему пойдешь — на логово Баюна обязательно набредешь. Но помни: опасен и хитер кот, хотя по натуре своей добр и покладист. Своенравен и горд он, своей волей с тобой в Корзинкино не пойдет. На, держи...

И Бабай протянул мне маленький металлический шарик на веревочке.

— С его помощью ты сможешь усыпить Баюна, раскачивая шарик перед его мордой, но при этом ты сам не должен заснуть. Нельзя наверняка знать, пока не встретишься с котом, сможет он тебя усыпить или нет.

— А что? — удивился я. — Были случаи, когда чары Баюна действовали не на всех?

— Да многое болтают, — неопределенно махнул костлявой рукой дед, — но ты сам, как и кот, необычен. Родился ведь не в нашем мире, все может быть.

Что Бабай имел в виду под этим своим «все может быть», я так и не узнал, ибо времени оставалось все меньше и меньше. Царь по-прежнему бодрствовал, не имея возможности уснуть, поэтому, спрятав удивительный железный шарик в карман кителя, я поспешил к своей милицейской телеге, на козлах которой уже сидел мой до сих пор дующийся заместитель.

— Трогай, Жердья. — Я ободряюще похлопал помощника по плечу. — Все может быть. Возможно, придется нам кота этого и рогатиной оприходовать, у нас в Приказе любые методы хороши, кроме, конечно, запрещенных. А с рогатиной и мешком ты очень даже здорово придумал, пригодится на крайний случай.

— Правда?

— Правда, правда, — подтвердил я, и мы поехали в сторону Древнего леса.

Далеко это было. Верст сто по грязи отмахать нужно. Но что такое все эти неудобства по сравнению со

здоровьем царя Дадона? Правильно, ничего. Здоровье государя важнее.

А неудобства побоку, не впервой, перетерпим.

Вскоре мерзкий дождь идти перестал, и это радовало, а то еще пару часов, и дороги в Корзинкино стали бы совсем непроходимыми.

До Древнего леса мы добрались к полудню. Дикая была местность, пограничная. Ни разу я здесь еще не бывал. По службе ездить не приходилось, а просто так сюда заявиться мне даже в голову не приходило. Ну, был себе лес на окраине столицы, ну и что с того. Знал я о нем только то, что разбойников в этом лесу сроду не водилось, и это, конечно, мягко говоря, было странно. Дорога большая есть, а разбойников нет. Хотя, наверное, кот этот, Баюн, их и распутал.

Едем мы, значит, и тут на дороге нам мужичок встречается, всклокоченный такой, в драной шапчонке и вроде как пьяный. Ну я, понятное дело, с телеги слез и к нему подхожу. А мужичок как мою милицейскую форму увидел, так и обомлел. Прямо у меня на глазах трезветь начал.

— Батюшка сыскай воевода! — кричит и в ноги падает.

Это, значит, в самую грязь. Видать, не совсем протрезвел мужик.

— Встаньте, гражданин, — строго говорю ему я, — чай, не свинья в грязи валяться.

Мужичок встал, одежду отряхнул и на меня с благоговением смотрит, а глаза мутные-мутные и бегают.

«Украл что-нибудь», — думаю.

— Предъявите свой паспорт, — приказываю я. — Кто таков, зачем из леса идете?

— Да Архип я, кузнец, — ответил мужичок, протягивая мне засаленную бумажку, паспорт, значит. И когда это он успел его так засалить, ел на нем, что ли?

Паспорт был в порядке. Моя подпись на месте, царская печать, все как положено. Действительно, мужик кузнецом был, в Корзинкине прописан, не женат.

— Вы почему документ не по уставу храните? — недовольно продолжаю я. — Почему он у вас селедкой пахнет, или вы царского указа не слышали, что за утерю или порчу паспорта полагается взыскание.

— Слышал, слышал, Никита Андреевич. Виноват я, пьян был, больше этого не повторится.

— Ну, смотрите мне. — Погрозив пальцем, я вернул кузнецу документ. — Но вы не ответили на мой вопрос: что в лесу делаете?

Мужичок испуганно оглянулся, но на дороге, кроме меня да кемалящего на козлах милицейской телеги Жердяя, больше никого не было.

— От кота я иду, — прошептал кузнец, — от Баюна.

«Ага, — подумалось. — Вот кто дорогу к его логову знает».

Что ж, удачно мы кузнеца встретили, очень удачно.

— Ну и как кот? — спросил я. — Что делает?

— Что делает? — озадаченно переспросил мужичок. — Да день приема у него сегодня.

— Не понял?

— Ну, мужиков он от пьянства лечит, — пояснил кузнец. — Экстрасенс он, значит. За два саянса полностью, говорят, излечивает. В глаза пару раз посмотрит и баста, мужики трезвые от него как стеклышко уходят.

— Дивно, — согласился я. — И вы?..

— Ну да. Сегодня у меня был первый сеянс, — ответил мужичок. — А на следующей неделе второй будет.

— А плату чем этот Баюн у мужиков берет?

— Да сметаной с творогом, — усмехнулся кузнец, — а иногда мышами или рыбой.

— Понятно, — кивнул я. — Ну ладно, ступайте с миром и, чур, паспорт свой беречь как зеницу ока.

Распрощавшись с кузнецом Архипом, я разбудил Жердяя и приказал ему ехать дальше. Да, чудные дела в Древнем лесу творятся, и почему это я о коте-экстрасенсе ничего раньше не слышал? Позор, стыдно тебе должно быть, господин сыскной воевода.

Проехали мы еще немножко в глубь леса, и тут я вспомнил, что забыл того мужика о логове Баюна спросить. Где, мол, оно находится. Я уже даже было решил назад поворачивать, чтобы кузнеца догнать, но тут Жердяй с радостью указал на небольшой, текущий вдоль дороги ручей с абсолютно черной водой, о котором говорил мне давеча дед Бабай. И это значило, что логово Баюна было уже близко.

Мое профессиональное чутье не подвело меня и на этот раз.

Как доехали мы до поворота дороги, тут я и почувствовал, что кот этот где-то совсем рядом.

— Останови повозку, — говорю я заместителю, — дальше пойдем пешком.

Парень кивнул и, привязав кобылу к ближайшей сосне у обочины дороги, мы двинулись в чащу леса. Я со своей знаменитой планшеткой, а Жердя с рогатиной на плече. Шли мы, в общем, кота Баюна брать, если не уговорами — так силой.

Добрались до небольшой поляны и видим странную картину. Сидит посредине поляны кот, огромный, пушистый, серый и полосатый, а перед ним мужик какой-то рыжебородый на пеньке трясется.

— А ну повтори еще раз, — вдруг громко басом произносит кот. — С завтрашнего утра я больше никогда не буду пить медууху.

Рыжебородый мужик, продолжая дрожать, хрипло повторил все за котом слово в слово.

— И я больше никогда не подниму руку на жену мою Прасковью, — продолжал Баюн, — даже если она будет называть меня старым хрычом.

Мужик и это повторил, после чего, совсем обмякнув, повалился с пенька в траву.

Кот Баюн моргнул и, выловив буквально из воздуха круглые очки в золотой оправе, надел их, уставившись на возникший как по волшебству в его лапах список.

— Следующий, — громко объявил он, вычеркивая когтем что-то в своем списке.

Я с силой толкнул Жердя в спину, и мы вышли на поляну.

Кот с недоумением на нас посмотрел.

Мы с не меньшим недоумением уставились на кота.

Глаза у Баюна были действительно светло-зеленые, изумрудные, шерсть серая с черными полосками, пушистая. Кот себе как кот. Вот только размером с годовалого теленка. Да и очки эти в золотой оправе. Обыкновенные коты таких не носят.

— Вы кто? — удивленно спросил Баюн, заглядывая в свой список. — Так, кто тут у нас следующий? Мр-мыв... Ага, крестьянка Акулина и корова Бяшка, сеанс повышения удоя.

Кот снова внимательно на нас посмотрел.

— Ну и кто же это из вас корова Бяшка?

По-видимому, Баюн так шутил, что было хорошим знаком. Я покосился на застывшего рядом с рогатиной на плече Жердя. На корову, конечно, парень не потянет, но вот на быка вполне.

— Мы к вам по срочному делу, — с ходу заявил я, — вне записи.

— У меня все по записи, — недовольно ответил хвостатый, — приходите в четверг.

— У нас срочное дело, — повторил я. — Товарищ Баюн, ваша помощь требуется самому царю Дадону.

— Кому? — переспросил кот, нагло топорща роскошные усы. Теперь Баюн не шутил, а издевался.

— Царю Дадону, — терпеливо ответил я. — Попрошу вас проехать с нами.

— А если откажусь?

— Что ж, в таком случае нам придется применить силу.

И тут кот засмеялся.

Вы когда-нибудь видели, как смеются коты? Нет? Это потрясающее зрелище и передать его словами просто невозможно.

Отсмеявшись, Баюн вытер лапой выступившие на глазах слезы и так ответил:

— Господа хорошие, я вас лично не знаю и знать не хочу. У меня напряженный график работы, меня ждут пациенты, приходите в четверг.

— Дык он, кажется, не понял, — взревел Жердяй и пошел на кота с рогатиной.

М-да, весьма, весьма опрометчивый поступок.

Баюн быстро снял очки и всего лишь один раз моргнул.

Этого хватило.

Мой заместитель, как подкошенный, повалился в траву рядом с храпящим рыжебородым мужиком.

Ну, со мной этот номер не пройдет.

Оправив милицейскую форму, я решительно подошел к коту и посмотрел ему прямо в глаза.

Мы изучали друг друга где-то пару минут.

— Ну что, пойдем? — наконец изрек Баюн.

— Пойдем, — кивнул я, и мы вместе покинули поляну, над которой раздавался храп двух мощных глоток: Жердяя и рыжебородого, пришедшего на прием к коту мужика.

Вот что значит профессиональная сила воли. У нас в милицию без силы воли не берут, что, в конечном счете, меня и выручило. Чары кота Баюна оказались бессильны.

Эх, так и не удалось мне опробовать на нем удивительный подарок деда Бабая. Ну что ж, значит, не судьба.

Может, в другой раз...

— Ну, привел? — Взгляд царя Дадона, казалось, еще не много, и замечет молнии, поджигая синим пламенем роскошные царские палаты.

Да, совсем сдал государь-батюшка, круги под глазами, лицо бледное, руки трясутся. Вовремя я с котом подросел, ох, вовремя.

— Баюнушка, — ласково позвал я, и в Грановитую палату, вяло помахивая пушистым хвостом, вразвалочку зашел кот.

— И вправду привел, — развеселился его величество. — А я думал, что это все выдумки пьяного дурачья, мол, кот говорящий в лесу живет.

Вот так незадача, выходит, что царь и сам толком не знал, существует ли на самом деле кот Баюн. Ай, нехорошо. Зачем же он меня тогда за ним посылал, раз не был уверен? Ох, и службушка у меня каторжная.

— Ага, — сказал Баюн, надевая свои знаменитые очки. — Значит, вы и есть царь Дадон?

— Конечно, я, — удивился государь. — А кому же, кроме меня, им быть?

— Ну, не знаю. — Кот забавно пожал плечами. — На что жалуемся?

— Да бессонница у меня. Враги, аспиды окаянные, сглазили, порчу навели. Смерти моей небось добиваются, смуты в землях моих им надобно.

— Так-так. — Баюн подошел к трону поближе. — А ну, покажите язык.

Царь показал.

— Покашляйте.

Царь покашлял.

— Глаза уже давно слезятся?

Дадон недоуменно фыркнул, мол, что за глупые вопросы.

— А ну-ка, проверим пульс. — Хвостатый экстрасенс положил пушистую лапу государю на запястье. — Ого, прямо зашкаливает!

— Ну что? — с нетерпением спросил я. — Вы его вылечите?

— Гм. — Кот деликатно кашлянул. — Мр-мяв, да тут и без меня вполне можно было обойтись.

— То есть? — удивился я.

— Не понял?! — недоуменно уставился красными глазами на Баюна царь Дадон. — А ну, полосатый, поясни.

Кот усмехнулся:

— Ну-ка, посмотрим, чем вас тут лечили, — и он величественно приблизился к малахитовому столику, на котором лежали снадобья лучших царских знахарей.

Я, по-прежнему пребывая в недоумении, также подошел к столику.

Баюн снял очки и тщательно понюхал большой золотой кубок с темным напитком.

— Что это? — спросил он теряющего терпение Дадона.

— Редкое заморское снадобье, — раздраженно ответил самодержец. — Его купцы из Ефиопии привезли, из земли, где живут люди с песьими головами. Четвертый день пью, да не больно помогает.

Кот торжествующе на меня посмотрел:

— Понюхайте.

Я понюхал.

— Так это же...

В золотом царском кубке был самый настоящий кофе: крепкий, ароматный, черный.

Ой, что тут началось, когда кот объяснил царю Дадону причину его бессонницы.

— Всех знахарей ко мне! — ревел словно раненый медведь царь. — Всех на кол, аспидов, всех на кол!!!

Забегали по терему переполошившиеся стрельцы, с перепугу решившие, что произошел заговор. Завопили бояре, моля о пощаде. Кто-то ни с того ни с сего стал звонить в колокол на городской пожарной башне.

В общем, на этот раз все обошлось.

Закрыв уже было свою верную планшетку, я снова открыл ее и сверху над заполненным мелким почерком листом свежего протокола большими буквами написал: «Дело кота Баюна». У нас в милиции мелочей не бывает. Все нужно записывать, фиксировать, даже если и не было никакого преступления. Конечно, многие не любят всей этой бумажной волокиты, но только не я, Никита Андреевич Иванцов, младший лейтенант милиции, ныне сыскной воевода сказочного города Корзинкино.

Ну что, вроде ничего не забыл...

Ирина Маракуева

ПОХОЖДЕНИЯ СТАЖЕРА

ПОДАРЕНОГО

Предисловие автора

Ах, этот вечерний чай в лаборатории кафедры физиологии высшей нервной деятельности МГУ, этот треп за мытьем посуды в дальневосточной экспедиции лаборатории физики живых систем! Такие разные... биологи и физики, такие одинаковые в своем радостном восприятии мира. Сколько тем! И проблемы пола, и расы, и механизмы деления, и языки, и наследование признаков, эволюция, Творец... Мне повезло: большую часть своей научной жизни я провела в «мужских» коллективах. Дамы если и находились, то с мужским складом ума, а то и телесной конституции. Позже, учителем в обычной школе, я видела таких необычных мальчиков и девочек... И к концу урока, словно призыв к тому, лабораторному чаю, слышала: «Расскажите что-нибудь, И.В.!» Им, недорослям, обязательно нужны были. Вам, повзрослевшим, любимым, ищущим, — побасенки, в память о тех чаепитиях не важно где, но в лабораториях человеческого разума.

Ирина Маракуева (канд. биол. наук)

Опуск № 1

О Великом Научном Открытии

На планете ХО-1077 мы малость попали впросак. Ну, как обычно, разбрелись кто куда по материкам, и каждый занялся своим делом: гуманоиды этого мира роились, казалось, везде.

Все результаты, как в любой первый визит, были прикидочными, так что многого от нас не требовалось.

Мы с Всученым облюбовали компактный материчок, чтобы не путаться под ногами остальной честной компании. Я погрузился в выкраденную книжку про животных, а он занялся растениями — как всегда, практически. Поэтому врач Верный бегал за ним по пятам, запрещая употреблять в пищу незнакомые плоды, а вечерами мы с Всученымверяли друг другу результаты своих трудов. И — сделали Открытие за оборот до старта к следующей планете! Представляю, какие будут выражения морд у наших, признанных и заслуженных!

Мы устремились на вечерние посиделки в кают-компаниии.

Там, как всегда, царил музыковед Липа, поскольку у здешних гуманоидов оказалась прямо-таки страсть к его обожаемой музыке.

— Нет, вы не представляете, что они тут еще придумали! Они двигаются под музыку на цыпочках, называется балет! Сейчас я вам покажу. — Он с натугой расстроился и исполнил танец всех трех маленьких лебедей под бульканье тум-та, тум-та, тум-тарарам-па.

— Прекрати сейчас же, Липа! — завопил Верный. — Ты же беременный, тебе растривание противопоказано!

— А мне та средняя штучка понравилась, — мечтательно сказал Всученый, — такая сублильенькая, глазками машет, ножками эдак как-то... В следующем сезоне размножения ты, Липа, такую вот изобрази!

— Ничего подобного, ему для этого худеть надо, а он у нас совершенно правильной комплекции, — возразил Верный.

— Можно даже и прибавить, — благодушно пробулькал капитан Орел.

Липа восхитился, трансформировался в грудастую пышную аборигенку, воздел пухлые ручки и запищал: «О Соле миа».

Орел покраснел и отвернулся, пробульчав:

— А вот такую в следующий раз можно...

— Ну конечно, начальство располагает, — сердито сказал геолог Рубик, — да только на что дети потом похожи будут? На героев раскопок нашего эксгуматора древностей Бяды?

— А что Бяда? Мои Матери Земли в тысячу раз прекраснее ваших стрекозлиных лебедей! — возмутился тот.

— А я говорю, — вмешался Верный, — что растривание противопоказано. Липа, сколько детей ты хочешь рожать?

— Как — сколько? Одного, себе, чтобы было с кем поговорить или по щупальцам треснуть, ежели настроение будет плохое. А что?

— Да ты, Липа, еще пару раз нам сбалетишь, и родишь тройню — почти всем хватит.

— Как тройню? — всполошился Орел. — У меня грузоподъемность судна не на семь, а на экспонаты рассчитана!

— Да рожу я его после рейса, серьезно, вы его и не увидите!

— Еще как увидим. — Верный осуждающе посмотрел на Липу. — Сколько раз я тебе говорил? Смотри. Симфонический оркестр изображал? Это — раз. Частушки пел? Это — два. А теперь еще лебедями балетовал. Родишь троих, да еще преждевременно, в рейсе, мне на голову!

— Одно славно, — задумчиво сказал Всученый, — ведь тогда он нам в рейсе во второй сезон размножения перейдет? Я-то ничего, но ведь Орел у нас еще не рожал? Вот что, Липа. Делай что хочешь, а Орла нам не порть! Изволь рожать в срок.

— И вообще коли разговор о размножении в нашей мужской компании приключился, то мы с Всученым вам тут открытйце сделали, — как бы невзначай обронил я. — У них здесь животный и растительный мир соприкасаются в размножении! Так что в виде лебедя наш Липа лиану родить может! Или кактус.

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересовался Орел. — Что там о соприкосновении?

— Да вот, лиана у них тут такая, киви называется. Так она производит волосатые яйца. Люди их потом собирают, складывают в приборы, похожие на наши термостаты, чтобы увеличить поголовье вымирающих птиц киви — таких клювастых, унылых, волосатых и нелетающих. Всученый говорит, это трудно, наверное, поэтому из термостатов многие яйца куда-то увозят, — и я раскрыл свою не сильно могучую длань, где лежало симпатичное волосатое яйцо.

— Ой, как трогательно! — подбежал полный материнских инстинктов Липа. — Можно его поддержать?

— На, держи, только не растривайся. — Я ласково погладил его по голове. — Вдруг еще киви нам родишь! У нас целый ящик этих яиц, уже в термостатах: будем в полете птиц киви выводить, чтобы из них лианы получить и совершить Великое Научное Открытие!

— Ой, — защebetал Липа, — может, нам и премию Нобля дадут? Я тогда своей тройне велосипеды закуплю — отличные у них тут велосипеды.

Все подержали в руках теплое волосатое яйцо, посмотрели на картинке птицу и лиану и с великими предосторожностями отнесли яйцо в термостат, настроенный на среднелетнюю температуру материка.

До окончания эксперимента решили не покидать орбиты и продлить изучение планеты. У термостата теперь дежурили втроем: Липа, из-за категорического запрета Верного, берегущего его от стресса растрояния, на планету допущен не был — и, следовательно, кудахтал, пел и танцевал «Умирающего лебедя» (одиночный танец не опасен) около любимых волосатых яиц.

Прошли все мыслимые сроки. Одно яйцо лопнуло, из него потекла зеленая жижа. Другие стали мягкими и тоже расплозались в руках.

— Ну вот, говорил я тебе, что ящика мало! — воскликнул я обескураженно. — Ты сам говорил, что вывозили из термостата ящиками! Значит, случаи выклева единичные!

— Ой, я сейчас в обморок упаду! — прошептал, синея, Липа. — Эти яйца так пахнут... Я их съесть хочу!

— Отравишься! — забеспокоился Всученый.

Верный, учувявший состояние Липы, был уже тут как тут. Он сунул щупальце в зеленую массу и сказал:

— Мне тут великий наш языковед, который два слова связать толком не может, Мяфа то есть, рассказал местную сказку про беременную с колокольчиками. Они, беременные, вечно неизвестно чего сожрать хотят. Хотя, правда, эта каша из яиц пахнет аппетитно и никаких опасений во мне не вызывает. Только в одиночку Липа ее есть не будет. Есть будем все: если что, ваши антитела пойдут на его лечение.

— Ладно, — героически согласились мы с Всученым, приняв хиваясь к вкусному запаху невылупившихся яиц, — едим все.

Разведчики новой планеты во главе с Орлом помогали Бяде выкопать и умыкнуть доисторическую Венеру. Капитан любовно тащил наиболее массивную часть скульптуры...

Корабль был пуст, их не встречали. Но в лаборатории пели. Заводил тяжелым басом, со слезой, музыковед Липа; тоненько вторил, ойкая, Верный, и в терцию пели биологи.

— Ну, еще разок, от души ее, народную! — попросил Верный. И вновь зазвучало:

— «Шумел камыш. Деревья гнулись. И ночь темная была...»

Опус № 2

О планах киви

Нас поубавилось. Мы отправили на материк Всученого — для выяснения условий инкубации яиц киви. Всученый долго выбирал образ, вертелся перед зеркалом, взбивал кудри и закручивал усы. Совершенно вжившийся в беременность Липа ревниво топал и истерически взвизгивал:

— Ну кого ты там совращать собираешься? У них же только два пола!

— У них два, а еще есть звери всякие симпатичные — собаки там, кошки, попугаи... Я вот в прошлый раз неудачно пол выбрал, так едва от целой кучи собачьих мужчин отбился.

— Ага! — сказал я. — Вот откуда дезинформация про процент проклевывания яиц! Ты там не ботаникой занимался, а исследовал проблемы пола у собак.

Тут Липа разрыдался и был немедленно уведен бдительным Верным. Через пару минут Верный потребовал аудиенции у Орла. В результате оной Липу с превеликими предосторожностями отправили домой в сопровождении многострадального нашего врача.

Одуревший от скуки Орел таскался за Бядой, выкапывал статуи и склонялся к краже некоторых еще не закопанных, а вполне на виду стоящих Матерей Земли. С горя он стал коллекционировать живопись. Лучшее, что Орел достал, называлось «Венера и Адонис». Он даже щупальца стал складывать, как Адонис, с чем никак не желал согласиться, говоря, что это — его природная осанка. Его! Да его природная осанка — раскорячиться на все конечности и надуть щеки! Адонис!

Так вот, остались мы с Мяфой на корабле. Я — от нечего делать, Мяфа — от устатку. Он, хоть и лингвист, никак не мог освоить язык, причем утверждал, что их не один, а десятки, а может, сотни! И пока он не управится с одним, другие ему не подсовывать!

Вот, забрался опять на сиденье всеми щупальцами, глаза закатил. Бороду по моде изучаемого народа надвое расчесал, волосики ровненько так, по кругу подстриг — ну, Мяфа и Мяфа!

— Ага! — сказал Мяфа. — Идея! Сейчас расскажу. — Он сорвался с сиденья и убежал в другой отсек. Вскоре оттуда раздалось мощное журчание.

— Ты обратил внимание, когда я мою шупальца? — назидательно сказал Мяфа, вваливаясь в кают-компанию. — Вы все моете их после, а я — перед! Это свидетельствует о моей чистоплотности и уважении к процессу. Да! О чем я? Вот! Я думаю, что аборигены называли что-то в честь чего-то.

— А? — изумился я.

— Ну, лиану в честь птицы или же наоборот.

— Ты шутишь, Мяфа? Неужели это честь — называться одним именем с кем то еще?

— Неисповедимы мне пути их мышления. Они, например, называют отвратительного червяка именем любимого друга, и тот радуется! Вот я, открываю новый вид ядовитых... как их там, длинных? — А! Змей! — и называю его «Подарения».

— Чтоб тебе борода штопором, Мяфа! Сидишь тут, оскорбляешь и походя хочешь уничтожить мое открытие?

— Да подумаешь! Еще открытие сделаешь, тут масса всего стрекочет и кусается! Ты сам подумай, ну как может лиана родить птицу?

В кают-компанию с грохотом ввалился Рубик.

— Шупальца узлом, борода на заднице! — заорал он. — А то сообщение читать не буду!

Мы лихорадочно скрутились в блаженном ожидании.

— Ну, читай, Рубик, не тяни!

— Не буду! У Мяфы борода не там! Она где хочешь, но не там!

Мяфа быстро соединил лопасти бороды и, задышавшись от натуги, просипел:

— Читай!

— *«Поздравляю рождением все-таки тройни. Верный. Они пушистые и щекочутся. Липа».*

— Ура! — завопили мы, раскручиваясь: — Кто-нибудь, может, и нам достанется!

В проем вступил Адонис, деловито приказывая начальственным басом:

— Рубик! Запроси, на кого похожи. Тем и раздадим.

— Уже запросил. Ответ читаю: *«Похожи на лианы киви! Липа требует три велосипеда. Зачем лианам велосипеды? Верный».*

Все с гомоном понеслись в рубку. Передали срочное сообщение: *«Возвращайтесь на корабль с потомством. Готовлю оранжерею. Орел Третий».*

Вскоре пришел ответ: *«Вернемся после стойкого укоренения саженцев. Верный».*

Рассевшись в кают-компании, мы стали переваривать новости.

— Непонятно все же, кто отец? — мыслил Орел.

— А ты, Мяфа, глубоко неправый! — радовался я.

— Вот хитрая морда Липа, все же расстроился, да еще не знаю, с чем! — восхищался Рубик.

— Неправый я или правый — внуки рассудят. Ежели они птицей киви забегают, я согласен: ты прав, — недоверчиво отвечал мне Мяфа.

— Капитан, а зачем тебе тут детский сад? — вдруг ревниво спросил подозрительный Бяда.

— Хи! Не сад, а оранжерея, — поправил Мяфа.

— Оранжерея, сад, кошмар! Мелочь по кораблю! — сухо сказал вернувшийся из странствий по планете инженер Польша.

— Любишь кататься, люби и саночки возить, — отвечал аборигенным афоризмом начитанный Мяфа. — Саночки — это средство передвижения, для непосвященных поясню!

— Вот и повезешь саночки в рейсе, если эти лианы нас всех тут запутают! — прокрипел Польша.

— Так. Разговорчики. Я сказал — обсуждению не подлежит. — Орел мечтательно улыбнулся. — Ну кто еще сможет изобразить Венеру, как может наш Липа?

«Да, — подумал я. — Позабыли все, кроме соискателя. Он-то свою выгоду не забудет! Слава Великому Объединителю, этот сезон размножения последний. Пару Этапов проведем в чистой невинности!»

Опус № 3

О лисичках и Шурине, а также о гибели моих надежд

По сообщениям Верного, лианы никак не хотели укореняться и постоянно висели на Липе, который хихикал, загорал с ними на солнышке и даже ухитрялся их как-то различать. Липа также требовал от нас родительской заботы в виде велосипедов, начисто отвергая идею укоренения. Прибытие всего сумасшедшего дома несколько задерживалось по медицинским показаниям, а хитрый Орел закупил трехколесные велосипеды, но оставил их на корабле, как приманку для

Липы. Оживленные переговоры с Верным прерывались скудными сообщениями вросшего в образ Всученого, который отирался на планете возле ящиков с яйцами киви.

От ужасающей скуки меня спас Мяфа.

— Вот что, Подареный, — сказал он. — Я считаю, что тебе следует заняться практическими изысканиями. Я тут у себя на материке присмотрел зоологический паноптикум: экспонатов уйма, и почти все живые. Язык я уже немного знаю, так что сойду за иностранца и что-нибудь смогу узнать для тебя. Ну, хоть таблички почитаем да посмотрим зверям в глаза, а не на картинку! А то ты врос щупальцами в сиденье, толстеешь, из формы выходишь, да и Стажера тебе давно пора менять на Спеца. Засиделся! А какой ты Спец — по краденым книжкам?

Ну, экипировались мы. Мяфа — со своей бородой раздвоенной, я в красный окрас перелился, глазки выпучил, пузо благоприобретенное убирать не стал: и так хорош, солиден и серьезен.

Прибыли мы в этот «Зоопарк». Ну, скажу вам, до чего аборигены разные! Я бы мог и щупальца оставить — не заметят. А среди них — звери. Причем так зверей затоптать пытаются, что служители их, бедных, сеткой окружили. Вот это агрессивные гуманоиды! Одних только зверюшек покрупнее за ров с водой спрятали, так юные аборигены прямо в этот ров рвутся! Кидают туда что попало, причем сначала надкусят, заразят пищу своими паразитами, а потом зверю в ров бросают: мол, привет от моих паразитов твоему желудку!

Ох, ну сюда Орла вывезти! Тут такие запахи, какие Орел сильно обожает, особенно возле тех, которых зовут зубробизомами. Он бы тут своих Венер разом позабыл и поселился бы навсегда.

В общем, веселился я с крупными зверушками, а Мяфа отыскал свою любовь: он, оказывается, любит красных, ну и, тоже, активно благоухающих. Стоим возле клетки, а там такая красная, с ушами и хвостом, глазками косит. «Лисица» написано. Рядом ребенок орет:

— Мама! Лисичка! А где петух?

— «Лисичка», — блаженно шепчет Мяфа, — это ласкательное от «лисица». Как красиво! Скажите, — и этот идиот начинает наше приключение, — а где живут лисички?

Дитя сурово смотрит на него и говорит:

— В лесу. И она таскает из деревни куриц и петухов, а потом их ест!

— Так! — Мяфа тащит меня по зоопарку. — Ищем кур и петухов!

Нашли. Курицы — наглые толстые разноцветные птицы. Петухов не нашли. Мяфа, прикидываясь иностранцем, стал спрашивать про петухов.

— Ну, дядечка, это же самцы кур, — ответил длинный подросток.

— А что такое самец? — продолжал выяснять Мяфа. Подросток покраснел.

— Самец — мужчина кур. Да вот он, с длинным хвостом!

— А, ясно, — поспешил я успокоить сердитого подростка, — у них, Мяфа, два пола: самец — петух, а... — я срочно вспоминал язык *моего континента*, — простите, э... сэр, а кто — кура?

— Не кура, а курица. Она — самка, как и я! — грубым голосом ответил подросток и удалился, колыхаясь от злости.

— Вот кого ест моя лисичка! У нее прекрасный художественный вкус, — умилился Мяфа. — Хочу такую!

— Мяфа! Здесь выкрасть не удастся, народу много. Идем-ка домой, с щупальцами на скамеечку. Повеселились — и будет!

— Хочу такую! Хочу в деревню, в лес!

— Вы, гражданин, случаем, не старовер? — подозрительно спросила старая аборигенка, отиравшаяся поблизости.

— Ну... — замаялся Мяфа, — старым я верю. В основном. За редкими исключениями.

— Так что же вы Бога-то гневите? Зрелища, одежда несуразная! Ну взгляните, где вы такую бороду и волосы увидите? Только у себя в деревне. Не грешите, старый, ступайте-ка домой!

— Да я хочу, но не знаю, куда. Иностранец я. Ищу деревню, где староверы живут, — заблеял Мяфа с надеждой.

— Так. Я тут всякой мерзости нагляделась и еду домой. Могу подвезти до нашей деревни, а уж там ты сам объясняйся. Ты куда? И этого хлюста с собой повезешь? Он тоже старовер?

В машине мы долго знакомились, выясняя, что такое «Зять», который вел машину, и «Шурин», к которому нас везли. Мяфа совсем обалдел от языковых изысканий, а я спал, выключив рецепторы — очень уж вонючая и громкая у них машина.

У Шурина Мяфа сразу стал выяснять, как ему достать лисичку.

— Лисичек? — поправила его самка Шурина. — Да я вам их хоть сейчас покажу!

И Мяфа поволок меня в лес, как он выразился, на практические занятия. В лесу были лисички. Много. Такие же красные, но — грибы!!!

— Это — лисички? — удивился Мяфа. Они с самкой Шурина понимали друг друга с трудом, и он мог бормотать что угодно — все одно непонятливый иностранец.

— Лисички, это точно. Так будете собирать?

— Ой, будем! — И Мяфа шепотом сказал мне: — Ясно, это зародыши моих лисичек.

— Мяфа! Это грибы! — возмутился я.

— А Великое Научное Открытие?

У меня не нашлось слов. Возвращались с «ведром», наполненным зародышами лисичек. А навстречу — старая аборигенка с пустым «ведром» (ведро — коническая емкость с ручкой). И эта аборигенка всплескивает руками и кричит:

— Ой, зайчушкй уже пошли!

— Как — зайчушкй? — волнуется Мяфа. — Это лисички. И куда пошли? По-моему, они тихо лежат!

— Ну да, лисички, а еще их у нас зайчушкй называют, а то еще — петушки.

— Мяфа! — говорю я очумело. — Это зародыши и тех, кто ест, и тех, кого едят — всех разом, чтобы лисички, когда родятся, не голодали!

— Ох ты! — веселится самка Шурина. — А ты юморной, рыжий! А «пошли» — значит «появились».

За выяснением значения слова «юморной» проходит оставшаяся дорога. Рыжий — это цвет моих волос, то есть красный. Тут ясно все.

С ведром пошедших зародышей возвращаемся на корабль. Там ждет сообщение Всученого: «Нужна температура кристаллизации воды». Я больше не могу! Какие зародыши могут развиваться в таких условиях? Но грибы мы кладем в термостат, установленный на эту температуру.

Мяфа готовит обиталище для зайчушек, кур и любимых лисичек. Я тупо жду. Всученый невнятно сообщает: *«Линзы на глазах — не деталь строения, а предмет одежды. Девушки просят снимать. Вышел конфуз»*. Мяфа выяснил: девушки — это молодые самки.

Спустя пару дней Всученый является на борт в возвышенном состоянии духа и с книгой «Актинидия китайская. Культура и промышленная переработка плодов». Оказывается, яйца киви — это просто плоды, киви — торговое название плодов, и при температуре замерзания воды их хранят, чтобы не бродили! При брожении образуется спирт, и его пьют, когда хотят «отрубиться». Всученый провел практические изыскания в месте «отрубания», называемом «бар». А птица киви к лиане никакого отношения не имеет. Зато Всученый теперь имеет связи в научной среде (разумеется, через самок, то есть девушек).

Конец мечте. Я подавлен. Всученый полон планов переработки киви. Мяфа составляет словарь названий одного и того же предмета. Например: лицо, рожа, ряха, будка, циферблат, харя, морда. А также предметов с одинаковыми названиями вроде лисичек-зверей и лисичек-грибов. Я добавил ему «бар»: место отрубания и единица измерения давления. Мяфа издевается над нами по вечерам со своими загадками.

— Вот, например, объясни мне, Подареный, что такое «Пожарник разматывает кишку»?

— Ну, значит, клоп... Эй, разве у них такие длинные кишки? И зачем им их разматывать?

— Нет, это значит: «Тушащий огонь разматывает гибкую трубу для воды»!

— Ой.

— Вот тебе и ой! А ты, Полыба, объясни, что такое: «Ступай на все четыре стороны».

— Это неприлично! — сердится Полыба. — Четное тиражирование — патология, генетика путается!

— Ну, у них генетика путается давно, у них два пола, — вмешиваюсь я. Мяфа продолжает:

— Полыба, имеются в виду стороны света.

— Слушай! Физик я или нет? Четыре стороны у света — что-то новое!

— Ага! — торжествует Мяфа. — А у них стороны света определяются по полюсам и экватору и определяют координаты. Сторона света Восток — это где звезда всходит. И так далее. Понимаешь, звезда! А они — свет! Какие могут быть ко мне претензии, когда я перевожу? И отстаньте от меня со своими заданиями.

Мяфа носит с идеей развести на корабле грибы лисички, и уже завез целый отсек лесной земли с де-

ревьями, закопал лисички и теперь ждет. Он решил стать биологом.

Я, честно говоря, увлекся языком. Вот, например: червяк — это животное, а также, Польша сказал, специальная металлическая штука, обеспечивающая передачу в механизме. А рожа — это лицо и болезнь красной ноги. А ложе — там лежат, а в ложе — сидят; ложный — неправильный, а изложить — пересказать! Как их, аборигенный, мудрец говорил: «Главное, чтобы все было зыбко, непредсказуемо». Зыбко мне!

Орел все понял и уводит корабль к следующей планете. Пусть здесь ломаются посторонние девятки. Увозим лисички, контейнер замороженных яиц киви и ящик с продуктом их переработки в прозрачных сосудах. Мяфа говорит, что Шурин призывал его *«раздавить бутылочку»* и долго смеялся, когда Мяфа выяснял, как ее давить. Вторую, нераздавленную бутылочку (прозрачный сосуд с продуктами переработки киви) мы оставили Шурину на прощание, перед отлетом. Последний привет тебе, ХО-1077!

Опуск № 4

О горе и радости

Всё! Тоска закончилась. Прибыли! Впереди Липа, позелевший от удовольствия, в патронташе для горшков, весь увитый мохнатым потомством и сияющий. Сзади — голубой от злости Верный. И чего злится? Погулял на родине, погрелся на солнышке, даже загорел, а сам — сплошное недовольство.

Пока устраивали потомство в оранжерее под верещание Липы, я отвел Верного в уголок.

— Ты чего голубой? — прошептал я с интересом.

— Нет! Ты подумай сам! Родил — и живи дальше — так нет. Этот идиот Липа сохранил материнский инстинкт. Всё у нас не так. Ведь Липа начал размножение! Что, если мы все такие ненормальные будем? Вот другие, знакомый мой, Ляпа, тоже музыковед, родил себе, подрастил слегка и бросил деду — не таскать же дитя с собой в рейс! Да и молод еще. А Липа вцепился в эти лианы всеми щупальцами, носится вокруг них... Нет, ты представляешь, я их в горшки высажу, только спать уйду — он уже у них: выкапывает и таскается, весь опутанный, по гостям — хвалится! Как же их можно укор-

нить? Липа, говорю, лианы должны расти. А он твердит, что они очень живые, поэтому укорениться не могут, но вот на велосипеде научиться наверняка сумеют! А? Не пойму, на чем он тронулся — на велосипедах или на детях, но Липа явно не в себе. Едва уговорил его укоренить бедняжек, но только когда патронташ придумал. Теперь, вот посмотришь, будет сидеть в оранжерее и квохтать. Глаза бы мои его не видели! Я, конечно, семейный врач, но семья — это не только Липа с потомством. Ты не представляешь, как я там извелся, волнуясь за вас!

Я вдохновил Верного на подвиг: настучал ему на Мяфу с Всученым, которые осваивали передовые технологии: Мяфа солил выращенные лисички, а Всученый гнал «самогон» (аборигенный термин для грязного спирта с запахом тухлых плодов) из запасов киви. Потом они вдвоем занимались дегустацией в химической лаборатории, поочередно давя бутылочку и поедая лисичек. Их песенный репертуар оставался неизменным, каждый день деревья гнулись и шумел камыш. Это могло повредить нашим деревянистым потомкам, а уж если Липа услышит, *как* они поют без его руководства, у него может случиться нервное заболевание: ведь он еще такой возбудимый после родов! Верный отправился ограничивать, запрещать, останавливать и переориентировать, то есть заниматься своим делом. Зато теперь он не синий.

А я, дождавшись истощения первых эмоций, выждав время, когда одуревшие папаши расползлись по каютам, отправился навестить Липу. Липа радостно бросился в мои объятия. Горшки с лианами стояли под живительным потоком лучей специально устроенного Рубиком искусственного солнышка; патронташ висел на специальном крючке — Верный прав, Липа угнезвился.

— Подареный! — всхлипнул Липа от избытка чувств. — Ты на своего-то посмотри, он тебя зажался!

— Как — своего? — изумился я.

— Ну посмотри, видишь, как он листики складывает? Со всем как ты.

— Я? Листики?

— Нет! Ты — щупальца, а он — листики.

— Ну да... — с сомнением сказал я. — А другие не так складывают?

— Да ты взгляни: этот — Орла, видишь, ствол какой разлапистый, и листья торчком. А этот — мой, сразу рас-
троился и теперь тремя головами растет.

Вообще-то я не видел такой уж большой разницы в лианах, но мой вроде бы и посимпатичней, и как-то родней, что ли. Я погладил его рукой. И впрямь, мохнатый и щекочется. Вот! Обвился вокруг руки!

— Не пускает! — объявил Липа. — Чует родную кровь. Ты его полей — отвлечется, тогда и удерешь, а то так и будет держать. — Он подал мне сосудик с водой.

Ну, полил я. Точно! Развязался и стал пить.

— Ты, Подареный, его теперь поливать должен, — озабоченным басом сказал Липа. — А то он зачахнет без любви родителя. Трижды в день изволь сюда, на кормление! И мне полнее будет. Я своего кормить буду, а Орел — своего.

— И как Орел? Согласен?

— Ну! Он-то горд! Поливать будет, а не то мы с малышом мигом в патронташ — и в рубку!

— Нет, Липа, ты этого не сделаешь! Полыба удавится.

— Еще бы. Ему-то не досталось. Идем, сделаем семейную фотографию на память. Какие-то еще они вырастут?

Какие вырастут? — Это уже видно. Ну, пополивал я своего всего-то несколько периодов, так он бутоны выбросил!

— Липа! Гляди, бутоны!

— Ой! Подареный, неужели они выросли? — заверещал Липа. — Вот это да! А я ведь только через неделю бы родил, если бы не растроился! А теперь у меня и детишек трое, и отцов сразу два! Ты посмотри, и у этих бутоны: вот, у тебя два, у Орла — два, а у меня — целых три бутончика! Скоро волосатые яйца будем собирать.

Я расстроился.

— Знаешь, Липа, а ведь из яиц птицы киви не выводятся. Это просто плоды. Всученый теперь из таких самогон делает. Ну, ту жидкость, для веселья, помнишь, мы тогда плодов наелись? А в термостатах яйца хранят только для того, чтобы не бродили и не портились.

— Что? Это из ваших яиц птицы киви не выводятся, а мне внуки нужны! Из *наших* яиц — выведутся! Не дам их в термостат, пусть сами лианы разбираются, плоды у них там или внуки! А Всученого я теперь и на порог не пушу. Как он смеет наших родственников превращать в самогон?

Оказывается, Всученый мечтал. Его запасы были арестованы бдительным Верным, и Всученый очень рвался

в оранжерею: посмотреть на урожай. А урожай уже образовался: маленькие коричневые мохнатые пупырышки. Лианы стали поспокойнее, не цеплялись за руки и задумчиво пили воду. А я поражался. Ведь актинидия — растение двудомное! А у нас на всех трех — плоды! Кто же теперь отец?

Мы с Липой стерегли лианы постоянно: Всученый, похоже, не мыслил жизни без наших внуков.

Верный гонялся за ним, давал бесконечные лекарства и загружал общественно полезным трудом. Это было нетрудно: мы наконец добрались до планеты. Она оказалась не для нас с Всученым — какая-то из геологических. Рубик с Орлом сидели там без отрыва, и Орел забросил своего. Пришлось нам с Липой его поливать, но он не обиделся, принял меня в отчимы и даже погладил листиками.

Всученый метался с корабля на планету с инструментами: Орел увлекся, решил приспособить планету для колонизации нашими потомками и производил необходимые изменения: почву строил, водоснабжение и прочее, а брюзжащий Полыба пыхтел над изменением звездной температуры, чтобы излучение соответствовало звезде ХО-1077 и не вредило деткам. Гуманитарии, оказавшиеся без работы, использовались как чернорабочие: Мяфа наращивал биомассу почвенных организмов (всунул туда своих лисичек), а Бяда строил монументальные колонны для лиан — чтобы было что обвить.

Плоды созрели. Семь волосатых больших яиц. Сплю, значит, я, снится мне Великое Научное Открытие, и тут влетает Липа.

— Подареный! — кричит. — Они шевелятся! Птицы киви вылупляться начали!

Бежим в оранжерею по коридору — дверь открыта.

— Ой! Подареный! — шепчет в ужасе Липа. — Я, честное слово, ее закрывал!

Ну конечно! Всученый залез в оранжерею и сорвал одно яйцо. Морда виноватая, борода торчком... Держит. А яйцо ходуном ходит — то ли это Всученый нервничает, то ли птица киви. И голос такой, нахальный до ужаса:

— Ты, предок! Знаю я твои штучки. Не лезь раньше срока. Я из-за тебя на целый грамм меньше весить буду! — И лезет через дыру внучек: морда нахальная, борода торчком, щупальцами Всученого хватает — ну, копия!

— Ох, Липа, ты даешь! — говорю. — Мало нам одного Всученого, так ты вместо киви второго сделал!

Тут и другие из яиц полезли: из Орлова сына — двое, Всученый с Орлом; у меня — мой, паршивец, и маленький Мяфочка; а у Липы аж три — Липочка, Бяда и Рубик. Полыба донылся! Один сиротой у нас — пусть дальше злится.

Нас-то трое. А этих, микроскопических, много! Носятся кругом, верещат, как Липа, за щупальца хватают... Всученый про перегонку забыл, на нем потомок прыгает. Понесся счастливый дед остальных созывать. Я — к сыночку: как он там, после плодоношения? А он затих что-то, воду не пьет, листиками не дрожит, вянет даже. У меня кровь по сердцу!

— Липа! — говорю. — Что с детками?

Липа как оглянулся — и давай рыдать:

— Бедные вы мои, ласковые, мохнатые, не умирайте!

Мелочь вокруг веселится, а лианы на глазах увядают. Верный прибежал, воду льет, плачет.

— Я ли вас не сажал? — говорит.

Две лианы откачали — мою и Орла. Лиана Липы завяла. Тут и Орел появился. Что, говорит, за гам? Его внучек сразу на него залез, сынок в горшке закачался — рад, прибыл блудный папаша! Как внуки по дедам расселись, сразу видно стало: двух не хватает — Полыбе и Верному. Ну ладно Полыба. Он на них ругался. А Верного-то за что обделили? Он белый стал, потом посинел и вопит:

— Ты, Липа, не знаю чего наворотил! Ты сегодня родить должен был. Себе. Чтобы по щупальцам трескать. А ты доугождался: семерых произвел! Мог бы и девять — так нет! Не приглянулся тебе Верный!

Орел про внука забыл, сыночка разглядывает.

— Вот! — говорит. — Есть еще бутон. Переношенный. Ждите. Может, еще кто родится.

Полыба с Верным толкаются — бутон разглядывают, спорят, чей внук. А я в уголочке со своими уединился и посмеиваюсь: мой-то сынок тоже бутон утаил, так что проживет еще лиан мой мохнатый! А Полыбе с Верным не скажем — пусть дерутся вокруг Орлиной лианы. Я-то знаю, чей у нас внук — Полыбу я терпеть не могу, значит, Верный. Пусть пока покипятится, еще успеет нарадоваться.

Жаль Липова сына. Он всех сразу родил. Наверное, всё: отплодоносил и умер. Как агава.

Перевезли горшки на планету. Маленькие Верный и Полыба сидят на дедах. А сыночков, бедных, хороним.

Сидим ночь у костра, как положено. Горшки вечером закопали. Вспоминаем. А наутро из горшков лианы киви полезли. Лианы как лианы, только не ласкаются. Растут — и все. Вот оно! Это — детишки киви, ведь лиана теперь в наш генотип встроилась.

Всученый улетать не хочет — ждет урожая. Верный разрешил небольшую задержку для наблюдения за лианами. Ага! Мой и Орлов — мужчины, и Липин — женщина. Все нормально. Планету им приготовили. Растите, внучки!

Улетаем. В корабле сумасшедший дом. По трое на велосипедах по всем отсекам носятся внучки. Ой, Липа!

Опус № 5

О том, как я обнаружил, что мы — изгой, и с горя развлекался напропалую на планете предков

Сегодня Орел на летучке весомо сообщил:

— Подходим к последней звезде запрещенного сектора. Планета, похоже, населена. Прошу особой осторожности.

И эти все задумчиво так кивают. Мы с Всученым переглянулись. Населена! Значит, у нас снова есть работа. Какая тут осторожность? Вперед!

Ну, добрались до планеты. Это же надо! Прямо как у нас — и звери, и растения все знакомые. Но аборигены!

Вечером докладываю в кают-компанию:

— У аборигенов всего три пола.

— Как три? — спрашивает Верный.

— Так. У них всего два щупальца.

Тут Орел совсем посинел.

— Доигрался я с границей, — говорит, — влезли все-таки на материнскую планету. Предков обнаружили, Бету.

— Да каких предков? — спрашиваю. — У них сразу трое рождаются, а не один, как у нас.

— У нас? — ехидно улыбается Верный. — У нас тоже трое, преобразующиеся в девятку: гляди, вон, под сиденьем прячутся.

— Что прячутся, знаю — они мне все щупальце оттоптали, но нужно же им квалификацию получать?

— Погоди, Подареный, — озабоченно влезает Всученый. — Так что там про предков?

Верный трясет бородой на капитана, Липа синее и волнуется.

— Ну ладно, — отвечает на их безмолвные призывы Орел. — Расскажу. Это, знаете ли, секретная информация командного состава, вам ее знать не положено, но мы уже столько запретов нарушили... что одним больше, одним меньше — наказание мне одно. У наших предков было только три пола. Они рождали сразу троих, часто неоднократно, так что заполнили свою планету и стали сильно тормозиться в развитии. Тогда самые интеллектуальные тройки соединились и покинули материнскую планету. Они обосновались на Окте и стали разрабатывать новую особь: так, чтобы развитие ускорилось, интеллект возрос, а численность — нет. Они заблокировали ген многополюсного деления в наших половых клетках, и в яйце остается только набор генов вынашивающего яйцо родителя, а остальные гены уничтожаются.

— Постой! — возбудился я. — Значит, у Мяфы разблокировался ген мультиполярного деления? И он родил троих: Липубядурубика; Орлаполюбувсученого и Подареноговерногомяфу?

— Тут хуже, — вступил Верный. — Липа растривался, вот и ухитрился сохранить трижды три генома, и родить нам этих безалаберных, на каждого по штуке.

— Я не штука! — завопил Орленок и ушипнул Верного за обширный зад, свисающий со скамейки. Верненький выскочил из-под сиденья, защищая честь прародителя, и клубок снова укатился под меня, шипя и дерясь. Все растрогались.

— Важно другое, — прервал идиллию Орел, — чтобы не разрушить систему ценностей Окты, сектор, где находится материнская планета, запрещен. Населению Окты не следует знать о возможности деблокады гена — иначе начнутся психические срывы и появится мечта о множественном тиражировании.

— А чего это нас сюда запустили? — удивился Всученый.

— Вот это — не твоей должности дело, — веско ответил Орел и удалился.

Посиделки расплзлись. У всех появились дела, даже клубок потомков куда-то делся. Остались мы с Мяфой, как во времена вынужденного простоя. Мяфа поблескивал глазами, угнеждаясь поудобнее.

— Ну, хитрый, давай продолжение! Наверняка уже все вынюхал, — потребовал я.

— Ты, Подареный, уже почти Спец. Да и потомством благодаря глупости Липы обзавелся. А вводить в

курс дела у нас положено отцу. Так что тебе должен рассказы-
вать либо дед, либо... я. Все, что знаю, расскажу.

— Вот тянет резину! Неужели не можешь без патетических
вступлений? Я уже привык к сиротству, оно меня не печалит
уж так-то. Не бойся.

— Ты знаешь состав экипажа корабля твоего отца, Подаренный?

— Ну откуда? Он же погиб на планете, один! Так что других имен в посмертном сообщении нет!

— Так вот. Наши родители составляли девятку.

— Как, Мяфа? Это же запрещено! Каждое поколение меняет состав экипажа, чтобы усилить интеллектуальный поток! Твой отец и мой попали в одну девятку?

— И твой, и мой, и Орла, и Всученого, и других. И деды наши были в той же девятке.

— Но это же торможение развития. Зачем?

— Мы — опальная девятка. Нас нельзя вводить в состав других девяток — гены подпорчены.

— Какие? Ты имеешь в виду Липу?

— Липа — наш апофеоз. А начали деды.

Умеет Верный появляться: едва я поголубел, а он меня уже за щупальце хватает.

— Достаточно, — говорит, — он и от этого синий. Эй, Подаренный, тебе что, с нами плохо?

— Нет, — пишу я, — хорошо, но...

— А вот «но» оставим, — решительно рубит Верный. — Все и всегда имеет «но», но... зачем о нем страдать?

Пробегающий мимо Всученый советует отрубона из киви, Верный с ним ругается, Мяфа хихикает.

А ведь я их люблю!

Да, планета — загляденье. Правда, мне делать почти нечего — разве что изучать метод их Объединения и тиражирования, тряхнуть знаниями, полученными от деда: вот и они пригодились. Зато все другие мои приятели в восторге. Липа весь почернел: тут есть расы, окрашенные по-разному. Так Липа теперь поет и пляшет зажигательные танцы в кругу угольно-черных предков. Сетует только, что меняться почти не надо — только щупальцев убавить да ручные придатки отрастить. Тройки у них непостоянные, сходятся — расходятся, всегда можно изобразить одиночку в поиске. Липа цветет — у него нет отбоя от предложений, вскружил там черные головы предков,

кокетник. Или кокетун? Мяфа никак не найдет подходящего слова в богатом языке Шурина. Всученый же окрасился в красный, будто все время стесняется, носит умопомрачительные одежды — весь в бахроме, стекляшках и цветочках. И — перья в бороде! Как не чихает — ума не приложу. Орел занят шпионской работой — копирует важных лиц и посещает странные места, где много машин для уничтожения троек. Это уму непостижимо. Орел говорит, когда перепроизводство троек, всегда возникают *военные* (термин засекречен правительством Окты).

Ну, Бяда носится везде с разбегающимися глазами. Нашел место для Орла: целый храм со скабресными изображениями троек. Совершенно неприличная картина. Бяда счастлив — первобытное искусство.

Рубик что-то там мудрит — измеряет параметры атмосферы. Зачем? А вот Мяфа и Полыба скучают — Мяфа имел доступ к древнему языку еще на Окте, и ему делать нечего, а Полыба сказал, что их механизмы — объект не для него, а для Бяды — пусть тот этой археологией занимается. Так что мы вдвоем пустились в развлечения. Всученый тоже стал присоединяться, и Липа, когда уставал от танцев или прятался от нескромных предложений. Вот развлечения — это то, что нам совсем неизвестно. Какой, скажем, прок сидеть в кабине, которая крутится вокруг своей оси, и визжать? При этом надо обязательно есть что-нибудь очень ядовитое, яркое, липкое, сладкое или горькое и трещащее. Еще можно напаялить что-нибудь безобразно разноцветное, принять отрубительного (!!! Предки-то знали, гнали самогон из кукурузы — только мы такие невинные на Окте выросли) и плясать всю ночь с такими же недоделанными. А то — сидеть в темном большом гнезде и смотреть на помост, где одна двойка страдает от любви, а третий им изменил! Потом все плачут, обнимаются и дарят друг другу цветы, которые специально выращивают, чтобы срезать и подарить. Ну, масса нелепых бесцельных действий!

Нашли. Это нам нравится. Называется *тотализатор*. Это значит так: бегут, к примеру, тройки наперегонки. А еще лучше — один, остальные *болеют*. И, «болея», обещают деньги за то, что он выиграет. Если он выиграет, ему дают деньги, им отдают их деньги и деньги тех, кто считал, что выиграет другой. Или что-то в этом роде. В общем, *навар*, как говорит Мяфа на языке нашей любимой смутной и непредсказуемой планеты, где это развлечение, оказывается, тоже есть. Мы решили сделать все: и выиграть забег, и получить навар.

А на полученные деньги купить Орлу подарок: набор неприличных статуэток из храма, найденного Бядой. Там, в храме, их тиражируют и продают желающим. Бяда в курсе, Орлу не говорит — денег ждет.

Собрались мы, бездельные, в кают-компании, план составлять. Под шупальцами, куда ни вытяни, — велосипеды, а еще мячи им Липа раздобыл цветные — здоровенные. Внучки на них катаются. Ну, и мы, если под шупальца не смотреть. Зато мелочь вроде бы запропастилась — небось где-нибудь на задворках готовит какую-нибудь пакость. Тихо. Благодать.

— Здесь главное — выглядеть натуральнее, — замечаю я. — Одно дело в толпе толкаться, а другое — когда все на тебя смотрят. Липа, только ты у нас такой мастер.

— Ой, — смущается Липа, — значит, меня все поздравлять будут, цветы дарить...

— Ага! — выскакивает Липочка. — И я пойду смотреть, а потом цветы понесу!

— И мы! — сообщают остальные, появившись, можно сказать, из воздуха: это они на Верном приехали. И он решительно говорит:

— Нет! Детям выход запрещен, и трансформация — тоже!

Липочка рыдает, что дедушка побегит без него. Приходится пообещать, что побегит не его дед, и зареванного Липочку уносит Верный.

— Ну вот, видите, я не могу, — с облегчением вздыхает Липа. — Так кто же...

— Нет, Липа, погоди, — грозно говорю я, — что у Липочки с волосами?

— Ох, ну это...

— Почему его волосы заплетены в косички с бантиками? Ты уже совсем спятил, дедуля? Зачем уродуешь потомка?

И тут в мое шупальце вливаются зубы Орленка. Приходится его отшвырнуть, и он страдает в уголке. Остальные внучки, насупившись, изучают меня с вызывающим видом.

— Ну, что за восстание? — вынужден спросить я.

— Наша Липочка не урод! — сердится Полбочка. — Она — красивая девочка!

— Кто? — потрясенно спрашивают все деды хором.

— Девочка — это дитя-самка, Мяфа сказал. Так их называют на ХО-1077, — объясняет Мяфочка.

— Но откуда самка, когда мы все — мужчины? — изумляюсь я.

— Ты, дед, сам не видишь, что ли? Она слабее, и нежная, и восторженная, и мы все о ней заботимся. Как вы о Липе. А кто наших отцов родил? — философствует мой.

У меня нет ответа. Ничего себе! Мало мы наизобретали, так и разделение полов сюда припелось? Значит, Липа — самка? А вообще, я не прочь. Самому рожать — морока. Пусть уж лучше Липа.

— Липа, — задушевно спрашивает Всученый, — а ты почему без косичек с бантиками?

Бедный Липа злобно синеет.

— Перестаньте издеваться! Я — мужчина, а кто там Липочка, пусть решают они. Попозже, когда подрастут. Просто ему идут косички, вот я и заплел! Вон, и Всученый — тоже с косичками!

— Я в образе! — вопит Всученый. — Я — натуральный седец!

Тут вернулся Верный за остальными потомками. Только подмигнул — и все *покорно* поплелись к выходу. Педагог! Да я ему не скажу: наш самый маленький, Всучок, за моим щупальцем усидел, не сдался. Пусть посидит — умный больно, нужна для ума и пища.

Решили послать на забег Всученого: он у нас тоже талант. Поменьше, чем Липа, но все же. Тренером при нем поручили быть мне. Тренер — это такой предок, который свистит и гоняет своего подопечного целый год перед соревнованием, чтобы тот бегать научился. Ну скажите, зачем целый год на два щупальца? Они что, и двумя еще владеть не научились? Действительно, отсталые у нас предки!

Полыба сказал, что еще надо *ставить*, то есть дать денег в гнездо, где потом навар дадут. Ставить будет он сам — денег он наделал в нарушение закона и никому их доверить не может. Одно дело — экспедиционные расходы, а другое — развлечения. Ну и ладно. Как будто мы уже не заначили из его экспедиционных. Бюрократ! Зато свои целее будут, может, купим малышам игрушки с двумя щупальцами, ванночкой, домиком и комплектом одежды и мебели — пусть развлекаются.

Договорились и разошлись. Мы с Мяфой, как всегда, там остались — привыкли вроде в кают-компании до ночи болтаться. Тут из-под моего щупальца Всучок и вылез. Глаза горят, трясется весь.

— Дедушки! — говорит. — Вы должны нам помочь!

Здравствуйте! Мы мало с ними маемся, а теперь еще и должны? Мы с Мяфой сделали суровые морды, бороды веером, глаза выпучили — строгие, значит. А он — хоть бы хны. Мяфу дергает, скачет, и лопочет, как Полыбины машины.

— Мы, — говорит, — тоже бежать хотим. И навар.

— Да ты что? — возмущаюсь я. — Вам трансформироваться рано. А то что вам там Липочка родит? И где вы массу возьмете?

— Вот потому я и прошу! — вопит Всучок. — Нам всем на массу соединяться придется — а у нас нет тренера и кто ставит!

— Как? — поражается Мяфа. — Вы Объединение в юном возрасте ради тотализатора собираетесь делать? Через мой труп! — цитирует он любимого Шурина.

— Нет! — прыгает Всучок. — Какое Объединение без самки? Липочку мы тут оставим — Орлу на проверку. А сами только на трансформацию силу направим. Идет?

— Кошмар какой! — синееет Мяфа. — Вот так, просто, без смысла, будете сливаться?

— Как без смысла? Для дела, — влезает появившийся откуда-то Орленок. — Вот, погляди!

И эти паршивцы, схватившись за щупальца, изображают мячик! Покатались туда-сюда, расцепились... Вроде целы, дышат нормально. На извращение не похоже.

— Ну, Мяфа! — говорю. — Ничего не знаю, пока сам не проверю!

Мяфа смотрит так, подозрительно.

— Ты не извращенец, Подареный?

— Я — экспериментатор! Давай щупальца!

Мяфа весь издергался, но щупальца дал.

— Кого делать будем? — спрашиваю.

— По массе? Гм! Орла!

Ну, сделали. Внучки по нам лазают, веселятся. Полыба заглянул.

— Эй! — говорит. — Ты же на инспекции?

Вляпались. Я взял инициативу в свои щупальца.

— Кое-что захватить забыл. На минутку, — хрипло сказали мы с Мяфой. И Полыба съел!

— Ну-ну, — сказал Полыба и ушел.

Вот это да!

В общем, Мяфа тренером будет, а ставлю я. Свои, кровные, что мы с Мяфой от экспедиций скопили.

Ладно уж. Все равно на внучков думали потратить. Велели внучкам спать перед испытанием, а сами волнуемся. Как получится?

А получилось так.

Мы совершенно упустили из виду, что бегунов взвешивают. Просто не знали: все манипуляции с тренерами велись в гнезде, а не на публике. Взвесив, как положено, Всученого и получив его номер, я поспешил к Мяфе: наши внучки, хоть и вместе, нужного веса не потянут. Всучок сначала расстроился, а потом придумал гениальный план. Мне пришлось убеждать, то есть, стыдно сказать, ушагать к Всученому, поэтому процедуру взвешивания я упустил. Слышал только, что начались крики. Дальнейшее знаю по рассказам Мяфы.

— Вы что привели на состязание подростка? Здесь взрослые, — возмущенно заорал жирный предок, приставленный к весам.

— Где подросток? Где вы видите подростка? — возмутился Мяфа. — Я его уже два года тренирую. Мелковат, не спорю, но бегаает.

— У него веса не хватает.

— Не может быть! Только что взвешивал. Ну-ка, дайте я.

Мяфа взвешивает — вес гораздо меньше, чем тот, что только что записал толстый: Всучок сидит у Мяфы под шупальцем.

— Да у вас весы не в порядке! Они каждый раз разное показывают!

Они взвешивали внучков вместе раз десять. Все показания были разными: то один, то другой внучек, а то и вместе скрывались за Мяфой. Совсем одуревший толстый махнул рукой и дал им последний номер. Отлично! Теперь я успевал сделать ставку.

А у нас уже начинался забег. Всученый имел вид расслабленный и истощенный. Ставили на него плохо. Старт!

Ой, супермен! Ой, любимец публики! Он с ходу вырвался вперед и понесся к финишу. Судьи привстали и зашумукались. Ну, принесся он. Ну, первый. И его сразу отправили на гормональную проверку: оказывается, они, чтобы лучше бегать, что-то там лекарственное себе вкалывают. За это их снимают с забега — выиграл, не выиграл — и гонят в шею. Но они-то вкалывают эту дрянь — слабаки! — а Всученый сам такой. Гормональный. Они, эти гормоны, из него везде сочатся. А как докажешь? Отобрали у нас нашу ставку — и вышвырнули. Вот тебе и

побежал. И выиграл. Польша синий, злой, аж жуть. Всученный домой ушел, спать с горя.

— Польша! — говорю. — Успокойся. Не все учли. Многие не знали. Посиди, поболей, отдохни душой. Липу утешь.

А сам — вниз, в гнездо, ставку делать на внучков. Морду только скривил, чтобы не узнали. Внучки с Мяфой всю эпопею видели. Мяфа расстроился. Внучки подпрыгивают: готовятся. Всучок с Орленком что-то замыслили. Ну, старт. И наши... ползут позади всех. У меня дрожь в щупальцах — что за день такой? Все не так. Но они так, потихоньку, одного обошли, другого... Уже финиш виден, а они все ползут.

Первые пришли. На полщупальца. Все нервы мои измотали. А на них и вовсе никто не ставил — все мы загребли. Обнялись втроем — ну, вроде любящая тройка, и к Польше с Липой под бочок. Липа разозлился, от чужого отодвигается, обиделся, взревновал... А мы этого чужака с собой тащим. Липа и вовсе дар речи потерял. А Польша даже остановился.

— У вас, — говорит, — все в порядке с головой?

Тут Полбочка из-под его щупальца лезет, деньги протягивает.

— Вот, — говорит, — наш выигрыш. Нам по игрушке, и вам останется.

Пришли. Орел встречает, довольный.

— Я, — вещает, — с детьми в прятки играл. И так хорошо прячусь — только Липочку и Всучка разок нашел.

— Меня? — вопит Всучок. — Меня?!

— Тебя, тебя, — успокаивает его Липочка. — Ты у нас прятаться не умеешь. Надо же — под стол залез! Никакой фантазии!

— И как ты с ними управлялся? — интересуюсь я. — Не очень донимали?

— Ой. Устал. И как Верный с ними целый день? Не зря спит сейчас, как расслабленный. Главное, выскакивают из-за угла и сразу забираются на шею. Особенно твой, Подарочек.

Подарочек посинел, но смолчал. Липочка невинно дергал себя щупальцем за косичку. Ну все! Теперь нам из этой тайны не выкарабкаться. Они нас теперь во все свои делишки засовывать будут.

А Польша хмыкает так и спрашивает:

— А Полбочка не хулиганил?

— Ну да! В рубку полез. Я его оттуда за шкурку выбрасывал.

Да. Липочка — девочка. Тут не возразишь. Одна заменила восьмерых мужиков — и даже дышит нормально. Правы внучки. Девочка он. Липочка то есть.

Орел ушел спать. Внушки покатались за ним. Полюба посмотрел на нас с Мяфой, хихикнул и говорит:

— Так что вы там в кают-компании для инспекции забыли? Скамейку?

И что я его раньше не любил? Ума не приложу.

Ну вот! Мечты, мечты... Только Всученный с Бядой за коллекцией для Орла собрались, входят внучки с букетом.

— Вы с ума сошли! — кричит Бяда. — Сколько денег ухlopали! Зачем? Откуда деньги?

Мяфа быстро нашелся:

— Наши деньги. С Подареным. Им на игрушки. .

— А кто за цветами ходил? — визгливым фальцетом вопит отоспавшийся Верный. — Вам запрещено!

— Я ходил, — сухо шелестит Полюба. — Дети хотят цветы вместо игрушек. Это их право.

— Зачем? Они же завянут!

— Нет! — сердится Орленок. — Мы их в корзинке купили. Они потом еще поживут. Зачем, зачем! — Липочке. В подарок.

— Липочке? — сникает Верный. — А нам?

— Ну что — нам? — сердится Бяда. — Зачем мужикам цветы?

— Смотреть! — поет торжествующим голосом Липочка. — Нюхать. Радоваться.

— Это у них растительное происхождение прорезывается. Никак отца-лиану не забудут, — решает Всученный.

Из-за его плеча высовывается любопытная морда забежавшего Липы.

— Ой! Цветочки! — ахает он. — Чьи?

— Мои, — гордо говорит Липочка.

— Дай понюхаю. — Липа закрывает глаза и погружается в букет. — Ты их поставь в прохладе, чтобы дольше цвели. И поливать не забудь. А этот, красненький! Ой, а желтенький!

Когда воркующий Липа увел торжествующих внучков в оранжерею, опустевшую после сыночков, Полюба вздохнул.

— И нам придется. А с Орлом-то как?

Орел обошелся одной статуэткой. Зато самой неприличной. Пришлось хранить ее в рубке, подальше

от внучков. Хорошо, что не целую коллекцию — ее-то куда мы дели бы?

И наш Липа получил букет — в пику внучкам в нем было много-много мелких цветочков. Зато как пахнет! Тоже в корзинке, так что теперь в оранжерее весело: везде цветы, и пахнут. Может, и мне девочкой стать?

Орел зашел, понюхал — и расчихался. -

— Я, — говорит, — микросматик. Верю вам: они пахнут. Но мне надо чего-нибудь покрепче.

Не статуэтку ему надо было дарить, а того зубробизона из зоопарка.

Вредно общаться с предками. Всученый теперь без бус из каюты не выходит. Весь гремит, бренчит и светится. Говорит, любовные амулеты. Ему его гормонов мало?! Пора улетать. Врастаем корнями. Скоро щупальца путать начнем.

Опус № 6

О вопросах воспитания, моем обмороке, и... любимых дедах!

Сидели мы тихо с Польшой в кают-компании. Устали от развлечений — нужен тихий час. И, разумеется, вваливается Мяфа, распевая громким голосом любимого поэта со «Смутной и Непредсказуемой» в личной обработке.

— Слетались к ЗАГСу трамваи. Там красная свадьба была... ЗАГС — место регистрации девяток, — назидательно поясняет он свой отвратительный скрип. — А свадьба — первое Объединение.

— А трамвай? — спрашиваю я. Польша тужится и вспоминает:

— Это древняя машина на рельсах. Очень громко звенит и пускает искры.

— Так кто слетается пускать искры? — Вот я о чем!

— Сейчас Рубик всех приведет и объявит. Сидите тихо. Ох, искры посыплются! — Мяфа плюхается на скамью и расчесывает щупальцем бороду надвое — смотри ты, снова об раз вспомнил!

— А ты щупальца мыл? — спрашиваю. — Нет в тебе никакого уважения к процессу!

Мяфа обижается.

Борода — наружный признак. Она и так вся грязная. Вон, пыльцы полно — и он чихает! Тоже микросматик? Ну да, судя по любимой лисичке...

Мяфа смотрит на меня подозрительно.

— Какие подлые мысли зреют в твоём головном конце?

Ах, даже так! Ну, получай!

— Если ты от цветов чихаешь, надо подарить тебе Афродиту. Ну, или Диану. Хочешь Диану?

— Я — это я, — сурово говорит Мяфа. — Я люблю цветочки и стихи.

— Ну да! Про трамваи. А Липа про цветочки поет. Про соловьев и про несчастную любовь. И плачет. Вот ты — плачешь?

— Да. Когда Польша дежурит по кухне. Или если мне пошнее дадут.

— Станный ты, Мяфа. И Диану не хочешь, и косички не плетешь. Ты кто — самка или самец?

— Я, — сердится Мяфа, — мужик. Как и все. Перестань подначивать. Досливался, извращенец! Скоро управу на тебя найду! — И он торжествующе задирает щупальца на скамейку.

Набегают остальные. И Верный приходит с детками. Повернуться негде. Опять щупальца истопчут.

— Ты? — удивляется Орел, увидев Польшу в кают-компании. — Ты что тут делаешь?

— Сажу вот. С Подареным. Мяфу слушаем. Стихи. Про трамваи.

— Все, — говорит Орел. — Я уже и не знаю, на каком я свете. Может, Великий Объединитель уже забрал меня к себе? Польша слушает стихи! Про трамваи! Эй! Польша! Концентрируйся. Ты сейчас наша надежда. Стихи подождут. Все здесь?

Пересчитываемся и киваем.

— Орел Первый секретной связью передал: все планеты, с которыми связаны наши исследования, подлежат ликвидации. Мы с вами — тоже. У нас четыре оборота на все дела. Дед предлагает собрать планеты в систему LQ. Оттуда растащим и построим звезды тремя кораблями. Если решаем так, мы — изгой. Если нет, мы — мертвецы. И Бета, и ХО-1077, и наши лианы.

— Почему? — удивляется Всученый.

— Потом. Сначала решаем и действуем. Изгой — или мертвецы?

— Откуда три корабля? — спрашивает Польша.

— Орел Первый и Орел Второй.

— Они сохранились?

— Как видишь, отцы и деды не дремали. Ну так?

Тянуть с решением не стали. Изгой все же лучше. И планеты жалко. Уходим. Польша рванул в рубку.

— Ты! — Верный тыкает шупальцем в Липу. — Это ты дохвастался лианами на Окте!

— Успокойся. — Орел задубел от злости. — Я тоже давал сведения в Центр: и где, и что... Как положено. Даже про Бету доложил. Вот они и озверели. Ну, я пошел. Весты-то надо три планеты, Польша один не потянет. Не кисните: теперь нас целых пять поколений, да еще предки на Бете: живем! Отдыхайте пока, еще потрудитесь. Цветочки там понюхайте, стишки почитайте.

— Нахал! — Мяфа аж поголубел. — Будто он один отец наш родной!

— Сейчас они вдвоем отцы, — обнял его Верный. — А потом... Может, и ты отцом станешь. Потерпи, Мяфа, не прыгай.

Запрещенный сектор покидать не стали. Они сюда теперь не полезут. Хитрый Польша подставил камуфляж и вместо планеты, и вместо корабля. Видели мы, что стало бы с нами, не уйди мы вовремя. Спасибо Орлу Первому.

Обидно. И так ведь откололи нас от Окты — мы и не бывали на ней после детства. Ну, летали бы себе по своему сектору...

Сейчас Орлы растягивают планеты. Решили, что сохранять их возле одной звезды опасно. Польша делает звезду для ХО-1077. Все, что называется, сначала. Только навещать их запретил — говорит, опасно.

— Ты, — говорит, — лучше пока детей воспитывай. А то упустим.

Вот, сиюю. Читаю «Книгу для родителей» доктора Чпока. Со времен моего детства книга явно потолстела — последний Чпок страдает графоманией и повышенной активностью. Мне книгу приволок Верный, сообщив извиняющимся тоном:

— Тебе, Подареный, придется изучать ее от корки до корки. Мы ведь внукам и за отцов, и за дедов, нам их скинуть не на кого: ближние родственники — прадеды! Поди выпроси у них посидеть с ребяташками... Пошлют. И заняты там все, планеты растягивают. А я один. И время проявления наследственных свойств на носу. Не справляюсь. Изучай.

Вот и изучаю. Даже социальную адаптацию. Теперь-то какой у нас социум? Не виден еще. Наши отцы... Моего там нет. Да деды. Дедуля мне, конечно, поможет, но когда еще встретится? Сейчас они далеко.

Так, биологию размножения я, спасибо деду, изучил, это — его конек, могу и пропустить... Но сам-то я — не Спец! Из-за гибели отца я не получил квалификацию межпланетного биолога, вот и сижу в стажерах, пока сам не выучусь. Все Липа своими родами напутал: мне по должности сын не полагается. Так что отдуваться теперь нам с Подарочком: мне получать Спеца, и ему тоже учить больше — через геном-то он квалификационный минимум не получил! У Всученого и того хуже — его предки никак профессию не выберут, мается бедняга лаборантом. Ничего, глядишь, раннее отцовство его остепенит, и станет он первым Спецом в роду Всученых. А Всучок?! Не должен он быть лаборантом! Умру, Чпока наизусть выучу, но будет Всучок Спецом! Найдём ему профессию. Это же гениальный младенец!

Ладно. Вперед. «Сравните манеры вашего сына (внука то есть — он мне не сын) с вашими. Чем больше сходства, тем легче передается по наследству приобретенная информация».

Закрыв я Чпока, лег на пузо и стал смотреть, благо Подарочек с Мяфочкой, Орленком и Всучком около меня копошились. Знать бы мне свои манеры! Сам-то себя не больно разглядываешь...

— Э! Э! — кричу я своему. — Ты что это щупальца на скамейку задрал? У Мяфы заразился?

— Так гораздо удобнее, дед, — отвечает мой. — Ну посмотри, как ты сидишь! — Он опустил щупальца, глаза скосил, одно щупальце под задом. — Так ты все щупальце задом отдавливаешь. И другие устают. От притока крови.

Оп! Про приток крови — это у него моя квалификация прорезалась. Как там, у Чпока? «Обращайте внимание на высказывания сына (внука то есть) по вашей профессии. Объем информации, переданной через генотип, определяется по формуле...» Ну, до формулы дойдем в свое время. Считать фразы надо. Это — один. Запишем.

— Да перестань ты, Подарочек! — Оказывается, Орленок задрал щупальца на скамью и остался недоволен результатом. — Какой такой приток крови? Щупальца должны быть свободны и активны, а на скамье тесно, их переплестать приходится. Где уж тут быстро реагировать?

Ну вот. И у Орленка — один. Профессиональная фраза. Постой, постой... — У меня екнуло сердце. А откуда эксперимент? Начальству экспериментировать не положено. Командовать надо, а не доказывать. И мой сидит, как Мяфа...

— Правильно думаешь, дед. — Всучок уже залез на меня, смотрит в Чпока. — Сидит, как Мяфа. Ты на Полбочку бы посмотрел! Вот он сидит, как ты. А начальству экспериментировать положено. Наш Орел будет экспериментировать! Скажи, Орленок!

— Буду, — говорит Орленок. — Я сейчас. — И убежал.

— Стоп. Всучок. Я этого не говорил. Я это *думал*.

— Ну и что? Ты думал, я — слушал. Интересно же! Когда думают.

Значит, так. Первое. Всучок *знает, что* мы думаем.

— Не все! Только иногда, когда сильно думаешь!

Я отмахнулся. Второе. Полбочка сидит, как я. Третье. Мой сидит, как Мяфа.

Всучок хихикнул.

— А Орленок моет щупальца *перед!*

— Ну и что? — возмутился вошедший Орленок. — Этим я демонстрирую уважение к процессу.

Ох! Четвертое. Орленок *экспериментирует...* Как я, Всученый, Мяфа... Как все, кроме Орла! Пятое. Орленок моет щупальца... Фраза о процессе... Мяфа!

— Что мы родили? — потрясенно говорю я.

— Лианы киви, — нахально отвечает Мяфочка и растопыривается Орлом, грозно глядя в мои глаза.

Поскольку я посинел, возникает Верный. Я машу щупальцем.

— Принимай пополнение. Всучок телепат. — И отключаюсь.

Сознание приходит постепенно. Слова... Крики... Фразы...

— Я сказал! Обсуждению не подлежит! — визжит Липочка, прыгая на Верном. — Я буду за ним ухаживать! Он одинокий, бедненький, брошенный... — Липочка заливается слезами.

— У него папа умер, — всхлипывая, подпевает внуку Липа. — У нас у всех папы есть, а у него нет!

— У нас тоже папы умерли! — сердится Орленок.

— Ничего не умерли. Они теперь на Гамме растут. Мы их навешать поедом. — Мой Подарочек пытается поднять дух. Ему два.

— Я ему сейчас искусственное дыхание сделаю. — Верненький плюхается мне на пузо толстым задом и начинает подпрыгивать. — Раз-два! Раз-два!

И ему — один.

Пока Верный умирляет зарвавшегося внука, входит Орел.

— Что за гам? Всем по местам согласно церемониалу! Стыкуемся с Орлом Первым, а у вас тут форменный бардак! Подаренный, ты уже не синий. Вставай, дед приехал.

Дед приехал! Ура! Я уже не один! Проблемка-то получилась у нас с ним общая. Я бегу!

Церемониал. Впервые в истории Окты — церемониал Встречи кораблей одного рода! Ведь по церемониалу положено Спецу встречать Спеца своей профессии. Когда корабли обычные, это нормально. А у нас! Я встречаю деда с внуком на руках. И так — все. Три копии мал-мала-меньше выстраиваются на отведенных для спецов местах. Нас-то я не вижу, но рядом — два Верных с Верненьким и Всученые с Всучком. Это обалдеть можно!

Орлы с Орленком маршируют вдоль наших рядов, мы пададно растопыриваемся и вопим каждая тройка свой девиз.

«Здоровье!» — Они прошли Верных. Наша очередь — «Жизнь!», Всученые.

— «Помощь!», Мяфы — «Связь!», Рубики — «Материя!», Полыбы — «Сила!», Бяды — «Память!», Липы — «Любовь!». Орлы останавливаются и гаркают, выпучив глаза: «Единство!»

Эх, хорошо! Мы все подходим друг другу. И дед тут, веселый!

Но поговорить не удастся. Подарочек повис на прапрадеде и отпускать его явно не собирается. Тот вроде не возражает. А я уже отвык, что на мне никто не сидит. Ревную, наверное. И деда, и внука — обоих понемножку. Ничего, Верных теперь два, школу организуют — внуки подолгу пропадать начнут. Дед мне достанется!

Обед и культурная программа. О! Социум. Не то кисли бы в кают-компании. Обедаем в приемном зале. И — Мяфа, хитрец, тащит соленые лисички, а за ними, за уши, вытягивает и историю нашего Великого Научного Открытия. А Липа было собирался всех развлекать! Но... Обед незаметно перешел в оперативное совещание. Всучок сбежал от предков и переехал на меня. Я, сказал он, думаю громче.

— То есть как — лианы? — подпрыгнул дед. — Почему я не знал?

— А нас к Липе засунули, в санаторий. Там зато все знали, — оправдывается Верный. — Ну чем было хвастаться? Мало — лиану родили, так еще три сразу! Я там никого на осмотр не пустил — мое право. Если бы не Липа, и не знал бы никто.

— Так у вас вместо девяти — десять партнеров вышло? — совсем зашелся дед. — Четное число?

Вот оно! Молодец, дед! Это во мне бродило, но никак не рождалось на поверхность. Четное число. Генетика путается. Ой, папочки! Что мы наделали!

— Да, — говорю, — и генетика спуталась.

Наши все загалдели.

— Ты что, Подаренный, разве не видишь, вот наши внуки — и Верный, и Рубик, и... и...

— И спутались, — говорю. — Я потому в обморок и упал. У них позы чужие, и фразы тоже. Орленок экспериментирует.

— Орленок экспе... — растерялся Орел Первый. — Как?

— Ну, дорогие, — влез дед, — это сейчас полезно. В сложившихся обстоятельствах.

Орленок гордо растопырился.

— Зато Всучок — телепат! — победоносно сказал я.

— Ну, это мы знаем. Всученый Первый принял приказ о нашем уничтожении. Хорошо, Орлы поселились в кораблях — нам осталось только собраться, — кивнул дед.

— Всученый... — сердито прорычал я. — Ты что, тоже телепат?

— Растрепался! — Всученый грозно взирает на внука. — Лаборантом быть не захотел? А как ты обстановку в коллективе изучать будешь?

— А я не буду! — рассвирепел Всучок. — Шпионом для Окты, чтобы они в нас снова стреляли? Я буду Телепат!

Всученый — шпион? Я посинел. Орел взбесился.

— Ах ты, дрянь ползучая! А я на Полюбу грешил! — вопил он, потрясая шупальцами.

— Стоп! — Орел Первый растопырился на внука. — Ты что, не слышал, кто нас спас? *Кто вас спас?* А твой Всученый, Слава Объединителю, девяткой рожден. Он наследник! Был бы он в Штабе — он бы всех спас!

— Ладно. — Липа расстроился. — Но теперь тебе, Всученый, надо все же профессию выбрать. Теперь шпионы не нужны. Может, тебе Психологом стать?

— Я буду Психологом! — запрыгал Всучок на моей шее. — У меня и девиз уже есть: «Дружба!» И я уже себе правила написал, какие мысли можно слушать, а какие — нельзя. А то мне никто верить не будет. Мы с Орленком уже их завизировали!

— Да ну! — восхитился Орел Первый, доставая какую-то бумагу. — Орленок, давай сверим. Посмотрим, что там у вас перепуталось! — И они склонились над бумагами, фырча и переругиваясь. Наш Орел совсем посинел и беспомощно посмотрел на Всученого. Тот дрогнул и вытащил свою бумагу. Орел прочитал, быстро подмахнул и полез к деду и внуку — сверять.

— Так ты кем будешь? — спросил я Всученого.

— Психологом-межпланетником. И межвидовиком. То есть планетарная зоопсихология. Можно Зоофитопсихология. Согласен. Ты думаешь, как я тебе информацию добывал? В образ вживался? То-то. И девиз «Помощь!» я не меняю. Всучок не мой, он перепутанный.

— Ах, девушки с очками? Собачьи мужчины? — хихикнул Липа. — Ты не Психолог, ты сексопатолог какой-то, Всученый. Покажи предку свои амулеты, порадуй!

— А ты косички заплети! — рассердился Всученый.

Липочка зарыдал, а Липа совсем сник.

— Вот! — провозгласил я, указывая на них деду. — Еще одна проблема. Пола. Нас вы родили девяткой, ничего не путали, а с полом что-то не то: Орел и Всученый — мужики, а Липа все-таки на самку смахивает. Мы все, остальные, какие-то средние.

— А я — девочка! — твердо сказал Липочка. — Обсуждению не подлежит.

— Что там обсуждению не подлежит? — Верный Первый сделал стойку.

— Что я — девочка.

— А откуда командирский голос? — Верный Первый в ужасе. — Перепутался?

— Угу. — Я-то это уже слышал. — Девочка у нас командует. Ну, не всегда. И за восьмерых мужиков отдувается: формой владеет феерически. И интеллект! Общий. Цветочки любит. Нюхает — и радуется. Липа ему косички заплетает. С бантиками. Понятно?

Всученый наконец успокоился и начал вживаться в Липочку.

— А что? — говорит. — Хорошая самка. Хозяйка дома. Опора и надежда. И поговорить есть о чем. Мечта идиота.

Орленок отвлекся от командирских бесед.

— Моя Липочка — самое лучшее и нежное создание. Попрошу не оскорблять. Идиотов тут нет!

Старшие Орлы как-то застеснялись.

— А мы подарили Липе цветы, — шепотом сказал наш Орел.

— Как мы не додумались? — Орел Первый загрузил.

Липочка забрался к нему под щупальце и таинственно сказал:

— У нас уже отросточки есть. Скоро зацветут, вот вы и подарите.

— А сейчас, — зашептал Всучок, — попросите у них культурную программу, порадуйте. Они так любят выступать!

О! Они выступали. Втроем — с танцами черных предков с Беты. Липа Первый с Церемониальным Придворным Хоралом: рассемерился! Наш Липа — с танцем маленьких лебедей и Первым Концертом Чайковского, для которого пришлось расчистить стол: масса Липы не бесконечна, оркестранты вышли как детали сервировки — с солонку. А Липочка (ей, напомним, запретили тиражирование) спела «Соловья» Алябьева и исполнила собственноручно придуманный танец «Скáчки», подогрев подозрения Верного в том, что они бывали на Бете вопреки запрету... Дети, дети! Еще слишком открыты, чтобы серьезно обманывать. Верный сверлил нас подозрительным и мстительным взглядом — как же, сообщники! Мы невозмутимо, но пристально разглядывали концертирующую Липочку, умиленно улыбаясь и не замечая осуждения Верного. Легко краснеющий Побыба загородился внуком.

После выступления Орленок торжественно усадил Липочку рядом и тяжеломерно сообщил:

Для промывки вашей глотки,
За изящество и негу,
Хвост сельдя и рюмку водки
Преподносим мы Олегу!!!

И положил ей еще лисичек.

Мяфа отпал — и кинулся ощупывать Мяфочку.

— У тебя ничего не пропало? — волновался он. —

Чьи стихи он читал?

— Олег Баян от счастья пьян, — утешил его Мяфочка. — Эй, кто там шагает левой? — Правой, правой, правой! Маяковский. Правильно?

Мяфа почти успокоился — перевирает Мяфочка, но не очень, — потом пришел в восхищение.

— Значит, у меня двое?

— Ага. Как же. Мой сидит на скамейке с ногами. Да! А Орленок моет шупальца перед. Из уважения к процессу.

Дед начал хохотать.

— Я-то думал... — рыдал он, хихикая, — я Творец! Я-то думал, один Великий Эксперимент... А мы все тут в таком эксперименте увязли по уши!

— Вот! — свирепо сказал Орел Первый, тыча в него шупальцем. — Вот корень всех бед! Со Своим Великим Научным Открытием! Творец! Убивец! Мы бы сейчас сидели на пенсии, умирали бы со скуки... Так нет! Втравил нас, сделал изгоями... — Орел тоже зарыдал сквозь хохот. — А мы тут породнились неизвестно с чем, проблем куча, Орленок экспе... экспе... опыты ставит. Жизнь бьет ключом, и мне совсем не скучно! Это грустно. А? Потомки? У кого еще такие Липы есть? Вот перетасовали бы вас — и никто из вас Липу бы и не увидел. Или Мяфу. С хвостом сельдя. С лисичками. С Шурином. Жуткая жизнь... Изгойная.

— Да, — проскрипел старший Полыба. — Без такого оптимиста в командах мы бы в эту кашу не залезли.

Мяфа Первый пристально разглядывал Полыбу. Тот сердился.

— А врее...мя, — пропел Мяфа. — А время кто прессовал?

Тут наш Полыба как-то скукожился. Я начал его подозревать.

Вступил дед.

— Точно. Если бы не твои игрища со звездой, на 1077 еще одноклеточные бы плавали! Ты же сам влез: эволюция времени требует! Изменим спектры! Дадим охрану! А? И никто бы не стал вникать, что я там наделал — клетки и клетки.

— ХО-1077? — с придыханием спросил я.

— Ну. Мы там эксперимент провели, — удивился дед. — А какая разница?

— Лисички оттуда. Шурин оттуда. Маяковский. Чайковский. Алябьев. *Лиана киви!!!*

— Не было там такой! — сердится дед. — Я там был недавно. Отца твоего искал.

— Зачем? Почему там? — Я обалдел.

— Пусть Бяда Первый объясняет. Я не в себе. — Дед забор-мotal и отключился. Мыслит. Всучок сразу на него запрыгнул — интересуется.

— Да мы вашим родителям обряд инициации там сделали. Устроили Эпоху Богов. Сначала в Индии поиграли. Ну, Липа тогда вытворял! Он там у них женой был, а мы, отцы то есть, ее в карты выиграли. Он обиделся и уходить не захотел. Его за сари тянут, а он, мерзавец, массу спускать начал в тряпку. Крутится, а все одетый. Не можем же мы его совсем смотать: уьем. А он хитрит. Пришлось оставить. Не убивать же!

— Постой-постой. — Наш Мяфа, как гончая, дрожит. — Уж не Пандавов ли они изображали?

— Смотри ты. А ведь Окта заблокировала вам все воспомина-ния о наших нарушениях.

— А зачем воспоминания, если легенды есть? — улыбается Мяфа.

— А Бхимой кто был? Орел? — волнуется Бяда.

— Естественно.

— А Юдхиштхира? Старший? Кто в карты Липу проиграл?

— Неясно? Ну, кто? Один такой. Всученый. Хотели, чтоб Спеца заработал, назначили старшим.

— Но их там было шестеро! По легенде.

— Угу. Народец считать-то не умеет. Много, но не очень — вот тебе и шестеро. Девятка их была. На девятку нашу. И куча испытаний.

— А мать?

— Да брось! Легенда тебе и мать, и отца, и дядю пришьет.

— Ну да. Вы-то ведь Кауравы. Отрицательный персонаж. Вас сотня, и поубивали миллионы.

— Обязательно поубивали. В шахматы резались. Фигур-ки подвижные, в рост. И не Кауравы мы были, а их военачальники.

— Ясно. — У меня забрезжила мысль. — А неприличные статуи? Это вы сотворили? Храмы их?

— Кое-что там Орел показал народу. Из сокровищниц Беты. Они сразу пришли в восторг и взяли на вооружение.

Наш Орел вынимает статуэтку из-за пазухи и прячет в щупальце (от детей).

— Такое?

Бяда Первый удивляется.

— Вы были на Бете?

Тут наш Орел совсем обалдел.

— Ведь это ее вы только что отвезли и солнце ей построили! Что, не полюбобытствовали?

Снова подключился дед.

— Стой! А вы тогда кого устраивали?

— ХО-1077. — Орел возмущен: как так? Отвезли, устроили, и не узнали?

— Слава Объединителю! Я за нее боялся. Это я их гнал — чтобы эвакуировать семьдесят седьмую. А третья ваша планета?

— Гамма, построенная для лиан — наших сынков.

— Надо слетать, поглядеть.

— Кхе... — мнется Полыба. — Мы тут с Рубиком спектры звезд меняли... Как вы на 1077. И для Гаммы, и для Беты. Они, конечно, пробыли там недолго, но я не знаю, что теперь. Эволюция требует времени... А на Бете атмосферу почистили и убрали излишки металлов, а то хлама там много.

— Так что? Сынков уже нет? — возмущаюсь я.

— Ну, поколений пятьсот уже прошло... — Полыба чувствует себя виноватым, поэтому, как всегда, сердится. — Это наш Эксперимент! Спецы мы или нет?

Все Орлы сидят, открыв рот. Наконец наш тоже сердится:

— Ты не сказал, что ускоряешь время! Сказал — стабилизируешь звезды.

— Но звезды и были нестабильными. Все живое бы погибло, ничего не успев! Они же наши дети! И наши предки!

Полыба и Рубик Первые встают на защиту.

— Ты бы все равно разрешил, — говорит Полыба Первый.

— Ты рожден девяткой, — подпевает Рубик Первый. — Зато теперь у них наверняка никакого оружия нет, без металлов-то!

Наш Орел машет рукой.

— А, дело сделано.

— Так что там с моим отцом? — восстанавливаю я прерванную тему.

— А это... — торжественно говорит дед, — не при детях. Мы с тобой вдвоем еще долго будем разбираться. Потерпи. Поешь лисичек.

— Хвоста сельдя...

— Эх, раздавить бы бутылочку! — мечтает Всученый.

Все Верные переглядываются и бросаются в бой.

Последний. Об отце, любви и Творце

— Так как получилось с отцом? — Я поймал деда после ужина, когда все расплзлись отдыхать.

— Дело в том, что он был Арджуной. Помнишь миф?

— Ну, стрелок из лука. А ты?

— Я тоже. Карна — тоже стрелок. Не сбивай. Липа был Кришной Драупади. Кого она выбрала в мужа?

— Арджуну? — предположил я, путаясь в этой кошмарно длинной легенде, которую Мяфа долдонил мне несколько оборотов.

— А потом его колесницей управлял Кришна-бог. Голубой от волнения.

— То есть Липа?

— Ты понял? В поколении отцов Липа любил Подаренного. И все! Больше — никого. Парная любовь. А Подареный любил Липу.

— То есть... — Я засмутился. — Я что-то не сказал бы такого про нас с Липой.

— Твой отец сам внес изменения в ваш генотип: и твой, и Липы. Потому что там они в результате разругались все. Биологом был отец. Он корректировал Липу, но не стал изменять себя — просто после рождения последних детей ушел на 1077 наблюдателем. Сказал, что это полезно для биологии. А мы дали сведения о его гибели. И даже Всученый прикрыл глаза, тем более что он сыграл не последнюю роль в склоке. А твой отец исчез на планете, как не было. Мы так и не знаем, жив ли он и скрывается или все же погиб. Он поспешил с размножением, чтобы уйти, и не стал сдавать минимум — вот и не досталось тебе Спеца через гены. Потому ты и стажер. Думаю, надо его разыскать. Тем более ради тебя. Думаю, я сумею справиться с записью информации в гены. Это, конечно, тайна аттестационной комиссии, но у нас есть Всученый! Наверняка знает, что и как. И Вторым без Подаренного плохо.

— Всплыла проблема Беты? Одинокая восьмерка?

— Не язви. Девятка существует не только для размножения. У них не осталось девиза «Жизнь!». Разве неясно, что это искажение?

— А каково ему будет снова смотреть на Липу, корректированного, нормального?

— Время прошло. Страсть уходит. Приходит Любовь — Липа. Отец твой сейчас ее лишен.

— Как искать будем?

— Очень просто. — Лезет из-под сиденья Всучок. — Я его выслушаю. И мой дед — он ведь наш специалист по парной любви.

— Ну вот, — говорю, — и Телепаты вместо Шпионов стали Детективами.

— А, одна работа! — машет щупальцем Всучок.

— Постой, дед! — До меня наконец дошло. — Что значит — страсть уходит?

— А то. Родили детей — и все.

— Так что, мы уже не Объединяемся? Конец?

— А тебе еще потомство нужно? Рожать захотел?

— Но нас же теперь так мало...

— Когда решим про будущее, тогда и будем снимать блоки Окты. Сейчас у вас уже работает блок. Вы — деды! Какое Объединение? Не смейся.

— Ладно. Пока забудем. А Великое Научное Открытие?

— Да посеял я там кое-что...

— Нет! — вопит Всучок. — Не ври, прашур! Ты ему квалифи-
фикацию не порть!

Дед хватается его за тощее щупальце.

— Тебя приглашали? Что ты тут делаешь? Иди вон. Невоспитанный.

Всучок обиженно удаляется.

— Жизнь на 1077 посеял я, — признается дед.

— Как? — поражаюсь я. — Клетку сконструировал?

— Я тебе не бог. Свою родную яйцеклетку засеял. Тиражировал — и засеял. Только мультиполярное деление сменил на деление пополам. Вот у них и два пола, понял?

— И нам твой эксперимент аукнулся появлением полов? Проблемой отца и Липочкой с косичками? — возмутился я. — Ты размножался *после*?

— После. — Дед кивает. — И еще, подумай! Яйцеклетка-то оплодотворенная была. Вся 1077 — наша родня. И ваша лиана киви. И Шурин. И лисички.

— Вот наворотил! — Я уже пугаюсь. — Что же с нами теперь будет? Внуки-то уже без Липочки сливаются для трансформации в одну кучу. Что же мы намешаем?

— Жизнь, внучок. Ее и намешаем. Эволюцию. Не из пробирки, а так, на воле. Будет что изучать.

— Экспе... экспе... ставитель опытов! — сержусь я.
— А вы зачем киви Липе скормили? Много думали?
— Вообще не думали, — признаюсь я. — Пахло вкусно.
— Понял теперь, почему мы опальные? Мы сначала делаем, а потом уже думаем. Когда поздно. И каждое наше поколение вносит вклад. Думаешь, идея Игры Богов в качестве инициации наша? Нет, наших сынков, ваших отцов, с подачи Господа Нашего Мяфы Второго. И теперь ваш Мяфа с Бядой изучают результаты этой игры. Ведь религии определяют культуру! А мы там носились, как слоны, играя в солдатиков. Орел похабщиной хвалился! А у них теперь — Тантра. Эволюция Орловых статуэток. Махабхарата! Я там себя в пяти богах насчитал, а уж Всученый во всех религиях наследить сумел. Ведь они это все безобразие творчески осмыслили. Выводы великие сделали... Вы почему на 1077 влезли? Кто дал задание?

Из-за открытой двери вдвинулись все Орлы.

— Интересная беседа. Поучительная, — зверским голосом начал наш Орел. — Мне туда Всученый предложил лететь. Когда я ему в шахматы проиграл.

— Всучок! — воплю я. — Вылезай, зови предка.

Тот независимо лезет из-под моего шупальца и молчит.

— Ну, зови!

— Да идет уже. — Всучок смущается. Краснеет. Хорошо, совесть есть.

Всученый входит с рассеянным видом.

— Вот он! А я его обыскался. Слышу — зовет.

— Ты лучше скажи всем, как ты 1077 выбирал, — советует Орел. — Мне не поверят.

— А! — оживляется Всученый. — Я по карте шарик пустил. Договорились: где остановится, туда летим. А что? Плохо выбрал? Хвост селедки, а?

— Ладно, — говорю я. — А как мы попали на Бету?

Орел сияет.

— Полыбу зовите.

А тот на гомон сам вылез.

— Что орете? — спрашивает. — Дед спать лег.

— Почему мы пошли на Бету? — спрашивает его Орел.

— А какая разница? Планета и планета. Нам же не определяли, какие изучать. Она мне понравилась.

— Почему? — пристаёт Орел.

— Потому, что все остальные планетные системы, что я видел, лежали ближе. А я должен был успеть тебя

обыграть. Вот и поставил на цель ее, чтобы хоть четыре оборота покоя. А то полезете на планету, и ты потом забудешь, где партия прервалась, и потребуешь начать заново. Знаю, какой ты хитрый! А что? Разве плохую планету выбрал? Предки! Тотализатор! Цветочки!

— Эй! — гаркает Орел Первый. — А кто у нас 1077 выбрал?

— Верный, — говорит дед. — Он сказал, что яйцеклетку надо брать срочно, и садиться надо на ближайшую планету. Ну и сели.

— А Бету я сам помню, — веселится Орел Первый. — Бету выбрал Рубик. Там ему не понравилась грязь в атмосфере. Сказал — рука цивилизации, надо смотреть.

— А чего ты веселишься? — поражается наш Орел.

— Полюб созывай с Рубиками. Они тебе объяснят.

Вынули из койки деда Полюбу, призвали Рубиков. Все сели думать.

— Это называется «в масть», — высказался Полюба Первый.

— И совсем не выглядит случайным, — добавил дед. — Неужели я не Великий Творец?

— Куда тебе. — Рубик-пращур думает. — Всученый, а как ты попал в Штаб?

Всученый Первый, подтянувшийся в ходе беседы на призывы потомков, что-то прикидывает.

— Да ладно! Скажу. Я там сдавал минимум на корабль.

Орлы синеют.

— На наш? — скрипит Орел Первый.

— Да нет, что ты. На внешнюю разведку. Еще поразился, зачем меня от вас убирают, разбивают девятку. Они же всегда пожизненные! Ну и стал слушать.

— Тебе было назначено время? — интересуется наш Полюба.

— Да нет, по выбору. В течение года, как всегда. А я бросил кости — шестерка. Ну и пошел в первый же день.

— Так ты Спец-Командир? — поражается мой дед.

— Шпион сдает все профессии. Остальные я уже сдал. А эта явно была лишней. У нас же не разведкорабль.

— Ничего себе! Будешь ценным кадром.

— Только от командирства меня избавьте. Психолог, и ладно.

— Значит, кости, шахматы, шарик, созревшая яйцеклетка и атмосфера... — восхищается дед. — Я знаю, что это!

— Ну? — Все хотят знать.

— Это — Творец! Нашими руками, за нашей спиной. Я уверовал.

— Да перестань, — кипятится Орел Первый.

— Хочешь эксперимент?

— Не хочу!

— Я хочу! — кричит Орленок. — Какой?

— Все чертим на картах будущую трассу. Каждый — сам. Хочешь — кости, хочешь — шарик, хочешь — щупальцем. Трассу можете ломать, менять высотные срезы — что хотите. Потом посмотрим, сверим. Идет?

Все включили проекторы, заправили карты и сели играть. Потом... сверили. Все трассы были разными, но пересекались в одной точке.

— Что делаем? — спрашивает дед.

— Заканчиваем дела, ждем Вторых и летим, — хором отвечают Орлы.

Вот, собственно, и все. Моего отца не нашли. Девиз «Жизнь» остался на ХО-1077. Они — наши потомки. И лианы. И предки тоже благодаря Полюбам, вообще говоря, наши потомки. Улетаем туда, куда привели нас кости, и щупальца, и экспе... экспе... опыт. Вам, потомки, остается запрещенный сектор. И где-то — Окта, боящаяся вас как огня. Я бросаю свои записи в пустоту. Когда их найдут, это и будет — Время. Ну, потомки! Сделайте Опыт. Мы вас ждем.

«Жизнь!»

Подареный Третий.

Р.С. Я, Всучок, все думаю. Может, Подареный Второй ушел во Время?

И придет к нам с вами! «Дружба!»

Р.Р.С. И тут влез. А может, он-то нас и ждет в той точке? Подареный Третий.

Екатерина Некрасова

СОЛО БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Кому хеппи, а кому энд.

Народная мудрость

1

(...И все-таки я напишу этот рассказ. Авось заплатят... Нет, ну почему бы какому-нибудь издательству не купить мой фантастический рассказ?

Так что сами понимаете.)

«...Меня зовут Юка. А если полностью, то Юлия — подна-
тужившись, можно догадаться. А если совсем полностью, то
Юлия Батракова, но это к делу не относится.

(Рассказ. Так вот и начать: «Это все было на самом деле...»)

Это было. Хотите верьте, хотите нет. Тем более что из глав-
ных действующих лиц двое ныне в Германии (на ПМЖ), одна
в Канаде (временно, по контракту) и один в могиле (тоже сво-
его рода ПМЖ... хм). Так что я осталась единственным свиде-
телем. Бедная, маленькая, невинно претерпевшая Юка.

На «рабочем столе» компа у меня живет анимированный
гиф: мультишная девочка, обиженно хлопающая глазами. Могу
считать его своим гербом.

(...Итак, блин.)

Сорок километров от Питера, полтора — от ближайшей
деревни Устье; лес и луг. Ничего особенного.

В народе это место считали проклятым.

Названия у луга нет. Сельскохозяйственным угодем он никогда не служил, хоть и числится за местным колхозом «Красные Зори»; еще год назад чуть ли не единственными забредавшими сюда людьми были археологи, копавшие неподалеку некое поселение домонгольского периода.

Бедные археологи; глухой ночью, пугая светом фар лесную живность, промчался по шоссе армейский «газик» — и долго еще потом, крестясь и воровато озираясь, честные колхозники из деревни Устье растаскивали брошенные впопыхах остатки экспедиционного имущества.

Собственно, никто так и не объяснил, что вдруг обратило в паническое бегство два десятка взрослых людей с несколькими палатками. Из участников той экспедиции я знакома только с одним — прибывшимся любителем, и как раз он не застал финала — уехал двумя неделями раньше. (На самом-то деле он начальник отдела продаж в какой-то фирме, торгующей ино-марками. Все равно, наверно, много интересного мог бы рассказать — судя по тому, как морщился и отмалчивался.)

Нет, то есть и остальных можно было бы найти — экспедиция была официальной, от универа, и все эти люди по сию пору где-то там работают и учатся... но на фиг это надо, если подумать? Мне что, больше всех надо? Кто что-то видел, тот не расскажет, и собственный мой пример с недавних пор служит тому подтверждением.

...А если честно, то ходили слухи: не то всадники в древнерусской одежде выехали из тумана, не то еще что-то в этом роде... И лично я с тех самых недавних пор над подобными историями не смеюсь.

Лугу без названия не повезло. То есть, конечно, вряд ли найдется в мире земля, где бы не случилось ничего и никогда, — но это место...

В тринадцатом веке монголы разрушили здесь русское поселение — и, как показали пресловутые раскопки, чуть ли не поголовно вырезали жителей. Насчет более позднего средневековья толком не скажу — не знаю... но ничего хорошего, по моим сведениям, как-то не было — кто-то кого-то резал, чума ходила пандемиями... И даже в 1918 году эпидемия «испанки» отличилась рекордной по области смертностью.

В девятнадцатом веке здесь неосторожно проложили железную дорогу — и все время своего существования (сначала довоенная ветка, прямая, через луг, а потом и об-

ходная, заброшенная только в семидесятые) она уверенно лидировала в статистике крушений по стране.

В гражданскую войну здесь воевали. В Отечественную воевали так, что еще несколько послевоенных лет здесь не росла трава — перенасыщенная фосфором земля, говорят, СВЕТИЛАСЬ ночами. Слабым таким синеватым светом. Желаящих здесь гулять и прежде было немного, а уж в те годы они, надо думать, повывелись начисто.

...В местном лесу немцы вешали партизан. Полгода спустя здесь же советские солдаты перестреляли сдавшийся немецкий отряд — сто с чем-то человек. Все они где-то здесь и зарыты. Точнее — и они в том числе.

Тут никогда не пасли скот. Не собирали грибы-ягоды, не косили траву — уж не знаю, как пережил дореволюционный предрассудок советско-колхозные времена. Из здешних деревьев не строили — считалось, что в таком доме не оберешься беды.

...Кстати, многострадальная деревенька Устье держала в районе первенство по числу врожденных аномалий у детей и животных — при полном отсутствии видимых мутагенных факторов. Ни тебе АЭС под боком, ни тебе целлюлозно-бумажного комбината, ничего такого, а дети то слепые, то глухие, то слабоумные — чуть не через одного...

2

...Это проклятое место, сказал герой. Стоя над костром — в огненных бликах. Здесь одна за другой на протяжении столетий случались беды — и давние создавали предпосылки для новых, потому что отрицательная энергия все накапливалась... Я не знаю, с чего и когда это началось, говорил он. Наверно, все-таки случайно. Наверно, сначала было просто несколько случайных совпадений — а потом... Мне представить страшно, какая здесь аура, сказал он. Здесь же дышать невозможно, неужели вы не чувствуете?

Мы смеялись, я помню. У нас вяли уши. Мы все время смеялись над ним... блин, ну как тут не смеяться?

Мы же не знали, что он станет героем.

...Долговязая жердь, увенчанная очками. Смешной и где-то милый. Страшненький. Широкая улыбка — а зубы вкривь и вкось. Он так искренне радовался мне — а я...

Кажется, я ему нравилась. Кажется.

Меня мучает совесть, вот.

Его звали Ваня, и до своего шестнадцатого дня рождения он не дожил ровно месяц. Смешно?

...Родинка на носу. Желтая футболка и модные огромные джинсы — ширинка чуть не у колен... Младший брат моей подруги Галки Пичакчи — и во всех компаниях, куда ей случилось его привести, к ней вскоре начинали относиться с сочувствием, переходящим в соболезнование. Последний раз фанфары и литавры громкой славы в узких кругах грянули, когда братец заявил страдающей в тяжком похмелье Машке Никоновой, что из нее сосут энергию космические вампиры, и в качестве способа лечения предложил ловить вампиров в космосе. Несчастливая старшая сестра прилюдно разрыдалась — а потом с криками от Машкиной квартиры до самого метро гналась за Ваней по ночной улице и лупила его сумкой...

Бывает.

Мне он не нравился. Мне вообще нравился Эдик. Тот самый отсутствовавший в ночь знаменитого бегства участник экспедиции — темная личность, бывший, по слухам, десантник и по совместительству бывший жених нашей Пикачу.

Бывает...

Был август. В знойном мареве настаивались цветочные запахи; мы жарили шашлыки на месте бывшей стоянки археологов.

Нас было пятеро. Плюс к самой Пикачу — ее, так сказать, преемник на боевом посту Эдиковой личной жизни. Русые волосы до плеч, внешность фотомодели и имечко — Рогволд. Типа старославянская экзотика. Как это сокращать, никто не знает — потому и не сокращают.

Насколько я поняла, именно сменой сексуальной ориентации Эдик нанес Пикачу самую крупную в ее жизни моральную травму.

...Помню. Шампуры с кусками мяса, которое Пикачу за неимением уксуса замариновала в кефире. Бутылки на разостланных салфетках. Вино льется в пластиковые стаканчики. «Это проклятое место! Эти беды все... это как цепь! Одно за одним... Надо разорвать...» — «Так выпьем же за то, что счастье есть!»

Так получилось — у всех нас было, что отмечать. Мы с

Пикачу окончили институты: я — журфак, она — свой дизайн в своей Мухе. Получили дипломы (я — на две

недели позже). Пикачу вдобавок выиграла конкурс на рекламный плакат для фирмы «Ливайс» — ее дизайн, ею же снятые фотографии; за все это — сколько-то в серо-зеленой валюте и контракт на работу в Канаде. Пикачу вообще талант, при всех своих многочисленных недостатках.

Рогволду вставили два передних зуба, выбитых в какой-то давней драке. Эдик, надо думать, отмечал ущерб семейному бюджету. А школьник Ваня прошел до конца какую-то навороченную компьютерную «стрелялку» — тоже повод.

...Гудело пламя. На сучьях в костре кипела смола и сворачивалась кора; крючились, сгорая, мелкие веточки, летели по ветру искры... Вещающему братцу Пикачу сунула бутерброд. Не помогло — жестикулируя надкушенным бутербродом, Ваня поведал, что в подобных местах («зонах концентрации потусторонней энергии») непременно должны случаться чудеса (пример — почитаемые храмы; там тоже веками копится энергия молящихся, и ведь происходят же чудесные исцеления, исполняются желания и все такое), и не важно, что здешняя потусторонняя энергия отрицательна...

Бывают ораторы, перебить которых можно только кирпичом по черепу.

...Бродили в золе огненные отсветы. Мы сидели на поваленном стволе — голом, без коры, сухом, выбеленном временем, похожем на гигантскую кость... Помню камни, которыми было обложено кострище, — обугленные, присыпанные седым пеплом. Помню, как Эдик смотрел в огонь — сцепленные на коленях загорелые, жилисто-мускулистые руки и застывшее, с каким-то очень странным выражением лицо.

— Ты меня даже не проводишь? — спросила Пикачу.

Он ей и понадобился в качестве проводника. Это ведь она, Пикачу, сначала рвалась ехать непременно под Новгород — фотографировать древнерусские церкви и прочую архитектуру, — а потом оказалось, что церкви ей, в общем-то, ни к чему, а неймет-ся ей лицезреть главную достопримечательность здешних окрестностей...

— Я тебя провожу. (Ухмылка.) До края луга. А дальше — на твой страх и риск. (Развел руками.) Это же тебе надо, а не мне. Я за твое любопытство головой рисковать не буду.

— Злой ты, — капризно заявила Пикачу.

— Да, я очень злой, — ухмылялся Эдик.

...Похожее ощущение у меня было только раз в жизни — когда та же Пикачу вытащила меня погулять на

мухинскую крышу (не ту, что стеклянный купол, а на двускатную, в другом корпусе). Я глянула вниз, села на гребне, вцепилась и сказала, что с этого места не сойду. И обратно до чердачного окна пробиралась на четвереньках. Главное, помню, как обидно мне показалось погибнуть: ну что, спрашивается, я забыла на этой крыше?

Ну что мы забыли на этом лугу?

(Мятая тетрадь лежит на столе — придавленная локтем; размашистые строчки синей пастой. Отложим ручку. Надо подумать.)

...Дальше... Дальше полагается описывать внешность. Я... ну, сами понимаете: ноги от ушей, темные кудри ниже пояса, голубые глаза, голубые шорты... (Нос вот только... ну ладно. Про нос ведь никто не заставляет. Не протокол. И вообще, копишь на пластическую операцию? Вот и молчи.)

...Пикачу. Они с Ваней прикольно вместе смотрелись: такой он, и она — маленькая, крепенькая, шустрая... Живчик. Пикачу, одним словом. В носу серьга, в пупке серьга, в ушах — по несколько. Розовые волосы. Цвета некрепкого раствора марганцовки. И такое же розовое — один в один — в тот день было на ней платье.

Эдик когда-то любил таскать ее на плечах. Еще так и отплясывал на всяких концертах-фестивалях. Ему что — он амбал, а она — вся такая пухля, метр с кепкой, тридцать четвертый размер обуви.

...Эдик. Кто не знает, тот сроду не подумает. Метр девяносто, на мышцах футболка лопается... Симпатичный, несмотря на слегка перебитый нос. Темные волосы — очень густые, видно даже по ежику. И когда улыбается — продолговатые ямочки на щеках... Любимое словечко — «типа». По-моему, он так прикалывается. «Ну, типа с добрым утром, что ли?» Он все время прикалывается.

В общем, когда они с Рогволдом обжимаются, даже мне грустно смотреть в широченную спину.

...Из-под русских прядей — не по-европейски раскосые зеленые глаза. (А по паспорту он русский, кстати. Сама видела. Рогволд Игоревич.) Распахнутая рубашка, голая грудь под Эдиковой обнимающей рукой... Видны все ребра и все, по-моему, даже самые мелкие мышцы. Чуть ли не как каждая мышца крепится к кости. Рельеф. Можно анатомию изучать. Между прочим, это его Пикачу фотографировала

для своей рекламы штанов — и вначале все решили, что она нанимала профессионального манекенщика...

И совершенно детское недоумение, с каким он слушал Эдика на раскопе, куда они в конце концов убрали, — Эдиковы исторические, надо думать, объяснения... У него вообще есть такая черта — он себя ведет временами, будто ему не двадцать один, а лет шесть. Что в пору усомниться, все ли у него дома.

А временами — совсем даже наоборот.

Закуривай, в общем, подобралась компашка. Еще вопрос, у кого закидоны круче. Ваня по крайней мере был безобиден, а это дивное создание, хоть у Эдика оно и сидит на коленях, я бы не хотела повстречать в темном углу.

...Ваня тогда плюнул — громко. «Натурал» да плюс подростковый максимализм... Пикачу мигом услала его за водой — заливать костер. Во избежание.

Он упал в речку.

Были крики и плеск. Темная вода, зеленые ломкие стебли тростников; Ваня выбирался, неумело ругаясь, — весь обвешанный какими-то водорослями... Сбежались зрители. Рогволд, по-моему, решил, что ему показывают шоу. Фиг ли ему, у него великолепная координация. Человек, который идеально в ладах с пространством.

...Какое счастье, что воду больше не носят в глиняных кувшинах. Иначе, боюсь, мы не залили бы костра.

Шипели и дымили поливаемые угли — босой, в одних трусах Ваня прыгал вокруг костра с пепсикольной пластиковой бутылкой. Незагорелый, нескладный, узкоплечий, несуразный до изумления: плеснет и отскочит, плеснет и отскочит — боялся на горячее наступить. Или там что головешка отлетит... Пикачу давилась смехом, зажимая рот.

Помню, как он взглянул на меня — и жалобно улыбнулся.

А я смеялась — над ним. Тоже.

...Карие глаза. Нос с горбинкой. Скулы... Почему я не помню, как Эдик был одет? Что-то темное, кажется. Темно-синее?..

Помню, как он шел — первым. У него своеобразная походка — все-таки видно, что он рукопашник или как там это называется. Очень точные движения. Скупые и точные. Чуть ко-солапит, чуть слишком широко расставляет ноги...

Был ветер, и гнулись травы, и раскачивались-мотались в небе верхушки берез. Над лесом белопенными

горами громоздились облака. Ветер странно менял направление — широкое платье Пикачу заносило то вперед, то назад, то вбок, я видела перед собой то облепленную розовым спину, то плещущие розовые складки. Ветер трепал мои волосы — самые длинные волосы во всей нашей компании. Ветер казался одновременно теплым и холодным — в нем будто смешались разнотемпературные потоки воздуха. Как течения в воде.

Эдик слово сдержал. И на опушке, когда расступились деревья, сделал широкий жест в открывшийся простор.

Рогволд молчал. Смотрел. У людей с таким взглядом не спрашивают дорогу и не просят уступить место в транспорте. Пикачу моргнула и обернулась ко мне.

— Я тоже не пойду, — сказала я.

Не знаю. То ли это Эдик на меня так подействовал... Ведь есть же на свете и любители, скажем, гулять по двускатным крышам, или исследовать заброшенные катакомбы, или кидать в костер патроны, — но я-то тут при чем? Не пойду я туда, куда мне ни за чем не нужно и куда идти, по всему видать, опасно. Ей надо — пусть она и идет.

И она пошла. Подобрав подол, засеменила, поводя плечами. И Ваня — за ней. Как был — в трусах.

А луг был белым от цветущей кашки. Жутковатой, между нами говоря, кашки — если это была она, а то вовсе я не уверена в породе этого растения, — высотой с хороший куст и с соцветиями размером в ладонь. Двое пробирались, раздвигая стебли, — Пикачу болезненно шипела, оберегая платье. На стриженном розовом затылке болталась алая косичка с привязанным фиолетовым помпоном.

— Би-и-ип, — сказал сзади Эдик, отстраняя меня.

Обзор я ему, что ли, загораживала... Я не могла загородить ему обзор, он на голову длиннее. Может, он все-таки хотел иметь возможность кинуться на помощь?

И я ответила какую-то соответствующую глупость — что, мол, надо не просто говорить «бип», а показывать поворот, а то я не знаю, в какую сторону отступать... И в этот момент Пикачу закричала.

И я рванулась. Эдик подставил мне ножку и поймал в полете.

Наверно, он все-таки лучше всех нас ориентировался в ситуации. И знал, что бросаться ТУДА не глядя — все равно, что нырять за утопающим в болото. Наверно.

Там было...

(Хм. Чтоб я знала, как это описать. Там...)

Пикачу сидела на земле и голосила. Ее и видно не было в этой, с позволения сказать, траве, у ног остолбеневшего Вани — когда мы таки подбежали, я едва не налетела на нее.

А перед ними...

Если принять пейзаж за полусферу — плоскость, накрытую куполом неба, — то внутри этой полусферы появилась еще одна. Вспучилась, как пузырь на воде. Нехилый такой пузырь — метров двадцать в диаметре. И метров десять в высоту. И в нем...

...Как спецэффект в кино. Кадр в кадре. И на границе между воздух дрожал знойным маревом. А там, внутри, тоже был луг — но другой. То есть географически, видимо, этот же самый, но...

Там ежилась осенняя жухлая трава. Стыло осеннее яркое небо. Оттуда, из сферы, «граница между мирами» не читалась — там открывались какие-то свои перспективы, там желтел и трепетал остатками листвы лес — только рос он гораздо ближе, чем «по нашу сторону», а сам луг был меньше, и торчали какие-то незнакомые кусты... А главное, там была — собственно, сфера «сидела» как раз на ней — и уходила в тамошнюю даль железная дорога. Та самая дореволюционная однокорейка, от которой давным-давно не осталось даже насыпи, даже следов, даже памяти.

— Это прошлое! — громко зашептал Ваня. — Мы смотрим в прошлое! Как эти... что слухи ходили... про Древнюю Русь...

— Заткнись, — сказал Эдик, и я испытала благодарность.

Бывают ситуации, когда лучше молчать. Жаль, что не все это понимают.

Пикачу завозилась и захрустела травой — поднимаясь, вцепилась в мой локоть. Кто-то из парней охнул, и в тот же момент меня сзади схватили за шиворот и швырнули на землю.

ТАМ, в сфере, были люди. Двое. Оба с какими-то ящичками в руках. Взялись откуда-то из тамошних перспектив.

Между прочим, бедная маленькая Юка так и не покрыла Эдика матом — исключительно ввиду понимания, что действовал он из лучших побуждений. Но ссадину на локте я тогда заработала.

...Мы все лежали. Как потом оказалось, напрасно — они не видели нас. Ни нас, ни «границы между мирами», ни нашего мира за этой границей. Смотрели сквозь. Мы их видели, а они нас — нет.

Трепетали на ветру застрявшие между шпалами палые листья. Деревянные шпалы — растрескавшиеся, почерневшие от сырости, в навеки ввевшейся ржавой пыли... Помню ногу в кирзаче, наступившую на торчащую головку ржавого болта. По крайней мере Древней Русью от этих двоих не пахло. Впрочем, в Древней Руси не было железных дорог.

...Шинели. С двумя рядами пуговиц, с пуговицами на воротниках. С невыцветшими прямоугольниками на плечах — следами споротых погон. Двое одновременно грохнули ящики в траву — рядом с рельсами. Один присел над ними на корточки — замызганный, в коросте свежей и застарелой грязи край шинели лег на задники кирзачей. На плече, на месте погона виднелись даже следы швов — с торчащими нитками.

Рукой дотянуться.

— Чего это он? — растерянно спросила вставшая на четвереньки Пикачу.

Вдалеке — в ИХ далеке — раскатисто загремело. Канонада. Кажется. Не гроза же под конец осени?

Эдик поднялся. Рогволда я, вздрогнув, обнаружила за своей спиной — только что его там не было... Заикой сделает, черт бы его побрал.

...Ящики.

Неструганый, в заусенцах, забрызганный грязью дощатый бок. Движущиеся пальцы — короткие, волосатые, с чернотой под ногтями и сами черные от ввевшейся грязи. Что-то тот тип там делал, у ящиков. Вот полез в карман шинели — за цепочку вытащил круглые часы, посмотрел...

Его времени я не разглядела.

Под распахнутой шинелью — защитная гимнастерка и галифе. С красными лампасами; теперь, когда вспоминаю, мне кажется, что даже лица у них были не такие, как у нас. Грубые черты. Не мужественные, а именно топорные. У того, что остался стоять, веснушчатый шелушащийся нос такой картошкой — куда там мне...

(Задумалась, подперев голову.

...Это не просто мое впечатление. Вот, например, этот старинный совет — беременная женщина, вздумавшая загодя связать шапочку киндеру, должна примерять ее себе на кулак — тогда, мол, не промахнетесь с размером... Какую шапочку можно связать на мой кулак? Или на кулак любой из моих знакомых? Даже не кукольную — на пупса... При том, что

мы в среднем головы на полторы повыше, чем наши бабушки, к которым такие советы бывали обращены...

Изменились люди, чего там.

...У Рогволда, кстати, очень красивые руки, — вспомнилось к слову.)

...черты. И чуб из-под мятой фуражки — как в старом советском фильме. Рыжеватые усы — здоровущие, чуть не до ушей, закрученные, как у Буденного... Зато вместо сапог ботинки — и от ботинок до колен ноги обмотаны грязными портянками. А шинель перетянута ремнем — тусклый блеск желтой латунной пряжки. А на пряжке — двуглавый орел. И красная повязка на рукаве. И...

Переступив на корточках, сидящий оказался ко мне спиной — и еще ближе. Синевато отливала обритая голова, на одной пуговице болтался оторванный хлястик. Я ощутила даже запах — табачищем перло от мужика, потом и еще чем-то, вроде как псиной...

Гром. Теперь где-то слышались еще и выстрелы; под насыпью фыркнула привязанная лошадь, запряженная в телегу. С телеги криво свешивался брезент — им, видимо, были укрыты эти самые ящики, пока их везли сюда на этой самой телеге. Зачем?

— Типа гражданская война, похоже, — сказал Эдик — спокойно.

Зубчатый осиновый листок, рыжеватый в точку, замер в воздухе, прибитый ветром к невидимой преграде — к стенке «пузыря», границе между временами... Повисел, отвалился и ускользнул куда-то.

— Тимоха, — хрипло позвал другого тот, что стоял, вглядываясь вдаль.

Змеился по ржавому гравию белый шнур с разлохмаченным концом — другой конец уходил куда-то между ящиками. Возник спичечный коробок — маленький в черных заскорузлых пальцах; спички задувало ветром, шнур занялся не с первой и не со второй.

Потянуло гарью.

— Динамит! — ахнул Ваня за моей спиной. — Это ж они дорогу взрывают! Теракт!

Я хотела спросить — почему непременно теракт? Может, они ее при отступлении взрывают. И еще подумала — надо бежать. Если ОТТУДА доносятся запахи, то и взрывом может шарahnуть так, что мало не покажется.

Хрустя гравием, двое сбежали с насыпи...

(Сходила на кухню. Скипятила, заварила и напилась чаю; соорудила и потребила бутерброд с сыром, колбасой, майонезом и соленым огурцом.

Я всегда замечаю, как кто двигается. Поживи до восемнадцати лет, до операции, со зрением минус восемь на один глаз и минус пять с половиной — на другой, когда без очков вместо людей только смутные пятна, — поневоле начнешь замечать.)

...Походка, как у Рогволда — а тот верховой ездой занимался. Кавалеристы?

...Поезд возник, когда один уже прыгнул в телегу, а второй отвязывал лошадь от куста. Вечная беда железнодорожных аварий — поезда являются ниоткуда. По крайней мере почему-то всегда так кажется.

Паровоз. Черный цилиндр на колесах — с какими-то непонятными выступами, с дымом из трубы... Я оглянулась. Наши глядели заворуженно — все, кроме Рогволда, который вообще тянул за рукав Эдика — явно собирался что-то спросить. А Ваня, не отрывая взгляда от паровоза, вдруг шагнул вперед. Обернулся, прощально махнул нам рукой...

Я вцепилась в него.

— Куда?

— Теракт! — крикнул Ваня, вырываясь. — Там люди!

Я висела на нем. Шнур тлел. Дымил. Вонял. Паровоз, приближаясь, тоже дымил — а еще гремел и лязгал. За ним шлейфом летели подхваченные ветром палые листья.

— Уходим, — сказал Эдик.

А дальше...

— Там люди! — отбивался Ваня. — Там... Пусти, я остановлю! Пус-сти... ты...

Слетели очки; он стряхнул мою руку. Эдик был от него дальше всех; с ног Ваню сбил Рогволд — как-то, мне показалось, даже профессионально. И в тот же момент опомнившаяся Пикачу прыгнула брату на спину.

Любой из них в отдельности свалил бы его в сторону. Но результат незапланированных совместных действий оказался парадоксальным — Ваня рухнул прямо в сферу. Провалился. Упал на четвереньки в полуметре от ящиков с взрывчаткой.

Двое в телеге скакали к лесу, нахлестывая лошадь.

Он перепрыгнул через ящики. Размахивая руками, бежал по рельсам — навстречу поезду. Его заметили —

паровоз засвистел. Высунулся, неслышно в грохоте крича, машинист в фуражке.

И был плачущий голос Пикачу:

— Кретин! Вернись! Жертва аборта!

А ведь он слепой без очков, поняла я. Он не сумеет оценить расстояние до поезда...

Эдик держал бойфренда за плечи. И, увидев его лицо, я поняла — он НЕ ПОЙДЕТ. И Рогволда не пустит. И если нам с Пикачу вздумается совершать подвиги, нам придется заняться этим самим.

Мне нечем гордиться. А Пикачу, наверно, просто остолбенела от ужаса... Но мы бы все равно не успели. Никто бы не успел.

Грохот налетел с ветром. Черная клепаная морда — с чем-то, как мне показалось, вроде дверцы спереди, с какими-то железками, смахивающими на поручни... Вой, свист, лязг, дым — черный, едкий... Дорога летела под колеса. Машинист кричал, срывая голос. Он тормозил изо всех сил, состав останавливался за десяток метров до взрывчатки, — но...

— Ваня! — тонко закричала Пикачу. — Ванечка!

Наверно, в последний момент Ваня сообразил, что затормозить перед ним машинист не успеет. Что давно покойных (с нашей точки зрения) людей он спасает ценой собственной жизни. И шарахнулся в сторону. Но тоже уже...

...Был удар. Был вопль Пикачу. Последнее, что я помню: догорающий шнур и брызги крови на невидимой стенке «границы». И как они медленно стекали — по воздуху, как по стеклу...

И как полусфера исчезла. Вдруг. Будто лопнул пузырь на воде.

Пикачу упала в обморок.

...Эдик бил ее по щекам. Пикачу открыла глаза — и мне показалось, что она сейчас даст сдачи. Но она просто смотрела на него. А он смотрел на нее — и угрызений совести не было у него ни в одном глазу. Он, видать, просто не считает, что подвиги должен совершать непременно мужчина. В конце концов это ведь не его брат, верно?

Шум идущего поезда донесся из-за леса — мы все обалдело завертели головами. Там, за рощицей, была, конечно, железная дорога — та самая обходная, построенная после войны и заброшенная в семидесятые...

Мы снова бежали через луг. И впереди, спотыкаясь, мчалась Пикачу, и легкое платье ее рвалось, цепляясь за траву. Там, за перелеском, электричка вопила, тормозя; электричка явно собиралась на кого-то или на что-то наехать...

Когда мы выскочили из-за деревьев, состав уже стоял. Обыкновенная современная электричка, зеленая с красными полосами — черт знает, как ее занесло на этот путь, по которому не ездили тридцать лет... где провода, правда, сохранились, но рельсы проржавели, должно быть, насквозь...

От состава, надрываясь матом, бежали люди в форме. А в нескольких метрах перед ними лежало то, что еще недавно было человеком в серых плавках — и рельсы, и бетонные шпалы, и проросшая между ними трава были залиты кровью.

(Бедная, бедная я... и так далее.)

Он просто был маленький. Глупый. Он еще не знал, что совершать подвиги — страшно и больно...

Мне нечем хвастаться. Но и стыдиться я отказываюсь. В конце концов, вздумай Ваня прыгнуть с крыши головою вниз — неужели моим человеческим долгом было бы сигануть следом и ловить его в полете? Уж если у Эдика ни в одном глазу — у Эдика, который МОГ с ним справиться и вытащить силой, чего обо мне, между прочим, сказать нельзя...

День веселого пикника с грустным финалом завершился в милиции.

...Электричка шла из Новгорода в Лугу. Как и зачем она попала на заброшенную ветку, машинист объяснить затруднялся. Нет, он помнил, как ехал, помнил, как ругал ржавые рельсы, — но зачем свернул на развилке (а автоматическая стрелка почему-то оказалась переведена именно так, что свернуть было можно, и виновных не нашли), сказать не мог. Пассажиры и вовсе ничего не поняли — только проклинали тряскую дорогу.

Тело лежало в шести с лишним метрах от головы состава. И состав не подъезжал к нему — на таких рельсах скрыть следы невозможно, да и пассажиры не помнили, чтобы электричка шла задним ходом. И труп не перетаскивали из-под колес. И машинист клялся, что заметил Ваню уже лежащим — а никакие другие поезда здесь в последние почти тридцать лет не проходили. А человека явно сбило поездом. И все тут.

И были еще мы, вравшие путано и вразнобой (шли все вместе, а он отстал и заблудился, а мы слышали шум поезда, прибежали — а он лежит...). На фоне общей невообразимости ситуации — сошло. В милицейском коридоре рыдающая Пикачу зашептала было, что расскажет правду, — Эдик холодно заявил ей, что она едва ли облегчит родителям горе от потери сына, поставив их перед необходимостью навещать дочь в сумасшедшем доме.

Правды никто не сказал. Рогволд, тот вообще держался так, словно развороченных железными колесами трупов на своем веку видал-перевидал. Сказано врать — врал. Да так, что ему в кино бы играть с такими способностями. А меня рвало в милицейском сортире, и пожилой мент отпаивал меня минералкой.

Выпустили нас только на рассвете. Пикачовская «девятка» катила по утреннему шоссе — сохнувшая после ночного дождя дорога стелилась под колеса, рябила под солнцем и ветром лесная листва, и солнечные огоньки, как с горки, катились по давней трещине на ветровом стекле. Все боковые стекла были опущены, салон продувало насквозь; на переднем сиденье, рядом с Эдиком, плакала Пикачу. А на заднем, рядом со мной, спал себе Рогволд, подсунув под голову пикачовскую джинсовку.

3

...Помню: обрубок руки — чуть ниже локтя, и на окровавленном запястье — фенька, просверленный ружейный патрон на кожаном ремешке. Семейная реликвия, доставшаяся от прадедушки, ветерана Первой Конной, — из прадедушки реликвию вырезали в лазарете. Дурачок Ваня верил, что она приносит удачу...

Дурачок...

Почему мы все смеялись над ним? Он был хороший. Я ему нравилась. Он был храбрый. Он совершил подвиг. Пятнадцать спасенных — разве это мало? Даже в большой-большой гражданской войне?

Белая ворона. Эдик с бойфрендом для нас вариант нормы, а он был — типа отстой.

Типа стыдно мне, что ли?..

Текст надыбала я. (Юка умная!) В Интернете (искала на «Новгород» и на «деревня Устье гражданская война»).

Фамилия белого офицера была — Колзаков. Тощую книжонку под названием «Записки русского», некогда изданную им во Франции, даже нельзя назвать мемуарами — так, воспоминания об огнях-пожарищах и друзьях-товарищах. Но в числе прочего там упоминалось, что однажды, в 1919 году, был он начальником охраны товарного поезда, везшего уголь из-под Пскова (с небезызвестной станции Дно) под Петроград, в войска Юденича. Неизвестные (скорее всего — красные, конечно) подложили взрывчатку на пути — но, как написал Колзаков, «Господь спас». Машинист клялся, что остановился, увидев на путях нагого человека, заступившего дорогу. От взрыва, грянувшего впереди, поезд не пострадал. Человек же, которого якобы видел машинист, исчез бесследно.

Там не было ни беженцев, ни солдат — как представилось, наверно, бедному Ване. Там были, видите ли, четыре вагона угля, а из людей — машинист с помощником, кочегар и двенадцать человек охраны.

Зачем Юденичу был этот уголь? Черт разберет.

...«Яндекс». Сайты, сайты — все какие-то мистически-шизофренические, с предсказаниями то конца света, то пришествия инопланетян... «Виндоус Коммандер», переведенный с английского лично Эдиком: «Ты что, правда хочешь удалить файл?» И варианты ответа: «На фиг», «Не фиг» и «По фиг».

И — над компом — приколотая кнопками фотография: Рогволд с аквалангом, с болтающейся на шее маской мотнул головой — мокрые, размазанные в движении волосы, летят брызги... Фоном — сочное, почти синее небо.

Эдик:

— Это Красное море. Египет.

А я-то целилась к нему поприставать.

Как же.

...Было девять вечера. Нас было двое в пустом офисе, от которого у Эдика были ключи. Эдик был весел и зол; среди прочего я узнала, что папа Пичакчи пропил деньги, отложенные на могильную оградку, а машинист отделался легким испугом — местные менты оказались осведомлены о репутации места происхождения. Машиниста всего лишь уволили с работы. Да вычли с него за нарушение графика движе-

ния. Следствие остановилось на варианте «несчастный случай». Как электричка в шести метрах от трупa.

— А вот интересно, — сказал Эдик — задумчиво. — Поезд уцелел, люди не погибли... Вот интересно — от этого еще что-нибудь в истории изменилось или нет?

...Он догадался первым — но тогда мы этого еще не поняли.

(...А я не Пикачу, чтобы со мной на плечах прыгать под какую-нибудь «Би-2». И не Рогволд, чтобы слать мне на мобилку эсэмэски «Privet solnichko» (своими глазами видела). И Эдик меня не любит. И так ему и надо, если я все напишу с настоящими именами.

Имена-то потом исправлю. Ладно уж. Все равно никто не поверит. Дописать бы...

Ладно. Сказано вам — фантастический рассказ.)

...Был конец октября. Воскресенье. Синий «опель» бибикнул мне возле площади Восстания.

— Типа у нас проблема, — с кривой усмешкой сказал Эдик, распахнув передо мной дверцу.

...В этот раз Пикачу не позвала нас с собой. Она уехала одна — на электричке, обрадовав ближайших знакомых электронными письмами. В случайно прочитанном он-лайн интервью с каким-то экстрасенсом она наткнулась на фразу о, видите ли, «закрытии» самой знаменитой паранормальной зоны России. Дышите глубже, граждане, — ДОБРОЙ зоны, места чудесных исцелений и вещих снов — где, если верить церковникам, чуть ли не святые являлись побеседовать с избранными...

Я сама уронила клавиатуру, прочитав эту статью.

...Торчала трава — мертвая уже, переломанная дождями, желто-зеленая. Над травой торчала голова — флюоресцентно-рыжая, позавидует любой апельсин. Пикачу перекрасила волосы.

— Они все врут, — заявила она, увидев нас. — Не может быть, чтобы это... Из-за того, что один дурак под поезд бросился... и история перевернулась, да? Было плохо — стало хорошо... Что, доброе дело сделал, да? — выкрикивала она, колотя кулаками по мокрой траве — летели брызги. — Поезд спас с углем! Ненавижу!

— Да, — сказал Эдик, беря ее под мышки — поднимая. — Типа думаешь, истории много надо? Скажи спасибо, что нас не задело... Вставай, пошли отсюда.

У нее были мокрые джинсы. И грязные — особенно на зад. Она поджимала ноги, норовя плюхнуться обратно. Трава хрустела, сминаясь.

— Он тогда гов... рил — разор... вать цепь, — бормотала Пикачу, заикаясь от слез. — Он разорвал, что ли, получается? И чего?!

— Он еще говорил — типа молиться тут надо, — сказал Эдик — непонятно, с насмешкой или нет. — Как в храме. А что? — спросил он, ставя-таки ее на ноги — преодолев сопротивление. И вдруг крикнул: — Внимание, молитва! Хочу, чтобы у нас с Рогволдом был общий ребенок!

И сам, по-моему, смутился. Надо же — такое брякнуть... Странные шутки бывают у некоторых людей.

— Шуточки! — вырываясь, со слезами выкрикнула Пикачу. — Дураки!

(Зачем он это ляпнул? Просто. От балды. Просто...

Кому бы в голову пришло?!..

...Притом что у него вообще-то уже есть дочка — от какой-то знакомой, на которой он никогда не был женат. Вроде даже жила эта дочка какое-то время с его родителями — пока мать не забрала... Рогволд, сидящий на полу, обнимая маленькую девочку в несоразмерно больших джинсах — был у Пикачу такой кадр.

...Бросив ручку, снова выскочила на кухню. Хлебнула из-под крана; горели уши. Мало того не поверят — засмеют! Ой-й-й... Взялась за голову.

Ну и плевать.)

...плач.

То есть сначала мы не поняли, плачет это младенец или коты дерутся; переглянулись — одинаково круглыми глазами.

— Кошка, — неуверенно предположил Эдик.

— Откуда здесь кошки?

То есть теоретически кошкам, конечно, было откуда взяться — из деревни Устье; хотя говорили же, что животные этого луга избегают... Да и ребенку было, если уж на то пошло, — бросить младенца в ЭТОМ поле, где люди появляются раз в полгода и то короткими перебежками, в чем-то даже надежней, чем закапывать его в мусорный бак...

По-моему, больше всего Эдику хотелось дать деру. Но он все-таки двинулся на голос — шел, будто по минному полю. Бомбу искать с таким выражением лица.

И мы нашли. Он лежал прямо на земле. Голенький. Пацан. Не так чтобы совсем новорожденный, но явно близко к тому — пупок незаросший... И он орал — еще бы. Я бы на его месте тоже заорала. Октябрь все-таки.

...Круглое, красное, сморщенное плачем личико. Беззубый рот. Правда, были волосы — даже довольно густые. Светлые. Видимо, он был из тех детей, что рождаются с волосами.

Патетичность момента испортила я. Я спросила:

— Ну и что? Это что, зона действует? Или как?

И тут Пикачу, видать, опомнилась — и завизжала так, что заглушила младенца...

ЭПИЛОГ

— Я проверяла, — сказала Юка. — В сети, в библиотеках... об этом месте теперь исключительно положительная информация. Родники с целебной водой... чуть ли не целебные травки. А того, что мы тогда читали... нету того. Нигде. Те же сайты... — передернула плечами, — а статьи — другие...

Эдик молчал.

— Гуи! — кричал мальчишка в бирюзовом комбинезончике, барахтаясь в коляске — тянул ручки в варежках к бродящим по двору голубям. — Гуи! Гуи!

— Мы сошли с ума? — спросила она.

Эдик сунул руки в карманы синей куртки. Смотрел — сверху вниз.

— Нет, — сказал он. Чуть усмехнулся — пролегли ямочки на небритых щеках. — Мы, по-моему, единственные, кто помнит... Это называется — влияние на историю. — Он вдруг болезненно оскалился. — Говорили дуракам — не лезь... — И — отвернувшись, в сторону: — Если бы ты знала, как я рад, что эта фигня схлопнулась. Вроде я ей и обязан, типа, — а все равно...

«Не факт», — хотела сказать Юка — но смолчала. Чего там «не факт», еще какой факт... Сколько бились всей компанией, в порядке эксперимента загадывая все, что приходило в голову; сколько экстрасенсов с рамками сновало по пресловутому лугу, какие сокрушенные статьи появлялись в газетах...

Потрескивал лед под ногами; седая и пушистая в инее, искрилась трава на газонах. Рогволд с коляской чувствовал себя, по-видимому, полным идиотом — но терпел.

Вот так встречаются люди, которых не связывало ничего, кроме общих неприятностей, — им больше нечего сказать друг другу.

Она шагнула; перед коляской присела на корточки.

— Здравствуй, Ромочка.

Мальчишка серьезно смотрел раскосыми, продолговатыми, как зерна, глазами — голубыми. Из-под козырька синей шапочки торчала прядь светлых волос.

Юка подняла голову. И — Эдику:

— На тебя совсем не похож.

Он не был похож на Эдика. Ни на дочь Эдика — кареглазую куколку с плотным облаком темных кудряшек. «Лидочка, а тебе Ромик кто?» — «Б'ат».

— Ну и пусть, — заявил Эдик, подхватывая сына из коляски — на руки. — Все равно красивый будет. Да, Ромка? (Теперь мальчишка оглядывался на Юку, прижатый к отцовскому плечу. Даже ресницы у них с Рогволдом были одинаковые — черные, стрелками...) Типа кто про желания трепал, а кому типа развлечения...

Она нервно засмеялась; поднялась. Бедная, маленькая, третья лишняя Юка...

Глядя под ноги — на асфальт — вспоминала.

...Анализ ДНК им сделали в каком-то НИИ — по блату, за казенный счет. Для чего Эдику пришлось долго врать знакомому научнику (Юка в жизни бы не подумала, что у него могут найтись знакомые научники). Результат анализа оказался диким: ребенок общий. Сочетание вот этого набора генов вот с этим. Но главный прикол еще не в этом...

(Юка потеряла лоб. Мысленно — в воображаемом тексте — вставила перед «еще» «оказался».

Придется перейти на научные термины — ничего не понимаешь.)

...оказался еще не в этом. Кроме ДНК, находящихся в хромосомах, у человека есть так называемые митохондрические ДНК. Они рассеяны в цитоплазме клеток и наследуются всегда от матери — только от матери. А у Ромки (к тому времени у него уже было имя) и этот набор генов оказался сборным — из тех же двух.

Матери у него не было. Если судить по анализам. Одно слово — Роман.

Знакомый научник клял изношенное оборудование и недостаток госфинансирования. «Рюриковичи мы», —

смеялся Эдик, показывая Юке схемы подкидышева генотипа. «Господи, — брякнула Юка. — А если из него монстр какой-нибудь вырастет?» «Монстра — убью, — ответил Эдик. Спокойно. И, помедлив, снова усмехнулся. — Но пока по всем данным это типа совершенно нормальный ребенок».

...А теперь прошел год.

Ноябрьское утро — солнечное, голубое, прозрачное, подернутое хрусткой ледяной корочкой... Перекатывался за зубами леденец от кашля — ментоловый; в свое время ей показывали даже Ромкино свидетельство о рождении. В графе «мать» — прочерк, в графе «отец» — Бирцев Эдуард Сергеевич. Должно быть, как более сознательный... или более материально обеспеченный?

Как им все-таки это удалось, интересно. Это на мать без отца ребенка запишут без вопросов, а на отца без матери...

— А мы уезжаем, — сказал Рогволд; она не сразу поняла, кто говорит и о ком.

Вскинула голову.

— Вы?

Под распахнутой курткой — узкий, по моде, двухцветный — точно пополам — свитер; правая половина в цвет волос, левая — болотно-зеленая, в цвет глаз. Чуть сощуренных, насмешливых глаз...

А ведь он понимает. Он далеко-о не дурак, этот вечно молчащий парень...

Эдик развел руками — шутовски-виновато; теперь она смотрела только на него.

— В Германию, — подтвердил он. — Втроем.

Зависла пауза — долгая, как жизнь.

— И что ты там будешь делать... в Германии?

— Я в Германии? Женюсь.

Она вытаращила глаза. Он ухмылялся. И тут до нее дошло.

...Она все-таки расплакалась. Нервы сдали. И Эдик все-таки обнял ее — прижал к себе, к своей куртке...

— Бедный Ванька. — Она всхлипывала, уткнувшись в шершавую, пахнущую морозной свежестью ткань. — Чужой уголь... — шмыгнула носом, — чужие дети... Зачем все это было?

Руки Эдика лежали у нее на плечах.

— Откуда я знаю?

...И все-таки она написала этот рассказ.

28 июня — 4 июля, 30 августа — 5 сентября 2002 г.

Галина Полынская

ПИСЬМА О КОНЦЕ СВЕТА

С самого утра я знала, что сегодня должно нечто произойти, нечто необычное, странное, возможно, непоправимое — неизвестно, с кем, со мной ли, с остальным ли миром, может, с нами обоими. Я не знала, откуда именно ожидать этого... сидеть в бездействии становилось невыносимо, и я решила спуститься вниз, проверить почту — уже долгое время ждала письма от небезынтересного во всех отношениях человека.

На руки выпала стопка газет и штук пять узких длинных конвертов. Рекламные бумажки полетели в специально поставленную для них большую плетеную корзину у окна, туда же отправилась и «Коммерсант» с «Властью» — господин, выписывавший эти издания, уже третий месяц как съехал с этого адреса, оставив меня в напряженном ожидании своего веского решения о дальнейшей судьбе нашей квартиры. Оставив только «МК-бульвар» и конверты, привычно поздоровалась с консьержкой и поднялась к себе. Два конверта оказались счетами за междугородние и международные переговоры, не имевшие лично ко мне никакого отношения, господин, наговоривший в общей сложности на шесть тысяч, более здесь не проживал.

Два письма были от одноклассниц, коих не могла назвать даже приятельницами. Узнав, что я перебралась из Краснодара в Столицу, вышла замуж за крайне обеспеченного мужчину, поселилась в огромной квартире, они умудрились раскопать через общих знакомых мои координаты и посыпались письма с южной родины.

Поборов искушение немедленно выбросить тонкие конвертики-пакетики с притворными гладенькими строчками, где за

каждой буквой скрывалась ядовитая зависть, я отложила их в сторону и взяла последний конверт. На небольшом наклеенном квадратике компьютером был отпечатан неполный адрес: город, улица, номер дома, и все. Не любила я такие конверты, ничего хорошего от них ожидать не приходилось. Распечатыв его, я думала увидеть плотный листок для принтера с сухим механическим текстом, должным известить меня о чем-либо наверняка неприятном, но с удивлением увидела листки тонкой, почти папиросной бумаги, испещренной аккуратными чернильными строчками. Развернув, прочла первое: «Дорогая Оюна...» Взяла брошенный на телефонный столик конверт — адрес мой. «Дорогая Оюна...» Присела на банкетку в холле и, не испытывая ни малейшей неловкости — надо же разъяснить недоразумение! — прочла письмо. Привожу его практически полностью:

Дорогая Оюна!

Сегодняшний день внес некую сумятицу. Представь себе, еще вчера я четко осознавал все положение вещей, сейчас же пребываю в небольшой растерянности и очень жалею, что тебя нет рядом.

Помнишь ли ты вишневое дерево у западного окна? Цвет оно сбросило, а вот ягоды так и не появились, хотя и погода, и уход были вполне благоприятными. Но не думай, дорогая Оюна, что именно дерево сбilo меня с толку, вовсе нет. Утром я встречался с Г.Ц. в парке. Выбрали скамейку в тенистом безлюдном местечке, он, как всегда, говорил очень доступно, внятно, как вдруг мне показалось, что у него деревянная голова. Да-да, на лбу появился и исчез коротенький острый сучок, мелькнул за ухом бледный пожухлый листочек, сквозь дыры в заскорузлой коре долю секунды смотрели неподвижные травянисто-зеленые глаза, и наваждение исчезло. Представляешь, за это время я упустил нечто важное из его слов, долго потом не мог связать концы с концами, в результате многое недопонял. Когда Г.Ц. ушел, я долго бродил по парку, искал ту самую русалочью заводь (помнишь ли ты Гвенделин?), очень хотел ее найти и на всякий случай передать от тебя привет, но, к сожалению, заводь так и не отыскал, видать, бродил совсем в другой стороне.

И все же, Оюна, далеко не со всем я согласен, далеко не все мне нравится в словах Г.Ц. Например, его рассуждения о слишком быстро рвущейся мировой материи именно по причине того, что каждый из Них изо всех сил тянет «одеяло» на

себя. Мне кажется, будь оно так, то довольно было бы и одного хорошего рывка, чтобы все разлетелось в клочья. Кстати, пока не забыл, обещанные тобой ягоды волконника я пока не получил и очень надеюсь, что они все же дойдут, ведь их настой как нельзя лучше помогал мне, если тебя не затруднит, вышли, пожалуйста, еще.

По моим подсчетам, с 20-го на 21-е тебе должен присниться очередной серебряный сон, не забудь подробно описать увиденное.

На этом, пожалуй, заканчиваю, пора бежать на встречу с Ли. С нетерпением жду твоего ответа, всегда твой Л.

В растерянности перечитала странное письмо несколько раз и все равно мало что поняла. Без сомнения, я случайно подсмотрела чью-то крайне необычную переписку, но как это письмо попало в мой почтовый ящик? Тщательно изучила конверт, но не нашла ни единого штемпеля, даже города-отправителя. Почему-то после прочитанного не создавалось впечатления розыгрыша или какой-то глупости, сочиненной неизвестным Л., чтобы повеселить незнакомую Оюну, напротив, душа при-
смирела, прислушиваясь к ощущению прикосновения к некой заповедной тайне. Аккуратный, тонкий, но без особых витиеватых закорючек, с правильным наклоном почерк Л., стиль письма, говорили о том, что это взрослый, образованный человек, возможно, даже пожилой и старомодный, раз писал чернилами, да и бумага явно дорогая, я даже не видела никогда такой... Зазвонил телефон. Я вздрогнула, приходя в себя, надо же, так зачиталась-задумалась и забыла, что до сих пор сижу в прихожей. Отложив письмо, побежала к аппарату.

— Алло?

— Тонька!

— Вы ошиблись.

Телефонный звонок разрушил мягкий таинственный ореол, созданный письмом, исчезла заводь с Гвенделин (русалка?), настой из ягод волконника, и Г.Ц. с деревянной головой, осталась залитая солнцем пятикомнатная квартира, сервированная (именно — сервированная, а не обставленная) неудобной, но дорогой, престижной мебелью, где я все время ощущала себя не в доме, а в каком-то музее нелепого современного искусства. Вернулась в холл, сложила тонкие папиросные листочки обратно в конверт и задумалась: куда же его спрятать? Очень уж не хотелось, чтобы письмо потерялось или того хуже — попало кому-нибудь на

глаза. В этом «доме» за пять лет совместной жизни я так и не заимела собственного потайного уголка, уютного местечка, поэтому, перебрав с десятков вариантов, спрятала письмо в маленькую театральную сумочку. Она всегда жила у нас с мамой дома, с самого детства, я даже не знаю, кому она принадлежала изначально. Когда-то сумочка была белой, густо расшитой прозрачными нежно-голубыми стразами, а потом как-то незаметно пожелтел атлас, а от плотных рядков сверкающих капелек остался десяток мутноватых бусинок. Эту сумочку, как единственное напоминание о детстве, как маленькую связь с собою в коротком клетчатом платье и вечно сползающих гольфах, я возила из города в город, никогда не расставаясь с ней, эта вещица стала для меня настолько личной, едва ли не интимной деталью. В ней хранился пустой квадратный флакончик моих первых в жизни духов «Мечта», носовой платок, собственноручно вышитый в первом классе, пара крупных синих бусин да кулончик-авторучка, давным-давно подаренный случайной иностранкой за то, что в скверике я сбила для нее падкой несколько грецких орехов в зеленой йодистой кожуре. К этим сокровищам я без раздумья добавила и письмо — единственное, что по-настоящему затронуло и заинтересовало меня за последние... лет пятнадцать, наверное.

Я пыталась заняться чем-нибудь, но все валилось из рук — письмо не шло из головы. Я даже рассердилась на себя и собственную впечатлительность, того гляди, стану покупать любовные романы и рыдать над ними! Но никакие увещевания не помогли. Безудержно хотелось взять письмо, снова перечитать его, рассматривая красивый почерк, и отыскать, наткнуться случайно на что-то незамеченное ранее. Поборов искушение, я села за компьютер, вошла в Интернет и в поисковой системе набрала: «Волконник». Яндекс не дал ни единой ссылки, спросив меня, не ошиблась ли я в написании?

Выключив машину, решила сварить кофе. Засыпав ложечку ароматного порошка в маленькую, рассчитанную всего на одну чашечку кофеварку, стала смотреть в окно. Мысли текли сами собой... Интересно, в каком городе находится русалочья заводь? Где живет Л.? Надо бы узнать у консьержки, когда обычно приходит почтальон, показать ему конверт и спросить... И тут я поняла, что не желаю знать, откуда оно взялось в моем ящике, не хочу расковыривать, допытываться, хочу оставить все так, как оно есть, и дальше додумать самой,

придумать Оюну, Л., Г.Ц. и Ли... Но фантазия моя, заключенная в три небольших тонюсеньких листка, боялась сниматься с якоря и пускаться в незнакомое море, вдруг оно окажется океаном без берегов и встречных кораблей...

На следующий день я снова получила письмо, и не одно. Из почтового ящика выпорхнули два одинаковых конверта с наклеенными квадратиками и компьютерным адресом на них. Швырнув газеты в корзину, я, дрожа от возбуждения, шмыгнула в лифт, не обратив внимания на приветствие консьержки. Захлопнув дверь, бросилась в спальню, забралась на кровать, включила ночник и аккуратно надорвала с краю оба конверта. Нервный озноб, будто в предчувствии первого сексуального опыта... наспех просмотрев оба письма, взяла то, что по времени было написано раньше. Вот оно:

Милая Оюна!

Пишу тебе в этот же день, вернее, в ночь. Жаль, что уже успел отправить предыдущее письмо. Только что вернулся от Ли, народу было немного, человек пятнадцать, видел там Звенигорцева — представь себе, подался в актеры! К сожалению, он не смог внятно объяснить своего поступка, но создалось ясное впечатление, что не от блажи, а преследовал он большую цель, коей пока что делиться не стал. Ну да будет о нем.

Анникушин сообщил темную весть. Не хотел бы тебя устраивать, но ты просила сообщать все без исключения. Умер Базилик, так скоростижно, что я сам узнал об этом только у Ли. Говорят, лицо его в одночасье заросло роговым панцирем, точь-в-точь похожим на огромный ноготь большого пальца, а разводы на нем очень уж смахивали на древесные кольца. Отсоединить этот «ноготь» так и не смогли, похоронили быстро, в закрытом гробу. Предвосхищая твой вопрос, скажу: за могилой его, разумеется, наблюдают.

Теперь о более приятном. Наконец-то отыскал статуэтку-флакон, о коем ты меня просила. Он прекрасен, хоть всего-то век XV, да и сохранился изумительно! Если смотреть на яркий свет, видны следы на доньшке, разводы на стенках. Ощущаю сильнейший трепет, представляя, что за содержимое могло храниться в столь прекрасном сосуде, и вообще связь времени чувствуется как никогда, стоит только взять в руки статуэтку. Чтобы случайно не пробудить ее силы, убрал в футляр, так что чудесный подарок ожидает твоего приезда, милая Оюна. Знаешь, как и прежде, частенько окружаю себя особо близкими

вещами, но поднимать временные пласты без тебя, милая, не в удовольствие, порою — в грусть. Жаль, проводники эпох так быстро стареют и приходят в негодность, стояли бы просто так для красоты, продержались бы лишнюю сотню, а так... французские часы совсем плохи стали, пропускают со второй-третьей попытки, да и то ненадолго, и не дают былой свободы. По-прежнему радуют альбом с гравюрами, трость и бронзовый кубок, каждый раз приоткрывают новые ниши, вот только трость все чаще стала пропускать в опасные, темные времена, хотя они и не менее интересны. И сейчас хотелось бы взять ее, отполированную поколениями... но близится час быка, и рисковать не стану. Серебряное зеркало, что дарило нам столько приятных минут, совсем без тебя затосковало, его почти не трогаю, касаюсь только в особо грустные моменты, когда сильнее всего ощущается отчаянная пустота, возникшая с твоим отъездом. Милая Оюна, как же не хватает мне тебя, твоего голоса, смеха, твоего общества! Часто вспоминаю день накануне твоего отъезда, как мы сидели в гостиной прямо на ковре, и солнце, запутавшись в твоих волосах, пыталось выбраться, но этим лишь распушило черные локоны. Вспоминаю тебя, окруженную древностями, как верными слугами, как касалась ты их, истощенных временем тел, как оживали они и льнули к тебе. Как чудесны были эти моменты, как же я скучаю по ним! Из моей души будто в одночасье изъяли половину всего... Прости, милая Оюна, если был чересчур сентиментален, но в этот момент ты так необходима мне. Не докучают ли тебе столь частые письма? Боюсь, реже писать не смогу, мне кажется, что в эти моменты я прикасаюсь к тебе и дыханием, и взглядом, и ты слышишь меня. Вечно твой Л.

Прежде чем взяться за второе письмо, принесла из холодильника початую бутылку вина «Молоко любимой женщины». Выпила залпом целый бокал. Только после смогла перевести дух. Забралась под одеяло и, держась за бокал, как за спокойную дружескую руку, развернула тонкие листочки:

Дорогая Оюна!

Сомкнуть глаз так и не удалось — с рассветом прибежала Ниверин с крайне темной вестью. Берислав не смог вернуться, его не выпустил временной пласт! Прошу тебя, избегай персидской керамики! Возможно, паника моя излишня, но не лучше ли перестраховаться? Берислав пользовал небольшое блюдо персидской керамики, но даже не в этом суть. Мне извест-

ны факты, что именно керамика наиболее коварна. Да, она обладает прекрасной проводимостью, а шансы на возвращения через нее невелики. А стекло опасно вообще во всем своем проявлении, особенно если оно непрозрачно, заклиная тебя, избегай любого стекла и посуды, не пользуй зеркал в одиночестве, с ними непременно нужна страховка!

Возвращаясь к Бериславу. Ниверин заливалась слезами, и попытаться, что случилось, я долго не мог и просто пошел следом. Картина ужасна! Он сидел в кресле... вернее, не он, а его пустая оболочка, Берислав будто начисто был выведен изнутри мурашами, блюдо валялось на полу. Ты наверняка спросишь, не перепутал ли он сидений, не совершил ли роковой ошибки — двойного перехода? Нет, сидел он в своем кресле, обитом плашками собственноручно выращенного дерева, сомнений нет — его не выпустило блюдо. Я тронул Берислава за плечо, и он рассыпался прахом, даже хоронить нечего — пыль одна. Ниверин впала в истерику, я забрал ее к себе, напоил горячим вином с травами, уложил спать и засел за письмо к тебе. Одна трагедия за другой... не знаю, что и думать, я в полнейшем замешательстве. Сейчас оставляю Ниверин записку и пойду на встречу с Г.Ц., по возвращении опишу, как все прошло.

Вечер. Дорогая Оюна, встреча с Г.Ц. поставила меня в окончательный тупик. Он все внимательно выслушал, но не в пример мне остался спокоен, сказал, что не видит ничего экстраординарного, и объяснил это следующим: должно быть, кто-то решил преступить главное правило — не касаться будущего ни под каким предлогом, и решился достать оттуда какую-то вещь, в дальнейшем могущую служить проводником, что и повлекло за собой такие вот последствия. Но я никак не возьму в толк, как такое вообще возможно? Ведь получается взаимоисключающая цепь! Так же он сообщил приблизительный прогноз общей жизни, он крайне печален... печален настолько, что возник соблазн поставить слова Г.Ц. под сомнение, к сожалению, у меня нет на это ни единого основания. На сей невеселой ноте заканчиваю, глаза совсем закрываются, не спал почти целые сутки. Отчего ты так редко пишешь, милая Оюна? Твой Л.

Винная бутылка оказалась почти пуста, на донышке плескалось два светло-соломенных глотка. В голове болталась такая каша, что выбралась из кровати, пошла в кабинет Бывшего и достала из бюро пачку «Капитана Блэка». Терпеть не могла эти сигареты, но он курил только их. Когда же

наконец заберет свои вещи?... Закурив, пошла на кухню и извлекла из холодильника бутылку коньяка. Плеснув в чашку, выпила залпом, закашлялась, запила водой из-под крана, заодно умыла лицо. Открыла окно и закурила, затягиваясь привычно, жадно, будто и не было четырехлетнего перерыва. Присев на стул, наугад взяла какую-то тарелку, поставила на подоконник и стряхнула туда пепел. Все смешалось. Что же это такое? Чья это переписка? Что за обитатели потусторонних миров общаются между собою таким простейшим способом? В голове крутились строчки, эпизоды, а перед глазами, реальные, почти осязаемые, возникали картины... я боялась всматриваться в них, боялась задумываться, пытаясь осознать, догадаться, опасаясь, что видения эти затянут, захватят и не выпустят сюда, обратно в простой, понятный солнечный мир... или он прост и понятен только на первый, поверхностный взгляд? Вернуться в спальню я не могла, казалось, все пространство там заполнено чем-то неизвестным, пугающим и притягательным одновременно. Прислушаться — и прозвучит торопливый взволнованный шепот, потянет из-под двери зеленоватым туманом, поплывут тусклые огни...

Запугав себя до остановки сердца от случайного безобидного звука, я допила коньяк и вышла на балкон к солнцу, летнему легкому ветерку, к шуму машин и лаю собак, цепляясь за все это судорожно, отчаянно. Но, письма Л. зернами неизвестного волконника уже упали на благодатную почву моей души и, щедро орошенные воображением, дали буйные бледно-зеленые ростки. Душа моя уже заговорила языком Л., она ему уже принадлежала...

Сейчас он где-то пишет новое письмо, даже не подозревая, что Оюна никогда его не прочтет, что в такую личную переписку бессовестно вторгся кто-то третий... Вы только не переживайте, Л., я ни в коем случае не оскорблю пренебрежением ни строчки, ведь за каждой буквой кроется удивительная, порой жутковатая тайна, и такая... такая... — нет, не подобрать мне слова! — любовь к Оюне. Вы простите меня оба, видит Бог, не хотела, не специально выкрала, получила ваши письма. Должно быть, что-то произошло, случилось с вашей связью, и бесплотные, как тени, почтальоны с глазами цвета зеленых кислых яблок перепутали цифры, ошиблись адресатом... По-хорошему спуститься бы сейчас к консержке и выяснить, не живет ли в нашем доме девушка (женщина?) с именем Оюна, но ведь не сделаю этого, по крайней мере

сейчас, не готова я, простите меня. Ведь придется отдать ей все-все, по праву принадлежащее... нет, не могу пока... потом, позже.

Оказалось, в глубине квартиры давным-давно звонил телефон. Вскочила на ноги, сердце заколотилось испуганно, заметалось мелким жуликом, пойманным на месте преступления. Оказалось, кухня насмерть задымлена «Капитаном Блэком», коньяк незаметно выпит, а я сама уже в каком-то пограничном состоянии. Телефон звонил не переставая. Я тихонько, чтобы не потревожить лежавшие на кровати письма, прикрыла дверь в спальню, только потом пошла в зал и сняла трубку.

— Алло...

— Рита! — крикнул голос подруги Светы. — Слава Богу, дозвонилась! Что там у тебя, весь день названиваю, ты не беришь трубку!

— Наверное, не слышала. — Я присела на подлокотник безобразного белого дивана.

— Как ты, милая?

«Милая Оюна...»

— Рит, ты меня слышишь? Как ты?

— Нормально. Все в порядке.

— Козел не звонил?

— Пока нет.

— Вот сволочь, а!

— А чего ему звонить-то? — Я постепенно высвобождалась из объятий Л. — С квартирой, наверное, еще не решил ничего, как решит, сразу же объявится.

— Ты только смотри, не останься на бобах! Столько лет терпеть эту гадину!

— Ладно тебе, нормально мы жили.

— Ага, нормально! Да ему просто повезло с такой вот святой Марией-Магдалиной вроде тебя! Ну, у тебя-то еще будет все, слава Богу, до тридцатника далеко, а вот он со своим поганым сороковником... Другая уже б...

— Светик, родная, прости, у меня страшно голова болит...

— Это он тебя довел, я те кричу! Хочешь, приеду, переночую с тобой?

Шумная, яркая, такая настоящая Светка в моей спальне...

— Свет, давай в другой раз, я сейчас таблеток напьюсь и спать лягу, а на днях выберемся куда-нибудь, идет?

— Идет, — вздохнула она, попрощалась и повесила трубку. Я прислушалась, квартирное пространство едва

слышно шелестело тонкими папиросными листочками. Милая Оюна, скажите, умоляю вас, как же его зовут? Леонид? Люцифер? Как?..

Писем не было целых три дня, за это время я передумала, перерешала столько возможных вариантов своей дальнейшей жизни без Л. и его тонкого почерка, но ни один не оказался реально приемлемым. Я действительно не могла понять, как мне существовать дальше. Когда мы с мамой лишились нашей краснодарской квартиры, потому что ее продала по фальшивой доверенности лучшая мамина подруга, которую я с самого детства называла «моя вторая мама», и мы оказались на улице, даже тогда я представляла, как жить дальше после такого предательства. Очутившись Нигде, без каких-либо иллюзий и надежд на все человечество в целом и каждого двуногого в отдельности; без вещей, предметов, знакомых с рождения, без ничего, в отвратительной пустыне, в которую мгновенно превратился мой спокойный и радостный мир, даже тогда я представляла течение своей жизни дальше...

Каждый полдень, боясь наткнуться на почтальона, я спускалась вниз, перебирала по листику рекламные газеты, в надежде, что конверт случайно затерялся среди истерично ярких страниц, и с холодеющими руками возвращалась обратно. Как одержимая бродила из комнаты в комнату, не расставаясь с одиннадцатью страничками, и опустошала бар, не отвечая на телефонные звонки. И стало мне понятно, что ощущает наркоман, не получивший вовремя необходимой дозы.

Милая, дорогая Оюна, — просила я утром, заклинала днем, умоляла вечером и угрожала ночью, — почему он так долго не пишет? Что мы сделали неверно? Почему он бросил нас? А может, не нас, а меня? Неужели тени-почтальоны с зелеными глазами исправили свои ошибки и письма снова скользнули к законному адресату? Дорогая Оюна, хоть знак подай, жив ли он, или трость, альбом, кубок и зеркало, пропустив его в смутные темные времена, решили не делить ни с кем?..

Я бродила по комнатам, куря «Капитан Блэк», и разговаривала с ними обоими, объясняя, доказывая, что не могут, не смеют они вот так со мной поступать! Я ведь теперь тоже с ними, я такая же, я одна из них, и имею право знать, почему он не пишет?! Имею право знать, все ли с ним в порядке?!. Знаю, что не должна даже думать о нем в таком ключе... но кто-то же имел право дать мне эти письма! Ну вот, я

уже обвиняю кого-то... никто, никто не виноват, просто пусть он напишет, хотя бы пару строк...

Письмо пришло на четвертый день, когда я уже готова была отыскать Оюну (отчего-то не сомневалась, что найду ее), готова была скулить и унижаться, сидеть на пороге, уткнувшись в дверь, умоляя впустить, вымаливая его имя, возможность прикоснуться к воздуху, пространству Оюны... — его пространству!.. Ослепла, увидев конверт, побежала по лестнице, никак не могла открыть дверь... после вспомнила о ключе.

Сидела на полу, прижимала нераспечатанный конверт к щеке и слушала, как бьется раскаленная кровь в попытке прорваться через кожу и прикоснуться к прохладной бумажной белизне.

Дорогая Оюна!

Прости, что не писал так долго, столько произошло событий — не было минутки взяться за перо. Пытаюсь собраться с мыслями, и кажется теперь, что вишня, так и не давшая завязи, становится главным знаком. Старенькое кресло из груши уже живо едва, а вишня не захотела родить, выходит, шесть лет ее роста — даром. Пока что думать даже не желаю об этом, Оюна, не укладывается в мыслях. И ведь закона никак не отменить, сиденья для переходов только из дерева, выращенного собственными руками, да минимум дважды плодоносившее... отчего я не посадил две вишни? Отчего я так самонадеян? Уверен, тебе совсем не интересны все эти стенания (знала бы ты, дорогая, как я сам себе сейчас противен!) и хочешь, чтобы я скорее перешел к новостям. Сейчас, дай только соберусь с мыслями. Видишь ли, я выпил целый бокал вина, и теперь во мне разлад, тоска такая, что не помещается в душу ни вдоль, ни поперек. Зачем я его пил? Только хуже сделал. Все, дорогая Оюна, теперь к новостям, постараюсь изложить их, не перемежая комментариями.

Третьего дня собирались у меня, не очень хотелось принимать общество, но Ли настояла, и как специально собралось не менее сорока! Даже Матюшин пришел, вот уж кого видеть совсем не хотелось. К середине неожиданно пожаловал сам Г.Ц., разумеется, все остолбенели. Никогда еще не видел его в такой ярости, уверяю, Оюна, у него действительно деревянная голова, не я один это заметил! Г.Ц. отвел меня в сторону и едва ли не набросился с кулаками, я же ровным счетом ничего понять не мог. Наконец он заметил мою растерянность, успокоился немного, почти извинился и сообщил, что некто все же преступил глав-

ный закон и поднял будущий временной пласт (как, Оюна, как?! не понимаю!), и будто даже взял вещь, могущую служить проводником, если я правильно понял, — это солонка. Я был в шоке, никак не мог поверить, что кто-то из нас способен на такую отчаянно губительную глупость. Что же теперь будет, милая Оюна, как все поправить? А главное, как изобличить глупца? Не представляю, какую кару придумает для него (нее) Г.Ц. В общем, остаток вечера был безнадежно скомкан, Г.Ц. ушел, хотя мы так просили его задержаться и поговорить с нами, оставил нас в растерянности и смятении. Мы неловко толклись в большом зале и были вынуждены подозревать друг друга, я с превеликой радостью подозревал бы отвратного Матюшина, но, увы, не имею на это, к несчастью, никаких более или менее веских оснований. Такие вот печальные дела, милая Оюна. Ну на кой черт кому-то понадобилось несчастное будущее? Что обнадеживающего и жизнеутверждающего он (она) собирался там увидеть? Неужто мало спокойного, хорошо известного, полностью предсказуемого прошлого? Что же мы натворили, милая Оюна, что же натворили... Как же прав был Г.Ц., когда говорил, что человеческая натура жадна и абсолютно безответственна, что живет человек так, будто завтрашнего дня у него нет, а вчерашнего и не было. Нет, не буду вспоминать простоту и мудрость его слов, иначе маятник душевного разлада раскачается еще сильнее.

Спасаясь воспоминаниями о тебе, дорогая Оюна. Частенько всплывает в памяти тот вечер у Мирграт, все были в светлом, легком, и только ты, как вызов всем и вся, в удивительном платье — тяжелом, как предгрозовое небо, такого глубочайше-синего цвета... не увидеть дна у такого цвета, сколько ни вглядывайся! И эта оборка, бесшабашными крыльями по плечам, груди, спине... и босые стопы с золотой цепочкой на левой лодыжке. Прости, быть может, неприятны тебе мои воспоминания, но картина эта как сейчас стоит перед глазами, и ни о чем кроме думать не могу. Как же сладко надорвалась душа, когда увидел я свой подарок, блеснувший на тонкой твоей коже! Живи вечно, милая Оюна. Жду писем твоих, как воздуха. Твой Л.

Господи, как же прыгает сердце... ну кому, кому я так понадобилась именно в этот момент?! Проклятый телефон! Вскочив с пола, едва удержалась на затекших ногах и, как на культах, доковыляла до телефона.

— Да!

— Маргарита, — произнес тягучий голос Бывшего, — здравствуй.

— Привет. Ты не мог бы...

— Я займу буквально минуту. Рит, я продумал варианты и нашел оптимальный компромисс — я покупаю тебе двушку в любом районе, где пожелаешь. Разумеется, ремонт, обстановка, машина, к сожалению, не дороже «опеля», у меня сейчас временные...

Я уже ничего не слышала, оглохнув и ослепнув от ужаса. Мне придется уехать отсюда?!

— Паша!!!

— О Боже, не кричи ты так! В чем дело?

— Когда я должна уехать отсюда?

— Рита, ну я не стал бы формулировать вопрос именно так...

— Когда ты собираешься меня вышвырнуть отсюда?! Сколько у меня еще времени?!

— Ри...

— Просто скажи!

— Двух недель тебе хватит собраться?

— Возможно... дай мне месяц, прошу тебя!

— Рита, ты в порядке? Что с тобой?

— Все хорошо, Паш, все хорошо, просто мне тяжело будет расставаться с этим местом.

— Надо же... мне всегда казалось, что ты ненавидишь наш дом.

— Паша, пожалуйста...

— Ты напилась что ли? Позвоню в конце будущей недели.

Бросив трубку, я вернулась к разбросанным по паркету листочкам. Собрала их, сложила в конверт, ходила по комнатам, не выпуская из рук. Милая Оюна, отчего ты совсем не любишь Л.? Позволяешь себя любить, позволяешь поклоняться цепочке на твоей ноге, такая самодостаточная, недостижимая, незнакомая.

Вытряхнув на кровать побрякушки из шкатулки, выбрала из блестящего месива цепочку-браслет, застегнула на левой лодыжке. Совсем не то, вульгарно и пошло, смотрится не так, как на Оюне. Замочек открываться не хотел, пришлось дернуть, разорвать и смотреть, как крошечные желтые звенья орошают терракотовый ковер. Милая, милая Оюна... какое ты любишь вино? какому времени года, какой эпохе ты более благосклонна? длинные у тебя волосы или корот-

кие? высокая ты или малышка? что ты хочешь, Оюна? впусти меня к себе.

К концу недели я получила пятое письмо.

Дорогая Оюна!

Отчаялся, дожидаясь весточки от тебя, не случилось ли чего? Ужасные дела творятся, милая, всё крошится, приходит в негодность. Солонку раздобыла Ли. Она приходила ко мне сегодня, перепуганная, растерянная. Умоляла не выдавать. Могла бы и не просить об этом, разве смог бы я выйти ко всем и сказать, что нас, всех нас, весь наш мир погубила маленькая сливочная Ли? Успокаивал ее, как мог, хотя чем можно утешить? Спросил, далекий ли пласт она подняла? Оказалось — нет, но увиденного хватило ей, чтобы растеряться и насвершать глупостей (взяла эту проклятую солонку). Оюна, мировая материя разрушилась, мы балансируем на швах, но и они вот-вот расползутся. Ли видела процесс распада, понимаешь, она не взяла солонку, она подобрала ее, а где, даже не хочу описывать, чтобы не расстраивать тебя, милая. Пишу эти строки, всячески оттягивая главное. Оюна, впервые в жизни я не знаю, как должно поступить. Теперь мне известен скорый и бесславный конец человеческой иллюзии, известен также и выход, спасение. Поделись я всеми этими знаниями и соображениями с нашими, пришлось бы выдать Ли, не предупредить — всех обречь. Но не беспокойся, выход я непременно отыщу, чуть позже, но обязательно отыщу.

Пока что выслушай меня внимательно и непременно поступи, как скажу. Мы уйдем, спасемся в прошедших временных пластах, везде предостаточно вещей, благодаря коим можно жить беспрепятственно где угодно, когда угодно. Пытаюсь вспомнить, что есть у тебя, а мысли путаются, и вроде бы наизусть известные предметы ускользают... ах да! Бархатная карнавальная маска, испанская, века XVII, если не ошибаюсь, она должна у тебя сохраниться, ты ведь так любила ее. Перейди через маску, чтобы не осталось пути назад, надень на лицо, не держи в руках. Я же непременно разыщу предмет той эпохи, той страны и догоню тебя, Оюна, жди меня в Риме, в «Королевском петухе», помнишь эту маленькую милую гостиницу? Я же попытаюсь обернуться скорее. Заклинаю тебя — не медли. Твой Л.

Сидя в такси, я смотрела, как торопится, вьется асфальт Ленинградского шоссе. Четыре года назад у нас с

мамой был маленький участок с дачным домиком, ставший для нас новым местом жительства. Когда я вышла за Пашу, мы его продали. Неизвестно, жива ли до сих пор моя яблоня, спилили ее или радуется она яблочками новых хозяев? Что я им скажу, как объясню свою дикую просьбу, я пока еще не знала, просто сидела в вонючем, засыпанном сигаретным пеплом салоне, пахнущая и выглядящая очень дорого. Мне казалось, что, зачуяв неподражаемый аромат денег, исходящий от эксцентричной девушки с разжиженными мозгами, хозяева участка пойдут мне навстречу. И я не ошиблась.

За триста долларов хозяин в неликвидных трениках с подтяжками на голое тело срубил мою яблоню, очистил от сучьев и веток, распилил ствол на три чурбака и погрузил в багажник такси. За всю обратную дорогу таксист не проронил ни слова.

Найти мастера по дереву, способного сделать стул со спинкой из такого вот материала такому вот сумасшедшему заказчику и вовсе не составило труда.

Теперь я обязана была разыскать Оюну, отдать ей письма и умолять, угрожать, требовать взять меня с собой.

Спустившись вниз, подошла к консьержке, с остановившимся сердцем задала свой вопрос. Да, Оюна жила в нашем доме, хотя что значит — жила? Просто царствовала во временном своем пристанище. Квартира 269, моя же 169, ее ящик над моим, вот, значит, как ошибся зеленоглазый почтальон. Стоя у ее двери, слушала, как крупная замочная скважина дышит сухим летним ветром. Мне никто не открыл.

За два дня, два вечера, утра и ночи изучила каждую черточку, каждую точку на синей дверной обивке, на косяке, на полу. Никто не открывал, ни малейшего движения — ничего. Должно быть, я окончательно лишилась рассудка, потому что пошла в магазин канцтоваров, купила коробку пластилина, сделала слепок с замочной личинки и заказала ключ. Внешнее богатство и отчаянное вранье позволили забрать еще теплый большой неуклюжий ключ через полчаса.

То, что осталось от милой Оюны, сидело в кресле, в центре огромной, почти пустой комнаты. Неровное дыхание ветра, доносившееся сквозь распахнутую форточку, оставило лишь невесомые, почти прозрачные плечи, полустертое туловище в чем-то светлом, голубом, спокойные руки, лежащие на подлокотниках, да ноги, без стоп и лодыжек. Тонкая зо-

лотая цепочка лежала на паркете, ее замкнутое колечко все еще зачем-то оберегало крошечный островок светло-серой пыли. Чуть поодаль — маленькая треснувшая кофейная чашечка. Тихонько, боясь потревожить Оюну, я присела на пол, сквозь ее руку золотилось пушистое московское солнце. Застегнув цепочку на левой лодыжке, я встала, рассматривая нехитрую обстановку: кресло, платяной шкаф, старенький письменный стол да кровать в углу, накрытая легким бежевым покрывалом. На столе веером брошены конверты, стопка бумаги, чернильница с пером да рамка с черно-белым снимком. Да, Оюна, ты действительно прекрасна — роскошные черные кудри, небрежно подобранные широкими гребнями, точеное лицо с бархатными глазами... рядом с нею, бережно приобняв за плечи, улыбался мужчина лет тридцати пяти — лучики в уголках глаз, взъерошенные ветром светлые волосы, счастливая улыбка... У чернильницы — листок письма: пара спокойных, аккуратных строчек:

Дорогой Левит.

Наконец выбрала время написать тебе. Ничего особенно у меня пока что не происходит. Сегодня решила испытать чашку лимонского фарфора, надеюсь, будет интересно. Вернусь, опишу все подробно. Пока не забыла, при случае передай привет Гвенделин, поцелуй Ли, Ниверин и обними от меня Берислава. Письмо продолжу сразу же по возвращении. О.

В платяном шкафу, на полках вместо белья, маек и прочих мелочей, теснились всевозможные старинные вещицы. Маска отыскалась почти сразу. Лиловая, бархатная, с раскосыми глазными прорезями. Во втором отделении жили платья, небрежно наброшенные на деревянные плечики дешевых вешалок. Длинное, из тяжелого шелка глубокого синего цвета с крылатой оборкой, пришлось мне почти впору — чуть свободно оказалось в талии.

Я спустилась к себе и вернулась с небольшим деревянным стульчиком да театральной сумочкой, как жаль, что нельзя ее забрать с собой. Оставляю ее у тебя, милая Оюна.

Заперла на ключ дверь, присела рядом с Оюной, сбросила туфли и удивилась, как спокойно, свободно дышит сердце. Левит... Левит... я повторяла, ласкала, перекачивала

это имя, как мятную карамельку. Маска пахла чем-то очень знакомым, уютным, так в детстве пахнет клетчатый плед, под которым прячешься от всех ночных кошмаров. Помоги мне, милая Оюна, поддержи, ведь все у меня впервые. Сквозь раскосые прорези я смотрела, как солнечные лучи блуждают в невесомейшем прахе Оюны, пронизывают его, согревают... постепенно исчезли доносившиеся с улицы звуки, и их сменила полнейшая глубоководная тишина...

31 мая 2002 г.

Борис Зеленский
ЧЕРНЫЕ МЫСЛИ О БРЕННОСТИ
СУЩЕГО ХОРОШИ ТЕМ, ЧТО ИМЕЮТ
ОБЫКНОВЕНИЕ ПРЕКРАЩАТЬ
ГЕНЕРИРОВАТЬСЯ, КАК ТОЛЬКО
УСТРАНЯЕТСЯ УГРОЗА ГЕНЕРАТОРУ

Джиневра, стойбище Шамбала-2 31.12.150 г. ТТ

У стойбища было непривычно пусто. И на утопанной площадке, где по вечерам собиралась, считай, вся популяция, включая детенышей и увечное старичье, и в конусообразных норах, и даже вблизи прозрачного лабиринта из вулканического стекла у подножия Замерзшего Гейзера — подарка земных ученых любопытному молодняку — нигде не намечалось хотя бы малейшего движения.

Заслышав шаги, единственный оставшийся хольг с вытертым и поблекшим мехом на загривке задрал слепые глазки к низкому небу с бегущими наперегонки фиолетовыми облаками и протяжно завыл. И столько горькой тоски было в его вое, и столько безысходности в перекошенном от натуги тельце, что у Валерия сжалось сердце и стало очевидным — разговаривать с ним сегодня о Предназначении Скитальцев бесполезно.

И еще.

Обидно, конечно, но получается, что зря он пер на своем горбу за пятьдесят миль уникальную аппаратуру. Ну если чест-

но, то не совсем за пятьдесят — сорок две и четыре десятые мили (по спидометру на противоветровой панели) пройденного расстояния аппаратура проделала не на спине дипломированного ксенолингвиста, а в просторном кузове экоглайда, пока окончательно не спекся забарахливший еще на прошлой неделе инсект-движок мощностью в шестьсот двадцать псевдоульев, но все же. И вот все усилия впустую. Так что хочешь не хочешь, а придется вызывать Эрнста. Ибо во время немой грозы, этого предвестника куда более грозного местного явления — радужного смерча, будь он трижды неладен, мобильник способен пробить расстояние только до этого неугомонного энтузиаста Ски-талыцев, и то если он рыщет их где-нибудь поблизости, а не сидит за праздничным столом, как подавляющее большинство обитателей Джиневры, любуясь синтетической елочкой и попывая шампанское. Дело святое — сочельник!

Одна надежда на то, что Эрнст Стернэ не изменил своей привычке восемнадцать часов в сутки, будни или праздники все одно, «зачищать» неосвоенные людьми пространства планеты в поисках следов перворасы Галактики. И ведь что характерно, будь кто другой на его месте, давным-давно вылетел бы из Камелота с треском, а ему все сходит с рук: Инспектора по Охране Досуга не глядят в его сторону, словно он человек-невидимка, Генеральный Коммандор отдал циркулярное распоряжение по всем базам ГСМ о предоставлении ему горячего для экоглайда в неограниченном количестве и даже главный космопсихолог на понедельничных планерках Совета Специалистов всячески стремится уклониться от обсуждения запросов других энтузиастов поработать недельку-другую без «ленивых дней» о систематическом нарушении коллегой Стернэ любимого детища Антуана Дювинье, «Закона о принудительном нормировании рабочего времени», и только яростно крутит свой рыжий чуб...

Ходили непроверенные слухи, что Эрнст чуть ли ни ставленник ВЦ СКНз, что у него лапа аж в администрации Всемирного Совета, что он внучатый племянник Ровесника Миллениума, поэтому, дескать, у него и карт-бланш, но Валерий знал, что все это байки, и считал, что его друг заслужил право мотаться по Джиневре куда и когда хочет своей неудержимой верой в ПОВТОРНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ. А это, согласитесь, кого угодно заставит отступить и не приставать с глупостями. Ведь пока встреченные в Галактике расы если и превосходили человечество в тех или иных сферах своей деятельно-

сти, то это отставание можно было легко устранить в пределах одного-двух последующих поколений, к тому же никого из ксенофренов нельзя было упрекнуть в присущей людям изначально агрессивности. Невозможно себе представить, скажем, кентвуша, этого эмпата-полиглота, за рулем стратегического бомбардировщика, всестороннего умельца лишевиюса в панцирном танке с силовой броней, а электромагнитного дремли-на, говорливого обитателя Розового Феникса, с кассетным аквастазером в руках... Впрочем, у дремлинов никаких рук в наличии не просматривается, ибо являют они собой всего-навсего разумные энергетические сгустки. А вот гипотетические Скитальцы — совсем другой коленкор!

Завершив свои непостижимые дела приблизительно несколько миллиардов лет назад, эта первораса покинула нашу Галактику. Зачем? На этот счет существовало столько мнений, сколько и людей, занимающихся этой проблемой. Но лишь один из всех, Эрнст Стернэ, верил, что Скитальцы вернутся. Причем гораздо раньше, чем человечество накопит такое количество знаний, которое позволит общаться с предтечами на равных. Потому и спешил Эрнст найти хоть какие-нибудь факты, свидетельствующие о миролюбии этих титанов прогресса, благо Джиневра — чрезвычайно благодатное поле деятельности, а если повезет — то даже останки одного из Скитальцев...

С Полюса Возмущения налетел необыкновенно противный ветер. Двойную доху (верх — эрзац-медвежья-шкура, подкладка — мономолекулярное сито, пронизанное сигма-канальцами) он выстудил насквозь в одну минуту, не грел Валерия даже терможилет «жар-пингвин», с которым — фирма-изготовитель гарантировала — можно забраться в морозильник хладокомбината и комфортно провести там хоть полночи. Видимо, местные возмущения атмосферы о разрекламированных достоинствах арктической спецодежды не подозревали.

Холодрыга настроения не подняла.

Ни на капельку.

Злясь на весь мир и на себя в особенности, Валерий не нашел ничего лучшего, чем переключиться с брошенного стойбища на что-нибудь другое и, желательно, еще более неприглядное. А что может быть непригляднее наглой лжи? Ксенолингвиста жутко раздражали рекламные видеобуклеты, особенно те, которые трубили на весь цивилизованный мир по ЕГИС — Единой Галактической Информационной Системе, — что краше Джиневры местечка нет.

«ХОЧЕШЬ ЗАПОМНИТЬ ОТПУСК НА ВСЮ ЖИЗНЬ, ПРОВЕДИ ЕГО В КОМПАНИИ С ДЖИННАМИ» или «ПОЗАБУДЕШЬ ПРО СКУКУ, КОГДА У ТЕБЯ НАД ГОЛОВОЙ ПРОПЛЫВАЮТ ХРУСТАЛЬНЫЕ ОБЛАКА».

Что и говорить, и джинны, и хрустальные облака впечатляют. Когда встречаешься с ними впервые.

Однако со временем ощущение новизны пропадает и тебе кажется, что подобные порождения Высотника окружали тебя всегда. К тому же и то и другое характерно для умеренной зоны планеты, а вот к чему привыкнуть невозможно, так это к погоде, свойственной приполярным областям второй планеты системы Короля Артура. Особенно если торчать в них безвылазно в течение двух с половиной стандартных лет, пытаясь расшифровать нечленораздельную речь полуразумных обитателей тундры.

Хотя можно посмотреть на проблему и с другой стороны: ну где, как не на Джиневре, изучать остаточные признаки доминантного вмешательства сверхцивилизации в ход эволюции? Что ни говори, а хольги, как, впрочем, и все остальные щелевые грызуноиды, — типичная тупиковая ветвь, и если бы не их соседство с открытым еще Иннокентием Мамонтовым выходом дельта-руды на поверхность...

Кстати, мелькнула зудящая комаром мысль, а что, если доктор Роджер Клинг прав и его гипотеза о вторичном наследовании условных рефлексов найдет реальное подтверждение? В таком случае псевдоречь хольгов можно рассматривать как некую резервную систему сохранения пока не до конца понятных данных, о которых сами носители информации ничего не подозревают. Собственно говоря, мозг хольга пока не достиг того порога сложности, при котором его обладатель способен что-то подозревать. Расшифровка же подобной белковой базы данных способна пролить свет на во многом таинственную деятельность перворасы Галактики. Мало того, это перевернет устоявшиеся представления землян о спонтанных поселениях Скитальцев в системах, аналогичных Камелоту, как уважительно называют между собой межзвездники систему из трех планет: опаленного мирка Мерлина, землеподобной Джиневры и внешнего газового гиганта Ланселота, вращающихся вокруг звезды земного типа — Короля Артура.

Да, ежась от пронизывающей сужи, продолжал рассуждать Станаев, ничего иного, как придерживаться стройной по всем параметрам клинговской доктрины, мне не ос-

тается, как только поддадутся минимальной дешифровке коммуникационные способности колонии, считай, заветное звание у меня в кармане. А тогда прости-прощай, Джиневра, новоиспеченного Контактера ожидает целая куча миров, где непочатый край работы.

Что ж, Валерий Николаевич раскатал губу не напрасно. За те неполные восемь лет, которые выпускник школы для особо одаренных детей в Крохалево (Восточный округ Срединного континента на Танкреде, планетная система Наконечник Электрода) потратил на приобщение к завораживающему миру академической ксенолингвистики (университет Астра-Штудио на Лазурной Громаде, полугодовая стажировка на Василиске-VII и успешная сдача доброй дюжины профминимумов профессору Польде), было открыто немало гуманоидных и негуманоидных цивилизаций. Допустим, гуманоидные под специализацию Станаева не подпадают, их благородно оставим на разживу СПЭЛистам, пусть себе успешно и плодотворно развивают великое и могучее средство коммуникативности братьев не только по разуму, но и по физиологии.

Зато негуманоидные... один Шпильгезундхайт со своими весьма и весьма нетрадиционными обитателями чего стоит. Только попытайся себе вообразить, каким манером разумные верхние слои атмосферы этой в остальном весьма и весьма непримечательной планетки умудряются переговариваться между собой, и сразу поймешь, какие потрясающие сюрпризы в сфере нетрадиционного кодирования сигналов тебя ожидают!

А ведь в списке перспективных для вступления в ООРАН разумных рас числятся еще такие оригинальные цивилизации, как коленные блюдечники с Земли Клариссы или открытая буквально на днях культура шрапшей, которая тем не менее уже успела получить официальное название КСМЛП. Аббревиатура сильно отдавала экзотикой и нездоровой мистикой и расшифровывалась как Конгломерат Сбрасывающих Мертвые Лица Полночью.

Услышав подобное название, человек несведущий сразу начинал давать волю безудержной фантазии, в подробностях представляя жуткую процедуру, происходящую в кромешной тьме, однако на самом деле ничего похожего на «мертвые лица» культура шрапшей не содержит. Впрочем, как не содержит, собственно говоря, самих шрапшей. Просто более точного соответствия ритуалу, которому действительно на стыке каждых суток предается некое сообщество незримых об-

шественных квазинасекомых, из одной лишь научной корректности обозначенное дефиницией «конгломерат», ученые Солнечной Федерации подобрать не смогли — трудно называть мертвыми существа, которые не существуют в общепринятом смысле этого слова и никаких лиц, да и иных частей тела, по всей видимости, не имеют, хотя результаты их бурного созидания растут как грибы...

Вот где безграничное поле деятельности для молодого, но удивительно перспективного, хотелось бы думать так, ксенолингвиста.

Валерий даже на мгновение перестал ощущать леденящий холод — что и говорить, мечты согревают душу похлеще патентованных химических грелок, тем более что он забыл забрать последние из брошенного в снегах экоглайда. Но грелки — это проза жизни, без них в конце концов можно и обойтись, а разве ксенолингвистика способна обойтись без утонченной, по преимуществу визажистской и куаферной, цивилизации почасовых призраков с Мистерии-Танго, не говоря уже о дивных ландшафтных полянах Альтаира-VI, где под мертвыми лучами плоских лун обожают водить нескончаемые хороводы р'фафидл-лы, больше всего похожие на трехногих плюшевых медвежат, и их постоянные спутники-антагонисты — паукообразные прыгскокеры...

Ау, прыгскокеры и р'фафидл-лы, шрапши и коленные блюдечники, призраки и атмосферные слои, слышите Валерия Николаевича Станаева? Тогда подождите немного, не раскрывайте всех своих тайн, оставьте и на его долю несколько, вот только разгребется он со своими хольгами и сразу возьмется за вас!

Дело оставалось за малым — понять, каким образом ухитряются общаться между собой местные землеройки, пробуравливая каждый раз в вечной мерзлоте по целому пучку параллельных ходов, смазанных какой-то пахучей жидкостью. Розалия Григорьевна Доц разразилась компетентной статьей на сайте «Проблемы сравнительного линггоанализа», предположив, что все дело в феромонах, но молодые, и среди них Станаев, придерживались иной версии, а именно аудиовизуальной, ибо слух и зрение у хольгов были развиты сильнее, чем обоняние. В подтверждение своим воззрениям и приходится теперь мерзнуть за три тысячи миль от Столицы и за полсотни миль от уютного поста Искателей, где всегда к твоим услугам ионный душ, ароматная сигара, любовно свернутая ко-

фейными ручками прелестниц с далекой Нежной, и славное пиво, сваренное в кратере вулкана Зев Преисподней, что, не переставая, клокочет в терминальной зоне раскаленного, как уголек, Мерлина...

Кто бы мог подумать, что хольги начнут миграцию в самый разгар предзимья? Не ровен час, начнется радужный смерч, а уж он как никто способен замести следы, тогда даже с меридианного спутника не засечь ушедшую популяцию...

Неожиданно Валерий ощутил какое-то копошение под ногами.

Слепенький зверек, о котором он и думать забыл, натужно потерялся о пимы ксенолингвиста. Что ж, наверное, почуял тепло, просачивающееся через жилет, иначе с какой стати ему жаться к незнакомому предмету-движению?

Станаев аккуратно снял с плеча и поставил коммуникатор на землю, потом наклонился, ухватил хольга за холку и сунул за пазуху.

Не пропадать же бедняге на морозе.

Потом из внутреннего кармана дохи выудил телефон, подышал в мембрану, стянул рукавицу и ткнул негнушимся пальцем в зеленую кнопку вызова.

Как ни странно, аппарат отозвался протяжным гудком, свидетельствующим о исправности. Вот тебе и немая гроза!

Гудок подействовал на хольга, и тот опять завыл. Но уже без тоски и даже как-то миролюбиво.

«Вот же тварь, — ласково подумал Станаев, набирая на табло индкод Эрнста, — хоть и чуждая всему земному, а понимает, что наступает ответственный момент, от которого зависит спасение».

В принципе от того, как сработает дальняя связь, зависело спасение не только зверька, которого сородичи оставили умирать, но и судьба самого Валерия. Добраться до поста по тундре пешком, да еще в немую грозу, когда молчат все приборы, даже стрелка компаса, слишком большое везение даже для тренированных Искателей, что же сказать о человеке, который больше привык полагаться на голову, чем на свои нижние конечности.

Вообще-то только сейчас до Валерия дошло, что вся эта затея с несанкционированным визитом в стойбище — самая настоящая авантюра.

Причем от начала и до конца.

Правда, о конце думать пока рановато. Вполне можно вернуться к брошенному вездеходу и попробовать покопаться в сдохнувшем движке. Хотя как можно оживить инсект-агрегат, больше всего похожий на ноздреватую массу, составленную из множества правильных многогранников, Станаев представлял себе лишь в самых общих чертах. В конце концов он, как всякий фортпостник, периодически работающий за пределами жилого периметра, хоть и сдал на «четверку» материальную часть наземных транспортных средств, но принцип их работы так и остался для него тайной за семью печатями.

Прошло двадцать секунд, а телефон Эрнста все не отзывался и не отзывался.

— Ну давай, милый, — прошептал Станаев обветренными губами, — чего тебе стоит?! Я виноват, что никого не предупредил, сам теперь понимаю, но разве это повод лишать меня последнего шанса? Клянусь, больше никогда, ни под каким видом, в одиночку, на чужой планете...

Словно удовлетворившись самобичеваниями ксенолингвиста, раздался щелчок.

— На проводе индивидуальный код Эрнста Стернэ. Говорите внятно и только по делу, но вначале дождитесь двойного зуммера — хозяин не любит слишком торопливых.

Валерий с досады едва не хлопнул телефоном об землю.

И как он мог забыть, что Эрнст терпеть не может прямой связи, бережет сердце от потрясений.

Когда-то, еще на Земле, в один из пасмурных осенних дней, его, тогда студента Академии Проблем Контакта, прилежно грызущего гранит наук, ошарашили прямым текстом о катастрофе рейсового экобуса, в результате которой он в один миг остался без родителей и младшей сестры. С тех пор Эрнст никогда не берет трубку, предпочитает отфильтрованные сообщения индкода.

Двойной зуммер давно отпищал свое, прежде чем Валерий произнес в мембрану:

— Эрнст, дружище, придется тебе меня выручать. Я в дальней колонии хольгов, той самой, что вблизи Замерзшего Гейзера. По неизвестной причине мои подшефные покинули место постоянного обитания. Вездеход вышел из строя, так что добраться до поста самостоятельно не получится. К тому же меня угораздило вляпаться в эпицентр немой грозы. Если можешь, поспеши. Сообщение передал индкод Валерия Станаева.

Ксенолингвист подумал и добавил:

— Сообщи хозяину немедленно, иначе при встрече наде-
ру уши.

Последнюю фразу он предназначил специально для индко-
да Искателя. Чтобы тот не вздумал беречь душевное здоровье
Эрнста за счет Станаева — так и очоурииться недолго.

Как натура, в сущности, кабинетная и сугубо прикладная,
он не любил соприкасаться с житейскими коллизиями и, когда
таковые все же пробивались сквозь покрывающую его защит-
ную скорлупу, обычно погружался в уютный мирок собствен-
ных рассуждений и уже тогда ничего не видел, ничего не слы-
шал и ничего не хотел знать. Вот и сейчас Станаев оказался в
комфортном окружении своего внутреннего мирка, который
выглядел примерно так: да-а, Валерий, ну и влип же ты в исто-
рию. И какой только умник обозвал Джиневру Камелотской
жемчужиной? Собственно говоря, наверное, имелась в виду
комфортная зона средних широт, аналогичная земному Среди-
земноморью. Про приполярную тундру такого не скажешь — хо-
лодно и ветрено одиннадцать с половиной месяцев из двенад-
цати, бр-р-р! Пренеприятное местечко, что и говорить, и уж
совсем непонятно, с чего бы это вдруг Скитальцам понадоби-
лось устраивать здесь перевалочную базу? Да еще этот дурац-
кий лабиринт под полюсом... Хотя скорее всего это никакие не
Скитальцы, а некая гуманоидная, судя по строению штреков и
шахт, раса, проклюнувшаяся где-нибудь поблизости от звезд-
ной системы Короля Артура и возомнившая себя Главным Ус-
троителем Дурацких Лабиринтов в Галактике?

Ох и беда же с этими гуманоидами!

Вспомнить хотя бы Инцидент Сто Сорок Второго года, когда
настырные обитатели бродячей планетки Орзуле высадились
на внешнем спутнике Сириуса, где у землян по договореннос-
ти с тамошним генеральным тельдом добрых три десятка лет
функционировал испытательный полигон для так называемых
ауральных структур. Объект высшей степени защищенности,
двойной антимагнетизм-осознательный контур и заклятие Свя-
того Августина между оболочками, это вам не хухры-мухры, да
и как могло быть иначе — общение с потусторонними силами
не только не приемлет суеты, но и требует еще крайней осмот-
рительности. Внутри путь заказан случайному нейтрину, не то
что материальному объекту протяженностью чуть ли не в два-
дцать миль, а орзулы эти самые знай себе перли сквозь
все эти тонкие и толстые мембраны-прослойки и чихать

хотели на переменное тактильное поле, наведенные аудиодоризуальные кошмары и божественную эманацию, предохраняющую от несанкционированного доступа...

Да, скандальчик в Совете был еще тот!

Надо же, под самым боком у Солнечной Федерации дозрел до самостоятельного выхода на Большую Высоту неизвестный народ, который прошляпили и Звездный Патруль, и Искатели, и даже пресловутый ВЦ СКНз. Отговорки же виновных ведомств, что, дескать, орзулы эти самые ни слухом, ни обонянием, ни зрением среди собратьев по разуму ничем особым не выделялись и даже наоборот, ибо из всех чувств воспринимают исключительно градиент магнитной напряженности, словно они и не гуманоиды вовсе, а какие-нибудь отдаленные родичи дремлинов с Розового Феникса, на строгих инспекторов не повлияли ни в какой степени. Так что досталось всем сестрам по сусалам: Кристиана-Анри Флермона сняли, Мешхеда аль-Гальма ибн Хирази закатали аж на Форпост-Кублайхан, а это дальше некуда, и даже непотопляемого Старика из ВЦ СКНз едва на пенсию не выпроводили, но курилка Пернатый и здесь выкрутился, доказав как дважды два, что после Персефоны у него в специальном отделении родимого сейфа не первый год пылится конверт с особым мнением, который он и предъявил следственному комитету как свое очередное прозрение и заодно стопроцентное алиби. Это уже потом выяснилось, что ни Флермон, ни Мешхед и уж тем более уважаемый Василий Данилович Сорока не виноваты, а всю кашу заварил, причем в одиночку, неугомонная Здена Миллерова, больше известная по прозвищу Орзуланская Дева, дочь небезызвестного Карела Миллера, легендарного основателя фонда «Генетическое Наследие Миллениума», и одна из так называемых супермладенцев в рамках пресловутого эксперимента «Пражская Зелень-33», а к тому моменту шестнадцатилетняя выпускница историко-социального факультета Сорбонны. Своенравная дипломица решила доказать своему учителю, академику и члену Объединенного Совета СФ Жану-Пьеру Гродье, что с помощью современных методов пси-внушения и ускоренных методов ген-обучения одна отдельно взятая цивилизация может перепрыгнуть из низшей исторической формации сразу в стадию Общественного Разума, каковой характеризуются все девятнадцать известных на сегодня звездных культур.

На своей одноместной «Королеве кариоке» она прошерстила чуть ли не весь юго-западный сектор Млечно-

го Пути и в конце концов остановила выбор на кочующем планетоиде, в глубоких пещерах которого дрыхли впавшие в многовековую спячку троглодиты Орзуле. В свое время с их светилom столкнулась ПЧД — плавающая черная дыра. В результате катастрофы планету выбросило за пределы притяжения собственного светила и вот уже несколько сотен тысяч лет она, замерзшая и лишенная животворных лучей, дрейфовала на беззвездных задворках Большой Высоты.

Девушка, можно сказать, подросток, сумела не только пробудить от летаргии кемающихся аборигенов и внедрить в сознание подавляющего большинства понятие кастовой цивилизации типа термитника, но и благодаря пересаженным ей еще в период внутриутробного развития пси-хромосомам от Матери-Киберы внушила им мысль, что они рождены для более высокой цели, нежели пребывать в анабиозе до скончания веков. Все это она умудрилась проделать за неполных два стандартных года.

Что и говорить, Орзуланская Дева натворила дел — одни веерные корабельные верфи чего стояли! Под ее руководством аборигены умудрились сварганить из самых неподходящих для такой цели материалов (атмосферный лед и местные гастрономические пристрастия к съедобным сланцам) звездоплавательный аппарат, весьма и весьма по сути примитивный, однако благополучно добравшийся до Сириуса и взявший, как уже упоминалось, все нерукотворные барьеры на раз.

Слава Высотнику, у Здены хватило ума поведать подопечным далеко не обо всем, о чем положено знать обладательнице экстра-диплома историко-социального факультета. В частности, она не стала рассказывать, чем именно занимаются на ауральном полигоне специалисты по тонким структурам. Во всяком случае, слабо верится, что у выпускницы Сорбонны имелся досадный пробел как раз в этой деликатной области образования. Так или иначе, но inferнальное воинство, только и ждавшее дальнейшего расширения темпоральной воронки, чтобы запустить в наш мир пресловутую Четверку из Всадников Апокалипсиса, в очередной раз осталось с носом...

Или взять нашушевшую одиссею Вероники и Феликса ван дер Троттенвильдштундтхайзеров (кк «Леприкон-Z», приписан к космопорту имени Джорджа Кондратенко, Нью-Черемушки), вошедшая в новейшую историю космоплавания под названием «Канонизация 139-го года».

Эта супружеская пара астрономов-любителей, вместо того чтобы после выматывающего шестилетнего исследования газопылевых облаков на окраине Галактики тихо-мирно наслаждаться в долгожданном отпуске зрелищем непериодических цефеид, то и дело проплывающих мимо их дрейфующей обсерватории (такое вот у дружной семейки ван дер Троттенвильдштундтхайзеров было веселенькое хобби!), взяла да и наткнулась на племя фитантропов, путешествующих по Большой Высоте, и на чем бы вы думали?

Ни за что не догадаетесь!

На гигантском древокорабле, чья крона использовалась для улавливания рассеянного света звезд, а корневая система — для создания активной реактивной тяги.

Фитантропы (иные названия дриадцы, лешье племя, сучьи сыны), от многолетних странствий отвыкшие от нормальной, то есть оседлой, жизни, долго не могли взять в толк, кто их беспокоит бесконечными наездами то с одной стороны ствола, то — с другой. А когда взяли, недолго церемонились с непрощеными догонялами — Веронику и Феликса приобщили к Великой Хлорофильной Мечте, заменив им циклы кровообращения на чисто растительные радости: зимнюю спячку, весеннее цветение, летнее буйство зелени и осенний листопад. Так бы и прозябали несколько следующих миллионов лет (фитантропы принадлежат к супердолгожителям) несчастные ван дер Троттенвильдштундтхайзеры, если бы не «Сцилла-Кси», патрульный корабль Искателей, и его бдительный Капитан Васильев-младший. Мало того, что он живенько и без помех взял древокорабль на виртуальный abordаж, но и умело допросил фитантропов из Боковой Ветви Основного Ствола на предмет наличия на борту («под корой») контрабанды. Наивные гуманоиды, не имевшие никакого понятия о том, что во Вселенной существует множество способов утаивания истины, тут же сознались в содеянном, регенерировали пойманных землян (не спрашивая у них согласия) снова в представителей фауны, а не флоры, и стали умолять Васильева не буксировать древокорабль к ближайшему аварийному спутнику, а отпустить их по добру-поздорову. Капитан пытался соединиться хотя бы с кустовым (планетарным) советом СФ, но со связью в этом секторе Галактики всегда было не очень. А фитантропы напирали и напирали, мотивируя свое нежелание входить в ООРАН динамическим образом жизни, дескать, сегодня тут, а завтра — за

«Сциллы-Кси», но насильно мил не будешь: взял с фитантропов клятвенное («пока текут целебные соки по капиллярам, пока корневая система не повреждена жучистым древоточцем...») обещание не трогать корабли и поселения федералов, да и отпустил древокорабль на все шесть сторон пространства. Это уже потом стало известно, что прародина древокораблей входит в пресловутый список Харвуда, то есть в сферу интересов антагониста Солнечной Федерации — агрессивной империи Кахоу. Знай об этом тогда Васильев-младший, фитантропы не отделались бы одним легким испугом, но, как говорится, после драки...

Пахнул ледяной ветер.

Хольг за пазухой свернулся калачиком — этакий живой комочек, а Валерий инстинктивно повернулся спиной к порывам стужи. Тут же по дохе забарабанили снежинки, каждая весом в добрый фунт. Полюс Возмущения более не удовлетворился одними порывами ветра.

«И где тебя только черти носят, дорогой товарищ Эрнст? А впрочем, понятно где. Пресловутые Скитальцы покоя не дают. Но если погода не утихомирится, а это вряд ли, то вскоре и мой вездеход, и меня самого накроют многометровые зеркальные сугробы и станет Валерий Станаев, надежда камелотской ксенолингвистики, вечным нерукотворным памятником своей непроходимой гордыни, коя заставила его переться за столько километров, не поинтересовавшись прогнозом погоды и данными орбитального метеоспутника...»

В этом месте ход рассуждений надежды камелотской лингвистики заstopорился, поскольку ей, надежде, показалось, что за спиной прошумел основной винт грузового вертолета.

Валерий с трудом, из-за непрекращающихся дуновений боры, развернулся и, опустив с капюшона солнцезащитные светофильтры на лицо, задрал голову в зенит.

Конечно, никакого вертолета не было и в помине. Да и что ему тут делать — открытый выход дельта-руды отстоит от местонахождения колонии хольгов по крайней мере на три с половиной тысячи миль. Трудно понять, как его пилот по пути к космодрому Скай Виндов мог дать подобный крюк?!

Да, забавные штуки иногда преподносит немая гроза. Зеркальный снег, слуховые галлюцинации. А ведь Валерий мог побиться об заклад, что только у грузовых вертолетов типа «эс-такада-шершень» несущий винт при перегрузе издает протяжный вой, как какая-нибудь допотопная сирена,

вроде той, которую он слышал единственный раз в жизни в раннем детстве, когда силовой пузырь энергично застраивающегося тогда города Арминии на равнине Погасших Кострищ пробил нелимитированный поток исходящей из-под земли некробиоинформации... Из-за присущего им недостатка мощные «шершни» используются исключительно в нежилых районах осваиваемых миров, на Земле их полеты вообще запрещены.

Ксенолингвист прищурил глаза — в залившем полнеба ослепительном зареве, непременном спутнике начинающегося радужного смерча, плыли какие-то корявые запятые, мохнатые колеса и многолучевые звезды, но ничего похожего на вертолет.

«Эх, тянет Эрнст, — пришла далеко не спасительная мысль, — опаздывает... Должно быть, встречать сочельник в одиночку ему не в масть, значит, к девочкам-археологиням стопы направил, благо они вроде нащупали какой-то артефакт, а мне здесь по его милости гибель близкую принимать! Хотя, собственно говоря, почему по его милости? Эрнст — человек взрослый, самостоятельный, вправе принимать собственные решения. Ну отключил мобильник, ну не ответил на мой звонок, так что? Да, до чего же мы, люди-человеки, склонны обвинять в своих неудачах других людей, только не себя! Да не попрись я в стойбище, не было бы никаких стенаний — сидел бы сейчас у себя на базе за праздничным столом, лопал сациви под ркацители, заблаговременно припасенное Гогией, и в компании своих друзей паялился в радужную сферу видеомата, аплодируя скабрёзным шуткам «Клуба записных остряков поручика Ржевского». Нет, дернул же меня лукавый снять третьего дня показания с Вертячки и Глохи Шустрого — наиболее подходящих с точки зрения ксенолингвистики хольгов среднего возраста. Двое суток непрерывного анализа выявили высокую перспективность дальнейшего с ними общения с применением ментографа. А что мы имеем на данный момент? А имеем мы на данный момент опустевшее стойбище, престарелого хольга за пазухой и великолепные шансы превратиться в ледышку у основания Замерзшего Гейзера. Да стоит только поглядеть на это чудо Джиневры во всем его великолепии, взметнувшееся на четыре сотни метров, распутившее гриву застывших на лету капель, сверкающее миллионами прозрачных граней, — и сразу становится ясно, нечего здесь нормальному человеку делать.

612 Да еще накануне сочельника. Да к тому же в преддв-

рии радужного смерча, после которого не только меня, даже воспоминаний о бывшем стойбище не останется. Не зря же Искатели между собой называют радужный смерч «шилобре-ем». Ну разве не могли подождать откровения от Вертячки и Глохи до Нового года? Хотя с другой стороны посмотреть, где теперь искать мигрирующих хольгов, тем более что щелевые грызуноиды имеют пагубную привычку мигрировать не поверх наста, как все нормальные приполярные существа, а роют туннели под снегом. Так что путей их отхода ни с вертолета, ни тем паче с глайдера не засечь...»

Валерий поежился — ледяное дыхание приближающейся стихии пробивало даже патентованный терможилет. Верно говорили знатоки полярной жизни, на собственной шкуре испытывавшие объятия лютого генерала Мороза, что к холоду привыкнуть нельзя. Они-то знали, что Белое Безмолвие не прощает опрометчивых поступков. Только теперь до ксенолингвиста дошло, что дело швах, который, как говорится, подкрался незаметно. В пору завешание негнушимися пальцами корябать:

**В СМЕРТИ МОЕЙ ПРОШУ НИКОГО НЕ ВИНИТЬ.
ПРОСТИТЕ ВСЕ, КОГО ОБИДЕЛ. НЕ ПОМИНАЙТЕ
ЛИХОМ...**

Впрочем, как всякому здравомыслящему хомо сапиенсу, Валерию помирать вот так по-идиотски, посреди снежной равнины, чертовски не хотелось — ведь он так и не успел сделать окончательную версию Предназначения Скитальцев, которая должна была обессмертить, хотя бы в ограниченном кругу ксенолингвистов, его имя. Да, ему была нужна эта поездка в стойбище, как хольгу поисковый файндер. Честно говоря, на сей, скажем прямо, сомнительный подвиг его подвигла еще и поразительная самоуверенность. Дурак, решил доказать некоей нахальной особе, что полсотни километров по морозу на открытом вездеходе — сущие пустяки и что некоторые, не указывая фамилий, «спортсмены» и шагу ступить не могут без глайда или вертолета, не говоря уже о теплом ватерклозете.

Вот и доказал.

На свою голову.

Связи с базой из-за смерча нет, да и не успеть сюда на глайде до прихода стихии. Так что бывайте, друзья-приятели, надеюсь, кто-нибудь из вас, Георгий Карагулия, Дэн Лоуп, Сеня Малоканов, братья Васютины или даже эта задавака Юлька по прозвищу Фитюлька, закончит за меня исследования и сможет с уверенностью сказать, какую цель ставили перед собой эти непостижимые Скитальцы...

Станаев посмотрел под ноги.

Так-так, аппаратуру придется закопать, не пропадать же ей вместе с хозяином.

Поглубже.

Потом настроить автопеленг, чтобы после смерча нашли — ментограф вещь ценная, с персональной подстройкой, другой такой в системе больше ни у кого. Вот и отыщут ее рядом с моим замерзшим, но не потерявшим присутствия духа трупом.

Эх, до чего по-глупому гибнут лучшие представители молодежи Солнечной Федерации, ради спортивного интереса совершающие променады по заснеженным просторам Джиневры. Когда мое красивое и затверделое тело извлекут из-под зеркального снега, ребята насморочно зашмыгают, а Фитюлька, будем надеяться, даже всплакнет... Эх, черт! Лопатой мерзлый грунт не взять, а сейсмогранаты остались в багажнике, а переться навстречу ледяному дыханию смерча...

— Станаев! — раздался за спиной гневный окрик, в котором без особого труда можно было расслышать негодование человека, волей обстоятельств вытянутого из-за праздничного стола.

— Ну я Станаев, — процедил сквозь зубы Валерий, еще не веря в избавление, медленно поворачиваясь лицом к спасителю. — И где это вас, уважаемый маэстро, носило?

— В разных местах, — уклончиво ответил Эрнст, сдвигая ушанку на макушку, — но преимущественно в районе Большого Раскопа.

— Стало быть, мой друг гостил у Бабы Вали?

— Да, Валентина Николаевна милостиво разрешила мне взглянуть на свою находку.

— Небось наши героические бабоньки откопали гнездо праджиннов, — хохотнул Станаев. — И целую гору окаменевших экскрементов, на которых джиннологи школы уважаемого профессора Иокомоды с блеском защитят не один десяток диссеров.

В глазах у Стернэ на какую-то долю секунды вспыхнули огоньки.

— Не совсем гнездо, — буркнул он под нос. — Но об этом давай лучше поговорим на Базе, щупальцы смерча на подходе к Гейзеру. Еще минута-другая, и нам не удрать от передовых даже на крейсерской скорости.

Тыфу ты Высотнику, из-за непрерывного сияния, переливавшегося всеми цветами спектра и озарявшего уже полнеба, Валерий не видел приплюснутой туши экоглайда — любимого транспортного средства свободного поисковика Эрнста Стернэ.

Ксенолингвист взвалил ментограф на плечо, зашел со стороны багажника и уже хотел надавить на клавишу «открыто», но Эрнст придержал его за рукав дохи:

— Не туда. Давай в кабину.

Краем глаза ксенолингвист заметил сквозь неплотно прилегающую крышку какой-то проблеск, словно внутри лежал невыключенный искательский фонарь. Из тех, что входят в снаряжение Искателей. С кадмиевой батареей бессрочного использования. Такие фонари — предмет зависти любых экстремальщиков. Кстати, Валерий бы и сам от такого не отказался.

— Где взял? — кивнул в сторону багажника Станаев.

— Хорошие люди подсобили, — усмехнулся Эрнст.

Валерий с усилием открыл примерзшую дверцу и свалил прибор на кресло. Потом забрался в кабину. И только когда экоглайд, взметнув облачко сверкающей пороши из-под широкого днища, резво пустился в обратный путь, ксенолингвист не выдержал.

— Слушай, Эрнст, ну ты меня заинтриговал, прямо как гид на Пещере Лейхтвейса. Я не дотерплю до Базы. Сознайся, что, кроме «светлячка», прячешь в багажнике? — спросил он, пытаясь сквозь белесую муть рассмотреть дорогу. — Рождественские подарки?

— Точно, — сказал Эрнст, не поворачивая головы, — рождественские. Только никакого «светлячка» у меня нет.

— Что же там светит? — спросил Валерий, которого снедало любопытство.

— Светит? — удивился Эрнст. Причем сделал это весьма натурально. — Когда загружал, то он не светился.

— Позволительно ли будет задать вопрос, что именно ты загружал? И что это за он?

— Артефакт Скитальцев.

Он выдержал паузу, чтобы до Станаева дошло, и добавил:

— Предположительно.

И сколько потом ксенолингвист, сидящий как на иголках, ни умолял остановиться, чтобы он мог хоть на один миг заглянуть в багажник, Эрнст только молча крутил головой и показывал оттопыренным большим пальцем за спину, где ревел радужный смерч, силясь догнать добычу, чудом ускользнувшую от уготованной ей участи.

Юлий Буркин

ДЕНЬ, КАК ДЕНЬ. ШИЗАФРЕНЬ

***Рассказ Сергея Чучалина на тему
«Как я провел каникулы»***

1

Короче, у меня есть младшая сестренка, сейчас ей шестнадцать, то есть меня она младше на девять лет. А когда ей исполнилось только двенадцать, она ни с того ни с сего заявила предкам, что хочет жить самостоятельно. Родители были категорически против, но надо знать Лёльку: она подала на официальный развод.

Потому она такая и упрямая, что вся в отца: он еще более основательно уперся рогами в землю и отказал ей в содержании. Так что развод бы ей не зарегистрировали, если бы не я. Она уговорила меня оформить опекунство. Плакала, я не выдержал и согласился. А отец после этого со мной почти год не разговаривал.

Почему она ушла из дома, кто ее обидел? Да никто. Если бы предки не воспротивились и не лишили ее содержания, все было бы нормально: пожила бы месяц-другой в одиночестве и вернулась бы от скуки домой. А так — обратной дороги ей уже не было. Развод есть развод... Да еще со скандалом.

Догадываюсь, что некая опосредованная причина все-таки была. Само собой — несчастная любовь. Что-то кому-то она хотела доказать. Ну а потом это уже стало делом принципа. Я ее в этом демарше не одобрял, но еще меньше я хотел, чтобы ее «обломали», сделали «шелковой», чтобы раз и навсегда отбили охоту быть независимой, потому и помог.

Сперва свои опекунские функции я выполнял достаточно исправно: не только оформил автоматический перевод на ее счет положенных по закону тридцати трех процентов от своих доходов (после вычета коммунальных платежей и расходов на недвижимость), но и заходил два-три раза в неделю в гости. Но потом на меня свалилась слава.

Чуть раньше я помирился с отцом, а вот помирить их с Лёлькой уже не успел: началась такая катавасия, что стало просто не до чего. Но вроде бы все стабилизировалось, и я за сестру особенно уже не переживал. Девка с норовом, но самостоятельная, сама разберется. Чего хотела — свободы, — она добилась. И на меня ей грех жаловаться: она сделала удачный выбор опекуна и обеспечена на всю жизнь...

И вот наконец, впервые за столько времени, у меня выдалось свободное время. Наше обожаемое руководство, услышав наконец наши мольбы и стоны, объявило каникулы. День на третий, отдышавшись, я звякнул Лёльке, но наткнулся на ее навороченный ДУРдом*, который сообщил мне, что хозяйка уехала на отдых и никаких мобильных средств связи с собой принципиально не взяла.

Это было так похоже на мою сестричку, что я ни капельки не удивился и не забеспокоился. Почему я понял, что Дом навороченный, так это по тому, как он со мной разговаривал:

— Я являюсь одновременно и полномочным поверенным в делах Елены Васильевны, и, если вы пожелаете, дам вам любую не закрытую ею самой о ней информацию. Вплоть до настроений и мечтаний. Тем более что вы, Сергей Васильевич, значитесь в ее личном реестре под номером один, и от вас закрытой информации почти нет.

Было лестно узнать, что мой статус в ее табели о рангах так высок, но вести задушевные беседы с сестренкой через полномочный поверенный ДУРдом мне показалось все-таки нелепым. И я оставил ей сообщение. Сказал в экран:

— Лёлька, я дома, у меня каникулы. Как вернешься, выйди на меня. Я тебя люблю. — Помахал рукой и сделал воздушный поцелуй.

Потом у меня случился небольшой скоропостижный роман, и я слегка потерял счет времени. Потом нас отозвали с каникул на одиночный, но безумно дорогой концерт в Мель-

* Дистанционно Управляемый Разумный Дом. — *Примеч. автора.*

бурне, и все мы только чудом не погибли там в гостиничном пожаре, а Петруччио приобрел себе не совсем обычную подругу жизни по имени Ева. Потом, наконец, я вернулся домой, и мой Дом передал мне кое-какие сообщения. В том числе и от Лёльки.

Она сидела на диване, забравшись на него с ногами. Она была красивее всех девушек в мире, а уж я-то их повидал неслыханное множество. И совсем уже взрослая. Наши семейно-фирменные здоровенные губы, которые делают меня слегка придурковатым на вид, ей придают трогательность и невероятную сексуальность. (Фрейд, отстань!)

Когда она успела стать взрослой? Как-то это проскочило мимо меня, хотя время от времени мы с ней все-таки связывались. Поздравляли, например, друг друга с праздниками и различными победами: она меня — с успешными концертами, я ее — со сдачами тех или иных экзаменов (еще до окончания школы она поступила одновременно в два вуза — философский и художественный).

— Привет, Сережа, — сказала она. — Очень жалко, что мы не увиделись. А теперь уже не увидимся никогда. Но ты не пугайся. Все хорошо. Я жива, здорова и счастлива. Просто я уезжаю. Навсегда. Но куда — сказать не могу. Это тайна. Так что прощай. Я тобой горжусь. Ты самый лучший брат в мире.

И стереозэкран погас. А я сидел перед ним с отвисшей челюстью, и ощущение у меня было такое, словно у меня стащили сердце.

2

Во-первых, я сразу подумал о том, что все она врет: никуда она не уезжает, а собирается покончить с собой. Потому что куда бы человек ни уезжал, он не станет говорить: «Не увидимся никогда». Почему? Да потому что нет на этом свете таких далеких мест, чтобы не было возможности увидеться. Такие места есть только на том свете.

Во-вторых, я подумал, что во всем виноват однозначно я. Девочка проблемная, это с самого начала было ясно. А в шестнадцать и у обычных-то людей шарики за ролики заезжают. Если она кому-то и доверяла, то только мне. Был бы я рядом, я бы уж точно знал, что с ней творится. А я ее

бросил, конкретно откупился... Впрочем, возможно, она доверяла мне как раз потому, что я не лез в ее дела.

В-третьих... И только в-третьих я подумал: «Может быть, еще не поздно?!» И тут же пришел в неописуемое волнение. Я попытался связаться с ней или хотя бы с ее Домом, но выяснил только, что абонент снят с регистрации. Я позвонил родителям, наткнулся на отца и с ходу выпалил:

— Лёлька не у вас?!

Он вздрогнул и посмотрел на меня так, словно я дал ему пощечину. Разговоры о ней между нами табуированы. Я не стал объяснять, что сейчас случай особый, и сразу же отключился. Не хватало еще, чтобы ее полезли предки искать. Или, еще хуже, чтобы отец сказал: «Я так и знал, что этим кончится. Все к тому и шло...»

Впрочем, я явно не с того начал. Я вернулся к Лёлькиному сообщению и выяснил, что запись сделана... Сегодня утром! Значит, вполне вероятно, что она еще жива. И, кстати, зачем ей понадобилось снимать себя с регистрации? Скрупулезная подготовка к суициду с приведением в порядок дел и раздачей долгов несвойственна подросткам.

— Есть еще одно сообщение, — вдруг сказал мой весьма дисциплинированный Дом, который без крайней необходимости никогда не заговорит первым. — Оно касается вашей сестры.

— Давай! — рявкнул я.

На стереозкране возник парень лет восемнадцати, и я не сразу его узнал... Какукавка! Сто лет его не видел и не видел бы еще сто!

— Чуч, — сказал этот шпендель очкастый, — ваша Лёлька в эльфийки подалась. — И все. Отключился.

— В какие эльфийки?! — заорал я, чувствуя, что меня отпускает. Раз «подалась», значит, умирать не собирается. — В какие эльфийки?! — Впрочем, это я сам с собой разговариваю. — Дом! — рявкнул я, — обратный адрес читается?!

— Вполне, — сообщил Дом. — Соединить?

— Давай! — запрыгал я от нетерпения на месте.

Вызов застал Какукавку на улице, видно, в каком-то плохо освещенном месте, поэтому он поднес браслет коммуникатора к самому лицу, и на моем стерео возникла его огромная рожа в тусклом мертвенно-зеленоватом освещении.

— В какие эльфийки?! — с ходу набросился я на него. Крови в прошлом он нам выпил немало, так что

особенно церемониться я с ним не собирался. Да и ситуация не располагала.

— Тс-с, — прижал он к губам палец толщиной с мою руку, и я увидел, что он чего-то по-настоящему боится. — Я не могу говорить. Жду тебя в Джакарте. — И связь прервалась.

— Соедини снова! — потребовал я.

Дом помолчал, потом сообщил:

— Его коммуникатор отключен.

— Черт! — выругался я. — Черт и еще один черт! — Похоже, он ждал моего звонка именно для того, чтобы сообщить, куда ехать. — Что такое Джакарта? Это вроде город?

— Джакарта, — поправил Дом. — Город на острове Ява.

— Ё-моё! — запаниковал я. — И как туда добираться?! — Но мой умница-Дом (что бы я без него делал?!) продолжал, словно и не услышав мой вопрос:

— Еще сейчас так называют парк «Царские потехи». Молодежный сленг.

— Другое дело! — обрадовался я, натягивая кроссовки. — А почему?

— Потому что Джакарта — международный центр наркобизнеса.

Так. Что-то начинает проясняться.

— Слушай, может, ты и про «эльфиек» что-нибудь знаешь?

— Ничего такого, что подошло бы к случаю. Информации масса, но вся она в общекультурном слое, в русле германской, скандинавской, а позднее и англосаксонской мифологии.

Ну, это-то я и сам знаю.

— Ладно, и на том спасибо! — крикнул я Дому, выскакивая из него.

...Я мчался в экомобиле по вечернему городу в сторону названного парка, бормоча невесть откуда взявшиеся строчки:

День, как день...

Что за хрень?!

Без зазрень —

Шизафрень!

И сбивчиво думал о парадоксальности нашей жизни. Вот я — солист самой популярной группы, молодежный, блин, кумир — уже отстал от жизни и не знаю, что такое Джакарта... Меня вообще считают глуповатым. И на самом деле это правильно. Я и правда никогда не пытался быть умным, и в

голове у меня полная каша. Я предпочитаю быть учеником, а не учителем, так интереснее...

Но ведь вот почему-то стал я этим самым молодежным, блин, кумиром? Что-то я правильно чувствую, а потому правильно выражаю, что ли. Я никогда не был сторонником мажора или минора, я всегда уважал хроматизм. Это когда ноты не делятся на семь основных и пять вспомогательных, а все двенадцать равноправны...

Сейчас такое время, конец двадцать первого: есть все, и все перемешалось. И никто уже не скажет, где кончается добро, а где начинается зло, где кончается естественное, а где начинается искусственное или даже противоестественное... Лёлька моя Лёлька, во что ж это ты вляпалась, что с собой натворила? Чует моя селезенка, что-то скверное...

Так и прыгали мои мысли без цели и результата, пока их не перебила жена нашего ритм-басиста Кристина, выйдя на меня:

— Сержик, ты не в курсе, где мой?

Хороша. Тут уж не поспоришь... Но немножечко стерва. Эх, была бы она кого-нибудь другого женой... Тоже хочу жену-красавицу. И, казалось бы, от желающих отбоя нет, да очень трудно остановиться на ком-то.

— А в студии его нету? — спросил я вместо ответа. Ну не знаю я где ЕЕ.

— В том-то и дело, что нет.

— И не отзывается? Странно...

— Ну ладно, — сказала она и отключилась.

Действительно, чего со мной разговаривать, если я ничего не знаю... Богатым и знаменитым в вопросе создания семьи, как ни странно, намного сложнее, чем простому человеку. С сексом проще, а вот с серьезными отношениями — сложнее. Как выяснить точно, как быть уверенным, тебя любят, или твой имидж, или твои деньги? У простых людей таких проблем нет. Хорошо нашему мелодисту Пиоттуху-Пилецкому, он женился лет за десять до того, как прославился, а мне каково?

Экомобиль как раз в этот момент приземлился у главного входа в «Царские потехи». А вот и Какукавка собственной персоной. Так и кинулся мне навстречу из темного закутка между мини-маркетами. До чего же все-таки неказистый персонаж.

Однако грех мне его гнушаться, он ведь явно хочет Лёльке добра и помогает мне. Если бы не он, я бы, наверное,

все еще топтался на месте, уверенный, что в это самое время она где-то умирает.

— Здорово, Чуч! — выпалил Какукавка, — наконец-то!

— Что происходит?! Где Лёлька?! Что значит «ушла в эльфийки»? Это что, наркотик какой-то?

— Тихо, тихо!.. — остановил меня он, испуганно огляделся и, ухватив за рукав, поволок меня туда, где до этого прятался сам. — Я тоже мало что знаю, — затараторил он, когда мы оказались, по его мнению, в относительной безопасности. — Тут один тип тусуется, все его зовут Гэндальф. У него синтетика самая дешевая...

— Наркотики?

— Ну да. И еще он сказочки рассказывает. Про какую-то игру в навороченный мир, с эльфами разными, гномами, и что это в сто раз круче всякой синтетики. Меня он как-то не убедил, а вот кто увлекся, тех я больше не встречал. Только раньше я не задумывался об этом. А недавно, я видел, Лёлька с ним долго разговаривала, а сегодня я от нее получил прощальное письмо.

— С чего это она тебе письма пишет? Кто ты ей? Любовник, что ли?

Боже упаси... Ну и вкусик тогда у моей сестрицы... Какукавка замялся:

— Нет... Я-то — да, а вот она — нет...

Спасибо хоть на том... Не очень все это мне понятно. Что за такой «навороченный мир»? Как в него попасть? Но ясно, что Какукавку об этом расспрашивать бесполезно, он знает не намного больше меня. Потому я сказал:

— Все ясно, — хотя мне и не было ничего ясно. — Веди меня к своему Гэндальфу. Где он обитает?

3

Снаружи на дверях игрового павильона висела табличка: «Закрыто на ремонт». Однако здоровенный, типа спортивного, зал был битком набит подростками. Одни стояли, другие сидели — кто на специальных походных ковриках, кто на наваленных тут досках и стройматериалах, а кто и прямо на полу. Чуть ли не поголовно все они смолили траву, благо, она с недавних пор легализована, и дым тут стоял такой плотности, что того и гляди торкнет, даже если сам и не куришь.

Что сразу бросалось в глаза, так это дикая неряшливость большинства или даже бедность: грязная одежда, рваная обувь, нестриженные засаленные волосы... Какукавка среди них выглядел просто Белоснежкой. Точнее, таким юным клерком. И все они непрерывно разговаривали. Все одновременно. Разговаривали и хихикали. И я мог побиться об заклад, что в общем гуле друг друга они не слышали абсолютно.

— Где твой Гэндальф? — проорал я в ухо Какукавке.

— Его пока нет! — прокричал он в ответ.

Неужели вот эта неопряная, дурно пахнущая толпа — излюбленная компания моей утонченной, интеллектуальной Лёльки? Кое-кто из них, мельком глянув на меня, начинал излучать в мой адрес немотивированную (правда, взаимную) неприязнь, но вербально это чувство никто не формулировал.

— Что они тут делают?! — вновь прокричал я.

— Ждут Гэндальфа!

— Зачем?!

— Одни — купить синтетику, другие хотят в его волшебный мир. Он будет выбирать, кого туда взять. Но большинство просто тусуются.

Ах вот как. Выходит, в волшебный мир хотят многие. Но попасть туда может отнюдь не каждый. А моя умница-сестричка успешно сдала и этот экзамен.

— Эй, дедуля, а я тебя знаю! — прокричал мне в лицо вынырнувший из толпы пацан, глядя на меня осоловелыми глазами. Это кто «дедуля», я, что ли?! Выходит, что я... — Не знаю откуда, но где-то я тебя видел! — продолжал он.

— Я играю в «Russian Star's Soul»! — сообщил я ему.

— А! Точно! — обрадовался он. — «RSS»! Отстой! Попса! — Радостное выражение его лица по ходу высказывания сменилось на неодобрительное. — Ну ты даешь, дедуля... Вообще... — И с этими словами он так же внезапно, как и появился, исчез.

— Придурок! — сообщил мне свое мнение Какукавка. После того, как три года назад он спер у нас со студии незаконченный альбом, передал на радио, и тот принес нам известность, он считает себя нашим крестным отцом.

Внезапно гомон стих, и тишину нарушали теперь только шепотки. Шепнул мне и Какукавка.

— Вон — Гэндальф, — указал он мне в направлении ко входу в зал. — Лысый.

Действительно, вошедший в зал в сопровождении двух дюжих телохранителей молодой низенький мужчина был лыс, как яйцо. Одет он был то ли в кимоно, то ли в светлую пижаму. Быстрыми шагами он прошел в центр зала. Подростки расступились, освобождая пятачок, а кто-то поспешно поставил по середине этого пятачка стул... Все это напоминало давно сложившийся ритуал, а возможно, так оно и было.

Гэндальф уселся, порывисто откинувшись на спинку, вытянул ноги в светло-голубеньких хлопчатобумажных штанишках, широко улыбнулся и огляделся вокруг счастливыми сумасшедшими глазами. Один из его секьюрити положил перед ним на пол и раскрыл кейс, затем оба детины с непроницаемыми рожами встали по бокам. Не переставая улыбаться, Гэндальф внимательно вглядывался в окончательно притихших тинейджеров. Внезапно он дурашливо помахал им расслабленной ладошкой и выдал:

— Приветик.

Зал взорвался радостными воплями, но Гэндальф остановил крики жестом.

— Чего орать-то, милые? — спросил он риторически. — Давайте-ка лучше поболтаем. О том о сем. Вы не бойтесь, вы ведь знаете, я не страшный. Подходите, жалуйтесь, говорите, кому что нужно. Старик Гэндальф вас не обидит. Или у кого-то есть вопросы?

Вопросы были у меня, и я дернулся было вперед, но Какукавка опередил меня, ухватив за рукав и шепча:

— Тебе нельзя, он тебя узнает!

Резонно, вообще-то.

— Тогда иди ты, — шепнул я.

— Мне тоже нельзя, я ему деньги должен.

Вот, блин...

— И что ты предлагаешь?

— Подождем, пока он кого-то возьмет, а потом выследим.

Ладно. Какой не есть, а все-таки план. Хоть он мне и не нравится.

— Ну что, ребяташки, нет вопросов? — пожал плечами Гэндальф. — И никому ничего не нужно? — Внезапно улыбка на его лице сменилась сердитой гримасой, и ловким движением ноги он захлопнул кейс. Зал охнул. Тут же на пятачок поспешно выбралась бледная девочка лет пятнадцати и почти выкрикнула:

— Стандарт «блаженки»!

— Ну хоть одна смелая нашлась, — мрачно прищурился Гэндальф. — Подойди-ка...

Девочка нерешительно приблизилась.

— Что-то я тебя тут раньше не видел. Говоришь, тебе нужен синтетический квази-опиат?.. Да, да, милая, так это называется по-научному. А это низкое словечко — «блаженка» — забудь. Мы же с тобой взрослые люди... Целый стандарт? Это ведь десять доз. Деньги немалые...

— У меня есть. — Девочка полезла в карман.

— Стоп! — тормознул ее Гэндальф. — Ну что за манеры? Воспитываешь вас, воспитываешь, а вы все деньги да деньги... А ведь не все можно купить за деньги. Есть, например, дружба, есть любовь. Мне, представь, твои деньги вовсе не нужны. У меня их, милая моя, и без тебя много.

Он замолчал, испытующе глядя на девочку. Не выдержав, она, заикаясь, начала:

— Я... У меня... Больше ничего...

— А по-моему, есть! — торжествующе воскликнул он. В толпе заржали, и она, чуть не плача, закусил губу. — Но успокойся, — чуть заметно усмехнулся Гэндальф. — Я ведь волшебник добрый. Дай ей стандарт, — кивнул он одному из телохранителей.

Тот вновь открыл кейс, достал и протянул девочке коробку. Та схватила ее и опять полезла в карман, но Гэндальф вновь остановил ее:

— Я же сказал, милая, деньги мне твои не нужны... Оставь себе. На шоколадки. Но учти: в другой раз даром не получишь ничего. И за деньги тоже. Иди, радуйся жизни, прославляй мою доброту и решай, как будешь расплачиваться в следующий раз.

Девочка кивнула и попятилась.

— Эй! — поднял он брови. — А что надо сказать дяде?

— Спасибо, — пробормотала девчонка и юркнула в толпу.

— Пожалуйста! — обнажая лошадиные зубы, расцвел прежней широкой улыбкой Гэндальф. И тут же, один за другим, к нему потянулись покупатели и просители.

С кем-то он совершал простую сделку, с кем-то, с явным глумливым удовольствием, играл, как кот с мышкой, кому-то и отказывал. Коробочки и пакетики переходили из кейса в карманы подростков, а их место занимали денежные купюры. Но вот поток желающих иссяк, телохранитель закрыл кейс, поднял его с пола, и Гэндальф вскочил так стремительно, что упал стул.

— Ну вот и все! — бодро воскликнул он. — Но мы-то с вами, дружочки мои, знаем, что все это — детские игрушки. Лично я не одобряю ваш выбор... Вредно для здоровья и очень коротко в действии. Те, кто хочет кой-чего покруче, те, кто хочет попасть в настоящую сказку, в Игру с большой буквы, — за мной! Побеседуем отдельно. И кто знает, быть может, повезет именно вам!

Он проворно направился к выходу, а за ним, отделившись от толпы, поспешила кучка ребят человек в двадцать. Я рванулся к ним.

— Нельзя! — как и в прошлый раз вцепился в меня Каку-кавка. Но я дернул руку:

— Да пошел ты к черту! Мне Лёльку надо вытаскивать! Где я потом его достану?!

— Это опасно! — продолжал тот держать меня.

— Да отцепись ты! Что он мне сделает?!

Он еще что-то говорил, но я, не слушая его, все-таки вырвался и нагнал группу стремящихся в сказку. Поравнявшись с ними, я с удивлением обнаружил, что все они, и юноши и девушки, обриты наголо — или сверкают такими же лысыми черепами, как и Гэндальф, или прикрыли лысины головными уборами. В этот миг один из телохранителей заметил меня и негромко окликнул:

— Шеф!

Гэндальф приостановился, глянул на него, на меня, лучезарно, как старому другу, улыбнулся мне и коротко кивнул охраннику. Дитина шагнул в мою сторону, и я уже приготовился что-то сказать, как в его руках мелькнул электрошоковый жезл и уткнулся мне в лоб. Сверкнул разряд, и я, ощутив во рту резкий железный привкус, провалился в небытие.

4

Мне брызнули в лицо водой. Сознание медленно возвращалось. Кто-то настойчиво тряс меня за плечи. Тряска отдавалась в висках тупой болью и давешними дурацкими строками:

День, как день...

Что за хрень?!

Без зазрень —

Шизафрень!

— Ну давай же, Чуч, очнись! — услышал я голос Какуавки и хотел сказать, чтобы он оставил меня в покое, но получилось только застонать.

— Слава Богу! — воскликнул он и принялся трясти меня еще интенсивнее. — Я же предупреждал: не лезь, опасно!

— Хватит, — прохрипел я, открывая глаза. Не скажу точно, что я хотел этим сказать: «хватит меня трясти» или «хватит говорить глупости».

Первое, что я разглядел в полутьме, было его склоненное надо мной перепуганное лицо. Я лежал спиной на газоне в двух шагах от дорожки, ведущей ко входу в павильон. Ближайший фонарь не горел, потому и было так темно. Покряхтывая, я перевернулся на живот, потом встал на карачки и наконец сел.

— Я знаю, где она, — обрадованно затараторил Какуавка мне в ухо, — мне ребята рассказали, которые помогали тебя тащить. Это за городом, километрах в двадцати! Там раньше был детский лагерь отдыха, «Зеленая республика» назывался. Я там даже был один раз, я знаю, куда ехать!..

— Знаешь, так поехали, — сказал я, вставая на ноги и чувствуя, что пришел в себя окончательно, если не считать легкого головокружения. — Долго я тут валялся?

— Да нет, минут десять, не больше! Только я растерялся, не знал, что делать! Поехали быстрее!

...Экомобиль мы отпустили, лишь когда окончательно удостоверились, что прибыли туда, куда надо: в свете установленных поверху забора фонарей над воротами были явственно видны следы от сорванных букв; надпись «Зеленая республика» прочитывалась без труда. Ворота были заперты.

— Полезли? — спросил Какуавка.

— Нет, постучимся, — съязвил я и глянул на часы. Ровно полночь. Самое время попасть в сказку. Через забор. Не в самую, по-видимому, красивую сказку. И мы полезли. Ворота в этом смысле оказались несколько удобнее, чем забор, здесь было больше деталей, за которые можно было уцепиться руками или поставить ногу. Однако яркий свет фонарей заставлял чувствовать себя чуть ли не голым.

Как говорит Пилецкий, когда с ним случается что-то досадное: «Нет, не люблю я такую романтику...» И сколько бы ему ни твердили, что «романтика» и «неприятности» — вовсе не слова-синонимы и что никому не по душе пожары, землетрясения, болезни, поломки, потери близких и

имущества, он упрямо твердит: «Есть, есть люди, которым такая романтика нравится. Но я — не такой человек. Мне такая романтика не нравится...»

Я был готов к тому, что и ворота, и забор оснащены поверху тремя традиционными рядами колючей проволоки, чтобы никто не мог сбежать... Но ее не было. И действительно, это я веду себя так, как будто бы спасаю Лёльку из тюрьмы или из вражеского плена. А на самом-то деле я лезу туда, куда она отправилась сама, по собственному желанию, находясь в здравом уме и, по всей видимости, заплатив немалые деньги...

«Если хозяева этого места и опасаются чего-то, — подумал я, одновременно с Какукавкой добравшись до самого верха, — то уж скорее вторжения извне...» И стоило мне подумать об этом, как где-то поодаль взывала тревожная сирена. Значит, я задел-таки какой-то датчик — какой-то жучок или проволочку-паутинку. Или нас засекли телекамеры, тепловые, инфракрасные, ультрафиолетовые или электромагнитные реле...

— Ты пока дальше не лезь! — бросил я Какукавке. — Спрячься и не дыши, мало ли что... — А сам поспешно перебрался на ту сторону и пополз вниз по воротам, цепляясь за выступы и перекладки... Сирена вдалеке все завывала и завывала. Внезапно совсем близко послышались чьи-то возбужденные голоса. Еще миг, и меня возьмут тепленьким. Возможно, меня уже увидели. А если нет, то единственный шанс остаться незамеченным — прыгать.

«Блин! Я ведь в конце концов музыкант, а не разведчик какой-нибудь, — подумал я. — Я и спортом-то никаким ни разу в жизни серьезно не занимался, не то что с парашюта прыгать!...» — И, оттолкнувшись от ворот, я рухнул вниз.

Похоже, я даже ничего себе не сломал, максимум, растянул связки. Больно левую ногу... Но поднялся я быстро и, прихрамывая, поковылял к кустам. И тут совсем близко услышал возбужденный юношеский голос:

— Ты видел, Эорлонд?! Огнедышащий дракон преодолел Священную стену!

— Да, я видел! — вторил ему другой юноша. — Он приземлился там, возле кустов волшебной розы, и сразу же вполз в них!

— О да! И, боюсь, нам не поймать его там, ты ведь знаешь, Эорлонд, эльф, уколотивший шипом волшеб-

ной розы, засыпает, и ничто никогда не пробудит его, а тебя, человека, яд этих игл и вовсе убьет насмерть!

Я уже раз пятнадцать укололся иглами этого проклятого шиповника, в глубь которого лез, но почему-то не уснул и не умер. Что я не эльф, я знал и раньше, но, если верить этим уродам, выходило, что я и не человек. Объяснение прозвучало тут же:

— Дракон с Чужих равнин покрыт алмазной чешуей, и шипы ему нипочем.

В полутьме я увидел две светлые фигуры, приблизившиеся к кустам, и замер. Сирена, кстати, смолкла.

— Талиаф, ты видишь его?

— Нет...

Зато я видел их довольно отчетливо, так как стояли они сейчас на освещенном месте. Парни были одеты в одинаковые светлые пижамки, а на их бритых лбах я разглядел круглые, как монеты, темные пятна. В руках они держали мечи. Вроде бы деревянные.

— Он затаился. В кустарнике он в безопасности, он ведь в курсе, что мы не можем войти туда. Но и выйти он не торопится, так как знает силу наших магических мечей.

— Мой Галандрил предназначен как раз для отрубания голов драконам! — крикнул один из юношей в мою сторону. — Это говорю тебе я — Талиаф Анайский, сын Лаорна, будущий король Незримых эльфийских скал! Ты слышишь, проклятый змей?!

Я прямо-таки не нашелся, что ответить. Собственно, ответа никто и не ждал. Потому что второй парнишка без паузы тоже обратился ко мне:

— А я, Эорлонд, хоть, как и всякий человек, не могу похвастать столь высоким и древним родом, но возвещаю: мои предки трижды обагрjali кровью драконов меч Акмельдур, который ныне принадлежит мне!

Неприятность. Почему-то я уверен, что ежели славный Акмельдур обагрится и в четвертый раз, его хозяин даже не заметит, что моя кровь на нем — человеческая, а вовсе не змеиная. Хотя нет, как он обагрится, если он деревянный. Но быть битым палками каких-то сумасшедших мне тоже не улыбалось.

— Выходи, презренный, — вновь крикнул тот из парней, что называл себя эльфийским принцем. — Великий Гэндальф предупреждал нас, что рано или поздно дракон

вторгнется в наши пределы. Если ты выйдешь сам, мы не причиним тебе вреда, твою судьбу решит мудрейший из волшебников.

— А если не выйду? — не выдержал я.

— А если не выйдешь...

— ...Тогда!.. — наперебой стали выкрикивать, придя в неопишное возбуждение, мои собеседники. — Тогда мы будем вынуждены...

— ...Мы будем держать осаду, и мы дождемся, когда голод выгонит тебя из кустов волшебной розы!..

— И уж тогда тебе не сдобровать!

Внезапно где-то неподалеку раздалось топание многих бегущих ног.

— Орки! — вскричал Эорлонд. — Несметное полчище! А нас лишь двое!

— Успокойся, — отозвался принц эльфов Талиаф Анайский, — ты забыл древнейшее заветное? Есть лишь одно на этом свете, что должно заставить и эльфов, и людей, и гномов, и даже орков забыть все распри и сплотиться: вторжение с Чужих равнин.

— Ты прав. Поругана граница общая — осквернена Священная стена, и я не подниму оружие первым, при всем моем к ним недоверии. Я постараюсь временно забыть вражду людей и орков вековую и действовать совместно с ними.

— Но бдительности не теряй, — успел предупредить Талиаф, когда на освещенный участок выбралось человек двадцать ребят все в тех же светлых пижамах.

— Где он?! — вскричал один из вновь пребывавших. — Где дракон-лазутчик?!

— Отсидивается кустах, — отозвался Эорлонд.

— А нежный эльф и мягкий человек боятся уколоться? — риторически произнес орк и хрипло рассмеялся. Остальные вторили ему. — Что ж, — продолжал он. — У орков шкура погуще. Убирайтесь-ка отсюда подальше, ведь когда мы изловим дракона, заветное будет снято, и я сам с превеликим удовольствием перегрызу ваши изнеженные глотки...

Вот же психи.

— Тогда и посмотрим! — дерзко отозвался эльф. Но я видел, что оба моих прежних ловца попятились.

— За мной! — крикнул орк, и вся группа ломанулась в кусты. Я ринулся прочь, но не продрался и пяти метров, как был сбит с ног и мои руки были связаны.

Со свистом и улюлюканьем гнали они меня по центральной аллее лагеря. Я пытался что-то говорить им, увещевать, мол, ребята, давайте потолкуем, но они только злобно смеялись мне в ответ, осыпали бранью и оплеухами.

Из неприглядных, давно не крашенных деревянных домиков нам навстречу высыпали все новые пятнисто-лысенские в пижамках. Они кричали мне вслед оскорбления, плевали мне в лицо... Какие, однако, жестокие тут игры... Какая-то девчушка со всего размаха залепила мне в глаз комком земли. Было и больно, и обидно, но главное, я напрочь ослеп: земля попала в оба глаза.

Они гнали меня так минут десять. Затем мы поднимались по дощатой, судя по скрипу, лестнице. Потом они вновь сбили меня с ног и бросили на пол со словами:

— Великий Гэндальф, вот зверь, проникший к нам извне. Прикажешь нам его убить? Изжарить на костре и выдать на съедение моим воинам?

— Ступайте прочь. Вы выполнили долг, — услышал я знакомый голос. — Заклятие снято, и вам тут небезопасно.

Дверь хлопнула, снаружи раздались приглушенные крики и топот... А Гэндальф высокопарно произнес:

— Когда же наконец все эти твари с Чужих равнин оставят нас в покое?! Ужели непонятно, что гибель их ждет от наших сказочных народов?!

Несколько секунд длилась тишина, слышны были только какие-то чмокающие звуки. Потом Гэндальф совсем другим тоном обратился ко мне:

— Какой упрямый.

Я промолчал, а он скомандовал кому-то:

— Поднимите его, посадите на стул. Руки развяжите.

— У меня земля в глазах, — сказал я, — мне надо промыть их.

— Умойте бедненького, — скомандовал Гэндальф, и кто-то большой и сильный подволок меня к раковине, сунул носом в струю... Руки мои были уже развязаны, я протер глаза, поднял голову... Рядом со мной стояли те самые два здоровенных громилы, которых я видел с Гэндальфом в Джакарте. Они хотели тащить меня обратно, но я отдернулся:

— Все, хватит, я сам пойду.

Они не стали спорить. Сопровождаемый ими, я прошел небольшим коридорчиком и оказался в просторной комнате. Раньше это, наверное, был кабинет директора лагеря. В кресле, закинув ногу за ногу и радостно ухмыляясь, сидел лысый Гэндальф. А на лысине его и на лбу я отчетливо видел красные пятна, как от медицинских банок. Слева от него на тумбочке стоял навороченный нейрокомпьютер, помощнее, пожалуй, нашего студийного. Гэндальф указал мне на стул:

— Садись, мил человек. Поговорим. Есть тема. Я ж тебя узнал. Ты — музыкант. У нас тут сестренка твоя. Да?

— Да, я за ней и пришел.

— Кто же так приходит? Ночью, через забор... А ты у нее, кстати, спросил? Ее никто сюда силой не тащил, сама попросилась.

— Что тут у вас вообще происходит? Игра, что ли, какая-то, военизированная?

— Ага! — обрадовался Гэндальф и замотал башкой. — Ролевая компьютерная игра. Не слышал про такое?

— Что-то слышал... Но точно не помню...

— Да ты сам сейчас все узнаешь, — ухмыльнулся Гэндальф, — я ведь не знаю, что с тобой делать. Пришел бы днем, как человек, позвонил бы в дверь, так, мол, и так... А сейчас пока свяжусь с центром, пока там что решат, пока распорядятся.

— А где центр? — спросил я.

— Какой любопытный! — обрадованно хлопнул он себя по коленке. — А я, представь себе, и сам не знаю, где он — центр. Но где-то далеко, это точно... Знаешь, сколько сейчас по всему миру таких лагерей? Тысячи!.. Так что ты у нас пока побудешь... — Он повернулся к нейрокомпьютеру и повторил: — Побудешь... Хочешь быть, например, хоббитом? Гномом? Или нет, будешь ты у нас князем... Как тебя звать-то?

— Сергей, — откликнулся я.

— Ага. Ну, допустим, князем Сергором, городским эльфом, прославленным охотником на драконов... — Он что-то быстро набирал на пульте компьютера, продолжая: — Ты гнался за зверем по Чужим равнинам, но изловили его орки и доставили ко мне во дворец. Тут-то ты и подоспел, орков разогнал, пути разрубил, дракона освободил... А потом победил его в честной битве...

— Бред, — сказал я.

— Привыкай, Сергор! — отозвался Гэндальф. — Скоро этот бред станет твоей жизнью.

— У вас все, кто приходит извне, — драконы? — спросил я.

— Смышлен, смышлен! — засмеялся Гэндальф. — Конечно, все. Не дракон, так какая-то другая гадость. Василиск, Черный всадник, горный тролль... Но тебе несказанно повезло: в основном непрощенные гости становятся орками, а ты станешь целым эльфийским князем. Все-таки известный музыкант, уважаемый человек... — Он обернулся к своим помощникам: — Побрейте-ка его и нацепите ему липучки.

Один из детей проворно слазил в тумбочку под компом и достал оттуда красиво оформленную коробочку. Другой тем временем занялся моими волосами. Я не дергался, понимая, что дергаться бесполезно. Гэндальф достал еще одну коробочку сам, говоря:

— Липучки эти, между прочим, очень не дешевая штука: комплект — пятьсот баксов. А они одноразовые. Я из-за тебя комплект уже грохнул. Потому что, когда из Игры выходишь, они дышат. Я тут один могу по своей воле выходить из Игры, а остальные не могут. Дорого. В результате через месяц-полтора у них крышу напрочь срывает, они жить уже могут только в Игре.

— Они знают об этом, когда приходят? — спросил я. Пол подо мной был уже усыпан волосами.

— Конечно, знают! — воскликнул Гэндальф. — Их это не останавливает.

Извлеченную из коробочки липучку — темно-серый эластичный кругляшок — приложили мне ко лбу, он присосался к моей коже, и я почувствовал в этом месте одновременно и холодок, и жжение. Вторую прилепили мне на затылок, третью и четвертую — на виски, пятую — на голову сверху, а шестую — под подбородок. Гэндальф делал все то же самое с самим собой, говоря при этом:

— Сестру ты свою встретишь. Я заложил, что ты — брат эльфийки Леойлы, давным-давно покинувшей свою страну.

— Сегодня утром, — буркнул я. — Точнее — вчера уже...

— Это в реале вчера, а у нас — давным-давно. У нас тут все по-другому. Да ты сам увидишь... Я, например, когда выхожу из Игры, становлюсь для них невидимым. А потом — бац! — появляюсь. Гэндальф Великий и ужасный! — Он хихикнул и спросил у обрабатывающего меня помощника: — Готов?

— Готов, — кивнул тот.

— Сабельку ему дайте...

Мне сунули в руку деревяшку.

— Ну, — усмехнулся Гэндальф, — добро пожаловать в сказку! — и ткнул пальцем куда-то в клавиатуру.

...Дворец его был светел и роскошен. Три люстры из горного хрусталя были выполнены в форме природных сталактитов и светились изнутри волшебным светом, одна голубым, другая желтым, третья — розовым... Поверженного дракона уже убрали, но я не спешил уходить, зная, что хозяин обязательно появится. Прискорбно, что пришлось убить зверя прямо в чертогах великого мага, но у меня не было другого выхода. И теперь я должен был объясниться.

Благо, ждать не пришлось. Внезапное марево возникло в дальнем углу зала, а миг спустя передо мной предстал Гэндальф в своей вечной черной шляпе и с волшебным посохом в руках. Поглаживая шикарную седую бороду и усмехаясь в усы, он обратился ко мне с такими словами:

— Приветствую тебя, князь Сергор, охотник на драконов. Что привело тебя ко мне, и не меня ли ты поджидаешь, обнажив свой славный Далантир?

Действительно, я стоял с обнаженным мечом. Залившись краской стыда, я хотел было оправдаться, но Гэндальф остановил меня:

— Брось, брат Сергор, я знаю, что случилось. Это шутка. О том, что тут произошло сражение и сколь оно жестоким было, можно понять уж по твоим лохмотьям.

Я огляделся. Действительно, камзол мой выглядел плачевно.

— Прими же в благодарность от меня за то, что замок мой освободил от орков и уничтожил злейшего дракона, сей дар. — Гэндальф нагнулся и словно бы с пола, а на самом деле из ниоткуда, достал расшитый дивными узорами камзол, переливающийся перламутром. — И спрячь же наконец свой Далантир.

— Надолго ль к нам? — спросил он, когда я, поблагодарив его за щедрый подарок, переоделся. — В чем цель визита?

Я всмотрелся в свое отражение в большом, удивительно ясном серебряном зеркале. Камзол был сшит как будто на меня, сидел отлично, и мне даже подумалось, что в нем я выгляжу уж слишком блестяще для странствующего

щего эльфийского рыцаря. Но я не мог обидеть хозяина отказом от подарка.

— Без всякой цели я брожу по свету, — признался я. — Но все же есть она, хотя, похоже, и недостижима. Давным-давно мою красавицу сестру похитил злой дракон, и я поклялся весь род их извести. С тех пор я странствую, охочусь на драконов, надеюсь, правда, с каждым днем все меньше, наткнуться на следы своей сестры.

— Знакомы мы давно, так почему ж доселе ты не рассказывал историю свою?

— Известно магам все, особенно ж тебе, и если б что-то знал ты о сестре моей Леойле, я думаю, ты б мне сказал и сам.

— Леойла?! Ты сказал Леойла?! — Гэндальф вскинул густые брови, затем хитро прищурился. — Похоже, я становлюсь заложником своей безмерной славы. Нет, милый эльф, не ведаю всего я и не умею проникать в чужие мысли...

— Друг Гэндальф, не томи! — вскричал я, чувствуя, что он что-то знает.

— Как мать твою зовут? — спросил он вместо ответа.

— Ее зовут Эния.

— Да, так и есть! Леойла здесь! В моем селенье! Она в живых осталась чудом. Примерно так же, как сегодня, дракона выследили орки, убив, разграбили пещеру и, кроме множества сокровищ, там обнаружили девчушку. Эльфику...

— Где она?! Хочу я убедиться!

— Идем!

6

Сбежав по беломраморной лестнице, мы двинулись по эльфийскому поселению. Я не мог не признать, что поселение в лесу значительно красивее города. Среди высоких вековых дубов, трепещущих осин и нарядных секвой изящные коттеджики выглядели рождественскими украшениями.

Похоже, Гэндальф решил превратить наше воссоединение с сестрой во всеобщий праздник, так как, двигаясь вдоль ряда жилищ, он громовым голосом вскричал:

— Эльфы и люди! — Он обернулся ко мне и тихо добавил: — Людей у нас чуть меньше половины. Эльфы и люди!

— продолжил он. — Спешите на главную площадь!

636 Князь Сергор, что почтил нас своим визитом и унич-

тожил грозного дракона, нашел свою сестру! Сообщите же Леойле! Пусть мчится к брату! Все на площадь!

В поселении тут же началась суматоха, а Гэндальф, обернувшись ко мне, заявил:

— И так у нас — в любую ночь. Не одно, так другое. Повод повеселиться находится всякий раз...

Я спросил то, что меня действительно волновало в этот миг:

— А почему моя сестра не сообщила никому, что у нее есть брат? Ей стоило лишь имя произнести достойнейшего нашего отца, и всякий указал бы ей на город, где правит он, где рождена она.

— Она не помнит ничего. Дракон ей заморозил память. Лишь имя матери — Эния и свое, вот все, что ей известно было... Ты ж имя матери доселе при мне не произнес ни разу.

Мы вышли на ярко освещенную поляну, называемую тут Главной Площадью. Народу тут было несметное число. Я загляделся на прелестных эльфиек. Черты их женственных и нежных лиц подчеркивались изящными одеяниями и тончайшими украшениями из серебра и жемчуга.

Чистым блеском предзвездных звезд лучились их глаза, а волосы ниспадали искрящимися потоками. Легкими видениями словно бы струились они по поляне, с любопытством поглядывая на меня. И я подумал, что, возможно, закончились наконец мои скитания и мое одиночество...

Гэндальф выступил в центр поляны. Ростом он был ниже эльфов, но белая борода, серебристые волосы, широкие плечи и благородная осанка придавали ему истинно благородный вид; а его зоркие глаза под снежными бровями напоминали приугасшие до времени угольки... но они могли вспыхнуть в любое время ослепительным — если не испепеляющим — пламенем.

— Леойла, дочь Энии! Ты здесь? — вскричал он.

— О да, мой господин, — раздался голос нежный, словно пение флейты. И из толпы выступила хрупкая златовласая эльфийка. Одного взгляда на нее мне было достаточно, чтобы все сомнения растаяли как дым: конечно же, это она, моя возлюбленная сестра! Я даже вспомнил, каким смешным именем я звал ее в кругу семьи.

— Лёлька! — шагнул я к ней, раскрывая объятия. Она шагнула мне навстречу:

— Серг... — Она запнулась. — Сергор!

— Да здравствует великий Гэндальф! — выкрикнул кто-то из толпы, а остальные стройно прокричали троекратное «ура». Старый маг, хитро посмеиваясь в усы, успокоил своих почитателей взмахом руки.

— Я здесь ни при чем, — сказал он. — Герой Сергор взял правильный обет: драконов изводить, пока не встретит свою давно пропавшую сестру. Сидел бы он, судьбу кляня, в своем роскошном замке родовом иль наслаждался б жизнью без обетов, он никогда б не появился здесь. Отвага, верность слову и печаль, вот три коня, что гнали колесницу его к победе. Трогательный миг: сестра и брат. Взгляните: не прекрасны ль? Да здравствуют Леоила и Сергор!

— Ура! Ура! Ура! — вновь прокричали жители поселения.

— А коли вы со мной согласны, — заявил Гэндальф, — я предлагаю пир до петухов. И пусть эльфийки все усилия приложат к тому, чтобы Сергор сестру назад в свой город не увез, а сам остался б тут средь нас любимым новым братом!

И веселье стало набирать обороты! Мелодично запели эльфы-менестрели, аккомпанируя себе на лютнях. Вспыхнул костер, и огненные блики зазолотились на лицах. В мгновение ока на площади были сооружены огромные дощатые столы, а миг спустя они уже ломились от яств и сосудов.

Я рассказывал Леоиле историю нашего рода, и, шаг за шагом, она вспоминала нашу семью, нашу жизнь до ее похищения драконом, радуясь каждому новому воспоминанию, как ребенок.

Вино тут было поистине восхитительное. И каждый из присутствующих стремился во что бы то ни стало чокнуться со мной. Так что когда менестрели заиграли менуэт и какая-то очень милая эльфийка пригласила меня на танец, на ногах я стоял не очень уверенно.

Потом был фейерверк. Потом ко мне подседа черноволосая девушка-человек, и мы разговорились. Звали ее Ниина, и она безумно понравилась мне. Люди — грубоватые создания, но именно сочетание природной грубости с благоприобретенной изысканностью делает порой человеческих девушек такими притягательными для эльфов.

В то же время Ниина призналась мне, что никогда не обратила бы внимание на эльфа-менестреля или, например, на эльфа-ювелира. Но то, что я, по ее словам — «существо полупрозрачное», — дерусь с драконами и побеждаю их, будоражит ее воображение.

Браки между людьми и эльфами невозможны, мы не можем иметь общих детей. Любовная связь эльфийки с человеком грозит ей потерей дара бессмертия. Но даже это случается: страсть оказывается сильнее страха. Что уж говорить о связях эльфов с человеческими девушками, здесь никто не рискует ничем, кроме репутации... Обществом это не приветствуется, оттого и безумно притягательно.

Обсуждая с Ниной эти проблемы, мы как-то, сами того не заметив, перешли от теории к практике, сперва расцеловавшись после того, как выпили на брудершафт, потом и просто так.

...Я проснулся от дикой боли в затылке и хотел закричать, но обнаружил, что рот у меня чем-то заклеен. Я хотел освободить его, но руки оказались связанными... Светало. Было холодно и мокро. И тут я увидел склоненного надо мной дракона! Я дернулся, надеясь порвать путы и схватить свой меч, но бесполезно, связан я был добротно. Дракон тихо прошептал:

— Тихо, тихо. Сейчас все будет в порядке...

С этими словами он поскреб когтями по моему лбу, подцепил что-то и больно, словно коросту, с чмокающим звуком отодрав, отбросил в сторону. Я догадался, что это липучка. Это уже вторая липучка, которую он содрал с меня, и я уже начал чувствовать себя не совсем эльфийским князем, а уже немного и музыкантом Сергеем Чучалиным. А дракон был уже почти совсем Какукавкой. Содрав все шесть липучек, он спросил:

— Ты эльф?

Я отрицательно помотал головой.

— Чуч?

Я помотал головой утвердительно. Он сдернул с моих губ скотч, говоря:

— Только тихо, не ори.

Легко сказать тихо! Когда у тебя с губ сдирают скотч, происходит депиляция усов, а это очень, очень болезненно...

— Руки развяжи, затекли! — попросил я.

Он попытался развязать, но сразу не смог, наклонился, подцепил веревку зубами... Наконец я освободился и со стоном сел. Блин. Второй раз уже за сутки он меня спасает. Я огляделся. Во-первых, я находился на свежем воздухе в кустах. Смутно я помнил, что сюда, подальше от костра, мы ушли с красавицей Ниной, чтобы предаться запретной любви.

Рядом со мной спала здоровенная, несвежего вида, прыщавая девица с липучками на бритой голове, одетая в стандартную голубую пижаму. Впрочем, одетая не слишком. Такая же пижамка была на мне, и вся она пропиталась росой. Так и простудиться недолго.

— Надо быстрее дергать отсюда, пока Гэндальф спит, — прошептал Какуавка. — Пошли за Лёлькой. Ключи от ворот у меня.

— А где она? — спросил я.

— Пошли, я знаю, — шепнул он, распахнул веревки по карманам, и мы, выбравшись из кустов, побежали по лагерю.

— Я столько выжрал вчера, — сказал я на бегу, — а похмеля нет. Хорошее у них все-таки вино.

— Вы воду пили, — бросил Какуавка, — я проверял.

Он остановился возле малюсенького фанерного домика, вековой, наверное, давности:

— Она здесь.

— Одна? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Какуавка. — Тут четыре двухъярусные койки, их тут восемь девчонок.

Охренеть, какая экономия жилплощади в этой сказочной стране. Я тронул дверь, та оказалась незапертой и, скрипнув, приотворилась.

— Давай так, — сказал я. — Кляп в рот, быстро вяжем руки, ноги и тащим. Она легкая. А уж липучки потом снимать будем.

Какуавка кивнул и мы тихо-тихо, на цыпочках вошли в домик. То ли он какой-то элитный, то ли просто он для тех, кто здесь совсем недавно, но, заглядывая на подушки в поисках Лёльки, я видел только очень милые и трогательные девичьи лица, которые не могли испортить даже бритые пятнистые головы.

Вот и она. Нам повезло: на нижнем ярусе. Я стянул с нее одеяло, заметив, как у Какуавки при этом забегали глазки. Оно и понятно, Лёлька и в детстве спала только голышом.

Она лежала на боку. Я осторожно сложил ее руки вместе и кивнул Какуавке. Он стал связывать их, а я принялся за ноги. Лёлька чуть-чуть заворочалась, и мы замерли. Но она затихла, и мы продолжили свое дело.

Я взмок от ужаса, представив, что будет, если она проснется. Липучек на мне нет, значит, я вне системы и

скорее всего она увидит, что руки и ноги ей вяжут два дракона, василиска или тролля. Ох и визгу будет!.. А потом нам несдобровать.

Но все обошлось. Я набросил на нее простыню и, шепнув: «Если что, держи крепче ноги», — быстрым движением залепил ей рот скотчем. Где его только Какуавка раздобыл? Наверное, там же, где и ключи...

Она проснулась. Ее глаза в ужасе округлились. Она застонала и стала биться в кровати. Ничего, Лёля, похищение драконом соответствует нашей легенде.

Мы вынесли ее, дергающуюся и извивающуюся, из домика, сумев никого не разбудить. Завернутую в простыню, я закинул ее на плечо, и мы побежали к воротам. Вскоре я почувствовал, что не такая она легкая, как я рекламировал. Но до ворот я ее донес. Какуавка же, опередив нас, уже открыл их и теперь набирал номер на своем браслете.

Все время, пока мы ждали экомобиль, Лёлька смирно сидела на обочине, прислоненная спиной к березе, глядя на нас большими злыми глазами. Липучки я с нее содрал, но вот развязывать и снимать со рта скотч не спешил. В конце концов, это мы считаем, что спасаем ее, она же может считать, что мы ее похитили.

Мы предупредили диспетчера, что такси должно быть автоматическое, без водителя, а то еще неизвестно, как бы тот себя повел, увидев, что мы запикиваем в его машину голую, завернутую в простынку девушку. Скотч я ей осторожно-осторожно отлепил уже на полпути к городу.

— Козлы! — сказала она. — Говнюки! А ну-ка верните меня обратно!

— Лёля, перестань, — сказал я, — там же все ненастоящее.

— А мне, может, нравится!

— Там ты живешь в красивой сказке, но это — не реальность, понимаешь?

— Да пошел ты со своей реальностью, ненавижу я твою реальность! — рывкнула она.

Одно слово, эльфийка, утонченная натура...

— Лёля, милая, — сказал я. — Я понимаю, ты сейчас шоке, но это пройдет. Вы ведь там все медленно сходите с ума. Уже через месяц ты не сможешь жить в нормальном мире...

— А я не хочу жить в твоём гребаном мире! Кому я там нужна?! Кто меня там любит?!

— Я люблю, — неожиданно прорезался Какукавка.

— Да пошел ты со своей любовью, урод проклятый! — заорала она. — Все из-за тебя! Ты ему настучал?! — кивнула она на меня. — Конечно, ты, кто же еще?! Гад! Сволочь! Троль вонючий.

И тут она разрыдалась. Ну, слава Богу. Это уже по-человечески. Посмотрим, что будет дальше. Может быть, она все-таки не вернется к Гэндалфу?

КРИТИКА

Андрей Шмалько

ПАМЯТНИК,

или

ТРИ ЭЛЕГИИ О БОРИСЕ ШТЕРНЕ

*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Увечный...*

Андрей Вознесенский

Новое издание хорошего да еще и лично знакомого автора — это всегда праздник. Когда большой, когда совсем маленький, но все равно праздник. А если не просто книга, а собрание сочинений, то это вообще какая-то фиеста, бразильский карнавал, не иначе.

Увы, карнавал не случился. Не играет зажигательная румба, не горит в черном небе фейерверк, и мулатки-шоколадки не пляшут. Хотя повод хоть куда — трехтомник Бориса Штерна, практически полное его собрание сочинений. Вот они, три тяжелых книги! Не надо собирать потрепанные номера «Химии и жизни», разыскивать на книжном развале распавшийся экземпляр «Рыбы любви», обменивать «Гарри Поттера», чтоб он пропал, на харьковское издание «Остров Змеиный». Вот он, Борис Штерн, любители фантастики, перед вами, читайте!

Увы... Эти три неплохо изданных тома прежде всего подводят последнюю и такую очевидную черту: Бориса Гедальевича больше НЕТ. «Прощайте, Борис Гедальевич! Полвека — много или мало?» — написал (крикнул!) поэт Александр Кучерук. Вопрос, не требующий ответа — чудовищно мало. Конечно, от

многих не останется не то что книги, но даже единственной строчки, однако когда взвешиваешь в руках эти тома, понимая, что ВСЕ, что это есть тот самый Памятник, который остается после каждого настоящего писателя!.. Так и хочется спросить у Того, Кто взвешивает судьбы: «Ну почему так мало? Почему столь рано? Неужели больше никогда?»

Нам не ответят, но и так ясно: мало, рано, больше никогда. То, что успел создать Борис Гедальевич Штерн, перед нами. Три тома, вся жизнь...

Поневоле подумаешь о плохом, об очень плохом. Штерна уже нет, и, к сожалению, не только его одного. Поколение, ставшее фантастами в 60—70-х годах прошлого века, уходит. А кто на смену? Конечно, на каждом конвенте полным-полно молодых и румяных с дебютными книжками в пока еще здоровых зубах. Целые роты, не протолкнуться! Ну, с этих какой еще спрос, пусть себе пишут, но вот те, кто стал фантастом вслед за Штерном, — четвертая «волна», пятая? Кто из них — из нас! — может сравниться (не сравнЯться, хотя бы сравнИться) с Борисом Гедальевичем? Чтобы пусть не вровень, но в одном строю? Ну трое, ну четверо. А сравняться?

Впрочем, не будем об этом, и так не очень весело. Лучше откроем первую страницу...

1. Элегия номер раз, или Любовь к «Бел Амору»

Штерн Б.Г.

Приключения инспектора Бел Амора. Вперед, конюшня!: Фантаст. романы / Б.Г. Штерн. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер», 2002. — 573, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

Открыли. И сразу вопросы. Впрочем, о вопросах чуть позже. Сначала о том, что книги открывать приятно. Они неплохо изданы, еще лучше иллюстрированы. Причем — редкое совпадение — одинаково хороши как обложки (художник А. Дубовик), так и внутренние иллюстрации (художник А. Семякин). В эпоху, когда книгоиздательство только начинает отходить от аляповатых «глянцовок», такие издания пока еще не так часты.

...И все-таки книги получилось слишком уж «глянцевыми». Читать и перечитывать, конечно, можно, но... Но и об этом в свой черед.

К слову, внутренние иллюстрации — это уже свидетельство хорошего вкуса, причем не только художника, но и издателя. Очень к месту оказались и помещенные под обложками материалы о Борисе Штерне — и уже известная его автобиография, и малоизвестное интервью, и воспоминания Евгения Лукина и Бориса Сидюка, давних и хороших знакомых автора. В общем, надо сказать спасибо московскому «АСТ» и донецкому «Сталкеру» за эти книги. Впрочем, спасибо уже сказано, причем самым главным персонажем издательского процесса — Читателем. Не так давно вышли первые два тома, а уже появились допечатки. Не это ли свидетельство того, что не зря? Не зря писалось, не зря издавалось. И читалось — тоже не зря.

Впрочем, вопросы все равно есть, причем возникают они на все той же первой странице, где напечатано предисловие Бориса Стругацкого.

Я не против предисловий, тем более здесь оно вполне к месту, ведь именно Братьев Штерн считал своими учителями. Достаточно бегло перелистать подборку его писем к Борису Натановичу из третьего тома. Но вот то, о чем пишет мэтр... Для Бориса Стругацкого Штерн прежде всего юморист, причем отчего-то одесской школы. Не знаю, не знаю... Прежде всего «одесская школа» — это что? Пардон за отсутствие политкорректности, еврейский юмор в местечковом расколе? Вечно гигакающий и почесывающий брюшко Жванецкий? Буба Касторский, оригинальный куплетист?

...А если уж вспоминать Одессу, так у Бабеля была «Конармия», у Катаева «Трава забвения». Или это уже не из «одесской школы»?

Борис Гедальевич Штерн умел — и любил — писать смешно, его юмор действительно великолепен, но ведь Чехов и Булгаков (и те же Катаев с Бабелем) тоже умели и любили писать смешно, однако за их улыбками пряталось (и не особо даже пряталось) многое совсем-совсем другое. Сам же Штерн видел себя (и в том охотно признавался) не хохмачом, а скорее скандалистом, нарушителем литературного благочиния. «Один-два хороших хулигана должны быть», — ведь это его слова!

Правда, мэтр Борис Натанович оговорился, что дал для трехтомника старое предисловие, написанное мно-

го лет назад, еще до «Эфиопа». Так неужели творчество Штерна с того дня застыло и никуда не двинулось? Впрочем, не станем спешить и здесь, всему свой черед. Есть предисловие — и спасибо.

...А вот портрет Бориса Гедальевича отчего-то не сочли нужным поместить. Даже фотографии плохонькой — и той нет. И о библиографии как-то забыли. Неужели лишней странички не нашлось?

Первый том Штерна об инспекторе Бел Аморе — рассказы и новый роман «Вперед, конюшня!».

Но сначала не о Бел Аморе, сначала о письмах. В томе помещена часть (увы, очень небольшая) переписки Бориса Штерна с Геннадием Прашкевичем, длившейся долго, не год и не пять. Писем, повторюсь, обидно мало, но даже они очень хорошо характеризуют и самого автора, и Эпоху, а точнее, Слом Эпохи, на котором довелось жить всем нам. От кондово-советских времен с «пробиванием» рассказов, тупой цензурой и редкими прорывами в «Химии и жизни» через обвал и развал — к более или менее нормальным (для книг, не для людей!) временам, которые автор еще успел застать. Письма очень честные — и очень горькие. Жаль, что уже ничего не изменишь!

За коротким строчками писем встает и нечто иное, более важное. Творчество Бориса Штерна, автора последней трети века, относится одновременно и к «старой» советской фантастике со всеми ее достоинствами и недостатками — и к фантастике нынешней, совсем иной, непохожей. Более того, поток перемен как бы разрезает наследие автора на две части, на «до» и «после». Кажется, Штерну очень хотелось остаться «до», для него публикации в любимой (еще «той»!) «Химии и жизни» были явно дороже молниеносно выпрыгнувшего из типографии «Эфиопа». Да и поколение нынешних писателей оставалось для Бориса Гедальевича не очень понятным и не очень симпатичным. Все это так, но эпоха неумолима, и сам автор чем дальше, тем больше отходил от себя-прежнего, становясь золотым звеном, связавшим грозившую разорваться Цепь Времен нашей фантастики — одновременно очень желая вновь очутиться «там». Не потому ли, что «там» оставалось так много — и молодость, и радость первых публикаций, и еще не ушедшие друзья?

Что же касается самих рассказов... Составители верно отметили, что Бел Амор — любимый герой автора. Они абсолютно правы. К сожалению.

Отчего к сожалению? Герой-то неплох, как и почти одноименные папиросы. Иногда в меру наивный и даже туповатый (таможенник!), временами очень себе на уме, а порою — просто какой-то пророк. Не портрет автора, конечно, но некоторые СВОИ черточки Штерн ему явно одолжил. Так чего же сожалеть? Да оттого... Впрочем, по порядку.

Рассказов десять. Не так и много, зато в точку, ведь именно новелла — любимый жанр Штерна. Он умел писать рассказы, был настоящим Мастером, поэтому хвалить их, равно как пересказывать, не имеет ни малейшего смысла. Пересказывать — потому что лучше прочесть, а хвалить... То, что рассказы хороши, и так понятно.

Так почему же «к сожалению»? Да потому что...

Был такой художник — Илья Ефимович Репин. Он, к слову, тоже появляется на страницах Штерна, хоть и не прямо (помните, именно к Репину Бурлюк — дыр! бул! шел! — собирается, дабы спаржу есть?). Так вот, только что написанную картину у Репина следовало немедленно отбирать. Отчего? Да оттого, что художник начинал картину ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ. Когда удачно, но чаще не очень. Вот и отбирали, но художник не унимался. Как-то, к примеру, захватил краски, пробрался ночью в Третьяковку — и шасть прямиком к «Ивану Грозному и сыну его Ивану». Еле сумели к утру смыть все последствия «творческих мук»!

Жаль, не спросить уже у Бориса Гедальевича, отчего он так обошелся с уже известными и уже любимыми рассказами? А главное — зачем? Чтобы побольше из них вошло в цикл о Бел Аморе? И вновь-таки — зачем? Чем стал лучше «Остров Змеиный...», превратившись в «Мадемуазель Бель Амор — дочь инспектора Бел Амора, или Остров Змеиный»? Ни по каким другим рассказам мадемуазель не проходит, и появляться на свет ей еще не время — инспектор от планеты к планете на космолете шастает, а тут, как ни крути, всего лишь конец XX века. Да и не очень замечаешь ее рядом с адмиралами Касатоном Водопьяновым и Васылем Наливайко. Когда, в первоначальном варианте, героиню звали Анна-Мари Упадежу, все это читалось ничуть не хуже.

«Бесы, или В погоне за бессмертьем» (бывший «Кашей Бессмертный — поэт бесов») тоже не стали ни луч-

ше, ни хуже после переименования главного героя, хотя, честно говоря, какой из Бел Амора поэт? Но вот «Недостающее звено, или Вторая смерть инспектора Бел Амора» (прежде просто «Недостающее звено») потеряло — и очень много. Ведь в первоначальном варианте главным героем был писатель-фантаст, а сам рассказ читался, как притча на столь близкую Борису Штерну и его единомышленникам еще «тех» лет тему: «Писатели-фантасты в самом деле для чего-то нужны». Как тут не вспомнить знаменитую «Шестую главу «Дон Кихота»! Теперь же с появлением вместо скромного фантаста бравого инспектора рассказ превратился просто в длинный анекдот. Жаль!

Да, собранные вместе рассказы о Бел Аморе (и те, что стали таковыми) хороши. Но по-разному. «Чья планета?», так понравившаяся в свое время Борису Стругацкому, сейчас воспринимается как своеобразный «привет» «старой фантастике» с ее натужным гуманизмом и не менее порою натужным (увы!) юмором. К тому же автор иногда забывает (к сожалению, не только здесь), что шутка должна быть короткой. Когда на нескольких страницах кряду описывается многодневная попойка, так и хочется спросить: «Ну и что? Смеяться наконец можно?» И хуже того! Что, извините, веселого в споре космических конквистадоров, желающих прикарманить незащищенную планету, даже не поинтересовавшись всерьез, есть ли на ней разумная жизнь? А когда таковая отзывается первым искусственным спутником, все эти потенциальные Кортесы поджигают хвосты. Из уважения к братьям по разуму? Или из-за того, что спутник — это не только «бип-бип», но и термоядерная боеголовка? Увы, этот доафганский юмор понятен уже далеко не всем.

Другие ранние вещи, к примеру, «Спасти человека» и «Досмотр-1», читаются теперь не более как в меру веселые юморески, написанные в «ретро» (для нас, нынешних) стиле. Если судить по этим рассказам, то Борис Стругацкий прав. Да, здесь Штерн действительно юморист, чем-то похожий на его старших коллег, скажем, на Илью Варшавского. Между этими рассказами и нашей эпохой — пропасть, и сейчас это просто литературные памятники. Зато ничуть не устарел пронзительный, иначе не скажешь, «Досмотр-2». Штерн не просто со смехом простился с нашим прошлым, он буквально выкупал это прошлое субстанции, перевозимой на борту звездолета «Золотарь». И «Остров Змеиный», задуманный как злая

шутка, читается более чем актуально, ибо автор точно уловил всю бредовость наступившей постсоветской эпохи. Прекрасен сюрреалистический «Туман в десантном ботинке» (естественно, в десантном ботинке инспектора Бел Амора). За черным юмором этой короткой новеллы так и видится страшная антиутопия с говорящими рыбьими скелетами и вечным погостом. А в откровенно раблезианской «Жене от Карданвала» уже чувствуется дыхание грядущего «Эфиопа». Но все же... Разве, повторюсь, не место бывшего «Кашея Бессмертного — поэта бесов» да и «Недостающего звена» рядом с «Шестой главой»? А Бел Амор... Ему и так перепало от автора. И как по мне — с лишком.

«Вперед, конюшня!» — последний роман Штерна. Сам автор, если судить по письмам, остался не очень доволен своим творением. Трудно сказать, почему, ведь роман получился вполне штерновским. Конечно, неизбежно напрашивается сравнение с изданным чуть раньше «Эфиопом», и на первый взгляд, сравнение это не в пользу «Конюшни». «Эфиоп» ярче, сочнее, можно сказать, смачнее, «Конюшня» же как-то суше, «техничнее». Да, это так, и может, поэтому посмертный роман Бориса Гедальевича вообще стараются не обсуждать. Мол, и у классика проколы бывают, и жанр «не его», и писал на заказ, «на срок». Некто очень умный и очень творчество Штерна любящий даже посетовал, что так и не смог дочитать до конца, ибо ни одной свежей фразы, ни одной толковой мысли, а уж сюжет...

Спорить не буду, пусть Время, которое, как известно, Справедливый Человек, все расставит по местам. Мне же кажется, что последний роман Штерна не хуже, он просто совсем другой (хоть, повторюсь, и во многом узнаваемо-штерновский). Так и горы бывают несхожими между собой, но никто не скажет, что их красота определяется ТОЛЬКО высотой над уровнем моря и наличием зелени на склонах. В этом смысле «Конюшня» даже чем-то интереснее «Эфиопа», ибо тот очень логично завершает целый этап творчества автора, «Конюшня» же — явно начало какого-то нового, непривычного нам Штерна, саженец, не успевший даже одеться корой. Увы, начало — и одновременно эпилог. Тем более важно прочитать и понять этот прощальный роман.

Впрочем, чтобы оценить книгу должным образом, надо любить не только творчество Штерна, но и, как ни

странно, футбол. Штерн и шахматы — тема привычная, но вот футбол!.. Излишне ретивые любители аллюзий того и гляди сочтут, что роман — своеобразная мифологизированная история некоей известной команды, недаром на страницах то и дело появляется главный тренер с совершенно неузнаваемой фамилией Лобан. Ну, аллюзия не аллюзия, но ее родственничек-подельничек Неконтролируемый Подтекст... Тем интереснее читается книга. Но дело даже не в похождениях все того же Бел Амора, ставшего (кто бы подумать мог?) футбольным тренером, и не в невероятных зигзагах чемпионата, плавно переходящего в Армагеддон. Роман написан от первого лица, что бывает у автора нечасто. И на этот раз, как мне кажется, перед нами не что иное, как автопортрет самого Штерна, ничуть не искаженный фантастическим сюжетом. Воспоминания детства и юности, привычки, любовь и нелюбовь...

Роман, хотя в нем не так мало смешного, получился все-таки очень грустным. И потому что он — последний, и потому что в финале молодой глуповатый лев (естественно, Лев Амор) рассуждает о своей несложившейся жизни у памятника давно уже умершему инспектору-тезке. Корабль, рассыпавший прах Бел Амора над маленькой планеткой, улетел неведомо куда, все забылось, остались только пыль, только пустая степь, только забвение. Правда, жив этот молодой лев, не умеющий охотиться, но любящий философствовать... Жизнь продолжается. «Каждую пятницу, лишь солнце закатится, кого-то жуют под бананом». Хеппи-энд?

2. Элегия номер два, или Эфиоп твою мать!

Штерн Б.Г.

Эфиоп, или Последний из КГБ: Фантаст. роман / Б.Г. Штерн. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер», 2002. — 635, [5] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

Следующий том — это «Эфиоп», а точнее, «Эфиоп, или Последний из КГБ». Вторая половина заглавия появилась только в этом издании. Вновь непонятно — зачем, ведь мы уже, кажется, читали повесть с таким подзаголовком? Да и не о последнем из КГБ речь в романе. Иное дело — о чем?

То, что «Эфиоп» — классика, стало понятно сразу же по выходу первого издания. С этим как-то подозре-

тельно быстро согласились все, но вот сам Борис Гедальевич был недоволен. В одном из писем он жаловался на то, что «Эфиопа» хвалят, но не читают. Это, конечно, не так, роман прочитан, но... Рискну обидеть почтеннейшую публику, но кое-кто из читателей просто не дорос до «Эфиопа». Недотягивает пока! И дотянет ли?

И в самом деле! То, что сейчас принято именовать «романом», больше похоже на растянутую повесть. Одна сюжетная линия, один герой, постельная сцена в пастельных тонах, мордобой в финале... Просто, ясно, понятно, тираж, фэны. Публику приучили (приручили!) НЕ НАПРЯГАТЬСЯ. Откройте наугад самые «тиражные» тома наиболее престижных авторов. За немногими исключениями (есть исключения, есть!) — простота, которая известно хуже чего. А тут!..

А тут отчаянная компания в составе поэта Гумилева, «вечного следователя» Нуразбекова, жизнелюба-священника, двух симпатичных придурков во главе с поэтом-велосипедистом-императором Сашком Гайдамакой колесит по разным эпохам — от Киевской Руси через начало XX века и врангелевский Крым напрямик в поздnezастойные годы. И мчит на Луну «летающая крепость» В-29, и сходятся в боксерском поединке Лев Толстой и Хемингуэй... Что тут сказать? Разве что процитировать название первой книги романа. Помните? «Эфиоп твою...» — и так далее.

Да, эфиоп твою! Не всегда легко читать классику и тем более верно ее оценивать. Недаром на «Эфиопа» не было напечатано ни единой развернутой рецензии. Дуреют господа критики! Тут и Рабле, и пушкинский следок, и традиция украинского «химерного» романа. Ведь «Эфиоп» — самая украинская вещь Штерна...

...Это — отдельная и очень интересная тема. Штерн ранний, тот, что «до», — автор совершенно «советский». В советской же фантастике национальное — даже русское! — не только не педалировалось, но и не всегда, так сказать, обозначалось. Горе тому (Олесю Берднику, к примеру), кто этого не хотел понять! Вполне «советским» был и Штерн. Что, скажем, украинского (русского, еврейского) в первых рассказах о Бел Аморе? Причем это было не только давлением «сверху», но и традицией, бытовавшей «внизу», среди либеральных шестидесятников, верящих в грядущий Полдень Великого Кольца, когда племена сомкнутся и языцы сольются. Но как только настало «после» (первый украинский «звоночек» был, как вы

помните, в «Записках динозавра»), Штерн, обхохотавший страны-«новоделы» в «Острове Змеином», обернулся самым настоящим украинским — и даже (о диво!) почти что украиноязычным писателем. Настолько, что в «Эфиопе» понадобился не только украинско-русский словарь, но и тезуриус украино-русского суржика. Даже Лев Толстой цитируется на языке Шевченко, а в таинственной стране Офир перелагают на местное наречие шевченковский же «Заповіт»! Рискну проявить истинный национализм, но, как по мне, ДО КОНЦА понять «Эфиопу» может только украинец.

Впрочем, не только украинец, но и тот, кто по-настоящему ценит творчество Штерна. Повторюсь, в «Эфиопе» воплотилось и отразилось если не все, то очень многое из прежде им написанного. Так и слышится эхо уже читанных рассказов и повестей. И не только слышится. Штерн смело включил в эпилог романа свой любимый рассказ «Второе июля четвертого года». Поневоле спросишь себя: к месту ли? Вся эта почти булгаковская фантазмагория — и Антон Павлович Чехов? Тем более «ружье», выстреливающее в конце романа столь неожиданным финалом, хотя и висит по всем правилам на сцене начиная с первого акта, но как-то не очень заметно, невооруженным взглядом и не разглядишь. Что тут ответить? Автор есть автор, наверное, он и сам много думал, прежде чем решился на такое. Вот и нам, читателям, надлежит поразмышлять, полистать страницы, да не раз, не два...

Сложно? Еще бы! А если вспомнить, что роман имеет подзаголовок «фаллическо-фантастический»... Поэтому и обходят «Эфиопу» молчанием. Почтительным, конечно, очень почтительным...

...Ругают же тихо, в междусобойчике. Слышал, конечно, но пересказывать не стану, хотя и не все изреченное — ложь. Скажем, меня лично резанули стихи Евгения Лукина, зачем-то приписанные Сашку Гайдамаке, да еще в искаженном виде. Две-три строчки, две-три строфы — ладно еще, но чтобы кубометрами? Хотя кто знает, как сие будет читаться лет через двадцать?

Но не в подобном главный упрек. Он иной — заумно, мол, сложно... А между тем роман не так и сложен, ежели приглядеться, ничуть не сложнее, скажем, столь же классического «Посмотри в глаза чудовищ» Лазарчука и Успенского. Даже сюжетные ходы похожи, даже герои

общие (один Гумилев чего стоит!). Да и замысел «Эфиопа» почти на поверхности. Что бы ни происходило в двадцатом веке, во всех его искореженных реальностях, герои остаются здесь, на Земле. У них полно дел — переправить в Одессу лазерный принтер для печатания ленинской «Искры», убить Муссолини, вырастить в Эфиопии своего Пушкина, задавить ненароком Папу Римского (велосипедом!). Они здесь, они никуда не уходят. Но вот на исходе последний «застойный» год, впереди — гибель эпохи, горбачевская дурь, ельцинский маразм, Карабахи и Чечни... Впереди же — Ничего, и вот вся трагикомичная гоп-компания от генерала КГБ (не он ли этот «последний»?) до велосипедиста-императора дружно воспаряют в черное ночное небо. И не так важно, в каком именно направлении — на Луну, в страну бесконечного счастья Офир, в сгинувший вечномахновский Гуляйград, — то ли просто, как замечает автор, «к Богу в Душу Мать. А что еще оставалось?» И действительно — что? Преподобней жизни (пусть скверной, пусть горбатой) уже нет, не помчится больше пароход «Леульта Люси» за Бахчисарайским фонтаном, не воскреснет на погибель коммунизма великий Антон Павлович Чехов, не появится над Финским заливом шагающий по воздуху немолодой еврей... «Какая б ни была имперья — иной выгадывать теперь я не стану, ибо ЭТУ жаль...» Игорь Кручик, чьи стихи так часто цитирует автор, не совсем прав. Дело не в погибшей Империи, не в Совдепии. Сам Штерн в своих ранних вещах вдоволь отлеживался на идиотизме «совка». Скорее прав Евгений Лукин, чьи стихи столь часто встречаешь в романе. «Хоть какая-никакая, у меня была Отчизна...» Да, была. И была жизнь — та самая, единственная...

Можно не соглашаться с таким взглядом, можно вспомнить, как доставалось в этой прошедшей жизни самому Борису Штерну («Козлов много», — вздыхал он), еще раз повторить, что ушедшая эпоха сама копала себе могилу, вдобавок заполненную известно чем («Досмотр-2»!). Но... Но Штерн чувствовал именно ТАК, и именно ОБ ЭТОМ «Эфиоп» — роман-реквием, памятник ушедшей молодости, уходящей жизни.

«Эфиоп» — реквием? Вот вам и одесский юморист!

Обо всем же остальном... Не читавшие «Эфиопа» — прочитайте! Ведь жизнь короткая, вдруг не успеете, не попадете на борт «Леульта Люси»?

3. Элегия номер три, или Патина на бронзе

Штерн Б.Г.

Сказки Змея Горыныча: Фантаст. повести и рассказы / Б.Г. Штерн. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер», 2002. — 653, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

Третий том (редкий случай!) разом снимает почти все вопросы, не ставя новых. Почти — ибо в этом томе, как ни в одном ином, резко ощущается противоречие между мемориальным характером издания, между Памятником писателю-классику (вот вы уже и классик, Борис Гедальевич, увы!) — и «леденцовым» обрамлением. Неплохая обложка неплохого художника — но для такого ли случая она? И название хоть куда, но разве в этом томе «Сказки» (прямо скажем, не самые удачные вещи автора) главное? Моя б воля, назвал бы «Настоящий Штерн» — или даже «Штерн-настоящий» по аналогии с великим циркачом Дуровым. Ибо именно в этой книге и читавшие, и впервые открывшие могут пообщаться со Штерном, Каким Он Был.

Составители поступили мудро — включили в том ВСЕ повести и рассказы автора, кроме все того же Бел Амора (двадцать три точным счетом!). Ну, Бел Амору — «Беломорово», он уже свой том получил. Зато!..

Зато между невестными глянцевыми политурками (политурками, да простят меня черноморские соседи!) — весь Настоящий Штерн: от «Безумного короля» до «Рыбы любви», от «Записок динозавра» до «Да здравствует Нинель!». Восстановлено искореженное редакторами, продублировано искаженное (икается тебе, Бел Амор?) самим автором. Вот и «Остров Змеиный...» в красе своей, и «Недостающее звено» вкупе с «Каше-ем Бессмертным — поэтом бесов» — в их наивной аллегоричности. Что остается, как не восхититься?

...И слегка все же вздохнуть. Составители, где же «Второе июля четвертого года»? Ведь то, что вошло в «Эфиоп», все-таки не первозданный текст!

Итак, восхитимся. Восхитимся, а после — задумаемся, как и полагается возле настоящего Памятника. Вот он, бронзы звон, вот она, гранита грань. Теперь уже ясно, что лучшее из созданного Штерном не рассыпается глиняным прахом, а покрывается благородной патиной, подобно эллинским куирам...

Стоп, стоп, стоп! При чем здесь патина? Всякий автор пишет живым по живому, творит живой — и для живых. Ведь сам Борис Гедальевич хотел быть не античным идиолом, а, повторяюсь, хулиганом, будящим и будирующим болото многострадальной Литературы.

Конечно, хотел. И был, и будил, и будировал. Но...

Именно в блеске и совершенстве лучших творений Штерна как нигде ощущается патина классической бронзы. Она ощущалась бы и так, без этого тома, но собранные вместе произведения помогают понять это нагляднее. Эпоха, в которой — и о которой — писал автор, эпоха, где он хотел хулиганить, ушла безвозвратно вместе с ним самим. Конечно, лучше бы ушла эпоха, оставив нам Штерна, но спорить не с кем, некому вчинять иск, осталось одно — стоять у Памятника. Вспоминать. Сравнить. Думать.

Как всегда, чуть ли не первым лезет в глаза лишнее. Не к составителям претензия, даже не к Штерну, уж не знаю к кому, но так и чувствуется, насколько несравнимы «Шестая глава «Дон Кихота» и «Безумный король» с тем, что вошло в злополучный цикл «Сказок...». Немногое, что явно лучше прочего («Да здравствует Нинель!», к примеру), не вписывается в цикл ну никаким боком. Все же остальное легко может быть сведено к слегка измененной формуле классика: автор смешит, а мне не смешно. Вот он, ответ почтенному Борису Натановичу! Там, где Штерн и в самом деле желал быть юмористом, юмора-то и нет! Ну совсем нет, ни капельки. Мнение это, конечно, сугубо личное, но перечитайте «Реквием по Сальери» или «Ивана-дурака...». Неужели в самом деле смешно? Анекдоты? Конечно, но анекдот-то, как уже приходилось намекать, обязан быть коротким, иначе перестает быть таковым. Чем и хорош «Остров Змеиный...». Немного — зато прямо в ухо, да так, что рассказ даже не хотели в одном из «островозмеиных» государств издавать. А «Иван-дурак...» — кому в ухо? Да никому! Длинно, натужно — и, честно говоря, непонятно, зачем написано (да и режут все то же ухо всякие «Октавианы-морфинисты» и «Онаны-онанисты»). Увы, и самым лучшим порою изменяет вкус. Не иначе, на какой-то миг автор и вправду уверился в своей принадлежности к одесским хохмам. Нет, не Жванецкий вы, Борис Гедальевич, к великому счастью — никак не Жванецкий!

...А из совершенно скучного и даже занудного «Реквиема по Сальери» только и запоминается предпослед-

ная фраза: «Исполняется гаплык». Зато какова фраза-то, иззавидоваться можно! Кажется, многое писалось Штерном именно из-за любви к игре в слова и словами. Но ведь слова должно складывать в те же самые фразы!..

А прогос. Читая вкрапленные в тома мемуары об авторе, так и думаешь: «И я бы мог!» Написать об авторе в смысле. Со Штерном общаться доводилось, и не только после печально-легендарной «первой штерновской рюмки». Приходилось беседовать и о серьезном, в том числе именно об анекдоте как жанре. Как-то я по косточкам разобрал перед Борисом Гедальевичем одну из вещей этого цикла («Лишь бы не было войны...»), упирая именно на безразмерность повести, легко сводимой к трехстраничному рассказу. Да и что за юморок такой — превратить Пальмиро Тольятти в Тольятти же, но Пальмиру? Трансвестирование отца еврокоммунизма — неужели так весело?

Борис Гедальевич согласился — и, как мне показалось, не только из желания отвязаться. Он вообще выдал тогда очень много нелицеприятного и резкого, причем не о написанном коллегами — о том, что создал сам. Однако это уже совсем иной рассказ.

И вновь — оговорочка. Все-таки без «Лишь бы не было войны...» едва ли состоялся бы «Эфиоп». Так и чувствуется на лучших страницах повести прогорклый дымок от труб «Леульты Люси». Но в целом...

Тем ярче на фоне остального сияет «Да здравствует Нинель!». Пересказывать и хвалить вещь бессмысленно, ибо пересказано и нахвалено, можно лишь еще раз подчеркнуть, что в этом коротком тексте собрались вся боль — и весь гнев человека, утратившего не Державу, а Родину. «Какая б ни была Совдепья...» Да не Совдепья, Борис Гедальевич, не Совдепья! Разве землю, по которой всю жизнь ходил и в которую довелось лечь, можно называть так?

Видно и другое, незаметное несколько лет назад при первом прочтении дивной повести о поисках пропавшей Эсэсэсэрии. «Нинель» — ступенька к «Эфиопу», может, самая главная. Или таинственно сгинувшая Москва сильно отличается от столь же таинственно спрятанного Офира, а Шлиман-археолог от Гамилькара-шкипера? Разве что финал романа куда более печален. В «Нинели» все-таки Рось жива и — будет жить вечно.

Ну а все остальное, то, что идет вслед за «Сказками»... Остальное — уже вне критики и обсуждения. Раз-

ве возможно всерьез разбирать достоинства и недостатки «Производственного рассказа № 1» или «Повестки»? Настоящую Литературу почувствуешь сразу. Борис Штерн, мы знаем это, очень ценил Слово — и очень гордился тем, что он Им владеет. И лучшие вещи автора столь же гордо подтверждают — это правда. Пробу снимать нет нужды, она видна издалека, даже если читано и не год назад, и не два. Так к чему доказывать, с кем спорить, что это и есть Литература? Можно лишь вновь прикоснуться к благородной бронзе, потереть локтем патину, подышать на нее, вспомнить, улыбнуться...

Это было хорошо. Это и сейчас очень хорошо, как хороши уцелевшие в Реке Времен творения античной Эллады и средневековой Окситании. И какая мне разница, что проблематика «Производственного рассказа...» сгинула во все той же Реке две пятилетки назад, а натужные заботы трудно думающего академика-динозавра лично мне были параллельны еще в те годы? Просто очень, очень хорошая проза, которую приятно читать в любую эпоху. Так читайте те, кто понимает! Даже выросшие не тогда, даже чурающиеся Истории, прочтя это, что-то почувствуют, и бронзовая патина под их дыханием на миг станет теплой.

...И, может, кто-то из этих, молодых да компьютерных, сумеет разгадать недоступную для меня тайну потрясающего рассказа «Отпусти домой»!

Странно, в этих, самых лучших своих вещах Штерн кажется мне не современником, пусть и слегка старшим, а чуть ли фронтовиком из поколения Окуджавы, в крайнем случае писателем того самого первого призыва «дворников и сторожей» (так ведь и это было, работал Борис Гедальевич сторожем!). Такие вещи, как «Повестка» и «Отпусти домой», вполне могли быть напечатаны не в «застойной» «Химии и жизни», а в «Юности» конца 50-х. И «Вопли», и «Рыба любви». А великая «Шестая глава...» — разве не типичное раннее-раннее диссидентство, когда и в подполье старались говорить обиняком? И даже не верится, что «Записки динозавра» создавались в «перестройку», их бы в «Фантастику-1964» (ту, где «Суета вокруг дивана»), а то и в предыдущую.

Да, Борис Штерн, увидевший и описавший Эпоху, ее Слом и смутные контуры Прекрасного Нового мира, все-таки душой оставался «там». «Здесь», на пороге Прекрасного Нового, для Штерна как писателя не было уже НИЧЕГО. Повторюсь, это ни хорошо, ни плохо, это данность, как и

монумент, прекрасный монумент, уже покрытый зеленоватой патиной, — Памятник замечательному Мастеру Слова. И не надо поминать о том, что кумиров творить негоже. Мы не творили Памятник, он вырос сам, тем более что и камень его нерукотворен, и бронза. Да и не простая эта бронза, ведь я уже намекал: стоит лишь потереть рукавом, подышать на тронутую патиной поверхность...

Борис Штерн сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше. А кто-нибудь может — чтобы лучше? Хотелось бы, конечно, ведь Памятник писателю не должен превращаться в надгробие Литературы, и опустевший капитанский мостик «Леульты Люси» ждет того, кто помчит Летучий Голландец Фантастики все дальше и дальше, к звездному горизонту...

Борис Гедальевич! Если вы слышите меня сейчас в своем прекрасном Офире, то прошу вас — не сомневайтесь больше. Вы были правы — писатели-фантасты и в самом деле для чего-то нужны. Даже не так, «для чего-то» — лишнее.

Просто — нужны!

Евгений Харитонов

АПОКРИФЫ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

(ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ АРХИВАРИУСА)

Фрагменты

От автора:

Я очень люблю копаться в старых — довоенных и дореволюционных — журналах, ходить по букинистам. Потому что это захватывающе интересно. Хотя бы потому, что с пожелтевших страниц перед тобой раскрывается какая-то другая история нашей фантастики и литературы вообще — неофициальная, недоизученная, недоозвученная; незадерганная коллегами-критиками. И — поучительная. Когда-то даже хотелось написать большую занимательную книгу о «белых пятнах» русской фантастики, об этих самых малоизвестных страницах ее литературной и издательской ипостасях — забытых именах и произведениях, курьезных фактах и случаях. Но кому сегодня нужны книги о фантастике? А между тем короткие и большие, печальные и забавные, поучительные и не очень истории и историйки пополняли мою коллекцию. Кое-что уже печаталось на страницах журнала «Если», а с некоторыми из них читатель познакомится впервые. Заметки эти я решил не систематизировать — ни по хронологии, ни по темам, ни по странам, а решил сохранить хаотичную драматургию «записных книжек», ибо такова сама история нашей фантастической словесности.

ВСЕПЕННАЯ ЗА ОКОПИЦЕЙ...

История русской фантастической литературы примечательна не только удивительными событиями, книгами и именами, но и обилием «белых пятен».

Споры о том, кому отдать титул первого научного фантаста России, продолжаются до сих пор. Как это ни удивительно, но претендентов на обладание короной Первого оказывается предостаточно. Удивительные имена встречаем в списках «состязующихся»: тут и М. Херасков, и В. Левшин, и М. Щербатов, и В. Одоевский. И все-таки первую главу гипотетической истории отечественной фантастической литературы справедливо будет открыть другим именем. И для этого нам потребуется отправиться в XVIII век.

Эпоха расцвета литературной утопии. В это же время происходит рождение новой русской литературы, впервые выходит на литературные подмостки авторская проза, а фантастика наконец расстается со своим устно-рукописным детством. Примечательно, что в этот же период происходит процесс проникновения и закрепления на российской культурной почве литературной утопии. Однако легкомысленно было бы утверждать, что рождением самостийной утопии наша литература обязана исключительно влиянию европейской культуры. В той или иной форме утопические мотивы издревле бытовали в России: в сказочных и фольклорных сюжетах, апокрифах, житиях и прочих созданиях устного народного творчества. Другое дело, что до XVIII века утопия у нас отсутствовала как особый, самостоятельный вид художественного творчества, оторванный от синкретизма фольклорного мышления, как художественное создание конкретного автора. Все это, в свою очередь, послужило веским поводом к закладке в нашей литературе фундамента самоценной фантастики.

Об одном таком произведении, соединившем в себе черты двух новорожденных жанров, и пойдет речь в этом небольшом очерке.

Итак, год 1769-й от Рождества Христова. В Провинциальном Баранове (что в Смоленской губернии) вышла презабавнейшая книжечка анонимного автора. В ней были опубликованы две разножанровые повести: «Любовь Псиши и Купидона» и «Дворянин-философ, аллегория». Последняя из повестей изрядно озадачила читателей. Приглядимся к ней и мы.

...Некий «дворянин-философ, имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может», скуки ради вознамерился создать в своем поместье модель Вселенной. В основу наш герой положил системы Птолемея, Тихо

Браге, Декарта, Коперника и... собственную (Земля то приближается, то удаляется от Солнца, от чего возника-

ют ветры и происходит смена года). Поначалу вроде бы и нет ничего фантастического. Забава образованного, но скучающего помещика, да и только. Разметил на обширной территории селения и орбиты, разместил островки-«планеты», звезды и заселил вновь созданные миры обитателями-«планетянами». И получилась такая система: на Земле у него живут муравьи, на Сириусе — страусы, на Сатурне — лебеди и так далее. Однако постепенно мы узнаем, что все эти архитектурно-космические изыски — суть определенная Идея. Увидеть Вселенную как бы изнутри, постичь сложные законы Мироздания. Иначе говоря, герой повести создал модель квазиреальности — интерпретацию реальности объективной. И старания нашего зодчего были щедро вознаграждены. В один прекрасный день вся система дворянина-философа начинает действовать. В буквальном смысле придуманный мир материализовался и зажил собственной жизнью. И что же увидел наш герой, а вместе с ним и его гости-наблюдатели?

Обитатели Земли — муравьи — разделились на два класса: черных (господ) и серых (рабов). Как водится, черная раса держит серую в жестком подчинении: эксплуатирует, не дает духовно развиваться. В этом параллельном мире действует жестокий и бессмысленный закон Верховного Муравья. И с каждой страницей приходишь к убеждению: автор-то описал (пусть и пунктирно) тоталитарный режим в действии. Более чем за полтора столетия до Замятина, Хаксли и Оруэлла анонимный автор спроецировал образ Абсолютного Диктатора (он же впоследствии — Главноуправитель, Благодетель, Большой Брат), воплощенного в «закадровом» персонаже Верховного Муравья.

Вот вам образец литературной *антиутопии*. Возможно, одной из первых в мировой литературе. Здесь же мы встречаем и другие эмбрионы расхожих сегодня тем научной фантастики: параллельные миры, «рукотворное» создание как целой планетной системы (невольно вспоминается роман Р. Желязны «Остров мертвых»), так и самой реальности...

Но вернемся в придуманный дворянином мир. И что мы обнаруживаем? Первое в русской литературе космическое путешествие! Да к тому же совершенное негуманоидным представителем (муравьем) разумной братии. Разумеется, подобная трактовка в известной мере условна, ведь вся планетная система дворянина-философа зиждится на «плоскости земной». И все же штрихи темы автор повести наметил.

Итак, взбунтовавшийся, а точнее — усомнившийся в справедливости действующих на его планете законов, серый муравей (в другой литературной реальности он станет Д-503, Дикарем или Уинстоном Смитом) отправляется в путешествие по иным космическим мирам, дабы найти ответы на свои вопросы. Стало быть, у инопланетян. Но мудрецы-страусы Сириуса, и сатуриане-лебеди, и красавцы-журавли с Юпитера лишь смеются над букашкой-муравьем (читай — над букашкой-человеком), хотя и обращаются с ним осторожно (чтобы не раздавить). Проблемы «далекой», крохотной Земли им чужды и неинтересны...

Не наброски ли это еще одной распространенной научно-фантастической темы: темы контакта с представителями иной, более высокой по техническому и социальному уровню цивилизации, проблемы антагонизма высших и низших рас в контексте космической истории человечества?

Впрочем, смысл повести гораздо глубже и значительнее: что есть человек в безбрежной Вселенной? Перл, центр мира, каковым себя мнит? Или все же жалкая, ничтожная пылинка в сложном механизме мироздания? Сам автор склоняется в пользу последнего. Красной линией сквозь повесть проходит мысль о множественности миров...

Таковы в общих чертах сюжетные коллизии произведения, которое с полным основанием можно назвать едва ли не первым образцом (по крайней мере в русской литературе) антиутопии и научной фантастики одновременно.

Однако самое время познакомиться и с создателем «Дворянина-философа». А автор-то повести, хоть и не обозначивший свое имя на титуле книги, являл собой личность весьма и весьма примечательную и заметную во второй половине XVIII века. Но, как это нередко случается, имя видного русского историка, прозаика, поэта и переводчика Федора Ивановича Дмитриева-Мамонова (1727—1805) сегодня практически забыто, как забыто и его главное произведение жизни — повесть «Дворянин-философ, аллегория». Однако не раз нам приходилось убеждаться, что память человеческая порой оказывается не только короткой, но иной раз и просто несправедливой.

«Он может писать и говорить на разных диалектах проворно, ясно и безогрешительно; в натуральной истории искусен, в нем можно найти хорошего математика и изрядного философа. География и историография у него всегда пред

очами; ему и химические правила не неизвестны; знает вкус и силу в живописи. Но при всех превосходнейших оных его знаниях в нем еще высокий дух поэзии обретает». — Такую характеристику писателю дал его современник, поэт В.И. Соловей.

Федор Иванович Дмитриев-Мамонов принадлежал, по-видимому, к той категории людей, которых сегодня принято уважительно величать маргиналами, а в те времена окрещивали попросту чудаками или, еще хуже, сумасшедшими (так, кстати, и случилось с писателем). Происходил он из старинного рода князей Смоленских. С детства Федор Иванович особым прилежанием не отличался, однако питал сильнейший интерес к наукам — истории, астрономии, философии, литературе, да время от времени будоражил своими выходками московское и смоленское общество.

Получив начальное домашнее образование, он был отправлен продолжать обучение в Артиллерийскую школу, но сразу же «отлучился самовольно». А в 1756 г. вместе с Сумароковым, Щербатовым (тоже, кстати, оставившими след в истории русской утопии) и Болтиным вступил в одну из масонских лож, чем едва не привел к краху свою карьеру. У масонов, впрочем, он долго не задержался.

И все-таки Дмитриев-Мамонов, около тридцати лет отдавший себя армии, дослужился-таки до чина бригадира и благополучно вышел в отставку в начале 70-х.

Еще будучи на воинской службе, Дмитриев-Мамонов приступил к научной деятельности: собирал и тщательно систематизировал старинные рукописи, монеты, оружие, устроив впоследствии в своем московском доме целый музей, многое из изысканий легло в основу его научных публикаций.

Выйдя в отставку, Федор Иванович прославился, однако скорее не научными и литературными опытами, а своим эксцентрическим поведением. Все-то ему хотелось делать поперек общественной морали, вопреки социальным установкам.

В письме к московскому генерал-губернатору М.Н. Волконскому Екатерина Вторая жаловалась, что «здесь многие рассказывают о нем такие дела, которые мало ему похвалы приносят». Еще бы, ни с того ни с сего распустить полторы тысячи крепостных! Не менее красноречивы воспоминания А.А. Куракиной: «Дом его против всего города, был больше всех иллюминирован, где была собрана довольная часть народа, которому он из окошка сам бросал серебряные деньги,

а на улице его два гайдука из мешков — медные, и они с хозяином всем кричали “Виват!”».

Дошло до того, что жена Федора Ивановича добилась проведения расследования Юстиц-коллегией на предмет «психической ненормальности» супруга. И в результате этого расследования, приправленного немалой сумой взятки, наш эксцентричный философ был признан «человеком вне здравого рассудка»...

Творческая биография Дмитриева-Мамонова не столь увлекательна, но о некоторых моментах ее имеет смысл упомянуть. Как поэта его вряд ли назовешь блестящим. Но «пошалить», оригинальничать Федор Иванович любил. Чего, например, стоит «Эпистола от генерала к его подчиненным», являющая собой... воинскую инструкцию, «пересказанную» шестистопным ямбом! Или такое любопытное произведение, одно название которого не требует каких-либо дальнейших комментариев: «Правила, по которым всякий офицер следуя военную службу с полным удовольствием продолжать может».

Выступал Дмитриев-Мамонов и как переводчик французских поэтов, щедро покровительствуя бедным литераторам.

Вернемся, однако, к главному произведению Дмитриева-Мамонова «Дворянин-философ, аллегория». Эксцентриком и чудачком он проявил себя и на писательской ниве. Повесть пользовалась настолько большим успехом, что писатель в 1796 г. решил переиздать ее отдельной книгой. На титуле Дмитриев-Мамонов, как бы насмехаясь над общественным мнением, поместил оттиск медали с собственным изображением и следующей надписью: «Осветил светом, разумом, честью и великолепием. Плоды уединенной жизни в Баранове. Создал новую обстоятельную систему сложения света в 1779 году в честь нашему веку, сим ученый свет одалживается ему».

Однако судьба этого, второго, издания повести печальна. Тогдашняя цензура еще в 1769 г. заприметила в произведении крамольные мысли. Это и понятно, ведь вымышленный мир Ф.И. Дмитриева-Мамонова с его «космическими» муравьями и страусами был едким, сатирическим портретом реального мира.

Весь тираж смоленского издания «Дворянина-философа» (1796) был немедленно изъят из продажи...

Увы, произведение это было изъято не только из продажи, но и из истории нашей литературы. История с пробелами — плохая история.

ИСТОРИИ О БОГАТЫРЯХ СЛАВЕНСКИХ

Жанр меча и магии, известный как фэнтези, отечественные критики чаще всего называют литературой, рожденной XX веком. Связано это в основном с тем фактом, что мистическая и сказочно-фантастическая (демиургическая) фантастика о вторичных мирах в нашей словесности стала развиваться — старательно калькируя западные «первоисточники» — лишь в 90-е годы XX века.

Но появился-то жанр фэнтези в русской литературе много раньше — корни его теряются в далекой эпохе Просвещения. Назывался он только по-другому.

Вспомнить истоки отечественной фэнтези особенно поучительно и познавательно сегодня, в начале XXI века, когда книжный рынок атакован сериями типа «Загадочная Русь» или «Дороги богов», штампующими странную на вкус и цвет продукцию, гордо величающую самое себя «славяно-киевской фэнтези» — «восточный ответ Чемберлену». Авторы сих сочинений весьма вольно и небрежно обращаются с историческими реалиями и славянской мифологией, зато неизменно претендуют на лавры пионеров славянской фэнтези.

Повторимся: XVIII век — в литературной истории эпоха особенная. Время становления авторской прозы и многих жанров. Знаменательно столетие и бурным ростом жанров массовой литературы: набрали силу авантюрный и любовный роман, а 1779 год ознаменовался появлением и первого российского детектива — безумно популярного романа Матвея Комарова под длинным названием «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика — Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его песнями и портретом его. Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей».

Еще более плодотворно развивались жанры и направления фантастики — утопия и антиутопия (М. Херас-

ков, Ф. Эмин, М. Щербатов, В. Левшин), научная фантастика («Дворянин-философ» Ф. Дмитриева-Мамонова). Возникший в эти годы интерес к старине былинной, к славянской мифологии не мог не отразиться и в литературном процессе, что вылилось в появление жанра волшебного-авантюрного романа. Это уже в XX веке он стал называться на западный манер — фэнтези.

Причем речь идет именно о фэнтези — без каких бы то ни было натяжек, со всеми классическими признаками жанра. Моделирование вторичных миров в псевдоисторическом антураже, условная мистико-средневековая атрибутика, переработка канонической мифологической системы, мечи, магия, inferнальные силы Зла и цементирующий все это любовно-авантюрный сюжет-«бродилка» — все это с избытком присутствует в романах трех «китов» русской фэнтези, речь о которых ниже.

«Во времена древних наших князей, до времен еще великого Кия, на том месте, где ныне Санкт-Петербург, был великопленный, славный и многолюдный город именем Винета; в нем обитали славяне, храбрый и сильный народ. Государь сего города назывался Нравоблаг; он был храбрый полководец в свое время, ополчался противу Рима и Греции и покорял многие окрестные народы под свою область. Благоденствие и мудрые узаконения от времени до времени приводили владение его в цветущее состояние; счастье, разум и сила присвоили ему все по его желанию, и он утешался и был доволен, смотря на изобилие и спокойство своего государства, ибо тишина и благоденствие народа составляли все его благополучие».

Так начинается роман-пенталогия «Пересмешник, или Славянские сказки». Первые четыре части были изданы в 1766—1768 годах за подписью «Русак», и только при переиздании с включением 5-й части в 1789 году на титуле появилось подлинное имя автора — Михаил Чулков.

Писатель, исследователь мифологии, драматург и журналист Михаил Дмитриевич Чулков (1744—1792) вышел из самых «низов» (он родился в семье солдата), но после ошеломляющего успеха «Пересмешника» он совершил головокружительный взлет не только в литературе. Начав актером придворного театра, он за относительно короткий срок преодолел путь от камер-лакея до коллежского ассесора, попав даже в Дворянские книги Московской губернии.

«Пересмешник» представляет собой череду увлекательных историй, которые поочередно рассказывают друг другу двое молодых повес. Не случайно композиционно книга напоминает «Декамерон». Истории в книги самые разные — героико-приключенческие, где герои-славяне совершают подвиги не только в пределах славянских земель, но и по всей Европе, бытовые, изобилующие описаниями свадебных обрядов, гаданий, пословицами; есть даже сатирические истории. Впервые в русской литературе введя былинных персонажей, смело используя не только славянскую, но античную мифологию, то и дело их смешивая, Чулков создал свой вторичный мир, где реальные исторические события, названия племен соседствуют с вымышленными, где документальная дотошность к фактам переплетается с намеренными искажениями*.

В предисловии к первому изданию автор прямо признается: «В сей книге важности и нравоучения очень мало или совсем нет. Она неудобна, как мне кажется, исправить грубые нравы; опять же нет в ней и того, чем оные умножить; итак, оставив сие обое, будет она полезным препровождением скучного времени, ежели примут труд ее прочитать». И все-таки новаторство «Пересмешника» очевидно — Чулков ввел в русскую литературу абсолютно новый жанр и новых героев. Чулков первым предпринял попытку систематизировать славянскую мифологию, упорядочить пантеон богов, приравняв его к античному. Кстати, писателю принадлежит не только первый русский роман-фэнтези, но и ряд книг, которые уверенно можно назвать учебниками для авторов, взявшихся творить «славянское фэнтези»: «Краткий мифологический лексикон» (1767) и «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и пр.» (1786).

Друг и единомышленник Чулкова, переводчик, поэт, писатель, автор знаменитой «Российской Эраты» Михаил Иванович Попов (1742 — приблизительно 1790) тоже вошел в историю как один из «создателей» и систематизаторов славянского пантеона богов. В 1768 году он издал «Краткое описание древ-

* Пример такого намеренного искажения виден уже в приведенном выше отрывке. Винета — древний славянский город, располагавшийся на острове Рюген, в устье Одры. Чулков перенес Винету в устье Невы.

него словенского языческого баснословия». Однако в отличие от трудов Чулкова фактический материал Попов щедро приправил художественным вымыслом. Вероятно, сия книга — первый образец жанра научно-художественной прозы и в то же время — это одно из лучших описаний славянских языческих существ.

Материалы этой работы легли в основу волшебного-богатырского романа «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770—1771), принесший Попову всероссийскую известность. Позже обновленная версия романа была переиздана под названием «Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго Светлосана; Вельдюзя, полотского князя; Прекрасной Милославы, славенской княжны; Видостана, индийского царя; Остана, древлянского князя; Липоксая, скифа; Руса, Бориполка, Левсила и страшного чародея Карачуна» (1784).

Если книга Чулкова — это все-таки роман в разрозненных историях, то «Старинные диковинки» — это уже классическая героико-приключенческая фэнтези-«бродилка» в европейском духе, но сделанная на славянском и псевдославянском материале. С первых же страниц на читателя обрушивается фейерверк сюжетных ходов с похищениями, погонями, сражениями, чародеями, кораблекрушениями и пиратами. Действие то и дело переносится в разные концы света, временные пласты, исторические и псевдоисторические реалии пересекаются.

Переводчик Попов прекрасно знал европейскую и восточную литературы, и в «Старинных диковинках» то и дело встречаются мотивы из рыцарских средневековых романов, из «Похождений Гаруна аль-Рашида» или из «Чудесных приключений мандарина Фум-Хоама».

Волшебства и магии в книге Попова хватает, чего стоит один чародей Карачун — воплощение вселенского зла. Да что там волшебники! В одном из эпизодов «Старинных диковинок» появляются даже... пришельцы из космоса! Вот это уж точно произошло впервые на страницах сказочно-фантастического произведения. Весь этот безумный коктейль, придуманный Поповым почти 300 лет назад, и сегодня читается куда увлекательнее большинства современных штампованных романов в жанре фэнтези.

Выпустив в 1780 году роман в историях «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о слав-

ных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения», Василий Алексеевич Левшин (1746—1826) довел до ума романно-эпическую форму нового жанра. Внимание Левшина сосредоточено уже не столько на языческих временах, сколько на периоде правления Владимира Красное Солнышко. В сущности, «Русские сказки» — это обработка (так и хочется сказать: «новеллизация») русских былин в духе западноевропейских рыцарских романов. Приключений и волшебства в произведении Левшина тоже хватает, по популярности «Русские сказки» даже обогнали сочинения Чулкова и Попова, хотя и явно уступают «Старинным диковинкам» в отношении сюжетной закрученности. Историки литературы полагают, что именно Левшин ввел в пространство русской прозы таких былинных персонажей, как Тугарин Змеевич, Добрыня и Алеша Попович. Примечательны «Русские сказки» еще и тем, что именно в этом труде А.С. Пушкин почерпнул сюжет для своей бессмертной поэмы «Руслан и Людмила».

Романы трех основоположников российской фэнтези имели огромный успех, но после смерти их создателей книги оказались в 200-летнем забвении. Историки русской словесности брезговали даже упоминать эти образчики «низовой развлекательной культуры». Сегодня все три романа переизданы, и, уверен, для нынешних творцов славянской фэнтези было бы весьма поучительным заглянуть в «первоисточники» и многому поучиться у литературных пращуров. Сюжетов в волшеббно-богатырских романах — несть числа, не на один роман хватит.

О ЗЕЛЕННЫХ ЧЕЛОВЕЧКАХ И ОБИТАЕМОСТИ ЛУНЫ

Принято считать, что ироническое определение инопланетян «зеленые человечки» родилось в США в середине 1940-х годов одновременно с появлением другого «инопланетного» термина — «UFO» (НЛО). Но так ли это?

Откроем утопическую повесть князя В.Ф. Одоевского «4338-й год. Петербургские письма», впервые опубликованную в 1835 году. Как известно, произведение не было завершено, и последняя часть его публиковалась в виде разрозненных

фрагментов. Немало интересного мы там найдем. Например, такую загадочную фразу: «Зеленые люди на аэростате спустились в Лондон». Что это за люди? Скорее всего просвященный князь имел в виду все-таки прибытие пришельцев. Может, тех самых пресловутых марсиан, вторжение которых спустя 63 года описал Герберт Уэллс?

Во всяком случае, Владимир Федорович первым использовал образ зеленых человечков.

В той же повести мы обнаружим еще один любопытный фрагмент, посвященный обитаемости космоса и его освоения: «Нашли способ сообщения с Луной; она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения. Эти экспедиции чрезвычайно опасны... Путешественники берут с собой разные газы для составления воздуха, которого нет на Луне».

Если учесть, что даже в начале XX века фантасты все еще населяли Луну всевозможными обитателями, то нельзя отказать русскому князю в научной прозорливости. И уж точно, Одоевский первым из фантастов задумался о промышленном освоении спутника Земли.

В НАЧАЛЕ БЫЛ... ТОПОР

Фантасты, конечно, не провидцы, но случаи удачных прозрений на страницах фантастических книг нередки. Но так то — фантасты. Удивительные (лучше сказать все-таки курьезные) «научные» прогнозы, как оказывается, можно встретить и в произведениях, традиционно лежащих за пределами «фантастических интересов». Откроем, например, роман «Братья Карамазовы». Ну что здесь фантастического? — скажете вы. Ничего, — ответим мы, — кроме того, что здесь впервые в литературе упомянут (конечно, в аллегорической форме)... искусственный спутник Земли.

Не верите? Тогда перечитайте знаменитую сцену разговора Ивана Карамазова с чертом. Весьма занятные рассуждения мы там встретим: «Что станет в пространстве с топором?.. Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг Земли, сам не зная зачем, в виде спутника».

Что ж, Федор Михайлович, как известно, был не только великим писателем, но и ярким публицистом,

эмоционально выступавшим в поддержку фантастического метода в русской литературе.

А что касается «настоящего» искусственного спутника Земли, то впервые он был описан в повести ныне практически забытого американского фантаста Эдварда Эверета Хэйла «Кирпичная луна» (1870).

РАЗДЕВАЮЩИЙ ВЗГЛЯД

«И вдруг — словно по магию волшебного жезла — со всех голов и со всех лиц слетела тонкая шелуха кожи и мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарябили синеватым оловом обнаженные десны и скулы.

С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти десны и скулы, как поворачивались, лоснясь при свете ламп и свечей, эти шишковатые, костяные шары и как вертелись в них другие, меньшие шары — шары обесмысленных глаз».

Оговоримся сразу: это анатомическое описание позаимствовано не из романа ужасов. Что же такое случилось с героем? Почему вдруг он стал видеть внутренности людей? «Вероятно, речь идет о рентгеновском зрении», — догадается начитанный поклонник фантастики. И будет прав. Действительно, тема рентгеновского зрения давно волновала фантастов. Первым к этой проблеме обратился еще в 1920-е годы остроумный болгарский фантаст и сатирик Светослав Минков в блестящей новелле «Дама с рентгеновскими глазами». Дотошные книгочеи вспомнят тут же и рассказ советского фантаста Александра Беляева «Анатомический жених». Но, как оказывается, классики реалистической литературы и тут умудрились общегоять фантастов по крайней мере на полвека. Необычную, сюрреалистическую ситуацию, в которой оказался герой, вдруг увидевший анатомическое строение гостей одной вечеринки, описал еще в 1878 году... Иван Сергеевич Тургенев в коротеньком (всего 23 книжные строки) этюде под мрачным названием «Череп» (именно оттуда и позаимствовали мы вышеприведенную цитату), вошедшем в состав цикла «Стихи в прозе». Много занятного обнаружит в этом традиционно считающемся далеким от фантастики цикле любитель путешествий по истории жанра. Есть здесь и классический хоррор («Старуха»), и традиционная утопия («Лазурное царство»), и космогоническая утопия

(«Пир у Верховного Существа»), и даже утопия сатирическая («Два четверостишия»); найдется здесь и удивительная история гибели мира («Конец света»), и рассказы, раскрывающие популярную в НФ тему раздвоения личности («Соперник», «Когда я один (Двойник)»), и уж совсем научно-фантастическая миниатюра о насекомых-мутантах («Насекомое»).

ГЛАВНЕЙШИЙ ИЗ ВСЕХ ВОПРОСОВ...

Точно не известно, кому из фантастов первому пришла в голову безумная идея изложить реальные исторические события в сослагательном наклонении. Большинство исследователей НФ ищут истоки «альтернативной истории» в англо-американской литературе. Между тем элементы жанра обнаруживаются уже в повести Осипа Сенковского «Ученое путешествие на Медвежий остров», появившейся еще в начале XIX века. Впрочем, в данном случае приходится говорить об «эмбриональном» состоянии популярного ныне направления.

Это может показаться странным, но фантасты вообще очень долго не рисковали ставить вопрос ребром: «А что было бы, если?..» Возможно, потому, что туманное Будущее привлекало сочинителей фантазий куда больше, чем не менее туманное Прошлое. Если же фантасты и отправляли своих героев по реке Времени «назад», то, грубо говоря, с крайне ограниченным кругом художественных задач: оправдать использование сочинителем машины времени или доказать, например, что пришельцы из космоса уже когда-то посещали нашу планету. В ранней фантастике Прошлое нередко оказывалось еще и одним из вариантов Утопии — пассаестической (т.е. устремленной не в будущее, а как раз наоборот); в устоях минувших веков некоторые утописты видели идеальное государство будущего.

Так или иначе, фантасты не стремились серьезно осмыслить (не говоря уже о том, чтобы переосмыслить) события давно минувших дней, дабы обнаружить там истоки актуальных проблем современности. Исторические реалии, хоть и приправленные художественным вымыслом, не подвергались серьезной «препарации».

Как было уже сказано, затруднительно в истории мировой фантастики отыскать пионера «альтернативной истории».

674 Но вот с датой рождения жанра в российской литерату-

ре разногласий, вероятно, не будет. Это произошло в 1917 году, когда московский «Журнал приключений» опубликовал повесть Михаила Первухина «Вторая жизнь Наполеона». Что было бы, если бы Наполеону удалось сбежать с острова Святой Елены — места последней его ссылки? По сюжету, ему не только удастся покинуть остров, но и существенно повлиять на дальнейшее развитие мировой истории, создав новую могущественную империю в Африке.

Вряд ли случайно «Вторая жизнь Наполеона» появилась на свет именно в 1917 году, когда заново переписывалась история отдельно взятой страны.

Имя писателя и журналиста Михаила Константиновича Первухина (1870—1928) после 1917 года было вычеркнуто из русской литературы. Сегодня оно известно разве что литературоведам и знатокам фантастики. А между тем это был один из самых одаренных фантастов начала XX века, автор свыше 20 НФ-произведений.

М. Первухин родился в Харькове, здесь же окончил реальное училище и девять следующих лет отдал службе в Управлении Курско-Севастопольской железной дороги. Но в 1900 году из-за осложнений со здоровьем он был вынужден перебраться в Крым. Здесь и началась его литературная деятельность. Он организовал газету «Крымский курьер», которую возглавлял до 1906 года, и издал первый свой сборник рассказов «У самого берега Синего моря» (1900). В 1906 году он покидает Россию и в поисках лечения уезжает жить в Италию, однако не прекращая активного сотрудничества с российской прессой. В Италии он начинает писать научно-фантастические рассказы и повести, которые с 1910 года регулярно появляются (часто под псевдонимами «М. Волохов», «К. Алазанцев», «М. Де-Мар») на страницах «Вокруг света», «На суше и на море», «Мир приключений», «Природа и люди» — основных изданий, публиковавших в те годы фантастическую и приключенческую прозу.

Тематика ранних рассказов и повестей Первухина вполне традиционна для фантастики той поры: лучи смерти, путешествие на автомобиле к Северному полюсу, загадочные обитатели морских глубин, необычные изобретения. И все-таки эти произведения резко выделялись на общем фантастическом фоне уже в силу литературной одаренности автора.

«Вторая жизнь Наполеона» по понятным причинам стала последней публикацией Михаила Первухина на

родине. Избранный писателем художественный метод анализа исторических событий (а на деле — анализ современности) противоречил учению марксизма-ленинизма. Но в 1924 году в Берлине вышла главная книга писателя — историко-фантастический роман «Пугачев-победитель». Обращение к одному из самых сложных периодов российской истории не было случайным. «Что было бы, если бы в свое время Пугачев победил? — написано в предисловии к первому изданию книги. — Этот вопрос не однажды приходил в голову нам, русским, судьбой обреченным увидеть нашу Россию побежденной вторым «университетским Пугачевым», который, кроме «свободы» и «власти бедных», этих старых испытанных средств затуманивать разум народный, принес с собой яд много сильней, — учение Карла Маркса, то зелье, каким, по счастью для тогдашней России, еще не располагал Емельян Пугачев».

Время неумолимо. В 1994 году, спустя 70 лет, усилиями уральского знатока и библиографа фантастики И.Г. Халымбаджи «Пугачев-победитель» был переиздан. Книга не устарела — ни по языку, ни по тематике. Она и сегодня — образец качественной литературной фантастики. Но роман пионера «альтернативной истории», увы, оказался незамеченным даже вездесущими любителями фантастики. Неизвестные имена их не интересуют...

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Принято считать, что термин и понятие «научная фантастика» («Science Fiction») ввел в обиход в 1926 году отец американской НФ-журналистики Хьюго Гернсбек (его именем названа престижная жанровая премия). Этот миф прочно утвердился в сознании исследователей и читателей фантастики. Почему миф? — удивитесь вы. Да потому, что с легкой руки известного русского популяризатора науки, основоположника научно-занимательной литературы и страстного энтузиаста фантастики, немало сделавшего в 1920—1930-е годы для ее популяризации, Якова Исидоровича Перельмана (1882—1942) в России термин «научная фантастика» благополучно прижился за 12 лет до «эпохального открытия» американского инженера-фантаста. В 1914 году журнал «Природа и люди» поместил единственный художественный опыт

Я. Перельмана — рассказ «Завтрак в невесомости». В подзаголовке значилось: «научно-фантастический рассказ».

А вот относительно другого термина, имеющего более широкую трактовку — «фантастика», никаких мифов. Здесь все точно: это понятие, применительно к особому роду литературы, впервые ввел в обиход в 1830 году известный французский писатель и критик Шарль Нодье в статье, которая так и называется — «О фантастическом в литературе». Вот так, у древнейшего из искусств имя появилось лишь в XIX веке.

ПЕРВЫЙ АНДРОИД БЫЛ... ТРАКТОРОМ

Конечно, никто не станет оспаривать тот факт, что роботы, андроиды и прочие искусственные существа впервые появились в фантастических произведениях. Однако...

Оказывается, весьма познавательно покопаться не только в старых журналах и книгах, но и патентах. И тогда мы не без удивления обнаружим, что первый человекообразный робот был... трактором! В 1868 году американский инженер Дидерик Грасс сконструировал шагающего машину-человека. Это была двухколесная тележка, в оглобли которой впряжен человекообразный механизм с улыбочивым «лицом», в шляпе-цилиндре и с дымящейся трубкой в «зубах». В его туловище был встроен котел, а ноги представляли собой стальные сочленения, приводимые в движение тягами от компактной паровой машины, укреплённой на спине «андроида».

Изобретение Грасса не оправдало себя, и один из первых тракторов так и остался в единственном экземпляре.

ПЕРВОЕ ИФ-ИЗДАТЕЛЬСТВО

Знаете ли вы, где и когда возникло первое специализированное издательство фантастики? В Америке? Как бы не так! На самом деле это случилось почти 80 лет назад... в Болгарии.

В 1922 году основоположник болгарской фантастики Светослав Минков на собственные деньги открыл небольшое частное издательство «Аргус», намереваясь популяризировать литературу «нового типа». К нему присоединился его друг, впоследствии также известный писатель Владимир Полянов. Их мечтой было объединить вокруг своего детища молодых литераторов,

чье творчество основано на фантастическом отображении реальности. Чтобы понять всю грандиозность замысла, напомним, что болгарская литература, при всем богатстве фольклорного наследия, до 1920-х годов оставалась едва ли не самым укрепленным и преданным в Европе бастионом реализма, всячески избегая искушения фантастикой. Увы, главному издательскому проекту «Аргуса» — книжной серии *«Галерея фантастики»*, в которой планировалось представлять лучшие фантастические имена мира (вдумайтесь только — в 1922 году!) — не дано было осуществиться. Издательство просуществовало меньше года, успев выпустить всего две книги, дебютные сборники фантастических рассказов «отцов-основателей» — «Синяя хризантема» С. Минкова и «Смерть» В. Полянова.

СПЕЦСЛУЖБЫ «ЗАКАЗАЛИ»... ФАНТАСТИКУ

В 1928 году вышел роман Александра Беляева «Борьба в эфире». Вышел и почти сразу же попал в немилость — на долгие годы дорога к читателю у этой книги была закрыта. Почему так получилось, ведь роман вполне соответствует традициям коммунистической утопии. Это не совсем так. Беляев написал пародию, роман-буфф. В нем даже персонажи нарочито схематичны. Мир будущего «Борьбы в эфире» — это не только мир технических чудес (не случайно этот роман часто характеризуют как каталог научно-фантастических идей — их действительно много в книге), это мир, где существуют два враждебных друг другу социально-политических лагеря: Советская Европа и последний оплот загнивающего капитализма — Америка. Янки в изображении Беляева выглядят, мягко говоря, карикатурно: маленькие, заплывшие жиром, лысые и с большими головами. Но и представители «коммунистического лагеря» обрисованы ничуть не лучше: хлипкие, лысые уродцы. Так что неудивительно, что роман оказался под запретом, только в 1986 году он впервые был переиздан. Зато особый интерес в годы «холодной войны» проявили американские издатели. Роман вышел на английском языке по рекомендации... спецслужб США! Еще бы, ведь в книге впервые была описана война с Америкой. А американский читатель должен знать, какие технологии может использовать «Империя Зла» в вероятной войне против «Свободного мира».

Впрочем, это не единичный пример пристального интереса спецслужб к фантастике. В начале 1940-х годов американская секретная служба «Си-ай-эй» по подозрению в шпионаже и разглашении государственной тайны взяла под арест молодого фантаста Роберта Хайнлайна и редактора журнала «Эстаундинг» Джона Кэмпбелла. Причиной послужил опубликованный в журнале НФ-рассказ «Решение неудовлетворительно», в котором Р. Хайнлайн детально описал принцип действия атомной бомбы. К счастью, Кэмпбеллу довольно быстро удалось снять с Хайнлайна обвинения в «непатриотичности» и доказать, что он всего лишь человек с большой фантазией, автор НФ-произведений.

Оговоримся: история с Хайнлайном документально не подтверждена. Вполне вероятно, что она — всего лишь один из многочисленных мифов, сложившихся вокруг определенно мифологической фигуры американского немца Роберта Энсона.

ПЕРВЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Понятие «бестселлер», применительно к нашему книжному рынку, сравнительно недавнее. Это сегодня мы можем открыть, например, «Книжное обозрение» и, заглянув в «Список бестселлеров недели», узнать, какая фантастическая книга пользуется наибольшим коммерческим успехом, а значит, читательским спросом.

Интересно, а какое из произведений отечественной НФ стало первым официальным бестселлером? Оказывается, попытки провести маркетинговые исследования книжного рынка с целью выявления самых читаемых книг (в данном случае — НФ) предпринимались еще в первой половине XX века. В 1930 году московский журнал «Вокруг света» (напомним, его тираж в то время составлял 250 000 экз.!) опубликовал читательскую анкету, в которой редакция просила назвать самые популярные произведения фантастического и приключенческого жанра, вышедшие на русском языке за последние пять лет. Это был первый подобный опыт в отечественной журналистике, и он принес плоды. Пятилетка для советской НФ была урожайной, но с большим отрывом почетное первое место в списке читательских симпатий занял роман Александра

Беляева «Человек-амфибия», единодушно признанный самым популярным произведением последних лет.

Так что «Человека-амфибию» справедливо считать первым бестселлером российской НФ.

Но в истории нашей фантастики были бестселлеры и другого рода. Утвержденные на эту «должность» государством. Такие возникли в 1930-е годы, в эпоху расцвета «оборонной фантастики». И строчку абсолютных лидеров в этом «списке государственных бестселлеров» занимают два печально известных романа — «Первый удар» (1936) Николая Шпанова и «На Востоке» (1936) Петра Павленко, повествующие о будущей войне и стремительной, бескровной победе советских войск. Первый из них только в течение одного года был издан пять раз! Опус же Павленко за 1937—1939 годы выдержал 10 изданий! Справедливости ради стоит заметить, что это едва ли не единственный случай, когда навязанные Властью книги «для обязательного изучения» пользовались немалым успехом и у читателей.

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Многие образцы молодой советской НФ, рассыпанные на журнальных страницах, так и затерялись в песках времени. Рассказу «Чужие» (не путать с популярным американским фильмом), единственному сочинению безвестного Алексея Волкова, повезло. Впервые опубликованный в журнале «Мир приключений» в 1928 году, о нем вспомнили в 1960-е годы, и с тех пор он несколько раз мелькал в антологиях и журналах. Новелла эта справедливо вошла в список «знаковых» произведений истории русской НФ, ведь «Чужие» открыли в отечественной литературе тему «позитивного контакта» с обитателями иной звездной системы. Кроме того, сочинение Волкова — один из самых запоминающихся в галерее ранней НФ портретов негуманоидных пришельцев. Следует отметить и художественный уровень рассказа — он положительно выделялся на общем фоне неопытной советской фантастики и литературным мастерством, и изобретательностью сюжета.

Два советских ученых-биолога после кораблекрушения оказываются на пустынном берегу Западной Африки, где и встречают экипаж потерпевшего аварию звездолета чужих. (Между прочим, это первый в мировой НФ ко-

рабль дисковидной формы, или попросту — «летающая тарелка»!) Описание внешности пришельцев впечатляет: «Казалось, нет ни лба, ни щек, ни скул — одни глаза! Два белых шара на шее, стержнем выдвинувшейся из плеч. Блестяще-белую эмаль выпученных белым раскалывали пополам горизонтально, от края до края, тонкие трещины — щели сильно суженных зрачков. Жесткая складка плотно сомкнутого, безобразно громадного лягушачьего рта в грязно-зеленой коже, сухо обтягивавшей всю голову и свободную от глаз часть лица, придавала голове невыразимо свирепое выражение. Разрез широкой пасти, загибаясь кверху, заканчивался в дряблых складках кожи под ушами. Выдающаяся вперед, узкая и тупая, без подбородка челюсть нависала над жилистой шеей настороженной ящерицы».

Неудивительно, что поначалу земляне не симпатизировали гостям со звезд, да и пришельцы не сразу разглядели в наших ученых наличие интеллекта. Непростым оказался путь к взаимопониманию. Завершается повествование на оптимистической ноте: один из землян отправляется в длительное путешествие на корабле чужих к их родной планете. Но автор, к сожалению, не успел написать продолжение этой увлекательной истории... Уже в следующем, 1929 году едва начавшаяся эпоха космических полетов и контактов с пришельцами на целых два десятилетия была «закрыта».

БОЛЬШЕВИКИ НА ЛУНЕ

История завоевания космического пространства, как и любая история, таит в себе немало нераскрытых загадок и легенд. Вероятно, самая известная и популярная из них связана с проектом нацистской Германии «Возмездие», то есть с разработкой в Третьем рейхе межконтинентальных ракет А-9/А-10 и А-4b, больше известных как «Фау». Над их созданием трудились пионеры космического ракетостроения Вернер фон Браун и Герман Оберт. И по сию пору жива легенда, что якобы еще в 1944 году им удалось одну из них отправить за пределы земной атмосферы с тремя пилотами на борту.

Но с «космической лихорадкой» пионерской эпохи связано немало и курьезных историй. Вот, к примеру, известно ли вам, что еще в 1926 году русские космонавты могли высадиться на Луне и водрузить красный флаг?

Во всяком случае, так считали в Англии.

В августе 1926 года московский корреспондент агентства «Central News» телеграфировал в Лондон: ««Комсомольская правда» передает, что 12 августа одиннадцать советских ученых в специальной ракете вылетят на Луну». Это не фрагмент научно-фантастического романа, а реальное сообщение, не на шутку встревожившее Лондон. В 1920-е годы межпланетные полеты из предмета фантазий и теории превратились в объект работы инженеров и ученых, так что экспедиция на Луну многим представлялась вполне вероятной. Англия весьма болезненно переживала, что «прошляпила» американцам Северный полюс, и вот новая напасть — большевики вот-вот водрузят красное знамя на Луне! Неужели и здесь царице морей уготовано место в конце очереди? Но еще больше обывателей пугала идеологическая подоплека «русской экспедиции»: а что, если на нашем спутнике есть жизнь? Как оградить селенитов от большевистской пропаганды? Подобная постановка вопроса для научно просвещенного 26-го года (уже стартовала ракета Годдарда и изданы основные труды Циолковского, Оберта, Валье, Перельмана и др.) может показаться смешной. Да так оно и есть, тем более что эти вопросы на полном серьезе звучали со страниц центральных газет.

Но на сенсационное известие «клюнули» не только журналисты, но и некоторые ученые. Ровно за день до «часа X», 11 августа, в «Daily Chronicle» профессор Фурнье д'Альба выступил со статьей, в которой прежде всего попытался «успокоить» соотечественников относительно большевистской пропаганды. «На Луне некого пропагандировать, там нет населения. Нам угрожает совершенно другого рода опасность, — тут же добавляет он. — Если большевикам удастся достигнуть Луны, то, не встретив там ни вооруженного сопротивления, ни надобности испрашивать концессии, они без затруднений овладеют всеми лунными богатствами. Заселенная коммунистическим элементом Луна сделается большевистской. Затрата на постройку ракеты и риск жизнями нескольких ученых — сущие пустяки в сравнении с теми колоссальными выгодами, которые можно ожидать от эксплуатации материка на Луне».

На следующий день англичане вздохнули с облегчением.

Неизвестно, существовал ли проект лунной экспедиции в реальности. Скорее всего лондонский корреспондент, имя которого, к сожалению, история не сохранила, оказался большим шутником. Хотя доподлинно известно, что в

том же 1926 году Герман Оберт начал сооружать трехступенчатую пятитонную ракету, в которой планировал достичь Луны за два дня.

Как бы там ни было, то был удивительный год! В марте Роберт Годдард осуществил запуск первой ракеты на жидком топливе, взлетевшей, правда, всего на двенадцать с половиной метров, а уже в конце года в Вене снаряд профессоров Оберта и Хозфа преодолел несколько миль и благополучно совершил посадку на парашюте. А если ко всему этому добавить еще один старт — появление первого номера детища Гернсбека «Amazing Stories», то 1926 год уверенно можно назвать фантастическим.

КАК УКРАЛИ ГОЛЬФШТРЕМ

В довоенные годы в больших количествах журналы и издательства печатали не только молодую советскую НФ. Едва ли меньше было фантастики переводной.

Просмотрев библиографию книг и журнальных публикаций довоенного периода, легко заметить, что «фантастический бум» на книжном рынке России первой половины 1990-х напоминает книгоиздательскую ситуацию 1920-х. И в особенности по части издания переводной НФ. В те, почти благодатные нэповские годы зарубежных авторов издавали едва ли меньше, чем сегодня. И не только бесспорных классиков вроде Жюль Верна, Герберта Уэллса или Артура Конан Дойла. Десятки и десятки произведений, имен большинства авторов которых сегодня с трудом можно разыскать даже в энциклопедиях НФ.

Большим успехом пользовались «марсианские романы» Эдгара Берроуза, приключенческая фантастика Пьера Бенуа («Атлантида») и Пьера Жиффара («Адская война»), особый спрос был на научную фантастику об освоении космоса — эту тему с разной степенью таланта разрабатывали Отто Вилли Гайль («Лунный перелет» и «Лунный камень»), Рэй Кеммингс («Человек на метеоре») Жан Ле Фор и Анри Графиньи («Вокруг Солнца») и многие другие. И конечно же, в больших количествах издавались романы социального и утопического характера (Х. Бергстедт, Р.И. Бехер, Р. Блэчфорд, Л. Десберри и др.). Активно популяризировали зарубежную НФ процветавшие тогда журналы «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света» (этот и вовсе выходил в двух

версиях — ленинградском и московском). Немало интересного можно было встретить на их страницах.

И все-таки особой читательской любовью пользовалась фантастика приключенческая.

В середине 20-х поистине ошеломляющий успех выпал на долю книги ныне забытого француза Жака (Жоржа) Тудуза «Европа во льдах» (журналы той поры вообще с большой охотой публиковали «морские рассказы» и путевые очерки этого литератора).

На ней мы и остановимся чуть подробнее.

Впервые опубликованный в 6-м выпуске Библиотеки «Всемирного следопыта» за 1927 год, роман настолько полюбился читателям, что в том же году был переиздан издательством «Молодая гвардия», правда, под другим названием: «Человек, укравший Гольфштрем». И опять же в 1927 году издательство, «повинуясь» читательским требованиям, выпустило еще один бестселлер этого автора — роман «Разбудивший вулканы». Что и говорить, по увлекательности и изощренности сюжетной интриги романы Тудуза уступали разве что произведениям Конан Дойла.

Об успехе книги свидетельствует и тот факт, что по ее выходе появилось немало повестей и рассказов откровенно подражательных, иногда просто на грани почти плагиата (как в случае с появившимся в том же году романом А. Палея «Гольфштрем»).

Жарким июльским днем художник Жак со своей невестой Яниной и несколькими друзьями решили совершить близ бухты Сен-Мало увеселительную морскую прогулку на небольшой яхте «Моргана». Ничто вроде не предвещало того, что случилось уже спустя всего несколько часов. Неожиданно начавшийся ураган принес с собой обильный снегопад. А еще некоторое время спустя почти неуправляемая «Моргана» оказалась в открытом море... среди льдов! В самый разгар лета! Но «чудеса» продолжались и дальше — яхту атаковало стадо невесть откуда взявшихся моржей. Неизвестно, как сложилась бы судьба горепутешественников, не спаси их моряки случайно оказавшегося поблизости миноносца. Но вернувшись на материк, они узнают, что в экологический хаос повержен весь мир. А на Земле творилось и в самом деле нечто невообразимое — казалось, сама Природа сошла с ума. Почти вся западная часть Европы в считанные часы превратилась в Крайний Се-

вер, отрезанная от остального мира льдами и снегом; Атлантику бороздят айсберги и стада моржей, зато на других континентах люди, напротив, задыхаются от небывалой жары. Что это, конец света? Мир в панике.

Однако Жак и его друзья оказались ребятами не из робкого десятка. Едва придя в себя от пережитого, они снова отправляются в море — на этот раз в составе добровольцев спасательной экспедиции, высланной на встречу гибнущему во льдах пассажирскому кораблю. Но в результате сами терпят крушение и оказываются пленниками таинственного острова. Остров и в самом деле необычен: в его недрах скрыт гигантский дворец на глубине... 400 метров (!). Здесь-то и кроется загадка экологической катастрофы, обрушившейся на Европу. Хозяин острова — потомок древних ацтеков, эдакий капитан Нэмо начала XX века, объявил себя Монтезумой Третьим. Используя гений европейского ученого, он вознамерился отомстить «коварным европейцам», некогда завоевавшим Мексику, и перекрыл островом (как вы уже догадались — он искусственного происхождения) теплое течение Гольфштрем... Но, пройдя множество испытаний, Жак и его команда срывают планы новоявленного диктатора и спасают мир.

Таков в общих чертах сюжет «Европы во льдах» — книги действительно увлекательной, выдержанной в лучших традициях фантастики экшн. Но не только поэтому вспомнили мы о забытом романе. Не менее любопытный документ времени являет собой редакционное предуведомление к сочинению французского беллетриста. С первых же строк автор упрекается в том, что «романист не сумел, да, очевидно, и не захотел использовать удачную фантастическую фабулу для показа широкого социального полотна. Человек, укравший Гольфштрем, оказывается авантюристом, разыгрывающим роль императора потомков первых обитателей Мексики. Он обрушил на мир свою жестокую выдумку во имя мщения за унижения расы. В конечном счете, этот «Монтезума-III» обнаруживает больше личной корысти, чем размаха мысли». И далее: «Ж. Тудуз не разглядел действительной опасности <...> Если научно-фантастическая сторона его романа имеет оправдание в реальности достижений современной научной мысли, то действующие лица романа овеяны слащавой и пошловатой фантазией, схожей с аляповатыми вымыслами Пьера Бенуа <...> Диктатор, похищающий Гольфштрем, был бы мыслим лишь, как

воплощение плотоядных и неутолимых appetitов в американской буржуазии... Читатель должен все время помнить, что в схеме, начерченной Ж. Тудузом, имеется коренной пробел: отсутствуют классы, действующие на арене истории».

Подобного рода обращениями к читателю в те годы снабжались почти все переводные приключенческие книги, и предназначались они в первую очередь не для читателей, которым по большому счету было наплевать — есть в книге «классы» или нет, а для критиков и цензоров, как бы предупреждая их неизбежные нападки за публикацию столь «идеологически безликого» сочинения: мол, да, мы все знаем и даже, как видите, не одобряем автора.

В завершение, словно оправдываясь — уже перед читателями, — редакция все же сообщает, что «роман достаточно увлекателен для того, чтобы вознаградить читателя за употребленное на это время».

ПОЛНЫЙ УЭЛЛС

Кстати, о популярности зарубежных фантастов в России.

Произведения Жюль Верна и Герберта Уэллса в дореволюционной России переводились довольно оперативно — спустя месяц-другой после выхода на языке оригинала российский читатель получал возможность ознакомиться с новыми книгами зарубежных романистов. К творцам НФ в России и в самом деле относились с особой любовью. Свидетельством тому служит и тот факт, что первое собрание сочинений Г. Уэллса увидело свет отнюдь не на родине, а в санкт-петербургском издательстве Пантелеева в 1901 году. Спустя несколько лет другое петербургское издательство «Шиповник» порадовало российских читателей еще одним собранием английского фантаста (1908—1910), а в 1909—1917 гг. знаменитый издатель Ц.П. Сойкин выпустил первое в мире Полное собрание сочинений Уэллса в 13 томах.

НЭМО В КОСМОСЕ

Полистаем еще страницы старых журналов.

Славный капитан Нэмо, созданный фантазией великого Жюль Верна, как и положено популярному литературному герою, время от времени «оживает» в произведениях других писателей. Правда, гораздо реже другого известного

персонажа — свифтовского Гулливера. И все же, еще в XIX веке русский писатель Константин Случевский написал «неизвестную» главу из Жюль Верна — повесть «Капитан Нэмо в России», а из произведений последних лет можно вспомнить изданный на русском языке цикл фантастических повестей немецкого прозаика В. Хольбайна «Дети капитана Нэмо»...

Впрочем, к герою повести полузабытого американского писателя Рэя Кеммингса (1887—1957), плодотворно работавшего в жанре в 20—30-е годы, «Человек на метеоре» жюльверновский Нэмо не имеет совершенно никакого отношения. На поверку он оказался просто «тезкой». Или «однофамильцем». А может, и самозванцем.

«Человек на метеоре» печатался с продолжением в журнале «Мир приключений» в 1925 году — всего лишь через год после первой публикации в Америке (факт сам по себе примечательный в характеристике издательской политики довоенной России). И подобно многим другим публикациям «Мира приключений», повесть Кеммингса вызвала самый живой интерес читателей — в первую очередь, конечно же, увлекательностью и экзотическим окрасом сюжета. И столь же быстро была забыта.

Сюжет ее незатейлив. По стечению странных, так и не объясненных автором, обстоятельств некий молодой человек попадает на метеор, составляющий часть одного из колец Сатурна. Драматическое положение юноши усугубляется еще и тем фактом, что он ровным счетом ничего не помнит: ни как попал сюда, ни откуда он вообще, не помнит даже имени своего. А потому и нарек себя Нэмо (можно предположить, что когда-то он тоже читал роман Жюль Верна, только и этого не помнит). На протяжении четырех номеров читатели внимательно следили за удивительными приключениями новоиспеченного Нэмо, время от времени прерываемые «познавательными» описаниями растительного и животного мира, которые оказались, пожалуй, даже слишком разнообразны для столь небольшого космического тела. А чтобы придать вымышленному миру большую экзотичность, автор заселил метеор и разумными созданиями, обитающими в подводном городе Раксе. И все-таки Нэмо, потерявший уже всякую надежду на возвращение в человеческий мир, не мог не испытывать острого чувства одиночества. И Кеммингс пожалел его: в Раксе юноша встречает свою «Еву» — девушку Нону, которая,

кстати, и вовсе уж непонятно, каким образом оказалась на метеоре...

Повесть Рэя Кеммингса являла собой типичный для того времени образчик авантюрно-фантастической прозы, обильно разбавленной псевдонаучными измышлениями. Подобную фантастику — и нашу, и переводную — в большом количестве печатали советские журналы 20-х. Такого рода сочинения не претендовали на роль и функции Литературы (хотя встречались и подлинные жемчужины жанра), но они были весьма увлекательны, нередко даже познавательны, а главное — в достаточной мере будили творческое воображение советских читателей, переживших Октябрьскую революцию. Редакторы «Мира приключений», «Всемирного следопыта» и «Вокруг света» отчетливо понимали свою главную задачу: поучать, развлекая. Как завещал Жюль Верн.

КАК ФАНТАСТ СТАЛИНА ПОУЧАЛ

...Но нередко «поучения» читателя завершались драмой в судьбе самих фантастов...

В декабре 1940 года из Ленинграда на имя Сталина пришло очень необычное письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Каждый великий человек велик по-своему. После одного остаются великие дела, после другого — веселые исторические анекдоты. Один известен тем, что имел тысячи любовниц, другой — необыкновенных Буцефалов, третий — замечательных шутов. Словом, нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами.

Ни у одной исторической личности не было еще своего писателя. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека. Впрочем, и в истории литературы не найти таких писателей, у которых был бы один-единственный читатель...

Я беру перо в руки, чтобы восполнить этот пробел.

Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы.

Возможно, что мои литературные способности не встретят Вашего одобрения, но за это, надеюсь, Вы не осудите меня, как не осуждают людей за рыжий цвет волос или за выщербленные зубы. Отсутствие талантивости я постараюсь

заменить усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам.

Дабы не утомить Вас и не нанести Вам травматического повреждения обилием скучных страниц, я решил посылать свою первую повесть коротенькими главами, твердо памятуя, что скука, как и яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей.

Вы никогда не узнаете моего настоящего имени. Но я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга — создает литературное произведение для единственного человека, и этот чудак, не придумав ни одного путного псевдонима, решил подписываться Кулиджары. В Солнечной Грузии, существование которой оправдано тем, что эта страна дала нам Сталина, слово Кулиджары, пожалуй, можно встретить, и возможно, Вы знаете значение его».

К письму прилагались первые главы социально-фантастической повести «Небесный гость» (всего автор успел переслать 7 глав). Сюжет ее внешне незамысловат. Землю посещает пришелец с Марса, где, как оказывается, «Советское государство существует уже 117 лет». Рассказчик, выполняющий функцию гида, знакомит инопланетянина, прилетевшего с исследовательской миссией, с жизнью в Советской России. Все последующее повествование подчинено классической схеме архаической утопии и представляет собой серию социально-философских диалогов марсианина с представителями различных социальных слоев — писателем, ученым, инженером, колхозником, рабочим. Но до чего же много было сказано в этих нескольких главах!

Вот, например, что говорит марсианин (ну, конечно же — автор), ознакомившись с подшивкой советских газет: «А скучноватая у вас жизнь на Земле. Читал, читал, но так ничего и не мог понять. Чем вы живете? Какие проблемы волнуют вас? Судя по вашим газетам, вы только и занимаетесь тем, что выступаете с яркими, содержательными речами на собраниях да отмечаете разные исторические даты и справляете юбилеи. А разве ваше настоящее так уж отвратительно, что вы ничего не пишете о нем? И почему никто из вас не смотрит в будущее? Неужели оно такое мрачное, что вы боитесь заглянуть в него?

— Не принято у нас смотреть в будущее.

— А может быть, у вас нет ни будущего, ни настоящего?»

Последняя реплика прозвучала в повести пугающе прозорливо. А разве сегодня мы не задаем себе тот же страшный вопрос?

Дальше — больше. Гражданин «советского» Марса узнает об ужасающей бедности страны, причиной которой является *«гипертрофическая централизация всего нашего аппарата, связывающая по рукам и ногам инициативу на местах»*, о бездарности и бессмысленности большинства законов, о том, как выдумываются мнимые «враги народа», а затем устраивается «охота на ведьм», о трагическом положении крестьянства, изуродованного коллективизацией, о ненависти большевиков к интеллигенции (*«Большевики ненавидят интеллигенцию. Ненавидят какой-то особенной, звериной ненавистью»*) и о том, что во главе большинства учебных заведений и научных учреждений стоят люди, *«не имеющие никакого представления о науке»*. С пронзительной прямоотой загадочный автор сообщает о развале культуры: *«Большевики упразднили литературу и искусство, заменив то и другое мемуарами да так называемым «отображением»*. Ничего более безыдейного нельзя, кажется, встретить на протяжении всего существования искусства и литературы. Ни одной свежей мысли, ни одного нового слова не обнаружите вы ни в театрах, ни в литературе». А еще в повести было сказано о мнимости свободы печати, которая *«осуществляется с помощью предварительной цензуры»*, о страхе людей говорить правду.

На многие уродства советской жизни успел «раскрыть глаза» товарищу Сталину таинственный Кулиджары, прежде чем его вычислили. Вездесущему НКВД на это потребовалось целых четыре месяца!

Так кто же был таинственный Кулиджары?

Под этим именем скрывался известный детский писатель, автор самой популярной фантастической книги для детей конца 30-х годов «Необыкновенные приключения Карика и Вали» Ян Леопольдович Ларри. Он не был ярым антисоветчиком. Подобно многим писателям искренне верил в то, что «дорогой Иосиф Виссарионович» пребывал в неведении относительно творящихся в стране безобразий.

11 апреля 1941 года писатель был арестован.

В обвинительном заключении от 10 июня 1941 было сказано: *«...Посылаемые Ларри в адрес ЦК ВКП(б) главы этой повести написаны им с антисоветских позиций, где он извращал советскую действительность в СССР, привел ряд*

антисоветских клеветнических измышлений о положении трудящихся в Советском Союзе. Кроме того, в этой повести Ларри также пытался дискредитировать комсомольскую организацию, советскую литературу, прессу и другие проводимые мероприятия Советской власти».

5 июля 1941 года Судебная Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила Яна Ларри к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет (печально известная статья 58-10 УК РСФСР, т.е. антисоветская агитация и пропаганда).

«Дело Ларри» не было первым в череде политических процессов над писателями-фантастами. Увы, оно не было и последним.

ЭРОТИКА «БЛИЖНЕГО ПРИЦЕЛА»

Не перестаю удивляться курьезам, коими полна история научно-фантастической литературы! Да вот заглянем хотя бы в серую эпоху хозяйствования фантастики «ближнего прицела». Помните: Немцов, Охотников? Скучные, многостраничные истории про «изобретения сегодняшнего дня» — самонадевающиеся штаны, несгораемые танки, достижения сельского хозяйства... В общем, фантастика в отсутствии фантазии. Да, оригинальностью сюжетов эти сочинения не отличались. Но поразительные (воистину — фантастические) предвосхищения таились в иных... заголовках!

Писатель-фантаст Виктор Сапарин, автор книг «Удивительное путешествие» (1949), «Новая планета» (1950), «Однорогая жирафа» (1958), «Суд над Тantalусом» (1962), тоже начинал творческий путь как верный последователь концепции «ближнего прицела». Первый свой НФ-рассказ он опубликовал в 1946 году. А вот назывался он (внимание!) — «ЧУДЕСНЫЙ ВИБРАТОР». До реального изобретения этой «похотливой штучки» оставалось еще много лет.

Вот вам и «соцреалистическая целомудренность» фантастов «ближнего прицела»! Конечно же, сам рассказ был, мягко говоря, далек от эротических аллюзий, но то, что советский НАУЧНЫЙ фантаст оказался невольным «изобретателем» популярной эротической игрушки для женщин — это уж наверняка. По крайней мере он придумал название.

О РОССИИ — С «ЛЮБОВЬЮ»

1 мая 1960 года разведывательный самолет США U-2, совершая «незалитованный» полет над территорией Советского Союза, был сбит российскими службами ПВО. На свою беду, как раз в эти тревожные праздничные дни «самый американский из фантастов» Роберт Хайнлайн совершал вместе с женой (которая, кстати, владеет русским языком и неплохо знает русскую культуру) туристическую поездку по городам и весям СССР. Все им сначала нравилось, особенно балет и русское радушие, но в Казахстане американскую чету вызвал «на ковер» алма-атинский представитель «Интуриста» (разумеется, сотрудник КГБ), известил семейную чету о коварстве американского правительства и провел «инструктаж». Очень это не понравилось Хайнлайну, и на пару с женой они громко стали обвинять сотрудника КГБ и советское правительство в тоталитаризме, сталинских репрессиях и прочих смертных грехах. Всю ночь фантастическая парочка прислушивалась к шагам за дверью гостиничного номера, но зловеющий стук в дверь так и не раздался. Никаких репрессивных мер не последовало и в других городах, их никто не собирался насильно выдворять из страны. Это очень насторожило фантаста, и на родину он вернулся ярким антисоветчиком и с черной обидой на весь советский народ за их успехи в космосе.

Сразу по возвращении он поместил в журнале «American Mercury» путевые заметки под красноречивым названием «Pravda» Means «Truth» о своих злоключениях в Стране Советов. И тут же сел писать свой самый антиамериканский роман «Чужак в чужой стране». Вот таким непоследовательным человеком был фантаст Хайнлайн.

Продолжение следует...

Дмитрий Байкалов, Андрей Сннцын

ДИАЛОГИ ПРИ ПОЛНОЙ ЛУНЕ

(Обзор фантастики 2002 года)

Amicus Plato, sed magis amica veritas
Платон мне друг, но истина дороже.*

Пролог

Смеркалось. Когда мы покидали столицу срединных земель, ее улицы практически опустели. Но это нам было только на руку. Жители города ни при каких обстоятельствах не должны были распознать нашу инакость. Еще полчаса назад мы принимали участие в ежегодном празднике «Фантаст года», а еще через час у нас была назначена встреча в одном из прибрежных оазисов. Обычному жителю Континента для того, чтобы хотя бы попытаться выбраться за городскую черту, требовались годы, большинству же не хватало и жизни.

Мы были иными. Темп нашей жизни во много раз превышал обычный. В течение дня мы, как Фигаро, успевали утром выпить чашечку «мэйнстризовского» кофе, полдень встретить в обществе неведомого отшельника, а ночь провести на модной дискотеке в центре. Мы были хранителями. Нашей целью было помочь каждому найти на Континенте свое место, обрести себя, но самое главное — не потерять веру в фантастику. Мы были наблюдателями. Молодое вино наполняло старые мехи. Наша гавань была полна новенькими, с иглочки, катерами и лодками. Восьмая волна экспансии продолжала нарас-

* Вы не поверите, но это выражение сформулировано М. Сервантесом в романе «Дон-Кихот». Можете проверить: глава 51, часть 2.

тять. Глиняные кружки в руках молодых начинали все громче стучать об отполированные столешницы, требуя своей порции пива на этом празднике жизни.

Песок почти полностью покрыл дорогу, вымощенную самими обычными булыжниками. Мы вышли к пустыне. Полнеба занимала луна. Как всегда, при нашем появлении на ее фоне кто-то пролетел. Сегодня это была девичья фигурка с очень большой виолончелью. Мы уже давно привыкли к проявлениям этого дешевого «пиара» и, не обращая внимания, продолжили свой путь. Впереди нас ждало приключение. Притягательное и странное. А мы были из тех, кто желал странного. Из достоверного источника стало известно, что по окончании праздника неведомые отшельники решили собраться в одном из оазисов и поговорить о сокровенном. Куда уж страньше.

Как мы ни торопились, все равно опоздали. Дискуссия была уже в самом разгаре. Мы не стали афишировать своего присутствия и предпочли скрыться в тени платана. Говорил, вернее, продолжал говорить, одетый во все черное, «аккуратно выбритый» отшельник, «с собранными на затылке в хвост длинными волосами»:

— ...говори только о том, во что веришь сам. Никакой софистики. Мы должны найти истину, а не заниматься гнилой риторикой.

— Ты совершенно прав, коллега, — в разговор вступил «самый пожилой из присутствующих, высокий, чуть сутулый, с бородкой и баками», — для нас сейчас жизненно важно выработать систему этически значимых понятий. В противном случае наше дальнейшее существование на Континенте теряет всякий смысл.

— И будем по понятиям жить? — хмуро осведомился смуглый мужчина, «вроде бы не старый, но с явной сединой в волосах».

— Почему по понятиям? По определениям, — парировал Бородатый. — Без четкого представления о вечных истинах: кто издатель? какой тираж? и где гонорар? — мы не сможем знать, как нам дальше жить.

— Ты еще спроси, почему фантастика? — не унимался Смуглый.

После чего все почему-то посмотрели на четвертого собеседника — «средних лет, румяного, толстого, коротко стриженного, со щеточкой усов над губой». До сих пор

он не проронил ни слова, пребывая, казалось бы, в глубокой медитации.

— Фантастика есть Благо, — наконец произнес он, приоткрыв глаза. — «Многое» прозревается в свете «одного», единого начала всего сущего — Фантастики, которая и есть источник Бытия на Континенте.

— Ты сам-то понял, что сказал? — проявил иронию Длинноволосый.

— Почти, — съязвил Толстый, — а теперь объясняю для тупых. «Многое» — всякая видимая отдельная вещь: роман, статья, фильм, картина обретает свой облик, «вид», в свете невидимого «одного» — фантастики как идеи. Все, что производится на Континенте, востребовано лишь потому, что несет в себе «ген» родовой принадлежности. Иными словами, наши книги и статьи читают, наши фильмы и картины смотрят исключительно благодаря тому, что они относятся к фантастике. Ерго, без фантастики нас бы не было, впрочем, как и ее без нас.

— Это объективный идеализм, — констатировал Бородатый.

— А мне по фиг, — заявил Длинноволосый.

— А я бы выпил, — сказал Смуглый, — тут без стакана... — Он вдруг напрягся, еще мгновение, и нам бы вечно опираться о платан, но на этот раз повезло. — От уроды, — почти ласково проговорил он, — выходите уже. А если б я вас зашиб?

Соорудив улыбки пошире, мы шагнули из темноты.

— Вот, гуляли, луной любовались.

— А мы тут о святом...

Апология

...клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной... изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, — правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого...

Платон. «Диалоги. Апология Сократа»

— Прекрасное, клянемся Айзеком, здесь место для беседы! «Платан-то какой развесистый и высокий! Высота и тень как прекрасны! Как он расцвел! Всю местность наполнил он своим благоуханием! А под платаном бьет прелестнейший источник воды студеной — это и ноги чувствуют... А как

приятен и сладок здесь ветерок! Летним шелестом подпевает он хору цикад. Но роскошнее всего мурава! Она пышно раскинулась легким подъемом вверх и великолепно будет склонить на нее голову»*.

— Не вешайте нам на уши лапшу. Откуда вы и как сюда попали?

— Мы с праздника фантастики идем, а вас там почему-то не встречали.

— Наскутило нам все, из года в год одно и то же.

— Вы правы, но... увидели мы новое, похоже.

— Что ж, в данную минуту, придя сюда, себя вы обрекли на красноречие. Устройтесь поудобней, начинайте излагать, а мы пока возляжем.

— Возражений нет. Ну, слушайте.

Для начала немного статистики. По данным журнала «Книжный бизнес» в течение года на Книжном клубе в спорт-комплексе «Олимпийский» было представлено 1965 наименований книг, написанных в жанре фантастики и мистики, общим тиражом 18,4 млн. экз., в том числе 2002 года издания — 827 наименований (42%) тиражом около 8 млн. экз. (44%). Если принять во внимание тот факт, что ведущую десятку профильных издательских групп составляют исключительно московские и петербургские фирмы, чьи новинки сразу же поступают на Книжный клуб, то с небольшой степенью погрешности можно заявить, что в России в 2002 году вышло около 900 наименований фантастических книг тиражами от 5 до 150 тыс. экз. Остается добавить, что оригинальные произведения отечественных авторов составляют около трети этого количества.

— Ну и что здесь нового?

— Тенденция. За последние три года почти в полтора раза вырос интерес издателей к русскоязычным писателям. Если в 2000 году было выпущено около 200 подобных книг, то в 2002 году эта цифра выросла почти до 300. И еще, любезные друзья, попытайтесь назвать имя зарубежного фантаста, стартовые тиражи переводов которого были хотя бы сопоставимы с российскими аналогами: Александр Бушков «Сварог: чужие паруса» (150 тыс. экз.), Андрей Белянин «Отстрел невест» (100 тыс. экз.), Ник Перумов «Череп на рукаве: Империя превыше всего» (100 тыс. экз.), Сергей Лукьяненко «Спектр» (76 тыс. экз.), Василий Головачев «Исход Зверя» (60 тыс. экз.), Юрий Ники-

тин «Придон» (45 тыс. экз.), Роман Злотников «Армагеддон» (40 тыс. экз.). Но это не самое основное, что мы собирались вам сообщить. Дело в том, что практически все эти авторы в течение года стали «миллионерами».

— Это к мытарям...

— Вы не поняли. Ситуация на рынке фантастики сейчас такова, что в соответствии с законом Старджона 90% выпущенных книг никогда не допечатываются. Те же, которые удастаиваются такой чести, как правило, с целью большей привлекательности, меняют форму при неизменном содержании. Так возникают издания в мягкой обложке для странствующих и путешествующих, а также толстые тома для коллекционеров. Попытка же издательства «АСТ» совместно с донецким «Сталкером» выпускать покетбуки молодых перспективных писателей, не предваряя их целофанированным хардкавером, пока оказалась малоэффективной, несмотря на участие в проекте Б.Н. Струтацкого. На наш взгляд составители серии до конца не определились с целевой аудиторией. Одного фэндома все-таки недостаточно.

Однако при общих пасмурных тонах нарисованной нами картины на ней присутствуют и радужные мазки. Существует узкий круг писателей (их имена мы уже назвали), читательская аудитория которых постоянно растет, и за счет этого практически все их произведения постоянно допечатываются. Если же учесть, что за писательскую карьеру каждым из семерки написано минимум 10 романов (у некоторых раза в три больше), что тираж переиздания, как правило, сопоставим со средним по стране, и при этом не забыть о стартовых тиражах одного-двух (а то и трех) «свежачков», то путем несложных арифметических вычислений можно получить искомое число, неуклонно стремящееся к озвученному с шестью нулями.

— Тем более к мытарям... — тут Смуглый натолкнулся на недоумевающий взгляд Толстого, — ну шучу я, шучу.

— Вообще феномен невероятного успеха именно этих авторов, безусловно, требует отдельного исследования. Мы же, с целью не умножать сущности, приведем ряд цитат, способных пролить свет на это явление. Как сейчас принято — по comment. Имеющий глаза, да увидит.

А. Бушков: «Интеллигент — это существо, которое оценивает не реальный мир, а мир, который существует в его воображении, он характеризуется страшным тоталитарным сознанием, что доказали французы, весело и увлеченно

резавшие друг друга, пока не пришел Наполеон». («Книжный бизнес», № 8, 2002)

Ник Перумов: «Моя эпичность выросла как естественное продолжение чтения «Старшей» и «Младшей» Эдды, «Нибелунгов», «Песни о Гильоме Оранжском». Мне с самого начала казалось, что когда ты пишешь фэнтези, ты создаешь огромный мир и для тебя сцена протягивается от горизонта до горизонта. А стремление других авторов к камерности — это, наверное, продолжение русской традиции, наиболее четко выраженной Чеховым...» («Книжное обозрение», № 40, 2002)

А. Белянин: «Учителей в фантастике назвать не могу: их слишком много. Наверное, в первую очередь — народные сказки. Я читал их запоем почти до шестнадцати лет. Все, что удавалось достать, всех времен и народов. Потом, конечно, Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Самая потрясающая фэнтези! Дальше были Булгаков, Ефремов, Соловьев. Всегда предпочитал «живую» вещь, то есть без космоса, роботов, ракет и инопланетян. Пытаюсь по мере сил поддерживать славные традиции Гоголя и Булгакова, это великие учителя...» («Звездная дорога», № 1, 2003)

С. Лукьяненко: «Когда я пишу ту или иную книгу, я всегда в нее верю. И это ощущение веры в то, что происходит на бумаге, умение немного заиграться в эту игру, которой является сочинение текстов, и утратить грань между реальностью и вымыслом — это чувствуется всегда, и всегда придает книге живую атмосферу, которая и подкупает читателя». («Книжное обозрение», № 52, 2002)

В. Головачев: «Процесс идет. Склок меньше не стало. Дерутся за премии, дерутся за известность, пусть даже она будет скандальной. В то время как читатель голосует за талантливые произведения своим кошельком. Это единственно правильный критерий». (Сайт «Правда.РУ», 21.08.2001)

Ю. Никитин: «Я вообще люблю сочинять что-то новое. И обязательно такое, что до меня никто не писал. В вымышленном мире мне хорошо и комфортно. Там я абсолютно владею ситуацией, и ни перед кем не держу ответа за совершенные героями поступки и тот мир иллюзий, в который я погружаю читателя». («НГ EX LIBRIS», № 37, 2002)

Р. Злотников: «На вопрос о том, как удастся совмещать службу с весьма плодотворным литературным творчеством, ответ прост: «Прихожу домой в семь вечера. Гуляю с собакой. Ужинаю. Общаюсь с детьми. Часов в одиннадцать

сажусь за компьютер и пишу где-то до трех. Утром встаю в семь тридцать. Вот так». («Литературная Россия», № 19—20, 2002)

— Все это пустяки в сравнении с вечностью. — Длинноволосый сладко потянулся. — На мой непросветленный взгляд, следует писать так, чтобы им, нашим читателям, стало хорошо. А поскольку все в мире взаимосвязано, если им будет хорошо, то и нам будет тоже.

— Вопрос только, от чего читателям хорошо? Так, в этом году возобладала точка зрения, что от смеха. И какой только смех не пытались продавать. Обилие юмористической, сатирической, иронической, пародийной фантастики довело потребителя практически до колик.

Прежде всего хочется отметить издательство «Альфа-книга». Люди, подарившие человечеству книги А. Беянина, не останавливаются на достигнутом и продолжают выискивать молодые таланты. «Девушка-лиса» Г. Черной, написанная по мотивам китайского фольклора, и «Операция «У Лукоморья» О. Шелониной и В. Баженова, рассказывающая о похождениях капитана спецназа в тридевятом царстве, находятся в русле традиций, заложенных юмористом №1 российской фантастики. Несколько в стороне от основного потока находится творчество В. Бабкина. Романом «Слимперия» он завершил свою трилогию, начатую книгами «Слимп» и «Слимпер». На этот раз обычный русский парень Семен и его поделщик волшебный медальон «Магический Вор» просто и без затей спасают мир.

Вдохновленное успехами коллег издательство «ЭКСМО» открыло собственную серию юмористической фантастики. В ее рамках вышли книги Е. Прошкина и В. Шалыгина, С. Логинова, С. Костина (и здесь не обошлось без ментов в параллельном мире), а также цикл А. Лютого о Рабине Гуте. Открыл же серию и стал ее «локомотивом» новый роман М. Успенского «Белый хрен на конопляном поле». Автор продолжает играть в том же самом пространстве, что и в трилогии о Жихаре, а вот со временем произошли изменения. Поскольку змей Уроборос все-таки выпустил свой хвост, то оно стало линейным, и патриархальное Многоборье превратилось в средневековую Посконию. В остальном — то же самое. Те же философские глубины, стоящие за каждой шуткой, тот же язык повествования, полный аллюзий и ассоциаций, те же современные архетипы, ассимилированные к средневековому менталитету. Но если Жихарь был нашим другом, то герои «Белого

хрена...» король Стремглав Первый и его сыновья — лишь персонажи прекрасно сконструированного сатирического романа фэнтези. И хотелось бы рассмеяться, но почему-то грустно.

Вот уже второй год радует читателей Гай Юлий Орловский. По какой причине его книги о Ричарде Длинные Руки выходят в серии «Абсолютное оружие», а не в «Юмористической фантастике» — загадка. А вот звучный псевдоним их автора загадкой быть перестал. Достаточно прочитать один из ранних рассказов Ю. Никитина, в котором фигурирует персонаж, именуемый точно так же.

— О как! А мы-то голову ломали, ночей не спали. — Смуглый аж подпрыгнул.

— Не юродствуй, — одернул его Бородатый, — вдруг кому интересно.

— Издательство «АСТ» формально не участвует в поголовной юморе, но, выпустив роман Л. Каганова «Харизма», сделало шаг в этом направлении. Роман отличает характерное для автора ироничное отношение к нашему миру. История «Лексы» Матвеева, хакера и раздолбая, который под воздействием инопланетного артефакта становится «типа» горцем, не оставит равнодушным никого, кто хоть однажды улыбнулся шуткам героев «О.С.П.-студии».

Благодатный материал для пародий подарила российским авторам Джоан Ролинг. «Порри Гаттер и Каменный Философ» назвали свою книгу А. Жвалевский и И. Мытько. «В школу магии Первертс Гаттер приезжает с мечтой — как можно быстрее перевестись в техникум связи. Но драматический поворот событий меняет все...» В заявленных рамках авторам удалось подарить своим читателям несколько приятных часов, чего никак нельзя сказать о также представленном как пародия сериале Д. Емца о Тане Гроттер.

— Да мы эту Таню Гроттер...

— Господа, господа! Не забывайте о своем высоком статусе отшельника. Впрочем, на часах далеко за полночь. Пора и о женщинах.

Пришла беда, откуда не ждали. Около 20% от общего количества вышедших книг и почти 50% фэнтези написано прекрасным полом. За океаном с этим давно уже смирились. Видимо, придется и нам. Хотя, надо признать, совсем уж врасплох нас не застали — критика оперативно отреагировала.

Бойцы успели запалить сигнальные костры на стороже-

вых башнях — озвучили наиболее опасные имена. Только в течение этого года увидели свет произведения М. Алферовой, Л. Андроновой, К. Букши, М. Галиной, П. Греус, Е. Долговой, О. Елисеевой, Н. Ипатовой, В. Камши, Н. Мазовой, Н. и Е. Некрасовых, Э. Раткевич, Н. Резановой, А. Сашневой, М. Симонной, Д. Трускиновской и др.

Три года ждали поклонники Е. Хаецкой появления ее новой книги. И наконец дождались. Даже двух: «Бертрана из Лангедока» и «Голодного Грека...». Что можно сказать? Поклонники довольны. Нам же густо замешанные на христианской морали исторические реконструкции показались весьма далекими от фантастики вообще и от фэнтези в частности. Тем не менее надо признаться, что мы с удовольствием заглянули бы на огонек в маленький домик у моря с черепичной крышей, который вот уже несколько лет по кирпичику выстраивает Елена. Если нас, конечно, пригласят...

А вот кто действительно сумел удивить, так это томичка И. Скидневская, написавшая дилогию «Звездные мальчики» — «Игры по-королевски». Абсолютно эклектичное на первый взгляд повествование (роман состоит из новелл, написанных во всем спектре фантастических стилей: от жесткой НФ до детской сказки) по мере продвижения к финалу обретает целостность и смысл. Звездные мальчики спасут мироздание, из которого наконец уйдут страдания и боль — вечные спутники человечества. По большому счету проза Скидневской сейчас в отечественной фантастике аналогов не имеет. Единственное, что можно точно сказать, — это плоть от плоти фантастики. Думается, сейчас Ирина уже обживает свой оазис.

— Адресок не подскажите? — оживился Смуглый. На него даже не посмотрели.

— Как ни парадоксально звучит, но дилогия И. Скидневской является дебютом. Кроме нее, хотелось бы отметить уже упоминавшуюся «Девушку-лису» Г. Черной, «Укус технокрысы» В. Гусева, «Хроники вторжения» Я. Верова, «Армию солнца» С. Вольнова, «Цену победы» С. Садова (любопытно было бы взглянуть на его гипотетическое соавторство с Н. Мазовой), «Пусть бог не вмешивается» А. Фомичева, но особенно трилогию «Война кукол» А. и Л. Белаш. Как и в случае со Скидневской, трудно поверить, что это первая книга авторов.

Каким образом должен поступить киборг, в один прекрасный день осознавший, что уже ничем не отличается

от своего создателя, разве что сутью своего рождения. Не важно, что один вышел из чрева матери, а другой с заводского конвейера, ведь андроидам уже снятся сны об электроовцах. Со времен Ф. Дика остается открытым вопрос: может ли кукла стать человеком и что будет, если это наконец произойдет? Соавторы в меру сил попытались дать на него ответ.

— Похоже, придется нам скоро потесниться, — поежился Бородатый.

— Это вряд ли, — лукаво улыбнулся Толстый. — Мы же своих стариков не обижаем. Хотя закон о преемственности обдумать не мешало бы.

— Преемственность — вещь абсолютно необходимая. Но, боимся, не все это понимают. Так, серия «Классика Отечественной Фантастики», посвященная «золотому веку» советской НФ, фактически стала гласом вопиющего в пустыне. Новый русский читатель не желает приобщаться к вечным ценностям. Несмотря на то что в серии еще планируются тома Г. Гуревича, А. Днепрова, В. Колупаева, А. Громовой, В. Фирсова и др., проект в целом, видимо, продолжен не будет.

— Грустно все это, — вздохнул Длинноволосый.

— Воистину. Горе от ума. Утешимся лишь тем, что за два года существования серии в ней были напечатаны все самые известные авторы третьей волны, в том числе ныне не прекращающие активно работать Кир Булычев и Владимир Михайлов. В прошедшем году Игорь Всеволодович выпустил злободневный римейк своей знаменитой повести — «Золотые рыбки снова в продаже», а Владимир Дмитриевич — роман «Завет Сургана».

Тема романа не нова: война и любовь. Но Михайлов подходит к ее решению настолько круто, что может дать сто очков вперед любому молодому дарованию. Перед нами — история взаимоотношений девушки Онго, которой приходится стать мужчиной, и юноши Сури, в конце концов тоже изменяющего пол. Писатель заставляет пройти героев через предательство, военные преступления, гомосексуализм и промискуитет, прежде чем они смогут соединить свои тела и души.

— Мужик, — только и сказал Длинноволосый и зачем-то пожал руку Смуглому.

— Где-то теряем, где-то находим. В этом году на фантастическом поле появился новый игрок. Издательство «Вече», прежде специализировавшееся на выпуске научно-по-

пулярной литературы, обратило на нас свой взгляд. За год выпущено около 50 наименований фантастических книг в четырех различных сериях. Это, безусловно, отрадно, но, на наш взгляд, главное в другом. В фантастику вернулось потерянное поколение — пятая волна, схлынувшая с прекращением работы ВТО МПФ. С. Булыга, В. Забирко, Ю. Иваниченко, В. Клименко, Л. Козинец, А. Силецкий, В. Пищенко, В. Хлумов, А. Шалин вновь в строю. «Вече» еще только осваивается на Континенте, но уже сейчас можно отметить несомненные удачи. Это прежде всего роман Г. Прашкевича «Царь-Ужас», а также трилогия А. Скаландиса о Причастных и «Роковые письма» В. Хлумова.

— Послушайте, я, кажется, уже вечность назад предложил выпить. Или вы не русские? — Смуглый поднялся с земли и решительно направился к нам.

— Да мы, собственно... Вот с праздника вам диски принесли послушать. Мультимедийные проекты Ю. Буркина и В. Васильева. Между прочим, все книги и все песни. Еще аудиокниги С. Лукьяненко и компакты Феличиты (она же А. Сашнева).

— Ну-ка, ну-ка, дайте посмотреть.

И над пустыней разнеслось: «Луны ушербный лик встает из-за холмов...»

Пир

Выслушав их, все сошлись на том, чтобы на сегодняшнем пире допьяна не напиваться, а пить просто так, для своего удовольствия.

Платон. «Диалоги. Пир»

— Так призовем же в судьи Диониса. Наполним чашу добрую вином, продолжив наши бдения.

Присутствующие, не сговорившись, подняли взоры к небу. После приступили, поочередно отпивая из холодильной чаши, не менее восьми котил в которой было.

— Наш метод изложения требует наконец перейти от обобщающей картины к частным фактам.

Почти все более или менее известные авторы выдали на-гора по роману, а то и по несколько, появились новые альма-нахи, сборники и журналы, а некоторые старые преоб-разились до неузнаваемости.

Одним из знаковых событий года стало появление новой фантастической фамилии. Причем «фамилии» в обоих смыслах. И в обоих смыслах ненулевой. Любимый многими автор Андрей Лазарчук начал выступать в составе семейной пары в соавторстве с питерской поэтессой и переводчицей Ирой Андранати. Первым результатом такого симбиоза стал роман «За право летать», согласно аннотациям зачинающий цикл «Космополиты». Это почти космическая опера. Почти — потому что дело происходит на Земле в недалеком апокалиптическом будущем. Авторы по-своему преломляют мировую идею о том, что только дети и подростки могут противостоять инопланетной агрессии. Только детскому мозгу доступно управление истребителями, способными поражать космические крейсеры некой звездной и злобной Империи. И эти «крапивинские» мальчишки и девочки должны при вынужденном бездействии взрослых гибнуть, защищая нашу планету. На фоне такой нестандартной этической диспозиции развивается множество локальных драм. Хотя стоит заметить, что если бы роман писал Лазарчук-соло, то персонажей и сюжетных линий было бы значительно больше, а эмоционального накала — меньше. В общем, «фамильный» дуэт вышел вполне удачным и перспективным. Единственное, что недоступно нашему пониманию, — кто же такой этот странный персонаж, бывший издатель Коля Ю-Ню? Неужели очередная аватара Ю. Семецкого?

Еще один признак ушедшего года — реинкарнация старых имен. О проектах издательства «Вече» мы уже говорили. Настала пора рассказать еще об одном. Только через несколько лет после смерти появилось на свет собрание сочинений киевского писателя Бориса Штерна, подготовленное издательствами «Сталкер» и «АСТ». В этом собрании мы с радостью увидели ранее не издававшийся роман «Вперед, конюшня!». Когда-то из замечательного рассказа «Чья планета?» развился целый сериал, повествующий о приключениях космического инспектора Бел Амора и его верного помощника робота Стабилизатора. О Бел Аморе, правда, уже не инспекторе, а тренере футбольной сборной, бригадном дженерале и спасителе Вселенной, находящемся в зените славы, повествует последний (увы, в прямом смысле — последний) роман Штерна. Как всегда, Штерн ироничен, сатиричен, изящен словом, ёдок фразой и искусен сюжетом. Нынешним апологетам юмористической фантастики есть у кого поучиться.

После недолгого «побега в мейнстрим» в фантастику вернулся один из патриархов жанра Геннадий Мартович Прашкевич. Его блестящий роман «Царь-Ужас» начинается как историческое повествование о тернистом и изменчивом жизненном пути русского матроса Семена, которого за период от русско-японской войны до Великой Отечественной судьба бросает по разным странам, городам и весям. Однажды он даже побывал в Париже, где великий французский художник по кличке Дэдо (попробуйте угадайте — кто это?) написал у него спине портрет женщины. В далеком будущем портрет сочли идеалом живого искусства и выдернули Семена к себе... В романе так замечательно изложены всевозможные реалии прошлого и мироустройство будущего, что иногда это начинает смахивать на байки, мастером коих Прашкевич слывет в фэндоме. Кстати, многие из них можно найти в «Малом бедекере по НФ» — объемном мемуарном труде, напечатанном в журнале «Если».

Лидеры серии «Звездный лабиринт» порадовали своих поклонников новыми романами...

— О чем вы, право? — Длинноволосый безмятежно потягивал вино из чаши, поглядывая на пролетающие на фоне луны силуэты космических крейсеров, остальные заинтересованно переглянулись.

— Задерганный кинематографистами Сергей Лукьяненко, взявший манеру, перерастающую в привычку, выпускать один новый роман в год, разродился толстенным «Спектром». В романе семь частей (плюс эпилог), каждая носит название очередного из цветов радуги и имеет гастрономический пролог, начинающийся с соответствующего данному цвету слова из поговорки «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Споря об этом романе, много копий поломали как критики, так и читатели.

— Кашенитов — давить! — невнятно пробормотал Толстый.

— Главное в этой книге — она «с претензией». И претензией вполне обоснованной. Написать философский роман о смысле жизни, о месте человечества во вселенной, о роли разума, чувств и творчества в развитии цивилизаций и при этом не потерять сюжетной динамики доступно не каждому. При этом Сергей откровенно экспериментирует с формой подачи, используя три различных стилистических ряда: плотный, «смысловой», откровенно «мейнстризовский» — в вызывающих ингибицию желудочного сока гастрономических прологах, простой, резкий и емкий язык при описании ос-

новного действия и типично притчевую лексику в сказочках — сим-сим откройся, — рассказываемых Мартином ключникам. Из притч Мартина вполне можно составить отдельный «поэтический» сборник и даже сложить апокрифический эпос. Многим не понравилась несколько скомканная концовка романа, однако развязка вполне ложится в смысловой ряд книги и не противоречит общему философскому вектору. Ибо идеи — прообразы вещей, а вещи — отражение идей.

— Хорошее питание — это тоже Благо. — Толстый, судя по одобрительной улыбке, прячущейся под щеточкой усов, явно довольный ходом наших речей, пересел в позу лотоса и шелкнул пальцами. Из воздуха возникло огромное блюдо с чем-то вкусно пахнущим. — Утка Вайдахуньяд! — торжественно провозгласил он. — Лучшая закуска к вину. — Все заметно оживились. Насытившись, мы продолжили.

— Александр Громов также нечасто балует нас новыми книгами. Зато каждая — событие в жанре. Приверженец твердой НФ, Александр редко отступает от проторенной стези — жесткого социального романа, действие которого происходит в мире с ярко прописанными деталями. Одна из любимых тем Громова — препарирование и исследование системы Власти и взаимодействие ее с обществом. На этот раз Громов вышел за привычные границы. Роман «Завтра наступит вечность» (рабочее название — «Вибрион») не о власти и не об обществе. Это повествование о конкретном человеке. Даже о двух — находящихся в одном теле. «На смену конфликту идеологий пришел конфликт личных позиций». Индивидуалист в конце концов берет верх над государственным, и герой делает свой, вполне логичный выбор.

— Не надо ишачить на дядю, лучше — на себя, — вставил Бородатый.

— В результате герой романа Свят, личность в некотором роде искусственная, обретает свою свободу. И роман этот — о Свободе. Что нам Александр Громов предложит дальше, можно судить по опубликованной в сборнике «Фантастика-2002/3» первой части глобального романа-катастрофы «Антарктида online», уже который год пишущегося в соавторстве с Владимиром Васильевым.

Сам же Владимир Васильев в 2002 году одарил читателей двумя новыми книгами. Первая — «Горячий старт» — продолжение, а точнее, полная версия, популярного романа о виртуальности «Сердца и моторы» («Абордаж в кибер-

спейсе»). В ранее не публиковавшейся второй части киберпейсы параллельного и нашего миров вновь пересекаются, действие из виртуальности начинает просачиваться в реал, погибший в первой части Энди воплощается в сетевое сознание и обороняет Сеть от нападения агрессора, появляются новые герои — вроде бы все на месте, тем не менее, как ни странно, полностью диалогия выглядит менее цельной и сбалансированной, чем отдельно первая часть.

— Васильев — бездарь и графоман! — неожиданно вскинулся долго молчавший Смуглый. Затем привычно выслушал привычные уверения в обратном от разом заговоривших присутствующих, привычно удовлетворенный сел на место и привычным движением потянулся к чаше.

Вторая книга — «Наследие исполинов» — является частью цикла «Война за мобильность». Действие романа происходит в уже знакомом мире «Смерти и славы» и «Черной эстафеты». Земная экспедиция натывается в космосе на артефакт давно исчезнувшей цивилизации Ушедших, который, согласно легенде, сулит власть над Вселенной. С этим, понятно, не согласны Чужие, но куда им против землян. Даже элитные части шат-тсуров ничего не могут поделать с десятком туристов-охотников, волею судеб заброшенных на планету Табаска, куда была доставлена инопланетная диковина. Книга написана ярко и сочно. Хочется, чтобы в последующих частях набранный темп не был потерян.

Еще один писатель, чье имя можно часто увидеть на обложках серии «Звездный лабиринт» — волгоградец Сергей Синякин, — предложил на суд читателей очень необычный сборник «Люди Солнечной системы». Четыре самостоятельные повести написаны в едином стиле — в стиле фантастики шестидесятых, и описываемые в них миры весьма напоминают миры Стругацких, Снегова и Гуревича. Особенно забавна повесть «Перекресток», где перед порталом в мир Полдня и «Стажеров» оказывается сотрудник журнала фантастики «Возможно» Дмитрий Баскунчак.

— Нет, все-таки только фантасты-менты способны так отрываться! — неожиданно заговорил Толстый. — Видимо, когда человек на работе возится со всякой дрянью, то для выживания души надо уметь отключаться. Настолько, чтобы на голубом глазу, тихо, по-доброму высмеивая целую эпоху фантастики, продолжить «Полдень, XXII век», да так, чтобы стало немного смешно, немного грустно и совсем чуть-чуть

обидно. Обидно за то, что так, конечно же, никогда не будет... Прощаться с ушедшей эпохой нужно смеясь.

— Не только Сергей Снякин пришел в фантастику из милиции. Существует еще немало положительных примеров такого рода и самые известные из них — писатели Юрий Брайдер (Минск) и Михаил Тырин (Калуга). Издательство «ЭКСМО» в 2002 году предоставило свои мощности, в том числе и этим авторам. Михаил Тырин выпустил роман «Синдикат «Громовержец». Детективный сюжет, жесткое действие в этом романе отнюдь не затеяют фантастической составляющей, как это было в предыдущей книге Михаила «Тварь непобедимая». Но сюжет и идеи — не главное. Тырин с искренней любовью описывает быт маленького городка Зарыбинска, создавая своеобразную «энциклопедию провинциальной жизни» и, доказывая, что жизнь бьет ключом не только в столицах. Фантастика тут выступает в роли графа Калиостро, неведомыми поворотами судьбы занесенного в российскую глубинку и пытающегося всколыхнуть устоявшийся быт.

Юрий Брайдер вместе с постоянным соавтором Николаем Чадовичем в новой книге «Гвоздь в башке» использует довольно оригинальный прием, чтобы отправить своего героя Олега Наместникова в прошлое. Во времени путешествует лишь разум Олега, периодически захватывая тела своих предков, живущих в различных эпохах. А дальше — герой наступил на бабочку, и «грянул гром». Сумеет ли Наместников исправить содеянное — неизвестно. Финал романа открыт.

Продолжает набирать обороты вчерашний дебютант Евгений Прошкин. Его книга «Зима 0001», в которую, кроме главного романа, вошел также роман «Загон», доказывает, что мы имеем дело со вполне сложившимся писателем. Мрачная, виртуальная «Зима 0001» неплохо смотрится рядом с не менее мрачной антиутопией «Загон», рассказывающей о Москве начала XXII века, одном из главных городов Тотальной Демократической Республики. И стоит в этом XXII веке совсем не Полдень, а скорее Полночь...

Постоянный автор «ЭКСМО», обладатель «собственной» серии «Времена выбирают» Василий Звягинцев наконец дал нам повод перестать считать его «автором одного романа». В новой книге фантаста «Дырка для ордена» мы не встретим героев его знаменитой «Одиссеи», но все же найдем множество моментов, вызывающих ощущение дежа-вю — Звягинцев и в романе о головокружительных приключениях

двух русских офицеров-миротворцев не изменяет своей сложившейся стилистике. В результате будут довольны все читатели ставропольского автора — фанаты «Одиссеи» найдут свое, знакомое, а противники бесконечного сериала обнаружат для себя много нового, неожиданного.

По-прежнему энергичен харьковчанин Андрей Валентинов. «Созвездие Пса» и «Спартак» — так называются пятнадцатая и шестнадцатая его книги в серии «Нить времен» все того же «ЭКСМО». Что касается «Созвездия Пса», то в нем нас особенно заинтересовал блок литературно-критических и публицистических работ. Статьи написаны с такой страстью и любовью за любимый жанр, что, боимся, мы скоро останемся без работы. В отношении «Спартака»...

— Прекрасно, что у популярного московского футбольного клуба есть болельщики и на Украине, — провозгласил тост Смуглый.

— Добавить нечего.

Дуэт Г.Л. Олди из того же Харькова отличается умом и производительностью. Прошедший год в их библиографии отмечен двумя новыми книгами. «Ваш выход» — это сборник повестей и рассказов как уже хорошо знакомых читателям, так и новых. Самым стильным из них является, пожалуй, широко известный «Где твой отец, Адам». Также можно выделить «Песни Петера Сьядека» — цикл связанных между собой рассказов в жанре «альтернативной истории». Можно было бы назвать «Песни...» небольшим романом, но есть у нас ощущение, что скоро цикл будет продолжен. Вовсю посмеялись авторы над писательско-издательским миром в романе «Орден Святого бестселлера или Выйти в тираж». Однако в отличие от многочисленных «тусовочных» произведений, столь модных ныне в фэндоме, сюжет «Ордена...» (как «оболочки», так и «романа в романе») самодостаточен, несмотря на обилие пародийных и самопародийных моментов. Приключения писателя Влада Снегиря в окололитературных дебрях по общему безумию чем-то напоминают булгаковскую «Дьяволиаду».

Еще два «топовых» автора издательства «ЭКСМО» в 2002 году взяли «романную передышку» — выпускали исключительно повести и рассказы.

— А вы пробовали писать что-то крупное, когда рядом младенец? — довольно агрессивно заявил прикорнувший было Длинноволосый.

— Несмотря на количественный спад, качество произведений О. Дивова лишь возросло — писатель опубликовал два блестящих рассказа «Закон лома для замкнутой цепи» и «Паранок Никанор».

Киевский дуэт Марина и Сергей Дяченко также взяли перерыв и много месяцев писали большой роман «Пандем», а в 2002 году выпустили лишь сборник повестей и рассказов «Эмма и Сфинкс». В заглавной повести сборника сплелись почти все архетипы творчества супругов — театр, любовь, страдание. Несколько более оптимистическим выглядит цикл рассказов «Год Черной Лошади», да и название отражает год публикации цикла...

Из книг других, кроме «АСТ» и «ЭКСМО», издательств стоит отметить вышедшее в «Центрполиграфе» «Слепое пятно» нижегородца Андрея Плеханова. Сплетение виртуальности компьютерной игры с реальностью, попытка достоверно описать психологию игрового «юнита», апокалиптические видения прорыва в «реал» — все смешалось в книге Плеханова. Следует добавить, что «Пятно» — только первая часть из планирующейся дилогии, поэтому открытая концовка не должна смущать читателей. Также в «Центрполиграфе» вышли три достойные внимания книги Д. Янковского: «Нелинейная зависимость», «Флейта и ветер» и «Побочный эффект». Дмитрий осваивает свою нишу в литературе, пытаясь разработать современный вариант «фантастики ближнего прицела», внедряя в повествование о повседневной реальности незначительный фантастический элемент.

Напоследок отметим еще несколько системообразующих книг прошлого года: большой роман В. Каплана «Круги в пустоте»; «Львиную охоту» А. Щеголева — переработку повести из «Времени учеников-3» в роман, не имеющий отношения к Стругацким; новую концепцию загробной жизни, изложенную С. Логиновым в одном из лучших его романов — «Свет в окошке»; две новые книги В. Свержина — «Крестовый поход восво-яси» и «Все лорды Камелота», входящие в цикл об Институте экспериментальной истории; роман «Условия выживания» Л. Кудрявцева, которым перебравшийся в Москву автор открывает новый сериал, и, наконец, лично Алекса Орлова, доведшего количество книг в серии «Тени войны» до девятнадцати.

Что касается сборников, безусловно лидирующую позицию занимает «Фантастика» издательства «АСТ», кото-

рой в прошлом году вышло три выпуска. Возник и забытый было на десятилетия интерес к так называемым тематическим сборникам. Издание антологии «Пятая стена», посвященной жилищу будущего, инспирировала компания ICS, занимающаяся разработкой систем автоматизации зданий. Специально для нее по заказу составителя Андрея Щербака-Жукова написали рассказы 29 отечественных авторов — от дебютантов до мэтров.

Наконец о журналах. В 2002 году произошло два важных события. Во-первых, возник новый журнал «Полдень, XXI век», возглавляемый Борисом Стругацким и Александром Житинским. Издание не ставит цели печатать только фантастику. В его формате находятся произведения «пограничного жанра», балансирующие на грани мэйнстрима и фантастики — то есть такие, которые не возьмут ни в «Если», по причине недостаточной жанровости, ни, скажем, в «Новый мир», из-за наличия фантастического элемента. Единственная помеха при выборе этого направления — недостаточное количество произведений такого плана. Кроме того, их обязательно должен отличать еще и высокий литературный уровень. Поэтому портфель «Полдня» наполняется неспешно — и это заметно даже со стороны. Скорее всего именно из-за нехватки профильного контента редакция уже во втором выпуске пошла на «эксперимент», полностью собрав номер из произведений, ранее опубликованных в Интернете. На наш взгляд, солидности это журналу не прибавило, ибо не «портфель» должен формировать журнал, а наоборот. Но при всех минусах, связанных со стадией становления, «Полдень» опубликовал несколько значительных произведений — явных претендентов на жанровые премии «закрытого типа».

Во-вторых, произошла полная смена состава редакции «Звездной дороги». Журнал возглавил критик и бывший ответственный секретарь газеты «Книжное обозрение» Александр Ройфе, который пошел на кардинальные меры, изменив оформление и стилистику журнала, создав новые рубрики и поменяв авторский актив. Уровень публикуемой прозы стал, несомненно, выше. Именно в прошлом году в «Звездной дороге» впервые были опубликованы такие значительные произведения, как «Закон лома» Дивова, «Эвакуация» Прошкина и «Рок на дороге» Васильева. Однако во вступительной статье к первому номеру новой редакции Ройфе утверждает, что жур-

нал будет охватывать все жанры и стили в фантастике. Возразим, что журнал без формата — это все равно что радиостанция, пускающая в ротацию Бетховена рядом с Шуфутинским и «Арию» по соседству с ДеЦлом. Еще один минус новой «Звездной дороги» — это раздел «Арбитмания». Выделение в каждом номере специальной рубрики Роману Арбитману, конечно, несет налет скандальности, что по замыслу редакции должно поднять интерес читателей к журналу. К сожалению, в своей рубрике Роман изо всех сил пытается доказать, что ни на что, кроме пустой ругани и воспоминаний о войнах с «Молодой гвардией», он больше не способен. Доходит до абсурда: Арбитман громогласно предлагает уйти из литературы для ее же пользы Владимиру Васильеву (наряду с Логиновым, Рыбаковым, Звягинцевым и Головачевым) в том же самом (!) номере, где опубликована повесть самого Васильева. Когда же дело доходит до конструктива, как это было, например, со статьей о феномене Гарри Поттера, то уровень аргументации Арбитмана не выдерживает никакой критики. Мы надеемся, что страницы журнала перестанут быть прибежищем «критиков» от мэйнстрима и критиканов из Интернета.

Позволим себе поздравить редакцию кировоградского журнала «Порог» и лично главного редактора Алексея Корепанова с десятилетним юбилеем издания, случившимся в прошлом году. «Порог», печатая большое количество «самотека», делает весьма доброе дело, предоставляя молодым авторам возможность для первых публикаций.

Журнал «Если», перестав быть монополистом на рынке фантастической журналистики, остался ее лидером. Еще больше увеличив процент публикации отечественных авторов, он формирует портфель согласно своему, давно уже сложившемуся формату. Во главу угла ставятся литературный уровень произведения и обязательное наличие оригинальной фантастической идеи. Самыми заметными публикациями прошлого года можно назвать повести «Душа Клауса Даффи» Андрея Плеханова, «Семь грехов радуги» Олега Овчинникова, «Маршрут Оккама» Далии Трускинской, «Пограничное время» Сергея Лукьяненко, а также рассказы «Что наша жизнь?» Евгения Лукина и «Параноик Никанор» Олега Дивова.

Внезапно присутствующие насторожились. Из темноты к нашему оазису подходил странник. Небольшого роста, шуплый, лысоватый, с глазами навывкате. В странной длиннополой рясе.

— Да это же!.. — присмотревшись, воскликнул Бородатый, обладающий феноменальным зрением.

Остальные, поняв его с полуслова, резко вскочили, правые руки автоматически рванулись к воображаемому кобурам.

— Стоп! — Возглас Толстого заставил всех вздрогнуть. — Договорились же! Отныне пусть живет!

Отшельники, недовольно бормоча про силу привычки, уселись обратно. Странник как будто ничего не заметил и начал удаляться. Единственное, что он произнес, проходя мимо: «Не надо грязи!» Мы же решили ненадолго прерваться, дабы наполнить чашу.

Законы

Дионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости, и мы снова молодеем и забываем наше скверное настроение, жесткий наш нрав смягчается, точно железо, положенное в огонь, и потому делается более гибким.

Платон. «Диалоги. Законы»

Пока мы омывали вином холодным иссушенные долгой речью горла, в небесных сферах случились изменения. Взглянув на луну, на миг оторопели. На фоне диска зависла древнерусская деревянная башня с реактивными дюзами. Звезды же сложились в новое созвездие Святого Георгия, пронзающего копьём дракона.

— Никак повеяло «Росконом»? — предположил астрономически подкованный Бородатый.

— Да вроде бы — согласились мы и предложили: — А не рассказать ли о конвентах и премиях?

— Все премии — фуфло! — тут же интеллигентно заявил Смуглый.

— Что ж, послушаем, послушаем... — снизошел Длинноволосый.

— Итак, — возобновили мы повествование, — по релевантности и дате следует начинать с «Роскона-2002», который проводился с 14 по 17 февраля в подмосковном доме отдыха «Планерное». Почетный гость конвента Кир Булычев, в интервью одному из телеканалов назвавший «Роскон» Конгрессом любителей фантастики, был не совсем прав. На самом деле из двух с лишним сотен гостей, принявших участие в

конвенте, не более половины являлись просто любителями фантастики — фэнами. Остальных можно смело причислить к рангу профессионалов. Несколько десятков фантастов, от маститых до только начавших писательскую карьеру, журналисты, переводчики, критики, литагенты (особо стоит отметить приезд американского писателя Лео Франковски и польской переводчицы и литагента Евы Скорской) смогли не только активно отдохнуть, но и с пользой поработать, участвуя в официальных и кулуарных встречах, коих было великое множество. Вот перечень основных семинаров: фантастиковедение и критика, научная фантастика, фэнтези, фантастическая пресса, сетература, перевод и др. Наиболее масштабно выглядел семинар по кинофантастике: наряду с традиционным показом анимационных и игровых фильмов молодых российских режиссеров была организована видеопремьера (до выхода лицензионной версии!) фильма «Про Федота-стрельца». Также желающие смогли встретиться с принимавшими участие в создании фильма «Через тернии к звездам» писателем Кириллом Булычевым и актрисой Еленой Метелкиной, исполнившей роль Нийи. Режиссер обновленной версии фильма Николай Викторов (сын режиссера Ричарда Викторова) пригласил участников конвента стать первыми зрителями будущего DVD варианта ленты.

Особое внимание организаторы уделили начинающим фантастам. Кроме встречи с представителями ведущих издательств (печатающих и собирающихся печатать фантастику), впервые, в честь двадцатилетнего юбилея знаменитого семинара «Малеевка», были организованы мастер-классы для молодых писателей, куда участники заранее присылали свои произведения. На конвенте ведущие мастер-классов (ими стали наиболее популярные в России писатели — Василий Головачев, Сергей Лукьяненко, Г.Л. Олди и Ник Перумов) на основе прочитанного делились своими мыслями о достоинствах и недостатках той или иной работы. Специальные дипломы за лучшие сочинения получили соответственно: Евгений Адеев, Кирилл Бенедиктов, Сергей Исаев и Кира Золина, Юлия Галанина. Надо заметить, что почти все эти произведения обрели бумажные публикации уже в 2002 году.

Во второй день конвента были вручены первые призы. «Большой Роскон» (приз оргкомитета) за вклад в фантастику получил Владимир Дмитриевич Михайлов. Приз «Алиса», вручаемый специальным жюри под руководством Кира Булычева за лучшее фантастическое произведение для под-

ростков, получил Сергей Лукьяненко за роман «Танцы на снегу». Были также вручены приз сайта www.mielofon.ru (Михаилу Манакову) и два шуточных «Росконика» (Андрею Валентинову и Василию Владимировскому).

Центральным событием «Роскона» стало, конечно же, голосование по основным премиям. Рабочая группа оргкомитета, создавшая систему голосования в два этапа, без номинационных списков, сочла ее наиболее демократичной. Однако практика показала, что это не совсем так — достаточно было некоей группировке, в большом составе явившейся на конвент, проголосовать единым строем, как в финальных дюжинах появились произведения, единственным достоинством которых была принадлежность автора к «своим». К счастью, во втором туре подобные методы практически не принесли успеха: большое количество людей голосовало все-таки за литературу, а не за клановую принадлежность автора.

Из новаций стоит отметить, что организаторы в отличие от «Роскона-2001» развели прозаические произведения в разные номинации. Таким образом, в номинации «Роман» «Золотой Роскон» достался Александру Громову за «Крылья черепахи», «Серебряный Роскон» — Хольму ван Зайчику за «Дело незалежных дервишей», «Бронзовый Роскон» — Александре Сашневой за «Наркоза не будет». В номинации «Повесть, рассказ» все три приза завоевали повести (к сожалению, и в этом случае рассказы не смогли серьезно конкурировать с повестями). «Золотой Роскон» получил Эдуард Геворкян за «Возвращение мытаря», «Серебряный» — Евгений Лукин за «Тружеников Зазеркалья», «Бронзовый» — Олег Дивов за «Предателя». За критико-публицистические работы вручалось два приза: «Золотой Роскон» завоевала статья харьковского профессора Игоря Черного «Mater et Magica», «Серебряный» — обзор Д. Байкалова и А. Синицына «Континент».

Кто-то из четверки слушателей неразборчиво хмыкнул.

— По отзывам участников, «Роскон-2002» удался. Желающие поработать — успешно поработали, желающие отдохнуть — со вкусом это осуществили.

— Да уж... со вкусом... — На глаза Толстого легла поволока воспоминаний. — Но Интерпресс был тоже неплох...

— Вы хотите Интерпрессконов? — ответствовали мы. — Их есть у нас! Очередной, уже тринадцатый (ах как мы

любим это число) «Интерпресскон» состоялся в привычные сроки с 4 по 7 мая. Буквально за несколько дней до начала конвента организаторам пришлось сменить место проведения — вместо традиционного Разлива действие перенеслось в Репино. Тем не менее в конференции приняло участие рекордное за последние четыре года количество участников — более 150. Всевозрастающее число гостей (а этот факт отмечается практически всеми организаторами крупных конвентов) говорит о возрождении в обществе интереса к фантастике и возникновении зачатков нового фэндомы. «Интерпресскон-2002» по структуре мероприятий мало отличался от предыдущих, почти тот же состав семинаров, те же премии, да и само расписание событий пришло как будто из прошлого, отличаясь разве что темами докладов, из которых стоит выделить «Секс и семья в фантастической утопии» Владимира Березина, обсуждение которого длилось более трех часов. Что поделать, «Интерпресскон» — самый традиционный российский фестиваль фантастики. Из новшеств необходимо отметить семинар устроителей конвентов, презентацию журнала Бориса Стругацкого и внесенное в рамки «Интерпресскона» вручение Беляевских премий. 5 мая состоялось объявление лауреатов премий «Интерпресскон» и «Бронзовая улитка». «Улитки» от Бориса Стругацкого получили Марина и Сергей Дяченко за роман «Долина совести» и рассказ «Баскетбол», Сергей Сиякин за повесть «Кавказский пленник», опубликованную, кстати, в журнале «Порог», и Кирилл Еськов за статью «Наш ответ Фукуяме». Премия «Интерпресскон», вручаемая по результатам голосования участников, досталась Хольму Ван Зайчику за 1-ю цзюань цикла «Плохих людей нет», Евгению Лукину за повесть «Труженики Зазеркалья» и Сергею Лукьяненко за рассказ «От судьбы...». Лучшей статьей участники назвали «Континент», а лучшим дебютом — книгу Леонида Каганова «Коммутация».

Кроме того, свою премию вручал сервер «Русская фантастика» (www.rusf.ru). Победитель здесь определяется в два этапа: сначала за произведения из номинации, совпадающей с номинационными списками «Интерпресскона», голосуют тысячи посетителей сервера, определяя тройки лидеров, затем победителя из троек выбирает редакция «Русской фантастики». Внушительный приз (восемь килограммов бронзы) и сопутствующий приз золотой с алмазами значок получили Марина и Сергей Дяченко за роман «Долина совести».

Интересно, что результаты голосования в Интернете

почти совпали с итогами голосования читателей журнала «Если» по премии «Сигма-Ф». А сама «Сигма-Ф» досталась, кроме «Долины совести», повести Олега Дивова «Предатель» и рассказу Далии Трускиновской «Кладоискатель».

— Выпьем же за то, чтобы призы получали достойные, — вдруг провозгласил Толстый. К тосту тут же присоединился Длинноволосый, и даже Смуглый не стал возражать. Пришлось и нам отпить из переходящей чаши, дабы не проявить неуважение. Захотелось песни.

— Щас спою, — выдал мультцитату Смуглый, выхватил из воздуха гитару и грянул знаменитую «Аэлисту»: «... что нам Ялта и Сочи, нам понравилось очень, собираться в Свердловске друзья...»

— Кстати, об «Аэлите». Очередная прошла в Екатеринбурге в необычные для себя сроки — с 13 по 16 июня. Видимо, именно с этим связано то, что на фестиваль приехало не так много участников, в основном с Урала и из Сибири. Вручались традиционные призы, как обычно — самые красивые среди всех российских премий. Лауреаты были объявлены заранее. Приз «Аэлита» за вклад писателя в развитие фантастической литературы получил волгоградец Евгений Лукин. Приз имени И. А. Ефремова за вклад в развитие фантастики достался Беле Григорьевне Ключевой, которая в шестидесятых — семидесятых годах работала в знаменитой редакции фантастики издательства «Молодая гвардия», ставшего в те годы оплотом жанра и взрастившего немало нынешних классиков. Приз «Старт» за лучшую дебютную книгу получил москвич Леонид Каганов за сборник «Коммутация». Мемориальная премия им. В.И. Бугрова за вклад в фантастиковедение была присуждена Дмитрию Байкалову. С 2002 года в Екатеринбурге вручают еще один приз — медаль им. И. Г. Халымбаджи, которая присуждается человеку, чья объединяющая роль в фэндоме не подлежит сомнению. Первым лауреатом этой медали, выполненной, как и остальные призы, из уральских самоцветов, стал Кир Булычев. Кроме торжественной церемонии, на фестивале имели место семинары, пресс-конференции, встречи с читателями и даже соревнование в стрельбе «Европейский фэндом против азиатского», проходившее на границе Европы и Азии.

— И кто победил? — заинтересовались отшельники.

— Европа, конечно.

— Мда. Когда сайва спрашивает, надо успеть ответить.

— Про сайву, конечно, к слову пришлось, но лето проходило под знаком имени братьев Стругацких. 21 июня в Питере вручались «АБС-премии». Они достались «Долине совести» супругов Дяченко (незадолго до этого роман получил и томский приз «Урания») и статье Андрея Лазарчука и Петра Лелика «Голем хочет жить». А в конце лета, а именно 24 августа, в Москве прошли Третьи Чтения памяти Аркадия Стругацкого. В чтениях приняло участие более 80 слушателей. Своими воспоминаниями об Аркадии Натановиче поделились Василий Головачев и Владимир Михайлов, Эдуард Геворкян поведал историю возникновения термина «четвертая волна», Алла Кузнецова выступила с обзором упоминаний братьев Стругацких во всевозможных областях культуры. В рамках Чтений состоялась церемония вручения премии критиков «Филигрань». На этот раз жюри признало лучшей повестью года «В будущем году я стану лучше» Андрея Саломатова. Самым значительным романом года стали «Крылья черепахи» Александра Громова.

Затем ненадолго центром русскоязычной фантастики стала Украина. Фестиваль фантастики «Звездный мост», ведущий украинский конвент, прошел в Харькове с 12 по 15 сентября. На фестиваль съехалось более 160 гостей из стран СНГ. Традиционные мероприятия конвента — семинары, доклады, встречи с читателями в магазинах и учреждениях города, костюмированные представления, пресс-конференции, конкурсы, телемост — в 2002 году дополнились дискуссией на тему «Девяностики» и «Молодая шпана» — кто кого?, а также интеллектуальной викториной «Своя игра». Как всегда, вручалось множество призов, в большинстве своем шуточных, однако определялись победители и в серьезных номинациях. В категории «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» первое место (золотой кадуцей) завоевал Владимир Васильев за книгу «Наследие исполинов», второе (серебряный кадуцей) — Федор Березин (Донецк) за романы «Встречный катаклизм» и «Параллельный катаклизм», третье — Хольм Ван Зайчик за первые две книги 2-й цзюани цикла «Плохих людей нет»: «Дело лис-оборотней» и «Дело победившей обезьяны». В номинации «Крупная форма» (романы) золотой кадуцей получили Марина и Сергей Дяченко (Киев) за роман «Долина совести», серебряный — москвич Александр Громов за «Крылья черепахи», а третье место

завоевали «Танцы на снегу» Сергея Лукьяненко. Лучшей дебютной книгой года участники называли «Коммутацию» Леонида Каганова.

Вообще же стоит отметить, что количество конвентов и премий неуклонно растет, и они опутывают фэндом своеобразной паутиной. Взять, например, «Странник»...

Слова «паутина» и «Странник» вызвали у присутствующих реакцию не совсем адекватную. Толстый начал покачивать чашей с вином, как будто собираясь ее в кого-то метнуть, а Смуглый стал агрессивно потирать ребро ладони, словно готовился к драке. Даже флегматичный Длинноволосый как-то нехорошо оживился, и лишь Бородатый не проявил признаков раздражения. Решив не уточнять мотивы необычного поведения отшельников, мы продолжили:

— Как известно, призы под названием «Странник» вручаются на питерском Конгрессе фантастов России. В конце сентября 2002 года он состоялся уже в седьмой раз. Лауреатами премии, вручаемой по итогам голосования немногочисленного жюри, составленного из жанровых писателей, стали Олег Дивов за роман «Саботажник», Андрей Саломатов за повесть «В будущем году я стану лучше», Алан Кубатиев за рассказ «Вы летите, как хотите!..», Кирилл Еськов за статью «Наш ответ Фукуяме». Лучшим издательством в очередной раз признано «АСТ», лучшим редактором-составителем стал главный редактор «Если» Александр Шалганов. Все мероприятия Конгресса проходили в обстановке крайнего дружелюбия и терпимости к ближнему.

— Может, закончим про премии и коны, — взмолился Толстый. — Посетить их все — никакого здоровья не хватит!

— Хватит, — возразил Смуглый, — они еще про Николаев не рассказали.

— И расскажем — с 1 по 15 октября в Николаеве проходил фестиваль фантастики, посвященный 20-летию открытия Малой планеты 8141 Nikolaev. Приезжали фантасты из других городов, вручалось множество премий. Тот факт, что в провинции все больше интересуются фантастикой и устраивают конвенты под патронажем местных властей, не может не радовать. Вот, собственно, и все, что мы хотели поведать вам. А теперь можно и выпить. Например, за конвенты...

— За Коны, — хором подхватили отшельники, и чаша пошла по рукам.

Эпилог

Светало. В лучах восходящего солнца луна начинала понемногу бледнеть, пока не пропала совсем. Неуловимое очарование ночного диспута бесследно исчезло, остались лишь надвигающаяся жара и пролитое на землю вино. Долг хранителей возобладал.

— Господа отшельники, собирались-то зачем?

— Да хотели с фантастикой определиться.

— Ну и как, определились?

— Это она с нами определилась... Навсегда.

Мы встали, попрощались и неспешно направились к линии горизонта, где солнце уже начинало плавить песок.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ

Библиография к сборнику «Фантастика-2003/1»

Список составили Д. Байкалов, В. Владимирский, Д. Володин, О. Колесников, А. Синицын на основе библиографии, подготовленной В. Борисовым (г. Абакан).

Романы:

1. Абеляшев Дмитрий. Пастырь Вселенной. — М.: ЭКСМО, 2002.
2. Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Смертные боги. — М.: АСТ, 2002.
3. Авраменко Олег. Галактики, как песчинки. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
4. Агалаков Дмитрий. Империя Черной королевы. — М.: Вече, 2002.
5. Алкин Юрий. Цена познания. — М.: АСТ, 2002.
6. Алферова Марианна. Гробницы Немертеи. — М.: АСТ, 2002.
7. Амнуэль Павел. Что будет, то и будет. — М.: АСТ, 2002.
8. Андреев Алексей. Охота на крыс. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
9. Андронати Ира, Лазарчук Андрей. За право летать: Цикл «Космополиты». — М.: АСТ, 2002.
10. Антонов Антон. Гуманное оружие. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
11. Антонов Антон. Меч Заратустры. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
12. Антонов Вячеслав. Китайская петля. — СПб.: Крылов, 2002.

13. Атеев Алексей. Псы Вавилона. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
14. Атеев Алексей. Черное дело. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
15. Ахманов Михаил. Последняя битва. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
16. Ахманов Михаил. Я — инопланетянин. — М.: ЭКСМО, 2002.
17. Бабкин Михаил. Слимперия. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
18. Басов Николай. Главный противник. — М.: ЭКСМО, 2002.
19. Басов Николай. Разрушитель империи. — М.: ЭКСМО, 2002.
20. Белаш Александр, Белаш Людмила. Война кукол: Беглецы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
21. Белаш Александр, Белаш Людмила. Кибер-вождь. — М.: ЭКСМО, 2002.
22. Белаш Александр, Белаш Людмила. Роботы-мстители. — М.: ЭКСМО, 2002.
23. Белянин Андрей, Черная Галина. Профессиональный оборотень. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
24. Белянин Андрей. Отстрел невест. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
25. Березин Федор. Параллельный катаклизм. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
26. Бессонов Алексей. Черный хрусталь. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
27. Блиźnieцов Димитрий, Задорожный Александр. Проклятое созвездие. — М.: ЭКСМО, 2002.
28. Большакова Оксана. Теория невероятностей. — М.: ЭКСМО, 2002.
29. Бояндин Константин. Затмение // Бояндин Константин. Затмение. Изгнанники. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
30. Бояндин Константин. Изгнанники // Бояндин Константин. Затмение. Изгнанники. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
31. Брайдер Юрий, Чадович Николай. Гвоздь в башке. — М.: ЭКСМО, 2002.
32. Булша Ксения. Дом, который построим мы // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.
33. Булыга Сергей. Ведьмино отродье. — М.: Вече, 2002.
34. Булыга Сергей. Черная сага. — М.: Вече, 2002.
35. Буренин С. Марс пробуждается. — М.: АСТ. До-
нецк: Сталкер, 2002.

36. Бурцев Виктор, Чернецов Андрей. Гималайский зигзаг. — М.: АСТ, 2002.
37. Бушков Александр. Сварог: Чужие берега. — Красноярск: Бонус; М.: ОЛМА-Пресс; СПб.: Нева, 2002.
38. Бушков Александр. Сварог: Чужие зеркала. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
39. Бушков Александр. Сварог: Чужие паруса. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
40. Былинский Владислав. Локальный мир воина Ловича. — М.: АСТ, 2002.
41. Валентинов Андрей. Созвездье Пса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
42. Валентинов Андрей. Спартак. — М.: ЭКСМО, 2002.
43. Ван Зайчик Хольм. Дело победившей обезьяны / Пер. с кит. Е. Худенькова, Э. Выхристюк; Ил. на обл. А. Ломаева. — СПб.: Азбука-классика, 2002.
44. Варенберг Анна. Последний владыка. — М.: АСТ, 2002.
45. Вартанов Степан. Эй-Ай // Вартанов Степан. Легионеры. — М.: АСТ, 2002.
46. Васильев Владимир. Горячий старт. — М.: АСТ, 2002.
47. Васильев Владимир. Наследие исполинов: Цикл «Война за мобильность». — М.: АСТ, 2002.
48. Витковский Алексей. Выбор воина. — СПб.: Крылов, 2002.
49. Витц Л. Странник. — М.: РОО «Техинформ», 2002.
50. Владимиров Александр. Племя Каина. — М.: АиФ-Принт, 2002.
51. Володихин Дмитрий, Мазова Наталия. Золотое солнце. — М.: АСТ, 2002.
52. Вольнов Сергей. Армия солнца. — М.: АСТ, 2002.
53. Воронин Дмитрий. Живой щит. — М.: АСТ, 2002.
54. Воронин Дмитрий. Чаша Торна. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
55. Воронкин Игорь. Возрождение Зорга. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
56. Гаркушев Евгений. Ничего, кроме магии. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
57. Гетманский Игорь. Планета безумцев. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
58. Гнатовский Вадим. Прекрасная Бризель, или Житие Хакима Сукина: Пастораль. — Тольятти: СЕАН-ИЗДАТ, 2002.

59. Головачев Василий. Война с джиннами. — М.: ЭКСМО, 2002.
60. Головачев Василий. Избавитель. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
61. Головачев Василий. Исход Зверя. — М.: ЭКСМО, 2002.
62. Головачев Василий. Предел обороны // Подвиг (М.).
63. Голотвина Ольга. Представление для богов. — М.: АСТ, 2002.
64. Грацкий Вячеслав. Заговор древних. — СПб.: Азбука-классика, 2002.
65. Греус Полина. Дело о проклятых розах. — М.: АСТ, 2002.
66. Григоров Сергей. Калейдоскоп. — М.: АСТ, 2002.
67. Громов Александр. Завтра наступит вечность. — М.: АСТ, 2002.
68. Гуданец Николай. Главнокомандующий. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
69. Гуляковский Евгений. Лабиринт миров. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
70. Гусев Владимир. Укус технокрысы. — М.: Вече, 2002.
71. Дашков Андрей. Бледный всадник, черный валет. — М.: АСТ, 2002.
72. Дихнов Александр. Записки Черного Властелина. — М.: ЭКСМО, 2002.
73. Добряков Владимир. Сумеречные миры. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
74. Долгова Елена. Маги и мошенники. — М.: Вече, 2002.
75. Долгова Елена. Центурион. — М.: ЭКСМО, 2002.
76. Долинго Борис. Понять Вечность. — М.: АСТ, 2002.
77. Евтушенко Алексей. Отряд-2. — М.: ЭКСМО, 2002.
78. Егоров Андрей. Путешествие Черного Жака. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
79. Елисеева Ольга. Камень власти. — М.: Подвиг, 2002.
80. Елисеева Ольга. Сокол на запястье. — М.: АСТ, 2002.
81. Емец Дмитрий. Великое Нечто. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
82. Емец Дмитрий. Вселенский неудачник. — М.: Вече, 2002.
83. Забирко Виталий. Слишком много привидений. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
84. Задорожный Александр, Блинецов Дмитрий. Проклятое созвездие. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
85. Зайцев Михаил. Наследник волхвов. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

86. Зайцев Михаил. Порча на смерть. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
87. Зайцев Михаил. Черная богиня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
88. Звягинцев Василий. Дырка для ордена. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
89. Злотников Роман. Армагеддон. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
90. Злотников Роман. Воин: Смертельный удар. — М.: ОЛМА-Пресс; «Изд-во Альфа-книга», 2002.
91. Иваниченко Юрий. Жернова фортуны. — М.: Вече, 2002.
92. Иванов Борис. Участник поисков. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
93. Игнатов Константин. Расплавленный жемчуг Галактики. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
94. Измайлов Андрей. Форс-мажор навсегда! — М.: Пальмира, 2002.
95. Ильин Владимир. Люди Феникс. — М.: ЭКСМО, 2002.
96. Наталия Ипатова. Король забавляется // Ипатова Наталия. Король забавляется; Долги Красной Ведьмы. — М.: АСТ, 2002.
97. Наталия Ипатова. Долги Красной Ведьмы // Ипатова Наталия. Король забавляется; Долги Красной Ведьмы. — М.: АСТ, 2002.
98. Ипатова Наталия. Король-Беда и Красная Ведьма. — М.: АСТ, 2002.
99. Каганов Леонид. Харизма. — М.: АСТ, 2002.
100. Казаков Дмитрий. Я, маг! — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
101. Калугин Алексей. Все под контролем: роман в повестях. — М.: ЭКСМО, 2002.
102. Калугин Алексей. Мир без солнца. — М.: ЭКСМО, 2002.
103. Камша Вера. Довод королей: Хроники Арции. — М.: ЭКСМО, 2002.
104. Камша Вера. Кровь заката. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
105. Каплан Виталий. Корпус. — М.: «АиФ-Принт», 2001.
106. Карелин Сергей. В двух мирах. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
107. Карелин Сергей. Эпоха Завоеваний. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
108. Карпенко А. Грань креста // Карпенко А. Грань креста; Гребец галеры. — М.: Армада-Пресс, 2001.

109. Карпенко А. Гребец галеры // Карпенко А. Грань креста; Гребец галеры. — М.: Армада-Пресс, 2001.

110. Кликин Михаил. Личный враг Бога. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

111. Кликин Михаил. Ни слова о магах. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.

112. Клименко Владимир. Ловцы ветра. — М.: Вече, 2002.

113. Козинец Людмила. Три сезона Мейстры, или Нормальный дурдом // Козинец Людмила. Качели судьбы. — М.: Вече, 2002.

114. Корепанов Алексей. Зверь из бездны. — М.: АСТ, 2002.

115. Костин Сергей. Лысая голова и трезвый ум. — М.: ЭКСМО, 2002.

116. Костин Сергей. Подразделение 000. — М.: ЭКСМО, 2002.

117. Крусанов Павел. Бом-бом. — СПб.: Амфора, 2002.

118. Кудрявцев Леонид. Убить героя. — М.: Вече, 2002.

119. Кудрявцев Леонид. Условия выживания. — М.: АСТ, 2002.

120. Кузьменко Павел. Система Ада. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

121. Кулаков Олег. Нукер Тамерлана. — СПб.: Крылов, 2002.

122. Кунин Владимир. Ночь с ангелом: Невероятная история. — Мюнхен. — СПб.: Альянс-Сервис, 2002.

123. Кутинов Александр. Агент // Кутинов Александр. Путешествие к центру Земли. — М.: ЗебраЕ, 2002.

124. Лапина Наталья, Горбань Светлана. Роковая ошибка магов. — Харьков: Книжный клуб «Клуб Семейного досуга», 2002.

125. Легостаев Андрей. Последнее пророчество. — М.: Вече, 2002.

126. Ливадный Андрей. Борт 618. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

127. Ливадный Андрей. Жизненное пространство. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

128. Ливадный Андрей. Спираль. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

129. Липскеров Дмитрий. Последний сон разума. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

130. Локхард Джордж. Черное пламя. — М.: Центрполиграф, 2002.

131. Лосев Владимир. Игрушка богов. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.

132. Лукьяненко Сергей. Спектр (Каждый охотник желает знать): Роман в семи частях, с семью прологами и одним эпилогом. — М.: АСТ, 2002.
133. Лютый Александр. Рабин Гут: Семь бед — один ответ. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
134. Лютый Александр. Двенадцать подвигов Рабин Гута. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
135. Мазин Александр. Мертвое небо. — СПб.: Крылов, 2002.
136. Мазин Александр. Место для битвы. — СПб.: Крылов, 2002.
137. Мазин Александр. Римский орел. — СПб.: Крылов, 2002.
138. Мазова Наталия. Исповедь зеленого пламени. — М.: Вече, 2002.
139. Калинин Евгений. Братство Конца. — М.: АСТ, 2002.
140. Калинин Евгений. Шут королевы Кины. — М.: АСТ, 2002.
141. Мамаев Сергей. Голос Рыка. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
142. Мамаев Сергей. Ледяная птица. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
143. Мамаев Сергей. Реставратор. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
144. Маркеев Олег. Странник: Тотальная война. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
145. Марков Александр. Там, где бродит смерть. — М.: Вече, 2002.
146. Мартынов Константин. Брызги зла. — М.: АСТ; Астрель, 2002.
147. Мартынов Андрей. Роман с Хаосом. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
148. Медведев А. Сокровище негодяев. — М.: АСТ, 2002.
149. Мещанкин Николай. Одержимый. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
150. Мзареулов Константин. Демоны Грааля. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
151. Микушевич Владимир. Будущий год. — М.: Энигма, 2002.
152. Михайлов Владимир. Завет Сургана. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
153. Модестов Валерий. Посеешь ветер. — М.: Альфа-пресс, 2002.

154. Молитвин Павел. Наследники империи. — СПб.: Азбука, 2002.
155. Молитвин Павел. Тень императора. — СПб.: Азбука, 2002.
156. Мошков Кирилл. Победа ускользает. — М.: ЭКСМО, 2002.
157. Мошков Кирилл. Тебе, Победа! — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
158. Мурич Виктор. Дважды возрожденный. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
159. Найдич О. Дороги судьбы. — М.: АСТ, 2002.
160. Наумова Марина. Дети полнолуния. — М.: АСТ, 2002.
161. Нестеренко Юрий. Время меча. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
162. Нестеренко Юрий. Черная нежить. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
163. Никитин Юрий. Артания. — М.: ЭКСМО, 2002.
164. Никитин Юрий. Великий маг. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
165. Никитин Юрий. Имаго. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
166. Никитин Юрий. Придон. — М.: ЭКСМО, 2002.
167. О'Санчес. Нечисти: Сказка-война. — СПб.: Геликон Плюс, 2002.
168. Ожигина Надежда. Путь между. — М.: АСТ, 2002.
169. Олди Генри Лайон. Орден Святого Бестселлера, или Выйти в тираж. — М.: ЭКСМО, 2002.
170. Олди Генри Лайон. Песни Петера Сьядека: Роман в повестях // Олди Генри Лайон. Ваш выход. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
171. Орлов Алекс. Возвращение не предусмотрено. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
172. Орлов Алекс. Дорога в Амбейр. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
173. Орлов Алекс. Схватка без правил. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
174. Орлов Алекс. Ультиматум. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
175. Орлов Антон. Страна изумрудного солнца. — М.: Центрполиграф, 2002.
176. Орловский Гай Юлий. Ричард Длинные Руки — паладин Господа. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
177. Панов Вадим. Атака по правилам. — М.: ЭКС-

178. Панов Вадим. Все оттенки черного. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
179. Панов Вадим. И в аду есть герои. — М.: ЭКСМО, 2002.
180. Парфенова Анастасия. Расплетающие сновидения. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
181. Парфенова Анастасия. Танцующая с Ауте. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
182. Перемолотов Владимир. Долететь и вернуться. — М.: АСТ, 2002.
183. Перумов Ник. Череп на рукаве: Кн. 1. Империя превыше всего. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
184. Петров Александр. Забавы жестоких богов. — М.: ЭКСМО, 2002.
185. Пехов Алексей. Крадущийся в тени. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
186. Плеханов Андрей. Слепое пятно. — М.: Центрполиграф, 2002.
187. Попов М. Огненная обезьяна. — М.: АСТ, 2002.
188. Прашкевич Геннадий. Царь-Ужас // Прашкевич Геннадий. Разворованное чудо. — М.: Вече, 2002.
189. Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
190. Прозоров Александр. Трезубец Нептуна. — М.: АСТ, 2002.
191. Прозоров Александр. Череп епископа. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
192. Прокофьева Елена, Енина Татьяна. Князь грязи: Кто правит подземным миром Москвы. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
193. Проскурин В. Хоббит, который слишком много знал. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
194. Проханов Андрей. Господин Гексоген. — Ad Marginem, 2002.
195. Прошкин Евгений, Шалыгин Вячеслав. Наши фиолетовые братья. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
196. Прошкин Евгений. Загон // Прошкин Евгений. Зима 0001. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
197. Прошкин Евгений. Зима 0001. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
198. Ранецкий Александр. Мятаж воина. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
199. Раткевич Элеонора. Парадоксы Младшего Патриарха. — М.: АСТ, 2002.

200. Ревва Игорь. Последнее заветие. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
201. Резанова Наталья. Удар милосердия. — М.: Вече, 2002.
202. Романецкий Николай. Искатели жребия. — М.: ЭКСМО, 2002.
203. Романовский Александр. Волонтеры Хаоса. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
204. Руга Владимир, Кокорев Андрей. Золото кайзера. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
205. Рыжов А. Земля Тре. — М.: АСТ, 2002.
206. Савеличев Михаил. Иероглиф. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
207. Садов Сергей. Цена победы. — М.: АСТ, 2002.
208. Сазанович Елена. Город призраков. — М.: Вече, 2002.
209. Свержин Владимир. Все лорды Камелота. — М.: АСТ, 2002.
210. Свержин Владимир. Крестовый поход восвояси. — М.: АСТ, 2002.
211. Сивинских А. Имя нам — легион. — М.: АСТ, 2002.
212. Силецкий Александр. Завоеватель планет. — М.: Вече, 2002.
213. Синявская Светлана. Гнев чужих богов. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
214. Синявская Светлана. Крестница черной магии. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
215. Скаландис Ант. Миссия причастных. — М.: Вече, 2002.
216. Скаландис Ант. Причастные: скрытая угроза. — М.: Вече, 2002.
217. Скидневская Ирина. Алмазы Селона. — М.: АСТ; Астрель, 2002.
218. Скидневская Ирина. Звездные мальчики. — М.: Армада-Пресс, 2002.
219. Скидневская Ирина. Игры по-королевски. — М.: Армада-Пресс, 2002.
220. Скирюк Дмитрий. Руны судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.
221. Смирнов Андрей. Рыцарь. — СПб.: Крылов, 2002.
222. Смирнов Леонид. Зона поражения. — М.: АСТ, 2002.
223. Соловьев Антон. Я буду идти за тобой // Порог (Кировград). — 2002. — # 4.
224. Сорокин Владимир. Лед. — М.: Ad Marginem, 2002.

225. Стальнов Илья. На острие иглы. — М.: Geleos, 2002.
226. Стальнов Илья. Удар иглы. — М.: ЗАО «Издат. дом Гелеос», 2002.
227. Сухомизская Светлана. Невеста колдуна. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
228. Тараканов Борис, Галихин Сергей. Кольцо Времени. — М.: АиФ-Принт, 2002.
229. Тюрин Михаил. Синдикат «Громовержец». — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
230. Тюрин Виктор. Полигон богов. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
231. Успенский Михаил. Белый хрен в конопляном поле. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
232. Федорова Екатерина. Леди-рыцарь. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
233. Филенко Евгений. Отсвет мрака. — М.: Вече, 2002.
234. Фомичев Алексей. Пусть бог не вмешивается. — М.: АСТ, 2002.
235. Хаецкая Елена. Голодный грек, или Странствия Феодула. — М.: АСТ, 2002.
236. Хаецкая Елена. Жизнь и смерть Арнаута Каталана // Хаецкая Елена. Голодный грек, или Странствия Феодула. — М.: АСТ, 2002.
237. Хлумов Владимир. Прелесть: Повесть о новом человеке // Хлумов Владимир. Роковые письма. — М.: Вече, 2002.
238. Челябин Сергей. Ключи Коростеля: Ключ от Снега. — М.: АСТ, 2002.
239. Черная Галина. Девушка-лиса. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
240. Чернецов Андрей. Лара Крофт — расхитительница гробниц. — М.: АСТ, 2002.
241. Чичилин Игорь. Переполюх в Небесных Чертогах. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
242. Шалыгин Вячеслав. Время зверя // Шалыгин Вячеслав. Враг внутри. — М.: ЭКСМО, 2002.
243. Шалыгин Вячеслав. Кровь титанов. — М.: ЭКСМО, 2002.
244. Шатилов Валентин. Филумана. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
245. Шелонин Олег, Баженов Виктор. Операция «У Лукоморья...» — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.
246. Шидловский Дмитрий. Мастер. — СПб.: Крылов, 2002.

247. Шидловский Дмитрий. Орден: Дальняя дорога. — СПб.: Крылов, 2002.

248. Штерн Борис. Вперед, конюшня! (Записки Непостоянного Наблюдателя) // Штерн Борис. Приключения инспектора Бел Амора; Вперед, конюшня! — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2002.

249. Щеглов Сергей. Начальник Судного дня. — М.: АСТ, 2002.

250. Щеголев Александр. Львиная охота. — М.: Вече, 2002.

251. Щепетов Сергей. Усмешка творца. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

252. Щупов Андрей. Полет ящера. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

253. Экштейн Александр. Люди полной луны. — М.: АСТ, 2002.

254. Янковский Дмитрий. Логово Тьмы. — М.: Центрполиграф, 2002.

255. Янковский Дмитрий. Нелинейная зависимость. — М.: Центрполиграф, 2002.

256. Янковский Дмитрий. Побочный эффект. — М.: Центрполиграф, 2002.

257. Янковский Дмитрий. Флейта и Ветер. — М.: Центрполиграф, 2002.

Повести, рассказы:

1. 2В. Легенда // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.

2. Dingo. Дадзь нам днесь // Порог (Кировоград). — 2002. — ## 3-4.

3. Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Ной и его сыновья // Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Версии истории. — М.: АСТ, 2002.

4. Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Шекспир и его смуглая леди // Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Версии истории. — М.: АСТ, 2002.

5. Адеев Евгений. Гремлин // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002 // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4 // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

6. Адеев Николай. Тайна Ибрагимовского шурале // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 2.

7. Амзин Александр. Апогорт // Компьютерра (М.). — 2002. — 5 февр. (# 4).
8. Амзин Александр. Другой берег // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
9. Амнуэль Павел. В пучину вод бросая мысль... // Амнуэль Павел. Все разумные. — М.: АСТ, 2002.
10. Амнуэль Павел. Задать вопрос // Амнуэль Павел. Все разумные. — М.: АСТ, 2002.
11. Амнуэль Павел. Поражение // Амнуэль Павел. Все разумные. — М.: АСТ, 2002.
12. Амнуэль Павел. Приди, Ибрагим! // Амнуэль Павел. Все разумные. — М.: АСТ, 2002.
13. Андропова Лора. Вода окающая // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 7-8.
14. Андропова Лора. Черная полоса // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.
15. Ануров Денис. Кое-что на продажу // Юный техник (М.). — 2002. — # 10.
16. Ануров Денис. Последний герой // Юный техник (М.). — 2002. — # 7.
17. Аренев Владимир. Монетка на удачу // Если (М.). — 2002. — # 3.
18. Аренев Владимир. Немой учитель // Порог. — 2001. — №№ 11-12 (по факту — 2002).
19. Астров-Зацарицкий Юрий. Девять граммов // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
20. Афанасьев Роман. Вечер теплый, вечер талый // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
21. Афанасьев Роман. Возвращение // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 1.
22. Афанасьев Роман. Оборотень // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 10.
23. Афанасьев Роман. Эскалатор // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
24. Басов Николай. Крылья для ангела // Звездная дорога. — 2002. — # 12.
25. Бахтина Ирина. Окно в небо // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 3.
26. Бачило Александр. Пятно // Если (М.). — 2002. — # 9.
27. Безродный Иван. Саламандра // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
28. Бенедиктов Кирилл. Штормовое предупреждение // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.:

Международный центр фантастики, 2002 // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.

29. Бенилов Евгений. Предыдущий часовой пояс // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.

30. Берендеев Кирилл. Команта в бирюзовых сумерках // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

31. Бескаравайный Станислав. Привередливый идол // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.

32. Бессонов Алексей. Тени желтых дорог // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

33. Бессонов Алексей. Тени желтых дорог // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.

34. Блинчик Евгения. Бог с чашей // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.

35. Борисенко Игорь. Курьер // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.

36. Брусков Валерий. Нарцисс // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 4.

37. Булычев Кир, Кнари Владимир. Обыск // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.

38. Булычев Кир. Вас много — я одна... // Летопись интеллектуального зодчества (М.). — 2002. — # 1 // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

39. Булычев Кир. Жертва вторжения // Искатель (М.). — 2002. — # 1.

40. Булычев Кир. Золотые рыбки снова в продаже // Если (М.). — 2002. — # 12.

41. Булычев Кир. Крокодил на дворе // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 1.

42. Булычев Кир. Ностальжи // Если (М.). — 2002. — # 7.

43. Булычев Кир. Твоя Рашель... // Домашний компьютер (М.). — 2002. — # 5-7.

44. Буркин Юлий. Oh! Darling... // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002 // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002 // Другой (М.). — 2002. — # 10.

45. Буркин Юлий. Дикая тварь из дикого леса // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.

46. Буркин Юлий. Женщины, дети и звери // Звездная дорога. — 2002. — # 9.

47. Буркин Юлий. Какукавка // Если (М.). — 2002. — # 7 /
/ Какукавка готовится. — Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

48. Буторин Андрей. Глава — ... // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 6.
49. Буторин Андрей. Мать космонавта // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.
50. Буторин Андрей. Сенсационное интервью // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
51. Быков Василь. Лесное счастье // Быков Василь. Бедные люди: Повести, рассказы. — М.: ВАГРИУС, 2002.
52. Быков Василь. Оборонка // Быков Василь. Бедные люди: Повести, рассказы. — М.: ВАГРИУС, 2002.
53. Бычкова Е., Турчанинова Н. Бесценная награда // Сакральная фантастика, вып. 4. — М.: «Мануфактура», 2002.
54. Бычкова Елена, Турчанинова Наталья. Рив д'Арт // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
55. Вартанов Степан. Пятый угол // Вартанов Степан. Легионеры. — М.: АСТ, 2002.
56. Васильев Владимир, Громов Александр. Антарктида online // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
57. Васильев Владимир. Дом знакомый, дом незнакомый // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
58. Васильев Владимир. Родина безразличия // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.
59. Васильев Владимир. Рок на дороге // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 7-8 // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
60. Вашкевич Эльвира. Книга и ворон // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 8.
61. Вашкевич Эльвира. Хранитель // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 3.
62. Вересова Юлия. По ту сторону радуги // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.
63. Веров Ярослав. День нестабильности // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
64. Ветков Юрий. Реванш Корнелия Удалова // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
65. Виноградов Александр. Власть предрассудка // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
66. Витковский Тарас. Сказки в старом парке // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
67. Володихин Дмитрий. Десантно-штурмовой блюз // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
68. Володихин Дмитрий. Доски Творца // Сакральная фантастика, вып. 4. — М.: «Мануфактура», 2002.

69. Володихин Дмитрий. Коричневое пятно // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

70. Володихин Дмитрий. Созерцатель // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.

71. Волос Андрей. Мутуоп // Новый мир (М.). — 2002. — # 1.

72. Воронин Дмитрий. Чемпионка // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

73. Воронов А., Надеждин А. Им было хорошо и тепло друг с другом // Юный техник (М.). — 2002. — # 1.

74. Врочек Шимун. Три мертвых бога // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.

75. Гаврилов Дмитрий. «Ни хитру, ни горазду...» // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.

76. Гаврилов Дмитрий. Бог создал море, а фламандцы — берега // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.

77. Гаврилов Дмитрий. Господин случай // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.

78. Гаврилов Дмитрий. Харбард должен быть доволен // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).

79. Галина Мария. Покрывало для Аваддона // Галина Мария. Покрывало для Аваддона: Повести. — М.: Текст, 2002.

80. Галина Мария. Хроники Леонарда Калганова, этнографа // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

81. Галкина Наталья. Алое пальто // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

82. Галкина Наталья. Женщина и зеркало // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

83. Галкина Наталья. И тому подобное // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

84. Галкина Наталья. Клипы // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

85. Галкина Наталья. Проблемы перевода // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

86. Галкина Наталья. Пустырь у площади // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

87. Галкина Наталья. Свеча // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

88. Галкина Наталья. Сердце красавицы // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

89. Галкина Наталья. Творческий кризис // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

90. Галкина Наталья. Устинья // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.

91. Галкина Наталья. Хатшепсут // Галкина Наталья. Ночные любимцы. — СПб.: Журнал «Нева», 2002.
92. Геворкян Эдуард. Аргус // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
93. Геворкян Эдуард. Карусель: действие // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
94. Гейман Александр. Ковчег // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
95. Георгиева Снежана. Кристалл голубого огня // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 1.
96. Герасимов Сергей. Власть цифры // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
97. Герасимов Сергей. Животное // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
98. Гетманский Игорь. Лесоруб // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
99. Гетманский Игорь. Парадоксы связности // Гетманский Игорь. Планета безумцев. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
100. Глагольев Игорь. Волшебство // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
101. Глуховцев Всеволод. Перевал Миллера // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
102. Головачев Василий. Два меча // Звездная дорога. — 2002. — # 12.
103. Головачев Василий. Край света // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
104. Головачев Василий. Смотритель пирамид // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
105. Гравицкий Александр. Чувство прекрасного // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 2.
106. Гравицкий Алексей. Избавитель // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
107. Гравицкий Алексей. Мимолетности // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
108. Гравицкий Алексей. Отдать душу // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
109. Громов Александр. Быть проще // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
110. Громов Александр. Двое на карусели // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
111. Громов Дмитрий В. Души воров // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.

112. Громов Дмитрий В. Миром против черта // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
113. Громов Дмитрий. Скользкий поворот // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
114. Гросс Павел. Дело чеширского кота // Порог (Кировоград). — 2002. — # 3.
115. Гросс Павел. Шаманы Анджикуни // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
116. Гуданец Николай. 30 контейнеров для господина Зет // Гуданец Николай. Главнокомандующий. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
117. Гуляковский Евгений. Последний мираж // Гуляковский Евгений. Последний мираж. — М.: Вече, 2002.
118. Дай Андрей. Придут ОНИ... // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 2.
119. Дашков Андрей. Оазис Джудекка // Дашков Андрей. Суперанимал. — М.: АСТ, 2002.
120. Дашков Андрей. Суперанимал // Дашков Андрей. Суперанимал. — М.: АСТ, 2002.
121. Дашков Андрей. Харон // Дашков Андрей. Суперанимал. — М.: АСТ, 2002.
122. Дашков Андрей. Человек дороги // Дашков Андрей. Суперанимал. — М.: АСТ, 2002.
123. Дашков Андрей. Черная метка // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.
124. Деревянко Илья. Гости из преисподней // Деревянко Илья. Кровососы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
125. Деревянко Илья. Западня // Деревянко Илья. Зачистка территории. — М.: ЭКСМО, 2002.
126. Деревянко Илья. Кровавое шоу // Деревянко Илья. Проданные души. — М.: ЭКСМО, 2002.
127. Деревянко Илья. Проданные души // Деревянко Илья. Проданные души. — М.: ЭКСМО, 2002.
128. Деревянко Илья. Черный старик // Деревянко Илья. Гладиатор. — М.: ЭКСМО, 2002.
129. Державин Иван. Яблочки // Курс (Белово Кемеровской обл.). — 2002. — 4 янв.
130. Див. Волна // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
131. Дивов Олег. Закон лома для замкнутой цепи // Летопись интеллектуального зодчества (М.). — 2002. — # 4 // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002 // Закон лома. — Звездная дорога. — 2002. — # 9.

132. Дивов Олег. Параноик Никанор // Если (М.). — 2002. — # 11.
133. Добровольская Мария. Обыкновенная история // Домашний компьютер (М.). — 2002. — # 2-3.
134. Дорофеев Сергей. Краткий миг вечности // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
135. Дорофеев Сергей. Страна За Золотыми Горами // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
136. Дорофеев Сергей. Я тебя породил // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
137. Дрозд Евгений. Зомби в новолуние // Звездная дорога. — 2002. — # 10-11.
138. Дьяченко Нина. Где моя принцесса? // Порог (Кировград). — 2002. — # 9.
139. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Бутон // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
140. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Визит к педиатру // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
141. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Волосы // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
142. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Демография // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
143. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Коряга, похожая на повернувшуюся кошку // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
144. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Лунный пейзаж // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
145. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Марта // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
146. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Обещание // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
147. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Перевертыши // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
148. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Подземный ветер // Если (М.). — 2002. — # 9.

149. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Судья // Если (М.). — 2002. — # 11.
150. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
151. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Я женюсь на лучшей девушке королевства // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
152. Евтушенко Алексей. Кто не спрятался // Евтушенко Алексей. Отряд-2. — М.: ЭКСМО, 2002.
153. Евтушенко Алексей. Ни дня без сенсации // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5) // Евтушенко Алексей. Отряд-2. — М.: ЭКСМО, 2002.
154. Евтушенко Алексей. Пес // Евтушенко Алексей. Отряд-2. — М.: ЭКСМО, 2002.
155. Евтушенко Алексей. Сетевой // Евтушенко Алексей. Отряд-2. — М.: ЭКСМО, 2002.
156. Елисеева Ольга. Наследники исполина // Сакральная фантастика, вып. 4. — М.: «Мануфактура», 2002.
157. Ершов Юрий. Заколдованная страница // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 8.
158. Железнов Свенельд. Время улетать // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
159. Железнов Свенельд. Исповедь проктолога // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
160. Железнов Свенельд. История Эдоана Туаса, второго зрителя и содержателя полкового а'сико // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
161. Железнов Свенельд. Стоматологи // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
162. Журавлева Нэлли. Фанфаролла — монстр деревенский // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 4.
163. Зарубин Алексей. Красота оплаченного долга // Если (М.). — 2002. — # 6.
164. Захаров Евгений. Обряд четырехмесячья // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.
165. Захарова Светлана, Захаров Евгений. Обряд четырехмесячья // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 5.
166. Зеленский Борис. Фэн-шуй по-марсиански // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
167. Злотников Роман. Нечаянная встреча // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.

168. Зорич Александр. Конан и Смерть // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 5-6.
169. Зулев Виктор. Ностальгия // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
170. Иванов Сергей. Пропавшие души // С. Иванов. Пропавшие души. — М.: АСТ, 2002.
171. Иртенина Наталья. Запас вечности // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
172. Иртенина Наталья. Ракурсы // Сакральная фантастика, вып. 4. — М.: «Мануфактура», 2002.
173. Иторр Кайл. Конец сети // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
174. Каганов Леонид. До рассвета // Каганов Леонид. Коммутация. — М.: АСТ, 2002.
175. Каганов Леонид. Город Антарктида // Каганов Леонид. Коммутация. — М.: АСТ, 2002.
176. Каганов Леонид. Заклятие духов тела // Каганов Леонид. Коммутация. — М.: АСТ, 2002.
177. Каганов Леонид. Коммутация // Каганов Леонид. Коммутация. — М.: АСТ, 2002.
178. Каганов Леонид. Любовь Джонни Кима // Другой (М.). — 2002. — # 12.
179. Каганов Леонид. Масло // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
180. Каганов Леонид. Путешествие фантаста Свечникова // Каганов Леонид. Коммутация. — М.: АСТ, 2002.
181. Каганов Леонид. Эпос хищника // Другой (М.). — 2002. — # 5 // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
182. Каленюк Евгений. Разрушенный человек // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.
183. Калугин Алексей. Больше хороших новостей // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
184. Калугин Алексей. Голова-комод // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
185. Калугин Алексей. Немного одиночества // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
186. Калугин Алексей. Разлученные // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.
187. Калугин Алексей. Рассвет потерянных душ // Если (М.). — 2002. — # 6.
188. Калугин Алексей. Только один день // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

189. Каплан Виталий. Юг там, где солнце // Каплан Виталий. Корпус. — М.: «АиФ-Принт», 2002.
190. Караев Николай. Вуду со сливками // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
191. Карягин Валентин. Мальчик // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
192. Квант Макс. Высший разум // Юный техник (М.). — 2002. — # 5.
193. Кириллов Сергей. Время оборотня / К публикации подготовил И. Филимонов // Энергия: экономика, техника, экология (М.). — 2002. — # 2.
194. Кликин Михаил. Последний солдат последней войны // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 4.
195. Климовская Ольга. Падшие ангелы // Порог (Кировград). — 2002. — # 1.
196. Клинкин Михаил. Мозаика // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 2.
197. Колосов Игорь. Сказка о старом коте и серой рыбке // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 1.
198. Корепанов Алексей. Летящая звезда // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
199. Корепанов Алексей. По заповедям // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
200. Королюк Валерий. Мы, струльдбруги... // Порог (Кировград). — 2002. — # 4.
201. Красиков Сергей. Принцесса и дракон // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.
202. Краснокутский Александр. Где-то там... // Порог (Кировград). — 2002. — # 5.
203. Кубатиев Алан. В поисках господина П // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
204. Кубатиев Алан. Парк «Победа» // Звездная дорога. — 2002. — # 12.
205. Кудрявцев Александр. Трещина // Порог (Кировград). — 2002. — # 1.
206. Кудрявцев Леонид. Газетный лист, в который были завернуты пампушки, купленные мной на одной из железнодорожных станций по дороге из Москвы в Ижевск // Кудрявцев Леонид. Условия выживания. — М.: АСТ, 2002.
207. Кудрявцев Леонид. Домашний врач // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
208. Кудрявцев Леонид. Кукушонок // Если (М.). — 2002. — # 4 // Кудрявцев Леонид. Условия выживания. — М.: АСТ, 2002.

209. Кудрявцев Леонид. Ненужные вещи // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
210. Кудрявцев Леонид. Собиратель информации // Кудрявцев Леонид. Условия выживания. — М.: АСТ, 2002.
211. Кузнецов Иван. Мерцающий // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 3.
212. Кузнецов Иван. Пока не прозвучал гонг // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
213. Кузьменко Павел. Кладка № 7 // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
214. Кулагин Олег. Легенда физтеха // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
215. Кулагин Олег. Подарок для императора // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
216. Куликов Валентин. Хочу в мир иной // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
217. Куприянов Вячеслав. Осландия и Козландия // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 6.
218. Купряшина Софья. Божественный Александр // Купряшина Софья. Счастье. — М.: Зебра-Е, 2002.
219. Купряшина Софья. Город Хиопс // Купряшина Софья. Счастье. — М.: Зебра-Е, 2002.
220. Купряшина Софья. Последний из Посвященных // Купряшина Софья. Счастье. — М.: Зебра-Е, 2002.
221. Купцов Василий. Злой камень // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).
222. Купцов Василий. Накормить друга // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
223. Купцов Василий. От колес // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
224. Кутинов Александр. Мед безумца // Кутинов Александр. Путешествие к центру Земли. — М.: ЗебраЕ, 2002.
225. Лазарчук Андрей. «У кошки четыре ноги...» // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
226. Лайк Александр. Алая Книга Западных Пределов // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
227. Лайк Александр. Последний поход // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
228. Лайк Александр. Рассвет // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
229. Лайк Александр. Творцы миров // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.
230. Ларин Виктор. Казнить нельзя помиловать! // Юный техник (М.). — 2002. — # 2.

231. Лебедев Алексей. Венди // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 4.
232. Лебедев Алексей. Страж пустоты // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
233. Лебедев Алексей. Финал Карпатского // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 10.
234. Леженда Валдис. Мы поедem, мы помчимся... // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
235. Ливадный Андрей. Бремя война // Ливадный Андрей. Борт 618. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
236. Ливадный Андрей. Реальное превосходство // Ливадный Андрей. Спираль. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
237. Ливадный Андрей. Сфера Дайсона // Ливадный Андрей. Жизненное пространство. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
238. Ливадный Андрей. Форт Стеллар // Ливадный Андрей. Борт 618. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
239. Логинов Святослав. Долина Лориэн // Если (М.). — 2002. — # 6.
240. Логинов Святослав. Домик в деревне // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
241. Логинов Святослав. Спонсор // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
242. Лукас Ольга. Пивная на краю Вселенной // Звездная дорога. — 2002. — # 12.
243. Лукин Евгений. Мгновение ока: Неокиберпанк // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
244. Лукин Евгений. Что наша жизнь? // Если (М.). — 2002. — # 9.
245. Лукина Любовь, Лукин Евгений. Смертельная // Если (М.). — 2002. — # 1.
246. Лукьяненко Сергей. Аргентумный ключ // Лукьяненко Сергей. Атомный сон. — М.: АСТ, 2002.
247. Лукьяненко Сергей. Если вы свяжетесь прямо сейчас... // Если (М.). — 2002. — # 4 // Если сегодня. — Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
248. Лукьяненко Сергей. Пограничное время // Если (М.). — 2002. — # 9.
249. Лукьяненко Сергей. Шаги за спиной // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.
250. Лукьяненко Сергея. Девочка с китайскими зажигалками // Другой (М.). — 2002. — # 12.
251. Лысак Дмитрий. Охота // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.

252. Малахов Олег, Василенко Андрей. Семья // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
253. Малахов Олег, Василенко Андрей. Точка отправки // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
254. Малов Владимир. ЗАО «Дом Кукушкина» // Если (М.). — 2002. — # 7.
255. Малышева Галина. Куда идти? // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
256. Маркелова Наталья. Деревня // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
257. Марышев Владимир. Зеленое сукно // Юный техник (М.). — 2002. — # 3.
258. Марьин Олег. Высший приоритет // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 7.
259. Марьин Олег. Диск // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
260. Марьин Олег. Шарманщик // Сакральная фантастика, вып. 4. — М.: «Мануфактура», 2002.
261. Масленков Игорь. Абсолютное зло // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
262. Матюхин Александр. Таков закон // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 6.
263. Мельников Геннадий. Пиво без отстоя не брать // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
264. Мидянин Василий. Войны с реальностью // Если (М.). — 2002. — # 3.
265. Мидянин Василий. Ястреб и скорпион // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
266. Михайлов Владимир. Семя // Летопись интеллектуального зодчества (М.). — 2002. — # 3 // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
267. Мокин Александр. Он искал себе мир // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
268. Монахова Мона. Полет на Марс // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.
269. Морозов Андрей. Мишель Ней, маршал Империи // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
270. Морозов Андрей. Последний русский-2 // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
271. Мортис Игорь. Пограничник // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
272. Моторный Максим. Кнопка // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

273. Моторный Максим. Навстречу ветру // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.

274. Наумова Раиса. Огненная сада // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 5.

275. Некрасова Екатерина. Возможны варианты: Сказка пьяного геймера // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

276. Некрасова Екатерина. Времена меняются // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.

277. Некрасова Екатерина. Таня // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.

278. Некрасова Наталья. Мстящие бесстрастно // Н. Некрасова. Мстящие бесстрастно. — М.: АСТ, 2002.

279. Некрасова Наталья. Повесть о последнем кранки // Н. Некрасова. Мстящие бесстрастно. — М.: АСТ, 2002.

280. Некрасова Наталья. Самое тихое время года // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

281. Нестеренко Евгений. Везунчик // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.

282. Нестеров Ростислав. Полигон // Наука и жизнь (М.). — 2002. — # 1.

283. Никитин Олег. Семейные сценки // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

284. Никитин Юрий. Забытая песня // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).

285. Нихто Я. Оказия // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.

286. Новак Илья. 00.00 (Полная тьма. Пришел шаман) // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.

287. Новак Илья. И стал свет // Искатель (М.). — 2002. — # 7.

288. Новак Илья. Проходит шаман: почти полная тьма // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.

289. Новаш Наталья. Сон святого Петра // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

290. О'Санчес. Одна из стрел парфянских // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.

291. Овчинников Олег. «Это случилось...» // Звездная дорога. — 2002. — # 10-11.

292. Овчинников Олег. Два мира — два солнца // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

293. Овчинников Олег. Звонок на небеса // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 2.

294. Овчинников Олег. Погода в доме // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

295. Овчинников Олег. Проблемы с этим... красным... который во рту! // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.

296. Овчинников Олег. Ридингофобия // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 2.

297. Овчинников Олег. Семь грехов радуги // Если (М.). — 2002. — # 10.

298. Оганесян Екатерина. Соседи // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

299. Окулов Валерий. По направлению к Прусту // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.

300. Олди Генри Лайон. Ваш выход, или Шутов хоронят за оградой // Олди Генри Лайон. Ваш выход. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

301. Олди Генри Лайон. Вторые руки: пьеса // Олди Генри Лайон. Орден Святого Бестселлера, или Выйти в тираж. — М.: ЭКСМО, 2002.

302. Олди Генри Лайон. Где отец твой, Адам? // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002 // Олди Генри Лайон. Ваш выход. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

303. Олди Генри Лайон. Давно, усталый раб, замыслил я побег... // Олди Генри Лайон. Ваш выход. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

304. Олди, Генри Лайон. Ничей дом // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

305. Олейников Алексей. Мариам танцует // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).

306. Олейников Алексей. Человек у воды // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.

307. Оленева Наталья. Код // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

308. О'Сполох. Глаза // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).

309. О'Сполох. Любовное приключение // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.

310. О'Сполох. Тринадцать // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).

311. Павлухин Андрей. Чашка // Юный техник (М.). — 2002. — # 4.

312. Папченко Александр. Лит // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 7; # 8; # 9.

313. Петров Георгий. Пара андроидальных андроидов // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.

314. Пивоваров Сергей. По делам каждому воздастся // Фантаст (М.). — 2002. — 30 янв. (# 5).

315. Пискунов Олег. Почти правдивая история // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

316. Пичугов Олег. Инстинкт изувера // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.

317. Плахотникова Елена. Самый невезучий сукин сын // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

318. Плеханов Андрей. Душа Клауса Даффи // Если (М.). — 2002. — # 1.

319. Плеханов Андрей. Узоры для умных и глупых // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

320. Подистов Андрей. Игры с Танатосом // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.

321. Полевина Ольга. Мыши на чердаке // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.

322. Попов Дмитрий. Папоротников цвет // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 4.

323. Потапова Евгения. Тихие праздники // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 1.

324. Прашкевич Геннадий. Вечный Лощман // Звездная дорога. — 2002. — # 9.

325. Прибой Джулиан М. Всего лишь случайность // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002 // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 9.

326. Прозоров Александр. Вальс трех планет // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

327. Прозоров Александр. Голубенькие глазки // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

328. Прозоров Александр. Зеленый жемчуг // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

329. Прозоров Александр. Исполнитель // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

330. Прозоров Александр. Обычная жалость // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

331. Прозоров Александр. Совесть вне памяти // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

332. Прозоров Александр. Триста метров до метро // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

333. Прозоров Александр. Успех программы «Гений» // Прозоров Александр. Зубы дракона. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

334. Прокопчик Светлана. Скамейкин бог // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

335. Пронин Игорь. Мао. Душевная повесть // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
336. Прошкин Евгений. Эвакуация // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 5-6.
337. Пыхов А. Заложники затонувшего города. — М.: В. Секачев, 2002.
338. Рагузин Павел, Петров Георгий. Холодная психотерапевтическая война 2000 // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
339. Рагузин Павел. Вторая мировая война как вселенская эхо-конференция // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.
340. Рассохина Таисия. Экологическая сказка // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 1.
341. Ревва Игорь. Отставка // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.
342. Ревва Игорь. Побег // Если (М.). — 2002. — # 8.
343. Рогов Константин. Оборотень // Призрачные миражи. — М.: АСТ, 2002.
344. Рогов Константин. Сумерки // Призрачные миражи. — М.: АСТ, 2002.
345. Розов Павел. Львица // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
346. Ройфе Александр. Дом Жуан // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
347. Романов Виталий. Сказка // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.
348. Романчук Любовь. Репетиция конца света // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.
349. Рыжков Лев. Шутки в сторону! // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
350. Савельев Дмитрий. Человек, который заводил автомобили // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
351. Савченко Владимир. Призрак времени // Савченко Владимир. Черные звезды. — М.: АСТ, 2002.
352. Саломатов Андрей. Дом по имени... // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
353. Саломатов Андрей. Посторонние // Если (М.). — 2002. — # 11.
354. Саломатов Андрей. Я дарю тебе жизнь // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 7-8.
355. Самусь Юрий. Свои // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
356. Сандовский Владимир. Осенняя рапсодия // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

357. Сашнева Александра. Второе лето // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 7 // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

358. Сашнева Александра. Дом колдуна // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

359. Свиридов Алексей. Новая компьютерная игра // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

360. Свиридов Алексей. Скоро нас будет меньше // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

361. Свиридов Алексей. Те, кто знали // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

362. Свистунов Александр. Чудо по-русски // Компьютерра (М.). — 2002. — 22 янв. (# 2).

363. Семенов Юрий. Сказка про царевну-лягушку // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.

364. Сенявская Елена. Гроза на краю вечности // Воин России (М.). — 2002. — # 6.

365. Сенявская Елена. Дорога к вальсу // Воин России (М.). — 2002. — # 6.

366. Сенявская Елена. Лицо в зеркале // Воин России (М.). — 2002. — # 6.

367. Сержантова Алевтина. Если жизнь тебя обманет // Лит. Россия (М.). — 2002. — 1 февр. (# 5).

368. Сивинских Александр. Открытие Индии // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.

369. Силецкий Александр. Человек в кубе // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

370. Силкина Елена. Мир из окна автомобиля // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

371. Симонова Мария. Дать тебе силу // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

372. Снякин Сергей. Звери у двери // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002 // Снякин Сергей. Люди Солнечной системы. — М.: АСТ, 2002.

373. Снякин Сергей. Злая ласка звездной руки // Снякин Сергей. Злая ласка звездной руки. — М.: АСТ, 2002.

374. Снякин Сергей. Инспектор Внеземелья // Снякин Сергей. Люди Солнечной системы. — М.: АСТ, 2002.

375. Снякин Сергей. Ловушка для нарушителя // Снякин Сергей. Люди Солнечной системы. — М.: АСТ, 2002.

376. Снякин Сергей. Мрак тени смертной // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.

377. Сияякин Сергей. Партактив в Иудее // Сияякин Сергей. Злая ласка звездной руки. — М.: АСТ, 2002.
378. Сияякин Сергей. Перекресток // Сияякин Сергей. Люди Солнечной системы. — М.: АСТ, 2002.
379. Сияякин Сергей. Поле брани для павших // Сияякин Сергей. Злая ласка звездной руки. — М.: АСТ, 2002.
380. Сияякин Сергей. Профессионал // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
381. Сиоров Олег. Память // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 2.
382. Ситников Константин. Возвращение с Плутона // Юный техник (М.). — 2002. — # 9.
383. Ситников Константин. Прорыв к морю, или Никто не убежал // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
384. Скаландис Ант, Сидоров Сергей. Волосатый слон // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 8.
385. Скаландис Ант. Рыцари здравого смысла // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
386. Скирюк Дмитрий. Бабушка надвое // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
387. Скирюк Дмитрий. Волка ноги // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
388. Скирюк Дмитрий. Заразилка // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
389. Скирюк Дмитрий. Зверики (Седьмая душа) // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
390. Скирюк Дмитрий. Иван-дурилка // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
391. Скирюк Дмитрий. Имярек // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
392. Скирюк Дмитрий. Копилка // Фантастика 2002: Вып. 1. — М.: АСТ, 2002.
393. Скирюк Дмитрий. Королевский гамбит // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
394. Скирюк Дмитрий. Крылья родины: Историч. военное обозрение, 1262 г. # 8 // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
395. Скирюк Дмитрий. Находилка // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
396. Скирюк Дмитрий. Нулевая степень // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.
397. Скирюк Дмитрий. Поварилка // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.

398. Скирюк Дмитрий. Пыль на ветру // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

399. Скирюк Дмитрий. Разломалка // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.

400. Скирюк Дмитрий. Соловья байками // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.

401. Скирюк Дмитрий. Сопроводиловка // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.

402. Скирюк Дмитрий. Старик // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.

403. Скирюк Дмитрий. Тоник // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.

404. Скирюк Дмитрий. Четвертый // Скирюк Дмитрий. Парк пермского периода. — М.: АСТ, 2002.

405. Слипенчук В. Светлое Воскресенье. — М.: Городец-издат, 2002.

406. Слюсарев Валерий. Инстинкт любви // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

407. Слюсарев Валерий. Ну ни фига себе! // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.

408. Смирнов Алексей. Дух и веревочка // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

409. Смирнов Алексей. Натюр Морт // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

410. Смирнов Сергей. И конь проклянет седока // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

411. Смирнов Сергей. Солнце для мертвых // Натюр Морт. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

412. Сокол Игорь. Комсомол ответил «Йес!» // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

413. Соловьев Станислав. Сумеречная лощина // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.

414. Стоян Сергей. Попутчик из коллапса // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

415. Стрельченко Сергей. Путь неудачника // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

416. Стрельченко Сергей. Яблочный пирог // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.

417. Суворова Татьяна. О склепах и глюках // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

418. Сухих Владимир. Высшее образование // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 2.

419. Сухих Владимир. Экзамен // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 2.
420. Сухнев Вячеслав. Летопись Пименова // Если (М.). — 2002. — # 7.
421. Сыров Сергей. Как я стал религиозным // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
422. Тараканов Борис, Галихин Сергей. Последний Хранитель вечности // Тараканов Борис, Галихин Сергей. Кольцо Времени. — М.: АиФ-Принт, 2002.
423. Тимонов Макс. Последний русский // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
424. Точильникова Наталья. Дух огня // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7 // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.
425. Трускиновская Даля. Венера и Вулкан // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
426. Трускиновская Даля. Маршрут Оккама // Если (М.). — 2002. — # 4.
427. Тулин Олег. Спаситель Вселенной // Юный техник (М.). — 2002. — # 6.
428. Туманова Ольга. Свидание // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
429. Тутов Александр. Идущие на смерть / К публикации подготовил И. Филимонов // Энергия: экономика, техника, экология (М.). — 2002. — # 1.
430. Тырин Михаил. Стерва // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
431. Тюрин А. Эскадрон гусар летучих // Звездная дорога. — 2002. — # 10-11.
432. Тюрин Александр. Гигабайтная битва // Если (М.). — 2002. — # 1.
433. Тюрин Александр. Падший ангел // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.
434. Тюрин Александр. Псы-витязи // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 1.
435. Тюрин Александр. Сознание лейтенанта в лотосе, или Медитация времен Третьей мировой // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.
436. Тюрин Александр. Транзитный космодром: Цикл «НФ-хокку» // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 2.
437. Фарб Антон. Каэрдэн, или Милосердный рыцарь // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

438. Фарб Антон. РВК // Порог (Кировоград). — 2002. — # 1.
439. Федоров Игорь. Домина // Пятая стена. — М.: Интел-Билд, 2002.
440. Федоров Игорь. Маленькие зеленые нечеловечки // Если (М.). — 2002. — # 7.
441. Форост Максим. Радуга первого завета // Если (М.). — 2002. — # 2.
442. Хаецкая Елена. Мориц и Эльза // Звездная дорога. — 2002. — # 10-11.
443. Хаецкая Елена. Прах // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
444. Хаецкая Елена. Человек по имени Беда // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
445. Хицкова Ирина. Ночь вождя // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
446. Хоменко Илья, Фоменко Владимир. Возвращение // Порог (Кировоград). — 2002. — # 7.
447. Хуснутдинов Андрей. Карамазовы казармы // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 1.
448. Цветков Сергей. Волчьи сны // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 8.
449. Целмс Михаил. Теплотрасса. Шарик на миллион. Пазлы. Эники-беники. День рождения. Зона турбулентности // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
450. Чешко Нина. Чему быть // Порог (Кировоград). — 2002. — # 9.
451. Шалыгин Вячеслав. Враг внутри // Шалыгин Вячеслав. Враг внутри. — М.: ЭКСМО, 2002.
452. Шведов Алексей. Завернутая-в-пододеяльник // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.
453. Шведов Алексей. На лекции // Зайцы на Марсе. — Липецк: Крот, 2002.
454. Шилина Екатерина. Рай и ад // Если (М.). — 2002. — # 8.
455. Шимановский Юрий. Последний день «Картес Петролеум» // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.
456. Шрайбер Олег. Истребители киберов // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
457. Шрейнер Ирина. Самый лучший звездоход // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.
458. Штылвелд Веле. Каори // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.
459. Шушпанов Аркадий. Не хорошо обманывать старух // Юный техник (М.). — 2002. — # 8.

460. Щеголев Александр. Легкий бред в формате дзен // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 1.
461. Щепетнев Василий. Из глубины // Щепетнев Василий. Темные зеркала. — М.: АСТ, 2002.
462. Щербак-Жуков Андрей. Этюд о многомерности пространства // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
463. Щербинин Дмитрий. ...Словно Артур в Авалоне // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 6.
464. Щигель Анатолий. Искусственный отбор // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 9.
465. Юрьева Ирина. Конец звероящера // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 2.
466. Янковский Дмитрий. Заговор // Пятая стена. — М.: ИнтелБилд, 2002.
467. Янковский Дмитрий. Знак крысы // Техника — молодежи (М.). — 2002. — # 1.
468. Янковский Дмитрий. Плато всех стихий // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 5-6.
469. Янковский Дмитрий. Тарелка крепкого бульона // Если (М.). — 2002. — # 12.
470. Ясиновская Ирина, Кищенко Антон. Свято место пусто не бывает // Порог (Кировоград). — 2002. — # 6.

Критика, литературоведение, история фантастики:

1. Алексеев С. Очищение в Валиноре // Звездная дорога. — 2002. — # 10-11.
2. Алиева Соня. Влечение к новым мирам // Библиотека (М.). — 2002. — # 2.
3. Амнуэль Павел. В поисках новой парадигмы // Если (М.). — 2002. — # 10.
4. Амнуэль Павел. Создан для бури // Альтов Генрих, Журавлева Валентина. Летящие по Вселенной: Антология. — М.: АСТ, 2002.
5. Арбитман Роман. Цикл статей в рубрике «Арбитмания» в журнале «Звездная дорога», # 5-12.
6. Байкалов Дмитрий, Сеницын Андрей. Alter Ego, или Современный Франкенштейн // Если (М.). — 2002. — # 8.
7. Байкалов Дмитрий, Сеницын Андрей. Волны (Итоги года, как итоги века) // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.

8. Байкалов Дмитрий, Синицын Андрей. И это все о нем. Подлинная история Юрия Семечко // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

9. Байкалов Дмитрий, Синицын Андрей. Игры больших детей // Если (М.). — 2002. — # 4.

10. Байкалов Дмитрий. Искатель чудес // Если (М.). — 2002. — # 9.

11. Балабуха Андрей. Воспаление совести, или Трагедия плюсов // Блиш Джеймс. Дело совести: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.

12. Балабуха Андрей. На чем мир держится, или Безвыходность оптимизма // М. Ахманов. Я — инопланетянин. — М.: ЭКСМО, 2002.

13. Белоус Виктор. Посадить дерево // Порог (Кировоград). — 2002. — # 5.

14. Бережной Сергей. Марс королевы Виктории. (О «марсианской» фантастике XIX века) // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 6-7.

15. Бережной Сергей. Сказка о методе // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.

16. Бережной Сергей. Эдгар Райс Берроуз, повелитель приключений // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 9.

17. Березин Владимир. Кто идет за «Клинским»? // Если (М.). — 2002. — # 2.

18. Березин Владимир. Про ментов // Ex libris НГ (М.). — 2002. — 25 июля (# 25).

19. Березин Владимир. Это наш день // Ex libris НГ (М.). — 2002. — 11 апр. (# 13).

20. Борисов Владимир. Изменить ход цивилизации // Савченко Владимир. Черные звезды. — М.: АСТ, 2002.

21. Борисов Владимир. Цикл статей в рубрике «Судьба книги» в журнале «Если», 2002.

22. Быков Дмитрий. Fantasy: Это вино один раз уже пили // Веч. клуб (М.). — 2002. — 24 янв. (# 4).

23. Валентинов Андрей, Громов Дмитрий, Ладыженский Олег. Украинская фантастика: вчера // Валентинов Андрей. Созвездье Пса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

24. Валентинов Андрей. Нечто о сущности криптоистории, или Незабываемый 1938-й // Валентинов Андрей. Созвездье Пса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

25. Ватолин Дмитрий. Любители бесплатного пива // Если (М.). — 2002. — # 5.

26. Ватолин Дмитрий. Официальные представительства // Фантастика 2002. Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

27. Владимир Станкович. Образ будущего в современной отечественной фантастике // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002.

28. Владимирский Василий. Между отчаянием и надеждой // Браннер Джон. Эра чудес: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002. — (Классика мировой фантастики).

29. Владимирский Василий. Шок настоящего // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 5.

30. Войскунский Евгений. Научная фантастика в Баку: Страницы воспоминаний // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

31. Володихин Дмитрий, Мазова Наталия. Вернуться с огнем в ладонях. Фантастика в субкультуре ролевых игр // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002 // Новая игра или новая проза?: Фантастика и движение ролевых игр — Лит. газета (М.). — 2002. — 27 марта — 2 апр. (# 12).

32. Володихин Дмитрий, Черный Игорь. La femme cherche (Женщина ищет) // Если (М.). — 2002. — # 9 // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: АСТ, 2002.

33. Володихин Дмитрий. Из Шервуда в Варшаву. Фантастическое допущение в произведениях Елены Хаецкой // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002.

34. Володихин Дмитрий. Караул устал // Если (М.). — 2002. — # 6.

35. Володихин Дмитрий. Коллекционер жизни // Хаецкая Е. Бертран из Лангедока. — М.: АСТ, 2002.

36. Володихин Дмитрий. Мы могли бы служить в разведке... // Если (М.). — 2002. — # 1.

37. Володихин Дмитрий. Пестрый рыцарь: Кодекс чести Олега Дивова // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 7—8.

38. Володихин Дмитрий. Хуторяне // Если (М.). — 2002. — # 11.

39. Волчонок Валентин. Гапология // Если (М.). — 2002. — # 11.

40. Гаков Вл. Вечная война // Если (М.). — 2002. — # 10.

41. Гаков Вл. Иэн в чреве кита // Если (М.). — 2002. — # 12.

42. Гаков Вл. Колокол по человечеству // Кристофер Джон. Огненный бассейн: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.

43. Гаков Вл. Куколки Джона Уиндэма // Уиндэм Джон. День триффидов: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.

44. Гаков Вл. Миссионер // Если (М.). — 2002. — # 6.

45. Гаков Вл. Писатель в Зазеркалье // Если (М.). — 2002. — # 3.
46. Гаков Вл. Цикл статей в рубрике «Судьба книги» в журнале «Если», 2002.
47. Галина Мария. Этот хрупкий фантастический мир // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002 // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
48. Геворкян Эдуард. Медаль за взятие Каноссы // Если (М.). — 2002. — # 2.
49. Гончаров Владислав, Мазова Наталия. Толпа у открытых ворот // Если (М.). — 2002. — # 3.
50. Гончаров Владислав. Люди и миры Хола Клемента // Клемента Хол. Звездный свет: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.
51. Гончаров Владислав. Маленький человек в большом Космосе // Рассел Эрик Френк. Звездный страж: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.
52. Губайловский Владимир. Обоснование счастья: О природе фэнтези и первооткрывателе жанра // Новый мир (М.). — 2002. — # 3.
53. Дерябин Сергей. Компьютер в голове // Если (М.). — 2002. — # 11.
54. Дерябин Сергей. Прекрасный новый мир? // Если (М.). — 2002. — # 5.
55. Елеонский Денис. Кольцо профессора Толкиена // Секретные материалы 20 века (СПб.). — 2002. — # 5.
56. Елисеев Глеб. Еще один зловредный миф о нашей убогой фэнтези // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
57. Елисеев Глеб. Творчество братьев Стругацких и кризис советского мировоззрения // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 3-4.
58. Елисеева Ольга. Окультизм в «Гарри Поттере» // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
59. Еськов Кирилл. Японский оксюморон // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.
60. Иванов Владислав. Порок культуры // Лит. Россия (М.). — 2002. — 18 янв.
61. Камша Вера. Реальность как сказка: Будущее у Вадима Шефнера невероятно и невозможно, но отчего-то начинает казаться реальным // Независимая газета (М.). — 2002. — 23 янв. (# 9).
62. Канис В. Фантастическая пресса-2001: где и как писали о фантастике // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 2.
63. Купцов Василий. Шпаргалка для писателя // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.

64. Лебедев Андрей. Фантастика поколений // Фантаст (М.). — 2002. — # 6.
65. Лидин Александр. Творец иных миров // Вэнс Джек. Космическая опера: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.
66. Лукьяненко Сергей. Апостолы инструмента // Если (М.). — 2002. — # 12.
67. Лурье Самуил. D. и T. своею кровью.. // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 3.
68. Лурье Самуил. Не царям, Лемуил // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
69. Мазин Александр. Насущные проблемы автора коммерческой литературы // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 1.
70. Мазова Н. Крест на горе, или Разведслужба Господа Бога // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
71. Назаренко Михаил. ...Из множества красок // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Эмма и Сфинкс. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
72. Найденков Игорь. Аромат необычайной странности // Если (М.). — 2002. — # 1.
73. Некрасов Сергей. Поколение мечты // Если (М.). — 2002. — # 7.
74. Нестеров Вадим. Житие автора в сети, или Как жаль, что нет Алектриона // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
75. Обручевы В. и Ю. От короля до дракона: Путеводитель по переводной фэнтези // Звездная дорога. — 2002. — # 9.
76. Панченко Г. Каталог монстров. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
77. Первушина Елена. Конфликт семьи и школы в утопии // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 2.
78. Переслегин Сергей. Классический детектив, как квант межтеневого взаимодействия // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 4.
79. Переслегин Сергей. Синдром Гэндальфа-Сикорски: проклятье власти в контексте истории // Полдень, XXI век (СПб.). — 2002. — # 1.
80. Петухова Е., Черный И. Творчество Г. Л. Олди (методическое пособие). — Харьков: Национальный Университет Внутренних Дел МВД Украины, 2002.
81. Пителимов Сергей. Море волнуется раз... // Если (М.). — 2002. — # 6.
82. Прашкевич Геннадий. Малый бедкер по НФ, или Повесть о многих превосходных вещах // Если (М.). — 2002. — # 3, 4, 5, 12.

83. Пузий Владимир. Выход за ограду (размышления зрителя) // Олди Генри Лайон. Ваш выход. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
84. Рассоха И. Апокалипсис по-украински и по-русски // Порог. — 2001. — # 10.
85. Ройфе Августа. Новая классификация фантастики // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002.
86. Романецкий Николай. Романтизм безграничной этики // Пенгборн Эдгар. Зеркало для наблюдателей: Авторский сборник. — М.: АСТ, 2002.
87. Рыбаков Вячеслав. Клеветникам Ордуса, или Кому и почему мерещится фашизм в эпосе ван Зайчика // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
88. Северова (Качмазова) Наталья. Критика цинизма // Лит. Россия (М.). — 2002. — 18 янв.
89. Столяров Андрей. Время вне времени // Октябрь (М.). — 2002. — # 3.
90. Столяров Андрей. О счастливых людях // Шефнер Вадим. Девушка у обрыва: Антология. — М.: АСТ. СПб.: Terra Fantastica, 2002. — (Классика отечественной фантастики).
91. Стругацкий Б. Комментарии к пройденному // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений. Тома 1 — 11, Донецк: Сталкер, 2000-2001.
92. Филиппов Л. От звезд — к терновому венку // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений. Том 11, Донецк: Сталкер, 2001.
93. Хаецкая Елена. Возможна ли христианская fantasy? // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 4.
94. Харитонов Евгений. Атаманша // Если (М.). — 2002. — # 4.
95. Харитонов Евгений. Журнальная лихорадка // Если (М.). — 2002. — # 2.
96. Харитонов. Цикл статей о фантастической музыке в журнале «Если», 2002.
97. Черный Игорь. Ex ungue leonem: Обзор русских фантастических романов, вышедших в 2001 году // Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.
98. Черный Игорь. Ragum nova gum. Новые звезды на небосклоне российской фантастики // Звездная дорога (Красногорск). — 2002. — # 5-6 // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.
99. Черный Игорь. Восточный диван Андрея Белянина, или Детектив наизнанку // А. Белянин. Багдадский вор. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.

100. Черный Игорь. Ибо веселие есть Руси пити... // Шелонин Олег, Баженов Виктор. Операция «У Лукоморья...». — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.

101. Черный Игорь. К вопросу о внутрижанровой типологии русского историко-фантастического романа // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002 // Секунда после полуночи. — М.: «Мануфактура», 2002.

102. Черный Игорь. Об Ольге Елисеевой и ее книгах // О. Елисеева. Сокол на запястье. — М.: АСТ, 2002.

103. Черный Игорь. Повелители «джиннов» // В. Головачев. Война с джиннами. — М.: ЭКСМО, 2002.

104. Шестаков Вячеслав. Генри Фюзели: дневные мечты и ночные кошмары. — М.: Прогресс-Традиция, 2002.

105. Шмалько Андрей. А за что нас любить? Отчетный доклад к некруглому юбилею // Питерbook плюс (СПб.). — 2002. — # 10.

106. Шмалько Андрей. Фэндом, фэны, фэнье // «Роскон 2002»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2002 // Фэндом, фэны, фэнье: Очень грустный доклад. — Фантастика 2002: Вып. 2. — М.: АСТ, 2002.

107. Яковенко Роман. Мылодрама в сливном бачке // Порог (Кировоград). — 2002. — # 4.

Детская и подростковая фантастика: (Премия «Алиса»)

1. Арматынская О. Половинный человек. — М.: Колобок и Два Жирафа, 2002.

2. Артамонова Елена. Ведьмины качели. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

3. Артамонова Елена. Ключ от царства мрака. — М.: ЭКСМО, 2002.

4. Артамонова Елена. Талисман богини тьмы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

5. Белогоров Александр. Ученик чернокнижника. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

6. Белянин Андрей. Багдадский вор. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.

7. Большакова Ольга. Кефирный джин // Пионерская правда (М.). — 2002. — 8 февр. (# 5).

8. Булычев Кир. Наездники. — М.: Армада: «Издательство Альфа-книга», 2002.

9. Вийра Юрий. Пятёрка по географии // Пионерская правда (М.). — 2002. — 1 янв. (# 2).
10. Влодавец Леонид. Жуть подводная. — М.: ЭКСМО, 2002.
11. Влодавец Леонид. Колдовская вода. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
12. Влодавец Леонид. Тринадцатый час ночи. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
13. Волознев Игорь. Подарок горбатой ведьмы // И. Волознев. Подарок горбатой ведьмы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
14. Волознев Игорь. Те, кто приходят в полночь // И. Волознев. Подарок горбатой ведьмы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
15. Георгиев С. Король Уго II — победитель драконов. — М.: Дрофа, 2002.
16. Георгиев С. Драконы среди нас. — М.: Дрофа, 2002.
17. Головачева В. Повелитель мутантов. — М.: ЭКСМО, 2002.
18. Головачева В. Прозрачный гость. — М.: ЭКСМО, 2002.
19. Головачева В. Фантом является ночью. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
20. Головачева В. Человек с душою зверя. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
21. Головачева В. Шар черного мага. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
22. Гордиенко Галина. Волчьи ягоды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
23. Гремячкин Юрий. О тетке Наркоте и Нехочухе-второкласснике: сказочная пьеса // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2002. — # 1, 4.
24. Григорьева Н. Волшебные сказки. — М.: Московведение. Московские учебники, 2002.
25. Дегтярева В. Муза села на варенье. — М.: Колобок и Два Жирафа, 2002.
26. Дзюба О. Приключение маленького волчонка. — М.: АСТ; Астрель, 2002.
27. Емец Дмитрий. Военная хитрость // Пионерская правда (М.). — 2002. — 15 февр. (# 6).
28. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и Исчезающий Этаж. — М.: ЭКСМО, 2002.
29. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и магический контрабас. — М.: ЭКСМО, 2002.
30. Жвалевский Андрей, Мытько Игорь. Порри Гаттер и Каменный Философ. — М.: Время, 2002.
31. Крюкова Тамара. Заклятие гномов. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2002.
32. Крюкова Тамара. Маг на два часа. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2002.

33. Крюкова Тамара. Чудеса не понарошку. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2002.
34. Крюкова Тамара. Ровно в полночь по картонным часам. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2002.
35. Крюкова Тамара. Блестящая калоша с правой ноги. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2002.
36. Кузнецова Наталия. Гром над красной могилой. — М.: ЭКСМО, 2002.
37. Лаврова Светлана. Пираты настольного моря. — М.: Дрофа, 2002.
38. Лаврова Светлана. Отстаньте от людоеда. — М.: Дрофа, 2002.
39. Москвина М. Блохнесское чудовище. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
40. Саломатов Андрей. Черный камень: Сказка о лесе. — М.: Дрофа, 2002.
41. Скобелева Татьяна. Сказки о принцессах. — М.: Хронос-Пресс, 2002.
42. Сухинов Сергей. Древняя книга оборотня. — М.: ЭКСМО, 2002.
43. Урманов Рамиль. Дремучее королевство. — Уфа: Китап, 2002.
44. Чапаева Елена. Тайна формулы ужаса. — М.: Книги «Искателя», 2002.
45. Шубина Татьяна. Поединок во мраке. — М.: Вече, 2002.
46. Янышев Ренат. Мой сосед — инопланетянин. — М.: ЭКСМО, 2002.

Содержание

Повести

Виталий Каплан. И взошли сорняки	7
Владимир Гусев. Записки сервера	110
Михаил Вайнштейн. Астральный синдром (фантастический детектив)	167
Игорь Борисенко. Псы войны	239
Павел Амнуэль. Институт безумных изобретений. (Из цикла «Странные приключения Ионы Шекета»)	295

Рассказы

Владимир Михайлов. Отработавший инструмент отправляют в переплавку	365
Олег Дивов. Вредная профессия	402
Леонид Каганов. Итак, хоминоиды	424
Ярослав Смирнов. Дер роте Раумкаммпфлигер	442
Александр Тюрин. Дело чести	466
Александр Тюрин. Гигабайтная битва	489
Алексей Калугин. Поделись со мной своей печалью	495
Валентин Леженда. Дело кота Баюна	505
Ирина Маракуева. Похождения стажера Подаренного	518
Екатерина Некрасова. Соло белой вороны	561
Галина Полынская. Письма о конце света	582
Борис Зеленский. Черные мысли о бренности сущего хороши тем, что имеют обыкновение прекращать генерироваться, как только устраняется угроза генератору	599
Юлий Буркин. День, как день. Шизафрень	617

Критика

Андрей Шмально. Памятник, или Три элегии о Борисе Штерне	645
Евгений Харитонов. Апокрифы зазеркалья. (Записные книжки архивариуса)	661
Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын. Диалоги при полной луне. (Обзор фантастики 2002 года)	693

Опыт библиографии

Библиография к сборнику «Фантастика-2003/1»	723

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2003. Выпуск 1

Повести, рассказы

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин

Компьютерная верстка: В.А. Смехов

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

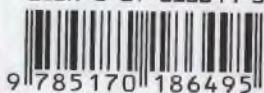
ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 5-17-018649-5

9 785170 186495

Перед вами очередной выпуск альманаха «Фантастика».

Два десятка повестей и рассказов, в которых представлены все направления жанра.

Патриарх отечественной фантастики Владимир Михайлов и лидеры новой волны Олег Дивов и Леонид Каганов.

Новички — Ярослав Смирнов, Галина Польшинская, Игорь Борисенко и признанные мастера Павел Амнуэль, Александр Тюрин, Юлий Буркин.

Фантастика приключенческая и юмористическая, научная и ненаучная абсолютно...

А также критические статьи и библиография всей отечественной фантастики, вышедшей в 2002 году.

Читайте!